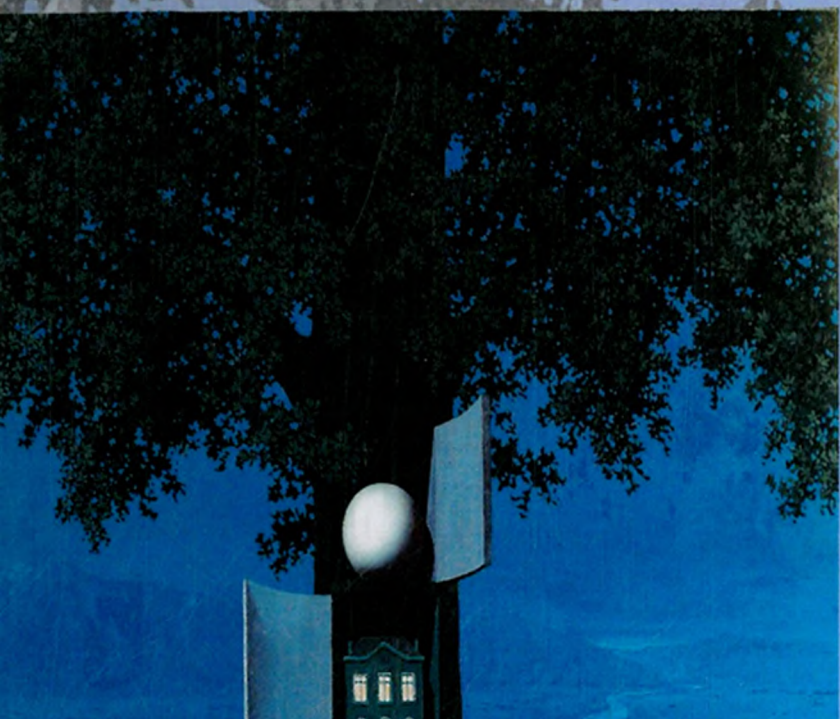


*Анатолий Баранов*



ДЕСКРИПТОРНАЯ  
ТЕОРИЯ  
МЕТАФОРЫ



PHILOGICA

STUDIA PHILOLOGICA



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В.ВИНОГРАДОВА

*А. Н. Баранов*

---

ДЕСКРИПТОРНАЯ  
ТЕОРИЯ МЕТАФОРЫ



ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ  
МОСКВА 2014

УДК 80/81

ББК 81

Б 24



Издание осуществлено при финансовой поддержке  
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)  
проект № 14-04-16020

Рецензенты:

д-р филол. наук, профессор *Л. П. Крысин*

д-р филол. наук *Анна А. Зализняк*

*Рекомендовано к печати Ученым советом  
Института русского языка им. В. В. Виноградова*

**Баранов А. Н.**

Б 24    **Дескрипторная теория метафоры.** — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 632 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9905856-7-6 — (Habent sua fata libelli).

В книге излагаются положения дескрипторной теории метафоры, в основе которой лежит когнитивная теория процессов метафоризации. Метафора описывается как совокупность двух типов дескрипторов: сигнификативных и денотативных. Исследование частоты использования дескрипторов указанных типов позволяет создавать модели функционирования метафоры в дискурсе. Основная направленность дескрипторной теории заключается в том, чтобы создать формализованный аппарат для описания и инвентаризации метафор отдельных дискурсов или их замкнутых фрагментов. При этом широко используются компьютерные методы обработки языковых данных.

В книге описывается как концептуальный аппарат дескрипторной теории метафоры, так и примеры его реального использования в области политической лингвистики и при изучении метафоры ограниченных по объему дискурсов. В частности, приводятся примеры применения вводимого инструментария для описания понятий коррупции, бизнеса и власти. Отдельная часть книги посвящена проекту по сравнительному описанию русской (период перестройки) и немецкой (эпоха объединения ГДР и ФРГ — Wende Periode) политической метафоры. В качестве примера исследования метафоры ограниченных по объему дискурсов приводится анализ метафор Евангелий и художественных текстов А. Платонова. В приложении даются примеры нескольких важных статей словаря политических метафор, не вошедших в ранее опубликованные словари.

УДК 80/81

ББК 81

*В оформлении переплета использована картина  
Рене Магритта «Голос крови» (1947 г.)*

ISBN 978-5-9905856-7-6

© А. Н. Баранов, 2014

© Языки славянской культуры, 2014

## ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение: теория или технология? .....	11
--	----

### **ЧАСТЬ I. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АППАРАТ ДЕСКРИПТОРНОЙ ТЕОРИИ МЕТАФОРЫ**

<b>Глава 1. ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ МЕТАЯЗЫКА ДЕСКРИПТОРНОЙ ТЕОРИИ МЕТАФОРЫ</b> .....	27
1.1. Метаязык в лингвистическом исследовании .....	27
1.2. «Метафорическая модель» и когнитивная теория метафоры .....	29
1.3. Количественные характеристики метафорической модели .....	43
1.4. Типы метафорических моделей и их сочетаний .....	48
1.5. Понятие дискурсивной практики и его распространение на сферу метафоры .....	54
<b>Глава 2. СОЧЕТАЕМОСТЬ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ</b> .....	63
2.1. Стилистические «изыски» политического дискурса как лингвистическая проблема .....	63
2.2. Сочетаемость М-моделей: элементы формальной типологии .....	66
2.3. Сочетаемость М-модели механизма с другими М-моделями .....	72
2.4. Сочетаемость М-моделей и проблема конвенциональности метафор .....	83
2.5. Заключение .....	90
<b>Глава 3. «ВОСКРЕШЕНИЕ» МЕТАФОРЫ В СВЕТЕ ДЕСКРИПТОРНОЙ ТЕОРИИ</b> .....	93
3.1. Постановка проблемы .....	93
3.2. Еще раз о понятии метафорической модели .....	94

3.3. Метафорические модели политического дискурса .....	97
3.4. Языковые способы оживления метафоры .....	98

## **ЧАСТЬ II. МЕТАФОРА КАК ИНСТРУМЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА**

<b>Глава 4. «БОЛЬШОЙ БИЗНЕС И ВЛАСТЬ» В МЕТАФОРИЧЕСКИХ ОСМЫСЛЕНИЯХ</b> .....	109
4.1. Тема «Большой бизнес и власть» в структуре политического дискурса: динамика и интенсивность обсуждения .....	109
4.2. Речевые проявления кризисности политической ситуации .....	111
4.3. Типы метафорических моделей в дискурсе темы «Большой бизнес и власть» .....	118
4.4. Количественные характеристики метафорических моделей .....	138
<b>Глава 5. РОССИЙСКАЯ КОРРУПЦИЯ КАК ЯЗЫКОВОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ (I)</b> .....	155
5.1. Метафора как инструмент исследования общественного сознания и политического мышления .....	155
5.2. Организация и проведение эксперимента .....	158
5.3. Количественная оценка метафорических моделей в экспертном корпусе .....	161
5.4. Связь частоты с темой интервью в экспертном корпусе .....	166
5.5. Количественная оценка метафорических моделей в фоновом корпусе в сравнении с экспертным корпусом .....	170
5.6. Заключение .....	174
<b>Глава 6. РОССИЙСКАЯ КОРРУПЦИЯ КАК ЯЗЫКОВОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ (II)</b> .....	176
6.1. Метафоры как коллективное «языковое бессознательное» .....	176
6.2. История эксперимента .....	177
6.3. Состав метафорических моделей и частота их использования в Экспертном корпусе 2 .....	178
6.4. Основные смыслы, высвечиваемые метафорами в Экспертном корпусе 2 .....	182
6.5. Конstellации метафорических моделей в осмыслении коррупции .....	194

6.6. Метафорические модели в осмыслении коррупции: сравнение Экспертного корпуса 1 и Экспертного корпуса 2 . . . . .	199
6.7. Конstellации метафор первого и второго Экспертных корпусов в сопоставлении . . . . .	206
6.8. Заключение . . . . .	212

## **Глава 7. ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ КАК ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ КРИЗИСНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ . . . . .**

7.1. Политическая лингвистика и политические метафоры . . . . .	214
7.2. Метафоры в политическом дискурсе: эксперимент Х. де Ландсхер . . . . .	216
7.3. Политические метафоры как показатели кризиса 17 августа 1998 г. . . . .	218
7.4. Результаты эксперимента . . . . .	225
7.5. Метафоры в дискурсе о свободе СМИ . . . . .	233
7.6. Вместо заключения . . . . .	234

## **ЧАСТЬ III. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИКИ**

<b>Введение. ПРОЕКТ ПО СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИКИ . . . . .</b>	<b>243</b>
--	------------

## **Глава 8. ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ КОРПУСА ПРИМЕРОВ УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕТАФОР . . . . .**

8.1. Постановка задачи . . . . .	246
8.2. Критерии оценки репрезентативности корпуса данных . . . . .	247
8.3. Организация эксперимента по оценке репрезентативности . . . . .	250
8.4. Результаты эксперимента . . . . .	251
8.4.1. Метафорическая модель Musik — Музыка . . . . .	251
8.4.2. Метафорическая модель Weg — Путь . . . . .	254
8.4.3. Метафорическая модель Theater — Театр <sub>1</sub> . . . . .	256
8.4.4. Метафорическая модель Krankheit — Болезнь . . . . .	257
8.4.5. Метафорическая модель Sport — Спорт . . . . .	259
8.5. Заключение . . . . .	261

<b>Глава 9. ОСОБЕННОСТИ КОДИРОВАНИЯ КОНТЕКСТОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТАФОР В «БИЛЕФЕЛЬДСКОМ» ПРОЕКТЕ</b> .....	262
<b>Глава 10. СХЕМА ОПИСАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ</b> .....	269
10.1. Формальные характеристики М-модели .....	269
10.2. Содержательные характеристики М-модели .....	272
10.3. Сравнение русского и немецкого материала .....	273
<b>Глава 11. ОБЩАЯ СТРУКТУРА МЕТАФОРИКИ РУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ</b> ....	274
11.1. Методика общего описания метафорических моделей русского и немецкого политического дискурса .....	274
11.2. Метафорическая структура русского политического дискурса .....	277
11.3. Метафорические структуры русского и немецкого политического дискурса в сопоставлении .....	316
<b>Глава 12. М-МОДЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ</b> .....	319
12.1. Формальные характеристики М-модели ЛИТЕРАТУРА .....	319
12.2. Содержательные характеристики М-модели ЛИТЕРАТУРЫ ....	321
12.3. Сравнение русского и немецкого материала .....	332
<b>Глава 13. М-МОДЕЛЬ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ</b> .....	335
13.1. Формальные характеристики М-модели РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ .....	335
13.2. Содержательные характеристики М-модели РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ .....	336
13.3. Сравнение русского и немецкого материала .....	349
<b>Глава 14. М-МОДЕЛЬ МЕХАНИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ</b> .....	351
14.1. Формальные характеристики М-модели МЕХАНИЗМА .....	351
14.2. Содержательные характеристики М-модели МЕХАНИЗМА ....	352
14.3. Сравнение русского и немецкого материала .....	367



<b>Глава 15. М-МОДЕЛЬ ФЛОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ</b> .....	369
15.1. Формальные характеристики М-модели флоры .....	369
15.2. Содержательные характеристики М-модели флоры .....	369
15.3. Сравнение русского и немецкого материала .....	375
<b>Глава 16. М-МОДЕЛЬ ФАУНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ</b> .....	377
16.1. Введение .....	377
16.2. Формальные характеристики М-модели фауны .....	377
16.3. Содержательные характеристики М-модели фауны .....	380
16.4. Сравнение русского и немецкого материала .....	399
<b>Глава 17. МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЯ РОССИИ И ГДР</b> .....	402
17.1. Метафора и стереотип .....	402
17.2. Метафорические осмысления России .....	402
17.3. Метафорические осмысления ГДР .....	411
17.4. Россия — ГДР: Метафорические осмысления в сопоставлении .....	418
<b>Глава 18. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРИКА: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)</b> .....	421

#### **ЧАСТЬ IV. МЕТАФОРИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ «ЗАМКНУТЫХ» ДИСКУРСОВ**

<b>Глава 19. СИСТЕМА МЕТАФОР ЕВАНГЕЛЬСКИХ ТЕКСТОВ В КАТЕГОРИЯХ ДЕСКРИПТОРНОЙ ТЕОРИИ МЕТАФОРЫ</b> .....	429
19.1. Постановка задачи .....	429
19.2. Экстралингвистические проблемы интерпретации метафор Библии .....	431
19.3. Инструментарий исследования .....	434
19.4. Технология сбора материала .....	435
19.5. Общая структура метафорических моделей Евангелий .....	436
19.6. Основные смыслы, высвечиваемые метафорами Евангелий .....	440

19.6.1. Метафора РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА	441
19.6.2. Метафора СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА	442
19.6.3. Метафора РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ	445
19.6.4. Метафора ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА	447
19.6.5. Метафора ПИЩИ	449
19.6.6. Метафора ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	451
19.6.7. Метафора ФАУНЫ	451
19.6.8. Метафора СТРОИТЕЛЬСТВА	453
19.6.9. Метафора СВЕТА-ТЬМЫ	456
19.6.10. Метафора ПРОСТРАНСТВА	456
19.6.11. Метафора ПУТИ-ДОРОГИ	457
19.6.12. Метафора ОРГАНИЗМА	457
19.6.13. Низкочастотные М-модели (война, преступный мир, персонификация)	457
19.7. Смыслы, «кодируемые» метафорами в Евангелиях	460
19.8. Количественные характеристики метафорических моделей текстов Евангелий	464

## **Глава 20. МЕТАФОРЫ А. ПЛАТОНОВА: СТРАТЕГИИ ПЕРСОНИФИКАЦИИ МИРА И ДЕПЕРСОНИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА**

20.1. Язык произведений А. Платонова в лингвистических исследованиях	477
20.2. Система метафорических моделей романов «Счастливая Москва» и «Чевенгур»: общий взгляд	478
20.3. Семантические функции метафор и кластеров метафор в текстах романов «Чевенгур» и «Счастливая Москва»	484
20.4. От метафор к понятийным константам	497
<b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</b>	502
<b>ЛИТЕРАТУРА</b>	505
<b>ПРИЛОЖЕНИЕ</b>	513
1. Метафорическая модель ЛИТЕРАТУРЫ	513
2. Метафорическая модель ФАУНЫ	547
3. Метафорическая модель флоры (РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО)	589
<b>ИНДЕКС</b>	617
<b>СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ</b>	625

## ВВЕДЕНИЕ: ТЕОРИЯ ИЛИ ТЕХНОЛОГИЯ?

Метафора как феномен художественной литературы (прежде всего поэзии), языка и культуры никогда не была обделена вниманием ученых и деятелей искусства. Разумеется, были и пики интереса. Один из них приходится на 60—70 гг. XX века. Тогда кто-то из историографов теории метафоры писал, что если число студентов, изучающих метафору, будет увеличиваться в такой же прогрессии, то к началу XXI века их количество превзойдет количество людей. К счастью, этого не случилось, но опасность остается.

Интерес к метафоре в 60—70 годы был обусловлен в первую очередь сменой парадигмы исследований, «когнитивным переворотом» [Паршин 1996]. С точки зрения когнитивной парадигмы метафора прямо связана с мышлением и оказывает непосредственное влияние на восприятие действительности. В концентрированном виде эта идея была сформулирована в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем», опубликованной на языке оригинала в 1980 г. Она вышла как раз на пике интереса к метафоре и могла затеряться в огромном потоке научной литературы, как это происходит с большинством публикаций по этой проблематике. Однако с книгой Дж. Лакоффа и М. Джонсона этого не произошло<sup>1</sup>. Эта работа легла в основу когнитивной теории метафоры, основные положения которой в явном виде были сформулированы несколько позже. Специалистами по когнитивной лингвистике она была признана библией когнитивного подхода к метафоре — своеобразным аналогом соссюрковского «Курса общей лингвистики» для когнитивизма лингвистического извода.

Основной тезис когнитивной теории метафоры сводится к следующей идее: в основе процессов метафоризации лежат процедуры

---

<sup>1</sup> См, например, следующие отклики тех лет на книгу Дж. Лакоффа и М. Джонсона: [Black 1981; Booth 1983; Nuessel 1982; Smith 1982; Wagner 1982].

обработки структур знаний, которые на одном из метаязыков когнитивной науки описываются в категориях фреймов и сценариев. Знания, фиксированные в когнитивной системе человека в виде фреймов и сценариев, представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром — как с миром объектов, так и с социумом. Особую роль играет опыт непосредственного взаимодействия с материальным миром, отражающийся на языковом уровне, в частности в виде онтологических метафор.

Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний — когнитивной структуры источника (source domain) и когнитивной структуры цели (target domain). В процессе метафоризации — метафорической проекции (metaphorical mapping) — происходит когнитивное отображение (cognitive mapping) структуры источника в структуру цели, причем структура источника частично воспроизводится в структуре цели. Следы метафорической проекции обнаруживаются на уровне семантики предложения и текста в виде метафорических следствий. Так, например, во фразе *Великий садовник революции как учил? Надо начинать трясти ту капиталистическую яблоню, на которой созрели яблоки* представлено несколько метафорических проекций: **МАРКС** [цель] — это **САДОВНИК** [источник]; **КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА** — это **ЯБЛОНЯ**; **РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВИТИЯ** — это **ПЛОДЫ ЯБЛОНИ**<sup>2</sup>; **КОНЕЧНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ** — это **СОЗРЕВАНИЕ ПЛОДОВ ЯБЛОНИ**. Наконец, можно даже усмотреть проекцию **Трясение яблони** — это **революция**. Каждая из этих проекций (по отдельности или в различных комбинациях) реализует в контексте разные метафорические следствия. Так, идея неизбежности следует из метафоры созревания яблок как естественного процесса и семантически поддерживается и развивается метафорическими проекциями **КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА** — это **ЯБЛОНЯ**; **РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВИТИЯ** — это **ПЛОДЫ ЯБЛОНИ**. Одновременно усиливается идея авторитета К. Маркса, поскольку садовник лучше знает, что делать с растениями в саду,

---

<sup>2</sup> Метафорическое осмысление плодов как результатов политической деятельности вполне типично для политического дискурса, в том числе и эпохи перестройки: *Я думаю, что мы еще не все и не всё осмыслили, какие плоды будем пожинать от перестройки*. Мостовой П. И. Первый съезд народных депутатов; *Плоды перестройки во всех сферах* — экономике, внешней политике, национальных отношениях, демократизации, создании правового государства — подаются исключительно как негативные. Лапидус Г. Литературная газета, 26.12.1990.

а мнение сада вообще не принимается во внимание. Действительно, каким образом сад может дискутировать с садовником? Кроме того, садовник во многом следует природным процессам. Коммуникативное выделение смыслов, сопровождающее использование метафор и проявляющееся на уровне предложения и текста в виде семантических следствий, называется *профилированием*. В приведенном примере профилируются идеи неизбежности и необходимости действий, а также бесспорного подчинения авторитету. Каждый из профилируемых смыслов может использоваться как аргумент — часто имплицитный — в аргументации и речевом воздействии.

Укажу еще ряд важных категорий когнитивной теории, которые более подробно обсуждаются в первой и второй главах книги. Когнитивная функция метафоры проявляется в том, что область источника — это чаще всего более конкретное знание, а область цели — менее конкретное. В этом смысле метафорическая проекция *одна на правлена*. Утверждение об однонаправленности метафорической проекции вызвало серьезную дискуссию. Действительно, использование метафоры фауны при метафорическом осмыслении А. Проханова как соловья (*Давняя привязанность Проханова к этой категории населения хорошо известна, недаром его в народе ласково кличут соловьем Генштаба*. Литературная газета, 05.06.91) вряд ли можно рассматривать как интерпретацию абстрактного в терминах более конкретного. Скорее наоборот: более конкретное (конкретный политик) осмысляется как птица, которой в обыденном сознании приписываются некоторые характеристики (свойства), типичные и для обсуждаемого лица.

Важно понимать, что контрпримеры данного типа по сути не противоречат основной идее. Все-таки подавляющая часть метафорической системы, ее ядро образовано метафорами, которые соответствуют тезису «однонаправленности», и это отвечает одной из важнейших функций метафоры — функции получения нового знания.

Область источника в когнитивной теории метафоры представляет собой обобщение опыта практической жизни человека в мире. Знания в области источника организованы в виде *схем образов* (image schemas) — относительно простых когнитивных структур, постоянно воспроизводящихся в процессе физического взаимодействия человека с действительностью [Lakoff 1987: 267]. К схемам образов относятся, например, такие категории, как «вместилище», «путь», «баланс», «верх — низ», «передняя сторона — задняя сторона», «часть — целое». Эти категории обсуждаются и в данной книге.

Некоторые соответствия между областью источника и областью цели регулярно воспроизводятся в дискурсе, а также становятся основой тропических преобразований значения. Многие из них получают отражение в культурной традиции данного общества. Такие устойчивые метафорические проекции получили название концептуальных метафор. Для европейской культуры это, например, метафорические проекции время — это деньги, спор — это война, жизнь — это история, любовь — это путешествие и др. Концептуальные метафоры могут образовывать когерентные концептуальные структуры более глобального содержания — когнитивные модели, которые являются уже чисто психологическими и когнитивными категориями, напоминающими по свойствам гештальты когнитивной психологии.

Когнитивная теория метафоры развивается в настоящее время в различных направлениях. Одно из них — это дескрипторная теория метафоры, развиваемая автором на протяжении двадцати лет. Последняя представляет собой попытку формализации когнитивной теории метафоры для формализованного (вряд ли формального в точном смысле) описания большого корпуса контекстов использования метафор, то есть для исследования метафорики дискурса в целом, а не отдельных изолированных примеров. В этом смысле дескрипторная теория оказывается удобной технологией исследования метафорики дискурса.

Более подробно положения дескрипторной теории метафоры обсуждаются ниже в книге — см. в первую очередь главы 1 и 2. Здесь пока достаточно отметить, что в дескрипторной теории метафора описывается как множество кортежей сигнификативных и денотативных дескрипторов, представляющих, соответственно, область источника и область цели метафорической проекции. Так, метафора социалистическая курица в контексте *А эти полумеры напоминают пока втыкание буржуазных перышек в тело социалистической курицы с желанием, чтобы они прижились*. Латшов Б. М. Первый съезд народных депутатов на языке дескрипторной теории метафоры представляется в виде двухэлементного множества следующего типа: {<курица, фауна>, <социализм; система<sup>3</sup>>}. Первые два дескриптора — «курица» и «фауна» — являются сигнификативными, а вторые два — «социализм», «система» — денотативными. Подмножества сигнификативных и денотативных дескрипторов упорядочены по степени абстракт-

---

<sup>3</sup> В противопоставлении социализму как идеологии.

ности. Использование метаязыка сигнификативных и денотативных дескрипторов позволяет единообразно описывать контексты употребления метафор и обрабатывать их с помощью компьютерных программ — баз данных. В этом проявляется технологический аспект дескрипторной теории.

Множества сигнификативных дескрипторов, объединенные общей темой, формируют метафорические модели (М-модели). Например, сигнификативные дескрипторы, относящиеся к животным, образуют М-модель фауны; дескрипторы, тематически связанные с литературой («роман», «повесть», «примечание», «глава») и литературными персонажами («всадник без головы», «граф Монте-Кристо», «дон Кихот», «зицпредседатель Фунт», «Чичиков»), формируют М-модель литературы и т. д. Каждая М-модель может быть описана иерархически упорядоченными деревьями сигнификативных дескрипторов. Определение состава М-моделей конкретного дискурса является важнейшей задачей описания метафорики. Количественный состав М-моделей в ограниченном дискурсе существенно варьирует. Так, в русском политическом дискурсе эпохи перестройки используется около пятидесяти частотных М-моделей (см. подробнее главы 8—19).

Следует отметить, что предложенное понимание метафорической модели отличается от принятого в когнитивной теории метафоры, в которой метафорическая модель интерпретируется как пара сущностей — соответствие между элементами источника и элементами цели. Иными словами, метафорическая модель в когнитивной теории — это метафорическая проекция, описанная на определенной степени абстракции (обобщенности). Принятое в дескрипторной теории метафоры словоупотребление отражает языковой аспект функционирования метафоры. Метафорической моделью в этом случае оказываются однородные области источника — однородные с точки зрения опыта человека и семантики. В этом смысле М-модель в дескрипторной теории метафоры — это языковая метафорическая модель. В когнитивной теории метафорическая модель в большей степени привязана к речи.

Язык дескрипторов и деревьев дескрипторов метафорических моделей, разрабатываемый в дескрипторной теории метафоры, позволяет количественно оценивать М-модели с точки зрения их функционирования в дискурсе и делать выводы об их значимости с точки зрения дискурсивных практик и влияния на осмысление действитель-

ности. Например, можно определить, насколько «когнитивно нагруженными» являются сигнификативные дескрипторы М-модели: чем больше различных реалий описываются сигнификативными дескрипторами, то есть чем больше ее денотативное разнообразие, тем больше потенциал М-модели в данном типе дискурса. Так, применительно к политическому дискурсу эпохи перестройки денотативное разнообразие М-модели фауны — 1,3269, М-модели родственных отношений — 2, а М-модели механизма — 1,904. Это означает, что в политическом дискурсе эпохи перестройки один сигнификативный дескриптор М-моделей механизма и родственных отношений в среднем использовался для описания двух различных реалий политической и экономической жизни, а в М-модели фауны — фактически только для метафорического осмысления одного явления. Иными словами, М-модели механизма и родственных отношений обладают большим потенциалом в метафорической интерпретации политических реалий, чем М-модель фауны. Количественные оценки метафорических моделей широко используются при анализе метафорики конкретных типов дискурсов в третьей части книги.

Совокупность М-моделей, использующихся в дискурсе, образуют метафорику этого дискурса. Часть из этих М-моделей типична для данного дискурса, формирует его как таковой, как специфический и отличающийся от других типов дискурсов. Такие М-модели относятся к дискурсивным практикам. Таким образом, говоря об исследовании метафорики некоторого дискурса, мы должны выявить, во-первых, использующиеся там метафорические модели и, во-вторых, установить, какие из них являются дискурсивными практиками в рамках данного дискурса.

Концептуальное развитие когнитивной теории метафоры в 70-е гг. XX в. опережало накопление языкового материала. Однако уже с конца 70 гг. начинается ощутимый рост исследований, в которых создаются значительные корпуса примеров употребления метафор. Так, для немецкого языка здесь следует упомянуть монографию Вольфа-Андреаса Либберта «Области метафор в обыденном общении на немецком языке» [Liebert 1992]; в которой на солидном языковом материале показаны основные метафорические концепты и типичные метафоризируемые сущности (элементы области цели, в дескрипторной теории метафоры — денотативные дескрипторы). Так, концепт *Vertikalität* 'вертикальность' проецируется в немецком обыденном дискурсе на такие категории, как *Preis* 'цена', *Temperatur* 'температура',



Zinsen ‘проценты по банковским вкладам’ [Liebert 1992: 197]. Анализ полученных результатов на достаточно большом корпусе примеров позволяет составить общую картину использования метафор в дискурсе. В 1999—2001 гг. в университете г. Билефельд (Германия) была создана база данных по политической метафоре эпохи объединения Германии — порядка 9 000 контекстов (см. подробнее третью часть книги).

Продолжалось накопление материала по метафорике и для английского языка. На сайте Дж. Лакоффа в университете Беркли опубликовано порядка 400 примеров использования метафор в английском языке, классифицированных по разным параметрам — в том числе по области источника ([cogsci.berkeley.edu/lakoff/metaphors/](http://cogsci.berkeley.edu/lakoff/metaphors/)).

Для русского языка был собран весьма репрезентативный материал по политической метафорике и по поэтическим метафорам. Сбор политических метафор основывался на методологии (технологии) инвентаризации метафор, разработанной в дескрипторной теории метафоры. Существует база данных по русской политической метафоре эпохи перестройки, включающая порядка 9 000 контекстов употребления. Эта база данных легла в основу словаря политических метафор, вышедшего двумя изданиями в 1991 и 1994 гг. [Баранов, Караулов 1991; 1994]. В дальнейшем эта база данных использовалась в российско-немецком проекте сопоставления политических метафор эпохи перестройки и периода объединения ГДР и ФРГ (*die Wende*), результаты которого подробно обсуждаются в третьей части этой книги.

Контексты использования метафор в русской поэзии собраны в обширном двухтомном словаре Н. В. Павлович [Павлович 1999], также основанном на репрезентативной базе данных, составлявшейся исследовательницей в течение почти четверти века. Новый словарный проект по описанию метафорики русской художественной прозы реализуется в Институте русского языка РАН [Кожевникова, Петрова 2010].

В целом можно констатировать, что инвентаризация метафорики дискурсов различных типов в различных языках предполагает, во-первых, сбор представительного корпуса контекстов употребления метафор, во-вторых, описание типичных метафорических моделей в смысле дескрипторной теории метафоры, в-третьих, выявление концептуальных метафор дискурса (в качестве формального параметра для этого может использоваться параметр стабильности денотативных отображений — см. ниже) и, наконец, в-четвертых, определение набора M-моделей и концептуальных метафор как дискурсивных практик,

формирующих данный дискурс как таковой. Предложенная стратегия описания метафоричности реализуется в примерах, разбираемых ниже во второй, третьей и четвертой частях книги.

Инвентаризация метафоричности привела к появлению множества осмыслений, интерпретаций особенностей употребления метафор в различных типах дискурсов — часто публицистического толка. В англоязычной традиции такие работы вписываются в традицию «критики языка» (*critical study of language*) [Fairclough 1995]. Парадигмальным образцом анализа такого рода можно считать работу Дж. Лакоффа об использовании метафор в американской прессе во время «войны в заливе» [Lakoff 1991]. С точки зрения идеологической (в широком смысле) направленности метафор исследовался в постперестроечный период и российский политический дискурс. Так, роли метафоры персонификации в перестроечном дискурсе посвящено исследование автора данной книги и Е. К. Казакевич [Баранов, Казакевич 1991]. В ряде работ обсуждаются метафорические осмысления категорий «идеологии», «национальной идеи», «коррупции»<sup>4</sup>. В исследованиях А. П. Чудинова показан широкий спектр метафорических моделей современного русского политического дискурса с публицистическим осмыслением причин широкого использования тех или иных метафор [Чудинов 2001; 2003].

Инвентаризация метафоричности дискурса, будучи важным этапом научного описания метафор в реальном употреблении, в настоящее время широко развивается. Очевидный социальный заказ (понимаемый отнюдь не в вульгарном смысле этого слова) стимулирует и исследования воздействующей, идеологической функции метафоры. Это позволяет рассматривать анализ метафоричности политического дискурса как один из базовых методов исследования политической лингвистики.

Поскольку основу процессов метафоризации образуют процедуры обработки структур знаний, то метафора в первую очередь оказывается когнитивным феноменом, влияющим на мышление человека. Как пишут в своей книге Дж. Лакофф и М. Джонсон, «метафоры по сути своей являются феноменами, обеспечивающими понимание» [Лакофф, Джонсон 2004: 208]. Этот исходный тезис когнитивной теории метафоры не был, однако, удовлетворительным образом подтвержден экспериментально. Очевидность тезиса, быть может, и была

---

<sup>4</sup> См. [Баранов и др. 1997а; 1997б; Баранов 2004б], см. также материалы второй части данной книги.

бы достаточным условием признания его истинности в эмпирическом подходе к явлениям языка, однако с объективистских позиций правдоподобная гипотеза так бы и оставалась гипотезой, если бы не ряд исследований, проведенных за последние десять лет.

Одно из проявлений тезиса о когнитивной функции метафоры — это предположение о том, что метафора влияет на процесс принятия решений. Согласно современным представлениям, процесс принятия решений включает следующие основные этапы: 1) осознание проблемной ситуации; 2) выявление альтернатив разрешения проблемной ситуации; 3) оценка альтернатив; 4) выбор альтернативы (собственно принятие решения). Метафора так или иначе может влиять на любой из этапов принятия решений, но она особенно важна при формировании множества альтернатив разрешения проблемной ситуации.

Высказывались гипотезы о связи метафор с кризисным состоянием сознания, с проблемной ситуацией и с поиском решений проблемы. На это прямо указывает когнитивная теория метафоры, согласно которой метафорическое осмысление действительности позволяет сформировать множество альтернатив разрешения проблемной ситуации. Лапидарно эту идею можно было бы иллюстрировать следующим образом. В начале перестройки в публицистике и речах политиков различного калибра широко использовался такой прием построения статьи или выступления, который позволял сравнивать начавшиеся преобразования в СССР как движение корабля по морю, как полет самолета в воздухе (типа *Самолет взлетел, но не знает, куда сесть / где посадочная площадка*), с перестройкой строения (дома, сарая — *Дядя Миша перестраивал сарай*) и т. п. Понятно, что при интерпретации процесса перестройки как движения транспортного средства в сферу внимания попадают (или «профилируются») такие следствия из метафоры, как выбор курса / направления движения, скорость передвижения, состав команды корабля, летчики самолета. При этом выводится из рассмотрения возможность изменения самого транспортного средства, его модификации. Следствия последнего типа, наоборот, характерны для метафоры перестройки как строения. Иными словами, выбор метафорической модели навязывает, формирует набор альтернатив разрешения проблемной ситуации. Не случайно, что в заключительный период перестройки последняя понимается в совершенно иных категориях — как сель, неведомое растение, буря, шторм и т. п. Выбор альтернатив в ситуации стихийных бедствий или выращивания неизвестного растения неве-

лик. В этом можно видеть когнитивное проявление усталости общества от реформ.

Следующий шаг рассуждения таков: если метафора влияет на процесс принятия решений в проблемных ситуациях, то количество метафор должно возрастать в периоды общественно-политических и экономических кризисов. К. де Ландтсхеер провела исследование использования политической метафоры в голландском политическом дискурсе за период с 1831 по 1981 гг. [Christ'1 de Landtsheer 1991]. В результате удалось показать, что при коррекции абсолютной частоты употребления метафор параметрами, учитывающими тип метафорической модели и новизну метафоры, результирующая кривая частоты употребления метафор коррелирует с периодами кризисов.

Другой эксперимент проводился на материале русского политического дискурса (точнее дискурса СМИ) в период августовского кризиса 1998 г. На объеме выборки в 750 000 словоупотреблений за период с июня по сентябрь 1998 г. параметр относительной частоты употребления метафор, откорректированный по степени новизны метафоры, ощутимо возрастал во время пика кризиса 15—21 сентября. Более подробно этот эксперимент излагается в главе 7 данной книги.

Эти эксперименты показали, что гипотеза о влиянии политических метафор на процесс принятия решений справедлива. Интуитивное представление о высокой частоте употребления политических метафор, например, в период перестройки вполне объяснимо, так как именно в период кризисов необходим интенсивный поиск разрешения проблем, который стимулируется использованием метафоры.

Подтверждение гипотезы о связи метафоры с «кризисным» мышлением, в свою очередь, подтверждает и исходный тезис когнитивной теории метафоры о влиянии метафор на мышление человека.

Еще одно важное направление изучения метафоры в рамках когнитивной теории метафоры касается возможностей взаимного сочетания метафор. Здесь рассматриваются два основных случая — метафоры могут быть согласованными друг с другом (*coherent*), а могут быть совместимыми друг с другом (*consistent*) [Лакофф, Джонсон 2004]. Согласование — это соотнесенность метафор с более общим концептом, а совместимость — способность сформировать общий образ. Например, метафоры путешествие на машине, путешествие на поезде и путешествие по морю несовместимы, поскольку не формируют общего образа. При этом они оказываются согласованными, поскольку относятся к более общему концепту путешествия. С другой

стороны, в контекстах типа *Мы просто должны идти каждый своей дорогой* одновременно реализуется метафора движения и метафора пути, которые вместе образуют единый образ. В этом случае речь идет о совместимости метафор.

Изучение согласованности метафор относится к парадигматике и определяет вхождение метафоры в метафорическую модель. Исследование условий совместимости касается синтактики метафор и представляет собой очень важное направление исследований, которое, в частности, дает значимую информацию о способности человека сочетать различные области источников и тем самым данные различных сфер человеческого опыта. Эта проблема подробно обсуждается ниже, в главе 2. В ней показано, что контексты одновременной реализации нескольких метафор разделяются на два основных класса — примеры «когнитивно-семантической» сочетаемости и «онтологической сочетаемости». Когнитивно-семантическая сочетаемость реализуется в тех случаях, когда между двумя М-моделями, точнее между стоящими за ними фреймами, устанавливаются семантические связи на уровне следствий. Так, в контексте *Экономические «проекты века» эпохи перестройки проваливались один за другим <...> «Отцы» же оставались у руля* метафора родственных отношений совместима с метафорой руля: они легко образуют единый образ — «отцы управляют транспортным средством с помощью руля». Онтологическая сочетаемость не мотивируется семантически (с помощью метафорических следствий). В лучшем случае она может быть объяснена устройством мира. Так, примеры онтологической сочетаемости М-моделей персонификации и механизма («Знаю, знаю», — *бурчала машина* или *учет интересов рыночного механизма*) реально представлены в дискурсе и, в принципе, также образуют единый образ. Однако семантически его мотивировать невозможно. При этом известно, что первые механизмы создавались по образцу и подобию людей, они моделировали те или иные функции человека — способность передвигаться, делать какую-то работу (пусть простую и однообразную), исполнять музыкальные произведения (например, шарманки являются весьма сложно устроенными механизмами). Возможно, именно это и мотивирует возможность таких сочетаний метафорических моделей.

Метафора, будучи феноменом мышления и проявлением интеллектуальной способности человека, привлекла внимание специалистов по созданию систем искусственного интеллекта (ИИ). Некоторые

компьютерные модели метафоры основаны на том, что черты сходства, на которых строится метафорическая проекция — это реальные характеристики сущностей (объектов реального или воображаемого мира), которые не зависят от человека и могут быть верифицируемы. Такой подход в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004] назван объективистским взглядом на метафору. В этом случае моделирование порождения метафор сводится, во-первых, к фиксации черт сходства сущностей в модели мира (в частности, в словаре системы ИИ) и, во-вторых, к процедуре установления сходства между различными сущностями, что и позволяет порождать метафоры. На таких принципах основана, например, интеллектуальная модель Патрика Уинстона «Transfer Frame system», изначально предназначенная для порождения рассуждений по аналогии [Winston 1982]. Система способна на основе характеристик сходства, имеющихся у нее в модели мира, порождать предложения типа *Robbie is like a fox* в значении 'Робби умен'.

При другом теоретическом подходе к метафоре — субъективистском, утверждающем, что представления человека о мире уникальны, а черты сходства могут возникать в конкретной ситуации и их невозможно предсказать заранее — другими оказываются и базовые принципы построения программ ИИ. Действительно, программы, в которых черты сходства заданы изначально, не в состоянии порождать креативные, новые метафоры. Сторонники эмпиризма — третьего важнейшего подхода к метафоре (который, кстати, отстаивается в целом ряде исследований Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Лакофф, Джонсон 2004]) — во многом разделяют положения субъективизма, однако идут еще дальше, относя индивидуальное в метафоре к специфическим особенностям опыта взаимодействия человека с объектами окружающего мира. Иными словами, новые метафоры возникают на основе специфического индивидуального опыта.

Стремясь решить эту проблему, специалисты по ИИ идут различными путями. Так, Д. Румельхарт и Д. Хоббс исходят из того, что метафорическая интерпретация языкового выражения не отличается существенным образом от множества различных интерпретаций и реинтерпретаций предложений типа *Полицейский поднял руку и остановил машину*, обеспечивающих его понимание<sup>5</sup>. Для понимания этой

---

<sup>5</sup> См. подробнее [Rumelhart 1980; Rumelhart, McClelland 1986]. Несколько другой подход Хоббса к процессам метафоризации представлен в [Hobbs 1992].

фразы в полной мере требуется множество знаний о полиции, полицейских, правилах движения на дорогах, водителях и т. д. Системе ИИ, моделирующей понимание текста, не нужен специальный блок интерпретации метафор. Они должны пониматься как любые другие идиоматические выражения. Тем самым снимается проблема понимания новых метафор. Впрочем, не вполне ясно, как в этом случае должны выглядеть правила порождения новых метафор.

Аналогичный взгляд на проблему компьютерного моделирования метафоры демонстрирует Карбонелл. В его системе текст интерпретируется специальными правилами понимания идиоматических выражений (в том числе и метафор) лишь в том случае, если буквальное понимание оказывается неприемлемым [Carbonell 1982].

В целом следует констатировать, что в области моделирования метафоры системами искусственного интеллекта ни один из философских подходов не победил окончательно и бесповоротно. К настоящему времени объективистский подход к метафоре и к рассуждению по аналогии в ИИ представляется более продуктивным. Впрочем, использование новых способов представления знаний — в частности инструментария коннекционизма — позволяет не только фиксировать имеющиеся характеристики сходства между сущностями, но и порождать новые в конкретных проблемных ситуациях<sup>6</sup>.

\* \* \*

В данной книге обсуждается большинство из заявленных проблем современной теории метафоры и ее практических приложений. Исключение составляет, пожалуй, сфера моделирования метафоры в системах искусственного интеллекта. Основная цель книги — показать инструментарий дескрипторной теории метафоры и возможности его применения в различных областях прикладной и теоретической лингвистики.

Как уже было сказано выше, дескрипторная теория метафоры возникла как попытка приложения категорий когнитивной теории к значительному по объему языковому материалу — к дискурсу. Однако, как это часто бывает, способ, а точнее, методология использования теоретического аппарата одной теории становится, в свою

---

<sup>6</sup> См. обсуждение ряда теорий когнитивного отображения между структурами знаний при установлении аналогии, а также при понимании и порождении метафор в [Veale et al. 1995].

**очередь, основанием для новой теории.** Ф. Ницше в связи с похожей ситуацией писал: «Наше XIX столетие характеризует не победа науки, а победа научного метода над наукой» [Nietzsche 1906: 466]<sup>7</sup>. Век XX в этом отношении продолжил традиции века XIX, а век XXI уже **заменяет методологию технологией.** Примат методологии, явно выраженный в познавательных установках позитивизма и неопозитивизма, лежал в основе возникновения теории фреймов. Попытка формализации гештальтов, структур знаний, отвечающих за осознание человеком проблемной ситуации и принятие решений, привела к созданию аппарата фреймов — формального способа (по сути — метода) представления знаний в системах распознавания образов [Минский 1978]. Однако оказалось, что этот способ представления столь удобен и продуктивен (**технологичен**), что дает возможность построения разнообразных гипотез и моделей интеллектуального поведения человека, причем эти теоретические «надстройки» оказываются уже весьма слабо связанными с исходной теорией гештальтов. По этому пути идет и дескрипторная теория метафоры, тесно связанная с когнитивной теорией (как формальная система с ее семантической интерпретацией). **Цель данной книги — показать потенциал метаязыка сигнификативных и денотативных дескрипторов как основы категориального аппарата новой теории — дескрипторной теории метафоры, рассматриваемой как методология (и соответственно технология) описания метафорики целого дискурса.**

Главы данной книги разделены на четыре части. В первой части излагается концептуальный аппарат и метаязык дескрипторной теории метафоры. Во второй — обсуждаются некоторые результаты использования концептуального аппарата дескрипторной теории для мониторинга политического дискурса. В третьей части рассматриваются результаты русской части сопоставительного исследования русской и немецкой политической метафорики в университете г. Билефельд (Германия). Четвертая часть посвящена исследованию системы метафор так называемых «замкнутых» дискурсов, то есть дискурсов, представленных ограниченным количеством текстов. Как приложение и иллюстрация метафорики дискурсов, ставших объектом исследования, в конце книги помещены словарные статьи метафор литературы, фауны и флоры (растение-дерево), которые не вошли в словари политических метафор [Баранов, Караулов 1991; 1994].

<sup>7</sup> Цитируется по работе [Звегинцев 1968: 19].



**ЧАСТЬ I**  
**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АППАРАТ**  
**ДЕСКРИПТОРНОЙ ТЕОРИИ**  
**МЕТАФОРЫ**





# Глава 1. ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ МЕТАЯЗЫКА ДЕСКРИПТОРНОЙ ТЕОРИИ МЕТАФОРЫ

## 1.1. Метаязык в лингвистическом исследовании

Метаязык в широком смысле — это система знаков, которая используется для описания (интерпретации) некоторого феномена — другой знаковой системы, абстрактной сущности, артефакта или природного образования<sup>1</sup>. Цель использования метаязыка заключается в том, чтобы проанализировать феномен, классифицировав его по разным основаниям, выявив его положение в ряду аналогичных сущностей. Классификация некоторой сущности (объекта, абстрактной категории) по определенным параметрам представляет собой сравнительно простой вариант метаязыка с минимальным синтаксисом. В результате применения метаязыка возникает концептуальная модель, которая позволяет изучать феномен, оперируя представлением о нем, а не им самим. Наличие концептуальной модели феномена дает возможность онтологизировать его, то есть ввести соответствующий концепт в модель мира и согласовать его с имеющимися там представлениями. Отсюда следует, что метаязык представляет собой важнейший инструмент анализа и создания концептуальной модели объекта исследования.

В лингвистике и логике метаязык противопоставляется объективному языку, который описывается в терминах метаязыка. Во внутренней форме термина «метаязык» фиксировано именно это понимание категории метаязыка, которое несколько сужено по сравнению с естественнонаучным, приближенным к понятию моделирования. Таким образом, в лингвистике в качестве объекта описания, исследования выступает язык или связанная с ним другая семиотическая система. Согласно известному тезису Романа Jakobson, сущность любого лингвистического исследования заключается в замене знаков одной семиотической системы знаками другой системы [Jakobson 1966]. Иными словами, Jakobson сводил всю деятельность лингвиста к опе-

---

<sup>1</sup> В последнем случае о метаязыке можно говорить с известной долей условности, поскольку отсутствует «объектный язык», описываемый средствами метаязыка — см. ниже.

рированию метаязыка. В лингвистических исследованиях результат описания языкового материала во многом определяется выбором метаязыка, с помощью которого представляются исследуемые данные, что в целом отвечает исходным постулатам неопозитивизма, внесшему существенный вклад в разработку научной методологии естественных и социальных наук.

Забегая вперед, сразу скажем, что используемый в дескрипторной теории метафоры метаязык для описания метафор (в частности метафор русского и немецкого политического дискурса — см. ниже) представляет собой совокупность дескрипторов, описывающих область источника и область цели метафоры (в других терминах — «topic vs. vehicle», по Э. Ортони [Ortony 1979]; «главный vs. вспомогательные субъекты», по М. Блэку [Black 1962]). Иными словами, для описания метафоры предлагается дескрипторная модель, обсуждаемая более подробно ниже. Основная задача сформулированного метаязыка (и дескрипторной модели метафоры) заключается в том, чтобы обеспечить описание большого массива языкового материала — метафор, дать возможность представить его в формате базы данных и обрабатывать собранную информацию в автоматическом режиме для получения статистики об употреблении метафор различных типов в дискурсе. Такая технология инвентаризации системы метафор применима к материалу самых разнообразных языков, что обеспечивает возможность ее использования в семантической типологии.

Обращение к терминам «область источника» (source domain) и «область цели» (target domain) указывает на то, что в основе предлагаемого метаязыка описания лежит когнитивная теория метафоры, разрабатывавшаяся в 80—90 гг. XX в. Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Поскольку метаязык этой теории используется в литературе по-разному, а некоторые важные категории не получили ясного определения, то ниже по необходимости кратко излагаются основные понятия когнитивной теории метафоры и их модификации, на которых основывается дескрипторная теория и которые используются в данной книге. Основное внимание уделяется базовому для дескрипторной теории понятию — категории «метафорической модели» (М-модели). Понятие метафорической модели было де-факто введено ранее в [Баранов 1991а; Баранов, Караулов 1991], однако не обсуждалось там с необходимой степенью подробности.

Еще одно важное понятие — «метафорика». Термин «метафорика» не имеет до сих пор даже приблизительного определения и понима-

ется совершенно по-разному в различных исследованиях. Возникает впечатление, что метафорика чаще всего по умолчанию интерпретируется как нечто вроде совокупности, множества метафор, однако какова степень абстрактности метафор, объединяемых данным термином, как осуществляется абстрагирование — совершенно неясно. Идет ли речь о концептуальных метафорах в духе Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980; русский перевод — Лакофф, Джонсон 2004], о парадигмах образов в понимании Н. В. Павлович [Павлович 1995; 1999], о символических категориях в метафорах — все это по большей части остается непонятным<sup>2</sup>. Можно, однако, предложить некоторое понимание этой категории, опираясь на дескрипторную теорию метафоры, которое вполне соответствует традиционному употреблению термина «метафорика» в существующей литературе по метафоре. Это понятие опять-таки опирается на категорию метафорической модели. Совокупность М-моделей, использующихся в данном дискурсе, образует **метафорику** данного дискурса. Часть из этих М-моделей типичны для данного дискурса, формируют его как таковой, как специфический и отличающийся от других типов дискурсов. Такие М-модели относятся к **дискурсивным практикам** (ниже — см. раздел 5 данной главы — эта категория обсуждается более подробно). Другие же метафорические модели случайны и не могут рассматриваться как характерная черта речевого поведения участников соответствующей коммуникации. Таким образом, говоря об исследовании метафорики некоторого дискурса, мы должны выявить, во-первых, использующиеся там метафорические модели и, во-вторых, установить, какие из них являются дискурсивными практиками.

## 1.2. «Метафорическая модель» и когнитивная теория метафоры

Основной тезис когнитивной теории метафоры можно свести к следующей идее: метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний — когнитивной структуры **источника** (source domain) и когнитивной структуры **цели** (target domain). В процессе метафоризации происходит **метафорическая проекция** (metaphori-

---

<sup>2</sup> См., например, характерную цитату: «Многие критики недифференцированно говорят о метафорике и символике в индивидуальном стиле того или иного поэта» [Арутюнова 1990: 23].

cal mapping), приводящая к тому, что некоторые области цели структурируются по образцу источника. Предположение о повторении структуры источника в структуре цели получило название **гипотезы инвариантности** (Invariance Hypothesis) (см., например, [Lakoff 1990: 54]). Следы метафорической проекции обнаруживаются на уровне семантики предложения и текста в виде метафорических следствий. Например, метафора Народ/общество [цель] — это стадо [источник] в примерах типа (1)<sup>3</sup> обращает внимание адресата на идею «несамостоятельности, пассивности», которая является частью когнитивной структуры (фрейма) «стада»: знания о мире говорят нам, что стадо животных (например, коров — как прототипический вариант для европейской культуры) управляется пастухом:

- (1) Анализ [экономики] основан на официальных и реальных материалах, и если в нем будут прорываться эмоции, то они вызваны отчаянием бессилия от того, что мы вновь, как в недавние времена, являемся лишь бессловесным стадом для экспериментальных губительных игр «верхов». («Молодая Гвардия», 01.12.1990)

Акцентирование внимания на отдельных свойствах источника в области цели, возникающее в процессе метафорического проецирования и проявляющееся на уровне предложения и текста в виде метафорических следствий, часто называют **профилированием** или **коммуникативным высвечиванием**. Иными словами, в примере (1) профилируется идея «несамостоятельности, пассивности».

Когнитивная теория метафоры пока не дает ясного ответа на вопрос о том, как, в сущности, происходит сам процесс взаимодействия когнитивной области источника и области цели в процессах метафоризации. Основная причина этого заключается в том, что не разработан общепринятый метаязык представления знаний для целей описания функционирования языка, не определен инвентарь формальных процедур преобразования знаний. Имеющиеся отдельные попытки в этом направлении (см., например, ряд работ автора и Д. О. Добровольского по формальному моделированию порождения актуального значения идиомы, связанного с метафорическими преобразованиями в [Baranov, Dobrovol'skij 1996; Баранов, Добровольский 2000]) не меняют общей картины. Подчеркнем, что основная проблема здесь даже не в том, как описать структуру фрейма и содержание соответ-

<sup>3</sup> Здесь и далее при необходимости нумерации примеры нумеруются по главам.

ствующих преобразований, а в том, как представлять семантическую информацию в компонентах структуры фрейма (соответственно, сценария или плана). Нет ощущения, что исследования данного типа затребованы в настоящее время в лексической и — шире — лингвистической семантике.

Области источника и области цели неэквивалентны не только в смысле направления метафоризации. Область источника — это более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью. Это «знание по знакомству», если пользоваться терминологией Б. Рассела [Russell 1997]. Сфера цели — менее ясное, менее конкретное, менее определенное знание, это, скорее, «знание по определению / описанию». Как пишет Дж. Лакофф, «Метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [Lakoff 1993: 245]. Эта идея была отражена в тезисе **об однонаправленности метафорической проекции**. В дальнейшем тезис об «однонаправленности», выдвинутый в когнитивной теории метафоры, вызвал множество критических откликов. И действительно, противоречащие примеры очевидны. Например, в русском политическом дискурсе концептуализация политика как члена семьи в метафоре родственных отношений вряд ли отвечает тезису об «однонаправленности», ср. (2):

- (2) «Я говорил, что съезд собрался для рассмотрения попытки государственного переворота, а закончится снятием председателя Верховного Совета». После этой короткой реплики мрачный председатель вернулся в президиум, где и просидел молча до позднего воскресного вечера. А съезд, взбунтовавшийся было против Р. И. Хасбулатова, проголосовавший за рассмотрение вопроса о его отзыве, обвинивший спикера в сговоре с президентом, осиротел. Как **непослушный ребенок, приревновавший мать** за разговоры с чужим дядей, он громко закричал: ты мне вообще не нужна! А когда **мать** со словами — ну хорошо: не нужна, так и не нужна — отошла в сторону, он забеспокоился. Напрасно Ю. М. Воронов, занявший место председателя, в поисках контакта делал все для того, чтобы вести себя безупречно. **Ребенок, капризно надувая губы, твердил — ты не моя мама.** («Сегодня», 30.03.1993)

Трудно считать в этой развернутой метафоре «Хасбулатова» (область цели) менее конкретной сущностью, чем метафору матери.

Кроме того, в политическом дискурсе обнаруживается значительное количество примеров метафоризации Ленина как батюшки, дедушки, Ельцина как одного из супругов и т. п.

В таких случаях следует говорить не столько о прояснении неясной целевой области с помощью ее структурирования, сколько об изменении уже имеющейся структуры области цели, о ее переструктурировании («рефрейминге», если пользоваться терминологией нейролингвистического программирования<sup>4</sup>). Новое знание возникает в данном случае благодаря профилированию некоторых свойств источника, не представленных или скрытых в области цели. Однако в целом следует признать верным, что ядро метафорической системы образуют метафоры, отвечающие сформулированному тезису «однаправленности». Собственно, этот тезис отражает одну из важнейших функций метафоры — когнитивную, или функцию получения нового знания.

Область источника в когнитивной теории метафоры представляет собой обобщение опыта практической жизни человека в мире. Знания в области источника организованы в виде **схем образов** (image schemas) — относительно простых когнитивных структур, постоянно воспроизводящихся в процессе физического взаимодействия человека с действительностью [Lakoff 1987: 267]. К схемам образов относятся, например, такие категории, как «вместилище», «путь», «баланс», «верх-низ», «передняя vs. задняя сторона», «часть-целое».

Устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества, получили название **концептуальных метафор**. К числу концептуальных метафор европейской культуры относятся, например, метафорические проекции **Время** — это деньги, **Спор** — это война, **Жизнь** — это путешествие и др. Концептуальные метафоры могут образовывать когерентные концептуальные структуры более глобального содержания — **когнитивные модели**, которые являются уже чисто психологическими и когнитивными категориями, напоминающими по свойствам гештальты когнитивной психологии.

В дескрипторной теории метафоры используется понятие «метафорической модели», не совпадающее по содержанию ни с одной из

---

<sup>4</sup> Заметим, что многие практики нейролингвистического программирования в отношении использования метафор основываются именно на способности метафор помогать в переосмыслении жизненного опыта человека [Gordon 1978; Гордон 1995].



упоминавшихся категорий когнитивной теории метафоры. Для того, чтобы пояснить его содержание, обратимся к формализованной модели процесса метафоризации, предложенной в [Баранов 1991а; Баранов, Караулов 1991; 1994] для словарного описания метафоры политического дискурса в рамках идеологии когнитивной лингвистики и когнитивной теории метафоры. *habent sua fata libelli*

С формальной точки зрения метафорическая проекция представляет собой **функцию отображения** элементов области источника в элементы области цели. Тем самым источник оказывается **областью отправления** функции отображения, а цель — **областью прибытия**. В результате формируется соответствие между источником и целью, стабильность которого в каждом конкретном случае сильно варьирует — от наименее стабильных творческих метафор до устойчивых «стертых» метафор, фиксированных в культурной традиции общества. Когда элементы области назначения хорошо структурированы, соответствие между элементами области отправления и области назначения метафорической функции отображения может быть взаимно-однозначным. Например, для метафорической проекции ХАСБУЛАТОВ — это мать, представленной в примере (2), функция отображения устанавливает соответствие между элементом области отправления мать и элементом области назначения «Хасбулатов». — (*Habent sua fata libelli*).

Отметим, что элементы областей отправления и назначения не ограничены по степени сложности. Если элементы сами по себе сложны, то однозначности в метафорической проекции не получается. Например, метафорическое выражение *война законов* предполагает проекцию элемента области отправления война на элемент области назначения «законодательская деятельность». И война и законодательская деятельность — это две концептуальные области довольно сложной структуры. Соответственно, для такого метафорического выражения в контексте обобщенного характера, трудно установить, между какими элементами внутри этих областей устанавливает соответствие метафорическая проекция. Так в примере *Правовое общество как раз и отличается тем, что в нем нет и быть не может ни власти одной идеи, ни господства одной структуры, ни войны законов* («Известия», 29.11.1990) не ясно, какие элементы области источника и области цели отождествляются в метафоре: Законодатели — это солдаты, Законы — это выстрелы, Утверждение закона — это атака, Взаимодействие между законами различных субъектов Федерации — это военная операция? Часто такие соответствия

даже противоречат друг другу. Например, Солдаты — это законы, законодатели или судьи?

Похожая проблема обнаруживается в следующем контексте: *Одна из этих сил <...> — пользуясь нерасторопностью, выморочностью и продажнойностью этих структур, обкрадывала их последние двадцать лет, <...> выпивала соки из корней нашего чахлого развития <...>* (Проханов А. «Наш Современник», 01.09.1990). Очевидно, что если «развитие» (видимо, «экономическое развитие») имеет «корни» и «соки» и квалифицируется как *чахлое*, то оно метафорически осмысливается как РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО. Однако чему в этом случае соответствуют «корни», остается непонятным. Парадоксальным образом слово *корни*, будучи метафорическим «триггером» и иницируя метафическое осмысление соответствующей фразы, само фактически сохраняет в обсуждаемом контексте одно из своих словарных значений «основа, начало чего-л.».

Эта неопределенность метафоры, ее когнитивное «мерцание» [Баранов 1991a] приводит к тому, что функция отображения для метафор со сложными элементами области отправления и/или области прибытия не дает однозначного набора значений. В основе когнитивного «мерцания» метафоры лежит фундаментальное свойство метафорических проекций: способность порождать недискретное дискретными языковыми знаками — номинациями сферы источника и сферы цели. Именно недискретность метафор создает множественные и в принципе неисчислимы следствия. Д. Дэвидсон в связи с этим замечает: «... то, что представляет нашему взору метафора, не ограничено и не пропозиционально. Когда мы задаемся целью сказать, что “означает” метафора, то вскоре понимаем, что перечислению не может быть конца». И далее у него же находим: «Между картиной и словом невозможен эквивалентный обмен» [Дэвидсон 1990: 191].

При компьютерном моделировании случаев обсуждаемого типа — проявлений недискретности метафоры — модель функции отображения должна практически одновременно устанавливать множество различных связей. Конечно, метафорические следствия в контексте часто позволяют прояснить, что имеет в виду говорящий, и тогда появляется возможность установления однозначного соответствия. В дескрипторной теории метафоры ситуация неопределенности, порождаемая эффектом мерцания метафоры, упрощается (оптимизируется): функция отображения в метафорах обсуждаемого типа устанавливает соответствие между именами соответствующих когнитив-

ных областей (дескрипторами — см. ниже) без учета того, являются ли эти соответствия более или менее вероятными, более или менее очевидными. Использование аппарата нечетких множеств могло бы передать эту неопределенность профилирования следствий, однако такая «надстройка» существенно усложнила бы метаязык дескрипторной теории и затруднила бы статистические оценки.

Возможен, однако, и другой тип случаев, когда взаимно-однозначного соответствия между элементами функции отображения нет в принципе. Если в метафорическом выражении реализуется несколько разных по тематике областей источника, то функция отображения, имея в качестве аргументов элементы двух различных областей отправления, соединяет их с одним элементом области назначения. Например, когда политик метафорически уподобляется Лисе Алисе (3), функция отображения устанавливает связь, во-первых, между элементом лиса области отправления животные (ФАУНА) и элементом области назначения «политик» и, во-вторых, между элементом лиса Алиса области отправления ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ (шире — ЛИТЕРАТУРА) и тем же элементом области назначения «политик»:

- (3) <...> десяток лет назад *лиса Алиса* обратила внимание Буратино на то, что предприятия в СССР в торговых операциях уже не употребляют денег, а меняют товар на товар, и предложила пресечь это безобразие. Буратино запретил продавать что-либо из того, что было куплено предприятиями, и стал строго за это наказывать. («Огонек», 29.10.1990, № 44)

Важно отметить, что примеры типа (3) могут интерпретироваться по-другому: если считать, что в контексте (3) отображение лиса(животные) → политик уже не ощущается как часть сложной метафоры (то есть метафора животного воспринимается лишь как диахронический феномен, на который накладывается метафора ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРСОНАЖА), то взаимно-однозначное соответствие сохраняется. Для описания таких случаев применима **ретроспективная модель метафоризации**, в которой диахронический аспект отражается с помощью вложенных кортежей. Для рассматриваемого случая это может выглядеть так: <литературный персонаж Лиса<лиса, человек> Алиса, ученый-экономист>.

Описание функции отображения требует определения ее аргументов — элементов области отправления и прибытия. В [Баранов 1991а; Баранов, Караулов 1991; 1994] в качестве аргументов этой

функции предлагается использовать язык семантических дескрипторов. Область отправления функции (или область источника метафорической проекции) описывается совокупностью «сигнификативных» дескрипторов. Сигнификативные дескрипторы представляют собой нормированное подмножество лексем русского языка, для которых запрещена полисемия и омонимия<sup>5</sup>, отсутствуют формы словоизменения. В структуре записи базы данных сигнификативным дескрипторам соответствует специальное поле (field). Каждой метафоре приписывается, как правило, несколько сигнификативных дескрипторов, упорядоченных по степени абстрактности — от более конкретного к более абстрактному. Дескрипторы могут отражать также отношения «род-вид» и «часть-целое», при этом упорядочивание происходит, от части к целому, от частного к общему. Например, метафорическому выражению *машина страха* в Базе<sup>6</sup> данных приписаны следующие сигнификативные дескрипторы — <машина<sub>1</sub><sup>7</sup>, механизм>, а метафорическому выражению *национальная квартира* — кортеж дескрипторов <квартира, части жилища, строение, строительство>. Тем самым, каждой метафоре в Базе данных сопоставлен кортеж сигнификативных дескрипторов. В Базе данных по русской метафорике эпохи перестройки все дескрипторы, кроме терминального (последнего в цепочке по степени абстрактности), получают также маркер «()», что позволяет давать оценку частоты употребления дескрипторов в разных функциях<sup>8</sup>, ср. описание метафоры *попытка догнать ушедший поезд* на языке сигнификативных дескрипторов: <движение, пространство()>, <поезд, транспортное средство(), транспорт()>. Два кортежа соответствуют здесь двум метафорам, которые представлены в обсуждаемом метафорическом выражении — ДВИЖЕНИЕ и ПОЕЗД. Дескрипторы «пространство()» и «транспортное средство()», «транспорт()» соответствуют именам более высоких таксонов понятийно-

<sup>5</sup> В последних версиях разработанного метаязыка, использованного, в частности, в проекте сравнительного описания русской и немецкой политической метафорике, практически устранена и синонимия.

<sup>6</sup> В тех случаях, когда имеется в виду конкретная база данных — например, База данных по политической метафорике — используется написание с прописной буквы.

<sup>7</sup> В противоположность дескриптору «машина<sub>2</sub>» в значении 'автомобиль'.

<sup>8</sup> То есть изучать различия в употреблении терминальных дескрипторов (конечных в дереве) и нетерминальных дескрипторов, стоящих над терминальными.

го дерева соответствующих областей источников — ПРОСТРАНСТВА И ТРАНСПОРТА.

В области прибытия функция отображения действует на «денотативных дескрипторах», описывающих (применительно к нашему материалу) сферу политических, экономических и социальных (в том числе и социально-психологических) реалий эпохи перестройки. Метафорическое выражение *машина страха* описывается в Базе данных кортежем денотативных дескрипторов <страх, чувство()>, а метафора *национальная квартира* — кортежем дескрипторов <союзная республика, СССР()>. Денотативные дескрипторы в базе данных по перестроечной метафорике также упорядочены по степени абстрактности, ср. кортеж денотативных дескрипторов для метафорического выражения *попытки догнать ушедший поезд*: <решение проблем, политическая ситуация(), политика()>.

Упорядоченность сигнификативных и денотативных дескрипторов в кортежах отражает парадигматический аспект метафоризации, что естественно для словарной инвентаризации данных. Иными словами, рассмотренные двухэлементные множества кортежей<sup>9</sup> вместе с функцией отображения представляют собой формализованную **парадигматическую модель метафорической проекции**. В обобщенном виде множества кортежей дескрипторов могут быть переоформлены в такой формальной объект, как таблица — что и сделано в словарях [Баранов, Караулов 1991; 1994], см. также приложение к данной книге со словарными статьями ЛИТЕРАТУРА, ФАУНА, ФЛОРА.

Синтагматически каждый акт отображения — цикл работы функции отображения — может описываться как одна пара, состоящая из сигнификативного и денотативного дескриптора: <сигнификативный дескриптор<sub>x</sub>, денотативный дескриптор<sub>y</sub>>. «Парадигматическая история» каждого из дескрипторов в этом случае скрыта, но может быть восстановлена при обращении к соответствующей структуре знаний. Для метафорического выражения *машина страха* цикл работы функции отображения описывается парой <машина<sub>1</sub>, страх>, а для метафорического выражения *национальная квартира* — кортежем дескрипторов <квартира, союзная республика>. Описанные пары <сигнификативный дескриптор<sub>x</sub>, денотативный дескриптор<sub>y</sub>> вместе с функцией отображения представляют собой формализованную

---

<sup>9</sup> Для комбинаций М-моделей множество может быть более, чем двухэлементным — см. ниже.

**синтагматическую модель метафоризации**, а множество таких пар относительно данной М-модели образует то, что можно назвать **реализациями М-модели в дискурсе**. В последующем в книге речь идет в основном о синтагматической модели.

Синтагматическая и парадигматическая модели метафоризации образуют **deskрипторную модель метафоры**, которая и является теоретической основой исследования политической метафорики в целом ряде проектов, которые с разной степенью полноты представлены в этой книге.

Тематически связанные поля сигнификативных deskрипторов и являются **метафорическими моделями** в понимании, принятом в данной работе. Например, сигнификативные deskрипторы, описывающие проблемную сферу военных действий, армии, образуют М-модель войны; deskрипторы, тематически связанные с родственными отношениями, формируют М-модель родственных отношений. По таким же основаниям выделяются М-модели персонификации, механизма, организма, пути-дороги (как части М-модели пространства), пространства (и движения как части М-модели пространства), погоды, фауны, растения-дерева, медицины, религии-мифологии, театра<sup>10</sup>, игры и др. Каждая М-модель описывается иерархически упорядоченными деревьями сигнификативных deskрипторов (такое представление М-моделей принято и в [Баранов, Караулов 1991; 1994]). В описании наиболее частотных метафор русского политического дискурса эпохи перестройки используется порядка пятидесяти наиболее частотных М-моделей. Такое же количество М-моделей выделено и в процессе описания немецкого политического дискурса периода объединения ГДР и ФРГ (период «die Wende» — см. часть III). Это, впрочем, нельзя рассматривать как свидетельство сходства метафорики немецкого и русского политического дискурса. В данном случае это, скорее, эмпирический факт, требующий особого изучения и объяснения.

М-модель организована как семантическое дерево сигнификативных deskрипторов, связи между которыми отражаются положением, которое занимает deskриптор в дереве, а также парадигматическими отсылками к другим деревьям (М-моделям). Так, метафорическая модель путь-дорога русского политического дискурса эпохи перестройки и соответствующая ей М-модель weg немецкого политиче-

<sup>10</sup> Индекс указывает на «театр как род искусства» в противопоставлении «театру как зданию».

ского дискурса периода объединения ГДР и ФРГ выглядит следующим образом<sup>11</sup>:

### ПУТЬ-ДОРОГА

#### *ХАРАКТЕРИСТИКИ МАРШРУТА*<sup>12</sup>

пункт отправления  
пункт назначения  
*возвращение*  
восхождение  
канва  
курс {→<sup>13</sup> ПРОСТРАНСТВО}

*маршрут*

направление

*прибытие*

*продвижение вперед*

#### *ВИДЫ ПУТИ-ДОРОГИ*

БАМ

бездорожье

дорога

железная дорога

скоростная магистраль

переправа

переулок

путь

тропинка

*протоптанная тропинка*

*тайная тропа*

улица

*федеральная дорога*

улица с односторонним движением

фарватер

#### *ЧАСТИ ПУТИ-ДОРОГИ*

зигзаг

### WEG

#### BEWEGUNG AUF DEM WEG

Abfahrtsort

Bestimmungsort

Rückkehr

Aufstieg

—

Kurs

Marschroute

Richtung

Ankommen

Vorangehen

#### ARTEN DER WEGE

—

unwegsames Gelände

Weg

Eisenbahn

Autobahn

—

Gasse

Bahn

Pfad

Trampelpfad

Schleichweg

Straße

Bundesstraße

Einbahnstraße

*Fahrwasser*

#### WEGABSCHNITTE

Zickzack

<sup>11</sup> Дерево дескрипторов дается с некоторыми сокращениями.

<sup>12</sup> Курсивом даны дескрипторы, которые выделены по логико-семантическим основаниям, но не использовались при описании метафоры политического дискурса — русского или немецкого.

<sup>13</sup> Парадигматическая отсылка к другой М-модели.

колдобина	Grube, Furche
колея	Fahrrinne, Radspur
<i>место поворота</i>	Wendepunkt
мостовая	Kopfsteinpflaster
начальная точка	Anlaufpunkt
обочина	Straßenrand
перевал	Paß
перекресток	Kreuzung
перепутье	Scheideweg
пересечение	Überschneidung
поворот	Wende
подъем	Anstieg
<i>придорожный столб/ вежа</i>	Meilenstein
развилка	—
распутье	Gabelung
рельсы	Schienen
рытвины	Schlaglöcher
светофор	Ampel
стрелка	Weiche
<i>положение стрелки</i>	Weichenstellung
точка в пути	Wegpunkt
тротуар	—
тупик	Sackgasse
ухабы	Unebenheiten
<i>часть пути, отрезок</i>	Strecke
шлагбаум	Schranke
<b>ЛЮДИ</b>	MENSCHEN
попутчики	Weggefährten
человек в пути	reisender Mensch
ведомый (кого ведут по пути)	Geführte
ведущий	Führende
<b>ПРОЦЕСС</b>	PROZESS
мостить	pflastern
<i>проложить, расчистить</i>	ebnen
завести в тупик	in die Sackgasse führen
<b>СВОЙСТВА ПУТИ</b>	WEGEIGENSCHAFTEN
<i>выровненный</i>	glattgemacht
крутой	steil
ложный	abwegig



проходимый	gangbar
тернистый	dornenreich
узкий	schmal
ухабистый	holprig

Сигнификативный дескриптор может одновременно входить в несколько деревьев М-моделей, что является аналогом связей между различными М-моделями. Например, дескриптор курс М-модели путь / дорога повторяется и в метафорической модели пространство; дескриптор несварение желудка одновременно попадает и в дерево М-модели пища и в дерево болезнь (медицина); дескриптор бактерия входит и в дерево болезнь (медицина) и в дерево фауна.

Из рассмотренных ранее категорий когнитивной теории метафоры наиболее близка по содержанию понятию «метафорической модели» категория «схемы образа» (image schema). Классические схемы образов «вместилище», «путь», «верх–низ», «передняя vs. задняя сторона» представляют собой части М-моделей движения и пространства в предлагаемом понимании. Итак, **первое различие** заключается в том, что схемы образов являются частями соответствующих М-моделей.

**Второе различие** касается способа представления рассматриваемых категорий как структур знаний. В литературе по метафорике отмечается, что схемы образов когнитивно связаны между собой — в том числе по метафорическим следствиям, но конкретный способ представления этих связей до сих пор не разработан. Между тем очевидно, что если схемы образов являются когнитивными структурами, то есть структурами организации знаний о мире, то им должен соответствовать какой-то единый способ представления. Для декларативных знаний наиболее естественный способ представления — тезаурусный. М-модели органично объединяют многие схемы образов в едином концептуальном поле — семантическом дереве. Например, схемы «верх–низ», «передняя сторона — задняя сторона» входят в М-модель пространства-движения. Отношения между схемами образов эксплицируются с помощью семантических отношений в дереве соответствующей М-модели. Некоторые М-модели, будучи частями более крупных М-моделей, выделяются в автономные образования. Это чаще всего связано с высокой частотой их употребления в дискурсе. Например, М-модель пути-дороги, хотя она и образует часть М-модели пространства-движения, разумно рассматривать отдельно (см. обоснование такого решения в главе 12). Очевидно, что схема

образа «путь» близка М-модели пути-дороги, однако схема образа неопределенна по способу представления знаний. В каждом конкретном случае она реализует те свои потенции, те свойства, которые необходимы для профилирования того или иного свойства в отдельно взятой метафорической проекции. М-модель пути-дороги, напротив, является обобщением использования в метафорических осмыслениях соответствующей области источника. Как структура знаний декларативного типа она включает такие иерархически упорядоченные компоненты (узлы дерева), как пункт отправления, пункт назначения; виды пути-дороги — бездорожье, магистраль, шоссе, железная дорога, переправа, переулочек, тропинка, улица; части пути-дороги — колдобина, мостовая, обочина, поворот, подъем, перекресток, развилка, ухабы и т. д. — см. приведенное выше дерево дескрипторов этой модели. В имеющейся практике использования схем образов они не прописываются столь подробно, как декларативные структуры знаний и не формируют цельной картины действительности в модели мира.

**Третье различие** касается относительной независимости схем образов. Из самой формулировки понятия схемы образа следует, что эти схемы независимы друг от друга и если и образуют группировки в «когнитивных моделях» (см. выше), то применительно к конкретным проблемным ситуациям. Метафорическая модель представляет собой более глобальную по содержанию структуру, связанную с другими М-моделями, что отражается и в выбранной форме ее представления — семантическом дереве тезаурусного типа. Практически каждая М-модель характеризуется широкими парадигматическими связями с другими М-моделями. Некоторые М-модели, как уже говорилось ранее, вообще являются частями более глобальных М-моделей. Так метафора путь-дорога входит как необходимая часть в М-модель пространства-движения; значительная часть дескрипторов М-модели преступный мир входит в М-модели персонификации (ср., например, выражения *демократия как валютная проститутка*, *время как вор* и пр.), строения (*тюрьма как строение*) и т. д.

**Четвертое различие** заключается в том, что М-модель в существенно большей степени связана с языковой формой представления знаний, чем схемы образов. Значительная часть когнитивной структуры схемы образа вообще может не вербализоваться, существуя в виде невербализованных и практически неосознаваемых навыков взаимодействия с окружающим миром. В противоположность схемам образов, метафорическая модель в рассматриваемом понимании

прямо связана с языковой категоризацией действительности. Иными словами, схема образа в определенном смысле «более когнитивна» и «менее лингвистична», чем М-модель. В силу сказанного категория М-модели в большей степени подходит для словарного описания метафорики, позволяя фиксировать, так сказать, «языковую, регулярную» часть метафорических процессов. В силу названных причин использование понятия М-модели более эффективно и для описания метафорической структуры дискурса.

Имеется и еще одно — **пятое** — различие между схемами образов и понятием М-модели. Схема образа как когнитивная структура возникает исключительно на основе физического взаимодействия человека с окружающим миром, это опыт человеческого тела, но не социальный опыт. Другая формулировка противоречила бы тезису об односторонности метафорической проекции (см. выше). Однако, хотя ядро метафорической системы и образуют метафоры, образованные на основе тезиса об «односторонности», огромное количество метафорических выражений ему противоречит. Такие М-модели, как литература, медицина, религия-мифология, театр, игра по определению выпадают из ряда схем образов, хотя соответствующие метафоры очень даже используются в политическом языке и других типах дискурса. Это еще одна причина, по которой введение категории М-модели в рассматриваемом понимании необходимо для описания метафорики дискурса.

### **1.3. Количественные характеристики метафорической модели**

Фокусирование внимания на регулярной составляющей метафорических процессов, возможное благодаря категории М-модели, позволяет охарактеризовать ряд важных свойств метафор в дискурсе, которые ранее не обсуждались в научной литературе. Согласно положениям дескрипторной теории метафоры, в процессе метафоризации между сигнификативными дескрипторами М-модели и денотативными дескрипторами области цели устанавливаются множественные отображения, характеризующие особенности употребления М-модели в данном типе дискурса.

Характер отображения можно охарактеризовать количественно. Так, один из параметров М-модели дает информацию о том, насколько «когнитивно нагруженными» оказываются сигнификативные дескрипторы М-модели. Чем больше сущностей области цели опи-

сывает М-модель, тем больше ее потенциал в осмыслении явлений соответствующей проблемной области. Этот параметр можно назвать **денотативным разнообразием** М-модели (**Д-разнообразием**). Д-разнообразию можно дать количественную оценку, выявляя, сколько приходится в среднем на один сигнификативный дескриптор уникальных денотативных дескрипторов в множестве отображений (реализаций) М-модели в дискурсе. При этом количество вхождений одного и того же дескриптора учитывать не следует. Например, по нашим данным<sup>14</sup>, Д-разнообразие М-модели фауны в политическом дискурсе эпохи перестройки — 1,3269, М-модели родственных отношений — 2, а М-модели механизма — 1,904. Это означает, что в политическом дискурсе эпохи перестройки один сигнификативный дескриптор М-моделей механизма и родственных отношений в среднем использовался для описания двух различных реалий политической и экономической жизни, а в М-модели фауны — фактически только для метафорического осмысления одного явления. Иными словами, М-модели механизма и родственных отношений обладают большим потенциалом в метафорической интерпретации политических реалий, чем М-модель фауны. Следует подчеркнуть, что это Д-разнообразие не обязательно связано с частотой употребления М-модели (хотя в данном случае абсолютная и относительная частота употребления М-модели механизма превосходит аналогичные значения М-модели фауны). В сущности параметр Д-разнообразия представляет собой важнейшую характеристику метафорической модели как таковой.

Если избрать обратный путь исследования дискурса — от цели к источнику — и характеризовать деревья денотативных дескрипторов с той точки зрения, насколько разнообразно метафорически осмысляются те или иные фрагменты политической и экономической реальности, то можно ввести в некотором смысле противоположный параметр — **сигнификативное разнообразие** целевой области (**С-разнообразие**), определяемое как отношение числа различных

<sup>14</sup> Здесь и далее статистическая информация дается по Базе данных по политической метафорике эпохи перестройки, созданной в отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН. Работа над базой данных велась в рамках нескольких научных проектов. Последний из них — российско-немецкий проект по сравнительному изучению русской и немецкой политической метафорике эпохи перестройки и периода *die Wende* (объединение ГДР и ФРГ) «*Interkulturelle Analyse der Struktur kollektiver Vorstellungswelten*» (см. подробнее ниже Часть 3 данной книги).

денотативных дескрипторов в данной целевой области к числу различных сигнификативных. Заметим, что в «Словаре поэтических образов» Н. В. Павлович лексикографически описывается именно сигнификативное разнообразие разных сущностей области цели [Павлович 1995; 1999].

Следует подчеркнуть, что оценка Д- и С-разнообразия требует создания непротиворечивого метаязыка сигнификативных и денотативных дескрипторов.

Еще один важный параметр, характеризующий М-модель с точки зрения ее отображений в область цели, это **стабильность денотативных отображений М-модели (Д-стабильность М-модели)**. Одним из центральных объектов изучения в когнитивной теории метафоры являются концептуальные метафоры, которые определяют способы осмысления человеком действительности в данной культуре. В предлагаемой модели метафоризации концептуальные метафоры представляют собой регулярно воспроизводящиеся в рамках М-модели пары отображений <сигнификативный дескриптор<sub>н</sub>, денотативный дескриптор<sub>м</sub>>. Чем больше таких стабильных или хотя бы достаточно регулярных пар в проекциях М-модели, тем больше ее Д-стабильность. Кроме всего прочего, параметр стабильности денотативных отображений важен при решении вопроса об отнесении М-модели к дискурсивным практикам данного дискурса. Метафорические модели с большей Д-стабильностью с большой вероятностью формируют соответствующие дискурсивные практики (см. подробнее ниже).

Для количественной оценки Д-стабильности можно использовать отношение количества неодинокных (повторяющихся) пар отображений вида <сигнификативный дескриптор<sub>н</sub>, денотативный дескриптор<sub>м</sub>> к общему количеству всех пар отображений — одиночных и неодинокных — обнаруженных во множестве проекций данной М-модели в дискурсе. В этом случае оценка Д-стабильности М-модели будет иметь вид дроби: чем больше значение этой дроби, тем выше Д-стабильность. Если одиночных пар отображений для данной М-модели в материале не обнаруживается в принципе, то количественная оценка Д-стабильности будет равна единице — это максимально возможная величина Д-стабильности для данной М-модели.

Если говорить о М-моделях механизма, родственных отношений и фауны, то количественная оценка Д-стабильности для них оказывается весьма различающейся. Для М-модели механизма она равна 0,544, для М-модели родственных отношений — 0,6805 а для М-модели фау-

ны — 0,2972. Это означает, что метафорические модели механизма и родственных отношений содержат значительно больше стабильных (повторяющихся) проекций, чем М-модель фауны. И действительно, М-модель механизма характеризуется целым рядом устойчивых проекций, приближающихся к концептуальным метафорам. К ним относятся, в частности, Власть — это руль, Власть — это рычаг / рычаги, Власть — это штурвал, Демократия — это механизм, Рынок — это механизм, Общественное мнение — это маятник, История — это часы, Государство — это механизм / машина, Человек — это винтик, КПСС — это тормоз. Для модели фауны таких проекций значительно меньше: Народ / общество — это стадо, Люди — это бараны, Россия — это медведь, Политик-сторонник радикальных действий — это ястреб, Мафия / преступность — это спрут.

С другой стороны, в М-модели родственных отношений обнаруживаются такие конвенциональные метафорические проекции, как Руководитель государства — это отец (с вариантами более раннего периода Государь — это отец, Сталин — это отец народов); Ленин — это дедушка; Россия — это старший брат; Земля — это мать. Если денотативное разнообразие характеризует, скорее, потенциал использования М-модели, то Д-стабильность фиксирует уже реальную практику функционирования М-модели в дискурсе.

При исследовании метафорики дискурса с точки зрения возможностей использования различных областей источника для метафорического осмысления конкретной области цели полезен параметр **сигнификативной стабильности (С-стабильности)** денотативной области. Он определяется как отношение количества повторяющихся пар вида <денотативный дескриптор<sub>м</sub>, сигнификативный дескриптор<sub>н</sub>> к общему количеству таких пар в метафорических отображениях данной целевой области в различных М-моделях.

В основе категорий денотативной и сигнификативной стабильности лежит понятие «метафорически определенного концепта». Под **метафорически определенным концептом** понимаются такие концепты, с которыми при метафоризации в данном типе дискурса устойчиво связываются фиксированные области источника или цели (обозначаемые соответствующими сигнификативными или денотативными дескрипторами). Здесь можно различать, соответственно, «метафорически определенные концепты источника» и «метафорически определенные концепты цели». Так, концепт «механизма» является метафорически определенным концептом источника, поскольку

в политическом дискурсе эпохи перестройки он используется для осмысления таких феноменов, как демократия, власть, экономика, рынок:

- (4) а. Не будем сейчас оценивать эффективность правительственного проекта — сосредоточимся лишь на самой процедуре. Ведь в конечном счете нет для нас важнее дела, чем введение *механизмов демократии*. (Крайко А. «Литературная Газета», 10.10.1990)  
 б. Явно обозначился кризис *механизма демократии*, кризис надежд получить через этот инструмент реальную власть Советов на местах, власть народа во имя интересов народа. (Ярошенко Ю. В. «Московские Новости», 31.07.1991)

Ср. также *отпускать понемногу демократические рычаги; маятник демократии качнулся в сторону охлократии; демократия — это, в частности, система противовесов*.

С другой стороны, концепт «общества» оказывается метафорически определенным концептом цели, поскольку в метафорах он регулярно осмысляется как МЕХАНИЗМ, ОРГАНИЗМ, БОЛЬНОЙ и шире как ЛИЦО:

- (5) а. Мне представляется, что наши демократы могут стать жертвой прямолинейного рационализма XVIII века, когда казалось, что общество — это механизм, который можно конструировать по схеме. («Известия», 20.09.1990)  
 б. Как глубоко проник в гены общества наш Сталин! (Овсянников А. «Московский Комсомолец», 28.09.1990); <...> сегодня наше общество хромает на обе ноги. (Клауцен А. П. Первый съезд народных депутатов)  
 в. На излете советское общество напоминало водителя, который спутал педали газа и тормоза. (Кувалдин В. «Независимая Газета», 21.07.1992)

**Метафорически недоопределенные концепты** — это такие концепты, которые, будучи достаточно продуктивными в метафорической сфере (например, являясь компонентами продуктивных М-моделей), не связываются в данном типе дискурса с фиксированными областями источника или цели. Например, концепты «мотора» или «тормоза» в М-модели МЕХАНИЗМА не имеют устойчивых денотативных коррелятов, хотя в целом используются в процессе метафоризации довольно широко. Так, в исследовавшемся материале были обнаружены одиночные случаи использования концепта «мотора» для осмысления

армянского парламента (6а), Верховного Совета (6б), демократии (6в), научных школ (6г), рынка (6д), частного предпринимательства (6е):

- (6) а. Председатель понимает, что теперь подлинно народный армянский парламент должен ежедневно *наращивать обороты*, открыться миру добром, согласием и готовностью к сотрудничеству. (Тер-Петросян Л. «Огонек», № 49, 1990);
- б. Под град критики попал и общесоюзный парламент. Даже его депутаты все чаще признают, что высший орган власти *работает вхолостую*. (Шевцова Л. «Известия», 17.09.1990);
- в. <...> мы выстраиваем эту систему. Одно сделали — другое не придумали, мотор включили, а тормоза не отрегулировали. (Горбачев М. С. 01.12.1990);
- г. Вуз — это не только и не столько учебные корпуса и их начинка, контингент студентов и штат преподавателей. *Его ядро, его мотор, приводящий в движение все остальное*, — учебные и научные школы. (Серенко В., Айнштейн В., Вагин Ю. «Известия»);
- д. Вместо того чтобы *запустить рынок* при фактически готовых для этого условиях (наличии средств), они устраивают уже не шоковую терапию, а зубодробильню. (Карпинский Л. «Известия», 31.08.1990);
- е. Дорогие товарищи депутаты! Приватизируйте государственную сферу услуг. *Запускайте мотор частного предпринимательства* — и перестанут люди бегать по магазинам в поисках социалистического феномена — дефицита. (Пияшева Л. «Литературная Газета», 26.12.1990).

«Метафорически недоопределенные концепты» также разделяются на **метафорически недоопределенные концепты источника** и **метафорически недоопределенные концепты цели**.

#### 1.4. Типы метафорических моделей и их сочетаний

По семантическим особенностям, роли в дискурсе, парадигматическим характеристикам различаются два важнейших типа метафорических моделей — фоновые и фигурные. Вводимое противопоставление прямо связано с оппозицией «фона» и «фигуры», широко используемого в когнитивной психологии и когнитивной лингвистике. К **фоновым метафорическим моделям** относятся такие М-модели, которые связаны с другими М-моделями прагматическими имплицативными отношениями. Под прагматическими имплицативными отношениями понимаются такие связи между М-моделями, когда



использование метафор одной М-модели в прагматическом смысле влечет и использование метафор другой М-модели. Так, деятельность по строительству предполагает наличие пространства, в котором это строительство происходит. В этом смысле М-модель строительства имплицитно подразумевает наличие и М-модели пространства. Наличие пространства подразумевается и при ведении военных действий, при занятиях спортом, выступлении в театре и т. п. Иными словами, М-модели войны, спорта, театра, и многие другие также связаны прагматическими имплицитными отношениями с М-моделью пространства. Наибольшим количеством прагматических имплицитных отношений характеризуются М-модели персонификации и пространства. Они являются типичными фоновыми М-моделями.

**Фигурные М-модели**, в противоположность фоновым, уникальны в том смысле, что их выбор для описания фрагмента целевой области почти всегда результат выбора говорящего, а не давление системы языка. К фигурным относятся, например, М-модели театра, игры, погоды. Следует подчеркнуть, что наличие-отсутствие прагматических имплицитных отношений следует рассматривать не как сущностную характеристику М-моделей, а как формальное проявление некоторого фундаментального различия в коммуникативном и системном статусе между фоновыми и фигурными М-моделями. Фоновые М-модели весьма часто используются говорящим просто потому, что нет другой возможности выразить соответствующую мысль, метафорически проинтерпретировать какую-то реалию. Так, говоря о СССР как о космическом корабле, попавшем в аварию на Луне, то есть вполне сознательно выбирая метафору транспортного средства, мы одновременно используем и метафору пространства, которая в этом случае оказывается вне коммуникативного фокуса. Наличие широких прагматических имплицитных отношений в этом случае оказывается лишь потенциальной возможностью для М-модели оказаться в дискурсе в статусе фоновой или фигурной. Именно поэтому совмещение фоновых и фигурных свойств в М-модели вполне допустимо, поскольку М-модель в конкретных употреблениях может быть то фоновой, то фигурной — в зависимости от коммуникативного намерения говорящего и, разумеется, контекста. Так, М-модель персонификации в русском политическом дискурсе эпохи перестройки оказывается одновременно и фоновой, поскольку связана множественными парадигматическими отношениями с другими М-моделями, и фигурной, поскольку играет существенную роль в разрушении ритуально-

го политического дискурса советской эпохи, предполагавшего наличие лишь одного политического субъекта. Остановимся на этой идее несколько более подробно.

В [Баранов, Караулов 1991; 1994] показано, что М-модель персонификации является самой частотной в русском политическом дискурсе эпохи перестройки. Отрыв этой М-модели от других метафорических моделей эпохи перестройки по параметру частотности очень значителен. Это объясняется, с одной стороны, тем, что с лингвистической точки зрения троп «олицетворения» относится к числу типичных приемов расширения значения, обеспечивающих существование регулярной полисемии. По-видимому, это касается не только русского языка, но и, как минимум, европейских языков тоже. Тем самым с когнитивной точки зрения М-модель персонификации оказывается фоновой метафорой. Другими словами, использование М-моделей войны, строительства, родственных отношений, ТЕАТРА, СПОРТА часто предполагает в явной или скрытой форме использование и М-модели персонификации.

Заметим, однако, что М-модель персонификации для русского политического дискурса эпохи перестройки является не только фоном, но в определенной степени и фигурой. Еще одна причина широкого использования метафоры персонификации заключается в самой специфике перестроечного дискурса. Как показано в [Баранов, Казакевич 1991], одна из важнейших функций перестроечного дискурса — разрушение ритуализации политического мышления и политической коммуникации. В качестве Супер-эго советского политического дискурса выступала сущность, которая в разных текстах представляла то как *народ*, то как *КПСС*, то как *все прогрессивное человечество*. «Полифоничность» Супер-эго проявлялась в том, то в политической коммуникации оно занимало одновременно два места: это и субъект, от имени которого все делается, и адресат, во имя которого все делается. Ритуализация политического дискурса тоталитарного типа неизбежна, поскольку важнейшая функция политического дискурса демократического общества — достижение согласия отодвигается на задний план, а то и исчезает вообще: договариваться-то не с кем. Куда важнее функция выражения принадлежности Супер-эго, лояльности по отношению к высшей силе.

Персонификация с языковой точки зрения оказывается мощнейшим средством поддержки ритуальной коммуникации, позволяя создавать политический субъект «из ничего». Ср. типичные контексты

советского новояза: *сами за себя говорящие факты; народ нам этого не простит; прогрессивное человечество требует*. Язык очень четко отражает противоречивый статус политических «псевдосубъектов». С одной стороны, «народ» выступает как активно действующая личность, которая удостаивает или не удостаивает доверия политических деятелей и политические партии; выражает свою социально-политическую волю; требует активно действовать во имя перестройки, восстановить порядок и социальную справедливость; не позволяет отбросить завоевания социализма или, наоборот, реставрировать социализм. В этом случае «мнение народа» используется как основание для политической аргументации, причем аргументации весьма успешной, несмотря на весь возможный скепсис. Дело в том, что попытка обсуждения правомочности говорящего использовать апелляции к «народу» переводит всю коммуникацию на метауровень: на уровень обсуждения самих принципов ведения беседы. Близкая аналогия здесь такова: сбой в коммуникации аналогичен тому, как если бы во время лекции по высшей математике кто-то усомнился бы в правилах сложения и вычитания. Возникает коммуникативный провал, поскольку, с точки зрения говорящего, нарушено условие использования общего фонда знаний. Ср. очевидную странность контраргументов типа: *Народ ничего подобного не говорил; Ничего народ не требует; Никакой / ничьей воли народ не выражает* (см. подробнее [Баранов, Казакевич 1991]).

С другой стороны, народ выступает как пассивная личность, которую все и вся унижают, обижают и которая нуждается в уходе, заботе, кормлении и пр.: *Сталин обирает безропотный, изнасилованный на гражданской войне народ; слуги народа безнаказанно и нагло надругаются над народом; народ ставят на колени; из народа выбивают ум и способность работать; коммунистическая партия / фермерство / рынок должны накормить народ; народ сдает экзамен; у народа на душе тяжесть, которую необходимо снять; в народе пустила глубокие корни социалистическая идея; народ разрушают как творческую личность, как созидательное начало* и пр. Двойственность Супер-эго, естественно, позволяет манипулировать в аргументации, выбирая каждый раз то, что необходимо для обоснования тезиса. Как отмечает один из публицистов эпохи перестройки, «народ — это «симфоническая личность» (Карсавин), существо, которое действует руками людей вне зависимости от их дневного сознания» («Советская Россия», 18.05.1991).

Между тем, М-модель персонификации, будучи важнейшим средством поддержки и регулирования ритуализованной политической коммуникации, одновременно оказывается инструментом, с помощью которого можно разрушить «Супер-эго», введя новые политические субъекты. Использование выражений типа *Голос Сибири должен быть услышан на Съезде* или *Республики отворачиваются или уходят. Центр их грозно окликает* может рассматриваться как языковые проявления процесса де-ритуализации<sup>15</sup>. Разумеется, можно спорить о том, насколько новые субъекты действительно являлись реальными политическими субъектами, но лингвистическое отражение процессов де-ритуализации в этом случае вполне очевидно. **Способность поддерживать процессы ритуализации и де-ритуализации политического дискурса является одной из причин высокой частоты употребления М-модели персонификации в перестроечном политическом дискурсе.**

Из сказанного следует, что если характеристика «фоновости» отражает собственно языковые потенции М-модели, то «фигурности» М-модели не является чисто лингвистическим свойством. «Фигурность» связана, в частности, со структурой глобальных целей политического дискурса различных политических субъектов, а также с принятыми дискурсивными практиками.

Многие М-модели связаны между собой не парадигматическими отношениями, а отношениями сходства в метафорических следствиях, точнее, сходством в профилировании определенных свойств области источника и области цели. Так, М-модели РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО, ОРГАНИЗМ и МЕДИЦИНА в политическом дискурсе часто профилируют такую совокупность характеристик источниковой области, как болезнь, лечение

---

<sup>15</sup> Интересно, что А. Сахаров пытался бороться с ритуализацией политического дискурса, внося элементы осмысленности, диалогичности в бесконечный политический ритуальный монолог ценой заранее predetermined коммуникативных неудач: он говорил и писал так, будто никакого ритуала нет. Подавая проект конституции на Первом съезде народных депутатов СССР, он наверняка понимал, что съезд воспримет этот коммуникативный акт как абсолютно неуместный, но накопление коммуникативных неудач такого рода формировало интеллектуальный фон, на котором высвечивалась вся абсурдность политического ритуала. С семиотической точки зрения такой способ поведения можно противопоставить известным чудачествам в поведении Суворова при царском дворе: последний, выступая против принятых норм, скорее, подтверждал их, преследуя цель собственной мифологизации как героя (см. обсуждение этого в [Лотман 1994]).

болезни, а также боль, причиняемая организму (в частности, болезненность оперативного вмешательства). Иными словами, коммуникативно высвечивается идея проблем и их устранения, решения. Например, *чума роста цен, политическое слабоумие, метастазы большевизма, эпидемия суверенизации, шоковая терапия*. С другой стороны, М-модели война, игра, спорт профилируют смыслы конфликта, победы vs. поражения, ср.: *идущая сейчас атака на новые власти, попридержатъ рвущихся из окопов коммунистических консерваторов, не садиться за стол переговоров по причине вероятного «проигрыша», запрещение митингов — это капитальный проигрыш Горбачева; играть в международных делах в поддавки*. Существенно, что при этом М-модели, связанные сходством в метафорических следствиях, не обязательно связаны парадигматически. Так, М-модели войны и спорта не имеют общих сигнификативных дескрипторов.

Совокупность М-моделей, сходных по метафорическим следствиям, можно назвать **конstellляцией метафор**. **Конstellляция метафор в сильном смысле** — это такое множество М-моделей, которые не только имеют очевидное сходство в следствиях, но еще и связаны довольно тесными парадигматическими отношениями (то есть имеют общие сигнификативные дескрипторы). Если М-модели, имеющие сходство в следствиях, парадигматических связей не имеют (или их количество невелико), то они образуют **конstellляцию в слабом смысле**. Так, множество М-моделей война, спорт образуют конstellляцию в слабом смысле, поскольку парадигматические связи между ними отсутствуют, а совокупность М-моделей игра и спорт формируют конstellляцию в сильном смысле, поскольку связаны тесными парадигматическими отношениями. Они, например, парадигматически связаны через таксон (и, соответственно, дескрипторы) «спортивные игры»: «футбол», «хоккей», «шахматы», «гонки» и пр. Наконец, если в некотором множестве метафорических моделей представлены подмножества, которые образуют конstellляции и в слабом и в сильном смыслах, то следует говорить о **смешанной конstellляции**. Так, множество М-моделей война, игра, спорт образует смешанную конstellляцию.

Некоторые свойства, которые профилируют М-модели, оказываются настолько важными для политического дискурса, что при анализе метафорики их естественно рассматривать вместе как особую метафорическую модель. Особенность М-моделей указанного типа заключается в том, что они не имеют или почти не имеют своих собственных дескрипторов. Такие М-модели называются **моделями-конstellля-**

циями. В русском политическом дискурсе эпохи перестройки такой М-моделью оказалась метафора ограничителя. Она сформирована из дескрипторов М-модели болезни («бельмо», «катаракта», «тромб»), водоема («болото»), войны («дымовая завеса», «колючие заграждения»), вещества («вязкое вещество», «наркотик»), геометрии и пространства («грань», «зона», «черта», «рамка»), механизма («тормоз», «фильтр»), строения («стена», «дверь», «завалы», «забор»). Однако наибольшее количество дескрипторов М-модели ограничителя приходится на М-модель ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ («барьер», «бремя», «груз», «капкан», «кляп», «петля», «судавка», «хомут», «ширма» и др.). Дескрипторы данной модели высвечивают идею ограничения действий или ментальных состояний субъекта. Ср. характерные примеры: *использовать концепцию регионального расчета как ширму, прикрывающую автаркические тенденции; подгонять под догматические рамки законов; Вопрос единства нации, не желающей быть разделенной стенами идеологии, оружия и железобетона; Советские люди не должны позволить одурманить себя опиумом «демократии».*

### 1.5. Понятие дискурсивной практики и его распространение на сферу метафорики

Метафорические модели в политическом дискурсе различаются по степени своей значимости для политической коммуникации. Некоторые из них участвуют в формировании политического дискурса, определяя логику политической аргументации, способы осмысления политических реалий. Такие М-модели относятся к дискурсивным практикам. Под **дискурсивной практикой** понимаются общие тенденции в использовании близких по функции, альтернативных (синонимичных и квазисинонимичных) языковых средств выражения определенного смысла в данном типе дискурса — в частности немецкого и русского политического дискурса<sup>16</sup>. Дискурсивные практики с лингвистической точки зрения определяются устойчивыми наборами языковых средств вариативной интерпретации действительности, свойственными данному политическому субъекту или характерными для обсуждения данной темы политической коммуникации<sup>17</sup>. Напри-

<sup>16</sup> См. подробнее Часть 3 данной книги, см. также [Баранов 2001а: 246].

<sup>17</sup> О понятии «вариативной интерпретации действительности» см. подробнее [Баранов, Паршин 1986; Баранов 2001а: 213—229].

мер, одна и та же ситуация может быть описана на языковом уровне с помощью различных лингвистических средств, увеличивающих или уменьшающих количество и состав ее актантов (участников). Так, трансформация номинализации позволяет «свертывать» ситуацию к одной именной группе, выводя из обсуждения ее актанты. Ср.: (7) *Дума рассмотрела законопроект, представленный правительством, в первом чтении* и (8) *Рассмотрение законопроекта в первом чтении*. В предложении (8) участник ситуации, ответственный за ее развитие — «Дума», опущен в поверхностной структуре предложения, что позволяет вывести его за рамки обсуждения. При этом номинализация оказывается достаточно гибким механизмом, чтобы оставить того участника, который необходим говорящему в данном речевом ходе, ср.: (9) *Рассмотрение законопроекта правительства в первом чтении окончилось неудачей* или (10) *Рассмотрение думой законопроекта в первом чтении не вызвало серьезных возражений у депутатов*.

П. Серию в своем исследовании советского политического дискурса времен Хрущева и Брежнева убедительно показал, что номинализации в советском политическом языке часто использовались для опущения того, что предполагалось как данное, известное, что составляло основу идеологии [Seriot 1985]. При этом, в стремлении охватить все явления действительности, советский политический язык уподоблялся научному дискурсу, однако если ответственность за опущения в номинализациях научного дискурса несут соответствующие теории и научные направления, то в советском политическом языке ответственность за номинализации возлагалась на какого-то универсального субъекта, существование которого в то же время в явной форме не признавалось. В предлагаемом здесь понимании трансформация номинализации с несомненностью относится к дискурсивным практикам советского политического дискурса.

Дискурсивные практики характерны не только для сферы синтаксиса, но и для сферы лексической семантики, причем здесь соответствующие явления прослеживаются в более явной форме. Особенно широко эта область функционирования лексики обсуждалась в связи с существованием двух политических дискурсов немецкого языка — политического языка бывшей ГДР и ФРГ. Типичный объект анализа — варьирование формы, сопровождающееся изменениями в понятийном и оценочном слое плана содержания слова. Характерный пример такого рода варьирования — лексические замены типа *DDR* → *Zone* → *Sovietzone*. Иными словами, использование в дискурсе термина *DDR*

или, наоборот, терминов *Zone*, *Sovietzone* — элемент дискурсивной практики данного дискурса. На материале английского языка лексическое варьирование исследовалось прежде всего по текстам средств массовой информации США в период вьетнамской войны. Имеются и примеры сатирического осмысления лексики того периода, хорошо раскрывающие потенциал воздействия дискурсивных практик, основанных на лексическом варьировании. Ср. примеры из «Словаря Великого Общества» и «Большого Имперского Словаря» Э. Хермана (цит. по [Shenker 1979]): *вьетконговец* = «вьетнамский крестьянин, особенно убитый нами (то есть американцами)»; *зверства* = «убийства, совершаемые ими»; *возмездие* = «убийства, совершаемые нами»; *фанатизм* = «его глубокие убеждения»; *вера* = «наши глубокие убеждения»; *самоопределение* = «право народа избирать правительство, удобное нам»; *анархия* = «быстрое непривычное изменение, не соответствующее моим интересам».

Серьезный потенциал для формирования дискурсивных практик имеется и на фонетико-фонологическом уровне языковой системы, на уровне синтаксических структур (см. выше пример использования трансформации номинализации), на уровне варьирования макроструктуры текста (см. подробнее [Баранов 2001а: 213—244; Баранов, Паршин 1990]) и даже на уровне топографемии — системы гарнитур текста, системы графических и изобразительных выделений фрагментов печатного текста, то есть системы средств, позволяющих оперировать текстом как изображением, рисунком [Баранов, Паршин 1989].

Из сказанного следует, что такие типичные для политической лингвистики объекты исследования, как советский политический дискурс — это совокупность дискурсивных практик, характерных для текстов советской эпохи, проявляющихся в выступлениях, интервью политиков и чиновников; тоталитарный дискурс — это совокупность дискурсивных практик, характерных для политического языка тоталитарного общества, а дискурс о безопасности — совокупность дискурсивных практик, встречающихся в дискуссиях о безопасности государства и формирующих эти дискуссии как часть политического дискурса в целом. Аналогично, как совокупность дискурсивных практик, определяется и политический дискурс эпохи перестройки в СССР, и политический дискурс эпохи *die Wende* в ГДР и ФРГ.

М-модели и их сочетания (конstellации) также могут являться дискурсивными практиками. Таким образом, применительно к сфере метафорики дискурсивная практика в точном смысле определяется



как устойчиво воспроизводящаяся в дискурсе пара вида  $\langle M_i, D_{M_i} \rangle$ , где  $M_i$  — метафорическая модель (или ее репрезентант — какой-либо из сигнификативных дескрипторов),  $D_{M_i}$  — типичные области осмысления в рамках данной М-модели, формирующие тематику соответствующего дискурса. Возникает вопрос, как выделяются дискурсивные практики по крайней мере на уровне метафор. Поскольку феномен дискурсивной практики не является чисто лингвистическим образованием, будучи сформирован на основе когнитивных, психологических, социальных, исторических и культурных факторов, можно говорить лишь о каких-то проявлениях этого феномена на языковом уровне.

Если тематика дискурса фиксирована, то важнейшим проявлением дискурсивной практики в сфере метафорики оказывается первый член пары  $\langle M_i, D_{M_i} \rangle$ , то есть сама метафорическая модель. С точки зрения оценки М-модели как дискурсивной практики очень важной оказывается **частотная характеристика** употребления М-модели в данном типе дискурса, в том числе — для сочетаний М-моделей — факт вхождения в один частотный кластер (то есть в подмножество М-моделей исследуемого дискурса с близкой частотой употребления). Понятно, что дискурсивная практика с низкой частотой использования вряд ли может быть дискурсивной практикой в точном смысле (если обращать внимание на внутреннюю форму термина — на слово *практика*). Заметим, правда, что оценку высокой или низкой частоты употребления М-модели в дискурсе обосновать непросто. Это серьезная проблема для практически любого лингвистического исследования, поскольку оценить частотность использования метафоры можно только на фоне частоты других метафорических моделей. Иными словами, оценка частотности предполагает проведение исследования метафорики дискурса в целом. Возможные ошибки в выборе границы частоты (большая — обычная — низкая частотность) должны компенсироваться другими критериями, которые также существенны для выявления дискурсивной практики, но которые в то же время, если и связаны с частотой употребления, то непрямо.

Второй существенный критерий такого рода — это существование **прагматических имплицативных отношений**, когда использование метафор одной М-модели в прагматическом смысле часто влечет и использование метафор другой М-модели. Например, как уже отмечалось, деятельность по строительству предполагает наличие пространства, в котором это строительство происходит. В этом смысле М-модель строительства имплицитно предполагает наличие и М-модели пространства. Наи-

большим количеством прагматических имплицативных отношений характеризуются М-модели персонификации и пространства. Параметр парадигматических отношений компенсирует весьма вероятные неточности в определении высоко- и низкочастотных М-моделей, однако он один также недостаточен, поскольку приводит к тому, что все фоновые М-модели — в частности М-модель персонификации, пространства, движения — автоматически попадают в разряд дискурсивных практик. И это понятно: наличие прагматических имплицативных отношений — важнейшая особенность фоновых М-моделей.

Феномен дискурсивной практики на уровне отдельных М-моделей и их сочетаний характеризуется также наличием **парадигматических отношений** между М-моделями. Под парадигматическими отношениями в данном случае понимается вхождение дескрипторов одних М-моделей в другие. Иными словами, чем больше парадигматических связей имеет данная М-модель с другими М-моделями, тем больше вероятности, что она окажется дискурсивной практикой. Широкие парадигматические отношения связывают, например, М-модели спорта и игры (через таксон «спортивные игры»), геометрии и пространства, религии-мифологии и сверхъестественного существа. Особо выделяется в этом отношении М-модель-конstellация ограничитель, которая полностью состоит из дескрипторов разных таксонов.

Четвертый критерий, позволяющий корректировать результаты использования других критериев, — это наличие **сходства в метафорических следствиях** М-моделей, то есть профилирование сходных свойств — ср. введенное выше понятие конstellации М-моделей. Этот параметр действует в первую очередь на множествах М-моделей, позволяя относить их к дискурсивным практикам. Действительно, если в дискурсе последовательно и регулярно некоторые подмножества М-моделей используются для профилирования одного или нескольких важных смыслов, то есть все основания предполагать, что эти подмножества — конstellации М-моделей — являются дискурсивными практиками (при этом вовсе не обязательно, чтобы все входящие в конstellацию модели оказались дискурсивными практиками). Не обсуждая здесь подробно оснований выделения конstellаций-дискурсивных практик для русского политического дискурса (см. подробнее часть 3 данной книги), отметим, что есть все основания полагать, что для политического языка эпохи перестройки к числу таких конstellаций относятся конstellация метафор рационального (строительство, механизм, транспорт, объект-предмет), конstellация метафор конфликта

(ВОЙНА, ИГРА, СПОРТ), констелляция органистических метафор (ОРГАНИЗМ, РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО, МЕДИЦИНА) и констелляция метафор НЕРЕАЛЬНОГО (РЕЛИГИЯ-МИФОЛОГИЯ, ТЕАТР, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО).

Как уже отмечалось выше, совокупность дискурсивных практик формирует политический дискурс. В этом смысле очень важно отметить системообразующие свойства некоторых метафорических моделей. Довольно часто использование метафоры (М-модели) по отношению к реалии политической жизни не проходит бесследно для политического языка: связь между областью источника и соответствующей ей областью цели закрепляется как отчетливая тенденция. Например, в М-модели родственных отношений эпохи перестройки обнаруживается довольно ясная тенденция метафорически осмыслить В. Ленина как дедушку, а И. Сталина и Б. Ельцина как отца. Такие сигнификативные дескрипторы можно назвать **денотативно определенными** в рамках данного дискурса. Чем больше денотативно определенных дескрипторов, тем более системна данная М-модель, тем больше оснований причислять ее к дискурсивным практикам. При комплексном статистическом исследовании М-моделей характеристика М-модели по удельному весу денотативно определенных дескрипторов отражается в параметре стабильности денотативных реализаций.

Как дополнительный критерий выявления дискурсивной практики в сфере метафорики может служить фразеологическая насыщенность М-модели. Под **фразеологической насыщенностью** М-модели понимается удельный вес тех метафор в М-модели, которые обязаны своим происхождением фразеологизмам. С количественной точки зрения фразеологическая насыщенность М-модели может вычисляться как отношение количества фразеологически мотивированных метафор к общему количеству всех метафор в данной М-модели. Так, в политическом дискурсе эпохи перестройки широко употреблялись метафоры, связанные с фразеологизмами *коней на переправе не меняют*, *отпустить вожжи* и др. Ср. следующие примеры:

- (11) а. То была разрешенная сверху оппозиция, дозированная гласность. Но в 85—86-м годах чуть не рассчитали, *отпустив вожжи: кони понесли*. (Боровин А. «Независимая Газета», 03.08.1991)
- б. Вопрос только в том, что оно до сих пор не предложило последовательной программы реформ, а президент, видимо, придерживается той точки зрения, что *коней на переправе не меняют*. Даже если они не могут тянуть телегу. (Емельяненко В. «Московские Новости», 21.06.1991)

В приведенных контекстах используется М-модель фауны (Кони — участники политического процесса; Кони — политики правящей партии). При вычислении параметра фразеологической насыщенности такие примеры должны учитываться как фразеологически мотивированные.

Наконец, последний существенный критерий имеет не лингвистические, а экстралингвистические основания: дискурсивная практика часто имеет культурные и исторические истоки. Иными словами, дискурсивная практика, кроме всего прочего, связана с **исторической и культурной традицией** данного языкового сообщества. Например, хотя М-модель преступного мира в политическом дискурсе перестройки по частоте употребления и прагматическим имплицативным отношениям едва ли может претендовать на роль дискурсивной практики, ее культурная и историческая значимость оказывается столь велика, что это может рассматриваться как серьезный фактор в пользу ее отнесения к дискурсивным практикам эпохи перестройки.

Рассмотренные характеристики дискурсивных практик в области политической метафорики следует рассматривать не столько как формальное и исчерпывающее определение, сколько как эвристики, подтверждающие или опровергающие интуицию исследователя. Это связано в первую очередь с тем, что **дискурсивная практика представляет собой не чисто лингвистический феномен, хотя и тесно связана с функционированием языковой системы.**

Заметим, что выявление дискурсивных практик в точном смысле (как пар вида  $\langle M_i, D_{M_i} \rangle$ ) в рамках разработанной дескрипторной теории метафоры предполагает выполнение комплекса работ по исследованию области денотативных дескрипторов М-моделей, то есть области цели метафорических проекций. Однако если область осмысления — тематика дискурса — уже определена и ограничена по объему, то в центр внимания попадают именно метафорические модели, то есть первый компонент пары  $\langle M_i, D_{M_i} \rangle$ . В этом случае можно говорить о **дискурсивных практиках в расширительном понимании.**

Подчеркнем, что изучение дискурсивных практик в широком смысле оставляет за рамками изучения **институциональный аспект** этого феномена. Как было уже отмечено выше, набор дискурсивных практик формирует тип дискурса. Отсюда следует, что речевые акты, в которых содержатся выражения, не соответствующие принятым дискурсивным практикам, должны выпадать из дискурса и восприниматься как коммуникативная неудача. И действительно, осмысление М. Горбачева

как отца народов либо должно быть языковой игрой, либо эта номинация будет рассматриваться участниками как прагматически аномальная, поскольку согласно принятому речевому употреблению, в качестве отца народов метафорически интерпретируется только И. Сталин. Другой пример: на уровне целых М-моделей обсуждение противоречий в законодательстве между различными субъектами Российской Федерации осмыслялось в конце 90-х гг. как война (*война законов*). Использование в указанной ситуации М-модели погоды (например *ураган законов*, *законодательная буря*) будет и семантически, и прагматически аномально. Прагматически аномальной применительно к противоречиям в законодательстве оказывается метафора любви (ср.: *законодательные размолвки* или *размолвки в законодательстве*). На современном материале деятельность думы в либеральной публицистике часто осмысляется как *работа сумасшедшего принтера* (ср.: *Сумасшедший принтер Государственной думы продолжает штамповать законы, попирающие Конституцию и ускоряющие скатывание России к тоталитаризму; Российские правозащитники называют парламент своей страны сумасшедшим принтером, штампующим репрессивное законодательство*). Использование других — пусть и близких метафор — в рассматриваемом типе дискурса вряд ли будет уместным, ср.: *сумасшедшая печатная машинка*, *больной множительный центр*, *идиотский копировальный автомат* и т. п.

Институциональный аспект дискурсивных практик в области метафорики требует исследования дискурсивных практик в точном смысле.

\* \* \*

Введенное здесь понятие дискурсивной практики восходит к работам французского философа Мишеля Фуко. Согласно Фуко, историограф науки может по-разному подходить к материалу анализа. Например, он может изучать, какие виды животных были известны ученым XVII в., опираясь на современную классификацию видов. Это направление анализа «от вещей к словам». С другой стороны, историограф может изучать, какие существовали классификации видов животных в XVII в. Это направление «от слов к вещам». И первое, и второе направления вполне традиционны. Но есть еще одно измерение исследований: можно изучать, какие нормы, правила научного рассуждения существовали в соответствующий исторический период и как они формировали научный дискурс как особый лингвистический

и социально-культурный феномен [Foucault 1967; 1971]. Эти принятые формы рассуждения и являются дискурсивными практиками. В предлагаемом здесь понимании дискурсивные практики интерпретируются как более поверхностные (в некотором смысле более «языковые») сущности. Они формируют языковые способы номинации (называния) и описания понятий и явлений соответствующей проблемной области, принятые в данном типе дискурса. В таком подходе языковая и структурная основа дискурса — это совокупность дискурсивных практик, связанных между собой разнообразными отношениями, сущность которых еще предстоит выяснить.

Очевидно, однако, что категория дискурсивной практики является междисциплинарным феноменом. Следовательно, в рамках лингвистики могут быть описаны и исследованы лишь ее языковые проявления. Другие стороны этого многообразного явления — психологические, социальные, исторические и культурные — должны изучаться в соответствующих дисциплинах (социальной психологии, политологии, социологии, истории, культурологии и т. д.). Собственно лингвистический подход дает здесь очень важную, но не исчерпывающую информацию.

Как уже отмечалось, дискурсивная практика в точном смысле на языковом уровне определяется как пара вида  $\langle M_i, D_{M_i} \rangle$ , где  $M_i$  — метафорическая модель,  $D_{M_i}$  — типичные области осмысления в рамках данной М-модели, принятые в данном типе дискурса. Отсюда следует, что выявление дискурсивных практик в точном смысле в рамках дескрипторной теории метафоры предполагает выполнение комплекса работ по исследованию области денотативных дескрипторов М-моделей, то есть области цели метафорических проекций. Такое направление анализа можно назвать **денотативным аспектом метафорики**. Исследование денотативного аспекта метафорики позволило бы установить, например, как метафорически осмысляются ценностные категории, то есть в рамках каких М-моделей принято в данном политическом дискурсе говорить о «свободе», «справедливости», «равенстве», «демократии», «правах человека». Какие метафоры используются при обсуждении проблем экономики, экологии, культуры; как в терминах метафор осмысляется законотворческая деятельность и т. д. Совмещение двух направлений исследования — анализа М-моделей и денотативного аспекта метафорики — позволит установить набор дискурсивных практик в точном смысле — как в политическом, так и в любом другом типе дискурса.

## Глава 2. СОЧЕТАЕМОСТЬ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

### 2.1. Стилистические «изыски» политического дискурса как лингвистическая проблема

Исследование метафорики в реальном речевом употреблении показывает, что значительная часть метафор реализуется не отдельно — в одном метафорическом выражении одна метафорическая модель (М-модель), а вместе — в одном метафорическом выражении несколько метафорических моделей. Так, в политическом дискурсе эпохи перестройки довольно часто обнаруживаются метафоры, объединяющие М-модель организма и механизма: <...> для становления *полнокровного рыночного механизма* потребуется целый ряд лет (Горбачев М. С. «Известия», 20.10.1990). В приведенном примере прилагательное *полнокровный* соотносит метафору с органистической интерпретацией рынка, а существительное *механизм* — с механистической. Имеются контексты сочетания и других моделей, например, механизма и персонификации (1а), животного и литературного персонажа (1б):

- (1) а. Я не против того, чтобы общественные организации выдвигали своих кандидатов и чтобы они баллотировались вместе с последними там, где проживают и где они должны пройти через *мощный и мудрый народный фильтр*. (Первый съезд народных депутатов)
- б. Да, не нам, пишущей братии, раздувать этот психоз, изображая коммунистов в виде эдакой «собаки Баскервилей», носителем зла ради зла. («Огонек», 26.10.1991)

Интересно, что восприятие метафоры как конвенциональной («стертой») и новой («творческой»), если и связано с тем, какие М-модели сочетаются, то весьма не прямо. Так, приводившийся пример из выступления М. Горбачева ощущается почти как конвенциональная метафора, при том что в ней сочетаются явно противопоставленные М-модели (организм и механизм) и внимательный стилист не пришел бы от нее в восторг. Такое же сочетание метафорических моделей в примере <...> *медленно и болезненно происходит отслое-*

ние партийной кожи с государственных механизмов («Известия», 17.09.1990) воспринимается уже как абсолютно новая метафора, хотя в словосочетании *государственный механизм* реализуется стертая метафора, описываемая в словарях как одно из значений слова *механизм* (ср.: «Система, устройство, определяющие порядок какого-н. вида деятельности» [Ожегов, Шведова 1984]). В комбинации нескольких М-моделей творческая метафора оказывается «сильнее» и «оживляет» стертую метафору, превращая результирующее сложное сочетание М-моделей в новую, неконвенциональную метафору<sup>18</sup>.

Проблема сочетаемости метафорических моделей не получила должного отражения в литературе по метафорике, хотя доля совместной сочетаемости М-моделей в речевой коммуникации довольно велика. Так, в политическом дискурсе эпохи перестройки на долю совместной сочетаемости нескольких М-моделей приходится порядка 15 процентов всех употреблений метафорической модели МЕХАНИЗМА (59 из 394<sup>19</sup>) и 18,5 процента употреблений метафорической модели ФАУНЫ (64 из 340). Весьма вероятно, что в поэтическом языке совместная сочетаемость (комбинаторика) М-моделей распространена в еще большей степени и, возможно, она даже более разнообразна. Ср., например, строфу из стихотворения А. Тарковского «Поэт начала века»: (2) *Твой каждый стих — как чаша яда, / Как жизнь, сплетенная грехом, / И я дышу, хоть и не надо, / Нельзя дышать, твоим стихом.* Здесь по отношению к «стиху» (стихотворным строчкам, стихотворениям) одновременно реализуются метафоры яда (точнее чаши яда), жизни и воздуха<sup>20</sup>.

Очевидно, что такое частотное явление требует особого описания и обсуждения.

<sup>18</sup> Анализ стертых метафор в сочетании с живыми метафорами при инвентаризации метафорики дискурса требует особого обсуждения. Эта тема поднимается, в частности, в статье И. М. Кобозевой [Кобозева 2010]. Ниже в разделе 2.4 данной главы основные положения указанной статьи И. М. Кобозевой обсуждаются более подробно. Кроме того, тема оживления стертых метафор подробно рассматривается в главе 3.

<sup>19</sup> Здесь и далее статистическая информация дается по «Базе данных политической метафорики эпохи перестройки» — подробнее о структуре этой базы и ее содержании см. ниже часть 3.

<sup>20</sup> Метафора понимается здесь расширительно и включает в себя развернутые сравнения. Это связано с особенностями функционирования метафорики в дискурсе и ее влиянием на мышление человека.



Можно предположить, что совместная сочетаемость М-моделей — это не только причуда стиля, это не только стилистические монстры типа *мощного и мудрого народного фильтра* или *отслоения партийной кожи с государственных механизмов*, но и некоторые закономерности лингвистической и когнитивной семантики, проявляющиеся в типах сочетаемости. На уровне лексической семантики аналогом совместной сочетаемости метафор может служить лексическая и семантическая сочетаемость (по Ю. Д. Апресяну), а на когнитивном — какие-то эффекты взаимодействия когнитивных структур — структур знаний. Описанию типов совместной сочетаемости метафорических моделей, их комбинаторике и посвящена настоящая глава. Где это возможно, типы сочетаемости объясняются, исходя из семантических и когнитивных принципов. В некоторых случаях специфика сочетаемости М-моделей связывается с особенностями политического мышления. Впрочем, большинство утверждений такого рода не может быть подтверждено или опровергнуто в рамках собственно лингвистического исследования. В силу этого они формулируются как более или менее правдоподобные гипотезы.

В данной главе книги основное внимание обращается на «бинарную» комбинаторику М-моделей, то есть на сочетание двух М-моделей. Это связано в первую очередь с тем, что объем данных по «множественной» комбинаторике (три и более М-моделей) недостаточен для формулировки определенных выводов. Впрочем, многие заключения (в том числе в рамках формализованной модели метафоризации — см. ниже) легко могут быть экстраполированы и на случаи множественной комбинаторики.

В качестве исходного материала для исследования послужила «База данных по политической метафорике эпохи перестройки» (далее «База»), разработанная и собранная автором в период 1989—1993 гг. Эта База использовалась как источник предварительных материалов «Словаря политических метафор» [Баранов, Караулов 1991; 1994]. В последующем База данных в процессе работы над «билефельдским» проектом перерабатывалась, а метаязык Базы — иерархически упорядоченное множество сигнификативных и денотативных дескрипторов — унифицировался и уточнялся. К настоящему времени общий объем записей Базы — около 9 000 контекстов употребления метафор в русском политическом дискурсе 1989—1993 гг. (см. третью часть этой книги, посвященную результатам «билефельдского» проекта). Для наиболее частотных метафорических моделей проведен экспе-

римент по доказательству репрезентативности выборки метафорических контекстов в базе данных [Баранов 2001б].

Обсудим особенности сочетаемости М-моделей на одном подмножестве Базы данных: на примере контекстов употребления М-модели МЕХАНИЗМА. При необходимости привлекаются и другие подмножества<sup>21</sup>.

## 2.2. Сочетаемость М-моделей: элементы формальной типологии

Введем некоторые существенные разграничения, относящиеся к формальной стороне сочетающихся М-моделей. Будем называть **метафорическим выражением** то словосочетание, в котором реализуется метафорическая проекция. Именно в этом смысле этот термин уже употреблялся выше. Сочетаемость М-моделей может быть внешней и внутренней. **Внутренняя сочетаемость** относится к тем случаям, когда одно метафорическое выражение является результатом одновременной проекции нескольких М-моделей. Кроме уже рассмотренных выше контекстов (1а, б; 2), внутренняя сочетаемость представлена также в примерах (3а, б): *habent sua fata libelli*

- (3) а. <...> можно так *загнать клячу истории*, что потом не пересядешь ни на каких рысаков. Ничто не требует такой опаски и благоразумия, как социальная динамика. («Литературная Газета», 02.09.1992)  
б. Во всех сферах народного хозяйства *властвовал затратный механизм*. (Первый съезд народных депутатов)

В (3а) реализуется комбинация М-моделей ЖИВОТНОЕ и ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ, а в (3б) — ПЕРСОНИФИКАЦИЯ и МЕХАНИЗМ.

Если несколько М-моделей в метафорическом выражении относятся к одной сущности из области цели (как, например, в контекстах 3а, б), то такую внутреннюю сочетаемость можно назвать «денотативно связанной». В предложенной ранее формализованной синтагматической модели метафоризации внутренняя денотативно связанная сочетаемость представляется как кортеж из нескольких сигнификатив-

<sup>21</sup> Приводимая в данной главе статистическая информация о частоте употребления М-моделей основывается на модифицированной Базе данных, в силу чего статистику употребления М-моделей в политическом дискурсе, приведенную в [Баранов, Караулов 1994], следует считать устаревшей. — (*Habent sua fata libelli*).

ных дескрипторов, относящихся к одному денотативному дескриптору. Количество сигнификативных дескрипторов зависит от количества соответствующих метафорических моделей. Иными словами, формальный аналог внутренней денотативно связанной сочетаемости М-моделей  $M_1, \dots, M_n$  есть кортеж отображений вида <сигнификативный дескриптор $_{M_1}$ , ..., сигнификативный дескриптор $_{M_n}$ , денотативный дескриптор $_y$ >. Так, примеру с метафорическим выражением *Лиса Алиса* из уже приводившегося примера <...> *десяток лет назад лиса Алиса обратила внимание Буратино на то, что предприятия в СССР в торговых операциях уже не употребляют денег, а меняют товар на товар, и предложила пресечь это безобразие. Буратино запретил продавать что-либо из того, что было куплено предприятиями, и стал строго за это наказывать.* («Огонек», № 44, 29.10.1990) соответствует следующий кортеж <лиса, литературный персонаж «Лиса Алиса», ученый-экономист>. *habent sua fata libelli*

В базе данных и, соответственно, в парадигматической модели метафоризации рассматриваемое выражение описывается как два множества, каждое из которых состоит из двух кортежей. Один кортеж — сигнификативные дескрипторы, упорядоченные по степени абстрактности, и второй кортеж — денотативные дескрипторы, также упорядоченные по степени абстрактности: {<лиса Алиса, персонаж, сказка «Буратино», литература>, <экономист, экономика>}, {<лиса, животное, фауна, анимализация<sup>22</sup>>, <экономист, экономика>}.

При внутренней сочетаемости возможна ситуация, когда М-модели относятся к разным целевым областям, ср. выражения типа: *жесткие дети марксизма, аппаратчики и теневики — законные дети неэффективной системы социализма, восточно-европейские государства — блудные дети Европы.* Во всех этих случаях одно метафорическое выражение содержит несколько метафор с разными областями источника и областями цели. Такая внутренняя сочетаемость называется далее **денотативно несвязанной**. В синтагматической

<sup>22</sup> Следует отметить, что по степени абстрактности анимализация не уступает фауне. Фактически анимализация представляет собой метафорический процесс, связанный с персонификацией: при повышающей анимализации неживое интерпретируется как животное (живое), а при понижающей анимализации человек категоризуется как животное. В последнем случае происходит метафорическая проекция деперсонификации, порождающая совершенно другие метафорические следствия, чем персонификация.

модели метафоризации выражения описываются двумя (в общем случае — несколькими) кортежами с различными сигнификативными и денотативными дескрипторами: {<дети, коммунисты>, <человек, марксизм >}; {<дети, аппаратчики/теневики>, <человек, система социализма>}; {<дети, восточно-европейские государства>, <человек, Европа>}. Парадигматическая модель метафоризации дает для таких случаев более сложную конструкцию вложенных кортежей.

В дискурсе метафорические выражения могут следовать одно за другим. Если в контексте рядом находятся несколько метафорических проекций, как-то содержательно связанных между собой (о сущности этой связи — см. ниже), то следует говорить о **внешней сочетаемости** М-моделей, ср. (4а, б):

- (4) а. Это *ржавое колесо огромного механизма* российского. Это такой *медведь*. Ему только надо придать инерцию, а дальше он пойдет уже сам. Вот для того, чтобы придать такую инерцию, я и хочу работать. («Независимая Газета», 19.11.1991)
- б. Да, *История несется галопом и дышит сарказмом*. Да, круто замешанный год, проблемы общества — в судьбах личностей. (Кондрашев С. «Известия», 02.01.1991)

В примере (4а) в первом метафорическом выражении реализуется М-модель механизма, а во втором — М-модель животного (фауны), причем и первое и второе выражения относятся к одной целевой области «Россия». Пример (4б) также представляет два метафорических выражения с М-моделями животного и персонификации, связанными с целевой областью — «история». С когнитивной точки зрения внутренняя и внешняя сочетаемость М-моделей, по-видимому, различаются характером взаимной интегрированности структур знаний, стоящих за метафорами. Степень интегрированности, спаянности когнитивных структур при внутренней сочетаемости выше, чем при внешней. Можно предположить, что внутренней сочетаемости соответствуют полностью интегрированные фреймы, а внешней — лишь частично (например, по одному из слотов фреймов). Впрочем, проблема интегрированности структур знаний при внешней и внутренней сочетаемости М-моделей выходит за рамки собственно лингвистики и требует особого изучения. Здесь она не рассматривается.

Внешняя сочетаемость неоднородна. В частности, она включает случаи последовательного использования метафорических выражений различными участниками дискурса, ср. (5):

- (5) — Вы *конструировали механизм*, чтобы получить от него ответ: как быть? — Мы *конструировали <...>*, если хотите, *реторту*, где должна произойти реакция, и предусматривали все необходимое, чтобы она произошла, а ответы на вопросы можно получить лишь благодаря реакции. (Яковлев Е., Явлинский Г. «Московские Новости», 19.05.91)

В приведенном примере первый говорящий использует метафору механизма (ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ — ЭТО МЕХАНИЗМ), а второй — химической реакции (ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ — ЭТО ХИМИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ). Такую внешнюю сочетаемость можно назвать **диалогической сочетаемостью**. Диалогическая сочетаемость М-моделей тесно связана с процессом обыденной аргументации, естественного доказательства. Она регулируется правилами иной природы, чем внутренняя сочетаемость и внешняя сочетаемость недиалогического типа. Полемичность ситуации, в которой реализуется диалогическая сочетаемость, изначально предполагает противопоставление М-моделей. Так, в примере (5) метафоры механизма и химической реакции противопоставлены по своим следствиям. Если метафора механизма позволяет говорящему профилировать идею предсказуемости результатов работы механического устройства, то в ответной реплике Явлинского метафора химической реакции, напротив, высвечивает следствие неполной предсказуемости ситуации, ее неконтролируемости, а также неопределенности, относительной свободы действия экономических законов. К диалогической сочетаемости можно отнести также случаи внутреннего спора человека с самим собой или с воображаемым собеседником, ср. (6а, б):

- (6) а. Львиная доля ВВП производится в крупных корпорациях, управляемых администраторами, прошедшими длительный путь восхождения с низших ступеней корпоративной иерархии до самого верха. Эти люди чувствуют себя *не пиратами в бурном море стихийного рынка, а элементами отлаженного механизма*. («Московские новости», 01.12.1991);
- б. Но при этом стороны чудовищно не верят и ненавидят друг друга. Значит, нужна нейтральная полоса. Ею и стала биржа. Ведь по своей сути она *не механизм рынка*, как считают многие, а только *площадка для игры по честным правилам*. («Московские Новости», 15.09.1991)

В примере (6а) метафоры пиратства и механизма явно противопоставляются по следствиям, а в (6б) метафоры механизма и площадки

(пространства) эксплицитно подаются в контексте спора. Конфликтность диалогической сочетаемости, ее ориентация на противоборство — это совершенно особая область теории метафоры, связанная с аргументативными стратегиями. Прагматический контекст спора, дискуссии существенно меняет обычные правила взаимодействия метафорических проекций<sup>23</sup>. Проблема диалогического взаимодействия М-моделей в дискурсе требует особого исследования и в рамках данной книги затрагивается лишь частично в пятой и шестой главах.

Обсуждавшиеся примеры внешней сочетаемости М-моделей объединяет одно общее свойство: сочетания дескрипторов М-моделей проецируются на одно явление в области цели, иными словами, сигнификативные дескрипторы М-моделей относятся к одному денотативному дескриптору. Такую внешнюю сочетаемость можно назвать **денотативно связанной**. Возможны, однако, комбинации нескольких метафорических выражений, которые денотативно не связаны, но при этом вместе формируют некоторый общий концептуальный образ единой ситуации. Последнее и позволяет рассматривать такие выражения как случай сочетаемости М-моделей, ср. (7а, б):

- (7) а. Бакатин не рисовался — ему эта черта характера в принципе не свойственна, наоборот, он порой к себе беспощаден, «раздевается» — *прямо мишень для «акул пера»*. Лишней добродетели ему тоже по доброте душевной не припишешь, тут же тактично обрывает: нет, все проще, я не такой. («РТ», 08.06.1991);
- б. Эта тенденция вдвойне опасна, ибо развивается она на фоне действительно кисельной законодательной власти и активизации «ястребов», *которые пошли в атаку на «демократическую шушеру»*, что видно невооруженным глазом. («Россия», № 8, 07.02.1991)

В (7а) представлены два метафорических выражения — *акулы пера* и *мишень*. В первая метафора отсылает к М-модели фауны, а вторая — к М-модели войны, причем разным сигнификативным дескрипторам соответствуют различные денотативные дескрипторы — «журналисты» и «критикуемый». Однако оба метафорических выражения оказываются связаны через следствия «агентивности» («акулы агрес-

<sup>23</sup> Специфические закономерности «диалогического» использования метафор в политическом дискурсе рассматриваются в [Chilton, Ilyin 1993]. Там этот аспект использования метафоры назван «интерактивным».

сивны и, следовательно, выступают в роли действующего субъекта») и «пациенности» («мишени подвергаются воздействию выстрела и, следовательно, выступают в роли сущности, испытывающей воздействие»). Благодаря этим следствиям и возникает образ — относительно единая когнитивная структура, формирующаяся из источниковых фреймов «акулы» и «мишени». Близкая ситуации и в примере (7б). Контексты типа (7а, б) мы будем далее называть **внешней денотативно-несвязанной сочетаемостью** М-моделей.

В предложенной формализованной модели метафоризации внешняя сочетаемость отражается в виде двух или более коротежей сигнификативных и денотативных дескрипторов, причем в денотативно связанной сочетаемости денотативные дескрипторы коротежей идентичны.

В обобщенном виде формальная типология сочетаемости М-моделей представлена на рис. 1.



Рис 1. Типология сочетаемости метафорических моделей

### 2.3. Сочетаемость М-модели механизма с другими М-моделями

Обратимся к конкретному материалу политического дискурса эпохи перестройки. Как уже отмечалось, порядка 15 % всех реализаций М-модели МЕХАНИЗМА в дискурсе приходится на совместную сочетаемость (59 употреблений из 394). В табл. 1 приведена статистическая информация по всем обнаруженным случаям сочетаемости.

Таблица 1

#### Сочетаемость М-модели механизма в политическом дискурсе эпохи перестройки

М-модель	Количество контекстов
ПЕРСОНИФИКАЦИЯ	17
ОРГАНИЗМ	14
СТРОЕНИЕ	6
ДВИЖЕНИЕ	5
ПРОСТРАНСТВО <sup>24</sup>	3
ФАУНА	3
ВОЙНА	2
ПУТЬ <sup>25</sup>	2

Одиночные контексты сочетаемости представлены М-моделями БОЛЕЗНИ, ИНСТРУМЕНТА, МИРАЖА, ПОГОДЫ, ПРИРОДЫ, РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА, РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ. Из табл. 1 видно, что наиболее продуктивную сочетаемость М-модель МЕХАНИЗМА обнаруживает с М-моделями ПЕРСОНИФИКАЦИИ и ОРГАНИЗМА. Следует отметить, что частота сочетаемости с М-моделью ПЕРСОНИФИКАЦИИ даже несколько выше, поскольку в тех случаях, когда неживое осмысливается как живое, М-модель ОРГАНИЗМА также может считаться некоторой начальной «ступенью» ПЕРСОНИФИКАЦИИ.

С точки зрения формы сочетания М-модели МЕХАНИЗМА с моделью ПЕРСОНИФИКАЦИИ преимущественно относятся к внутренней сочетаемости (денотативно связанной и несвязанной):

<sup>24</sup> М-модель движения семантически образует часть М-модели ПРОСТРАНСТВА. В таблице они разделены для целей наглядности подачи материала.

<sup>25</sup> В разработанном метаязыке М-модель пути рассматривается автономно, но содержит парадигматические отсылки к М-модели ПРОСТРАНСТВА и ДВИЖЕНИЯ.



- (8) а. И выбросила *машина* писателя с родной земли подальше, в USA, в штат Вермонт. «Да ты что, машина! — кричали ей — это же метафора, литература, стилизация, сатира, гротеск, особенность дарования, это ценность». «Знаю, знаю, — бурчала машина, перемалывая кости писателя. — Чай, не он первый, не он последний...» («Огонек», № 41, 06.10.1990)
- б. Опора на все слои трудящихся неизбежно вызовет мощный крен в сторону уравнительности, заставит забыть о социальной защите как таковой, без учета *интересов рыночного механизма*. («Огонек», 01.12.1990)

Против ожиданий, с точки зрения конвенциональности контексты сочетаний рассматриваемых моделей неоднородны. Так, пример (8а) демонстрирует и живую М-модель механизма и живую метафору персонификации, а в примере (8б) обе М-модели, скорее, конвенциональны. Впрочем, хороший редактор не пропустит пример (8б) в печать: фраза *интересы рыночного механизма* небезупречна и семантически и стилистически.

К внешней сочетаемости можно отнести примеры (9) и (10):

- (9) Экономические «проекты века» эпохи перестройки проваливались один за другим (в отличие от авторов). «*Отцы*» же оставались у руля. Рыжков, Аганбегян, Абалкин — где трагизм, а где и не по силам ноша. Бросить? Ну уж нет. («Российская Газета», 24.11.1990)
- (10) *Военно-промышленный комплекс* пожирает огромные средства, это ясно — чуть ли не половина бюджета туда идет. Но и там не все однозначно. Многие военно-промышленные предприятия готовы развивать мирные отрасли. Хотя *гигантский маховик, запущенный* после двух мировых войн, приостановить очень сложно. («Российская Газета», 05.05.1991)

Большая часть контекстов сочетаемости М-модели механизма с М-моделью организма также приходится на внутреннюю сочетаемость, ср. (11а, б):

- (11) а. А теперь о последовательности шагов по стабилизации экономики и переходу к рынку. Полагаю, всем понятно: для становления *полнокровного рыночного механизма* потребуются целый ряд лет. (Горбачев М. С. «Известия», 20.10.1990)
- б. <...> медленно и болезненно происходит *отслоение партийной кожи с государственных механизмов*. (Шевцова Л. «Известия», 17.09.1990)

Однако имеются и примеры внешней сочетаемости (как денотативно связанной — 12а, так и денотативно несвязанной — 12б):

- (12) а. Берия имел идеально отлаженную машину МГБ и военно-промышленного комплекса. Ясно, что сегодня разложение коснулось и этих структур. («Горизонт», 01.08.91)
- б. Самая страшная ошибка была совершена не в 1929 году, когда началась коллективизация, и не в 1937 году, когда железный каток сталинизма проехал по хребту народа, а в 1918-м, когда было разогнано Учредительное собрание, а затем разрушена хоть хрупкая, но все же двухпартийная социалистическая система. («Независимая Газета», 01.08.91)

Анализ контекстов наиболее продуктивной сочетаемости М-модели МЕХАНИЗМА показывает, что с содержательной точки зрения выделяются два основных типа сочетаемости, в каком-то смысле аналогичные семантической и лексической сочетаемости лексем. Первый тип — это когнитивно-семантическая сочетаемость. Она реализуется в тех случаях, когда между двумя М-моделями, точнее между стоящими за ними фреймами, устанавливаются семантические связи на уровне следствий. Сюда относятся прежде всего случаи денотативно-несвязанной внешней сочетаемости. Действительно, если в одном высказывании обнаруживаются две или более рядом стоящие метафорические проекции, отличающиеся не только сигнификативными, но и денотативными дескрипторами, то единственное основание их появления в дискурсе — это связь между соответствующими им фреймами на уровне метафорических следствий. Таковы уже разобранные контексты (7а, б). К когнитивно-семантической сочетаемости относится также пример (9) и пример (12б). В примере (9) фреймы, стоящие за метафорическими выражениями *отцы и руль*, связываются по метафорическому следствию «наличие функции управления», а в (12б) «движение катка по хребту» мотивировано идеей «болезненности», порождаемой семантическим следствием из метафоры катка «тяжесть» и семантическим следствием из метафоры хребта «уязвимость». Идея «болезненности» может мотивироваться и другим следствием из обсуждаемой метафоры: «каток выравнивает неровности, в том числе и неровности хребта, что порождает боль». Когнитивно-семантическая сочетаемость реализуется либо через близкие по концептуальному содержанию слоты фрейма (как в 7а, б и 8), либо через слоты, концептуальное содержание которых различно, но как бы дополняет друг друга — (12б).

В принципе когнитивно-семантическая сочетаемость реализуется также и во внутренней денотативно несвязанной сочетаемости. Так, метафоры в примерах типа *аппаратчики и теневики — законные дети неэффективной системы социализма* связаны по метафорическим следствиям: нечто вроде «если система социализма — это человек, то он может иметь детей, в качестве которых выступают аппаратчики и теневики». Интересно, что примеров внутренней денотативно несвязанной сочетаемости в корпусе контекстов М-модели механизма сравнительно немного. Приводимые примеры обнаружались в контекстах употребления М-модели родственные отношения (3 примера на 225 реализаций М-модели). Два обнаруженных контекста в М-модели механизма (*отслоение партийной кожи с государственных механизмов* и *рычаги преодоления паралича власти*) с содержательной точки зрения реализуют другой тип сочетаемости (см. ниже).

Другие два формальных типа сочетаемости — внутренняя денотативно связанная и внешняя денотативно связанная — в М-модели механизма демонстрируют с содержательной стороны совершенно иной тип сочетаемости, который мотивируется не семантическими (концептуальными) связями между когнитивными структурами, а онтологией, устройством мира и в силу этого его можно назвать **онтологической сочетаемостью** М-моделей. В контекстах (12а), (10), (11а,б), (12а) трудно найти разумное семантическое следствие, которое связывало бы соответствующие когнитивные структуры. Механизма, с одной стороны, и персонификации, организма — с другой. Так, метафорические выражения «*Знаю, знаю*», — *бурчала машина* или *учет интересов рыночного механизма* внутренне противоречивы. М-модель механизма противопоставлена М-модели персонификации (и организма тоже) по метафорическим следствиям. Между тем они легко сочетаются в политическом дискурсе (и не только политическом) — машина в современной системе метафорики русского языка может бурчать, иметь интересы, улыбаться, грустить, обучаться и т. д. Трудно назвать это случайностью, поскольку примеры такого рода составляют значительную часть реализаций М-модели механизма в дискурсе.

Можно было бы предположить, что онтологическая сочетаемость реализуется в контекстах использования стертых, конвенциональных метафор или сочетания стертой метафоры и новой метафоры. В этом случае противоречие не возникает: действительно, если М-модели не ощущаются носителем языка, не воспринимаются им как часть

значения, то и противоречию неоткуда взяться. Однако легко показать, что это не так: во фразе «*Знаю, знаю*», — бурчала машина обе М-модели живые, не конвенциональные. Кроме того, выражение *интересы рыночного механизма*, хотя и реализует, скорее, стертые метафоры, противоречие их «оживляет». Это отражается в явственном ощущении аномальности, возникающем у адресата соответствующего высказывания. Именно поэтому «закон единственности живой метафоры в ЭДЕ (элементарной дискурсивной единице. — А. Б.)», формулируемый И. М. Кобозевой [Кобозева 2010: 61], не подтверждается реальным языковым материалом. Причины этого более подробно рассматриваются ниже.

Онтологическая сочетаемость необъяснима или плохо объяснима, если исходить из чисто семантических и когнитивных закономерностей. Однако известно, что первые механизмы создавались по образцу и подобию людей, они моделировали те или иные функции человека — способность передвигаться, делать какую-то работу (пусть простую и однообразную), исполнять музыкальные произведения (например, шарманки являются весьма сложно устроенными механизмами). Технический прогресс добавлял все больше и больше человеческих свойств механизмам — вплоть до способности к мышлению [Mumford 1967]. Именно это и лежит в основе сочетаемости М-модели механизма с М-моделями персонификации и организма в примерах типа (12a), (10), (11a, б), (12a)<sup>26</sup>. Иными словами, онтологическая сочетаемость необъяснима, если исходить из чисто семантических закономерностей или из особенностей устройства структур

<sup>26</sup> Альтернативный вариант объяснения онтологической сочетаемости — считать, что это случаи вторичной метафоризации: механизм вторично переосмысливается как лицо, персона. В предложенной формализованной модели метафоризации этому бы соответствовала структура из вложенных друг в друга кортежей. В этом случае можно говорить о «ретроспективной модели метафоризации». Однако это не снимает самой проблемы сочетаемости М-моделей. Заметим, что и само содержание онтологической сочетаемости может быть существенно различным — см. ниже обсуждение сочетаемости М-модели фауны. Кроме того, такой вариант объяснения подходит только для случаев со «стертой» или почти «стертой» вторично метафоризируемой метафорой. Если обе метафоры живы — как, например, в выражении *могучий и мудрый народный фильтр* (о выборах), — то говорить о первичности или вторичности метафорической проекции довольно трудно, разве только в смысле последовательности порождения синтаксической структуры.

знаний, тесно связанных с функционированием языка. Аналогично лексическую сочетаемость лексем нельзя объяснить на основании их толкования. Онтологическая сочетаемость — аналог лексической на уровне метафор. Впрочем, онтологическая сочетаемость отличается от лексической тем, что лексическая вообще необъяснима, а для онтологической иногда могут быть найдены объяснения, правда, за пределами собственно лингвистического знания и даже экстралингвистического знания, непосредственно мотивирующего семантические связи в тексте.

Таким образом, онтологическая сочетаемость и когнитивно-семантическая сочетаемость являются содержательными типами сочетаемости. Особо стоит вопрос о связи содержательной сочетаемости (онтологической и когнитивно-семантической) с формальными типами сочетаемости М-моделей — внутренней сочетаемостью и внешней денотативно связанной сочетаемостью. Анализ реализаций М-модели механизма позволяет выявить здесь определенные тенденции, ср. табл. 2.

Таблица 2

**Частота связей между формальными и содержательными типами сочетаемости М-моделей на примере М-модели механизма**

	Онтологическая сочетаемость	Когнитивно-семантическая сочетаемость
Внешняя денотативно несвязанная сочетаемость	2	16
Внешняя денотативно связанная сочетаемость	14	1
Внутренняя денотативно связанная сочетаемость	22	2
Внутренняя денотативно несвязанная сочетаемость	2	0

Таблица 2 определенно указывает на связь между внешней денотативно несвязанной сочетаемостью и когнитивно-семантической сочетаемостью, с одной стороны, и на связь внешней денотативно связанной сочетаемости и внутренней денотативно связанной сочетаемости с онтологической сочетаемостью<sup>27</sup>. Причины этого достаточно

<sup>27</sup> Говорить о каких-то закономерностях в отношении внутренней денотативно несвязанной сочетаемости трудно из-за незначительного количества данных.

очевидны: когнитивно-семантическая сочетаемость в определенном смысле более прозрачна, поэтому метафорические выражения, объединяемые в единые когнитивные структуры, в тексте могут быть довольно автономны — располагаться в разных фрагментах предложения или даже в разных предложениях. Онтологическая сочетаемость плохо мотивирована на уровне сознания и поэтому требует чисто формальной поддержки — реализации нескольких М-моделей либо в одном метафорическом выражении, либо в двух метафорических выражениях, имеющих идентичный денотативный дескриптор.

Поскольку речь идет о тенденциях, то отклонения в материале, разумеется, обнаруживаются. Например, внешняя денотативно несвязанная сочетаемость может реализовать и онтологическую сочетаемость, ср. (13):

- (13) Умными, занявшими ум на стороне, реформаторами была выработана блестящая формула: «демократизация — гласность». Это рабочий термин, который родился в тайных лабораториях власти и, выпорхнув на брифинге или в программной статье, стал эмблемой, фирменным знаком перестройки. За этим термином скрывается мощный *социальный двигатель*, сконструированный инженерами перестройки и *внедренный в наш рыхлый малоподвижный социум*. (Проханов А. «Наш Современник», 01.09.1990)

Словосочетание *рыхлый малоподвижный социум* воспринимается как метафора организма, при этом в организм внедряется *социальный двигатель*. Сущности в области цели у данных метафорических проекций различны: в первом случае — «демократизация — гласность», а во втором — «общество». Иными словами, с формальной точки зрения перед нами внешняя денотативно несвязанная сочетаемость, однако с содержательной — онтологическая сочетаемость<sup>28</sup>. Следует отметить, что приведенный контекст явно не относится к числу стилистических находок и воспринимается как не вполне удачная фраза. Это связано с тем, что онтологическая сочетаемость не подкреплена должным образом с точки зрения формального устройства. Впрочем, здесь возможны и более удачные примеры, ср. вполне нормальный

<sup>28</sup> Прилагательное *рыхлый* в метафорическом выражении *рыхлый малоподвижный социум* может интерпретироваться также как метафора грунта, почвы. Однако и в этом случае идея «органистичности» остается в прилагательном *малоподвижный* и в персонификации социума до ступени «существа, обладающего способностью к движению».

случай сочетаемости М-модели СТРОЕНИЯ (АРХИТЕКТУРЫ) и М-модели МЕХАНИЗМА:

- (14) Есть общественный строй, созданный для человека, и есть общественный строй, который государство *строит* с утра до ночи, а человек — *только «колесико» и «винтик» в этом строительстве...* («Независимая Газета», 08.08.1991)

Ничему, в принципе, не противоречит внутренняя денотативно связанная сочетаемость, реализующая с содержательной стороны когнитивно-семантическую сочетаемость, ср. контексты типа *колесо репрессий покатило* и *использовать механизмы мира и согласия в качестве дубинок*. В первом случае метафорические выражения с М-моделями МЕХАНИЗМА и ДВИЖЕНИЯ [в ПРОСТРАНСТВЕ] связаны по следствию «движение механизма происходит в пространстве», а во втором — М-модели МЕХАНИЗМА, ОРУЖИЯ и ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА связаны по следствию «механизм, оружие и предмет-объект имеют свойство предметности». Иными словами, меньшая частота таких случаев связана не с запретом как таковым, а с тем, что соответствующее место в системе способов выражения уже занято онтологической сочетаемостью. Как уже отмечалось, в пользу онтологической сочетаемости говорят и чисто структурные факторы: поскольку онтологическая сочетаемость плохо мотивирована, совмещение двух метафорических проекций в одном метафорическом выражении часто оказывается единственным формальным способом указать на их связь.

Не вполне ясна ситуация с внутренней денотативно несвязанной сочетаемостью. В контекстах реализации М-модели МЕХАНИЗМА этот формальный тип сочетаемости содержательно реализует онтологическую сочетаемость, ср. *отслоение партийной кожи с государственных механизмов* (контекст 2) и *рычаги преодоления паралича власти*. В первом случае это комбинация М-моделей ОРГАНИЗМА и МЕХАНИЗМА, а во втором — МЕХАНИЗМА и ОРГАНИЗМА / БОЛЕЗНИ. Понятно, что это чисто онтологическая сочетаемость, необъяснимая с точки зрения метафорических следствий. Однако в примерах корпуса М-модели родственных отношений соответствующий формальный тип сочетаемости реализует когнитивно-семантическую сочетаемость: *аппаратчики и теневики — законные дети неэффективной системы социализма*. См. по этому поводу выше. Недостаточность статистики такой комбинаторики М-моделей не позволяет сделать правдоподобные выводы о зависимости внутренней денотативно несвязанной сочетаемости от

содержательных типов сочетаемости — онтологической и когнитивно-семантической.

В исследовавшемся корпусе примеров обнаружился один контекст использования внешней денотативно-связанной сочетаемости, содержательно реализующей когнитивно-семантическую сочетаемость. Ср.:

- (15) Пионерская организация сегодня *недобрая*. Взрослые превратили ее в *кнут*, в *приводной ремень*. («Московский Комсомолец», 21.09.1990)

В контексте (15) реализуется одновременно три М-модели, по разному метафорически осмысляющие пионерскую организацию. Сначала пионерская организация персонифицируется (*недобрая*), затем осмысляется как инструмент (*кнут*) и далее метафорически интерпретируется как часть механизма (*приводной ремень*). Сочетаемость ИНСТРУМЕНТ-ЧАСТЬ МЕХАНИЗМА поддерживается общим следствием из метафор *кнута* и *приводного ремня*: и *кнут*, и *приводной ремень* используются для передачи каких-то стимулов, исходящих от одной сущности, к другой.

Если обратиться к соотношению между содержательными типами сочетаемости М-моделей и самими комбинациями МЕХАНИЗМА с другими М-моделями, то комбинации МЕХАНИЗМА и ПЕРСОНИФИКАЦИИ, МЕХАНИЗМА и ОРГАНИЗМА в подавляющем большинстве случаев реализуют онтологическую сочетаемость. Это объясняется тем, что с когнитивной точки зрения эти модели в общем случае противопоставлены по метафорическим следствиям, следовательно, когнитивно-семантическая сочетаемость, требующая объединения когнитивных структур на основе семантических следствий, если не невозможна в данном случае в принципе, то существенно затруднена. По аналогичным причинам онтологическая сочетаемость реализуется и в сочетаниях МЕХАНИЗМА с М-моделями БОЛЕЗНИ (*невинные жертвы дуновения<sup>29</sup> чумы, прокатившегося по России «красного колеса»<sup>30</sup>*), РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА (*бесплодный рычаг Системы спас демократию*), ПРИРОДЫ (*хозяйственный механизм, имеющий рыночную природу*). При этом единственный пример одновременной реализации МЕХАНИЗМА с М-моделью РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ представляет когнитивно-семантическую сочетаемость, ср. (9): *Экономические «проекты века» эпохи перестройки проваливались один за другим <...>. «Отцы» же оставались у руля <...>.*

<sup>29</sup> Здесь, разумеется, представлена также М-модель ВЕТРА (шире — погоды).

<sup>30</sup> В данном контексте реализуется еще и М-модель ЛИТЕРАТУРЫ.



Несколько более сложный случай — комбинация МЕХАНИЗМ и СТРОЕНИЕ, ср., например, (16а, б):

(16) а. Известно, что тоталитаризм приводит к вырождению управленческого блока. Атмосфера террора, так сказать, жизненный тонус режима, обеспечивается постоянной сменой кадров (ротацией), захватывающей все *этажи административной машины*. («Независимая Газета», 11.09.1991)

б. <...> тамошние диктаторы обороняли рыночную экономику от наскоков коммунистов <...>, потому и добились в конце концов экономического процветания для своих стран. А наши-то что и от кого защищать будут? *Жалкие руины командно-административной системы?* Так ведь она никогда уже не заработает даже на *прежних ленивых оборотах*, хоть защитай ты ее, хоть не защитай. («Литературная Газета», 05.06.1991)

Примеры сочетающихся метафорических проекций в (16а, б) не воспринимаются как абсолютно нормальные. В них есть что-то, что обескураживает читателя, хотя на общем фоне политической метафоры периода перестройки эти контексты вызывают уже меньше протеста. Обескураживающий момент объясняется тем, что когнитивно-семантическая сочетаемость и тем более онтологическая сочетаемость и в данном случае оказываются не вполне достаточным основанием комбинации М-моделей. Когнитивно-семантическая сочетаемость никак не поддержана в контекстах соответствующими следствиями. Что касается онтологической сочетаемости, то, действительно, бывают такие механизмы, которые столь огромны, что приближаются к строениям — имеют этажи, обнесены строительными конструкциями и пр. Однако такие механизмы явно периферийны, это не категории «базового уровня» (в терминологии когнитивной психологии). Отсюда и некоторая неудовлетворительность приведенных контекстов. Ср., впрочем, приводившийся ранее более удачный пример (14). В любом случае примеры такого типа имеет смысл относить к случаям онтологической сочетаемости.

Комбинаторика механизма с М-моделями пространства и движения реализует преимущественно когнитивно-семантическую сочетаемость. Это объясняется очевидным семантическим следствием, связывающим эти М-модели: «работа, функционирование механизма происходит в пространстве и часто сопровождается движением, особенно если механизм является частью транспортного средства». Ср. (17а, б):

- (17) а. *Политическое «колесо» государственной машины стремительно уходит вперед, но «квадратное» колесо экономики так и не удалось вытащить из болота застоя. Такой разрыв политических и экономических процессов поставил страну на край катастрофы. («Известия», 01.01.1991)*  
 б. Можно дать *простор* действию *экономических рычагов*. (Первый съезд народных депутатов)

В примере (17а) М-модель механизма сочетается с М-моделью движения. Поскольку колесо — как механизм или его часть — связано с движением, то налицо когнитивно-семантическая сочетаемость. Аналогично работа рычагов требует определенного пространства, что мотивирует сочетаемость М-моделей механизма и пространства в (17б). Поскольку М-модель пути концептуально тесно связана и с идеей движения и с идеей пространства, то, сочетаясь с механизмом, она тоже реализует когнитивно-семантическую сочетаемость, ср. следующий пример:

- (18) Как мы поступали первое время? Просто *монтировали новые механизмы* в существующую систему. Теперь надо там *развернуть эти механизмы, уравновесить их*, чтобы не погубить саму демократию. Ибо она уже *сейчас сопровождается выбросами, выхлопами*. Но нам не надо *отказываться от этого пути*. («Советская Россия», 19.12.1990)

В приведенном примере ситуация усложнена тем, что, кроме названных М-моделей, в контексте присутствует еще одно метафорическое выражение *она уже сейчас сопровождается выбросами, выхлопами*, которое можно интерпретировать как результаты функционирования либо просто механизма, либо — что вероятнее — автомобиля. Тогда цепочка когнитивно-семантических связей между М-моделями МЕХАНИЗМ — АВТОМОБИЛЬ — ПУТЬ оказывается абсолютно прозрачной.

Комбинации механизма с моделью войны представлены в материале когнитивно-семантической сочетаемостью, основанной на метафорическом следствии «механизм и оружие обладают свойством предметности»: *использовать как дубинки законы — эти механизмы мира и согласия*.

Прочие одиночные контексты реализуют когнитивно-семантическую сочетаемость: МЕХАНИЗМ и ИНСТРУМЕНТ — см. (15), МЕХАНИЗМ, МИРАЖ и СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО (19а), МЕХАНИЗМ и ПОГОДА (19б).

- (19) а. Необходимо отдавать себе отчет в том, что если империя была действительно выстроена русскими для себя, то СССР был *големом*, роботом, созданным коммунистами в собственных целях и специально камуфлирован в наследника Российской империи. И *мираж* этот был трагическим образом принят за правду многими. («Литературная Газета», 11.09.1991)
- б. Я затрону ту часть вопроса, которая касается *штурвала*. Знаете, я соглашусь с вами в том, что мы, конечно, прокладываем курс нашему перестроенному кораблю в сложной *погодной, морской ситуации* — *штормит, не все видно, туманы*. (Горбачев М. С. «Известия», 08.05.1991)

Комбинация механизм—мираж—сверхъестественное существо подержана в (19а) метафорическим следствием «нереальное, ненастоящее»: робота нельзя рассматривать как настоящего человека, голем также порождает идею нереального. Аналогичным свойством обладает и М-модель миража. В (19б) структура сочетающихся М-моделей усложнена. Здесь элемент области источника «штурвал» оказывается частью транспортного средства («корабля»), плывущего в сложных погодных условиях. Это типичный случай когнитивно-семантической сочетаемости.

## 2.4. Сочетаемость М-моделей и проблема конвенциональности метафор

Проблема сочетаемости М-моделей, как показывает дискуссия в литературе по метафорике, часто соотносится со стертостью / конвенциональностью и, наоборот, новизной метафоры, ее творческим характером. Весьма показательна в этом отношении статья И. М. Кобозевой «Лексико-семантические заметки о метафоре в политическом дискурсе» [Кобозева 2010]. Основная идея этой публикации состоит в том, что целью анализа политических метафор в политическом дискурсе является исследование ее «риторического потенциала». «Данный параметр (то есть “риторический потенциал”. — А. Б.), — пишет И. М. Кобозева, — представляет собой шкалу. На одном полюсе этой шкалы — лексикализованные метафоры, то есть семантические дериваты слов, уже вошедшие в лексико-семантическую систему языка <...>» [Там же: 58]. На другом полюсе, как можно предположить, находятся живые метафоры. Практическая рекомендация автора статьи начинающим политическим лингви-

стам такова: поскольку «риторический потенциал» имеется только у живых метафор, то анализ стертой, конвенциональной метафорики не нужен — «бесполезен для заявленных выше прикладных целей» [Там же: 59]. Понятно, что идея сочетаемости метафорических моделей с точки зрения риторического потенциала оказывается под сомнением. Более того, согласно формулируемому И. М. Кобозевой «закону единственности живой метафоры», в элементарной дискурсивной единице сочетания М-моделей вообще не может быть [Кобозева 2010: 61].

Критерием отделения живых метафор от стертых предлагается считать наличие «семантического эффекта переинтерпретации ситуации при замене данного МВ (метафорического выражения. — А. Б.) на синонимичное ему буквальное или метафорическое выражение» [Там же: 60].

Такие претензии вполне уместны, если сводить задачи политической лингвистики к исследованию того, что в обсуждаемой статье названо «риторическим потенциалом». Отметим, однако, что задачи политической лингвистики — в том числе и при исследовании метафорики — существенно шире и вовсе не сводятся к задачам традиционной риторики. А изучение риторического потенциала (в понимании И. М. Кобозевой) как раз является одной из парадигмальных задач риторики — науке о правилах «хорошей» и правильной речи, способной убедить слушателей при сознательном понимании аргументации адресатом [Рождественский 1997]. Политическая лингвистика (как и теория речевого воздействия) изучает не только такие способы речевого воздействия в дискурсе, которые эксплицитны и осознаются как адресатом, так и говорящим, то есть то, что составляет «риторический потенциал» речевого акта, но и те особенности употребления языковых форм, которые имплицитны, неосознаваемы и передаются в скрытых слоях плана содержания высказывания и текста. К последним относятся модальная рамка, пресуппозиции, семантические следствия, коннотации и др. способы коммуникативной «упаковки» речевого высказывания. По отношению к имплицитной части семантики говорящий и слушающий могут занимать следующее положение:

Таблица 3

**Участники ситуации общения с точки зрения осознания  
имплицитного содержания речевого высказывания**

<b>Имплицитное осознается</b>	<b>Статус имплицитного</b>
Говорящим и слушающим	<i>A</i>
Говорящим, но не слушающим	<i>B</i>
Слушающим, но не говорящим	<i>C</i>
Ни говорящим, ни слушающим	<i>D</i>

В табл. 3 указаны некоторые комбинаторные возможности распределения ролей двух участников ситуации общения по отношению к имплицитным компонентам высказывания и текста (излишне говорить, что роли говорящего и слушающего распространяются не только на устную коммуникацию). Для простоты будем исходить из того, что эксплицитные части семантики речевых форм осознаются участниками в полной мере. Тогда ситуация *A* может характеризоваться как идеальная для риторической традиции: это случаи «правильного» использования языка для передачи смысла, когда и говорящий и слушающий осознают все стороны семантики речевых высказываний — как явные (эксплицитные), так и скрытые. Главное сообщается в пропозициях в виде тезисов и аргументов, а второстепенное помещается в имплицитные слои плана содержания. В такой ситуации воздействующий потенциал метафоры хорошо осознается и говорящим и слушающим.

Ситуация *D* ровно противоположна ситуации *A* и, тем не менее, также отвечает риторическому идеалу «правильной речи». Действительно, ни говорящий, ни слушающий не осознают имплицитное содержание, но, соответственно, и не используют его для контрабандного воздействия, не одобряемого риторической традицией.

В ситуации *B* типична для случаев речевого воздействия, когда говорящий целенаправленно использует возможности коммуникативной «упаковки» содержания таким образом, чтобы важную для него информацию поместить в имплицитные слои плана содержания. Скрытая форма передачи содержания позволяет говорящему не обсуждать истинность утверждений, которые он хочет навязать слушающему. Так, рекламный слоган *Вы этого достойны* через имплицитную дискурса передает семантику высокой престижности товара. Точно так же использование в ситуации *B* конвенциональных метафор дает возможность говорящему навязать определенные семантические следствия из метафоры. Действительно, во фразе *На пустом*

месте *правового государства не построишь* использована метафора Государство — это СТРОЕНИЕ (*строить государство*), которую следует квалифицировать как конвенциональную, поскольку глагол *строить* имеет значение 'делать, создавать что-то нематериальное', ср. фразы с конвенциональной метафорикой: *строить свою жизнь, строить планы, строить коммунизм / социализм, строить / выстраивать отношения*. Использование такой метафоры влечет метафорическое следствие, в котором «государство» концептуализуется как материальный объект, который можно создать по некоторому алгоритму, воспроизводимому в разных ситуациях разными людьми — подобно строению, создаваемому по архитектурному проекту. Если слушающий в момент произнесения не осознает данное метафорическое следствие, а говорящий использовал конвенциональную метафору *строить правовое государство* намеренно, то эффект от категоризации государства как материального объекта для адресата не исчезает: это представление навязывается слушающему как данность, которая не подлежит обсуждению. Между тем обсуждать есть что: в различных культурах концепт «права» может пониматься по-разному — и как справедливость, и как закон, и как традиция, и как соответствие правде — все это не одно и то же [Баранов 1991б]. Далеко не во всех случаях построение правового государства — ясная, единая и универсальная процедура, воспроизводимая во всех социумах в соответствующей деятельности — в том числе политической. Отрицать значимость такого воздействия все равно что отрицать потенциал воздействия семантических следствий, импликатур дискурса, пресуппозиций и т. д. Действительно, эти феномены сферы имплицитного также далеко не всегда осознаются слушающим и тем самым не относятся (по И. М. Кобозевой) к тому, что можно назвать риторическим потенциалом.

О феномене категоризации ментальных сущностей, заложенном в метафоре (в том числе и конвенциональной), пишет и Дж. Лакофф, рассматривая метафору *LOVE IS A JOURNEY* во фразах типа *The relations isn't going anywhere, Look how far we've come*. Он отмечает: «Примеры указанного типа показывают, что передаваемое содержание — это не просто принятый способ говорить [о любовных отношениях], это принятый способ их осмысления. Рассматриваемые примеры отражают то, как мы думаем о любви»<sup>31</sup> [Lakoff 1986: 27]. Таким образом,

<sup>31</sup> «Examples like this show that is involved is not just conventional language but a conventional mode of thought. They reflect a way of thinking about love» [Lakoff 1986: 27].

в конвенциональных метафорах фиксирован общепринятый, стандартный способ осмысления некоторого понятия («a conventional mode of thought») — в данном случае любви. Как пишет Дж. Лакофф, «общепринятые формы передают общепринятые идеи. Если языковые выражения относятся к устойчивым оборотам языка, то те идеи, которые они передают, образуют часть общепринятых представлений о действительности, лежащей в основе языка» [Ibid.: 32]<sup>32</sup>. Метафора LOVE IS A JOURNEY предусматривает, что любящие осмысляются как путешественники, находящиеся в пути и разделяющие общие цели. Любовная связь — это средство передвижения, которое позволяет им достичь общих целей. В пути могут встретиться перекрестки, препятствия и т. д. [Lakoff 1986: 27] Метафора любви как путешествия, представленная в англо-саксонской культуре, реализуется таким образом, что участники дискурса часто не осознают соответствующие выражения как метафоры<sup>33</sup>. Игнорирование конвенциональных метафор приводит к тому, что общепринятые способы «думать о чем-либо» не попадают в сферу семантического анализа.

В ситуации С говорящий и слушающий меняются ролями в том смысле, что говорящий становится объектом анализа слушающего: использование им тех или иных метафор оказывается диагностическим для определения степени конфликтности его мышления, для выявления его представлений о мире, о существующих у человека проблемах, озабоченностях и т. д. Методы анализа метафорики широко используются в терапевтических практиках (см., например, методы нейролингвистического программирования [Gordon 1978; Гордон 1995]), в теории речевого воздействия [Баранов, Паршин 1986] и в лингвистическом мониторинге политического дискурса (см. часть II). Разумеется, и это направление исследования феноменов естественноязыковой коммуникации не входит в сферу того, что в обсуждаемой статье И. М. Кобозевой названо «риторическим потенциалом». Тем не менее это не является препятствием для изучения данного аспекта функционирования метафорики в дискурсе. Неучет конвенциональных метафор, то есть принятых в данном дискурсе способов осмыс-

---

<sup>32</sup> «Conventional expressions express conventional ideas. If the expressions exist as a conventional part of language, then the ideas that they express exist in the conventional system on which the language is based» [Lakoff 1986: 32].

<sup>33</sup> «It comes in the form of metaphor that we may not even notice as a metaphor» [Lakoff 1986: 28].

ления тех или иных феноменов, не только ограничивает возможности объяснения феноменов речевой коммуникации, суживает возможности анализа мышления и сознания участников, но и приводит к искажению роли метафоры как средства познания и концептуализации действительности.

Рассматривая признаки отличия лексикализованной метафоры от живой, И. М. Кобозева отмечает, что замена живой метафоры на синонимичное ей буквальное выражение или на конвенциональную метафору снимает эффект переинтерпретации ситуации [Кобозева 2010: 60]. Действительно, слово *арена* в примере *На политической арене появились новые лица* является лексикализованной метафорой в силу того, что при замене этого слова на синонимичные ему — например слово *сцена* — ничего радикального с содержанием не происходит: *На политической сцене появились новые лица*. Но и не должно происходить, поскольку и *арена* и *сцена* профилируют в данном случае не идею игры, соревнования или театра, а идею пространства: Политика — это пространство. Причем важное семантическое следствие из этой метафоры указывает на обозримость происходящего на арене или сцене. Если заменить *арену* в рассматриваемой фразе на слово *жизнь*, то семантические изменения очевидны, хотя слово *жизнь* в данном контексте синонимично слову *арена*: *В политической жизни появились новые лица*. Эффект «обозримости» исчезает, что проявляется в сочетаемости, хотя и не прямо. Ср.: фраза *На политической сцене сразу видны / обнажаются все достоинства и недостатки человека* вполне удачна, а аналогичная фраза со словом *жизнь* явно хуже, хотя грамматически все верно: *В политической жизни сразу видны / обнажаются все достоинства и недостатки человека*. С другой стороны, если речь идет о чем-то не предназначенном для визуального восприятия, то слово *жизнь* лучше. Так, хорошо сказать *законы политической жизни* и не вполне удачно *законы политической арены / сцены*. И действительно, хотя существующие корпуса текстов не позволяют в данном случае выявить различия в сочетаемости (их объем в этом отношении далек от репрезентативности<sup>34</sup>), русскоязычный интернет дает следующие результаты: по данным поисковой машины Яндекса, словосочетание *законы политической жизни* встретилось 511 раз,

<sup>34</sup> В Национальном корпусе русского языка зафиксирован лишь один контекст употребления словосочетания *законы политической жизни*, и ни одного контекста использования словосочетаний *законы политической арены / сцены*.



а формы *законы политической арены / сцены* не встретились вообще. При всех претензиях к поисковым машинам сайтов интернета — часто совершенно справедливых — результат убедителен: словосочетания *законы политической арены* и *законы политической сцены* совершенно правильны грамматически, но противоречат категоризации, заложенной в стертой метафоре, все-таки влияющей и на сочетаемость, и на осмысление человеком реалий окружающего мира. Эти закономерности определяются законами **слабой семантики** (не в смысле Куайна), исследующей причины неупотребительности правильных речевых форм, в которых не нарушаются грамматические и явные семантические закономерности (см. подробнее [Баранов 2012]).

Особо следует остановиться на «законе единственности живой метафоры», формулируемом И. М. Кобозевой. Ссылаясь на свой опыт, она формулирует следующее обобщение: в элементарной дискурсивной единице не может реализоваться более одной метафоры [Кобозева 2010: 61]. Очевидно, что «закон единственности» носит когнитивную природу. Не случайно И. М. Кобозева в обоснование данного закона ссылается на У. Чейфа [Chafe 1994], согласно которому «дискурс порождается квантами, каждый из которых “вербализует один фокус сознания”, то есть совокупность информации, которую селективное человеческое сознание может одновременно удерживать в активном состоянии» (цит. по [Кобозева 2010: 62]). Отметим, что понятие активного состояния, тем более категория «удерживания в активном состоянии», относится к области психологии. Соответственно, и доказательство данного положения следует искать там же, а не в лингвистике. Понятно, однако, что по-простому этот тезис можно передать так: нельзя одновременно мысленно выделять многое или — в несколько иной форме — мысленно сосредотачиваясь, человек думает о чем-то одном. Приведенные формулировки работы «фокуса сознания» не могут, однако, рассматриваться как обоснование «закона единственности». Действительно, метафоризация и связанная с нею категоризация не обязательно связана с «фокусом внимания», концентрацией внимания, квантами и пр. фокусами когнитивных дисциплин. Во фразе <...> *медленно и болезненно происходит отслоение партийной кожи с государственных механизмов* («Известия», 17.09.1990) внимание адресата сосредотачивается на сложностях разделения партийных и государственных структур, составлявших в советский период единое целое, а не на метафорах организма и механизма. При этом особенности категоризации, проявляющиеся, в частности, в сочетаемости (см. выше), никуда не исчезают.

Иными словами, категория фокуса сознания (внимания) относится к актуальному значению выражения, а к его отдельным словам — только в том случае, если на это обращает внимание сам говорящий<sup>35</sup>, то есть в ситуации автономного употребления языковых форм.

Обратимся теперь к нашему опыту анализа данных выражений: он нам подсказывает, что во фразе <...> *медленно и болезненно происходит отслоение партийной кожи с государственных механизмов* конвенциональная, стертая метафора механизма оживляется в сочетании с креативной, новой метафорической проекцией *отслоение партийной кожи*. Противоречивость категоризации, заложенной в метафорах механизма и организма, приводит к тому, что обычное когнитивное «мерцание», характерное для любой метафоры и проявляющееся в возможности разнообразных метафорических следствий, существенно возрастает. Соответственно, увеличивается и потенциальный список альтернатив решения проблемной ситуации.

## 2.5. Заключение

Отметим в заключение три важных момента. Онтологическая сочетаемость, разумеется, не сводится только к комбинациям М-модели механизма с персонификацией и организмом (и аналогичными по свойствам М-моделями животного, растения-дерева и т. п.). Каждая метафорическая модель привносит в сферу онтологической сочетаемости что-то свое. Например, М-модель животного (фауны) обнаруживает широкую сочетаемость с М-моделью литературы. Из 64 случаев сочетаемости М-модели фауны с другими М-моделями на долю сочетаемости с М-моделью литературы приходится 25 контекстов, то есть порядка 40%. Когнитивно-семантическое обоснование таких случаев весьма затруднено, ср. примеры типа *медведь-воевода, от которого все ждали злодеяний, а он чижика съел; Запад мог бы сыграть роль мышки, которая поможет бабке, дедке, внучке; киплинговская обезьяна, наблюдающая со своей безопасной ветки за дракой двух тигров*. Сама по себе метафорическая проекция литературного персонажа в целевую сферу политики (политических субъектов) интерпретируется довольно легко, однако во всех случаях она реализуется в паре с соответствующим сигнификативным дескриптором из М-модели животного. Объяснить такую сочетаемость с когнитивной точки зре-

<sup>35</sup> Абстрагируемся от ситуации, рассмотренной выше, когда слушающий сознательно анализирует речевое поведение говорящего.

ния довольно сложно. Например, в случае *медведя-воеводы* профилируемое качество «склонности к злодеяниям» свойственно именно литературному персонажу, а не соответствующему элементу области животных. Скорее уж медведь-животное дает возможность профилировать свойства «неповоротливости», «медлительности», «большой массой»<sup>36</sup>. Таким образом, данная сочетаемость М-моделей также относится к онтологической, единственное ее обоснование — сам факт присутствия животного в мире литературного произведения<sup>37</sup>. «Цитирование» метафоры литературного персонажа в политическом дискурсе переносит в сферу онтологии источник исходной, первоначальной метафорической проекции.

Второе соображение касается онтологической сочетаемости. Похоже, что она чаще проявляется в тех случаях, когда одна из метафорических проекций оказывается совершенно стертой, «мертвой» метафорой. Подчеркнем, что это не всегда так и часто обе метафоры ощущаются как вполне живые. Однако для случаев комбинации живой и мертвой метафорической проекции можно использовать «ретроспективную модель метафоризации» с вложенными кортежами. Количество вложений будет соответствовать количеству повторных метафоризаций. Важно иметь в виду, однако, что в этих случаях причина может смешиваться со следствием. Дело в том, что онтологическая сочетаемость семантически, на уровне сознания немотивирована, следовательно «стирание» одной из метафор — естественный и необходимый процесс, снимающий семантическую и когнитивную «неконгруентность» результирующих выражений. Ср. характерный случай сочетаемости с метафорой аппарата: *На этом и хотят сыграть, как мне представляется, те, кто, спекулируя на популярности перестройки, хотел бы за наш счет сохранить еще на неопределенный срок командно-приказные методы управления экономикой и хотя бы немного, но дать еще поцарствовать разросшемуся, как саркома, бюрократическому аппарату* (Нуйкин А. «Мы и они», 01.10.1989). В последнем случае выражение *аппарат* содержит уже стертую метафору механизма. Это поддерживается еще и тем, что слово *аппарат* в этом значении не имеет однословных альтернативных способов

<sup>36</sup> Речь идет именно о наивных представлениях о животном, именуемом «медведь». Известно, что реальные медведи очень ловкие и быстрые звери.

<sup>37</sup> Приписывание интеллектуальных характеристик животному может рассматриваться как одна из ступеней метафорической проекции персонификации.

номинации. Следовательно, в терминах синтагматической модели метафоризации рассматриваемое метафорическое выражение было бы описано как <царь, саркома, аппарат>. В ретроспективной модели метафоризации денотативный дескриптор «аппарат» был бы переинтерпретирован как метафора: <царь, саркома, аппарат <аппарат, административно-командная система>>. Отсюда следует, что онтологическая сочетаемость имеет как синхронный, так и диахронический аспект.

Третье заключительное соображение относится к стилистическим кунштюкам довольно странных сочетаний М-моделей, в изобилии порождавшихся в политическом дискурсе эпохи перестройки. Как кажется, дело здесь не в потере стилистического вкуса или неряшливости формы выражения мысли. Как уже было показано, политические метафоры с когнитивной точки зрения представляют собой средство осмысления кризисной ситуации и инструмент, позволяющий строить множество альтернатив для решения проблемы. Отсюда возрастание относительной частоты употребления метафор в политическом дискурсе в период общественно-политических кризисов [Баранов 2000; Christ'l de Landtsheer 1991]. Широкое использование комбинаций М-моделей в дискурсе сопровождается увеличением частоты политической метафорики. Это дополнительная возможность распатывания стандартных рамок осмысления действительности, фиксированных в структурах знаний, которые уже могут не отвечать новым реалиям. Комбинаторика М-моделей в речи — это способ самонастраивания когнитивной системы и попытка борьбы с ритуализацией ее собственного мышления.

## Глава 3. «ВОСКРЕШЕНИЕ» МЕТАФОРЫ В СВЕТЕ ДЕСКРИПТОРНОЙ ТЕОРИИ

### 3.1. Постановка проблемы

В теории метафоры принято различать конвенциональные, или «стертые», метафоры и креативные, творческие, или «живые», метафоры. Стертые метафоры фиксируются в толковых словарях как переносные значения, ср.: *тормоз* ‘часть механизма / машины’ и *тормоз* ‘препятствие’. Тем самым можно считать, что стертые метафоры принадлежат лексико-семантической системе языка, а новые, креативные метафоры относятся к речи, речемыслительной деятельности. Понятно, что живые метафоры оказывают больший воздействующий эффект, чем «стертые» (см. выше раздел 2.4 предшествующей главы). С другой стороны, за мертвыми метафорами часто стоят культурно обусловленные представления о действительности (ср. часть «американизированной» картины мира, отраженной в известной сентенции *Время — деньги*), которые отнюдь не мертвы: они активно используются человеком в осмыслении проблемных ситуаций. По-видимому, различие между «стертыми» и «творческими» метафорами лежит не в плоскости «живой vs. мертвый», а в плоскости «осознанный vs. неосознанный».

С содержательной точки зрения и за стертыми и за творческими метафорами стоят когнитивные модели. Однако для живых метафор модель всегда актуализована (и порождает образ), а для конвенциональных — далеко не всегда. Для политического текста не всегда ясно, актуализована ли когнитивная модель, стоящая за стертой метафорой или нет. Например, еще в советские времена один известный дипломат, вернувшись после переговоров в Женеве, заявил в телевизионном интервью: *Пришлось выдержать жестокий бой, но победа достигнута*. Использование метафоры войны для осмысления хода и результатов мирных переговоров можно, в принципе, считать конвенциональным, поскольку *бой* в одном из значений понимается как ‘спор, дискуссия’, а *победа* — как ‘достижение согласия’. Однако нет никаких гарантий, что этот дипломат не воспринимает переговоры как военные действия, а партнера по переговорам как противника, кото-

рого надо «стереть с лица земли» (ср. обсуждение военной метафоры, например в [Миллер 1990]). Отсюда следует, как уже было показано выше, что описание политической метафоры должно в равной мере учитывать как живую, так и стертую метафору. Относительно последней мы просто не в состоянии определить, когда она может ожить и воплотиться в актуальную когнитивную модель, влияющую на процесс принятия политических решений. На уровне слабой семантики стертая метафорика в любом случае влияет на сочетаемость языковых форм (см. по этому поводу раздел 2.4 главы 2; см. также [Баранов 2012]).

Кроме того, как показывает анализ материала (см. ниже части II и III), стертые метафоры в политическом тексте часто оживают, порождая соответствующие метафорические следствия в тексте.

### 3.2. Еще раз о понятии метафорической модели

Как уже отмечалось выше в предшествующих главах, в исследованиях метафор в рамках дескрипторной теории метафоры сбор, организация и обработка материала опирается на понятие метафорической модели. В имеющейся литературе по метафорике эта категория четко не выделена. Она в той или иной мере может быть сопоставлена с такими понятиями, как тип метафоры — онтологические метафоры, ориентационные метафоры, метафоры персонификации и пр. [Lakoff, Johnson 1980], метафорическое поле [Скляревская 1993], однако не тождественна им. Метафорическое поле оказывается слишком аморфной категорией, ориентированной на чисто тезаурусное разбиение и включающей, как кажется, совершенно разные по свойствам понятийные области. Например, выделение в [Там же] у семантического поля вода таких областей, как болото, море, океан, река и одновременно ливень (при отсутствии дождя) вряд ли интуитивно оправдано. Ливень же, скорее, относится к понятийной сфере погода.

Термин «тип метафоры» имеет широкий спектр употреблений — от структурной классификации метафор (ср. выделение именных, предикатных и сентенциальных метафор по [Миллер 1990]) до смысловой квалификации области источника (в противоположность области цели) в когнитивной теории метафоры [Lakoff, Johnson 1980; Баранов 1993]. Последнее понимание наиболее близко используемому здесь понятию метафорической модели. Фактически одна из возможных классификаций (разбиений) областей источника формирует

классификацию метафорических моделей. Беда в том, что область источника не дает, однако, никаких эвристик относительно того, по каким параметрам происходит вычленение каждого типа области, который может быть назван метафорической моделью. Например, образует ли понятийные области мотор, винт, колесо особые метафорические модели, или они входят как части в модель МЕХАНИЗМ? С другой стороны, не следует ли считать, что МЕХАНИЗМ и СТРОЕНИЕ образуют части отдельной метафорической модели АРТЕФАКТ (= все сделанное/созданное человеком)? По-видимому, нет, поскольку выделение М-модели АРТЕФАКТ несущественно с точки зрения выделения специфических семантических следствий в тексте, присущих именно этой метафоре.

В любом случае вряд ли можно сформулировать алгоритмическую методику обнаружения метафорических моделей из множеств областей источника. Приведем, однако, некоторые соображения о природе метафорической модели, которые несколько проясняют чисто интуитивный процесс ее выявления. Если считать, что метафорическая модель представляет собой некоторую понятийную область, то есть совокупность элементов плана содержания (= семантических элементов и их сочетаний) с заданными на них отношениями, то наиболее существенным оказывается способ организации этих смысловых элементов. Важнейшей характеристикой метафорической модели является тесная связанность ее семантических элементов и их сочетаний между собой. Семантические связи внутри понятийной области, формирующей метафорическую модель, существенно сильнее, чем вовне. Именно в силу этого области источника мотор, винт и колесо не образуют отдельных метафорических моделей: связи между ними существенно сильнее, чем связи понятийной области МЕХАНИЗМ с такими областями, как СТРОЕНИЕ, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ГЕОМЕТРИЯ, ИГРА, ТЕАТР, и пр. Понятно, что мотор, винт и колесо состоят из разнообразных элементов, однако эти элементы редко используются в метафорическом осмыслении целевых областей, поскольку компоненты мотора, винта, колеса — сфера специального знания.

Иными словами, метафорическая модель — это понятийная область (область источника в когнитивной теории метафоры), элементы которой (смыслы и сочетания смыслов) связаны различными семантическими отношениями («выполнять функцию», «способствовать», «каузировать», «быть частью», «быть видом», «быть примером» и др.), причем каждый элемент модели соединен с другими

элементами существенно более сильными связями, чем с элементами других понятийных областей. Сила семантической связи может определяться как количественно (число связей с другими элементами), так и качественно: по-видимому, некоторые отношения являются более сильными, чем другие. Так, «сила» отношений типа «быть частью», «каузировать», «быть примером» явно неодинакова и требует дополнительного изучения и описания.

В таком понимании метафорические модели образуют области смысловых сгущений — галактик — разделенных сферами смысловых разряжений. Имя метафорической модели обычно дает слово, являющееся родовым по отношению к словам, представляющим элементы ее понятийной области.

Изучение метафорических моделей предполагает выявление инвентаря метафорических моделей в данном типе дискурса, исследование типичных случаев сочетаемости метафор различных метафорических моделей в одном речевом отрезке (см. предшествующую главу), а также выявление системных связей между отдельными моделями (ср.: СПОРТ и ИГРА; ПЕРСОНИФИКАЦИЯ, ОРГАНИЗМ и МЕДИЦИНА; ПЕРСОНИФИКАЦИЯ и ПРОСТРАНСТВО и др.).

Категория метафорической модели позволяет сделать важнейшее разграничение между двумя основными типами или аспектами стертости метафоры. Первый аспект — **индивидуальный** — связан с конкретными метафорами, по тем или иным причинам фиксированными в культурной и интеллектуальной традиции общества. К ним можно отнести, например, комплекс литературных метафор типа *инженеры человеческих душ* (Горький о писателях); гоголевское сравнение России с *птицей-тройкой*; известные ленинские выражения *детская болезнь левизны в коммунизме*, *Иудушка-Троцкий*. Индивидуальная стертая метафора часто связана с метафорической моделью весьма сложным образом. Так, она может строиться на использовании одного или нескольких следствий из модели и требовать при интерпретации внутренней формы некоторых дополнительных логических переходов (выводов). Так, чтобы определить, что метафора *инженеры человеческих душ* относится к модели МЕХАНИЗМА, требуется сделать вывод о том, что если человеческими душами занимаются инженеры, то человеческие души отождествляются с механизмами, требующими конструирования, отладки, ремонта и пр.

Второй аспект — **модельный**. Стертость метафоры с модельной точки зрения определяется употребительностью метафорической



модели. Так, модель персонификации столь употребительна, что выражения типа *Москва утверждает, Партия настаивает* даже не воспринимаются как метафоры<sup>38</sup>. Не менее употребительна и метафора войны, ср.: *солдаты партии, победа дипломатии, огонь критики*. Точное соответствие базовым (самым крупным и важным) таксонам употребительной модели изначально «стирает» метафору, хотя из этой М-модели могут выбираться не вполне тривиальные дескрипторы и, соответственно, могут возникать далеко не конвенциональные метафорические проекции.

Однако стоит только отойти от обычных таксонов такой модели, введя дополнительные характеристики, или взять не вполне очевидный таксон, и метафора уже оживает, несмотря на «стертость» общей модели, ср.: *дорога прогресса vs. магистраль прогресса, огонь критики vs. ПТУРС'ы броневой аргументов (ПТУРС — противотанковый управляемый ракетный снаряд)*. Тем самым процесс оживления стертых метафор относится как к модельному, так и индивидуальному аспекту. Оба они должны приниматься во внимание исследователем.

### 3.3. Метафорические модели политического дискурса

Анализ более, чем 9 525 контекстов употребления метафор в современном русском политическом языке, зафиксированных в Базе данных по политической метафоре (1986—1993 гг.), позволил выделить основные метафорические модели, представленные в сегодняшнем политическом дискурсе. Наиболее частотной оказывается метафора персонификации (осмысление неодушевленного как одушевленное). Она насчитывает в базе 1 036 употреблений. Следом за ней в порядке убывания частотности идут следующие метафоры (приведены наиболее важные М-модели): война — 745; пространство — 700; строительство — 500; механизм — 397; медицина — 359; ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ<sup>39</sup> — 353; организм — 341; религия-мифология — 292; фауна — 289; ТЕАТР<sub>1</sub> — 284; ПУТЬ-ДОРОГА — 282; ТРАНСПОРТ — 281; ИГРА — 281; РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ — 227; ЛИТЕРАТУРА — 215; РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО — 201;

<sup>38</sup> Выражения типа *Москва утверждает, Вашингтон потребовал объяснений* обычно описываются как формы метонимии.

<sup>39</sup> Осмысление непредметного — абстрактного или одушевленного — как предмет / объект.

СПОРТ — 192; СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО — 191<sup>40</sup>; ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ — 183; ВЕЩЕСТВО — 164; ГЕОМЕТРИЯ — 162; ОГРАНИЧИТЕЛЬ — 161; АНИМАЛИЗАЦИЯ — 138; ПОГОДА — 132; ПРЕСТУПНЫЙ МИР — 100; ПИЩА — 97; РЕКА — 94; ЖИДКОСТЬ — 78; ОГОНЬ — 75; МУЗЫКА — 69; ВОДОЕМ — 60; ВОЛНА — 51; ГОРЫ — 45; СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — 44; ИСТОРИЯ — 40; ФИНАНСЫ — 33; ЦВЕТ — 31; ПРИРОДА — 30; ИСКУССТВО — 30; МАТЕМАТИКА — 29.

### 3.4. Языковые способы оживления метафоры

В основе лингвистических способов актуализации стертых метафор лежит прием остранения, описанный Шкловским и ставший одной из базовых категорий изучения языка художественной литературы, стилистики и лингвистической поэтики. С позиций теории метафоры мы могли бы сказать, что эффект остранения стертой метафоры достигается за счет эксплицитного указания в тексте следствий из метафоры. Под метафорическими следствиями или следствиями из высказывания с метафорой *М* (*metaphorical consequences*) обычно понимаются высказывания, содержащие метафоры той же метафорической модели, что и *М*, но вводящие ее другие, ранее не упоминавшиеся потенциальные компоненты (таксоны), которые не противоречат *М*, ср.: *механизм голосования* (стертая метафора) → *ржавый механизм голосования* (следствие 1), *отладить механизм голосования* (следствие 2).

Приводя в качестве примеров следствия метафоры вне высказывания, мы имеем в виду, что соответствующий контекст может быть легко сконструирован, кроме того, сама метафора, по сути дела, представляет собой свернутое высказывание: *Голосование — это механизм; Механизм голосования дает сбои, заржавел.*

Следствия из метафорической модели можно разделить на четыре основных группы: **следствия по составу модели**, эксплицирующие отношение 'часть-целое' (*механизм — маховик, рычаги, шестеренки, приводные ремни, винтики; организм — хребет, скелет, мышцы, кожа*); **2) следствия по разновидностям модели**, эксплицирующие отношение 'род-вид' (*лицо — игрок, персонаж, тренер, ночной сторож, возница, учитель; транспортное средство — телега, автомо-*

<sup>40</sup> В области источника здесь представлены такие элементы, как МОНСТР, ПРИВИДЕНИЕ, ПРИЗРАК, ВУРДАЛАК, ЦИКЛОП.

*биль, корабль, самолет*); 3) **следствия, характеризующие состояние модели**, эксплицирующие отношение 'свойство модели' (*механизм — ржавый, смазанный, отлаженный; организм — распад, болезнь, смерть, агония, истощение*); 4) **следствия, характеризующие функционирование модели** (*транспортное средство — движение, остановка, торможение, разгон; лицо — думать, отдавать приказы, говорить, спать, жить, учить, воевать, чувствовать*).

Метафорические модели часто семантически и прагматически связаны с определенными типами следствий. Так, модель лицо чаще реализуется в «видовых» или «функциональных» следствиях, тогда как для моделей МЕХАНИЗМ и ГЕОМЕТРИЯ более естественны следствия 'часть-целое'. С другой стороны, существуют модели, которые в равной степени допускают все виды следствий. Так, модель СТРОЕНИЕ может развивать и следствия типа 'часть-целое' (*крыша, этаж, фундамент, стена*), и видовые следствия (*дом, пирамида, шалаш, крепость, теремок, тюрьма*), и следствия-состояния (*строится, разваливается, горит, гниет*), и, наконец, функциональные следствия (*жить, давать кров, укрывать, защищать*). — (*Habent sua fata libelli*).

Метафора «оживает» тогда, когда метафорическая модель получает развитие, распространение. «Остранение» относится не к самой модели, а к уже застывшей форме. Когнитивный механизм «оживления» стертой метафоры один и тот же: он заключается в актуализации когнитивной модели, стоящей за метафорой.

С языковой точки зрения актуализация может достигаться различными способами. Рассмотрим некоторые из них, пользуясь следующей схемой: вход — стертая метафора (в индивидуальном или модельном смысле); 2) операция преобразования стертой метафоры (входа); 3) выход — «ожившая метафора». Заметим, что приведенная схема актуализации во многом повторяет преобразования, сопровождающие языковые игры в политическом дискурсе (см. подробнее [Баранов 1993]).

Материал политических метафор дает возможность говорить о нескольких основных типах операций над стертыми метафорами.

**(i) Введение следствия из метафоры с помощью указания дополнительного свойства объекта метафоризации в той же самой модели:**

$$M = O \rightarrow \text{ДОПОЛНЕНИЕ} \rightarrow M = O = A,$$

где *M* — метафорическая модель, *O* — объект метафоризации, *A* — свойство объекта метафоризации *O* в модели *M*.

Ср.: *административные рычаги* → *разболтавшиеся административные рычаги, смазанные / несмазанные административные рычаги*; *механизм голосования* — *ржавый механизм голосования*; *линия 'политическая программа'* → *изгибаясь все вправо, линия эта образует причудливую и зловецкую кривую*; *дом 'СССР'* → *догорающий / горящий / социалистический дом*; *болезнь перестройки* → *хроническая болезнь перестройки*; *пирамида власти* → *полуразрушенная пирамида власти*; *безропотный народ* → *безропотный изнасилованный на гражданской войне народ*.

Чем больше вводится новых свойств, тем больше «оживает» метафора — вплоть до формирования подробного образа-картинки. Например, метафора, уподобляющая государство транспортному средству (поезду, автомобилю, кораблю), явно относится к числу стертых (по крайней мере, в модельном смысле — см. выше). Однако включение в текст значительного числа следствий создает эффект новизны и увеличивает силу ее воздействия, ср.: *И вновь кошмарное видение: поезд сошел с рельсов и катится в пропасть, а в кабине машиниста продолжается партсобрание, и президиум сидит лицом к партактиву, спиной к ветровому стеклу...* (Бестужев-Лада И.)

(ii) Замена имени модели в метафоре на синоним или квазисиноним — метафорическое варьирование (родовые или видовые корреляты):

$$M = O \rightarrow \text{ЗАМЕНА} \rightarrow M^* = O,$$

где  $M^*$  — синоним или квазисиноним  $M$ .

Ср.: стертая метафора *биржевая лихорадка* и ее «оживленный» вариант *биржевой тайфун*; ср. также: *дорога прогресса* → *скоростная магистраль прогресса, асфальт прогресса*; *исторический путь* → *исторические ухабы*; *европейский дом* → *европейский теремок*.

(iii) Актуализация метафоры в идиоме:

ИДИОМА (С МЕТАФОРой  $M = O$ ) → ИЗВЛЕЧЕНИЕ СЛЕДСТВИЯ  $C$  ИЗ МЕТАФОРЫ  
 $M=O \rightarrow \text{ИДИОМА} + C,$

где  $C$  — следствие из метафорической модели, лежащей в основе идиомы.

Фактически здесь представлен целый класс случаев оживления стертой метафоры. Приведем некоторые примеры: *поезд ушел* → *партия успела вскочить на подножку уходящего поезда*; *стоять на*

*краю пропасти* → *Россия стояла на краю пропасти, а потом сделала широкий шаг вперед; тише на поворотах* → *тише на поворотах... истории; бить ключом* → *бывшая ключом российская политика ... приобрела сходство с потоком селя; кто посеет ветер, пожнет бурю* → *в межнациональных отношениях в нашей стране пожинается буря от того смертоносного ветра, который сеял в течение десятилетий Сталин и его клика, а затем «досевали» их преемники.*

Строго говоря, некоторые контексты этой группы попадают в группу (i).

#### (iv) Отсылка к прецедентному тексту:

$T, B \rightarrow$  введение  $T$  или его фрагмента в  $B \rightarrow B(T)$ ,

где  $T$  — прецедентный текст,  $B$  — высказывание, содержащее стертую метафору  $M = O$ .

Под «прецедентным текстом» здесь понимается текст, фиксированный в сознании носителей языка данной языковой общности, представляющий факт культуры в широком понимании (в том числе массовой культуры) и актуализующий некоторую ситуацию. К прецедентным текстам относятся хорошо известные по школьным занятиям фрагменты произведений художественной литературы, популярные песни, лозунги (типа *Экономика должна быть экономной!*), реклама (*Сладкая парочка!*, *Райское блаженство!*), фольклорные тексты различных типов (анекдоты, загадки, мифологические осмысления истории и пр. — см. также [Караулов 1987]) Ср.: *ВЦСПС пошел в последний и решительный бой* (из революционной песни); *слухи о смерти демократии оказались сильно преувеличены* (из Марка Твена); *партия становилась живым трупом* (название пьесы Толстого). Приведенные примеры можно интерпретировать как оживление стандартной метафоры персонификации («модельная стертость») по отношению к ВЦСПС, демократии, партии.

#### (v) Включение в прецедентный текст:

(МЕТАФОРИЗАЦИЯ ЭЛЕМЕНТА СЮЖЕТА ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА)  $F(f) \rightarrow$   
 ПРИРАВНИВАНИЕ  $f$  к  $M$  ИЗ МЕТАФОРЫ  $M = O \rightarrow F$  С МЕТАФОРой  $M = O$ ,

где  $F$  — целый текст,  $f$  — элемент сюжета, фабулы (на поверхностном уровне выступает как слово или словосочетание).

Ср. следующий пример:

Есть в романе «Будденброки» Т. Манна персонаж — семейный врач. Чуть прихватывал кого-нибудь из большого семейства недуг, душевный или физический, — врач тут как тут со своим вечным универсальным рецептом: кусочек голубя и французская булочка. Жизнь в романе тем временем текла своим чередом, и герои его методично отходили на тот свет. Сродни этому bestolковому доктору еще один врачеватель — наше отечественное телевидение. Рецепт тот же. Кусочек голубя (читай «Советский Союз глазами зарубежных друзей», «Содружество» и т. д.) и французская булочка («Сага о Форсайтах», «Рабыня Изаура»). А тем временем общество методично движется к «тому свету». (Флярковский В.)

См. также следующие примеры:

- (1) Фермерство сегодня — это ребенок. Он может вырасти в великана, который накормит народ. (Петров В.)
- (2) Среди сказок о пророке бытует и такая — некий шейх до прихода к нему Мухаммеда каждое утро лепил себе идола из меда, пряников и халвы, весь день ему поклонялся, а к вечеру съедал. Наши следующие идолы, боюсь, будут совсем уж несъедобными. Но традиция крушить своих же идолов — вечна. (Баранов А.)
- (3) Поруганная, измученная, полуживая, а теперь и разорванная на части лежит моя страна в шоке. Кони знаменитой «птицы-тройки» распряжены, они мирно щиплют хилую травку, окропленную чернобыльским дождичком, кучера в растерянности, ездоки не свистят и не гикают, они вяло переругиваются между собой, они даже не пьяны, они оглядываются по сторонам в недоумении и растерянности. (Аракчеев Ю.)
- (4) Поэма «Медный всадник» частично об этом написана: обывательское, «маленькое» счастье оказалось раздавлено тяжелой, «медной» стопой государства. (Сарнов Б.)

В примерах (2), (3) метафоризируются элементы сюжета волшебной сказки, которую также можно отнести к прецедентному тексту.

Данный прием может рассматриваться как вариант приема (iv), поскольку и в этом случае происходит актуализация прецедентного текста.

**(vi) Введение в текст других метафорических моделей, связанных с данной на уровне следствий:**

$M_1 = O_1 \rightarrow$  ВВЕДЕНИЕ  $M_2 = O_2 \dots \rightarrow M_1 = O_1, M_2 = O_2 \dots$  ПРИ ЭКСПЛИЦИТНО  
ИЛИ ИМПЛИЦИТНО ПРЕДСТАВЛЕННОМ С,

где  $M_1, M_2, \dots$  — метафорические модели,  $O_1, O_2, \dots$  — объекты метафоризации, С — общее следствие из моделей  $M_1, M_2, \dots$

Данный способ актуализации метафоры основан на «поддержке» стертой метафоры другими метафорическими моделями, связанными с нею через одно или более следствий: *Ему удалось вбить в сознание людей этой цивилизации свою ценностную ориентировку, и она [история] сбившись со своего исторического пути, покати-лась в пропасть.* (Овсянников А.) (метафора персонификации под-держана метафорами пути, пропасти через следствия типа «движе-ние лица / субъекта по пути», «падение лица / субъекта в пропасть»); *Каждый выстрел с позиции кремлевского бронепоезда, похоже, идет на пользу популярности Бориса Ельцина.* (Гатов В.) (метафора войны поддержана метафорой транспортного средства, совмещенных в лек-семе бронепоезд).

Совмещение различных метафорических моделей, противопо-ставленных друг другу (не имеющих общих следствий или облада-ющих очень «отдаленными» следствиями) также оживляет метафо-ру, но и одновременно превращает ее в стилистический монстр, ср. <...> *нащупать рычаги преодоления «паралича власти».* (Баталова Н., Нуладжанов Ш.) (совмещение когнитивно противопоставленных моделей механизма и организма); <...> *медленно и болезненно про-исходит отслоение партийной кожи с государственных механизмов* (Шевцова Л.) (аналогичный случай сочетания противоречащих друг другу на уровне следствий моделей механизма и организма); *Пришли к выводу, что надо взять мировой опыт представительной демокра-тии. Не мудрить, не искать опять решения на советских путях, ибо эта карта сыграна, да еще с отвратительными последствиями для страны.* (А. Т.) (метафорические модели ПУТИ и ИГРЫ, не имеющие здесь очевидных общих следствий).

\* \* \*

Степень «стертости» метафоры, оживляемой в рамках того или иного контекста любым из перечисленных способов, может быть различной. Это определяется рядом факторов, не поддающихся простому исчислению. В частности, здесь может играть роль степень удаленности следствия от стертой метафорической модели и ее основных таксонов (модельный аспект конвенциональности), культурная связанность метафорического образа (*птица-тройка — Россия*), стремление к языковой игре и пр.



**ЧАСТЬ II**  
**МЕТАФОРА КАК ИНСТРУМЕНТ**  
**ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО**  
**МОНИТОРИНГА**





В данной части книги собраны примеры использования инструментария дескрипторной теории метафоры в мониторинге политического дискурса. В общем случае цель лингвистического мониторинга заключается в выявлении общих закономерностей функционирования языковой системы в конкретном типе дискурса (научном, политическом дискурсе, текстах средств массовой информации и т. д.). В качестве объекта лингвистического мониторинга могут выступать такие феномены естественного языка, как типы языковых ошибок, сфера иностранных заимствований, новые слова и значения, тематическое распределение лексики (например, лексика временных и пространственных отношений, лексика выражения чувств и эмоций, спортивная лексика и т. д.), особенности использования тех или иных грамматических форм, синтаксических конструкций.

Технология лингвистического мониторинга основывается на двух важнейших предпосылках: во-первых, на регулярности и периодичности анализируемых данных и, во-вторых, — на достаточно большом объеме привлекаемого материала, на репрезентативной выборке данных. В силу этого лингвистический мониторинг невозможен без соответствующего компьютерного обеспечения. Использование компьютерной технологии позволяет давать количественную оценку исследуемому феномену, выявляя его распределение по времени, по источникам, авторам и т. д. [Баранов 2001а: 40].

В настоящее время складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны, лингвистические исследования политического дискурса актуальны и востребованы на практике, а с другой — затруднены из-за отсутствия отработанных методик, позволяющих получать достоверные данные, которые можно подтвердить аналогичным независимым исследованием. Это связано с отсутствием традиции в использовании точных методов анализа гуманитарного знания, что отчасти объясняется неявным (а иногда и явным) запретом на проведение подобных исследований в советский период. В результате, когда в начале 90-х гг. XX в. в России возник социальный заказ на лингвистический мониторинг политического дискурса, ни отечественная

наука, ни практика не смогли предложить адекватного инструментария — комплекса методик анализа общественного сознания на основе исследования текстов. В данной части книги собраны примеры лингвистического мониторинга политического дискурса, в которых разрабатывалась необходимая методология.

В проекте фонда ИНДЕМ в 2003—2004 гг. была предпринята попытка разработки общей методологии проведения лингвистического мониторинга политического дискурса, предполагающего анализ тематической структуры дискурса и исследование его метафорики. В качестве «оселка» для исследования был выбран период с 1 января по 31 августа 2003 года. В это время в центре общественного внимания оказались взаимоотношения бизнеса и власти на примере известного дела ЮКОСа. Корпус текстов был сформирован на базе выборки из 15 федеральных, 11 региональных и 2 сетевых ежедневных и еженедельных общественно-политических изданий. Общий объем корпуса составил 3 762 статьи, включающих около трех с половиной миллионов словоупотреблений. В главе 4 описывается методология мониторинга использования метафорических моделей в прессе выбранного периода; полученные результаты осмысляются с точки зрения политической ситуации тех лет.

В главах 5 и 6 обсуждаются результаты еще одного проекта по мониторингу политического дискурса, заключавшегося в попытке исследования бессознательного восприятия коррупции российским обществом, передаваемого на уровне речи метафорическими осмыслениями (категоризацией) этого феномена. Метафоры как маркеры кризисности политической ситуации рассматриваются в главе 7 данной части.

## Глава 4. «БОЛЬШОЙ БИЗНЕС И ВЛАСТЬ» В МЕТАФОРИЧЕСКИХ ОСМЫСЛЕНИЯХ\*

Политический дискурс определяется, с одной стороны, совокупностью тем, становящихся предметом обсуждения, а с другой — принятыми языковыми способами обсуждения этих тем (дискурсивными практиками). Следовательно, на формирование политических установок влияет не только набор тем (то, **о чем говорят**), но и то, **как говорят** или пишут о тех или иных событиях. Лингвостатистический анализ метафорики текстов позволяет сделать вывод о языковых способах обсуждения тем, существующих в политическом дискурсе, и о том, какое влияние они оказывают на формирование коллективных политических предпочтений и установок граждан.

### 4.1. Тема «Большой бизнес и власть» в структуре политического дискурса: динамика и интенсивность обсуждения

Тема «Большой бизнес и власть» включает в себя ряд взаимосвязанных сюжетов, касающихся взаимоотношений представителей большого бизнеса — так называемых олигархов — с действующей властью. В самом общем виде проблема этих взаимоотношений сводится, с одной стороны, к попыткам отдельных представителей бизнес-сообщества влиять на принятие политических решений, с другой — борьбе власти с ними и усилению контроля над деятельностью крупнейших российских компаний.

Не имея возможности осветить все аспекты этой проблематики, упомянем основные события исследуемого временного периода с января по август 2003 включительно.

2003 год начался с обсуждения вопроса о роли олигархического капитала и конкретных представителей крупного бизнеса в политико-экономическом пространстве страны; о целесообразности прихода в отечественную нефтегазовую отрасль иностранных инвесторов (слияние компаний British Petroleum и ТНК). Весной Генеральной прокуратуры РФ не удалось добиться экстрадиции задержанного в Великобри-

---

\* Данная глава написана совместно с Е. А. Шиповой.

тании Б. Березовского, которому впоследствии было предоставлено политическое убежище. В мае появляется доклад Совета по национальной стратегии, в котором излагаются основные идеи якобы существующего олигархического заговора, ставящего целью «обеспечения личной унии власти и сверхкрупного бизнеса, то есть прямого продвижения олигархов на ключевые государственные посты»<sup>1</sup>. В начале июля стало известно о покупке Романом Абрамовичем футбольного клуба «Челси». В том же месяце был задержан председатель Совета директоров группы «Менатеп» Платон Лебедев, после чего начались обыски в НК «ЮКОС». На этом фоне начинается активная дискуссия по вопросу пересмотра итогов приватизации. А в конце августа Генеральная прокуратура в очередной раз пытается добиться экстрадиции В. Гусинского, задержанного в Греции, однако он освобождается под залог в сто тыс. евро.

В российском политическом дискурсе тема «Большой бизнес и власть» в исследуемый период оказывается одной из наиболее частотных. Она активно обсуждается в СМИ и занимает 6 место из 28 в рейтинге, основанном на числе статей, в которых упоминается эта тема (856 публикаций). По интенсивности дискуссии данная тема делит седьмое место с темой «Преступность» (см. подробнее [Баранов и др. 2004]).

На рис. 1 и 2 в графической форме представлена частота появления статей по рассматриваемой теме и интенсивность ее обсуждения за весь период. Интенсивность обсуждения вычислялась как отношение количества вхождений статей по теме к общему количеству найденных документов. Отчетливо видно, что основной всплеск интереса к данной теме отмечен на двадцать пятой неделе (начало июля). Это связано с двумя значимыми событиями — покупкой Р. Абрамовичем английского футбольного клуба «Челси» (2 июля) и началом «дела ЮКОСА», ознаменовавшегося арестом П. Лебедева (3 июля). Именно с этого момента резко возрастает как количество статей, так и интенсивность обсуждения данной темы. Постепенное снижение числа статей и интенсивности обсуждения обусловлено не столько угасанием интереса к проблеме, сколько началом летнего политического затишья и сезоном отпусков в ряде печатных изданий.

---

<sup>1</sup> См. доклад Совета по национальной стратегии «Государство и олигархия» <http://www.snsr.ru/reports/government.html>

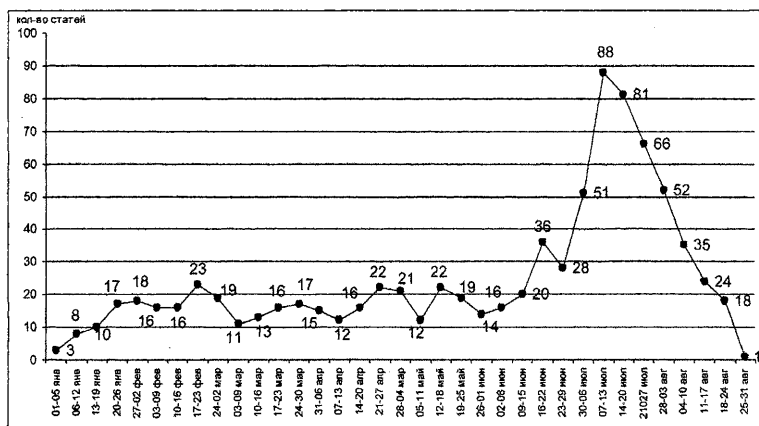


Рис. 1. Динамика появления статей по теме «Большой бизнес и власть» в политическом дискурсе за период с 1 января по 31 августа 2003 г.

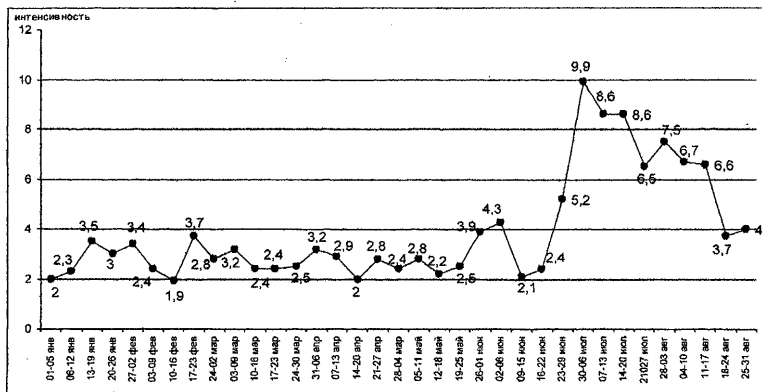


Рис. 2. Интенсивность обсуждения темы «Большой бизнес и власть» в политическом дискурсе за период с 1 января по 31 августа 2003 г.

#### 4.2. Речевые проявления кризисности политической ситуации

Прежде чем перейти к основной задаче — исследованию метафорической структуры политического дискурса по выбранной тематике — следует более подробно остановиться на гипотезе о взаимосвязи между частотой употребления метафор и кризисным состоянием общественного сознания, обусловленным проблемной

ситуацией, требующей решения. В связи с этим одной из промежуточных задач стала проверка гипотезы голландской исследовательницы К. де Ландсхеер<sup>2</sup>, заключающейся в установлении корреляций между частотой использования в политическом дискурсе метафор и периодами политико-экономических кризисов. Выбранная для изучения тема в полной мере соответствует поставленной задаче, так как обострение взаимоотношений между олигархами и действующей властью в июле 2003 года отрицательно сказалось на политическом и экономическом состоянии страны, а также на общественном сознании. Соответственно, если выдвигаемая К. де Ландсхеер гипотеза о **метафорах как показателях кризисности** верна, то этот факт должен подтверждаться пиками частоты употребления метафор в текстах СМИ сформированного корпуса.

Гипотеза о метафорах как показателях кризисности общественно-политической ситуации проверялась также на материале русского политического дискурса периода экономического кризиса 1998 г. (см. подробнее главу 7 данной книги). При этом методика К. де Ландсхеер была существенно изменена. Модифицированный вариант этой методики сводится к подсчету двух параметров: **параметра относительной частоты употребления метафор в тексте (F)** и **параметра креативности (C)**.

**Относительная частота употребления метафор (F)** — количественный показатель, который определяется как отношение общего количества метафор в статье (T) к общему числу слов в статье (Q) и вычисляется по формуле:

$$F = \frac{T}{Q}$$

---

<sup>2</sup> К. де Ландсхеер впервые поставила эксперимент, связанный с частотой использования политических метафор, на материале голландского политического дискурса за период с 1831 по 1981 гг. Корпус изучаемых текстов состоял из отрывков фламандской прессы (парламентские репортажи, колонки политических комментаторов, редакционные статьи) общим объемом 439 582 употребления. Выбор границ отрывков был формальным, но варьировался. Так, для периода 1919—1939 гг. брались сто последних слов политических комментариев к парламентским выборам, а для периода 1850—1914 — первые сто слов редакционных статей. А весь 150-летний период был разделен на три части: 1831—1914, 1919—1939 и 1965—1981 [Christ'l de Landtsheer 1991].



**Креативность (С)** — качественная характеристика метафорики дискурса, которая отражает силу образности и воздействия метафор на аудиторию. В соответствии с данным тезисом все метафоры делятся на три класса по степени воздействия на восприятие аудиторией тех или иных событий: стертые, конвенциональные и креативные.

**Стертые метафоры (W)**, как правило, фиксируются в толковых словарях как переносные значения и входят в употребление настолько, что иногда даже не осознаются как метафоры. Например, лексема *поле*, кроме своего прямого значения, имеет и переносное — ‘область деятельности, поприще’. Такие метафоры, как *экономическое поле* и *политическое поле*, квалифицируются как стертые.

К **конвенциональным метафорам (N)** относятся те случаи наиболее частотных употреблений метафорических моделей (война, ТЕАТР, ИГРА и т. д.), которые не фиксируются словарем как переносные значения, а поэтому осознаются как метафоры, а не как значения слов. Например, у слова *игра* не зафиксировано в толковом словаре переносное значение, которое передает смысл: ‘взаимоотношение между политическими субъектами’, поэтому такая метафора, как *игра по правилам* в контексте взаимоотношений бизнеса и власти, квалифицируется как конвенциональная.

**Креативные, или новые, метафоры (S)** в выборке встречаются крайне редко. К ним относятся метафоры, которые создаются при использовании нетривиальных метафорических моделей или при апелляции к прецедентным текстам. К прецедентным текстам относятся тексты художественной литературы, популярные песни, лозунги, реклама и т. д. В анализируемой выборке к креативным метафорам были отнесены следующие метафорические проекции:

*Мочить в джакузи!* (Джемаль О. «Новая Газета», 05.06.2003);

Путин, запрещая олигархам лезть в политику, намекает им на печальную судьбу Березовского и Гусинского. Произносит поэтическую фразу: «Иных уж нет, а тех *долечим...*» (Проханов А. «Завтра», 29.07.2003);

*ЮКОС в горле.* (Коньков Н. «Завтра», 10.07.2003)

Для расчета параметра креативности каждому классу метафор присваивается (разумеется, довольно условно) некоторый вес по силе воздействия на сознание: стертые метафоры получают коэффициент 1, конвенциональные — 1,5 и креативные — 3. Таким образом, формула для расчета выглядит следующим образом:

$$C = \frac{IW + 1,5N + 3S}{T},$$

где W, N, S — количество стертых, конвенциональных и креативных метафор соответственно, а T — общее количество метафор, обнаруженных в текстах.

Такой принцип приписывания весов в определенной степени отражает вклад каждой метафоры в общие показатели метафоричности. В эксперименте К. де Ландсхеер веса присваивались отдельным метафорическим моделям по степени конфликтности, однако четкого объяснения критериев конфликтности сформулировано не было. Кроме того, в шкале конфликтных моделей К. де Ландсхеер не была учтена метафорическая модель войны, играющая исключительно важную роль в российском политическом дискурсе.

Для проверки сформулированной гипотезы был проведен анализ текстов корпуса, посвященных теме «Большой бизнес и власть», с точки зрения использования в них метафор. Общий объем выборки по этой теме составил 856 статей за период с 1 января по 31 августа 2003 г. В итоге в 856 статьях по рассматриваемой теме было зафиксировано 840 метафор. Контексты употребления метафор были распределены по 37 метафорическим моделям. Сначала рассмотрим рис. 3, на котором представлена динамика появления метафор в дискурсе по данной теме, а затем рис. 4, отражающий совместную динамику параметров относительной частоты и креативности.

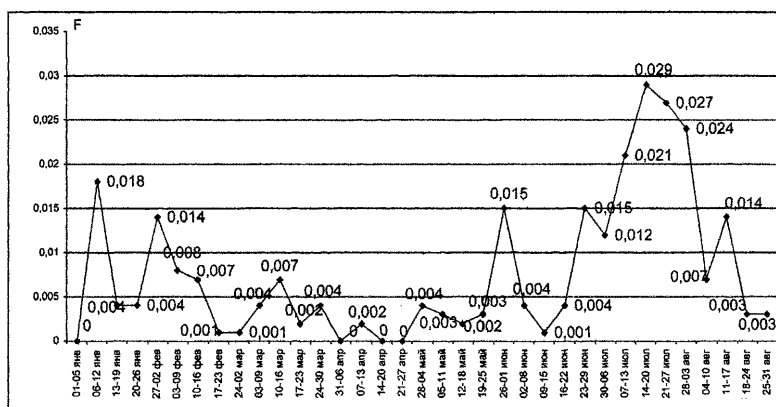


Рис. 3. Динамика изменения относительной частоты использования метафор в СМИ по теме «Большой бизнес и власть» за период с 1 января по 31 августа 2003 г.

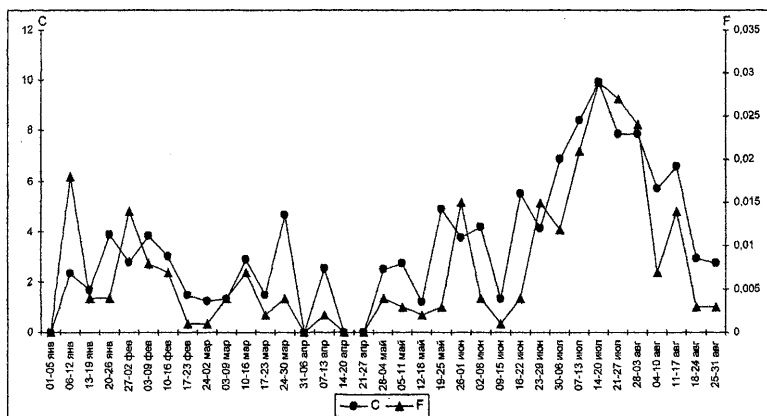


Рис. 4. Совместная динамика параметра относительной частоты появления метафор в текстах и параметра креативности метафор в дискурсе по теме «Большой бизнес и власть» за период с 1 января по 31 августа 2003 г.

Содержательный анализ предполагает интерпретацию данных по трем направлениям:

- относительная частота появления метафор (параметр F);
- креативность метафор, используемых в дискурсе по рассматриваемой теме (параметр C);
- оценка совместной динамики параметров F и C.

**Относительная частота появления метафор в текстах по исследуемой теме.** Как следует из рис. 3, по мере увеличения числа статей по обсуждаемой тематике одновременно возрастает не просто количество метафор, но и увеличивается их плотность в текстах (см. выше формулы вычисления относительной частоты, основанной на подсчете среднего количества употребления метафор в статье). Это позволяет сделать предположение о том, что метафоричность связана с наличием неразрешенной проблемы, значимой для общественного сознания. Причем рост количества статей и относительной частоты появления метафор происходит практически одновременно, начиная с 25 недели (16—22 июня). Оба параметра достигают экстремумов на 29 неделе (14—20 июля) и на 31 неделе (3—28 августа) (начало «дела ЮКОСа» и дискуссий по вопросу о возможности пересмотра итогов приватизации).

Помимо очевидных пиков кризисности ситуации вокруг крупного бизнеса, обращают на себя внимание еще несколько промежуточных экстремумов, фиксирующих развитие конфликта и задающих общий тренд метафорического осмысления ситуации. Первый «всплеск» приходится на вторую неделю (6—12 января). Он связан с появлением статьи И. Дискина в интернет-издании «Политком.ru», в которой обсуждается идея о резко отрицательной роли олигархов в политико-экономическом развитии страны:

Парадокс объясняется плохим реальным инвестиционным климатом. Здесь неправоудное решение, отнимающее бизнес, важнее антибюрократических законов. «Чисто конкретная» встреча с налоговиками или таможенниками убеждает сильнее, чем налоговая реформа. Олигархи создают себе собственный климат. Но за пределами их империй инвестировать еще очень рискованно. Все более модным становится уход под олигархическую «крышу». На повестке дня всеобщая «чеболлизация». Сейчас ширятся ряды трубадуров этого курса. Бюро РСПП провозгласило его основой промышленной политики. Ряд видных ученых утверждает, что это нормально и «иного не дано». Однако следует понять «цену вопроса». Цена — тупик в развитии страны. (Дискин И. Политком.ру, 06.01.2003)

Второй промежуточный экстремум приходится на 22 неделю (1—26 июня). Именно в этот момент в СМИ появляются выдержки из доклада Совета по национальной стратегии «Государство и олигархия», в котором подробно расписываются перспективы и последствия олигархического заговора:

Олигархи пришли к выводу, что ныне, после завершения первичной приватизации, институт президентства является уже не столько гарантом стабильности правящего слоя, сколько потенциальным источником смутной угрозы для такового. <...> Поскольку институт президента, с точки зрения правящего слоя, выполнил свою историческую миссию и потому более не нужен (в будущем — скорее опасен, в силу чрезвычайно широких формальных полномочий главы государства, потенциально позволяющих корректировать базовую философию и технологию власти), а также — поскольку олигархи как физические лица не располагают публичным политическим ресурсом для победы на прямых общенациональных выборах, ключевой субъект правящего слоя принял решение ограничить полномочия президента РФ и трансформировать Россию из президентской республики в президентско-парламентскую (квазифранцузская модель). Основным идеологом подобной трансформации выступает глава НК ЮКОС («ЮКОС-Сиб-

нефть») Михаил Ходорковский, его явно и неявно поддерживают другие ключевые фигуры олигархического пула — Р. Абрамович, О. Дерипаска, М. Фридман. (Выдержки из доклада Совета по национальной стратегии «Государство и Олигархия», «Завтра», 26.06.2003)

Незадолго до этого в той же газете «Завтра» была опубликована статья С. Белковского, в тех же тонах описывающая роль представителей крупного бизнеса в принятии ключевых политических решений:

Если же президент добровольно смирится с упразднением его республики, главу «ЮКОС-Сибнефти» можно будет нейтрализовать каким-нибудь другим изошренным образом. Благо, олигархический опыт в области нейтрализации условного противника велик и славен. Вспомним хотя бы «крестного отца Кремля» Бориса Березовского, для которого вчерашние ученики приготовили камеру с крысами и педерастами в фешенебельном самарском СИЗО. (Белковский С. «Завтра», 06.05.2003)

В определенном смысле эти три публикации, и в особенности доклад стали отправной точкой развития конфликта, именно с этого времени начинается постепенный рост относительной частоты появления метафор в текстах СМИ.

**Креативность метафор.** Параметр креативности сам по себе очень информативен для характеристики метафоричности дискурса, так как он дает качественную оценку используемым метафорам. Низкие значения кривой С свидетельствуют о доминировании в дискурсе стертых метафор, соответственно, более высокие значения демонстрируют, что в дискурсе преобладают конвенциональные и креативные метафоры. Кроме того, увеличение креативности метафоричности дискурса свидетельствует не только о кризисности ситуации, но и о чрезвычайной актуальности проявлений кризиса для СМИ, так как каждая используемая метафорическая модель представляет собой одну из альтернатив осмысления ситуации и, соответственно, разрешения кризиса. Рис. 4 наглядно демонстрирует рост креативности в период обострения взаимоотношений бизнеса и власти, что говорит об актуальности и значимости данной темы для СМИ.

Характер **совместной динамики двух параметров** в самом общем виде подтверждает гипотезу К. де Ландсхеер: с началом обострения взаимоотношений крупного бизнеса и власти наблюдается резкое одновременное возрастание как относительной частоты появления метафор в текстах, так и уровня креативности самих метафор. Как

видно на рис. 4, обе кривые имеют сходную траекторию, а в кризисный период точно повторяют друг друга. Это говорит об адекватности отражения степени кризисности ситуации обоими параметрами; они одновременно реагируют на ключевые события в рамках данной темы, одновременно достигают пиков и идут на спад.

### **4.3. Типы метафорических моделей в дискурсе темы «Большой бизнес и власть»**

Как уже отмечалось выше, метафорической моделью является совокупность однородных понятий, относящихся к одной и той же проблемной сфере. Анализ 840 метафор, выявленных в текстах СМИ за период с 1 января по 31 августа 2003 г., позволил выявить 37 метафорических моделей, с помощью которых осмысляется как характер взаимоотношений крупного бизнеса и властных структур, так и каждый из участников данной политической ситуации. На рис. 5 представлены 37 М-моделей, упорядоченные по абсолютной частоте встречаемости в дискурсе по указанной теме.

Следует отметить, что на рис. 5 отражается частота употребления М-моделей в дискурсе за весь период, а момент собственно кризиса составляет в нашей выборке только 10 недель. В связи с этим для большей адекватности отображения полученных данных весь период делится на два временных отрезка: до кризиса — с 1 по 25 неделю (с 1 января по 15 июня 2003 г.), и сам кризис — с 25 по 35 неделю (с 16 июня по 31 августа 2003 г.). Удельный вес приведенных выше моделей в каждом из периодов отражен на рис. 6.

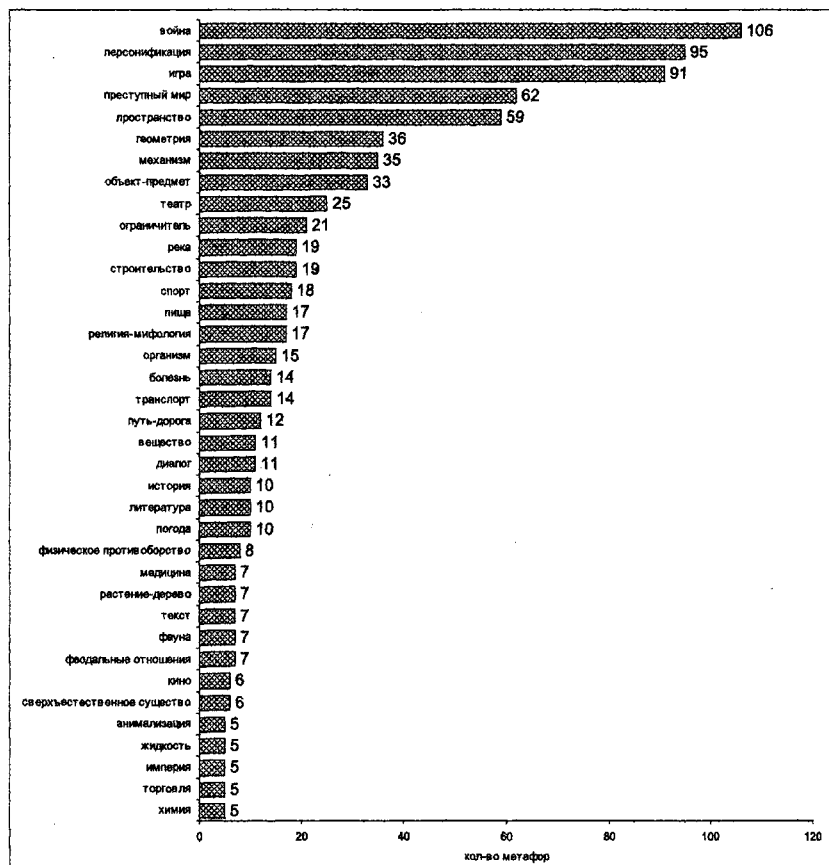


Рис. 5. Типы метафорических моделей в дискурсе по теме «Большой бизнес и власть» за период с 1 января по 31 августа 2003 г.

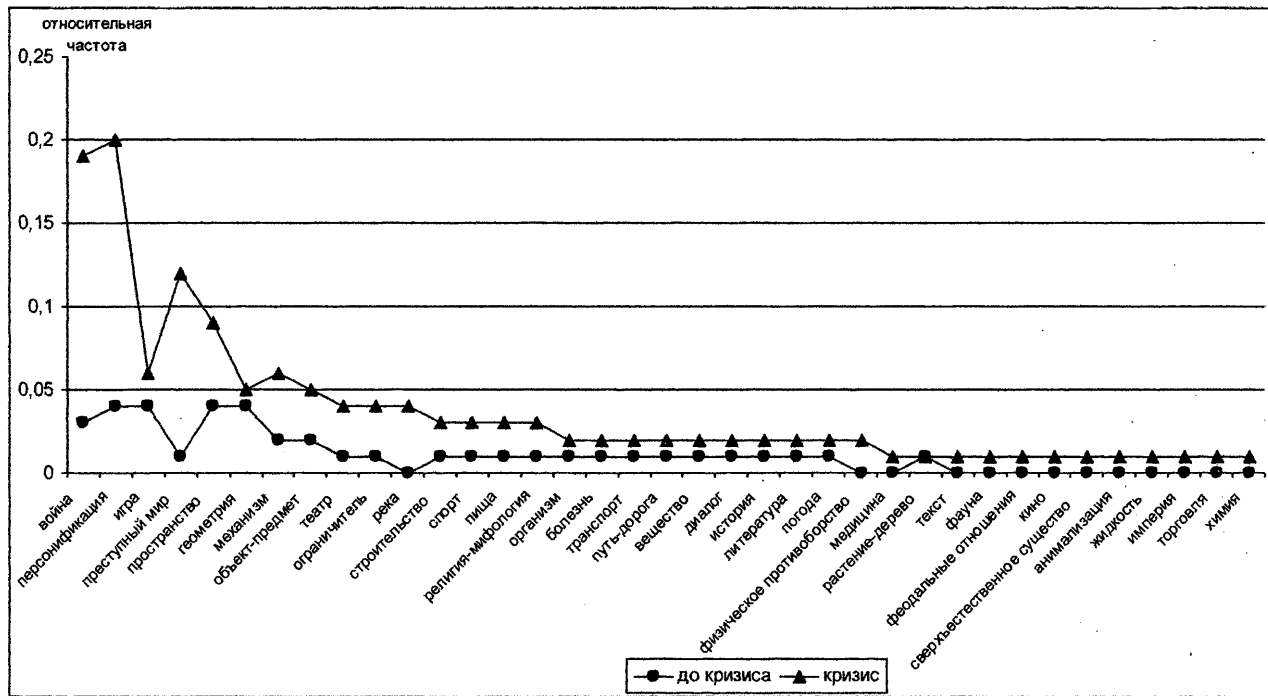


Рис. 6. Относительная частота появления метафорических моделей в текстах по теме «Большой бизнес и власть» в докризисный (1—25 недели) и кризисный (25—35 недели) периоды



Из рис. 6 хорошо видно, что М-модели неравномерно распределены по двум периодам. Именно на этапе непосредственного обострения взаимоотношений между представителями крупного бизнеса и властью значительно увеличивается относительная частота использования СМИ всех типов метафорических моделей, а отдельные М-модели появляются только в момент кризиса. В докризисный период отношения большого бизнеса и власти описываются М-моделями пространства, персонификации, геометрии, игры. А во втором периоде доминируют метафоры войны, персонификации, игры, преступного мира. Показательно, что М-модель преступный мир актуализируется именно на этапе кризиса, а до этого момента ее удельный вес практически равен нулю, М-модель геометрии сохраняет свою достаточно высокую относительную частоту появления в обоих периодах. Такое распределение М-моделей в кризисный и докризисный периоды с определенностью указывает на то, что общественно-политический кризис влияет на метафорическую структуру политического дискурса, что приводит к возрастанию числа конфликтных метафор — прежде всего М-модели войны и преступного мира.

Обратимся теперь к анализу отдельных М-моделей, представленных на рис. 5.

В терминах М-модели война между олигархами и властью «ведутся военные действия», а их взаимоотношения описываются в основном дескрипторами «противостояние», «война», «сражение», «схватка». И олигархи, и представители власти являются активными участниками этих «военных действий», но по разные стороны баррикад:

Российская политическая элита сегодня находится в состоянии острого политического кризиса: власть в лице определенных представителей силовых структур *объявила настоящую войну* большому бизнесу и, судя по всему, бизнес этот вызов принял. (Портников В. «Полт.ком.ру», 11.07.2003);

Между тем сотрудники «ЮКОСа» разработали стратегию на случай *«потери бойцов»* из числа руководящего состава. Случится пропасть Ходорковскому — бразды правления должен принять тот самый Лебедев. Лебедев, впрочем, уже сидит. Ну цепочка там длинная. (Дейч М. «Московский комсомолец», 23.07.2003);

Как сказал Надеждин, сегодня бизнес и государство живут в обстановке *«боевых действий»*, и без кардинальной перестройки их взаимоотношений задачи, поставленные перед страной президентом, практически нереализуемы. (Никифорова М. «Независимая газета», 23.07.2003)

Олигархи рассматриваются как «враги», и именно их деятельность привела к началу этой «схватки», а власть ведет активные «боевые действия» против олигархов, постоянно «атакует», «поражает мишень» с целью ослабить позиции крупных собственников, контролирующих экономику и пытающихся влиять на принятие политических решений. Интересно, что метафоры в рамках М-модели войны последовательно распределяют роли между участниками. Если власть регулярно выступает как нападающая сторона, то бизнес — как обороняющаяся. Крупные собственники постоянно находятся в «обороне», они вынуждены парировать «удары», при этом воздерживаясь от нападения на «противника». Так, дескриптор «удар» в дискурсе данной темы употребляется при обсуждении действий властных структур (в частности, Генеральной прокуратуры) в отношении большого бизнеса и никогда наоборот:

Власть, конечно, лукавит. Как и в случаях с Гусинским, Березовским, арест Лебедева — акция с политическим подтекстом. И олигархи правы в том, что это не последний *удар* по ним. (Новиков В. «Санкт-Петербургские Ведомости», 26.07.2003);

Наоборот, Генпрокуратура нанесла вчера по НК ЮКОС еще один *удар*. Там подтвердили, что проводят проверку запроса депутата Госдумы Михаила Бугеры, утверждающего, что ЮКОС недоплатил налоги в 2002 году. («Коммерсант», 10.07.2003)

Дескриптор «атака» является самым частотным в М-модели войны (28 вхождений). В подавляющем большинстве случаев (27 из 28) атакующая сторона — власть. Бизнес атакует лишь один раз и при этом не по своей воле, а в ответ на нападение со стороны государственных структур:

Пока левые собираются с силами, другой оппонент Кремля Б. Березовский *рунулся в атаку*. На минувшей неделе он разместил огромную статью в подконтрольной столичной газете, где обвинил президента В. Путина в репрессиях и разделе собственности, а заодно во всех смертных грехах еще петербургского периода — от незаконной приватизации и продажи подводных лодок до связей с колумбийской мафией, покупке виллы в Испании и даже причастности к убийствам. (Цепляев В. «Время МН», 30.07.2003)

Интерпретация сложившейся ситуации в рамках рассматриваемой М-модели двойственна. Деятельность олигархов инициирует «боевые действия», но именно властные структуры нагнетают обстановку,

усиливают противоборство, не оставляя им никакого шанса на ответные удары. Цель власти — добиться безоговорочной «капитуляции» и «отступления» крупных собственников, свести к нулю их влияние на принятие политических решений в государстве.

«Оружие» власти в этой войне — закон, который одновременно и «карающий меч»; «поле битвы» — суд. Описание законодательства в терминах концепта оружие говорит о неадекватности использования законов властью в отношении крупных собственников. М-модель войны, наряду с другими идеями, коммуникативно высвечивает мысль о том, что нормы права не регулируют взаимоотношения между участниками, а подчинены их интересам, в частности интересам власти. Иными словами, власть в лице правоохранительных органов наказывает олигархов за нарушение «правил игры», которыми подменяется право. Дискуссия сводится не к обсуждению законности / незаконности тех или иных действий сторон, а к соответствию их этим правилам. В случае несоответствия власть применяет против олигархов «оружие» — закон:

Дискомфорт, воцарившийся в деловом мире, вполне объясним: нет ничего хуже неизвестности, никто не знает, на кого еще завтра может обрушиться *карающий меч правоохранителей*. Обнаружить «скелет в шкафу» можно практически у каждого, кто сумел попользоваться плодами приватизации. (Гук С. «Время МН», 23.07.2003)

Обращает на себя внимание использование дескриптора «зачистка»<sup>3</sup>. Частота появления этого концепта относительно невелика, однако он очень выразителен по сравнению со многими другими дескрипторами М-модели войны в описании характера отношений между бизнесом и властью. Дело в том, что он приравнивает этот конфликт к военным действиям в Чечне, где в роли федеральных сил выступает сама власть, а роль чеченских боевиков-сепаратистов отведена олигархам. В данном случае метафора военного наступления власти на крупных собственников актуализирует представление об имеющемся конфликте как о подавлении бунта, о попытке переворота, о покушении на основы государственного устройства:

---

<sup>3</sup> Изначально концепт «зачистка», по-видимому, относился к сфере медицины, однако в современном политическом языке под давлением речевых практик дискурса о войне в Чечне он используется как часть метафоры войны.

Новый объект *предвыборной зачистки* нащупан. Бедные олигархи... (Джемаль О. «Новая Газета», 05.06.2003);

С политической точки зрения Явлинский так характеризует происшедшее: «Это *политическая зачистка* и подавление оппонентов перед выборами в форме запугивания». (Дичев М. «Известия», 07.07.2003)

Идея конфронтации, высвечиваемая метафорой войны, прослеживается и при использовании М-модели игры, в которой взаимоотношения большого бизнеса и власти предстают как «азартная игра» по определенным «правилам» и с «большими ставками»:

В России большой бизнес и власть переплетаются настолько тесно, что *в игре с большими ставками* невозможно предполагать наличие только политических или только экономических факторов. Эксперты «Времени МН» уверены, что истину надо искать в их взаимодействии. (Костюк Е. «Время МН», 04.07.2003)

Государство и олигархи — «игроки», причем власть всегда выигрывает: «забивает гол», «ставит мат» и пр., а бизнесмены «отыгрываются», «поднимают ставки», «проигрывают». Соответственно, «выигрыш» государства — это одновременный «проигрыш» олигархов, ослабление их позиций, политического влияния. Собственно дескриптор «игра» — помимо других концептов этой метафоры («игрок», «ставка» и т. п.) — встречается 10 раз. В 3 случаях в терминах игры описана самостоятельная деятельность представителей крупного бизнеса, в 6 случаях — взаимоотношения власти и бизнес-сообщества в контексте передела собственности и конфликта вокруг ЮКОСа. Сам процесс передела собственности также описывается как «игра»:

Силовики в письме назвали *«самостоятельными игроками* на экономическом поприще с соответствующей политикой передела и применением всего арсенала силовых методов». (Смирнов К. «Коммерсант», 14.07.2003);

Очередная подкованная схватка кремлевских группировок, то есть пресловутых «семейных» и «силовиков»? Но не такие же там глупые люди, чтобы разрушать ими самими когда-то налаженный механизм взаимодействия власти и бизнес-сообщества, да при этом давать бизнес-сообществу недвусмысленный сигнал: все, эпоха *игры по правилам закончилась*, прежние договоренности не действуют, возвращаемся на несколько лет назад, во времена действительно «дикого» капитализма. («Профиль», 21.07.2003);

*А политический выигрыш* (если считать выигрышем изгнание из страны крупных российских собственников) организаторы операции могут расценивать как бесплатное приложение к сделке. И предъявлять его политологам в качестве мудрого предвыборного хода. (Иванов Н. «Время МН», 15.07.2003)

Ключевым для данной модели является уже упоминавшийся выше концепт «правила игры», нарушение которых становится началом конфликта, причем эти правила устанавливаются государством, но при этом они не объяснены и могут меняться. Попытки прояснить эти правила приводят к началу конфликта — к силовым действиями правоохранительных органов. Концепт «правила игры» в текстах чаще всего реализуется во фразах типа: *взаимодействие большого бизнеса и власти в России — это игра по правилам*. Представители власти обвиняют олигархов в ведении «самостоятельной игры», непредусмотренной установленными «правилами» и нацеленной исключительно на «проигрыш» государства:

Представители бизнес-сообщества напоминают, что в июле 2000 года на встрече президента с предпринимателями шла речь об отказе государства от пересмотра итогов приватизации. И Путин согласился с предложением бизнесменов не менять больше *правила игры* (Положевец Г. «Время МН», 09.07.2003)

Очевидно, что обе М-модели — и игра, и война — описывают сходные свойства сложившейся ситуации, но степень конфликтности ситуации оказывается различной. Метафора игры в отличие от войны в более мягкой форме описывает суть взаимоотношений между участниками ситуации, акцентируя внимание на конкуренции и соперничестве субъектов, в то время как метафора войны предполагает вражду и открытое противостояние.

В терминах М-модели преступный мир взаимоотношения крупного бизнеса и власти описываются как «наезд», «налет», «накат», «разборка». Роли участников «преступных действий», как и в предшествующих случаях, четко фиксированы: власть является активным участником, совершающим определенные действия в отношении большого бизнеса, руководствуясь понятиями криминального мира. Олигархи и представители бизнеса представлены «заложниками» власти, а государство их «крышует», устраивает им «разборки» и «шантажирует» их. Ср. типичный пример интерпретации власти как «преступника», когда она «наезжает» на олигархов:

Почему начали с ЮКОСа? Во-первых, нужно было продемонстрировать свое всемогущество. Дескать, мы можем «завалить» любого колосса. Понятно, что для достижения этой цели *наехать* на какой-либо ларек Васи Пупкина недостаточно. (Сас И. «Независимая газета», 17.07.2003);

Конечно, наивным согражданам хочется видеть за всем этим *«наездом»* ювелирную операцию патриотических чекистов и пламенных «муровцев», которые все эти годы постепенно восстанавливали свою мощь и готовили удар по зарвавшейся и разжиревшей на народной кровушке олигархии. (Гамаюн А. Завтра, 25.07.2003);

Не надо сбрасывать со счетов и нынешнее обострение отношений между большим бизнесом и официальной властью. Скорее всего это вовсе не случайная *разборка* с одним зарвавшимся олигархом. По мнению многих экспертов, конфликт между двумя самыми влиятельными группами российской политики является объективно неизбежным. Вполне возможно, что новый выборный закон — один из элементов подготовки власти к этой битве. (Ростовский М. «Московский комсомолец», 08.07.2003);

Скорее всего они *«забьют друг другу стрелку»* и будут договариваться (имеются в виду представители большого бизнеса и власть). В пользу этого варианта говорит и осторожность Ходорковского, отнюдь не стремящегося к сжиганию мостов (Шаповал С. «Независимая Газета», 23.07.2003);

А швейцарская газета «Ное Цюрихер цайтунг» пишет, что в Москве многие рассматривают *наезд на «ЮКОС»* как признак того, что силовики не хотят больше мириться с ситуацией, когда их доля при распределении новых богатств незначительна, и намерены претендовать на расширение этой доли. (Сафрончук В. «Советская Россия», 05.08.2003)

Использование этой М-модели в политическом дискурсе с такой высокой частотностью объясняется также и сложившимися историко-культурными условиями развития бизнеса в России. Действительно, эпоха накопления первичного капитала часто имеет криминальную природу — это относится не только к российскому постсоветскому капитализму. Иными словами, связь в общественном сознании между бизнесом и преступлением весьма сильна и хорошо мотивирована. Специфика рассматриваемого случая в том, что с помощью криминальной метафоры осмысливается не только бизнес, но и власть, причем власть выступает в качестве активной стороны.

Как следует из рис. 5, М-модель преступного мира занимает по частоте употребления четвертое место. Это очень высокий показатель, особенно если учесть, что в дискурсе эпохи перестройки она оказывается лишь на 26 месте (см. подробнее [Başarın, Zinken 2003], см.

также часть 3 данной книги). Хотя и для перестроечного дискурса это была дискурсивная практика (в основном по культурным и историческим причинам), все-таки в рассматриваемом случае столь высокая частота употребления указывает на специфические особенности восприятия отношений между властью и бизнесом. Анализ контекстов показывает, что самая важная идея, которая высвечивается моделью преступного мира — это представление о том, что **описываемая конфликтная ситуация между бизнесом и властью не вписывается в рамки закона.**

Основной вклад в общее число метафор, выявленных в статьях по теме «Большой бизнес и власть» вносят конфликтные М-модели — война, игра и преступный мир — 33 %. Отношения, сложившиеся между представителями бизнес-сообщества и государством, осмысляются в общественном сознании как открытое военное противостояние, часто сменяющееся криминальными разборками. Доля метафор преступного мира чрезвычайно высока именно в конфликтный период (см. рис. 6), что нетипично даже для российского политического дискурса. Особо следует отметить, что доля конфликтных метафор одинаково высока для всех СМИ, представленных в выборке, именно они задают вектор осмысления данной проблемы.

Предшествующие М-модели семантически объединялись тем, что они несли в себе идею конфликта. Следующая по частоте за М-моделью преступного мира идет М-модель пространства и связанная с ней семантически М-модель геометрии. В последней М-модели центральное место занимает дескриптор «равноудаленность». Очевидно, что это связано с некой политической программой власти: помещая олигархов «на равном удалении» от себя, власть четко очерчивает политическое пространство, в котором она занимает центральное место, а представители крупного бизнеса с определенного момента перемещаются на периферию, а в центр им путь закрыт. Именно М-модель геометрии доминирует в доконфликтный период отношений между бизнесом и властью, так как в это время центральным в дискурсе является обсуждение роли олигархов в общественно-политической жизни. Метафорически программа действий власти описывается как «равноудаление олигархов». Правоохранительные органы стали этим активно заниматься с начала июля 2003 года:

Этот доклад в равной степени может свидетельствовать об очередной финансовой склоке в стане олигархов или о новом витке «асим-

*метричного равноудаления*», так пропагандируемого несколько лет назад Кремлем. Ведь тогда власть как раз и разделила олигархов на хороших и плохих, чтобы «замочить» последних. (Косарева Н. «Известия», 31.07.2003);

Под прикрытием тезиса о «*равноудаленности*», в отсутствие правил игры, установленных государством, олигархи устанавливают частные правила, которые все больше определяют реальные условия политической и экономической жизни и, следовательно, нестабильность, характерную для любого периода отсутствия конвенции. («Завтра», 26.06.2003)

Если бизнес равноудален и выведен на периферию политического пространства, то власть представлена как центр «моноцентрической системы», отвечающий за принятие политических решений. Иными словами, еще раз подтверждается тот факт, что власть доминирует в сложившихся взаимоотношениях между бизнесом и властью, определяя его подчиненное положение в складывающейся системе единовластия:

Такое положение дел был для власти неприемлемо — отсюда и создание Путиным того, что сейчас принято называть *властной вертикалью*, или, иначе говоря, *новой моноцентрической системой*. В результате Владимиру Путину удалось построить систему, в рамках которой политические акторы, будь то олигархи, губернаторы, владельцы СМИ, на федеральном уровне не являются столь значимыми игроками, какими они были в 1999 году. Их автономия резко ограничена, а те, кто не захотел принять новые правила игры, были вынуждены покинуть страну. (Бунин И. «Политком.ру», 12.05.2003)

В рамках М-модели пространства выделяется концепт движения, который имеет следующие метафорические следствия: бизнес и власть последовательно интерпретируются как одушевленные участники движения, перемещающиеся относительно друг друга, при этом удаление высвечивает идею конфликта, противостояния, а приближение — стремление к достижению согласия. Ср. характерный пример:

Г-жу Памфилову поддержал президент РСШП Аркадий Вольский. «Необходимо как бизнесу, так и власти *делать шаги навстречу друг другу*», — заявил он. («Время МН», 18.07.2003)

Однако количество контекстов, в которых метафоры высвечивают идею согласия (всего 7 упоминаний), незначительно по сравнению



с долей конфликтных М-моделей в дискурсе. Таким образом, становится очевидным, что взаимоотношения между бизнесом и властью нацелены не на сближение, а на противостояние и борьбу.

Использование М-модели пространства в целом характерно и для политического дискурса эпохи перестройки. В соответствии с общепринятыми речевыми практиками, в терминах данной М-модели последовательно описываются экономика, политика, право и другие области общественной жизни. Особенность дискурса по теме «Большой бизнес и власть» состоит в том, что политика интерпретируется как «иерархическое пространство», в котором положение всех участников четко определено.

Для политического дискурса достаточно характерно употребление М-модели механизма. Одно из главных метафорических следствий данной модели сводится к следующему: проблемы, которые описываются с помощью концептов М-модели механизма, могут быть решены рациональным путем. Такое следствие весьма частотно в политическом дискурсе эпохи перестройки, но в текстах по теме «Большой бизнес и власть» чаще высвечивается другое следствие данной М-модели: взаимоотношения большого бизнеса и власти представлены как механизм, в работе которого часто возникают «сбои» и «поломки», что препятствует его нормальной работе и приводит к конфликту между олигархами и властными структурами:

Президенту, конечно, будет трудно признать, что *сбой* в работающей уже три года системе «власть — бизнес» произошел по вине силовиков. (Костиков В. «Аргументы и факты», 16.07.2003)

В рамках М-модели механизма власть и бизнес интерпретируются по-разному. Власть последовательно описывается как «машина» или «механизм», имеющий «рычаги влияния», или как часть механизма («маховик»), без которой работа всей системы становится невозможной:

И *маховик* в отношении показательной олигархической группы «ЮКОС-Менатеп» начал раскручиваться. Прокуратура реанимировала четыре давно «протухших» — закрытых либо недоказанных — уголовных дела, связанных с деятельностью топ менеджеров ЮКОСа. («Профиль», 07.07.2003);

Метод управляющих глобального мира состоит в пропаганде открытого общества для свободного движения товаров и капиталов.

Однако сама монетарная власть является наглухо закрытой внутри «открытого» общества, и все *реальные рычаги власти и ее механизмы* управляются скрытыми от гражданского общества финансовыми транзакциями. (Климов С. «Завтра», 20.06.2003)

В описании представителей крупного бизнеса наблюдается не только непоследовательность, но и явное противоречие: с одной стороны, частная инициатива является «мотором» экономического роста, с другой — олигархическая система представляется как «тормоз» в развитии страны. В некоторых публикациях с помощью данной М-модели проводится четкое разграничение между малым и крупным бизнесом — частная инициатива в целом приветствуется, в то время как олигархический капитал препятствует не только экономическому, но и политическому развитию страны:

Лидер «Яблока» продолжил, судя по всему, уже собственными рассуждениями о том, что *олигархическая система становится тормозом развития*, однако бороться с ней возможно и нужно нерепрессивными методами. (Григорьева Е. «Известия», 11.07.2003);

Компромиссный характер послания очевиден и в отношении к большому бизнесу. Президент признал тот факт, что *«мотором» экономического роста является частная инициатива*. (Бунин И. «Политком.ру», 19.05.2003)

Такое противоречивое осмысление политических реалий в рамках М-модели механизма отражает объективно существующее противоречие между бизнесом, связанным с властью, и бизнесом, относительно независимым от нее или, по крайней мере, пытающимся быть независимым.

М-модель механизма, относясь к группе рациональных метафор, устойчиво коррелирует с М-моделью строительства. Как и в случае с М-моделью механизма, метафорические осмысления власти в рамках М-модели строительства последовательны и непротиворечивы, а осмысления бизнеса неоднородны. Государственная власть в терминах М-модели строительство интерпретируется как «несущая конструкция» и как «крыша»:

Новый правящий класс завершил освоение «захпанного» политического и экономического пространства. Все четче прорисовывается политическая иерархия во главе с президентом. Ее *несущей кон-*

*струкцией* стали финансово-силовые группировки, включающие ФПП с «близкими» к ним фрагментами силовых структур и региональных элит. (Дискин И. «Политком.ру», 06.01.2003)

В то же время бизнес-сообщество, с одной стороны, является «опорой» российской экономики, но, с другой, — «карточным домиком», который в один момент может быть разрушен:

Но те, кто затеял эту акцию, тоже очень хорошо понимают, что олигархи — одна из *основных и узловых опор* не только власти сегодняшней, но всей нашей жизни. (Костюк Е. «Время МН», 30.07.2003);

Социологические опросы показывают — народ уже вполне терпимо относится к бизнесу мелкому, но по-прежнему не переваривает бизнес крупный. И как только в очередной раз появляется ощущение (хоть и ошибочное!), что в вопросах «большой собственности» царит неопределенность, тут же начинает задуть левый ветер. Он каждый раз оказывается слабым — но если он один раз дунет во всю силу, *карточный домик* российского капитализма рухнет что в Иркутске, что в Москве. («Время МН», 22.07.2003)

Явное противоречие и непоследовательность в описании крупного бизнеса в терминах М-модели строительство свидетельствует об отсутствии четкого понимания роли большого бизнеса в социально-экономической и политической жизни страны: либо бизнес — это основа дальнейшего развития, либо нечто нестабильное, зависящее от политической конъюнктуры.

Стоит сказать несколько слов о соотношении М-моделей механизма и строительства в текстах по обсуждаемой тематике. Если обратиться к рис. 5, на котором представлен рейтинг всех М-моделей, найденных в текстах по данной теме, можно увидеть, что число вхождений М-модели механизма в два раза превышает число вхождений М-модели строительство. Это вполне объяснимо в том смысле, что строительство в общем случае описывает состояние (это также подтверждают данные по политическому дискурсу эпохи перестройки), в то время взаимодействие бизнеса и власти является динамичным процессом, поэтому при метафорическом осмыслении данной реалии в дискурсе чаще употребляется М-модель механизма.

Следующей в составленном рейтинге М-моделей идет метафора объекта-предмета, обладающая значительным потенциалом профилирования тех или иных свойств сферы политики. Одно из таких

свойств — идея воздействия. В текстах общественно-политической проблематики объектами воздействия выступают не только те или иные политические процессы, но политические субъекты. Так, некоторые процессы интерпретируются как «инструменты», с помощью которых можно изменить существующее положение вещей. Например, пересмотр итогов приватизации осмысливается как *мощный инструмент давления* на непокорных олигархов:

Фактически за приватизационную амнистию ратуют Михаил Касьянов и министр экономического развития Герман Греф. Если не объявить такую амнистию, пересмотр итогов приватизации превращается в *мощный инструмент давления* на впавших в немилость бизнесменов. («Коммерсант», 18.07.2003)

Семантически М-модель ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА связана с М-моделью ТОРГОВЛИ в том смысле, что в процессе купли-продажи присутствует сущность, которая концептуализируется как «объект-предмет». В качестве объекта купли-продажи рассматриваются представители властных структур. Так, премьер-министра, правительство, депутатов можно «приватизировать», купить; предметом торговли могут стать также правовые нормы и государственная собственность, которую бизнес и власть «выхватывают друг у друга»:

*Олигархи купили министров*, торгуются с Кремлем, налоги платят, когда хотят, а не хотят — реструктурируют. (Доренко С. «Завтра», 13.08.2003);

*Скупкой же депутатов*, чего, собственно, Михаил Ходорковский и не скрывает, они занимаются затем, чтобы обеспечить прохождение нужных им экономических законов. (Смирнов К. «Коммерсант», 14.07.2003);

Можно констатировать, что олигархи, завершив первичную приватизацию основных объектов национальной экономики, перешли к своего рода *приватизации политико-властного пространства России*. (Смирнов К. «Коммерсант», 14.07.2003)

Существуют некоторые метафорические модели, которые практически не имеют собственных дескрипторов, то есть дескрипторы этих моделей полностью совпадают с дескрипторами других М-моделей. Подобные М-модели получили названия *моделей-констелляций* (см. главу 1). Именно к таким моделям относится М-модель ОГРАНИЧИТЕЛЬ, дескрипторы которой образованы из дескрипторов таких моделей, как ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ, ПРОСТРАНСТВО, МЕХАНИЗМ, БОЛЕЗНЬ и т. д.

Данная модель несет в себе идею ограничения действий, мышления отдельных субъектов, а также воздействия на их способность к восприятию, принятию решений. В дискурсе изучаемой темы с помощью этой М-модели последовательно интерпретируются действия бизнес-сообщества и его влияние на развитие страны: влияние олигархов на политику — это «бремя», которое несет на себе российская экономика, дело ЮКОСа — это «воронка», «паралич», «тормоз» для развития экономики и т. п.:

Сам конфликт — это уже не просто противостояние ЮКОСа и силовиков. Он превращается в конфликт между силовиками и крупным бизнесом, потому что постепенно ситуация начинает выходить из-под контроля. Причем непонятно, кто арбитр. Появляется *воронка*, которая затягивает всех участников конфликта. (Мигалин С. «Независимая газета», 04.08.2003);

Одной из главных и самых первых задач, которую поставила перед собой новая российская власть, было освобождение страны от тяжелого *бремени «олигархической власти»*. (Рыклин А. «Еженедельный журнал», 21.01.2003)

Негативные свойства, высвечиваемые М-моделью ограничителя, касаются не только бизнеса, но и власти. Действия власти, направленные на борьбу с олигархами, тоже являются ограничителем для развития экономики страны:

Мы предполагали, что будет «наезд» на очередную финансово-экономическую группировку. Но не думали, что он приобретет такие варварские формы, — к удивлению собравшихся в офисе Интерфакса, заметил вчера Зюганов. — Я не хочу никого защищать, но хочу сказать, что такого рода действия не только дестабилизируют обстановку, они вносят полный хаос и могут *парализовать финансы и экономику*. (Садчиков А. «Известия», 31.07.2003)

Таким образом, М-модель ограничителя используется для концептуализации как бизнеса, так и власти. Стоит особенно отметить, что в дискурсе эпохи перестройки данная М-модель тоже присутствует, но доля метафор ограничителя в перестроечном дискурсе намного ниже, чем в текстах по изучаемой теме, что еще раз подчеркивает конфликтность взаимоотношений между участниками рассматриваемой конфликтной ситуации.

Рассмотрим подробнее М-модель персонификации, которая занимает второе место в рейтинге метафорических моделей (см. рис. 5).

С языковой точки зрения, высокая частота употребления М-модели персонификации связана с тем, что эта модель часто используется в дискурсе как фоновая. Как указывалось выше в главе 1, к фоновым относятся такие М-модели, употребление которых в дискурсе предполагается «по умолчанию» при использовании других моделей. Так, М-модель войны в метафорических выражениях типа *война законов* предполагает, что законы — это участники военных действий. При этом в фокусе внимания оказывается метафора войны, а М-модель персонификации используется говорящим «вынужденно», «по умолчанию». В этом особенность фонового употребления метафорических моделей.

Аналогично в контексте *ЮКОС воюет с властью* М-модель персонификации оказывается фоновой для М-модели война. Действительно, с одной стороны, ЮКОС и власть описаны как одушевленные субъекты, поэтому в данном контексте использована М-модель персонификации. С другой стороны, в фокусе внимания находятся ЮКОС и власть. Они являются участниками военного конфликта. Употребление М-модели войны в данном контексте является фигурным и влечет употребление М-модели персонификации. Фигурная М-модель, в отличие от фоновой, обязательно находится в центре внимания участников дискурса. В рассмотренных примерах фигурной моделью является М-модель войны.

Использование метафоры персонификации в качестве фигурной иллюстрирует следующий пример:

Наметилась еще одна позитивная тенденция у лидеров крупного капитала: они не пытаются подкупить Президента, а пробуют идти по известному цивилизованному миру пути обеспечения собственной безопасности и усиления собственного влияния: они *говорят с властью*, воспринимая ее как партнера. (Мигранян А. «Российская газета», 12.08.2003)

В данном контексте М-модель персонификации представлена как фигурная, поскольку она не является следствием других М-моделей, использованных в данном примере. Использование персонификации как фигурной М-модели имеет следующие следствия: политическим субъектам (в данном случае, бизнесу и власти) приписываются собственно человеческие свойства — когнитивные способности, а именно, способность говорить, мыслить, принимать решения, способность вести диалог и т. д.

В целом в качестве фигурной М-модель персонификации представлена в текстах 55 раз, что несколько больше, чем количество употребления данной М-модели как фоновой (40). Пик употребления указанной М-модели как фигурной приходится на 28 неделю (7—13 июля). Именно в это время произошли ключевые события, которые обнаружили проблемы во взаимоотношениях большого бизнеса и власти. В момент кризиса стороны выступают как политические субъекты, готовые использовать свои интеллектуальные ресурсы для решения проблемы. На 29 неделе (14—20 июля) происходит резкий спад частоты употребления персонификации как фигурной М-модели, при этом количество фоновых метафор увеличивается. В качестве гипотезы можно предположить, что сторонам просто не хватает «интеллектуальных ресурсов» для того, чтобы разрешить проблемную ситуацию. В силу этого привлекаются дополнительные ресурсы: стороны начинают «воевать», «играть» или «наезжать» друг на друга и т. п. Кроме того, поскольку персонификация служит фоном сразу для нескольких М-моделей (например, для войны, игры, театра, спорта и т. д.), увеличение количества контекстов с фоновой персонификацией свидетельствует о возрастании количества других М-моделей, используемых в дискурсе. Это говорит о том, что проблема не решена, более того, имеется потенциал для усиления конфликта.

Теперь подробнее остановимся на том, какие следствия имеет М-модель персонификации в качестве фигурной. Основное противопоставление, на котором строится вся модель, — это противопоставление человека активного и человека пассивного. В исследуемом дискурсе в роли человека, на которого оказывают воздействие («человек пассивный»), в основном выступает бизнес-сообщество:

Никто не сомневается в том, что *руку на олигархов поднял Кремль*.  
Еще конкретнее — руководит процессом администрация президента.  
Еще конкретнее — санкция на это получена у самого Владимира Владимировича. (Коньков Н. «Завтра», 10.07.2003)

В то же время и бизнес, и власть практически в одинаковой мере могут занимать активную позицию и сами оказывать воздействие на ситуацию:

*«Бизнес-сообщество» было настроено решительно и пообещало* в течение трех месяцев представить правительству собственную программу. (Красников Е. «Московские Новости», 24.03.2003);

Тем не менее устами президента Путина *государственная власть сделала заявление* о недопустимости пересмотра итогов приватизации, то есть *еще раз подчеркнула* целенаправленный характер осуществленного в 1992—1998 гг. и дискриминационного по отношению к русским передела бывшей общенародной собственности СССР на территории Российской Федерации. (Савин А. «Завтра», 08.04.2003)

Бизнес персонифицируется в среднем в 1,5 раза чаще, чем власть, то есть бизнесу чаще, чем власти, приписываются когнитивные способности человека. Так, в большинстве контекстов именно бизнес выступает как «человек, наделенный способностью мыслить», и «человек, принимающий решения»:

Но фактически *бизнес* под «отказом от пересмотра итогов приватизации» *имел в виду* именно отказ от ревизии крупных сделок (всем ясно, что многочисленные парикмахерские и магазины деприватизированы не будут). (Становая Т. «Политком.ру», 21.07.2003);

Если верить СМИ, главный меседж обращения состоит в том, что *крупный бизнес считает* необходимым сохранить политическую стабильность и не допустить пересмотра итогов приватизации. (Серова Н. «Политком.ру», 14.07.2003)

Таким образом, частая персонификация бизнеса и большее количество упоминаний концепта «бизнес» указывает на то, что эта категория оказывается центральной категорией политического дискурса, в отличие от власти.

С М-моделью персонификации напрямую связана М-модель диалога, поскольку с ее помощью бизнесу и власти приписывается характерная для одушевленных субъектов способность быть участником коммуникации. Диалог несет в себе идею стремления к компромиссу между бизнесом и властью. Однако низкая относительная частота употребления этой М-модели (ее доля составляет порядка одного процента) указывает на то, что в общественном сознании (преломленном через дискурс СМИ) достижение компромисса вряд ли возможно. Следствия этой М-модели в текстах определяются рядом факторов, в том числе периодом конфликта. Так, в докризисный период и бизнес, и власть стремятся к совместному диалогу:

Бизнес-сообщество дозрело до того, чтобы строить отношения с государством честно и открыто. Думаю, что и государство стремится к тому же. Более того, российский бизнес считает необходимым — с уче-



том мирового опыта — создавать совместные с государством структуры для осуществления консультаций, реализации совместных программ и проектов. Такие структуры должны получить правовую основу, а *диалог между государством и бизнесом* должен стать постоянным. В частности, РСПП считает, что было бы правильным и своевременным создание национального совета по административной реформе при президенте. (Калашникова Н. «Итоги», 08.04.2003)

На первом этапе конфликта усиливается стремление к диалогу именно со стороны бизнеса как реакция на силовые действия власти. Крупные собственники стремятся договориться о правилах игры, предлагая финансовую поддержку власти в обмен на часть ее символического капитала и прекращение дискуссий о переделе собственности. Со своей стороны, власть не идет навстречу олигархическому капиталу, не инициирует диалога, демонстрируя тем самым силу своей позиции. И наоборот, попытки бизнеса наладить диалог интерпретируются как показатель слабости позиции бизнес-сообщества. Предложение диалога больше похоже на коммерческую сделку — обмен части накопленного капитала на благоволение власти:

Прежде всего это предложение начать *диалог о правилах игры*, которые должен соблюдать и крупный бизнес, и власть. Повторяю, произошел некий срыв, но это не означает, что сам алгоритм взаимоотношений бизнеса и власти поломан. (Иогансен Н. «Итоги», 15.07.2003);

Таким образом, бизнес стремится *к диалогу* — видимо с тем, чтобы «обменять» уступки в отношении государства на законодательное закрепление незыблемости крупных приватизационных сделок. (Становая Т. «Политком.ру», 21.07.2003);

Озабоченные своим будущим предприниматели предлагают президенту «новый общественный договор». Суть его: государство окончательно и бесповоротно подводит черту под прошлым и выписывает индульгенцию участникам приватизации. В *обмен на это* «бизнес-сообщество возьмет на себя социальные и этические обязательства». Состоится ли «*ченч*», никто предсказать не берется: президент как верховный арбитр продолжает хранить молчание — качество, свойственное Владимиру Путину и в иных острых ситуациях. (Гук С. «Время МН», 23.07.2003)

Тем не менее СМИ относятся скептически к возможности налаживания и ведения полноценного диалога между крупным бизнесом и государством:

Значит, «лужковская логика» — взаимные уступки, а в итоге компромисс. «Гнилой компромисс», других не бывает. *ЮКОС умерит свои политические аппетиты <...>*, а государство *«оттаскивает прокуратуру», выпускает горло ЮКОСа*. (Радзиховский Л. «Политком.ру», 03.07.2003)

#### 4.4. Количественные характеристики метафорических моделей

Количественные характеристики метафорических моделей позволяют исследовать и описать ряд важнейших свойств метафор в изучаемом дискурсе и установить типичные метафоры, демонстрирующие особенности употребления М-моделей в данном типе дискурса. Рассмотрим последовательно эти количественные параметры.

##### 4.4.1. Денотативное разнообразие

Параметр денотативного разнообразия (введенный в главе 1) показывает, насколько широко используются дескрипторы той или иной М-модели для описания различных общественно-политических реалий. Так, например, с помощью сигнификативного дескриптора «игрок» М-модели игра описываются сразу несколько участников конфликта, а именно: олигархи как класс крупных собственников, олигархи по отдельности, представители силовых ведомств, Генеральная прокуратура, представители властных структур, президент и др.

Количественно денотативное разнообразие можно определить, выявляя, сколько приходится в среднем на один сигнификативный дескриптор уникальных денотативных дескрипторов во множестве реализаций данной М-модели в дискурсе:

$$D - \text{variety} = \frac{D_m}{S_m},$$

где  $D_m$  — количество уникальных денотативных дескрипторов (общественно-политических реалий), которые попадают под действие М-модели (находятся в ее таксоне тезауруса),  $S_m$  — количество уникальных сигнификативных дескрипторов М-модели (табл. 1).

Таблица 1

**Значения параметра денотативного разнообразия  
для 10 наиболее частотных метафорических моделей  
темы «Большой бизнес и власть»**

М-МОДЕЛЬ	D-VARIETY
ВОЙНА	1,13
ПЕРСониФИКАЦИЯ	1,03
ОГРАНИЧИТЕЛЬ	0,94
ПРОСТРАНСТВО	0,92
ТЕАТР <sub>1</sub>	0,88
ПРЕСТУПНЫЙ МИР	0,85
ГЕОМЕТРИЯ	0,83
ИГРА	0,77
ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ	0,73
МЕХАНИЗМ	0,63

В целом следует отметить, что абсолютные значения показателей денотативного разнообразия М-моделей невысоки. Это связано с тем, что для исследования была взята весьма узкая проблемная область, включающая в себя только одну тему: «Большой бизнес и власть». Однако даже в пределах этой области некоторые М-модели, а именно война, персонификация, ограничитель, пространство, более разнообразны с точки зрения данного параметра, т. е. их роль в осмыслении характера взаимоотношений бизнеса и власти намного выше, чем остальных М-моделей. В частности, лидерство М-модели война по данному показателю еще раз подтверждает конфронтационный характер взаимоотношений между участниками конфликта. Следует особо отметить, что показатель денотативного разнообразия М-модели не зависит от абсолютной частоты ее встречаемости в выборке.

Так, М-модель ограничителя (бизнес как «тормоз» экономического развития, «налоговое бремя»), занимая 10 место по частоте, обладает одним из самых высоких показателей денотативного разнообразия. Следовательно, эта М-модель широко используется для интерпретации взаимоотношений большого бизнеса и власти, т. е. обладает большим потенциалом в осмыслении конфликта, чем одна из самых частотных М-моделей игра. Этот факт в очередной раз подтверждает вывод о том, что в сложившейся конфликтной ситуации ни бизнес, ни

власть не идут навстречу друг другу. Их действия направлены не на разрешение конфликта, а, напротив, на дальнейшее ухудшение ситуации, поскольку ни бизнес, ни власть не ищут пути выхода из сложившейся ситуации (по крайней мере в интерпретации СМИ). Их действия ограничивают круг возможностей для разрешения конфликта.

#### 4.4.2. Сигнификативное разнообразие (S-variety)

Если выбрать обратный путь исследования — от явлений действительности к тем метафорическим моделям, с помощью которых эти явления интерпретируются, — можно использовать противоположный параметр (введенный в главе 1): сигнификативное разнообразие, который характеризует указанные общественно-политические реалии с точки зрения количества разнообразных метафор, использованных для их осмысления.

Количественно сигнификативное разнообразие определяется как отношение числа различных денотативных дескрипторов в данной целевой области к числу различных сигнификативных:

$$S - variety = \frac{S_n}{D_n} ,$$

где  $D_n$  — число уникальных денотативных дескрипторов данной целевой области,  $S_n$  — число различных сигнификативных дескрипторов, которые используются для описания реалии исследуемой целевой области. В частном случае количество денотативных дескрипторов может быть равно единице.

Для исследования сигнификативного разнообразия целевой области были выбраны четыре концептуальные переменные (реалии), которые используются в контекстах с наибольшей частотой: *бизнес, власть, взаимоотношения между бизнесом и властью и конфликт между бизнесом и властью*. Результаты для четырех концептуальных переменных представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Значения параметра сигнификативного разнообразия  
для концептуальных переменных «бизнес», «власть»,  
«взаимоотношения между бизнесом и властью»  
и «конфликт между бизнесом и властью»**

Концептуальная переменная	S-variety
Конфликт	19
Взаимоотношения	10
Власть	2,60
Бизнес	2,18

Параметр сигнификативного разнообразия позволяет выделить три кластера концептуальных переменных: «взаимоотношения бизнеса и власти», «конфликт между бизнесом и властью» и «бизнес — власть». В некотором смысле этих кластеров два, поскольку семантически конфликт можно рассматривать как тип взаимоотношений между бизнесом и властью. Поэтому мы ограничимся рассмотрением двух-кластерной системы. Отчасти это мотивируется и тем, что последний кластер включает в себя участников коммуникации, а первый — тип взаимоотношений между участниками данной коммуникации.

Данный параметр напрямую связан с тем, какое внимание уделяется той или иной реалии в СМИ, то есть можно говорить о понятии **центральности** переменной в дискурсе: чем выше значение S-variety, тем больше внимания в СМИ уделяется концептуальной переменной и тем более значимой соответствующая категория оказывается для общественного сознания<sup>4</sup>. В нашем случае по абсолютным значениям лидирует концептуальная переменная «конфликт между бизнесом и властью», следовательно, именно этот концепт является дискурсообразующим. Иными словами, СМИ в дискуссии по проблеме «большой бизнес и власть» основной акцент делают на их взаимоотношениях, причем характер этих отношений очевидно конфликтный. Сами участники этих взаимоотношений как таковые менее интересны СМИ, но в то же время власть несколько опережает бизнес по данному параметру, так как изначально является более активной стороной.

<sup>4</sup> Характеристика «центральности» изначально была введена для квалификации узла когнитивной карты в когнитивном картировании (см. подробнее по этому поводу [Херадштейт, Нарвесен 1987; Баранов 2001a: 281 и далее]).

Несколько иная картина вырисовывается при анализе концептуальных переменных по количеству метафорических моделей, используемых для их описания. В рамках когнитивной теории метафоры центральность понятия в дискурсе определяется количеством М-моделей, которые используются для ее осмысления.

Концептуальная переменная «бизнес» описана в терминах всех 37 М-моделей. Из 376 контекстов 61 приходится на М-модель войны, 61 — игры, 59 — преступного мира. Следующие за ними М-модели МЕХАНИЗМ, ГЕОМЕТРИЯ и ДИАЛОГ имеют частоту почти в три раза меньше.

В то же время концептуальная переменная «власть» описана 31 М-моделью. Однако данное различие между двумя переменными следует признать незначительным, так как оно достигнуто в основном за счет редко встречающихся М-моделей. Из 204 метафор по отношению к концепту «власть» 52 приходятся на М-модель преступного мира, 51 — игры, 48 — войны. Таким образом, и «бизнес», и «власть» являются в одинаковой степени центральными в обсуждении, но характер дискуссии вокруг них различен. В описании обеих концептуальных переменных лидируют конфликтные метафорические модели, но количество конфликтных М-моделей при описании концептуальной переменной «бизнес» на 13 % меньше, чем при описании «власти», причем при описании последней очевидно доминирование М-модели ПРЕСТУПНЫЙ МИР, за счет которой увеличивается количество конфликтных метафор в осмыслениях категории «власть».

В исследуемых контекстах при описании концептуальной переменной «конфликт между бизнесом и властью» были использованы 11 метафорических моделей. Естественно, что доля конфликтных М-моделей в описании указанной переменной чрезвычайно велика. Можно сказать, что данная концептуальная переменная описана исключительно конфликтными моделями — они составляют 83 % (на 81 метафору приходится 67 конфликтных). Обращает на себя внимание доминирование М-модели ПРЕСТУПНЫЙ МИР. Иными словами, столкновение интересов представителей крупного бизнеса и действующей власти в метафорическом осмыслении интерпретируется как криминальная разборка. Как следствие, ее участники выбирают для решения поставленных задач соответствующие методы, не имеющие ничего общего с законом.

На основании приведенных выше данных о количестве М-моделей в описании указанных К-переменных можно сделать следующие выводы:

- Сам конфликт между бизнесом и властью с точки зрения понятия центральности, скорее, находится на периферии. Это объясняется тем, что в обществе (в интерпретации СМИ) достигнут некоторый когнитивный консенсус относительно метафорического осмысления самого конфликта. Он однозначно интерпретируется в рамках конфликтных М-моделей. Несколько иная ситуация с участниками конфликта — их роли осмысляются и переосмысляются с помощью разных метафорических моделей. В этом смысле эти концептуальные переменные более центральны.
- Аналогичные выводы можно сделать, анализируя концептуальную переменную «взаимоотношения между бизнесом и властью». В дискурсе относительно данного концепта также существует определенное взаимопонимание в том смысле, что превалирует точка зрения, согласно которой взаимоотношения носят исключительно конфликтный характер.

#### 4.4.3. Денотативная стабильность метафорической модели (D-stability)

Еще один параметр, характеризующий метафорические модели, это параметр стабильности денотативных отображений (см. по этому поводу главу 1), который показывает, насколько единообразно общественно-политические реалии из проблемной области осмысляются с помощью той или иной метафорической модели.

Стабильным денотативным отображением М-модели называется регулярно встречающаяся в текстах пара отображений: <сигнификативный дескриптор<sub>1</sub>, денотативный дескриптор<sub>2</sub>>, или <s<sub>1</sub>, d<sub>2</sub>>. Так, например, в рамках М-модели преступный мир сигнификативный дескриптор «заложник» употребляется для описания представителей бизнес-сообщества 4 раза, то есть стабильным денотативным отображением М-модели преступный мир является следующая пара дескрипторов: <заложник, бизнес-сообщество>. Таким образом, в рамках указанной М-модели дескриптор «заложник» относительно последовательно (стабильно) употребляется для характеристики бизнесменов.

Параметр стабильности денотативных отображений вычисляется формуле:

$$D - stability = \frac{\Sigma < s, d > \text{повторяющихся}}{\Sigma < s, d > \text{всех}}$$

D-stability — отношение количества повторяющихся пар <s, d> к общему количеству всех пар (как повторяющихся, так и уникальных).

Рассмотрим процедуру подсчета данного параметра на примере М-модели преступный мир. Общее количество всех пар дескрипторов равно 62, большинство из них являются повторяющимися. Так, пара <наезд, конфликт между бизнесом и властью> встречается 39 раз, пара <бизнес, заложник> — 4 раза, пара <накат, конфликт между бизнесом и властью> — 3 раза. Таким образом, общее количество повторяющихся пар равно 46, а значение параметра — 74 %. Чем больше количество стабильных (повторяющихся) пар, тем выше денотативная стабильность М-модели. Значения указанного параметра для 10 наиболее частотных М-моделей представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Значения параметра денотативной стабильности  
для 10 наиболее частотных метафорических моделей  
темы «Большой бизнес и власть»**

<b>М-МОДЕЛЬ</b>	<b>D-STABILITY</b>
ГЕОМЕТРИЯ	81 %
ПРЕСТУПНЫЙ МИР	74 %
ИГРА	68 %
ПРОСТРАНСТВО	58 %
ПЕРСОНИФИКАЦИЯ	56 %
ВОЙНА	53 %
ТЕАТР <sub>1</sub>	40 %
МЕХАНИЗМ	34 %
ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ	24 %
ОГРАНИЧИТЕЛЬ	10 %

Из табл. 3 видно, что самый высокий параметр денотативной стабильности имеет М-модель геометрия. Это объясняется тем, что в изучаемом дискурсе почти 75 % всех дескрипторов М-модели геометрия составляет дескриптор «равноудаленность», с помощью которого описана ситуация, когда представители бизнес-сообщества не обладают доступом к властным ресурсам, таким образом, пара <равноудаленность, равенство олигархов в невозможности доступа к власти> является стабильной для М-модели геометрия в дискурсе. Кроме того, увеличение значения параметра денотативной стабильности объясня-



ется еще и тем, что данная метафорическая модель представлена в обсуждаемом дискурсе исключительно дескрипторами «равноудаленность», «вертикаль» и «моноцентрическая система». Иными словами, сам набор дескрипторов беден, а метафорическая проекция из сферы источника фрагментарна<sup>5</sup>. Это приводит к столь высокому значению рассматриваемого параметра.

Далее следуют М-модели преступный мир и игра. Высокий уровень Д-стабильности этих М-моделей подтверждает вывод о том, что взаимоотношения бизнеса и власти, а также участники этих взаимоотношений осмысляются в терминах преступного мира и игры. Самый низкий параметр денотативной стабильности имеет М-модель ограничителя. Это вполне объяснимо, если принять во внимание специфику данной М-модели. Она не имеет четко очерченного набора сигнификативных дескрипторов, поскольку ограничителем может оказаться любая сущность, потенциально способная суживать, затруднять процесс принятия решений из-за ограничения набора альтернатив, приводящих к устранению проблемы. В силу этого вероятность повторения соответствующих пар отображений относительно невелика. Тем не менее некоторые отображения этой М-модели вполне регулярны. К ним относятся, например, такие пары, как <бремя, налоги>, <олигархия, тормоз>, но их недостаточно для того, чтобы повесить значение обсуждаемого параметра.

Параметр денотативной стабильности метафорической модели напрямую связан с тем, можно ли отнести М-модель к дискурсивным практикам изучаемого дискурса. Под **дискурсивной практикой в сфере метафорики** понимается устойчиво повторяющаяся в дискурсе связь области источника и области цели, то есть метафорических моделей и тех общественно-политических реалий, которые описываются с помощью соответствующих М-моделей. В терминах дескрипторной теории метафоры определение можно сформулировать следующим образом: дискурсивная практика — это регулярно воспроизводящаяся в дискурсе пара <сигнификативный дескриптор, денотативный дескриптор> (см. подробнее главу 1).

Содержательно М-модели, являющиеся дискурсивными практиками, играют ключевую роль в формировании политического дискурса, определяя основные способы осмысления действительности.

---

<sup>5</sup> См. по проблеме фрагментарности метафорического структурирования [Lakoff, Johson 1980: 52].

Отнесение М-модели к дискурсивным практикам напрямую связано с показателем денотативной стабильности М-модели (значения этого параметра приведены в табл. 3).

Итак, параметр Д-стабильности учитывает только самые устойчивые, самые частотные в рамках М-модели пары типа <сигнификативный дескриптор, денотативный дескриптор>. Следовательно, чем выше этот параметр, тем с большей уверенностью можно утверждать, что М-модель является дискурсивной практикой, а поэтому весьма вероятно, что дискурс формируется именно с помощью данной М-модели, и именно в терминах этой М-модели осмысляются основные общественно-политические реалии. Применительно к исследуемой проблематике к дискурсивным практикам относятся следующие М-модели (даны в порядке убывания показателя Д-стабильности): ГЕОМЕТРИЯ, ПРЕСТУПНЫЙ МИР, ИГРА, ПРОСТРАНСТВО, ПЕРСОНИФИКАЦИЯ, ВОЙНА. Заметим, что категория дискурсивной практики является междисциплинарным феноменом и требует учета разнообразных факторов — лингвистических, исторических, культурных, психологических и т. д. (см. по этому поводу главу 1).

Теперь рассмотрим каждую из указанных М-моделей в отдельности и подробнее остановимся на том, какие именно соответствия <сигнификативный дескриптор, денотативный дескриптор> являются наиболее частотными (в процентах указан вклад наиболее «стабильной» пары в общее число реализаций М-модели в дискурсе).

В рамках М-модели ГЕОМЕТРИИ наиболее частотной является пара <равноудаленность, равенство олигархов в невозможности доступа к власти> — 19 вхождений (58 %).

В рамках М-модели ПРЕСТУПНОГО МИРА лидирующее место занимает пара <наезд, конфликт между бизнесом и властью> — всего 40 вхождений (65 %).

М-модель ИГРЫ имеет следующие стабильные способы описания действительности: <игра, взаимодействие бизнеса и власти> — 16 вхождений (18 %); <игра по правилам, взаимодействие бизнеса и власти> — 31 вхождение (34 %).

М-модель ВОЙНЫ: <атака, претензии власти к бизнесу и дело ЮКОСа> — 24 вхождения (25 %).

Таким образом, самым устойчивым соответствием в дискурсе темы «бизнес и власть» является пара дескрипторов <наезд, конфликт между бизнесом и властью>, которая является реализацией М-модели ПРЕСТУПНЫЙ МИР.

#### 4.4.4. Сигнификативная стабильность элементов области цели (S-stability)

Если исследовать метафорику дискурса с точки зрения области цели, то есть общественно-политических реалий, можно ввести параметр сигнификативной стабильности данной проблемной области.

Данный параметр вычисляется по следующей формуле (способ вычисления такой же, как и для Д-стабильности, только за основу берется не М-модель, а концептуальная переменная):

$$S - stability = \frac{\Sigma < d, s > \text{повторяющихся}}{\Sigma < d, s > \text{всех}}$$

S-stability — отношение количества повторяющихся пар <d, s> к общему количеству всех пар (как повторяющихся, так и уникальных).

В качестве концептуальных переменных были взяты те концептуальные переменные, которые использовались для подсчета параметра сигнификативного разнообразия — «бизнес», «власть», «взаимоотношения большого бизнеса и власти», «конфликт между бизнесом и властью». Значения параметра S-stability для указанных k-переменных приведены в табл. 4.

Таблица 4

**Значения параметра сигнификативной стабильности для концептуальных переменных «бизнес», «власть», «взаимоотношения между бизнесом и властью» и «конфликт между бизнесом и властью»**

К-переменная	S-stability
«Конфликт между бизнесом и властью»	97%
«Взаимоотношения между бизнесом и властью»	91%
«Власть»	30%
«Бизнес»	27%

Данные показателя сигнификативной стабильности полностью коррелируют с данными параметра сигнификативного разнообразия, тем самым еще раз подтверждая тот факт, что именно конфликт находится в центре внимания СМИ, являясь дискурсообразующим, а позиции участников отнесены на второй план, но с небольшим перевесом в сторону концептуальной переменной «власть».

Подводя итог анализу количественных характеристик метафорических моделей дискурса по теме «Большой бизнес и власть», можно сделать следующие выводы.

Метафорические модели война, ограничитель и пространство играют основную роль в категоризации взаимоотношений крупного бизнеса и власти; это, кроме всего прочего, подтверждается параметром денотативного разнообразия — конфликтные М-модели регулярно используются в метафорическом осмыслении обсуждаемой темы.

В центре исследованного дискурса стоит именно сам конфликт между бизнесом и властью, последовательно описываемый в терминах М-модели преступный мир, то есть как криминальная разборка с выбором соответствующих методов урегулирования ситуации как властью, так и бизнесом.

С точки зрения центральности (то есть разнообразия метафорического осмысления) конфликт между бизнесом и властью оказывается периферийным концептом, что противоречит данным параметров денотативного разнообразия и сигнификативной стабильности. Это противоречие, однако, кажущееся, поскольку низкое значение параметра центральности указывает на то, что в обществе существует консенсус в восприятии отношений бизнеса и власти: они однозначно интерпретируются как конфликт.

Метафорические модели, являющиеся дискурсивными практиками, вносят основной вклад в формирование политического дискурса по изучаемой тематике. Проведенное исследование показывает, что дискурсивными практиками являются реализации **конфликтных** М-моделей, среди которых лидирующее место по числу устойчивых пар <сигнификативный дескриптор; денотативный дескриптор> занимает М-модель преступный мир.

\* \* \*

Проведенный анализ метафорики политического дискурса по теме «Большой бизнес и власть» показывает, что самая существенная характеристика дискурса по данной проблеме — это его конфликтность, отражающаяся в очевидном доминировании конфликтных М-моделей войны, игры и преступного мира. Эти метафорические осмысления представляют взаимоотношения власти и бизнес-сообщества как конфликт двух противников:

*Война*, затеянная против ЮКОСа, ломает так называемую стабильность, меняет политический климат, пугает элиты, напрягает Запад и ведет если не к пересмотру итогов приватизации, то в любом случае — к изменению расстановки политических сил. (Костюк Е. «Время МН», 30.07.2003);

До вчерашнего дня складывалось впечатление, что *неспортивный матч между ЮКОСом и объединенной командой Генеральной прокуратуры и ФСБ идет в одни ворота, голы забивали ЮКОСу*. («Коммерсант», 17.07.2003);

Вот уже вторую неделю воображение россиян будоражат сообщениями о «*наезде*» на тех, кто еще вчера казался неуязвимым, — на самых богатых и удачливых. (Вощанов П. «Новая Газета», 21.07.2003)

Конфликтные метафоры составляют более трети в общем объеме метафор, что говорит как о высоком уровне противостояния между участниками, а СМИ транслируют конфликт, точнее то, как этот конфликт отражается в общественном сознании. При этом, разумеется, происходит и формирование вполне определенного отношения аудитории к конфликту, то есть влияние в рассматриваемом случае не однонаправленное: общество → СМИ, а двунаправленное: общество ↔ СМИ. Интересно, что в докризисный период эти метафорические модели уступают по частотности М-моделям пространства и геометрии. Это связано с тем, что с начала года до середины лета в прессе идут лишь дискуссии о роли олигархов в политической жизни страны в терминах М-моделей пространства и геометрии («равноудаленность олигархов», «вертикаль власти», «моноцентрическая система»), обсуждается модель взаимоотношений власти и большого бизнеса в терминах М-модели игры. Эту дискуссию трудно считать диалогом главных участников — бизнеса и власти, где каждый отстаивает свои позиции. Скорее, это монолог власти, которая волевым решением устанавливает положение олигархов в общественно-политической жизни страны. В июле власть, четко определив свою позицию по отношению к крупному капиталу, переходит к активным действиям, что приводит к увеличению числа конфликтных метафор в дискурсе.

Государственная власть оказывается в дискурсе центральным участником именно потому, что в терминах выделенных М-моделей она предстает как активный субъект, ведущий достаточно агрессивную политику, который в то же время контролирует ситуацию и направляет ее развитие:

Спланированная *массированная атака* на крупнейшую корпорацию страны — сама по себе значительный эпизод в российской истории вне зависимости от того, чем она закончится». (Костюк Е. «Время МН», 30.07.2003);

Они могут создать новую партию, они могут захватить власть в Госдуме, они достаточно контролируемые, эта игра все-таки с *доминирующим игроком-президентом*. (Варфоломеев В. «Эхо Москвы», 07.05.2003);

И, наконец, самое яркое и демонстративное проявление «сильного государства» — наблюдаемое нами сейчас *наступление силовых структур на большой бизнес*. Как отвязавшееся в шторм корабельное орудие, крушат силовики при молчаливом поощрении со стороны гаранта Конституции этот единственный успешно работающий сектор российской экономики, не особенно считаясь ни с законом, ни с интересами экономики, ни с опасностью окончательно загубить престиж страны на международной арене. (Кременюк В. «Независимая Газета», 22.08.2003);

По сути, — говорится в заявлении ЮКОСа, — не подчиняющаяся никому *Генпрокуратура*, основной задачей которой должно являться соблюдение законности, сейчас *взяла заложника и начинает шантажировать частный бизнес*. (Фишман М. «Еженедельный журнал», 29.07.2003)

Одновременно с этим в текстах власть достаточно часто описывается как пассивный участник, которым легко может манипулировать бизнес-сообщество:

Можно констатировать, что олигархи, завершив первичную приватизацию основных объектов национальной экономики, перешли к своего рода *приватизации политико-властного пространства России*. (Смирнов К. «Коммерсант», 14.07.2003)

Тем не менее роли между участниками конфликта чаще всего распределяются так, что представители крупного бизнеса в целом и отдельные олигархи в частности в большинстве случаев занимают оборонительную позицию по отношению к власти, они не иницируют никаких действий против нее, а лишь пытаются защищаться и отыгрываться. Пассивность бизнеса проявляется и в том, что он не иницирует никаких альтернатив выхода из сложившейся ситуации, тем самым давая возможность власти навязывать свои правила игры:

Отказа от участия большого бизнеса (причем не только ЮКОСа) в политике не последовало. Сама нефтяная *компания заняла оборону*,

несмотря на умножающееся количество уголовных дел, о которых объявляет Генпрокуратура (впрочем, большинство из них составляют давние «висяки»). (Серова Н. «Политком.ру», 28.07.2003);

Ходорковского бьют на глазах народа, как несправедного олигарха, *устраивая ему «Утро стрелецкой казни»*. Но при этом *на казнь* из толпы смотрят улыбающиеся Авен, Фридман, Дерипаска и Абрамович. Им нравится смотреть, как *царь-самодержец заваливает на плаху* сторонника парламентской республики и заносит над ним *сверкающий топор*. (Проханов А. «Завтра», 06.08.2003)

В то же время именно олигархи рассматриваются как угроза для экономического и политического развития страны, именно их деятельность вызвала к жизни данное противостояние и заставила власть быть агрессивной по отношению ко всему бизнес-сообществу:

Впрочем, все это пока отвлеченные рассуждения. Но одна проблема, связанная с олигархами, требует немедленного решения уже сегодня. Подавляющее большинство российских магнатов получает сверхприбыли на добыче или переработке сырья. А *промышленность* России за редким исключением по-прежнему *лежит в руинах*. (Ростовский М. «Московский Комсомолец», 15.07.2003)

С другой стороны, признается важность и значимость их деятельности для экономики, при этом четко осознаются последствия их постепенного равноудаления теми методами, которые используются правоохранительными органами:

ПРОПАГАНДИСТСКАЯ мощь большого бизнеса пытается сегодня убедить общество в том, что олигархические бизнес-группы являются *«локомотивами российской экономики и реформ»* и что силовиков нужно остановить, иначе они разбалансируют всю систему власти. (Костиков В. «Аргументы и Факты», 16.07.2003)

У данного конфликта нет развития как такового, он сводится исключительно к обмену ходами между противоборствующими сторонами. Причем не вполне ясно, что является предметом борьбы, он четко не обозначен в дискурсе, а описывается размытым понятием «правила игры». В прессе и представлена мотивация происходящих событий.

Согласно одной из них, крупные собственники борются за незыблемость итогов приватизации, проведенной в середине 90-х годов, а власть в лице Генеральной прокуратуры и других силовых ведомств выступает за равноудаленность олигархов, сведение на нет их поли-

тического влияния. Не исключается и гипотеза о перераспределении приватизированного между другими собственниками. Однако в явном виде эти интересы не заявляются сторонами, а скрыты в дискурсе за дискуссией о необходимости следовать правилам игры, установленным властью для бизнеса:

Наконец, президент РСПП Аркадий Вольский после аудиенции у Путина разъяснил общественности, что развитие конфликта будет зависеть от «подтверждения *общих правил игры*». (Фишман М. «Еженедельный Журнал», 29.07.2003)

Если наряду с группой конфликтных М-моделей рассматривать другие констелляции метафор, то в дискурсе о взаимоотношениях власти и бизнеса даже более частотной, чем метафоры конфликта, оказывается констелляция метафор нереального, в которую входят ТЕАТР, ИГРА, РЕЛИГИЯ-МИФОЛОГИЯ и СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО. Доминируют в этой констелляции М-модели ТЕТРА и ИГРЫ. В совокупности они составляют 120 употреблений, что превосходит даже М-модель войны. В имеющихся текстах эти М-модели обращают внимание читателя на идею иллюзорности, нереальности происходящего, на существование какого-то сценария, по которому развивается конфликт. В качестве автора сценария выступает прокуратура и другие государственные ведомства:

Госдума-2003—2007. ЦЕЛЬ кампании — контроль над парламентом на следующие четыре года. *Участники*: партии, президент, олигархи, Центральная избирательная комиссия, региональные элиты, избиратели. *Декорации*: война в Чечне и в Ираке, техногенные катастрофы, цена на нефть, внешний долг России, реформы ЖКХ, армии, перedel собственности на недра, русская зима. *Режиссеры* и их планы «СИЛЮ-ВИКИ». Победу на выборах в Госдуму, по их расчетам, должна одержать «Единая Россия» (ЕР) с результатом не менее 50 %. Председателем нижней палаты избирается Б. Грызлов. (Михайлов С. «Аргументы и факты», 12.02.2003);

Наши *олигархи* на самом деле *марионетки государства* и действуют только по воле государства. (Болтянская Н. «Эхо Москвы», 12.05.2003)

Очень показательное присутствие в тройке лидеров М-модели преступного мира, придающей конфликту не просто криминальный оттенок, но и демонстрирующей, что и власть, и крупный бизнес действу-



ют вне рамок закона, а по правилам, принятым в соответствующей среде. Это своего рода уникальная ситуация для политического дискурса в целом, и особенно для характеристики деятельности власти, говорящая о кризисе доверия общества к власти. Одновременно это негативная оценка выбранных властью методов управления:

И есть третья позиция — самого Ходорковского, который не хочет уступать такому «наезду», потому что один раз сдашься, потом будут приходиться и говорить: мы твоя крыша — и действовать по известным законам. («Независимая Газета», 04.08.2003);

Путин, запрещая олигархам лезть в политику, намекает им на печальную судьбу Березовского и Гусинского. Произносит поэтическую фразу: «Иных уж нет, а тех долечим...», прямо угрожая двинуть на непослушных магнатов бульдозер прокуратуры. И вот уже ЮКОСу *ставят на грудь горячий утюг, втыкают в задний проход раскаленный паяльник*. Расторопные прокуроры сажают в каталажку Платона Лебедева, а Ходорковского на поводке ведут на допрос. (Проханов А. «Завтра», 29.07.2003)

Две конфликтные М-модели войны и преступного мира имеют очевидные метафорические следствия в рамках взаимоотношений власти и большого бизнеса. Они представляют в прессе этот конфликт как вышедший за рамки действующего законодательства и развивающийся по законам военного положения и понятиям криминальных группировок. Так, в условиях военного времени происходит явное расширение полномочий органов исполнительной власти, усиление силовых и правоохранительных ведомств, которые при наличии государственной необходимости могут существенно ущемлять права как граждан, так и действующих экономических и политических субъектов. В свою очередь, в рамках М-модели преступного мира сила осмысливается как показатель правоты власти. Тем самым политические амбиции и силовые возможности участников конфликта оказываются выше и существеннее права.

Практически отсутствуют в дискурсе по данной теме конструктивные и позитивно оцениваемые метафоры: их доля крайне низка — 0,06 в общем количестве метафор, в то время как конфликтных — 0,31. Причем в докризисный период относительная частота появления конструктивных метафор составляет 0,02, а в момент кризиса — 0,1, то есть относительная частота метафор данного типа увеличивается именно в период противостояния. Конфликтные М-модели так-

же распределяются во времени неравномерно: до кризиса их доля составляла 0,1, а в период кризиса — 0,5. Показательно, что доля конструктивных М-моделей возрастает именно в момент обострения взаимоотношений, однако их число настолько мало, что не позволяет говорить о доминировании или устойчивом стремлении сторон к выработке взаимодовлетворяющего решения.

Показательно, что в дискурсе по данной теме полностью отсутствует третья сторона<sup>6</sup>, во имя и в интересах которой должны действовать и государство, и бизнес, то есть общество. Граждане лишь отстраненно наблюдают за разворачивающимися событиями, их информируют об очередных атаках, игровых комбинациях и наездах сторон друг на друга, но отсутствует дискуссия об общественной полезности данного противостояния:

Но количество людей, совершенно безразличных и ничего не знающих о чудовищном, глобальном, крайне опасном скандале вокруг самой дорогой российской компании, критически, запредельно велико. Население одной страны живет не просто в разных социальных нишах, не просто в разных условиях — в разных мирах, на разных планетах. Про человека, не знающего очевидное, то, что странно и дико не знать, на Руси говорят: мол, ты с Луны свалился. Трудно все-таки смириться с тем, что **больше половины россиян — инопланетяне**. (Новопрудский С. «Известия», 21.07.2003)

---

<sup>6</sup> Собственно, обсуждаемые М-модели и их конstellации по большей части и не предусматривают присутствие третьих лиц. Лишь М-модель театра и, отчасти, спорта допускают наличие зрителя. Впрочем, реальное употребление показывает, что частичное структурирование объекта метафорического осмысления в терминах театрального представления или соревнования почти никогда не распространяется на зрителей.

## Глава 5. РОССИЙСКАЯ КОРРУПЦИЯ КАК ЯЗЫКОВОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ (I)

### 5.1. Метафора как инструмент исследования общественного сознания и политического мышления

В современной прикладной политологии, социальной психологии и политической лингвистике разработан целый комплекс средств изучения общественного сознания. Широкое распространение получили методики контент-анализа, фокус-групп; в ряде случаев используется когнитивное картирование и операционный код<sup>7</sup>. Все эти методы обладают своими преимуществами и своими недостатками, дополняя и корректируя друг друга. Большинство имеющихся методик позволяет оценить, преимущественно, только ту часть сознания отдельного человека или социальной группы, которая актуально осознается, представляет собой эксплицитную часть мыслительных процессов и, в частности, процесса принятия решений. Между тем многие социальные и когнитивные феномены не могут быть адекватно описаны без учета имплицитной, бессознательной составляющей. К ним относятся многие ценностные категории: Истина, Правда, Справедливость, Равенство и др. К числу таких концептов следует отнести и феномен Коррупции, имеющий не только политическую, но и культурную, социальную и психологическую составляющую. При исследовании таких сложных феноменов общественного сознания необходимо использовать не только традиционные методики контент-анализа и фокус-групп, но и другие методы, позволяющие оценивать скрытое, имплицитное отношение субъекта к тому или иному явлению общественной жизни. В данной главе предлагается один из методов такого рода — использование инструментария дескрипторной теории метафоры для анализа коллективного языкового бессознательного.

В когнитивной лингвистике и прямо связанной с ней по методологии политической лингвистике метафора рассматривается как инструмент анализа состояния общественного сознания. Исследование

---

<sup>7</sup> Последние методы в меньшей степени известны в отечественной традиции, см. по этому поводу [Херадштейт, Нарвесен 1987; Баранов 2001а: 281 и далее].

типов метафорических моделей в политическом дискурсе позволяет выявить имплицитные, часто не осознаваемые человеком интенции, общие характеристики отношения к действительности, к социальным и культурным феноменам.

Ранее уже отмечалось, что один из первых экспериментов такого рода был проведен К. де Ландтсхеер на материале голландского политического дискурса за период с 1831 по 1981 гг. В работе была установлена связь между высокой частотой использования в политическом дискурсе политических метафор и периодами политико-экономических кризисов [Christ'1 de Landtsheer 1991]. Для русского политического языка близкое по методологии исследование было проведено автором данной книги по публикациям российской прессы в период августовского кризиса 1998 г. В результате удалось показать существенное возрастание частоты употребления метафор в период кризиса и постепенное падение частотности метафорики вплоть до декабря 1998 г.<sup>8</sup>

Основные теоретические предпосылки использования метафор для исследования политической ситуации и политического мышления, сформулированные в когнитивной теории метафоры, можно обобщить в следующих тезисах:

- метафора создается в результате когнитивного взаимодействия **области источника** и **области цели**; так, для метафоры *война законов* областью источника являются знания о военных действиях (войне), а областью цели — сфера законодательства;
- в прототипическом случае область источника более конкретна, чем область цели; иными словами метафора позволяет осмыслять более абстрактное в более конкретных категориях;
- метафора представляет собой не просто языковой, а когнитивный феномен, отражающий процесс человеческого мышления и поддерживающий его;
- метафора позволяет придать смысл человеческому опыту;
- метафоры используются для категоризации проблемной ситуации и формируют набор альтернатив для решения проблемной ситуации (так, осмысление оппонента в споре как врага в метафоре войны влечет увеличение конфликтности общения по сравнению с метафорой танца, в которой спор осмысляется как совместная деятельность для достижения эстетического эффекта);

---

<sup>8</sup> См. [Баранов 2000], а также главу 7 данной книги.

- как «стертые», или конвенциональные, метафоры (типа *механизм рынка, волна протестов*), так и новые, креативные метафоры (*коллективный Распутин* — о правительстве; *боцман крейсера Аврора* — о Горбачеве) характеризуют процессы мышления, отражая особенности восприятия абстрактных и конкретных категорий;
- склонность к использованию конфликтных метафор (типа войны, состязания, спорта) характеризует конфликтное, кризисное мышление; приверженность к органистическим метафорам (растение-дерево, организм) отражает неконфликтное осмысление опыта; конструктивные или рациональные метафоры (механизм, строение) свойственны рационалистическому способу мышления.

Общее тематическое поле однородных понятий области источника представляют собой «метафорическую модель» (М-модель — см. подробнее главу 1). Например, тематическое поле понятий, связанных с военными действиями, армией, образует М-модель войны; понятия из области родственных отношений формируют М-модель родственных отношений. По таким же основаниям выделяются М-модели персонификации, механизма, организма, пути-дороги (как части М-модели пространства), пространства (и движения как части М-модели пространства), погоды, фауны, растения-дерева, медицины, религии-мифологии, театра, игры и др.

Согласно когнитивной теории метафоры, изучение набора метафорических моделей (М-моделей), в терминах которых описывается определенный концепт в дискурсе, может дать важную информацию о том, как в действительности осмысляется этот феномен человеком. Причем это может относиться как к тому, что осознается человеком, так и к тому, что остается в сфере подсознания. Именно для выявления скрытых феноменов психики используется анализ языковых метафор в нейро-лингвистическом программировании при сборе информации о состоянии клиента и в процессе влияния на него [Гордон 1995].

В данной главе представлены результаты эксперимента по изучению метафор, функционирующих в дискурсе о Коррупции. В качестве источника использовались тексты серии глубинных интервью, проводившихся с экспертами по коррупции<sup>9</sup>. Цель исследования заключалась в выявлении особенностей осмысления этого феномена

---

<sup>9</sup> Интервью проводились в рамках проекта фонда ИНДЕМ по изучению коррупции под руководством Г. А. Сатарова.

специалистами, а также онтологизация, то есть экспликация скрытой составляющей знаний экспертов о сфере коррупции. Дополнительно было проведено изучение фоновых материалов — репрезентативного корпуса текстов средств массовой информации за период с 1997—1999 гг. по той же проблематике и сравнение экспертных текстов с фоновыми материалами.

## 5.2. Организация и проведение эксперимента

В эксперименте использовались два корпуса текстов. Первый корпус — **корпус экспертных текстов** (далее — «экспертный корпус») — включал 23 интервью, проведенных сотрудниками ИНДЕМа со специалистами в области государственного управления, журналистики, юриспруденции, правоохранительных органов, тесно соприкасавшихся по роду своей деятельности с феноменом Коррупции. Опрос проводился по специальному опроснику, включавшему 15 основных тем: 1) определение коррупции; 2) советские истоки коррупции; 3) переходный период от советской коррупции к рыночной; 4) факторы, способствующие коррупции; 5) государственная служба; 6) прецеденты столкновения эксперта с коррупцией; 7) распространенность коррупции; 8) коррупция в органах правопорядка; 9) коррупция и политика; 10) коррупция и законодательство; 11) коррупционные сети; 12) потери от коррупции; 13) кто против коррупции; 14) антикоррупционные меры; 15) сопротивление антикоррупционной политике<sup>10</sup>. Общий объем корпуса экспертных текстов составил около 157 000 словоупотреблений. Тексты корпуса анализировались с точки зрения использования в них метафор по отношению к понятию Коррупция. Категория метафоры понималась довольно широко и включала не только новые, креативные метафоры, как в примере (1), но и стертые метафоры, фиксированные в переносных значениях слов — ср. (2).

- (1) **ИНТЕРВЬЮЕР.** И Вы считаете, что это универсальная схема. Фактически экспертные советы — это лоббистские структуры.  
**ЭКСПЕРТ.** Это не лоббизм.  
**ИНТЕРВЬЮЕР.** Причем лоббизм не в интересах корпорации...

<sup>10</sup> Более подробно о структуре и организации интервью см. сайт фонда ИНДЕМ — [www.indem.ru](http://www.indem.ru).

**ЭКСПЕРТ.** Это не лоббизм. Это еще одна витрина коррупции. (Интервью с экспертами)

- (2) А если спуститься на конкретный уровень, то я думаю, что самый опасный вид коррупции — это не взяточничество как таковое. Самый опасный вид коррупции — это **сращивание** деятельности государственного чиновника с бизнесом и с организованной преступностью. (Интервью с экспертами)

Учитывались только те метафоры, которые встречались в ответах экспертов. Метафоры, «наведенные» интервьюерами, принимались во внимание только в том случае, если они подхватывались экспертом. К числу метафорических контекстов были отнесены также высказывания, в которых категоризация понятия Коррупция осуществлялась в терминах довольно абстрактных категорий типа Система, ср. (3):

- (3) Вот эта философия государственного регулирования — действительно хаос, действительно бардак, действительно хочется, чтобы было больше порядка — в российских условиях это возврат к более узким, но более глубоким **коррупционным системам**. (Интервью с экспертами)

В традиционном понимании такая концептуализация вряд ли будет отнесена к метафорическим. Она противоречит и известной гипотезе Дж. Лакоффа, воплощенной в тезисе об «однаправленности метафорической проекции», согласно которому метафорический перенос осуществляется из области источника, которая представляет собой опыт физического взаимодействия человека с окружающим миром, в область цели, относящуюся к психологическим состояниям человека. Иными словами, метафора — это, кроме всего прочего, осмысление сложного в терминах простого, но не наоборот.

Тезис об «однаправленности метафорической проекции» применим, однако, только к ядру метафор (к парадигмальным метафорам). Этот тезис не вполне оправданно сужает категорию метафоры в целом, что вряд ли продуктивно, например, при изучении поэтического языка, языка художественной прозы, языка науки. Тезис об однаправленности допустим при исследовании только такого дискурса, в котором превалирует когнитивная функция. Между тем конституирующим свойством метафоры является ее способность порождать неограниченное количество следствий, отражающих неисчерпаемость и недискретность внешнего мира [Баранов 1991а]. По этому свойству концептуализация области цели как системы оказывается очень близ-

кой к метафорической. Это наукообразная метафора, заставляющая рассматривать явление Коррупции как совокупности единиц и связывающих их отношений. Количество следствий такой концептуализации не поддается никакому исчислению. В данном случае важно также, что метафора системы несет с собой и прагматические следствия, придавая научный статус высказываниям, которые содержат эту концептуализацию.

Тексты экспертного корпуса анализировались полностью, причем контексты отбирались не только в тех случаях, когда слово *коррупция* было эксплицитно представлено в поверхностной структуре предложения, но и в тех случаях, когда концепт Коррупции только подразумевался. Контексты использования метафор вводились в базу данных, в которой каждая запись получала маркер соответствующей метафорической модели: жидкость, рынок, грань, система, сеть, персонификация и т. д.

Несколько по-иному происходила обработка корпуса текстов по публицистике за 1997—1999 гг. (далее — «фондовый корпус»)<sup>11</sup>. Объем фонового корпуса — 21 млн словоупотреблений. Он включает публикации основных центральных российских изданий: «Известия», «Независимая Газета», «Московские Новости», «Московский Комсомолец», «Огонек», «Правда», «Советская Россия», «Завтра» — всего около 30 различных источников. В отличие от экспертного корпуса, фоновый корпус содержит публикации не только по проблемам коррупции. В силу этого фоновый корпус был обработан программой «Кси», и были найдены все имеющиеся в корпусе контексты употребления слова *коррупция*. Всего было обнаружено 1 760 употреблений, из них 175 — метафорических. Метафорические контексты вводились в базу данных, и проводилась кодировка контекстов по метафорическим моделям — по той же методологии, как и при обработке экспертного корпуса.

Далее осуществлялся анализ частоты употребления метафорических моделей; выявлялись связи между частотой и темой интервью, между метафорическими моделями экспертного и фонового корпусов.

---

<sup>11</sup> В качестве фонового корпуса использовался Корпус по современной публицистике, разработанный в отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН.



### 5.3. Количественная оценка метафорических моделей в экспертном корпусе

В экспертном корпусе было выявлено 443 употребления метафор. В тех случаях, когда это было возможно, выявленные М-модели на основании общности семантики объединялись в более крупные. Например, метафоры БАРЬЕР, БРЕМЯ, ГРАНЬ, ОГРАНИЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО, ПАУТИНА, СИТО, ФИЛЬТР объединены в метафорическую модель более высокого уровня ОГРАНИЧИТЕЛЬНАЯ МЕТАФОРА (точнее говоря, констелляция ограничительных метафор) на основании семантического следствия 'ограничение, сужение чего-л. — деятельности субъекта, прозрачности источника света, пространства и пр.', которое эти метафоры профилируют в исследованном дискурсе. С другой стороны, метафоры БАКТЕРИЯ, БАЦИЛЛА, ВИРУС, ГНИЕНИЕ, ЗАРАЖЕНИЕ, МЕТАСТАЗЫ, ОПУХОЛЬ, ПАРАЗИТ, ПОРЧА, ПРОТУХАНИЕ, РАЗЛОЖЕНИЕ, РАК, РОСТ БАКТЕРИЙ, ЯЗВА сведены в М-модель БОЛЕЗНИ по семантическому следствию 'общие компоненты, составляющие заболевания: бактерия, бацилла и т. д. — то, что инициирует заболевание, заражение; гниение — последствия заболевания и т. д.'

В табл. 1 представлены в порядке убывания относительной частоты метафорические модели экспертного корпуса.

Таблица 1

Частота употребления М-моделей в экспертном корпусе

Метафорическая модель	Абсолютная частота	Относительная частота
СИСТЕМА (иерархия — 1; структура — 6; схема — 10)	77	0,174
жидкость (пена — 1; подсасывание — 1; смазка — 8; уровень — 32; жидкость — 9)	51	0,115
СЕТЬ (клубок — 1)	45	0,102
БОЛЕЗНЬ (бацилла — 1; бактерия — 3; болезнь — 7; вирус — 1; гниение — 3; заражение — 1; метастазы — 1; опухоль — 1; паразит — 2; порча — 1; протухание — 2; разложение — 4; рак — 1; рост бактерий — 1; язва — 1)	30	0,068
ПЕРСОНИФИКАЦИЯ (неживое как животное — 2)	28	0,063
РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО (корень — 1; куст — 2; растение-дерево — 11; цветок — 12)	26	0,059

Метафорическая модель	Абсолютная частота	Относительная частота
ПРОСТРАНСТВО (вертикаль/горизонталь — 2; низ-верх — 16; ограниченное пространство — 2; пространство — 1; путь — 1; поле — 1)	23	0,052
МЕХАНИЗМ	21	0,047
СТРОЕНИЕ (крыша — 5; пирамида — 6; строение — 4; фундамент — 2)	17	0,038
ОРГАНИЗМ (организм — 11; симбиоз — 2; сращивание — 3)	16	0,036
ГЕОМЕТРИЯ (вектор — 2; геометрия — 2; круг — 2; ряд — 1; спираль — 1; цепочка-цепь — 6; масштаб — 1)	15	0,034
ОГРАНИЧИТЕЛЬНАЯ МЕТАФОРА (барьер — 4; бремя — 1; ограниченное пространство — 2; паутина — 1; сито — 1; фильтр — 1; грань — 4)	14	0,032
КУЛЬТУРА/ТРАДИЦИЯ (бессознательное — 1)	13	0,029
ТЕНЬ	11	0,025
ПРИРОДА (атмосфера — 1; природа — 7; воздух — 1)	9	0,020
ФИЗИКА (движение — 3; движущая сила — 1; полупрозрачность — 1; спектр — 2; фон — 1; время — 1)	9	0,020
РЫНОК (торговля — 3)	8	0,018
ИГРА	7	0,016
ГРАНЬ	4	0,009
ПИЦЦА (пицца — 2; соус — 1; употребление пиццы — 1)	4	0,009
ПРОЦЕСС	3	0,007
ВОЛНА	2	0,005
ИНСТРУМЕНТ	2	0,005
ХИМИЯ (реакция — 2)	2	0,005
РЕСУРС	2	0,005
ЭЛЕМЕНТ	2	0,005
ПРОИЗВОДСТВО	1	0,002
СЕМЬЯ	1	0,002

Для последующего изучения были отброшены низкочастотные модели с абсолютной частотой ниже пяти. В табл. 2 и рис. 1 приведен список М-моделей после редукции низкочастотных метафор.

Таблица 2

**Частота употребления метафорических моделей  
в экспертном корпусе без низкочастотных метафор**

<b>Относительная частота</b>	<b>Метафорическая модель</b>
0,174	СИСТЕМА
0,115	ЖИДКОСТЬ
0,102	СЕТЬ
0,068	БОЛЕЗНЬ
0,063	ПЕРСОНИФИКАЦИЯ
0,059	РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО
0,052	ПРОСТРАНСТВО
0,047	МЕХАНИЗМ
0,038	СТРОЕНИЕ
0,036	ОРГАНИЗМ
0,034	ГЕОМЕТРИЯ
0,032	ОГРАНИЧИТЕЛЬНАЯ МЕТАФОРА
0,029	КУЛЬТУРА/ТРАДИЦИЯ
0,025	ТЕНЬ
0,020	ПРИРОДА
0,020	ФИЗИКА
0,018	РЫНОК
0,016	ИГРА

Метафорическая модель персонификации находится на пятом месте по относительной частоте. Сам факт этого совершенно нетривиален, поскольку в современном русском политическом дискурсе модель персонификации является самой частотной, опережая с существенным отрывом метафорическую модель войны (см. главу 12). Как известно, метафора персонификации предполагает осмысление неживого как живого, неодушевленного как одушевленного, предмета как лица (*Партия сказала, Вашингтон отказался от соглашения, Коррупция несет ответственность за огромные экономические потери в России и затрудняет процесс демократизации* и т. п.). Этот тип метафорической модели наиболее частотен и в немецком политическом дискурсе. Такое распределение частоты в ряде случаев повторяется

и для отдельных политических концептов. Например, в метафорическом осмыслении понятия «Национальная Идея» метафора персонификации также занимает первое место [Баранов и др. 1997а; 1997б].

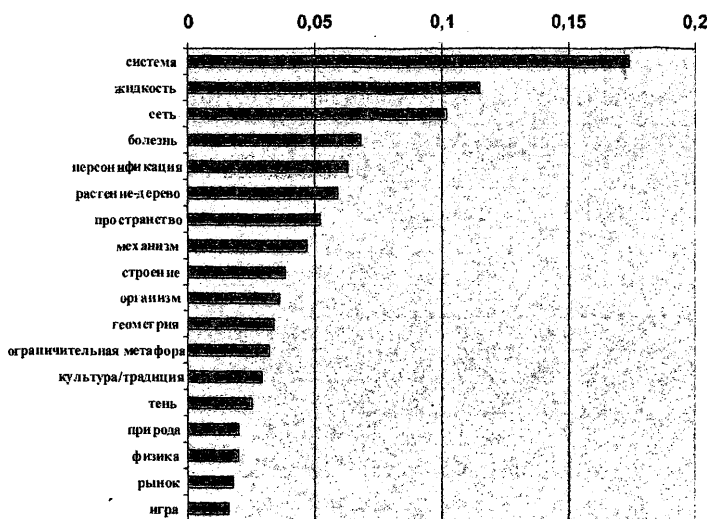


Рис. 1. Относительная частота метафорических моделей в интервью

Интересно, что в данном случае такое распределение не повторяется. Это допускает несколько в принципе совместимых интерпретаций. Во-первых, эксперты не склонны рассматривать анализируемое понятие Коррупции как агенса, как субъекта, то есть отсутствует единый центр, которым она управляется, она как бы распределена в обществе, образуя его неотъемлемую часть. Во-вторых, Коррупция трудно верифицируема — она нигде и везде. В-третьих, поскольку Коррупция несубъекта, нет какого-то конкретного лица, института, которое несет за нее ответственность. В-четвертых, выбранный способ концептуализации, фактический исключающий понимание Коррупции как лица, затрудняет поиск адекватных антикоррупционных мероприятий: если лица, несущего ответственность за что-либо, нет, то против него и невозможно предпринимать какие-то действия.

Анализ показал, что в экспертном дискурсе превалирует концептуализация Коррупции как системы. Категоризация Коррупции как системы вполне согласуется с относительно низкой частотой метафорической модели персонификации, поскольку следствия из модели

системы противоречат модели персонификации. Например, из идеи системы следует, что Коррупция — нечто большее, чем один субъект, лицо. Это множество организованных лиц, действующих по определенным правилам.

На второе место по частоте выходит метафорическая модели сети. Это связано с тем, что она наводилась вопросами «Гида экспертного интервью». Одна из тем интервью названа «Коррупционные сети». Отвечая на вопросы типа *Опишите пример известной Вам коррупционной сети?* эксперт вольно или невольно вынужден был категоризовать Коррупцию в терминах заданной метафоры. Заметим, впрочем, что эта модель легко сочетается с моделями системы и жидкости. В качестве основного когнитивного следствия этой модели можно считать идею взаимосвязанности, взаимозависимости.

Вторая по частоте употреблений метафора жидкости. Она согласуется с метафорой системы на уровне следствий. Общими для системы и жидкости являются следующие следствия:

- вездесущность, всеобщность, глобальность;
- гибкость, легкость изменения;
- приспособляемость;
- взаимосвязанность.

Метафорическая модель жидкости отличается от системы идеей легкости проникновения в объект или пространство. В проанализированных материалах представлено еще одно важное следствие — ‘смазка государственного механизма’, впрочем это следствие наводится «Гидом экспертного интервью».

Обращает на себя внимание практически полное отсутствие метафор, указывающих на конфликт, то есть метафорических моделей войны, спора, спорта. В определенной мере конфликтной может оказаться метафора игры, но она занимает по частоте одну из наиболее низких позиций. Отсюда следует, что восприятие понятия Коррупция экспертами не конфликтно. Оно конфликтно на уровне пропозиций высказываний, то есть на уровне рационального, эксплицитного понимания. И экспертный корпус это подтверждает. Но опыт взаимодействия с феноменом Коррупции, по-видимому, подсказывает экспертам бесполезность постоянного конфликтного поведения. Долго продолжающийся конфликт постепенно интерпретируется когнитивной системой как норма. Это объясняет тот факт, что эксперты были практически единодушны в том, что «кавалерийский наскок» на коррупцию не даст желаемых результатов — вывод, который делается

и в «Анализе экспертных интервью» ([www.indem.ru](http://www.indem.ru)). Следовательно, и борьба с этим феноменом в рамках «кавалерийского наскока» ощущается, скорее, как виртуальная, чем реальная.

Совершенно нетривиальным оказывается и то, что негативно-оценочные метафорические модели составляют лишь небольшую часть от общего числа всех моделей. К однозначно негативно-оценочным можно отнести только модели волезни (30 употреблений) и ограниченную метафору (14 употреблений), то есть 34 из 409. Подавляющее количество метафорических моделей позитивны или нейтральны. Иными словами, восприятие Коррупции на уровне неосознанной метафорической категоризации **позитивно или нейтрально**. Отсюда заключение, которое делали многие эксперты: мгновенное уничтожение системы коррупционных отношений приведет к дисфункции всей системы, к коллапсу экономики и серьезным социальным проблемам.

Комплекс органистических метафор, таких как РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО, ОРГАНИЗМ, КУЛЬТУРА-ТРАДИЦИЯ, ПРИРОДА, указывает на то, что эксперты воспринимают Коррупцию как **имманентное, естественное свойство российского социума**. Всего в корпусе обнаружилось 64 употребления метафор такого типа, что составляет порядка 15 % от всех употреблений. С когнитивной точки зрения этот комплекс хорошо согласуется с моделью системы. Важнейшее свойство органистических метафор заключается в том, что Коррупция рассматривается как феномен, который не подвержен рациональному вмешательству и способен к саморазвитию.

Рациональная категоризация Коррупции свойственна механистическим метафорам типа МЕХАНИЗМА, СТРОЕНИЯ. Механистических метафор в корпусе 38 (8,6 % от общего количества употреблений). Иными словами, органистическая категоризация Коррупции существенно опережает механистическую. Интересно, что это также противоречит общей метафорической структуре русского перестроечного и постперестроечного политического дискурса. В нем органистические метафоры существенно уступают механистическим (154 против 447 из 9525 метафор — без учета близких по семантике метафорических моделей — см. подробнее главу 12).

#### 5.4. Связь частоты с темой интервью в экспертном корпусе

Частота использования метафор при обсуждении различных тем интервью не была постоянной величиной. Отчасти это зависело от

количества вопросов в теме и от общего объема текста на данный вопрос. Анализ связей темы с частотой метафор без учета объема текста позволяет оценить общую степень конфликтности обсуждения соответствующей проблематики в рамках темы Коррупции и определить ее актуальность. В табл. 3 и рис. 2 представлена частота употребления метафор по темам интервью без учета объема текста.

Таблица 3

### Распределение частоты метафор по темам интервью

Тема интервью	Частота
Сети	82
Истоки	71
Способствующие факторы	54
Определение	43
Переходный период	40
Прецеденты	27
Меры против кор.	23
Распространение	22
Политика	20
Органы правопорядка	12
Потери	11
Кто против кор.	10
Сопроотивление	6
Законодательство	4
Госслужба	4

Наиболее часто метафоры использовались при обсуждении темы «Коррупционные сети». Как уже отмечалось, в значительной степени это объясняется наведением метафоры сети вопросами интервью.

Более показательно активное использование метафор при обсуждении тем «Истоки коррупции», «Способствующие факторы», «Определение», «Переходный период», «Прецеденты» (со 2 по 6-е место, соответственно). С другой стороны, все прочие темы, относящиеся не к истории, а к современному состоянию, метафорически осмысляются куда менее активно. Это можно объяснить тем, что современная коррупция интуитивно воспринимается эксперта-

ми как менее травмирующая, чем советская. Коррупция советских времен и сейчас стимулирует метафорическое мышление, как будто с нею сейчас надо бороться и искать альтернативы разрешения проблемной ситуации. Это явный парадокс. Возможно, мифологема о «насквозь прогнившем капиталистическом обществе, для которого коррупция — это норма» продолжает действовать и сейчас (ср. интервью Хакамады).

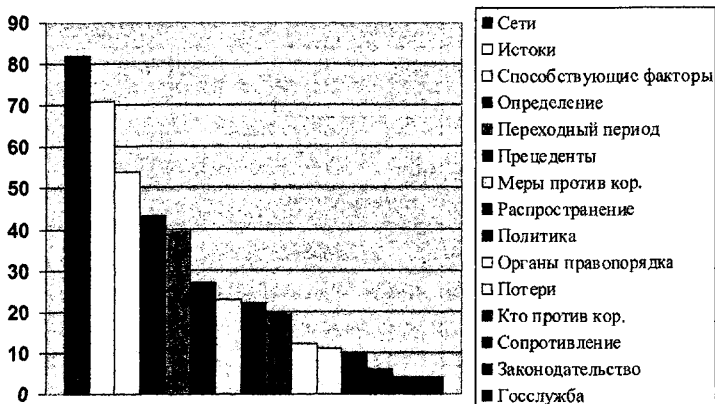


Рис. 2. Частота М-моделей по темам интервью (без учета объема текста)

Корректировка по объему текста, приходящегося на каждую тему, дает несколько иные результаты, хотя различия вполне объяснимы и общей картины не меняют. На табл. 4 и рис. 3 представлены корреляции частоты и темы интервью с учетом объема текста.

Таблица 4

**Распределение частоты метафор по темам интервью  
(с корректировкой по объему текста)**

Тема интервью	Частота	Объем текста	«Плотность» употребления (коррекция)
Истоки	71	78 297	0,00091
Сети	82	103 190	0,00079
Определение	43	61 696	0,00070
Распространение	22	43 247	0,00051



Тема интервью	Частота	Объем текста	«Плотность» употребления (коррекция)
Переходный период	40	80 446	0,00050
Потери	11	30 860	0,00036
Способствующие факторы	54	155 075	0,00035
Прецеденты	27	79 717	0,00034
Сопrotивление	6	18 742	0,00032
Кто против кор.	10	42 962	0,00023
Органы правопорядка	12	63 981	0,00019
Политика	20	127 282	0,00016
Меры против кор.	23	187 431	0,00012
Законодательство	4	36 100	0,00011
Госслужба	4	112 472	0,00004

Цель корректировки по объему заключается в том, чтобы выяснить «плотность» употребления метафор на единицу объема. Понятно, что чем выше плотность, тем большее внимание к проблеме, тем больше затрагивает эксперта соответствующая тема. После корректировки поменялись местами темы Истоки и Сети. Показательно, что тема Истоки после учета фактора объема вышла на первую позицию. Иными словами, вывод о том, что коррупция советских времен до сих пор остается очень конфликтной, подтверждается и после учета объема текста, занимаемого этой темой по сравнению с другими темами.

Последующие позиции тем интервью по частоте отличаются от первого варианта подсчета, не учитывающего объем, весьма незначительно. Так, тема Определение занимает в табл. 4 третье место, а в табл. 3 — четвертое. Законодательство и Госслужба вообще не изменили позиций. Усилили свои позиции темы Распространение и Потери, перейдя, соответственно, с восьмого места на четвертое и с одиннадцатого — на шестое. Весьма вероятно, что это отражает озабоченность экспертов проблемами распространения коррупции и потерями, которые она вызывает. С другой стороны, тема «Меры против коррупции» опустилась с седьмого до тринадцатого места, что опять-таки показывает то, что эта область в действительности не привлекает внимания экспертов.

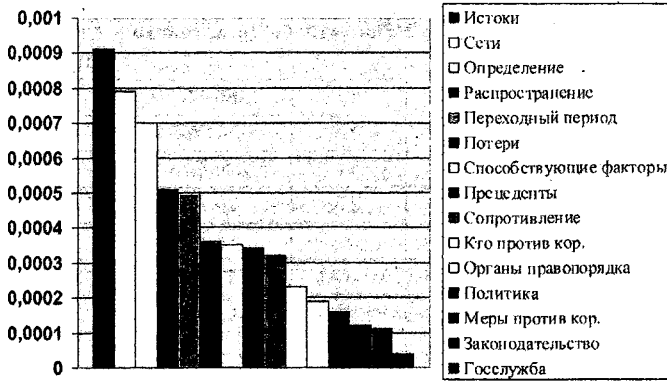


Рис. 3. Частота М-моделей по темам интервью (с коррекцией по объему текста)

### 5.5. Количественная оценка метафорических моделей в фоновом корпусе в сравнении с экспертным корпусом

Важнейший параметр сравнения двух исследованных корпусов — степень метафоричности дискурса, вычисляемая обычно как отношение количества метафорических употреблений к общему числу примеров, репрезентирующих в тексте (корпусе) выбранные концептуальные переменные. Степень метафоричности дискурса по отношению к понятию Коррупции в прессе существенно ниже, чем в экспертных интервью. На 1 760 употреблений приходится только 150 метафорических. То есть степень метафоричности равна 0,085. Степень метафоричности интервью — 0,36 (на 1 200 употреблений 443 метафорических). Иными словами, экспертный дискурс оказался на порядок конфликтнее текстов средств массовой информации. Это вполне объяснимо, поскольку эксперты были искусственно поставлены в ситуацию активного обсуждения проблем коррупции с самых различных точек зрения. Причем некоторые темы интервью явно представляли проблему, и сформулировать ответ на них было непросто. К таким темам относится, например, определение коррупции — см. подробнее предыдущий раздел.

Полный список метафорических моделей с указанием абсолютной и относительной частоты употребления в фоновом корпусе представлен в табл. 5.

Таблица 5

**Частота употребления метафорических моделей в фоновом корпусе**

Метафорическая модель	Абсолютная частота	Относительная частота
РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО (сорняк — 1; растение-дерево — 34; цветок — 17)	52	0,250
БОЛЕЗНЬ (бактерия — 10; болезнь — 12; зараза — 3; метастазы — 2; опухоль — 1; порча — 1; рак — 1; чума — 1; язва — 1)	32	0,154
ПЕРСониФИКАЦИЯ (персонификация — 9; живое — 18; участники военных действий — 2)	29	0,139
ЖИВОЕ (гидра — 1; птица — 2; зверь — 1; моль — 11; насекомое — 2; спрут — 1)	18	0,087
ЖИДКОСТЬ (уровень — 15)	15	0,072
«РАЗЪЕДАЮЩИЕ» МЕТАФОРЫ (кислота — 4; ржавчина — 10)	14	0,067
ВЯЗКОЕ/ПАЧКАЮЩЕЕСЯ ВЕЩЕСТВО (грязь — 7)	7	0,034
ОГРАНИЧИТЕЛЬНАЯ МЕТАФОРА (болото — 1; время — 1; муть — 1; туман — 1; улица с односторонним движением — 1)	5	0,024
ОБЪЕДИНЯЮЩИЕ МЕТАФОРЫ (система — 3; сеть — 1; сплыватель — 1)	5	0,024
ЭКСТРЕМУМЫ (гора — 2; айсберг — 1; пропасть — 1)	4	0,019
РЫНОК — 4	4	0,019
ПРИРОДА (естественность — 1; сожительство — 1; стихия — 1)	3	0,014
ПУТЬ/ДОРОГА — 3	3	0,014
ВОЛНА — 2	2	0,010
ВОЙНА (враг/противник — 2)	2	0,010
МЕХАНИЗМ — 1 (механизм — 1; регулятор — 1)	2	0,010
ЕДА-ПИЩА (бульон — 1)	1	0,005
ДЕНЬГИ — 1	1	0,005
ИГРА — 1	1	0,005
ИДЕОЛОГИЯ — 1	1	0,005

Метафорическая модель	Абсолютная частота	Относительная частота
ОРГИЯ — 1	1	0,005
РЕКА-РУЧЕЙ — 1	1	0,005
СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ — 1	1	0,005
СТРОЕНИЕ — 1	1	0,005
ТЕНЬ — 1	1	0,005
КУЛЬТУРА-ТРАДИЦИЯ — 1	1	0,005
УРОЖАЙ — 1	1	0,005

Для дальнейшего анализа низкочастотные модели с частотой меньше пяти употреблений (как и в случае экспертного корпуса) были элиминированы. В табл. 6 и рис. 4 представлены наиболее частотные метафорические модели категоризации Коррупции в современной публицистике.

Таблица 6

**Частота употребления метафорических моделей  
в фоновом корпусе без низкочастотных метафор**

Метафорическая модель	Абсолютная частота	Относительная частота
РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО	52	0,250
БОЛЕЗНЬ	32	0,154
ПЕРСОНИФИКАЦИЯ	29	0,139
ЖИВОЕ	18	0,087
ЖИДКОСТЬ	15	0,072
«РАЗЪЕДАЮЩИЕ» МЕТАФОРЫ	14	0,067
ВЯЗКОЕ/ПАЧКАЮЩЕЕСЯ ВЕЩЕСТВО	7	0,034
ОГРАНИЧИТЕЛЬНАЯ МЕТАФОРА	5	0,024
ОБЪЕДИНЯЮЩИЕ МЕТАФОРЫ	5	0,024

Сравнение способов категоризации Коррупции в экспертном и фоновом корпусах показывает полное отсутствие в фоновом корпусе метафорических моделей системы и сети. Метафора сети, как уже отмечалось выше, подсказывается экспертам «Гидом интервью». Категоризация Коррупции как системы, скорее всего, объясняется общей особенностью мышления экспертов — установкой на поиск

закономерностей в проблемной области. Идея системы представляет собой наиболее общий способ научного осмысления не вполне ясного феномена, в данном случае — Коррупции. Существенно, что этот способ осмысления не налагает на эксперта никаких особенных обязательств. Системой, вообще говоря, можно объявить, что угодно — бывают же и вырожденные, элементарные системы. Не случайно, что многие эксперты испытывали существенные затруднения, когда их просили проиллюстрировать идею системы или сети.

Если отвлечься от системы и сети, то на первый план в экспертном корпусе выдвигается метафора жидкости с важнейшим семантическим следствием «всепроникания». Иными словами, эксперты внутренне готовы видеть Коррупцию практически везде, что приводит к снижению психологического порога криминальности. Многие эксперты отказывались, например, обсуждать коррупцию в сфере медицины, образования, науки и просвещения, мотивируя это тяжелым экономическим положением врачей, ученых и преподавателей.

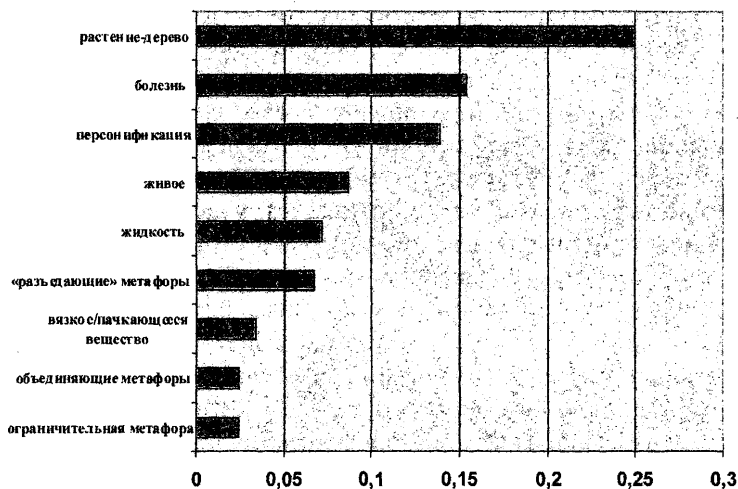


Рис. 4. Относительная частота М-модулей в публицистике

В отличие от экспертного корпуса, в публицистике метафора жидкости занимает лишь четвертую позицию. На первом месте с большим отрывом от других моделей идет метафорическая модель растения-дерева. К ней примыкает модель болезни, персонификации и живого.

Органистические метафоры в корпусе публицистики не просто преобладают, а составляют его большую часть — 74 % (131 метафора из 177 метафор). Общественное сознание в еще большей степени, чем эксперты, склонно рассматривать Коррупцию как естественную, органичную часть российского социума. Конструктивные, рационалистические метафоры фактически отсутствуют (за исключением единичных вхождений — см. полный список метафор в табл. 5). Иными словами, наметившаяся в экспертном корпусе тенденция к неконфликтной, естественной категоризации Коррупции в фоновом корпусе становится базовой закономерностью.

«Довесок» к органистическому осмыслению в фоновом корпусе образуют метафоры с негативной оценкой — вязкое / пачкающееся вещество, «РАЗЪЕДАЮЩИЕ» МЕТАФОРЫ (РЖАВЧИНА, КИСЛОТА).

### 5.6. Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов о том, как онтологизируется понятие Коррупции в сознании экспертов в этой области и высказать вполне обоснованные предположения о категоризации Коррупции в общественном сознании в целом. Общий вывод состоит в том, что Коррупция осмысливается как **органическая, естественная часть** общественной жизни. На поверхностном уровне, на уровне пропозиций (утверждений) текстов (как экспертных, так и в публицистике) конфликт провозглашается, участники дискуссии о Коррупции высказывают в явном виде свое отрицательное отношение к этому явлению. Однако языковые способы категоризации Коррупции показывают, что на уровне «коллективного бессознательного» конфликта нет. Почти полное отсутствие конструктивных, рационалистических метафор в осмыслении Коррупции свидетельствует о том, что российское общество не находит позитивных ресурсов для борьбы с этим социальным, психологическим, экономическим, политическим и культурным феноменом. Оно фактически сдалось и не в состоянии серьезно ему противодействовать.

Если ставить задачу целенаправленного воздействия на общественное сознание с целью создания условий для борьбы с коррупцией, то, сознавая всю сложность этого, необходимо сосредоточить максимальные усилия для выявления **позитивного ресурса**, который может быть использован в антикоррупционных мероприятиях. На уровне технологии пропаганды это может быть продвижение

позитивных примеров борьбы с коррупцией в стране и за рубежом (например, в Италии и Германии). Важно также обратить внимание на пропагандистский потенциал, которым обладают отрицательные примеры борьбы с коррупцией — здесь возможно использование технологий, похожих на техники калибровки и рефрейминга в нейролингвистическом программировании. Иными словами, должен быть достигнут баланс между «чернухой» и позитивной составляющей.

В сфере речевого воздействия необходимо широкое внедрение рационалистических метафор типа механизма, строения, производственного процесса, технологии. Они позволяют мышлению вести поиск инструментальных, реально воплощаемых альтернатив разрешения проблемной ситуации, игнорируя налет трансцендентальности зла, воплощенного в коррупции, и питаемое общественной практикой бессилие человека перед нею.

## Глава 6. РОССИЙСКАЯ КОРРУПЦИЯ КАК ЯЗЫКОВОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ (II)

### 6.1. Метафоры как коллективное «языковое бессознательное»

Один из важнейших тезисов когнитивной теории метафоры заключается в том, что метафора является не просто частью языка, а отражает специфические особенности мышления человека. Так, в процессе принятия решений метафора определяет круг альтернатив решения из проблемной ситуации, а также влияет на оценку этих альтернатив. Иными словами, метафоры — это чисто когнитивный феномен, лишь частично отражающийся в языковых формах. На мышление человека влияют не только новые, креативные метафоры типа *коррупция — это как по Ломоносову закон сохранения массы и энергии*, но и конвенциональные, «стертые» метафоры, ср.: *выстраивать механизмы коррупции*.

В рамках чисто лингвистических исследований этот тезис доказать не представляется возможным, поскольку это выходит за рамки задач лингвистики как науки, даже если их понимать весьма расширительно. В его пользу говорят, однако, некоторые косвенные данные. Во-первых, в некоторых психотерапевтических практиках (например, в нейро-лингвистическом программировании) метафоры используются и как инструмент анализа состояния пациента (клиента), и как средство воздействия на него. При этом конвенциональным метафорам придается не меньшее значение, чем новым, креативным, поскольку именно конвенциональные метафоры позволяют проводить скрытый анализ представлений клиента и осуществлять скрытое, нетравматическое воздействие на него<sup>12</sup>.

Во-вторых, на справедливость этого тезиса указывает ряд экспериментов по исследованию частоты использования метафор в СМИ в периоды общественно-экономических и политических кризисов. Возрастание в кризисный период количества как новых, креативных, так и стертых, конвенциональных метафор указывает на то, что конвенциональные метафоры, даже если они не «оживляются» в тексте, то есть не осознаются носителем языка, отражают особенности его

---

<sup>12</sup> См. подробнее [Гордон 1995].



мышления и влияют на способы осмысления проблемной ситуации (см. главу 7).

Если тезис о влиянии метафор (и в первую очередь стертых, конвенциональных метафор) справедлив, то структура метафор дискурса отражает «языковое бессознательное» членов социума, то есть то, что по большей части не осознается человеком, но используется его когнитивной системой в процессе мышления. Именно так человек вольно или невольно использует различные шаблоны и стереотипы поведения в решении задач — проблематика, широко обсуждавшаяся в классической и современной когнитивной психологии.

## 6.2. История эксперимента

Данная глава представляет собой вторую часть комплексного исследования коррупции, проводившегося фондом ИНДЕМ (под руководством Г. А. Сатарова) в 2002—2004 гг. Исследование включало в себя проведение двух серий глубинных интервью с экспертами по коррупции. В первой серии в качестве интервьюируемых выступали политики и чиновники федерального уровня, а во второй — предприниматели мелкого и среднего бизнеса. Лингвистическая часть исследования была связана с выявлением метафорических осмыслений концепта Коррупции.

Результаты анализа структуры метафор первой серии интервью показали, что коррупция осмысляется интервьюируемыми первой серии интервью как органическая, естественная часть общественной жизни. На поверхностном уровне, на уровне пропозиций (утверждений) текстов конфликт провозглашается, участники дискуссии о коррупции высказывают в явном виде свое отрицательное отношение к этому явлению. Однако языковые, точнее метафорические, способы категоризации коррупции свидетельствуют о том, что на уровне «коллективного бессознательного» конфликта нет. Это проявилось в преобладании органистических метафор в осмыслении этого феномена, то есть в категоризации коррупции как растения-древа, почвы, болезни, организма, культуры-традиции и т. д. Почти полное отсутствие конструктивных, рационалистических метафор в осмыслении коррупции, отсутствие метафор конфликта свидетельствует о том, что для важной части российского общества — политиков и чиновников федерального уровня — коррупция не является конфликтной сущностью (см. подробнее предшествующую главу).

Цель второй части исследования заключалась в выявлении структуры метафор при осмыслении понятия коррупции во второй серии интервью — с предпринимателями мелкого и среднего бизнеса. Кроме того, было проведено сравнение использовавшихся метафорических моделей в первой и второй серии. Такое сопоставление дает возможность оценить сходства и различия в когнитивных установках по отношению к коррупции представителей различных социальных страт.

Тексты диалогов первой серии интервью называются далее «Экспертный корпус 1», а тексты второй серии — «Экспертный корпус 2». Перейдем к изложению результатов второй части исследования.

### 6.3. Состав метафорических моделей и частота их использования в Экспертном корпусе 2

В процессе исследования материала в Экспертном корпусе 2 был выявлен 231 контекст использования метафор (или «метафороподобных» выражений) по отношению к феномену коррупции. Выявленные метафорические контексты они были объединены в группы по метафорическим моделям — близким по семантике совокупностям более элементарных метафор. В результате метафоры были распределены по 27 метафорическим моделям. См. табл. 1.

Таблица 1

#### Упорядоченные по частоте метафорические модели с входящими в них дескрипторами

№	Метафорическая модель	Частота
1	ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ (барьер — 20 <sup>13</sup> ; цепочка — 2; вещь — 1; выпирающий объект — 1; кормушка <sup>14</sup> — 1; объект в пространстве — 1; пресс <sup>15</sup> — 2; прозрачный объект — 1; ткань — 1; тяжелый объект — 1 <sup>16</sup> )	30 <sup>17</sup>

<sup>13</sup> Дано также в М-модели ОГРАНИЧИТЕЛЬ.

<sup>14</sup> Дано также в М-модели ЕДА-ПИЩА.

<sup>15</sup> Дано также в М-модели МЕХАНИЗМ, ОГРАНИЧИТЕЛЬ.

<sup>16</sup> Дано также в М-модели ОГРАНИЧИТЕЛЬ.

<sup>17</sup> Количество контекстов не обязательно совпадает с количеством метафор более низкого уровня, данным в скобках после основной М-модели. Это объясняется тем, что в одном контексте может быть представлено несколько М-моделей, кроме того, в ряде случаев описание контекста использования метафоры может иметь вид последовательности иерархически связанных М-моделей. Например, ПОВОРОТ / ПУТЬ-ДОРОГА / ПРОСТРАНСТВО.

№	Метафорическая модель	Частота
2	ОГРАНИЧИТЕЛЬ (барьер — 20 <sup>18</sup> ; повязаны <sup>19</sup> — 1; пресс <sup>20</sup> — 2; давление — 1; преграда — 1; тяжелый объект <sup>21</sup> — 1)	28
3	СИСТЕМА (элемент — 4)	28
4	СХЕМА	30
5	МЕХАНИЗМ (ускорение работы — 2; аппарат — 1; деталь — 1; машина — 1; нарушение механизма — 1; пресс <sup>22</sup> — 1; продукт — 1)	24
6	СВЕТ-ТЕнь (тьнь — 15; непрозрачность — 2; мутный — 1)	18
7	ПРОСТРАНСТВО (движение — 11; наезд — 4 <sup>23</sup> ; путь-дорога — 3; выход — 2; путь — 2; уход — 2; лазейка — 1; обход — 1; шаг — 1)	13
8	ПЕРСОНИФИКАЦИЯ (враг <sup>24</sup> — 5; чел.-воздействующий — 3; ребенок — 1; чел.-идуший — 1; чел.-помогающий — 1; чел.-преступник <sup>25</sup> — 1)	12
9	ПРЕСТУПНЫЙ МИР (наезд <sup>26</sup> — 4; крыша <sup>27</sup> — 3; беспредел — 2; повязаны <sup>28</sup> — 1; развращение — 1; чел.-преступник <sup>29</sup> — 1)	11
10	ИГРА (изменение правил игры — 1; игра в карты — 1)	9
11	ЖИДКОСТЬ (отмывание — 4; мутная вода — 1; уровень — 1)	8
12	ПРИРОДА (среда — 2; атмосфера — 1; круговорот — 1; естественное состояние — 1; закон сохранения массы и энергии — 1; норма <sup>30</sup> — 1)	8
13	РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО (корень-корни — 2; дерево — 1; сращивание <sup>31</sup> — 1; яблоко — 1)	8

<sup>18</sup> Дано также в М-модели ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ.

<sup>19</sup> Дано также в М-модели ПРЕСТУПНЫЙ МИР.

<sup>20</sup> Дано также в М-модели ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ, МЕХАНИЗМ.

<sup>21</sup> Дано также в М-модели ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ.

<sup>22</sup> Дано также в М-модели ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ, ОГРАНИЧИТЕЛЬ.

<sup>23</sup> Дано также в М-модели ПРЕСТУПНЫЙ МИР.

<sup>24</sup> Дано также в М-модели ВОЙНА.

<sup>25</sup> Дано также в М-модели ПРЕСТУПНЫЙ МИР.

<sup>26</sup> Дано также в М-моделях ДВИЖЕНИЕ, ПРОСТРАНСТВО.

<sup>27</sup> Дано также в М-модели СТРОЕНИЕ.

<sup>28</sup> Дано также в М-модели ОГРАНИЧИТЕЛЬ.

<sup>29</sup> Дано также в М-модели ПЕРСОНИФИКАЦИЯ.

<sup>30</sup> Метафора нормы введена в М-модель природы из-за профилирования ими в исследуемом материале общих свойств.

<sup>31</sup> Относится также к М-модели ОРГАНИЗМ, отдельно не представленной в исследованном материале.

№	Метафорическая модель	Частота
14	ЦВЕТ (черный — 7)	7
15	ВЕЩЕСТВО (смазка — 2; проникающая сущность — 2; бесферменная сущность — 1)	6
16	ВОЙНА (враг — 5; противник — 1)	6
17	СТРОЕНИЕ (крыша <sup>32</sup> — 3; архитектура <sup>33</sup> — 1)	6
18	ЕДА-ПИЩА (аппетит — 1; каша — 1; кормежка — 1; кормушка <sup>34</sup> — 1; подпитка — 1)	5
19	КУЛЬТУРА (традиция — 1)	4
20	СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО (доение — 3)	3
21	БОЛЕЗНЬ <sup>35</sup> (раковая опухоль — 1)	2
22	ТЕАТР <sub>1</sub> (маски-шоу — 1; спектакль — 1)	2
23	ТЕХНОЛОГИЯ	2
24	ЗВЕНО	1
25	ПАУТИНА	1
26	ЗАПАХ (пахнущая сущность — 1)	1
27	СВЯЗКА	1

Из всего набора М-моделей относительно частотными (с абсолютной частотой более 5 употреблений) можно считать 18 моделей: ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ, СХЕМА, ОГРАНИЧИТЕЛЬ, СИСТЕМА, МЕХАНИЗМ, СВЕТ-ТЕНЬ, ПРОСТРАНСТВО, ПЕРСОНИФИКАЦИЯ, ПРЕСТУПНЫЙ МИР, ИГРА, ЖИДКОСТЬ, ПРИРОДА, РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО, ЦВЕТ, ВЕЩЕСТВО, СТРОЕНИЕ, ВОЙНА, ЕДА-ПИЩА.

Уже предварительный анализ статистических характеристик Экспертного корпуса 2 показывает, что частота использования метафор в нем сравнительно невелика. Действительно, если в Экспертном корпусе 1 было выявлено 443 контекста использования метафор, то в Экспертном корпусе 2 — всего 231 контекст<sup>36</sup>. Разница в частоте использования метафор станет еще более значительной, если

<sup>32</sup> Дано также в М-модели ПРЕСТУПНЫЙ МИР.

<sup>33</sup> Семантически М-модель АРХИТЕКТУРА включает М-модель СТРОЕНИЕ. Однако в имеющемся контексте слово *архитектура* использовано в значении «строение».

<sup>34</sup> Дано также в М-модель ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ.

<sup>35</sup> Часть М-модели МЕДИЦИНА (опущена, поскольку представлена в материале только в виде одного видового дескриптора).

<sup>36</sup> Напомним, что Экспертный корпус 1 включает 145 877 словоупотреблений, 443 контекста использования метафор, а Экспертный корпус 2 — 322 000 слово-

вычислить параметр **плотности использования метафор** для каждого из корпусов (по формуле  $A/B$ , где  $A$  — общее количество контекстов использования метафор, а  $B$  — количество словоупотреблений в соответствующем корпусе):

$$\text{М-плотность 1} = 443/145877 = 0,003037$$

$$\text{М-плотность 2} = 231/322000 = 0,000717$$

Разница между параметрами плотности употребления метафор более, чем в 4 раза! Одна из важнейших гипотез когнитивной теории метафоры заключается в том, что конфликтность политической, экономической ситуации проявляется в увеличении частоты употребления метафор. Эта гипотеза отражает роль метафоры в процессе принятия решений как эвристики, определяющей набор вариантов принятия решений в проблемной ситуации. Следовательно, чем выше параметр плотности употребления метафор, тем более конфликтен дискурс.

Если исходить из этой гипотезы когнитивной теории метафоры, то можно сделать вывод, что для первой группы опрошенных экспертов феномен коррупции более конфликтен, чем для второй. Такое предположение вполне правомерно. Как известно из психологии, человек, постоянно сталкивающийся с некоторым травмирующим его явлением переводит его в менее травматическую форму (в частности в сферу бессознательного<sup>37</sup>). Понятно, что мелкий бизнес не просто сталкивается с коррупцией, а часто просто живет в ней. Об этом свидетельствует и явная, пропозициональная форма текстов Экспертного корпуса 2. Однако дело не только в этом. Столь сильное различие, которое показывают параметры плотности, объясняется и другими причинами.

Дело в том, что до сих пор не установлено, насколько варьирует частота использования метафор у носителей языка с разным уровнем образования. Хотя очевидно, что многие стертые метафоры (например, переносные значения слов, образовавшиеся по продуктивным правилам, основанным на тропах — метафоре, метонимии и синекдохе) не очень сильно связаны с образовательным уровнем, креативные

---

употреблений, 231 контекст использования метафор. Текст интервьюера в подсчете не учитывался.

<sup>37</sup> См. по этому поводу исследования феномена вытеснения в психоанализе: [Фрейд 1998: 108—123].

метафоры с очевидностью требуют достаточно изощренных навыков владения языком. Иными словами, сравнение параметров плотности имеет смысл лишь для корпусов текстов, авторами которых являются носители с более-менее одинаковой степенью развития языковой способности. В рассматриваемом случае это очевидно не так. Учесть и сгладить фактор уровня образования на данном этапе наших знаний о языке не представляется возможным — соответствующих исследований не проводилось. Можно лишь предположить, что четырехкратное различие в параметрах плотности следует несколько уменьшить, однако в любом случае ясно, что в Экспертном корпусе 2 метафоры употребляются реже, чем в Экспертном корпусе 1.

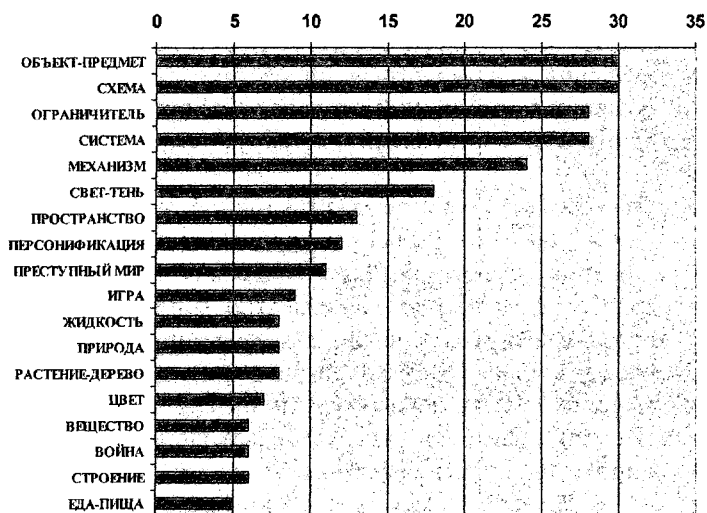


Рис. 1. Абсолютная частота метафорических моделей в Экспертном корпусе 2

В рис. 1 представлены в сопоставлении основные относительно частотные метафорические модели дискурса о коррупции.

#### 6.4. Основные смыслы, высвечиваемые метафорами в Экспертном корпусе 2

Рассмотрим стандартные метафорические следствия, которые профилируются М-моделями в исследовавшемся корпусе интервью.

Первое место по частоте употребления делят две М-модели: М-модель ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА и СХЕМЫ (каждая по 30 употреблений). Метафора ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА в принципе может профилировать самые разнообразные следствия, в первую очередь — это следствия рационального, так сказать «инструментального» характера. Обычно эта М-модель используется для осмысления абстрактных феноменов как конкретных. В этом случае появляется возможность оперировать абстрактными категориями как предметами: брать их, модифицировать, отодвигать, уничтожать и т. д. Такая метафорическая модель как стертая метафора представлена, например, в выражениях типа *поставить вопрос, поднять проблему, схватить главное* (из текста, речи и т. п.). В политическом языке «опредмечивание» абстрактного позволяет перейти на уровень рационального принятия решений. Ср.: *госбюджет еще не перестал быть общим котлом; закон можно повернуть по-разному; чтобы дальше двигать нашу перестройку, нужно накормить народ; остудить средства массовой информации*. Во всех этих случаях метафора ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА подсказывает некоторый алгоритм, последовательность действий. Действительно, если бюджет — это абстрактный набор цифр, то какие решения по нему можно принимать? Если закон осмысливается только как бесплотная совокупность заповедей, то, не прибегая к метафоре, трудно сформулировать то, что с ним можно сделать — сфера принятия решений относительно законодательства существенно сужается, поскольку опыт взаимодействия человека с абстрактными сущностями значительно уже, чем с конкретными. Предметная метафора позволяет внести элемент рационального в трудный процесс овладения абстрактным и процесс познания этой сферы.

Интересно, что в исследованном материале рациональность метафорических следствий М-модели ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА предстает несколько иной стороной. Коррупция интерпретируется в рамках этой метафоры почти исключительно как ограничитель: как что-то конкретное, конкретный объект, который ограничивает возможности принятия решений человека. В качестве такого объекта выступает в подавляющем количестве случаев метафора БАРЬЕРА (20 контекстов из 30):

Коррупция — это *создание административных барьеров*, с целью получения материальных выгод, либо моральных выгод. Но скорее всего, материальных выгод. Это в комплексе;

Ну, как, в мелком бизнесе такие у нас *барьеры*. У нас, прежде всего, проверяют, приходят кому ни лень: милиционер, причем это может быть и ППСник, который никакого отношения не имеет. Знаки эти различия никто не понимает, милиционер в форме пришел, значит нужно платить;

Я начинал с небольшого магазинчика. Потом организовал сеть магазинов. А потом — *всевозможные дополнительные барьеры*. То за аренду дополнительно, то милицию обеспечить, все такое.

Ту же идею профилируют и некоторые другие метафоры из М-модели ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ: ПРЕСС (*пресс чиновников, пресс [коррупции] давит*); ТЯЖЕЛЫЙ ОБЪЕКТ (*Здесь у нас получается коррупция, я так думаю, что наверно, это давит сверху*).

Периферийным для данной М-модели можно считать профилирование идей связи, взаимозависимости (метафора цепочки — *То есть «Классик Банк», фирма «Истленд» есть, губернатор есть, Саянский «Химпром» есть и там Саянский «Химпласт», это цепочка, которая сейчас на высшем уровне работает*), значительного ресурса (кормушка — *Если вы будете задабривать, то это будет кормушка*).

В некотором смысле идея ограничения противоположна продуктивной рациональности М-модели ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА, характерной для политического дискурса и расширяющей возможности человека для рационального воздействия на проблемную сферу. Интересно, что для русского политического дискурса в целом использование М-модели ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА сравнительно редко сопровождается коммуникативным высвечиванием идеи ограничения. Так, в базе данных политических метафор эпохи перестройки из порядка 360 контекстов употребления М-модели ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА только 60 контекстов связано с семантикой ограничения (то есть только одна шестая часть). На основании этого можно сделать вывод, что преобладание семантики ограничения при использовании М-модели ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА характерно именно для дискурса о коррупции. Семантика ограничения поддерживается и употреблением другой М-модели — ограничителя (третье место по частотности — 28 употреблений).

Модель ограничителя представляет собой модель-конstellляцию, то есть она состоит из дескрипторов (метафор) других моделей, но таких дескрипторов, которые преимущественно профилируют идею ограничения (см. выше о понятии конstellляции главу 1). Среди типичных ограничителей в рассмотренном материале, кроме уже упо-



мянутых метафор **БАРЬЕРА** и **ПРЕССА**, обнаруживаются также метафоры давления (...гораздо сложнее **производить давление**. И люди, которые приехали на время, им более выгодно выполнять добросовестно свои обязанности, нежели, допустим, пытаться их недобросовестно выполнять) и **повязанности** (Я налоговиков спросил куда деньги деваются, но он же не признается, он же **повязан**).

Несколько иная система следствий из метафоры высвечивается М-моделью схемы — второй по частотности М-модели Экспертного корпуса 2 (28). Удивительным образом метафора схемы высвечивает те идеи инструментальности, рациональности поведения и упорядоченности, которые в принципе свойственны в политическом дискурсе М-модели объекта-предмета. Ср. контексты следующего типа:

Интервьюер: Ну мне кажется это интересно. Теперь такой вопрос — есть ли у вас в области, или конкретно в тех бизнесах, в которых вы работали, такое явление, как посредники между властью и бизнесом, каких-то услуг, лицензирования. Какие-то примеры можете привести, как это все работает.

Интервьюируемый: Ну вот **схема**, например. Вот «Истленд» — чистый посредник.

Интервьюер: Вот коррупция достаточно разнообразна. Вот какие коррупция распространены у Вас в регионе?

Интервьюируемый: Разные, я думаю, что такие же, как и в других. И сказать, что они... факт конкретный, достаточно сложно. А так, ну, конечно, бывает кому-то машину покупают, просто оформляют на того человека. Кому-то дом строят, кому-то куда-то стройматериалы завозят. **Совершенно все схемы разные**. Кого-то соучредителем в компанию берет. Есть просто деньгами... в такую-то фирму платят деньгами.

Осмысление феномена коррупции как системы также было отнесено к метафороподобным выражениям. Основанием для этого было то, что основным свойством метафоры является ее способность порождать неограниченное количество следствий, отражающих неисчерпаемость и недискретность внешнего мира. По этому свойству концептуализация некоторого феномена как системы оказывается очень похожей на метафорическую. Это наукообразная метафора, заставляющая рассматривать явление как совокупность единиц и связывающих их отношений. В принципе количество следствий такой концептуализации не поддается никакому исчислению. Важно также и то, что она несет с собой прагматические следствия, придавая научный статус высказываниям, которые содержат эту концептуализацию.

В исследованном материале второго Экспертного корпуса было выявлено 28 контекстов осмысления коррупции как системы. В отличие от М-модели схемы, использование метафоры системы предполагает высвечивание следующих основных идей:

- ограничение — 15,
- сложное целое — 8,
- взаимозависимость — 7,
- упорядоченность — 4,
- закрытость целого — 3.

Профилирование семантики ограничения (ср. примеры типа: <...> *система есть система. От нее никуда не денешься.*) наиболее частый случай использования М-модели системы во втором Экспертном корпусе. Несколько реже в примерах использования этой метафоры появляется семантика сложного целого (*вообще надо или структуру перестраивать, или ее надо как, то есть это вот бюрократическая система, ну, такая, махровая*), идеи взаимосвязанности, взаимозависимости элементов целого (ср. пример 1), а также семантики закрытости целого от внешнего воздействия (ср. пример 2).

- (1) Ну а в результате этой всей *сложившейся коррумпированной системы*, что *брат за брата отвечает, поддерживает и привлекает* ко всем процессам, в дальнейшем разделе полученной прибыли в той или иной степени, складывается ситуация, что получаемая прибыль в результате отсутствия конкуренции, направляется не на развитие производства, а направляется, перераспределяется просто по карманам и используется в целях для личного потребления.
- (2) Он обязательно отстаивает интересы клана чиновничьего, потому что там свои законы работают, этот клан, если чиновник их не выполняет, мгновенно его вышвыривает, то есть *система мгновенно выбрасывает чиновника*, который пытается работать не по его законам. Они либо выбрасывают его из системы, либо перевоспитывают. Могут растоптать политически, сгноить, все что угодно.

Взаимозависимость элементов целого и его закрытость приводят к тому, что интервьюируемые видят выход в том, чтобы изменить всю систему коррупции, а не какие-то ее части, компоненты: *Вот сейчас мы пытаемся представить эту проблему, как проблему конкретного чиновника, да нет, не в чиновнике дело. Дело в системе. У нас в системе. Необходима серьезная административная реформа, очень серьезная.*

Следующая по частоте употребления М-модель МЕХАНИЗМА, как и метафора СХЕМЫ, профилирует идеи инструментальности, рациональности поведения и упорядоченности. Действительно, механизм — это артефакт, который, во-первых, может быть создан, поддается обработке, улучшению, модификации. Человек, в принципе, в состоянии понять устройство механизма, иначе он не смог бы этот механизм создать. Ср. примеры следующего типа:

Везде ресурсы ограничены, и везде начинается коррупция, чтобы получить доступ, и *механизмов* — море. Но как только ты начал эти *механизмы выстраивать*, ты сразу уводишь в тень экономику;

Та же самая история происходит в абсолютном большинстве акционерных обществ, поэтому я думаю, что по большому счету, если глобально смотреть на этот вопрос, под коррупцией я бы понимал *механизм принятия решения* не в пользу интересов дела, а в пользу чего угодно — себя лично, группы людей, корпорации. Вот и все.

В ряде случаев метафора МЕХАНИЗМА позволяет обратить внимание на эффективность работы коррупционных отношений:

— Если бы это работало быстро и эффективно [использование коррупционных отношений] ... — Оно не может в принципе работать быстро и эффективно, потому что это *машина*, которая делает *маховик*, и вдруг в нее вклинивается какой-то индивидуум, маленькая *шестеренка*, которую надо быстро повернуть и выскочить на другой момент.

Метафора МЕХАНИЗМА дает возможность коммуникативно высвечивать и совершенно противоположное, нерациональное следствие — невозможность воздействия на работающую машину. В этом случае машина оказывается либо автономным субъектом (то есть еще метафора персонификации — ср. пример 4), либо DINGE AN SICH, то есть вещь в себе, недоступной для восприятия и анализа субъекта, ср. пример (3):

- (3) Я не... Люди, имеющие мощные связи на самой верхушке нашей и все. Как они все это решают, как они все это делают, я не знаю. Я не лезу. Я их уважаю, они меня уважают. Они сделают, я туда не лезу. Не заставляю делать людей больше. Сам *механизм*, если я сам полезу, я ничего не смогу сделать. Если дело начнется вот так вот бестолково, потому что, обращаюсь к людям, которые, мягко говоря, могут это делать, у них есть соответствующие связи, у них есть воз-

возможности, за счет чего они делают, я, честно говоря, не знаю, но ко мне обращаются по моей профессии. Я им, вот так оно и делается. Кому-то надо...

- (4) Коррупция — это вообще не взятка. Коррупция — это определенный механизм, вынуждающий неважно что сделать. Теперь, есть *механизм. Вот он меня вынуждает либо заплатить деньги, либо унизиться*. При чем тут взятка? Это унижение, деньги, бартер, что угодно, взаимовыручка.

В метафорической модели СВЕТА-ТЕНИ коррупция рассматривается как непосредственная часть незаконного бизнеса. Ср. характерный контекст: *У нас откуда тень-то начинается? <...> Добрался до чиновника. Какую бы он зарплату ни получал, а зная, сколько по рыночной стоимости то, то, то стоит, ...он стал этим обладать... чиновником. Примерно уже прикидываешь, сколько он сам может брать за это время. Просто-напросто это уже... то же самое воровство*. При использовании данной М-модели в первую очередь профилируется идея скрытности коррупции, ср.: *Я думаю, что это была вражда, люди не поделили между собой. Достаточно выгодный был бизнес, где «черная» таможня, и, естественно, если крупный клиент идет не к тебе, а к твоему конкуренту, при том, что это все достаточно мутные схемы, естественно, это поле для вражды*.

М-модель пространства в политическом дискурсе чаще всего оказывается фоновой метафорой, использование которой так или иначе «навязывается» другими М-моделями. И действительно, большая часть контекстов употребления метафоры пространства связаны с метафорой движения: движение всегда происходит в некотором пространстве, ср.: *Но для того, чтобы это как сдвинуть, приходишь и даешь. Ну как бы первый шаг сделан*. Сделать шаг в движении по определенному пути можно только в пространстве. Фоновое употребление метафоры проявляется в том, что она не используется для активного и сознательного профилирования говорящим тех или иных следствий. «Фигурной» метафорой, вводящей метафору пространства как фоновую, в рассмотренных примерах оказывается метафора движения. Метафора движения в большинстве контекстов коммуникативно высвечивает идею действий и способа действий (в рамках коррупционных отношений). Иными словами, коррупция в метафоре движения интерпретируется как последовательность конкретных действий различных участников коррупционных отношений или стратегия их

поведения в целом, ср. пример выше, см. также примеры типа: <...> *он пошел по такому пути. Он говорит: мне некогда сидеть, я лучше куплю пакет документов.* Ср. также метафору наезда, входящую также в М-модель преступного мира: *Это просто муторный процесс. Он очень муторный процесс, связанный с законодательством. Мой коллега один из Минздрава судится с ними. Не из Минздрава, а из частной медицины. Он судился и доказал свою правоту. То есть там наезд совсем.*

В каких-то случаях метафора движения высвечивает идею решения какой-то проблемы:

Интервьюер: Вот как Вы оцениваете вообще коррупцию, что это такое для малого и среднего бизнеса?

Интервьюируемый: Для малого и среднего бизнеса — это **единственный выход** упростить себе жизнь на сегодняшний день, **единственный выход** преодоления административных барьеров, упрощение и ускорение вопросов для того, чтобы он развивался.

Метафора персонификации в современном российском политическом дискурсе также относится к числу фоновых, однако во втором Экспертном корпусе она довольно часто выступает как фигурная, профилируя идею активного воздействия, ср. примеры типа: *Вообще коррупция уже достала; Это суперзло, <...> она не позволяет воспитывать класс порядочных предпринимателей.* Персонификация как фоновая метафора представлена и в метафоре врага, относящейся одновременно к военной метафоре и профилирующей ту же идею активного (конфликтного) воздействия, ср.: *Большой, крупный бизнес — он очень не заинтересован в борьбе с коррупцией; если бы государство реально хотело бы бороться с коррупцией, то я внутри этих предприятий помогал бы предпринимателю, как он может реально защищаться; Вот если что-то переборы какие-то получают, отделяют его: вот он хороший, вот он там бьется с коррупцией.*

Концепт преступного мира, использованный по отношению к феномену коррупции, не должен был бы порождать метафорической интерпретации, поскольку коррупция — это, конечно, нарушение закона. Однако очевидно, что коррупция, во-первых, представляет собой совершенно особую сферу преступлений. Действительно, это не убийство, кража или ограбление. Во-вторых, большая часть контекстов использования М-модели преступного мира относятся одно-

временно к другим М-моделям (8 из 11 контекстов). Кроме того, использование языка «фени» при характеристике действий государства вполне претендует на статус метафоры, поскольку позволяет отождествить чиновников-взяточников с бандитами. Ср. примеры типа: <...> *мы живем среди коррупции*. <...> *Сейчас такое впечатление, что есть один вор в законе это мэр, и его банда в виде городской думы и глав администраций*. Другое дело, что нередко действия государства и преступности в реальности так или иначе коррелируют, согласуются друг с другом. Так, интервьюируемые часто отмечали, что функция «крыши», выполнявшаяся преступниками, в настоящее время все чаще переходит к правоохранительным структурам. Это было бы даже нормально (поскольку именно в этом функции правоохранительных органов и заключаются), если бы за это не брались дополнительные деньги.

Иными словами, есть все основания рассматривать концепт преступного мира как метафороподобную категорию при осмыслении коррупции. М-модель преступного мира в этих случаях профилирует в первую очередь идеи несоответствия нормам (моральным, законодательным и пр.), ср.:

Не знаю, когда у нас настанет время, когда люди будут защищать свои честь и достоинство и считать, что все-таки лучше не платить взятки, потому что это только приводит к *разращению чиновников*, потому что, во-первых, аппетиты растут, среда, дающая взятки, увеличивается; Такой настоящий *наезд*, чтобы можно было друзьям рассказать, как вот постоянно «ласкают», что вот настоящий *наезд* бывает и у нас. И то я не участвовала в нем, скажем так;

— «А мы тогда напишем Вам такие вот, что .... замечания и все. А что, вам, это не так уж дорого?» «Ну, так сказать, как Вы считаете, дорого — недорого. Вообще я считаю, что это вообще *полный такой беспредел*».

Метафора игры используется в российском политическом дискурсе для коммуникативного высвечивания трех основных смыслов — идеи конфликта (через семантику ‘победы — поражения’), идеи нереального и, как дальнейшее следствие, несерьезного (через противопоставление игры и жизни, реальности) и идеи регулирования / упорядоченности (через концепт ‘правила игры’). В рассмотренных примерах использования метафоры игры речь идет, преимущественно, о профилировании второй и третьей идей: *Поэтому в такие игры нам играть как-то не очень серьезно* (профилирование идеи ‘несерьезного’);

*Нужно объявлять правила игры, но их не надо менять по ходу жизни; Правила игры уже всем известны. Сколько нужно и кому дать (профилирование идеи 'регулирования / упорядоченности'). Высвечивание семантики нереального представлено только в двух примерах из девяти: На мой взгляд, вот говорят «коррупция», но мне кажется, что это просто политическая игра; Во-первых, наша система, ротация руководителей — вещь хорошая, она не дает возможности. Потом может кто-то и делает нелегальные сделки, а у нас открытое предприятие, с крупными основными фондами. Поэтому в такие игры нам играть как-то не очень серьезно. Но то, что такие вещи существуют, об этом и в прессе пишут (профилирование идеи 'нереального').*

Как и в случае использования метафоры света-тени, в контекстах М-модели жидкости феномен коррупции осмысляется как часть нелегального бизнеса. Со смысловой точки зрения М-модель жидкости обращает внимание на две основных идеи: 1) идею неясности, неопределенности (*Здесь вот сразу начинается вот эта мутная вода, и люди на этом кормятся*) и 2) идею несоответствия нормам (моральным, законодательным и пр.). Семантика несоответствия нормам проявляется в первую очередь в метафоре отмывания: *это... особенно на Выборах. Сколько хочешь, там отмыть можно.*

Метафора природы, как правило, позволяет обратить внимание на естественность, органичность некоторого феномена. И действительно, осмысление коррупции в терминах М-модели природы высвечивает именно такие следствия, ср.: *Коррупция на сегодняшний день — это реальная атмосфера, сложившаяся за последние 10—12 лет. Это реальная атмосфера. Это факт. Она есть такая; Это о стиле работы вообще. Это как природа, ну вот как продукт. То есть это не то, что там взятка <...>.*

М-модель растения-дерева в принципе позволяет акцентировать внимание на самых разнообразных смыслах — от идеи тесной связи (*крупный бизнес врос в государство*), до идеи результата (*плод перестройки горек и невкусен*). Как показывает анализ, в рассматриваемом материале нельзя выделить какую-то общую идею, профилируемую при использовании М-модели растения-дерева. Ср.: *Мое личное мнение, что они уже все там, по крайней мере, на верхнем уровне они проросли* (идея тесной связи); *надо, чтобы дерево не росло какое-то с этими яблоками коррупции* (идея результата); *Надо вырвать эти корни, или туда залить чего-то* (идея главного, основного).

М-модель цвета представлена в имеющемся корпусе метафорой черного цвета, которая, преимущественно, профилирует идею скрытости и — как следствие второго порядка — незаконности. Ср. примеры типа: *Достаточно выгодный был бизнес, где «черная» таможня, и, естественно, если крупный клиент идет не к тебе, а к твоему конкуренту, при том, что это все достаточно мутные схемы, естественно, это поле для вражды.*

Контексты реализации М-модели войны представлены метафорами врага и противника. Данная метафорическая модель не отличается особым разнообразием следствий в политическом дискурсе и обычно профилирует идею конфликта. Этот смысл высвечивается и в исследованных контекстах: *Вот допустим сейчас у меня есть такие школы, которые говорят давай нам по 5 тысяч в месяц и будешь работать, будешь кормить. Но как я могу, извините, дать вам 5 тысяч рублей в месяц, с чего их брать. <...> У нас нет ни наличных денег, ничего. <...> Я этому директору ничего дать не могу. И эта война идет уже третий год.* Следует отметить, что большая часть контекстов М-модели война реконструируются на основании глагола *бороться* (*борьба с коррупцией*). Это не совсем чистый случай метафоры войны, поскольку борьба не обязательно имеет форму военного столкновения. Иными словами, М-модель войны в рассматриваемом случае можно выделять только условно.

Основные идеи, связываемые в исследованном материале с метафорой вещества — это всепроникновение и облегчение функционирования. Ср. примеры типа: *Коррупцией полностью пронизаны все эти структуры. И надо к ней приспособливаться, к этой коррупции* (семантика всепроникновения); — *<...> что толкает, принуждает вас идти на коррупцию? — Не на коррупцию, а на «смазывание» этих дел?* (семантика облегчения функционирования). В контекстах с данной метафорой представлен также смысл гибкости (*коррупция просто приобретает разные формы*).

М-модель строения, как и, например, М-модели растения-дерева и пространства, потенциально очень разнообразна по своим следствиям. Осмысление чего-либо как строения позволяет воспринимать этот феномен с рациональной точки зрения. В исследованном материале второго корпуса текстов по коррупции разнообразие следствий этой М-модели сужено до идеи защиты, ср. характерный пример: *Крышу предлагали, было такое. Я им просто долго объяснял, ну, хватит, говорю, ребята, я вам сам крышу сделаю, грубо говоря. При ваших*



лейтенантских званиях, говорю, вы молодые..., видите, я 10 лет работаю, зачем вам это нужно. Метафора крыши в таких примерах реализует одновременно и М-модель преступного мира. Кроме того, обнаруживается и смысл создания чего-л.: *Но как только ты начал эти механизмы выстраивать, ты сразу уводишь в тень экономику.* В последнем примере М-модель строения (точнее даже строительства) сочетается с М-моделью механизма.

Потенциал метафорической модели еда-пища в политическом языке сравнительно невелик — это профилирование идеи ресурса. Семантика ресурса прослеживается и в большинстве употреблений этой модели в исследованном материале дискурса о коррупции. Ср. характерные примеры: — *По сути получается, что государственные структуры подталкивают? Интервьюируемый: Да, тут я считаю, да. Они же, получается, и кормятся с него.* Метафора каши позволяет коммуникативно высвечивать несколько иной смысл — беспорядок, невозможность отграничить одно от другого (*Вы знаете, в эту кашу лезть*). Впрочем, метафора каши малосущественна для рассматриваемой М-модели — зафиксировано только одно ее употребление.

Остальные М-модели малочастотны и находятся на периферии употреблений исследованного корпуса. Впрочем, их разумно привлечь для исследования при изучении совокупностей М-моделей, профилирующих близкие смыслы — при анализе констелляций М-моделей (см. ниже).

Результаты проведенного анализа основных смыслов, коммуникативно высвечиваемых метафорами при осмыслении коррупции во втором экспертном корпусе, в обобщенном виде представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Основные смыслы, профилируемые М-моделями  
при осмыслении коррупции (Экспертный корпус 2)**

Профилируемый смысл	Метафорическая модель
'активное воздействие'	ПЕРСониФИКАЦИЯ
'естественность / органичность'	ПРИРОДА
'закрытость целого / вещь в себе / сложное целое'	СИСТЕМА; МЕХАНИЗМ
'защита'	СТРОЕНИЕ
'инструментальность / рациональность / регулирование / упорядоченность'	СХЕМА; МЕХАНИЗМ; ИГРА; СИСТЕМА

Профилируемый смысл	Метафорическая модель
'конфликт'	ВОЙНА
'нереальность'	ИГРА
'несоответствие нормам'	ПРЕСТУПНЫЙ МИР; ЖИДКОСТЬ; ЦВЕТ
'неясность / неопределенность'	ЖИДКОСТЬ
'облегчение функционирования'	ВЕЩЕСТВО
'ограничение'	ОГРАНИЧИТЕЛЬ; ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ; СИСТЕМА
'последовательность действий'	ПРОСТРАНСТВО/ДВИЖЕНИЕ
'ресурс'	ЕДА-ПИЩА
'связь / взаимозависимость / взаимосвязанность / всепроникновение'	ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ; СИСТЕМА; ВЕЩЕСТВО
'скрытность / скрытость'	СВЕТ-ТЕНЬ; ЦВЕТ

На следующем этапе исследования структуры метафор дискурса о коррупции естественно перейти от отдельных М-моделей к их сочетаниям, профилирующим относительно близкие смыслы или близкие по семантике смысловые области.

### 6.5. Конstellации метафорических моделей в осмыслении коррупции

Конstellациями называются такие множества М-моделей, которые профилируют (то есть коммуникативно высвечивают) в текстах конкретной проблемной области общие или близкие смыслы. В российском политическом дискурсе выделяется несколько достаточно устойчивых конstellаций метафор. К ним относятся конstellация метафор рационального (строительство, механизм, транспорт, объект-предмет) с профилируемыми смыслами рациональности, инструментальности, упорядочивания и пр.; конstellация метафор конфликта (война, игра, спорт) с очевидными профилируемыми смыслами конфликтности, противоречия, противопоставления; конstellация органистических метафор (организм, растение-дерево, медицина) с профилируемыми смыслами естественности, органичности; конstellация метафор нереального (религия-мифология, театр, сверхъестественное существо) с профилируемой семантикой противопоставления мира воображаемого, ненастоящего миру реальному, настоящему.

В конкретных текстах конstellации М-моделей, как правило, модифицируются, видоизменяются. Как показал проведенный выше анализ текстов второго Экспертного корпуса, в дискурсе о коррупции

выделяются несколько иные констелляции по сравнению со стандартными (см. выше). Так, выделяется констелляция М-моделей рационального, профилирующие близкие смыслы типа 'активное воздействие' (персонификация), 'инструментальность / рациональность / регулирование / упорядоченность' (схема; механизм; игра), 'последовательность действий' (пространство / движение). Использование М-моделей констелляции рационального по отношению к феномену коррупции позволяет осмыслять его как составную часть рационального поведения человека. Это вполне объяснимо, если учесть, что бизнес является сферой высокорационального поведения, довольно жестко мотивированного получением прибыли. Общая частота использования метафор констелляции рационального складывается из частоты употребления метафор схемы — 28, механизма — 24, игры — 9; пространства / движения — 13. К метафорам констелляции рационального относятся также некоторые употребления метафоры системы. Это случаи высвечивания смыслов: 'сложное целое' (8) и 'упорядоченность' (5). Всего — 13 случаев профилирования, что составляет 35 % от всех случаев профилирования (из 37 коммуникативно высвечиваемых смыслов). Поскольку единицей статистического подсчета выбран контекст, а в одном контексте может профилироваться несколько смыслов (так, в 28 контекстах употребления М-модели схема профилируется 37 смыслов), то естественно отнести 35 % контекстов употребления М-модели система к реализациям констелляции метафор рационального. Иными словами, к данной констелляции следует отнести 10 примеров употребления данной М-модели. Кроме того, к констелляции метафор рационального примыкает также довольно редкая для данного дискурса метафора технологии (2). Тем самым общее количество употреблений — 28 (схема) + 24 (механизм) + 10 (система) + 7 (игра) + 2 (технологии) = 71<sup>38</sup>.

Констелляция метафор конфликта, профилирующая идеи конфликта, противоборства, противостояния и т. п., представлена в исследованном Экспертном корпусе М-моделями войны и, как это ни удивительно, строения. Действительно, в обычном случае метафора строения входит в констелляцию метафор рационального, однако по-

---

<sup>38</sup> Следует иметь в виду, что данная и последующие оценки приблизительны, поскольку не все контексты употребления М-модели коммуникативно высвечивают метафорические следствия, типичные для данной метафоры в данном дискурсе.

ловина контекстов реализации М-модели строения использовалось в проанализированном материале для коммуникативного высвечивания смысла защиты (метафора крыши). Тем самым общее количество употреблений метафор констелляции конфликта — 9 (война — 6; СТРОЕНИЕ/КРЫША — 3).

М-модель ограничителя естественно рассмотреть как особую констелляцию. Это объясняется двумя причинами: во-первых, она сама является констелляцией и составлена из метафор других моделей. Во-вторых, в исследованном корпусе значимость этой метафоры очень велика — она (вместе с метафорами системы и схемы) занимает второе место по частоте употребления. Смысл 'ограничения' профилируется в данном Экспертном корпусе и М-моделью СИСТЕМА — 15 контекстов (см. выше). Следовательно, общее количество метафор этой объединенной констелляции — 43 (собственно метафора ограничителя — 28 и метафора системы — 15).

Констелляция органистических метафор представлена в текстах о коррупции М-моделями ПРИРОДА, ЖИДКОСТЬ, СИСТЕМА, ВЕЩЕСТВО. В рассматриваемом случае типичными профилируемыми смыслами оказались идеи 'естественности', 'нормы', 'органичности', 'связи', 'взаимозависимости', 'взаимосвязанности', 'всепроникновения'. К типичным смыслам данной констелляции следует отнести контексты профилирования М-моделью системы идеи 'взаимозависимости' (7 примеров). К органистическим метафорам примыкает метафора ЦЕПОЧКИ<sup>39</sup> (2 употребления), метафора КУЛЬТУРЫ (4 употребления), метафора ЗВЕНА (1 употребление), метафора ПАУТИНЫ (1 употребление), метафора СВЯЗКИ (1 употребление). Общее количество употреблений органистических метафор — 37 (ПРИРОДА — 8, ЖИДКОСТЬ — 8, СИСТЕМА — 7; ВЕЩЕСТВО — 6; КУЛЬТУРА — 4; ЦЕПОЧКА — 2; ЗВЕНО — 1; ПАУТИНА — 1).

Констелляция М-моделей НЕРЕАЛЬНОГО практически отсутствует — обнаружено только два примера из метафоры ИГРЫ (см. выше).

Количественное распределение констелляций представлено на рис. 2.

---

<sup>39</sup> Метафорическая модель ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА.

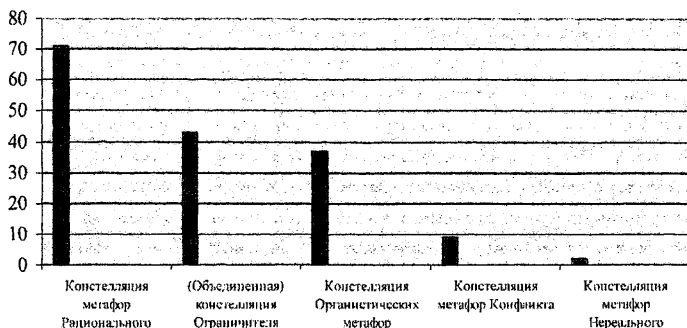


Рис. 2. Абсолютная частота конstellаций метафор в Экспертном корпусе 2

Рис. 2 отчетливо показывает основные тенденции метафорического осмысления понятия коррупции во втором Экспертном корпусе. Преобладают метафоры рационального, позволяющие взаимодействовать с осмысляемой сущностью, как с чем-то, что может быть включено в рациональное поведение, как с тем, что поддается решению. Такая интерпретация феномена коррупции вполне понятна: поскольку участники второй серии интервью — это мелкие и средние предприниматели, которым постоянно приходится сталкиваться с коррупционными явлениями в чисто практическом плане. Выживание их бизнеса оказывается для них не теоретической, а чисто практической проблемой.

«Рационализация» отношения к коррупционным отношениям в рассмотренном материале совершенно не противоречит и, более того, согласуется с их восприятием как неизбежности, свойственной российскому обществу, экономике и российской политической системе. На это указывает широкое использование органистических метафор, профилирующих идеи естественности и органичности феномена коррупции. В концептуальном поле органистических метафор коррупция предстает как природное явление, которое вряд ли можно осмыслить как «зло», ср.: *Интервьюер: Во всяком случае, что толкает, принуждает вас идти на коррупцию? Интервьюируемый: Не на коррупцию, а на «смазывание» этих дел?* В последнем примере интервьюируемый не готов считать взятку злом, более того, он не считает ее коррупцией. Третье место, занимаемое органистическими метафорами в осмыслении коррупции, определенно указывает на распространенность такого понимания и на его значимость для бизнес-сообщества.

Второе место по частоте занимает объединенная констелляция ограничителя. Профилируемая сфера смысла этой констелляции — ограничение в самых различных пониманиях. Значимость этой идеи для исследованного дискурса очевидна. Это говорит о том, что коррупция осознается бизнес-сообществом на уровне малого и среднего бизнеса как реальная проблема, существенно мешающая развитию бизнеса.

Четвертое место занимают метафоры конфликта. Наличие метафор данного типа позволяет говорить о ментальном неприятии этого феномена. Однако даже эти девять метафор неоднородны: в трех из них (метафора крыши) человек занимает пассивную позицию. Лишь в шести из девяти метафор можно говорить об активной позиции человека, реализующейся в войне / борьбе с коррупцией, в восприятии коррупции как противника / врага. Иными словами, когнитивный конфликт налицо, однако в нем человек не всегда занимает активную позицию.

Констелляция метафор нереального не играет ощутимой роли в дискурсе о коррупции.

Общий вывод очевиден: с точки зрения использования метафор, в той или иной степени отражающих «коллективное бессознательное» участников дискурса, коррупция осмысливается представителями бизнес-сообщества как рациональная сущность, к которой можно и нужно применять рациональные способы поведения, оптимизировать ее издержки и включать ее в процесс принятия решений при реализации различных бизнес-программ и т. д. Одновременно коррупция ощущается как реальная проблема, осложняющая ведение и развитие бизнеса.

В то же время частое использование органистических метафор говорит о серьезном влиянии, которое имеет неконфликтное видение коррупции, имеющее значимые культурные и исторические корни. И на уровне мелкого, и среднего бизнеса коррупция часто ощущается и воспринимается как естественная часть поведения членов социума.

Обнаруживаются следы когнитивного конфликта, связанного с феноменом коррупции. Об этом говорит появление метафор конфликта. Однако этот конфликт довольно слаб, кроме того, довольно часто человек занимает в нем пассивную позицию.

### 6.6. Метафорические модели в осмыслении коррупции: сравнение Экспертного корпуса 1 и Экспертного корпуса 2

На первом этапе исследования дискурса о коррупции проводился анализ использования метафорических моделей в Экспертном корпусе 1, состоявшем из серии глубинных интервью с экспертами в области коррупции довольно высокого уровня — политиками, работниками правоохранительных органов и чиновниками (см. главу 5 данной книги). Второй экспертный корпус представляет существенно иной уровень восприятия коррупции — более низкий, характеризующий представителей мелкого и среднего бизнеса. Сравнение особенностей восприятия этих социальных страт представляет несомненный интерес. Сопоставим использовавшиеся метафоры на уровне отдельных относительно частотных М-моделей и на уровне их сочетаний — констелляций.

Ниже на рис. 3 и 4 отражены в сопоставлении относительные частоты метафорических моделей первого и второго экспертного корпусов. Относительная частота вычислялась как отношение абсолютной частоты употребления М-модели к общему количеству всех контекстов использования метафор в соответствующем корпусе.

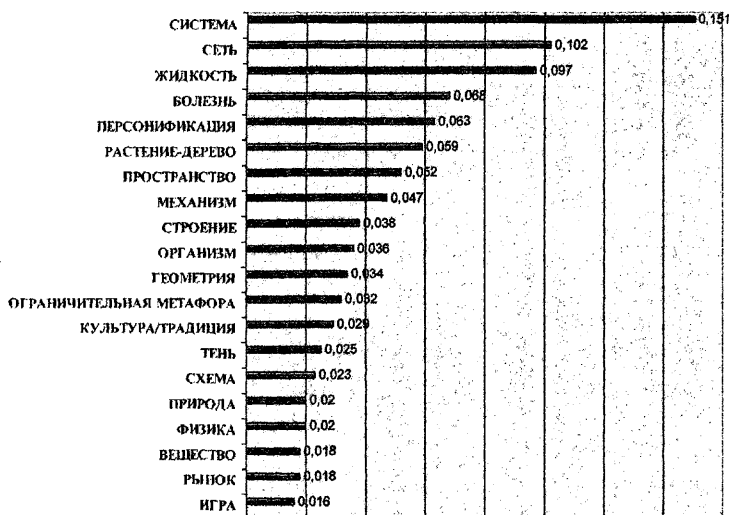


Рис. 3. Относительная частота метафорических моделей в Экспертном корпусе 1

Отметим наиболее существенные различия, связанные с употреблением отдельных М-моделей. Во-первых, в Экспертном корпусе 2 широко используется М-модель ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА, профилирующая идею ограничения. В силу этого метафора ограничителя занимает второе место (вместе с М-моделями СИСТЕМЫ и СХЕМЫ). В Экспертном корпусе 1 метафора ограничителя также есть, однако она занимает двенадцатое место. Отсюда следует, что для мелкого и среднего бизнеса коррупция определенно ощущается и в рамках «языкового бессознательного» как реальная проблема, что, как было показано ранее, не вполне справедливо для экспертов высокого уровня (см. предшествующую главу).

Метафоры СИСТЕМЫ и СЕТИ чрезвычайно употребительны в Экспертном корпусе 1. Во втором Экспертном корпусе представлена только метафора СИСТЕМЫ, при этом она также используется довольно часто, разделяя второе место с М-моделью ограничителя. Вместо метафоры СЕТИ, наводившейся вопросами первой серии интервью, во втором Экспертном корпусе используется несколько иная метафора — М-модель СХЕМЫ. Метафора СХЕМЫ существенно отличается от метафоры СЕТИ, поскольку концепт СХЕМЫ профилирует рациональные, алгоритмизированные способы принятия решений в проблемных ситуациях, а метафора СЕТИ коммуникативно высвечивает идею связи, взаимозависимости. Метафора СХЕМЫ в первом Экспертном корпусе есть, однако частота ее употребления существенно ниже, чем во втором: 0,023 (в первой серии интервью) против 0,13 (во второй серии). Таким образом, на уровне метафор (прежде всего метафоры СИСТЕМЫ) представление о коррупции как о чем-то тесно связывающем участников обнаруживается в обоих Экспертных корпусах. Между тем рациональный подход к феномену коррупции как основная тенденция проявляется на уровне метафор только в Экспертном корпусе 2.

Этот вывод подкрепляется частотой употребления метафоры МЕХАНИЗМА: она занимает восьмое место в первом Экспертном корпусе и пятое место во втором Экспертном корпусе, при этом относительная частота употребления метафоры МЕХАНИЗМА почти в два раза выше во втором Экспертном корпусе (0,047 — в Экспертном корпусе 1 против 0,104 в Экспертном корпусе 2).

Радикально отличается по частоте употребления в исследованных корпусах М-модель жидкости. Если в первом Экспертном корпусе она находится на втором месте, то во втором — только на одиннадцатом. Различие по относительной частоте также очень велико: 0,115 (Экспертный корпус 1) и 0,035 (Экспертный корпус 2). В исследуемых



дискурсах осмысление коррупции как жидкости профилирует семантику всепроникновения (*все пропитано коррупцией*), очищения (*отмывание грязных денег*) и оценки количества (*уровень коррупции*). Интересно, что оценка степени коррупционности как уровня почти не встречается во втором Экспертном корпусе и типична для первого Экспертного корпуса. Хотя идея отмывания вполне рациональна, в целом метафора жидкости более «пассивна» и менее конструктивна, чем, например, М-модели механизма или схемы. Это отражает одну из характерных черт метафорической структуры первого Экспертного корпуса: он с точки зрения метафорики «более терпим» по отношению к коррупции и менее конфликтен, чем второй корпус.

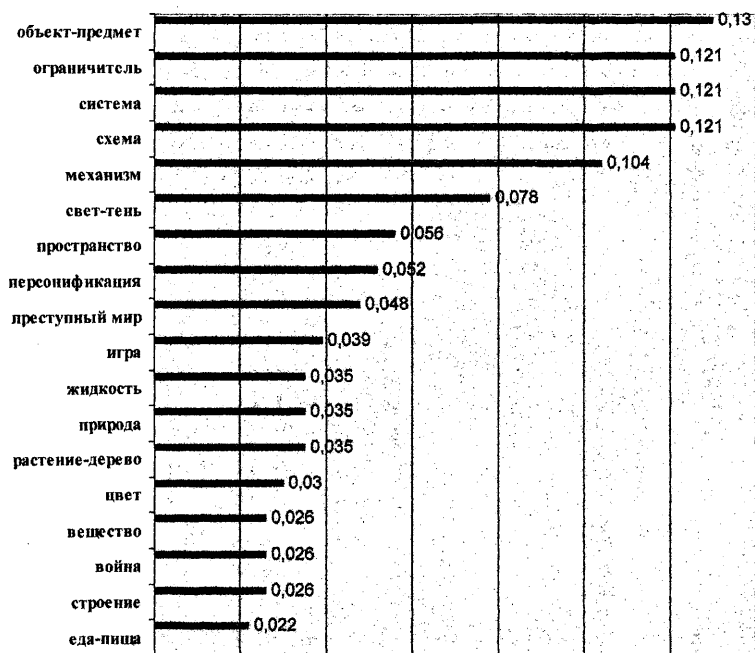


Рис. 4. Относительная частота метафорических моделей в Экспертном корпусе 2

Большая конфликтность второго Экспертного корпуса по отношению к коррупции обнаруживается в метафоре войны, отсутствовавшей в первом корпусе. Впрочем, частота употребления этой М-модели совсем невелика. Можно говорить лишь о появлении следов когнитивного конфликта.

Близки по частоте употребления и положению в структуре метафор обоих корпусов М-модели персонификации, природы и строения.

Как известно, метафора персонификации предполагает осмысление неживого как живого, неодушевленного как одушевленного, предмета как лица. Это типично для политического дискурса, ср. контексты типа: *Партия сказала, Вашингтон отказался от соглашения, Коррупция несет ответственность за огромные экономические потери в России и затрудняет процесс демократизации* и т. п. Метафора персонификации наиболее употребительна в современном политическом дискурсе, будучи и фоновой, и фигурной моделью. Важно отметить, что метафора персонификации и в первом, и втором корпусе занимает отнюдь не первые места (соответственно, пятая и восьмая по частоте). Иными словами, выводы, сделанные ранее по отношению к первому Экспертному корпусу, распространяются и на второй корпус. Во-первых, эксперты не склонны рассматривать феномен коррупции как агенса, как субъекта, как активное действующее лицо. То есть отсутствует единый центр, которым она управляется, она как бы распределена в обществе, образуя его неотъемлемую часть. Во-вторых, «бессубъектность» коррупции приводит к тому, что трудно определить, где она есть — она нигде и везде. В-третьих, поскольку коррупция «несубъектна», то нет какого-то конкретного лица, института, которое несет за нее ответственность. В-четвертых, выбранный способ концептуализации, фактически исключающий понимание коррупции как лица, затрудняет поиск адекватных антикоррупционных мероприятий: если нет лица, несущего ответственность за коррупцию, то против него и невозможно предпринимать какие-то действия.

Метафора болезни, занимающая в первом Экспертном корпусе четвертое место (частота 0,068), во втором Экспертном корпусе вообще не попадает в число даже относительно частотных М-моделей. В текстах первого Экспертного корпуса метафора болезни обычно коммуникативно высвечивает идею ущерба, который причиняет коррупция обществу — как болезнь организму человека (*она [коррупция] имеет как бы такую динамику — как раковая опухоль, коррупция разворачивается как бы кинетически, она охватывает все новые структуры, новые слои* (Экспертный корпус 1)). Эта идея почти не свойственна метафорам второго Экспертного корпуса (см. табл. 2). Можно предположить, что это связано с тем, что метафора болезни существенно сужает круг возможностей рационального воздействия на коррупцию. Действительно, если речь идет о нормальном функционировании

бизнеса, то тут нужна технология, алгоритм поведения в коррупционной ситуации. Оперативное вмешательство, наводимое метафорой болезни (резекция, ампутация и пр.), слишком радикально и приведет к разрушению самого бизнеса, а терапевтическое лечение слишком неопределенно и малоэффективно.

По той же причине реже встречается в Экспертном корпусе 2 М-модель РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО: в первом Экспертном корпусе относительная частота этой модели 0,059 (шестое место), а во втором — 0,035 (тринадцатое место). В текстах первого Экспертного корпуса речь обычно идет о *почве для коррупции* (высвечиваемая идея — причины, основания коррупции), о *разрастании дерева коррупции*, о *расцвете коррупции* (высвечиваемая идея — увеличение коррупции), о *плодах дерева коррупции* (высвечиваемая идея — результаты коррупционной деятельности). Понятно, что метафора РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА позволяет описать положение дел, однако она не очень хорошо подходит для разрешения проблемных ситуаций, возникших из-за коррупционного поведения тех или иных лиц. Таким образом, возможности рационального воздействия на коррупционные процессы при использовании метафоры РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА также явно недостаточны. Отсюда и низкая частота ее использования в интервью с представителями мелкого и среднего бизнеса.

Метафора игры как в первом, так и во втором Экспертном корпусе в основном профилирует два основных смысла — 'упорядоченности' и 'нереальности-несерьезности', причем 'упорядоченность' профилируется в подавляющем количестве случаев (порядка  $\frac{3}{4}$  всех контекстов). Частотность этой модели во втором Экспертном корпусе существенно выше, чем в первом — 0,039 (десятое место в Экспертном корпусе 2) и 0,016 (восемнадцатое место в Экспертном корпусе 1). Этот эффект объясняется тем, что «рациональное» отношение к коррупции, как было показано выше, для мелких и средних предпринимателей является условием выживания. Следовательно, в текстах второго Экспертного корпуса осмысление коррупции в рамках метафоры игры вполне типично.

Значительно чаще используется в Экспертном корпусе 2 при осмыслении коррупции М-модель СВЕТА-ТЕНИ. Различие в частоте весьма значительно: 0,025 (Экспертный корпус 1) против 0,078 (Экспертный корпус 2). Основная профилируемая этой метафорой идея — 'сокрытие, скрытность' — опять-таки более существенна для выхода из проблемных коррупционных ситуаций, для выживания бизнеса.

Именно этим объясняется столь явное различие в частотах употребления метафоры СВЕТА-ТЕНИ в исследуемых корпусах.

Метафора ОРГАНИЗМА, довольно частотная в первом Экспертном корпусе, во втором Экспертном корпусе отсутствует. Причина этого очевидна: метафора ОРГАНИЗМА существенно сужает множество альтернатив при решении проблемных ситуаций по сравнению с метафорой МЕХАНИЗМА, МОТОРА и т. п. Действительно, воздействие на организм сводится к рождению, лечению, оздоровлению и, соответственно, наоборот — отравлению, порче, убийству и т. д. Возможные преобразования МЕХАНИЗМА куда более разнообразны, что и делает М-модели МЕХАНИЗМА, СТРОЕНИЯ, ТРАНСПОРТА более эффективными в области рационального поведения. Поскольку участники второй серии интервью вынуждены реально действовать в условиях коррупции, метафора ОРГАНИЗМА оказывается не востребованной.

Метафорическая модель ГЕОМЕТРИИ также представлена только в Экспертном корпусе 1. Причины этого не вполне ясны. Можно отметить только, что метафоры М-модели ГЕОМЕТРИИ не профилируют какого-то одного свойства. Это может быть и идея невозможности принятия решений в коррупционной ситуации (*вместе в связке работали куча чиновников, начиная от Правительства и до губернатора и его аппарата — такой был замкнутый круг: заказ, выделение, возврат*), и идея направления коррупционной деятельности (*вектор коррупционных усилий очень серьезно меняется*), и семантика количества коррупционных связей (*площадь под кривой*). Вполне возможно, что такая неопределенность в профилировании свойств и привела к тому, что М-модель ГЕОМЕТРИИ отсутствует во втором Экспертном корпусе.

Видимо, по аналогичной причине только в первом Экспертном корпусе обнаруживается М-модель ФИЗИКА. Она профилирует и идею разнообразия коррупции (*по широте спектра [коррупции], пожалуй, то же самое*), и семантику содержания коррупции (*Мы ищем новых спектральных составляющих, да?*), и смысл причины коррупции (*популяризация идеи коррупции как движущей силы рыночных отношений*).

М-модель ПРЕСТУПНОГО МИРА, находящаяся, как было уже сказано выше, на границе «метафоричности», коммуникативно высвечивает семантику несоответствия норме, стандарту. Кроме того, использование этой метафоры позволяет отождествить чиновников с бандитами. Эта метафора занимает девятое место среди М-моделей второго Экспертного корпуса. Во втором Экспертном корпусе она представлена

метафорой крыши<sup>40</sup>. Сравнительно низкая частота употребления этой метафоры в первом Экспертном корпусе и довольно высокая — во втором опять-таки объясняется практической деятельностью мелких и средних предпринимателей, постоянно обнаруживающих «по жизни» множество сходств между некоторыми чиновниками и бандитами.

Интересно, что метафорическое осмысление коррупции как рынка (словом «демократия» обеспечили свободный рынок коррупционных услуг) также встречается только в первом Экспертном корпусе. В принципе концепт рынка достаточно рационален и его использование в практической деятельности по отношению к коррупционным отношениям могло бы оказаться продуктивным. Однако эксперты второй группы при обсуждении коррупции его не использовали. Впрочем, абсолютная частота употребления этой метафоры в первом Экспертном корпусе невелика — 8 контекстов. Весьма вероятно, что по отношению к низкочастотным метафорическим моделям собранный корпус оказался не вполне репрезентативным (обсуждение проблемы репрезентативности корпуса, возникающей для низкочастотных феноменов, см. в главе 9).

Коррупция существенно чаще осмысливается как часть культуры в первом Экспертном корпусе, чем во втором. Причины, как и в предшествующих случаях, лежат в различии выборки интервьюируемых. Хотя во втором корпусе эта метафора и представлена, но всего четырьмя контекстами. Эта метафора переводит коррупционные отношения в сферу неизбежного и затрудняет оптимизацию коррупционных воздействий, а иногда и просто препятствует ей. Судя по всему, такое осмысление для практически работающих предпринимателей непродуктивно.

Метафорическая модель цвета представлена только во втором Экспертном корпусе, причем реализуется она только метафорой черного цвета. Характеристика чего-то как черного относится не к коррупции как таковой, а к отдельным компонентам — составляющим коррупции: деньгам (*черные деньги*), коррупционной деятельности таможи (*черная таможня*), коррупционной части бизнеса (*черный бизнес*). Профилируемая идея — закрытость, неявность коррупции. Не исключено, что присутствие этой М-модели во втором экспертном корпусе

---

<sup>40</sup> В контекстах употребления метафоры крыши типа *Вот ментовская «крыша»* — самая надежная одновременно представлены две метафоры — фоновая М-модель строения и фигурная — М-модель преступного мира.

связано с тем, что реальный бизнес требует детализации этапов, компонентов коррупционной деятельности.

Метафора вещества используется и в первом, и во втором Экспертном корпусе, причем с близкой частотой. В обоих случаях коммуникативно высвечивается идея облегчения, оптимизация функционирования чего-л. В рассматриваемых случаях речь идет, конечно, об оптимизации бизнеса в современных российских условиях. Не обнаруживает специфических особенностей в исследованных корпусах и использование М-модели еда-пицца: частоты ее употребления в корпусах довольно близки, хотя в первом Экспертном корпусе она используется несколько реже. В большинстве случаев профилируется идея ресурса.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что во втором Экспертном корпусе появляется отчетливая тенденция к осмыслению коррупции как сущности, доступной рациональному воздействию. При этом остается и то понимание коррупции, согласно которому она осмысливается как естественный феномен, присущий российскому обществу. Конstellляция органистических метафор во втором Экспертном корпусе довольно частотна. Важное отличие от первого Экспертного корпуса — существенно более широкое употребление метафоры ограничителя и появление конstellляции метафор конфликта, профилирующих семантику конфликтного взаимодействия, противоборства, противостояния.

Выявленные общие тенденции должны проявляться и на уровне конstellляций метафорических моделей обоих корпусов.

### **6.7. Конstellляции метафор первого и второго Экспертных корпусов в сопоставлении**

Как уже отмечалось выше, в российском политическом дискурсе представлено четыре основных конstellляций метафор: конstellляция метафор рационального (строительство, механизм, транспорт, объект-предмет), конstellляция метафор конфликта (война, игра, спорт), конstellляция органистических метафор (организм, растение-дерево, медицина) и конstellляция метафор нереального (религия-мифология, театр, сверхъестественное существо). В первом Экспертном корпусе конstellляция метафор рационального реализуется в М-моделях системы (67), сети (45), механизма (21), строения (17), схемы (10), игры (6). Очевидно, что не все случаи использования метафоры системы и метафоры сети относятся к данной конstellляции. Анализ показыва-

ет, что в первом Экспертном корпусе метафора системы профилирует следующие смыслы:

- сложное целое — 33<sup>41</sup>,
- упорядоченность — 17,
- большое количество — 11,
- ограничение — 11,
- взаимозависимость — 8,
- закрытость целого — 4,
- всепроникновение — 3,
- устойчивость целого — 4.

К конstellации метафор рационального можно отнести случаи профилирования семантики сложного целого (33), упорядоченности (17), большого количества (11), устойчивости целого (4), то есть 65 случаев профилирования смыслов. Поскольку статистические оценки делаются в количестве контекстов использования метафор, а контекстов употребления метафоры меньше, чем профилируемых ею в этих же контекстах смыслов, то естественно, вместо количества случаев профилирования, говорить о процентах от всего количества профилированных смыслов, то есть 65 от 91 случая профилирования смыслов. Тем самым получается порядка 70 % профилирования смыслов конstellации метафор рационального. Следовательно, 70 % контекстов М-модели системы, или около 47 примеров, можно отнести к случаям реализации конstellации метафор рационального.

Аналогично М-модель сети, будучи почти такой же абстрактной категорией, как и метафора системы, не вся попадает в конstellацию метафор рационального. Анализ показывает, что она в исследуемом корпусе коммуникативно высвечивает следующие смыслы:

- сложное целое — 18,
- взаимозависимость — 18,
- упорядоченность — 5,
- ограничение — 4,
- большое количество — 3,
- всепроникновение — 2,
- закрытость целого — 1,
- устойчивость целого — 1.

К смыслам сферы рационального можно отнести, соответственно, сложное целое (18), упорядоченность (5), большое количество

---

<sup>41</sup> Общая сумма профилируемых смыслов превышает количество контекстов, поскольку в одном контексте может коммуникативно высвечиваться несколько смыслов.

(3), устойчивость целого (1), то есть 27 случаев профилирования, что составляет порядка 52 % от 52 случаев профилирования смыслов. Тем самым к контекстам профилирования семантики рационального данной М-модели можно отнести 23 примера из 45.

Следовательно, общее количество употреблений метафор констелляции рационального: 47 (СИСТЕМА) + 23 (СЕТЬ), 21 (МЕХАНИЗМ), 17 (СТРОЕНИЕ), 10 (СХЕМА), 6 (ИГРА) = 114.

По аналогии с анализом второго Экспертного корпуса можно выделить объединенную констелляцию ограничителя, в которую входят, соответственно, собственно М-модель ограничителя (14), контексты профилирования идеи ограничения М-моделью системы (11) и М-моделью сети (4), всего — 29 употреблений.

Констелляция органистических метафор реализуется в рассматриваемом случае в метафорах жидкости (43), болезни (30), растения-дерева (26), организма (16), культуры / традиции (13), природы (9), вещества (8). К констелляции органистических метафор относится также 40 примеров употребления метафор системы и сети, в которых профилируется семантика всепроникновения, большого количества и взаимосвязанности. В целом абсолютная частота употребления метафор констелляции органистических метафор достигает 185.

Констелляция метафор конфликта в первом Экспертном корпусе отсутствует. Исключением можно было бы считать метафору крыши М-модели преступный мир, однако в имеющихся контекстах коммуникативное выделение идеи конфликта если и имеется, то только в одном случае: *Вот ментовская «крыша», — самая надежная, да. Бандитская она, все-таки, плохая. А ментовская — она лучше. «Ну, у тебя могут возникнуть какие-то проблемы: налоговая инспекция, с соседними бандитами, ГАИ там, не знаю там. Или завтра там какой-нибудь суд тебя обидит. Ну, мы тебе все вопросы порешаем, если они возникнут».* В остальных контекстах конфликт не профилируется, ср.: *Самое удобное «крышевать» — это в казино. Я не знаю ставок, которые они там снимают. Какие деньги? Потом разбирают.* Иными словами, по количественному критерию (частота 5 и выше) этот контекст не попадает в группу рассматриваемых М-моделей.

Констелляция метафор нереального в экспертном Корпусе 2 отсутствует.

Сравним рис. 5 и рис. 6, в которых даются относительные частоты употребления констелляций метафор первого и второго Экспертных корпусов.





Рис. 5. Относительная частота конstellаций метафор в Экспертном корпусе 2



Рис. 6. Относительная частота конstellаций метафор в Экспертном корпусе 1

Сравнение конstellаций метафор, обнаруженных в исследованных корпусах, подтверждает высказанные ранее предположения о различии метафорических интерпретаций феномена коррупции экспертами высокого уровня — политиками и чиновниками федерального уровня, с одной стороны, и представителями бизнес-сообщества (мелкого и среднего бизнеса). Их «языковое бессознательное» различно в своем восприятии коррупционных ситуаций. Это, разумеется, отражает опыт их практической деятельности.

Высокая частота употребления органистических метафор политиками и чиновниками федерального уровня говорит о том, что при явно выражаемом неприятии этого социального зла, открытых призывов к борьбе с ним (такова внешняя, пропозициональная форма текстов интервью), коррупция в сфере языкового бессознательного

предстает как органичная часть менталитета российского общества. Метафоры констелляции рационального существенно отстают от органистических метафор — 0,42 против 0,26. Разумеется, это не случайно, превалирующая тенденция очевидна и рациональное подавляется культурными мифологемами и историей российского общества. Низкая частота объединенной констелляции ограничителя и отсутствие констелляции метафор конфликта, весьма частотной для российского политического дискурса (по разным данным — второе-третье места по употребительности), прямо говорит о том, что на уровне языкового бессознательного когнитивного конфликта с феноменом коррупции у этой группы испытуемых нет.

Причины такого парадоксального вывода многообразны. Одна из них — культура русской общины, ориентированной на равенство, на ценности правды и справедливости. «Правда» как концепт с очевидностью противопоставлена представлению об «истине» так же, как жизнь противопоставлена сфере идеального. Действительно, по-русски можно сказать *правда жизни* и «неуклюжим» и странным выглядит словосочетание *истина жизни*. Истина — это идеал, истина одна, а правд может быть много, у каждого, как известно, своя правда. Истина достижима в научном исследовании, а правда — нет. Справедливость понимается в российском обществе как распределение ресурса, а не как соответствие закону<sup>42</sup>. Действительно, если концепты «справедливости» и «правды» никак не связываются с законом, то коррупционные действия, преследующие достижение некоторой практической цели, вполне могут соответствовать и правде, и справедливости. Конечно, это только *одна из правд* о коррупции — автоматное употребление слова *правда* в этом тезисе вполне уместно.

Именно в этом культурное основание скрытой толерантности к явным и неявным нарушениям закона в коррупционной деятельности. Эта снисходительность проявляется в поведении практически каждого жителя России — от взаимодействия с пьяным слесарем, до широко распространенной технологии «отката» чиновникам по результатам разнообразных аукционов. Отметим, что отсутствие серьезного когнитивного конфликта, проявляющегося на уровне метафор, касается не только речевой практики данной группы интервьюируемых, но и письменной речи СМИ. Аналогичные выводы можно сделать о структуре метафор фонового корпуса, отражающего дискурс совре-

---

<sup>42</sup> См. по этому поводу [Баранов 1991б; Baranov 1998].

менных российских газет и журналов (см. выше главу 5), а следовательно, и когнитивные установки значительной части интеллигенции (как бы это слово ни понимать).

В существенно иной ситуации живут и действуют участники второй серии интервью. Выживание мелкого и среднего бизнеса требует конкретных практических схем, алгоритмов взаимодействия с властью, экономическими субъектами в коррупционных ситуациях. На уровне «языкового бессознательного» это проявляется в существенном преобладании конstellляции метафор рационального. Использование метафор такого типа позволяет осмыслять коррупцию как часть целенаправленного поведения, как компонент процесса принятия решений. Без «рационализации» своего поведения в сфере коррупции даже относительно нормальное ведение бизнеса не представляется возможным. Необходимость требует от предпринимателей разработки схемы, алгоритма поведения в коррупционных отношениях, ср. характерный пример: *А так, ну, конечно, бывает кому-то машину покупают, просто оформляют на того человека. Кому-то дом строят, кому-то куда-то стройматериалы завозят. Совершенно все схемы разные. Кого-то соучредителем в компанию берет. Есть просто деньгами... в такую-то фирму платят деньгами.*

В то же время коррупция осмыляется как существенная проблема — отсюда частое употребление метафор объединенной конstellляции ограничителя. Интересно, что осмысление коррупции в метафоре ограничителя приводит к тому, что в проблемной ситуации человек очень часто играет пассивную роль, ср.: *пресс чиновников, пресс [коррупции] давит; коррупция давит сверху.* Пассивность, разумеется, существенно ограничивает активное поведение. Метафоры конstellляции ограничителя в первом Экспертном корпусе используются существенно реже. Это также говорит об относительно низкой конфликтности этого феномена в «языковом бессознательном» интервьюируемых первой серии интервью — политиков и чиновников федерального уровня.

Третье место, занимаемое органистическими метафорами (после конstellляции метафор рационального и объединенной конstellляции ограничителя), может показаться неожиданным. Между тем это вполне понятно, если знать результаты анализа метафорики первого Экспертного корпуса и фонового корпуса: разрозненные части общей картины превращаются в единое целое. Относительно частое употребление органистических метафор — это когнитивное давление

социума, в котором предприниматели воспитаны и живут и в котором коррупция воспринимается как естественная часть ментальности. Ментальность, разумеется, основывается на богатой истории и поддерживается ею<sup>43</sup>.

Наконец, следы когнитивного конфликта, связанного с феноменом коррупции, видны в девяти метафорах констелляции конфликта. В трех из этих метафор человек осмысливается как пассивная сторона конфликтного взаимодействия (метафора крыши). Заметим, что в первом Экспертном корпусе метафоры конфликта отсутствовали вообще.

Констелляция метафор нереальной существенной роли ни в дискурсе первого, ни в дискурсе второго Экспертного корпуса не играет.

### 6.8. Заключение

Взгляд на коррупцию через призму метафор, конечно, не доказательство в математическом смысле (как и многое в гуманитарных, «не-естественных» науках). Скорее, это эвристика или комплекс эвристик (в смысле Шрейдера [Шрейдер 1976]), фиксированных в «языковом бессознательном» и проявляющихся на уровне языкового поведения. Если гипотеза о влиянии метафор на сознание верна, то «лингвистическая инженерия» в определенной степени может повлиять на ситуацию в положительную сторону и поддержать борьбу с коррупцией: введение в дискурс публичной политики метафор конфликта, метафор рационального, подуманное противодействие органистическому языковому осмыслению коррупции может дать позитивный результат. Разумеется, это возможно только в комбинации с эффективными антикоррупционными мероприятиями на экстралингвистическом уровне — просто словами ничего не решить.

Изменение дискурсивных практик, то есть типичных для данного языкового сообщества способов обсуждения и, следовательно, осмысления феномена, может привести к изменению комплекса установок<sup>44</sup>

---

<sup>43</sup> К сожалению, жанр и задачи данной книги не позволяют подробно обсуждать историческую составляющую российской коррупции. Но трудно удержаться от упоминания, хотя бы и в сноске, известной истории с разворовыванием средств на строительство Храма Христа Спасителя на Воробьевых горах в Москве, по поводу чего Н. И. Карамзин высказался исчерпывающим образом: «Что нового в России? Воруют». Постулат классика непоколебим.

<sup>44</sup> О категории установки см. [Узнадзе 2001].

по отношению к коррупции и, следовательно, облегчить антикоррупционную политику.

Выявленные структуры метафор отражают два различных способа языковой категоризации коррупции, однако по сути они составляют части единого понимания, в котором органистическое осмысление коррупции оказывается основой, фоном и общей характеристикой всего общества, а отдельные социальные страты в состоянии «нарисовать» на этом фоне свою фигуру.

## Глава 7. ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ КАК ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ КРИЗИСНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

### 7.1. Политическая лингвистика и политические метафоры

Необходимость изучения политического языка и политического дискурса объясняется, по крайней мере, тремя причинами. Во-первых, внутренними потребностями лингвистической теории, которая с завидным постоянством в разные периоды истории лингвистики обращалась к реальным сферам функционирования языковой системы. «Примат речи» часто становился главным лозунгом реформаторов учения о языке. Во-вторых, чисто политологическими проблемами изучения политического мышления; необходимостью построения предсказывающих моделей в политологии, а также разработки методов анализа политических текстов и текстов средств массовой информации для мониторинга состояния общественного сознания. И, наконец, социальным заказом — часто малорезультативными попытками мыслящей части общества освободить политическую коммуникацию от манипуляций политиканов, обманывающих народ. Последний фактор одновременно стимулировал становление теории воздействия (см. подробнее [Баранов, Паршин 1986]).

Для российской лингвистики обращение к политическому дискурсу оказалось важным по чисто внутренним причинам. Долгое время исследования такого рода на материале русского языка были почти невозможны, а те, которые поддерживались на официальном уровне, не содержали никакой научной составляющей из-за очевидной политической ангажированности. Последнее привело к тому, что в академических кругах подобные работы рассматривались как проявление дурного тона. Такое отношение в значительной степени сохранилось и в перестроечный и постперестроечный период. Лишь сейчас наблюдаются некоторые положительные изменения, связанные прежде всего с тем, что мониторинг общественного сознания и политической ситуации — в том числе и с использованием лингвистических методов анализа политического языка — весьма важен для политологии и для проведения практически любых серьезных пиаровских

акций. Надо заметить, что российская лингвистика оказалась не готова предоставить серьезную научную теорию, на основе которой можно было бы разрабатывать практические методики лингвистического мониторинга политического дискурса. Тем не менее некоторые исследования были проведены. Так, для выявления отношения общественного сознания к понятиям «национальная идея», «идеология» была использована модифицированная техника контент-анализа [Баранов и др. 1997а; 1997б]. Проведенный анализ показал некоторые важнейшие тенденции изменения состояния общественного сознания со времен перестройки к 1996 г. Во-первых, по результатам исследования видно, что общество озабочено отсутствием ценностной составляющей в деятельности как отдельного человека, так и всего социума. Если в период перестройки происходило явное отрицание имевшихся ценностей, то в постперестроечный период общество стало более терпимо относиться к сфере идеологического в самом широком понимании. Во-вторых, понятие «национальной идеи» в общественном сознании в 1996 г. было менее конфликтно, чем другие идеологически связанные концепты, в том числе и понятие «идеологии»<sup>45</sup>. Это показал, в частности, анализ метафорических моделей, используемых по отношению к концептам «идеологии» и «национальной идеи».

Политические метафоры оказались очень удобным объектом штудий в области политической лингвистики из-за своего уникального статуса — близости к сфере мышления и сознания. В ряде работ было показано, что характер использования политиком (шире — любым политическим субъектом) тех или иных метафорических моделей указывает на способ политического мышления и в определенной степени может использоваться в прогнозировании процессов принятия решений [Баранов, Казакевич 1991]. Кроме того, высказывались гипотезы о связи метафор с кризисным состоянием сознания, с проблемной ситуацией и с поиском решений проблемы. На это прямо указывает когнитивная теория метафоры, согласно которой, метафорическое осмысление действительности позволяет сформировать множество альтернатив разрешения проблемной ситуации. Приведем в связи с этим уже разбиравшийся пример. В начале перестройки в публицистике и речах политиков различного калибра широко использовался такой прием построения статьи или выступления, который позволял сравнивать начавшиеся преобразования в СССР с движением кора-

<sup>45</sup> Последнее подтверждается также пилотными экспериментами начала 1999 г.

бля по морю, с полетом самолета в воздухе (типа *Самолет взлетел, но не знает, куда сесть / где посадочная площадка*), с перестройкой строения (дома, сарая — *Дядя Миша перестраивал сарай* и пр.) и т. п. Понятно, что при интерпретации процесса перестройки как движения транспортного средства в сферу внимания попадают такие следствия из метафоры, как выбор курса/направления движения, скорость передвижения, состав команды корабля, летный состав и пассажиры самолета. При этом выводится из рассмотрения возможность изменения самого транспортного средства, его модификации. Следствия последнего типа, наоборот, характерны для метафоры перестройки как строения. Иными словами, выбор метафорической модели навязывает, формирует набор альтернатив разрешения проблемной ситуации.

Во вводной статье к «Словарю русских политических метафор» отмечается, что в период перестройки метафоричность политического дискурса существенно возросла и снизилась в постперестроечный период, однако никаких количественных данных не приводится [Баранов, Караулов 1994]. Между тем высказанная гипотеза, вполне правдоподобная с точки зрения когнитивной теории метафоры, требует практической проверки. Именно это и является задачей настоящей главы.

## 7.2. Метафоры в политическом дискурсе: эксперимент Х. де Ландсхер

Первый известный эксперимент, связанный с изучением частоты использования политических метафор, проводился Х. де Ландсхер на материале голландского политического дискурса за период с 1831 по 1981 гг. [Christ'l de Landtsheer 1991]. Весь стопятидесятилетний отрезок времени был разделен на три части: 1831—1914; 1919—1939 и 1965—1981. Цель исследования заключалась в установлении возможных корреляций между частотой использования в политическом дискурсе политических метафор и периодами политико-экономических кризисов. В качестве корпуса данных были выбраны отрывки из фламандской прессы (парламентские репортажи, колонки политических комментаторов, редакционные статьи) общим объемом 439 582 словоупотреблений. Выбор границ отрывков был чисто формальным, но варьировался. Так, для периода 1919—1939 гг. брались сто последних слов политических комментариев к парламентским выборам, а для периода 1850—1914 — первые сто слов редакционных статей.



Поскольку степень метафоричности для разных метафор может различаться, для общей оценки силы воздействия метафоры была введена переменная референциальной интенсивности  $I$ , которая вычислялась по следующей формуле:

$$I = 1w + 2n + 3s / t,$$

где  $w$  — количество «слабых» метафор, слабых в том смысле, что они реализуют стандартные метафорические переносы значения; переменная  $n$  — обычные конвенциональные метафоры, не фиксированные как словарные значения, и, наконец,  $s$  — абсолютно новые, креативные метафоры;  $t$  — общее количество метафор. Тем самым коэффициенты 1, 2, 3 позволяют учесть «силу» воздействия метафор различных типов.

Сила воздействия метафоры связана не только с новизной или общепринятостью, но и с типом самой метафорической модели. Понятно, что метафорические модели войны, смерти, болезни более конфликтны, чем метафорические модели строения, пути. Для отражения конфликтности была введена еще одна переменная — переменная содержания  $D$ , которая вычислялась по следующей формуле:

$$D = 1p + 2n + 3po + 4d + 5sp + 6m / t,$$

где  $p$  — стертые метафоры (popular metaphors);  $n$  — метафоры природы;  $po$  — политические и интеллектуальные метафоры;  $d$  — метафоры смерти и бедствий;  $sp$  — игровые и спортивные метафоры;  $m$  — метафоры болезни;  $t$  — общее количество метафор.

Результаты кодирования и вычисленные переменные интенсивности и содержания были сопоставлены с имеющимися в статистических справочниках данными по безработице и динамике оптовых цен. Оказалось, что динамика значений переменных  $I$  и  $D$  коррелирует с динамикой безработицы — чем выше безработица, тем выше значение переменной интенсивности и переменной содержания. Интересно, что оценка частоты использования метафор в меньшей степени отражает степень корреляции, чем переменные  $I$  и  $D$ . Также в меньшей степени удастся выявить корреляцию между степенью метафоричности политического дискурса (в переменных  $I$  и  $D$ ) и динамикой оптовых цен. По-видимому, это менее очевидный показатель кризисной ситуации.

Эксперимент Х. де Ландсхер, будучи важным шагом в нужном направлении, к сожалению, оставил целый ряд вопросов. В частности, явно недостаточна выборка данных, не достигающая и полумиллиона словоупотреблений; не всегда обоснован отбор материала; не вполне ясно распределение типов метафорических моделей по степени конфликтности. Почему, например, метафора СМЕРТИ менее конфликтна, чем метафора БОЛЕЗНИ. С другой стороны, специально не выделена, например, военная метафора, играющая важную роль в российском политическом дискурсе. Кроме того, интересно было бы исследовать метафорические характеристики политического дискурса на ограниченном временном промежутке — в интервале непосредственно до кризиса и после него. Тем самым проведение близкого по целям эксперимента на материале русского политического дискурса вполне обоснованно и даже необходимо.

### **7.3. Политические метафоры как показатели кризиса 17 августа 1998 г.**

Кризис 17 августа 1998 года оказал крайне отрицательное влияние как на политическую и экономическую ситуацию в России, так и на общественное сознание. Естественно предположить, что если метафоры являются показателями кризисности состояния общественного сознания, то следы этого должны прослеживаться в пиках частоты употребления метафор в текстах средств массовой информации. Для проверки этой гипотезы был проведен лингво-статистический эксперимент.

#### **7.3.1. Отбор материала**

В качестве источника данных для эксперимента была привлечена российская пресса за период с июня по сентябрь 1998 г. Спектр привлекаемых изданий был довольно широк — от крайне левых до либеральных: «Правда» (издание левой ориентации), «Завтра» (крайне левый еженедельник националистического толка), «Известия» (в то время — центристское издание), «Сегодня», еженедельники «Итоги», «Эксперт» и «Коммерсант-Власть» (издания бизнес-сообщества). Отбор материала был ограничен аналитическими статьями, а также крупными и средними статьями обзорного характера. Привлекались также интервью с известными российскими политическими деятелями. Колонки и заметки с хроникой и новостями по понятным

причинам не рассматривались. Чисто информационные материалы для данного эксперимента имеют характер фона и фактически не меняют общей картины, равномерно изменяя лишь порядок частоты для всех значений. Все анализируемые статьи относились исключительно к внутренней политике. Общий объем выборки составил порядка 750 000 словоупотреблений. При этом, в отличие от анализа Х. де Ландсхер, производилась не случайная выборка, а сплошной просмотр всех текстов выбранных статей.

В эксперименте подсчитывалась относительная частота употребления метафор и параметр креативности ( $C$ ), определявшейся по несколько иной формуле, чем параметр референциальной интенсивности у К. де Ландсхер. Расчет параметра креативности проводился по следующей формуле:

$$C = 1w + 1,5n + 3s/t,$$

где  $w$  — количество стертых метафор, которые реализуют стандартные метафорические переносы значения;  $n$  — обычные конвенциональные метафоры, не фиксированные как словарные значения;  $s$  — новые, креативные метафоры;  $t$  — общее количество метафор. Относительная частота метафоры в тексте определялась как общее количество метафор в статье, деленное на количество слов во всей статье, то есть  $F = t/Q$ , где  $t$  — общее количество метафор в статье,  $Q$  — общее количество слов в статье.

Оба показателя сначала подсчитывались для каждой статьи, а потом считалось среднее арифметическое за каждую неделю, то есть для каждого номера еженедельных изданий и общий недельный показатель для газет. Подсчет соответствующих показателей для каждого номера газет не имеет смысла, так как аналитические материалы распределены в них крайне неравномерно.

### 7.3.2. Характеристика креативности: принципы приписывания весов

При вычислении параметра креативности весьма важной оказывается технология, в соответствии с которой приписываются веса типам метафор. Стертым метафорам при подсчете приписывался коэффициент 1, обычные конвенциональные метафоры (получавшие у Ландсхер коэффициент 2) в данном эксперименте получали коэффициент 1,5, абсолютно новые, креативные метафоры — 3. Стертые метафоры, как правило, фиксируются в толковых словарях как переносные значения.

Например, лексема *механизм*, кроме прямого значения, имеет также переносное значение, фиксируемое в словаре: «Система, устройство, определяющие порядок какого-н. вида деятельности» [Ожегов, Шведова 1984]. Тем самым в словосочетаниях типа *государственный механизм, механизм рынка, механизм законодательной власти* реализуется именно стертая метафора. Принято считать, что стертые метафоры принадлежат лексико-семантической системе языка, а новые, креативные метафоры относятся к речи, речемыслительной деятельности. Между стертыми и креативными метафорами находятся конвенциональные метафоры. К ним относятся, с одной стороны, выражения, фиксированные по каким-либо причинам в культурной традиции общества — индивидуальные конвенциональные метафоры. Таковыми можно считать, например, такие метафоры, как *отец нации* (первоначально относилось к Сталину, в современном политическом языке употребляется по отношению к разным политикам), *инженеры человеческих душ* (Горький о писателях), *прорабы перестройки* и т. п. Индивидуальные конвенциональные метафоры ощущаются именно как метафоры, а не как значения слов. В силу этого они, в отличие от стертых метафор, получали коэффициент 1,5. С другой стороны, к конвенциональным относятся также те случаи использования частотных метафорических моделей — войны, медицины, театра, строения, механизма, транспортного средства, игры, организма, пространства, болезни, спорта, пути/дороги, растения, реки, погоды, — которые не фиксируются словарями как переносные значения соответствующих лексем. Так, в приводимом ниже примере использована широко распространенная в российском политическом дискурсе метафорическая модель войны, однако поскольку у слова *окоп* отсутствует переносное значение, соответствующее нечто вроде «политической позиции», то этот контекст будет отнесен к конвенциональным метафорам, а не к стертым:

В удивительно откровенном и, я бы сказал, очень личном интервью, которое Президент только что дал новой журналистской газете «Голос», Михаил Сергеевич отметил, что «по всем главным направлениям перестройки мы по сути заняли *последний окоп*». (Гутионов П.)

Несколько сложнее обстоит дело с метафорой персонификации. Будучи самой частотной в российском политическом дискурсе [Баранов, Караулов 1994], она допускает регулярные преобразования типа *Москва отказалась принимать аргументы противоположной стороны; На последних выборах Яблоко смогло провести более сотни депу-*

*татов по одномандатным округам*, которые, конечно, не фиксируются как отдельные значения глаголов *отказаться*, *смочь*. Тем не менее из-за регулярности метафоры такого типа квалифицировались как стертые.

Абсолютно новые **креативные** метафоры, которым присваивался коэффициент 3, встречаются сравнительно редко. В рассматривавшемся корпусе примеров к ним можно отнести сравнение Кириенко с «Киндер-сюрпризом» или, например, следующие контексты:

Вот уже на протяжении десятилетий гуляют в слабо- и среднеразвитых странах *страшилки*, именуемые Международный валютный фонд и Всемирный банк. («Итоги», 30 июня 1998);

Покोलотившись в марте об эти три стенки, президент нащупал узенькую щель, а в глубине ее внезапно обнаружил *железного мальчика в золотых очках* [Кириенко], за которым давно и прочно утвердилось прозвище *Самурай*. («Итоги», 1 сентября 1998);

Как будто он [Черномырдин] не знает, что такое правительство — это *какой-то жареный клей, который одновременно и липкий, и с хрустящей корочкой* («Итоги», 1 сентября 1998)

Креативные метафоры могут создаваться не только при использовании нетривиальных метафорических моделей, но и при актуализации компонентов прецедентных текстов. Под «прецедентным текстом» обычно понимается текст, фиксированный в сознании носителей языка данной языковой общности, представляющий факт культуры в широком понимании и актуализирующий некоторую ситуацию. К прецедентным текстам относятся хорошо известные фрагменты художественной литературы, популярные песни, лозунги, реклама, анекдоты, загадки и т. д. При метафоризации с использованием прецедентного текста последний в какой-то мере берет на себя функции метафорической модели («источника»). Ср. примеры такого рода:

Парламентарии даже не стали иронизировать по поводу того, что *Сергей Владиленич оказался в роли прапорщика, который, объявив солдату, что крокодилы не летают, вдруг узнает, что командир придерживается прямо противоположного мнения, и срочно поправляется: «Летают, но низенько, низенько»*. (В прошлый понедельник Борис Ельцин перед телекамерой твердо заявил: «У нас кризиса нет, поэтому и программу я не называю антикризисной, скорее стабилизационной».) («Итоги», 6 июля 1998);

Несколько минут спустя он (Черномырдин) уже устраивал в своем — своем! — кабинете *сцену из сказки «Маша и медведь»*. Тут, на столе, *пресс-папье серебряное было — куда девалось? А кто тут ел из моей большой миски? Кто сидел на моем большом стуле и сдвинул его с места?* <...> Закулисная история второго восшествия Виктора Степановича на правительственный престол, наверное, не стояла бы столь подробного пересказа. Если бы не создавала сама по себе столь твердо убеждения, что две ситуации — та, в которой премьер-министр Черномырдин пребывал накануне своей отставки нынешней весной, и та, в которой *он получил теперь свой большой стул, свою огромную миску и свое циклопическое пресс-папье обратно*, — на самом деле различаются радикально. («Итоги», 1 сентября 1998)

Коэффициенты 1,5 и 3 присваивались не только собственно конвенциональным и креативным метафорам (соответственно), но и контекстам, в которых происходило оживление стертой или конвенциональной метафоры. Когнитивный механизм «оживления» метафоры заключается в актуализации когнитивной модели, стоящей за метафорой (см. выше главу 3). Актуализация стертой или конвенциональной метафоры достигается за счет эксплицитного указания в тексте следствий из метафоры. Под метафорическими следствиями или следствиями из высказывания с метафорой *M* обычно понимаются высказывания, содержащие метафоры той же метафорической модели, что и *M*, но вводящие ее другие, ранее не упоминавшиеся компоненты (таксоны).

Для описания способов актуализации метафоры удобно использовать следующую схему: 1) (вход) стертая или конвенциональная метафора; 2) операция преобразования стертой метафоры; 3) выход — «ожившая» метафора. Существует несколько основных типов операций над стертыми и конвенциональными метафорами, которые приводят к их оживлению. Повторим их кратко с иллюстрациями из исследованного материала.

**(i) Введение следствия из метафоры с помощью указания дополнительного свойства объекта метафоризации в той же самой модели:**

$$M = O \rightarrow \text{дополнение} \rightarrow M = O = A,$$

где *M* — метафорическая модель, *O* — объект метафоризации, *A* — свойство объекта метафоризации *O* в модели *M*. Чем больше вводится новых свойств, тем больше «оживает» метафора — вплоть до форми-

рования подробного образа-картинки. Например, так может актуализоваться медицинская метафора (ср.: например, стертые метафоры *больная экономика* или *оздоровление финансовой системы*):

Фундаментальным условием *выздоровления России* является *нормальное самочувствие промышленника*. («Эксперт», 17 августа 1998);

И Гайдару, и Кириенко в наследство досталась *тяжелобольная экономика, требующая жесткого «хирургического вмешательства»*, а план «операции» приходилось вырабатывать в условиях чудовищного цейтнота. («Итоги», 1 сентября 1998)

В приведенном примере медицинская метафора вместо коэффициента 1, приписываемого стертым метафорам, приобретает коэффициент 1,5. Последний пример существенно более богат следствиями и, соответственно, метафора актуализована в существенно большей степени; в силу этого он получает коэффициент 3.

(ii) Замена имени модели в метафоре на синоним или квазисиноним — метафорическое варьирование (родовые или видовые корреляты):

$$M = O \rightarrow \text{ЗАМЕНА} \rightarrow M^* = O,$$

где  $M^*$  — синоним или квазисиноним  $M$ . Ср. стертая метафора *биржевая лихорадка* и ее «оживленный» вариант *биржевой тайфун*:

Впервые после майских биржевых потрясений правительство признало, что главная причина финансового кризиса не столько в *азитских биржевых тайфунах* и тем более не в злокозненности нерезидентов, решивших вывести деньги с российского рынка, а в кризисе доверия. («Итоги», 30 июня 1998)

(iii) Актуализация метафоры в идиоме:

$$\begin{aligned} \text{ИДИОМА (С МЕТАФОРой } M = O) &\rightarrow \text{ИЗВЛЕЧЕНИЕ СЛЕДСТВИЯ } C \\ \text{ИЗ МЕТАФОРЫ } M = O &\rightarrow \text{ИДИОМА} + C, \end{aligned}$$

где  $C$  — следствие из метафорической модели, лежащей в основе идиомы. Ср. актуализацию метафор, лежащих в основе идиом *козел отпущения*, *показывать зубы*:

Для того чтобы Кириенко смог прикрыть Ельцина, ему необходимо приобрести хотя бы минимальный политический вес. **Козлом отпущения не может быть кролик.** («Коммерсант-Власть», 9 июня 1998);

Никто, конечно же, не сможет в ближайшем будущем давить на это правительство, поскольку еще один бестолковый выпад — и давить будет не на кого. **Не надо показывать зубы, если они молочные.** («Итоги», 6 июля 1998)

(iv) Отсылка к прецедентному тексту:

$T, B \rightarrow$  введение  $T$  или его фрагмента в  $B \rightarrow B(T)$ ,

где  $T$  — прецедентный текст,  $B$  — высказывание, содержащее стертую метафору  $M = O$ .

В просмотренном материале этот тип актуализации не встретился.

(v) Введение в текст других метафорических моделей, связанных с данной на уровне следствий:

$M_1 = O_1 \rightarrow$  введение  $M_2 = O_2 \dots \rightarrow M_1 = O_1, M_2 = O_2 \dots$   
при эксплицитно или имплицитно представленном  $C$ ,

где  $M_1, M_2, \dots$  — метафорические модели,  $O_1, O_2, \dots$  — объекты метафоризации,  $C$  — общее следствие из моделей  $M_1, M_2, \dots$ . Данный способ актуализации основан на оживлении стертой метафоры другими метафорическими моделями, связанными с нею через одно или несколько следствий:

С одной стороны, характер приписываемых здесь экономических рецептов не сильно отличается от страны к стране, экономисты из Вашингтона склонны к **поиску философского камня, подпирающего дверь в универсальное «экономическое чудо».** («Итоги» от 30.06.1998)

В данном примере конвенциональная метафора философского камня актуализована метафорой экономического чуда как дома / строения через следствие открывать дверь.

Тем самым в процедуре приписывания коэффициентов (весов) 1, 1,5 и 3 для стертых, конвенциональных и, соответственно, новых, креативных метафор учитывались не только известность, употребительность самой метафоры и метафорической модели, но и контексты оживления метафор.



### 7.4. Результаты эксперимента

Рассмотрим последовательно выбранные газеты и еженедельники, а затем обратимся к общей картине функционирования метафорики в политическом дискурсе в указанный период времени<sup>46</sup>.

**Газета «Правда».** В июне 1998 г. газета «Правда» выходила крайне нерегулярно, относительная регулярность устанавливается только с июля. Числовые показатели для параметров креативности (С) и относительной частоты (F) в динамике приведены в табл. 1<sup>47</sup>.

Таблица 1

Значения параметров С и F в газете «Правда»

Дата	Параметр С	Параметр F
07–13.07.1998	1,4849	0,0585
14–20.07.1998	1,6282	0,0568
21–27.07.1998	1,5473	0,053
28.07–03.08.1998	1,6428	0,0545
04–10.08.1998	1,5585	0,057
11–17.08.1998	1,6702	0,0555
18–24.08.1998	1,7012	0,0587
25–31.08.1998	1,8886	0,0638
01–07.09.1998	1,9438	0,0741
08–14.09.1998	1,7383	0,0634
15–21.09.1998	1,966	0,0798
22–28.09.1998	1,7305	0,0713

<sup>46</sup> В данной главе использованы числовые данные, полученные в экспериментах студентов-дипломников Отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и кафедры Экспериментальной и прикладной лингвистики Московского государственного лингвистического университета, выполненных под руководством автора в 1999 г.

<sup>47</sup> Для исследования функционирования метафор в политическом дискурсе наибольший интерес представляют не абсолютные значения параметров, а динамика их возрастания или уменьшения. В силу этого в дальнейшем в основном тексте приводятся только графики, а таблицы со значениями вынесены в приложение к данной главе.

На рис. 1 изменения значений параметров выглядят следующим образом:

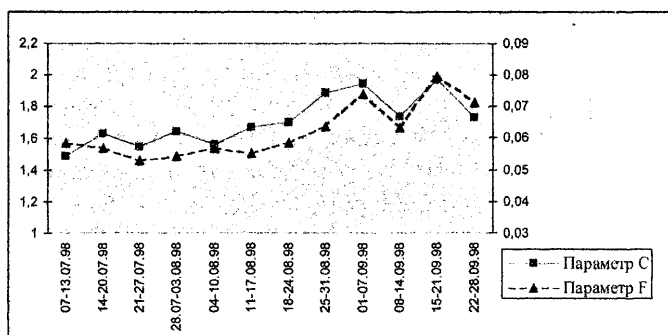


Рис. 1. Динамика параметров С и F в газете «Правда»

Поскольку значения выбранных параметров существенно различаются по размерности: они изменяются в совершенно разных числовых промежутках (креативность в пределах от 1,4849 до 1,966, а относительная частота в пределах от 0,053 до 0,0798), — то выбран способ графического представления с тремя осями (он используется и в дальнейшем). На левой оси помещаются значения параметра С, на правой — параметра F, а нижняя ось отведена временным значениям. Масштабы представления параметров С и F уравновешены, что позволяет легко производить сравнительный анализ их динамики, выводя за пределы обсуждения абсолютные величины их значений — для данного исследования это несущественно.

Легко видеть, что как креативность, так и относительная частота употребления метафор возрастают, начиная с 17 августа, достигают пика к 15—21 сентября, а затем начинается постепенное снижение обоих параметров. До периода кризиса значения параметров С и F изменяются в относительно небольших пределах. Не вполне ясны причины некоторого падения значений 8—14 сентября. В любом случае это не меняет общей картины: снижение в графике не достигает докризисного уровня.

**Газета «Завтра».** Газета «Завтра» фактически еженедельник. Анализ параметров С и F показывает, что они в данном случае ведут себя различным образом. На кризис 17 августа явно реагирует только параметр креативности. Напротив, относительная частота употребления метафор в этот период падает, возрастая лишь с конца августа. Это говорит о том, что параметр креативности более адекватно отражает

степень конфликтности политического дискурса. Некоторое повышение значений параметров С и F в конце июня связано с широким обсуждением в газете «Завтра» начавшейся в тот период процедуры импичмента (рис. 2).

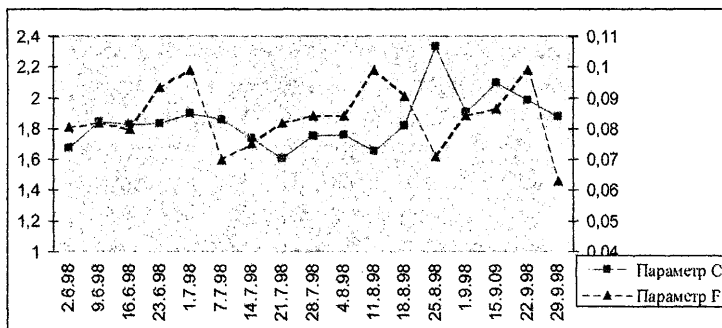


Рис. 2. Динамика параметров С и F в газете «Завтра»

**Журнал «Коммерсант-Власть».** В отличие от газеты «Завтра», еженедельник «Коммерсант-Власть» демонстрирует параллельное повышение значений параметров, начиная с 17—18 августа. Пик значений приходится на первую декаду сентября, что связано, во-первых, с естественным запаздыванием еженедельных изданий и, во-вторых, с начавшимся с начала сентября серьезным политическим кризисом (рис. 3).

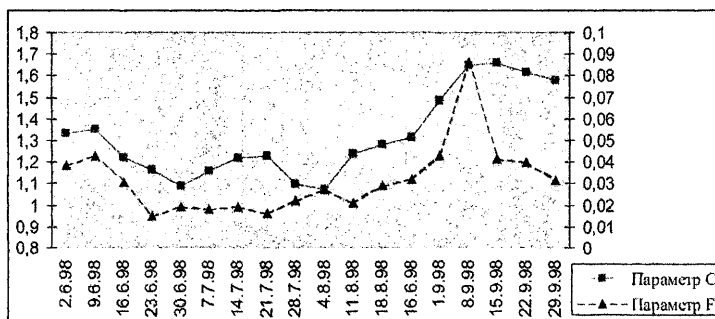


Рис. 3. Динамика параметров С и F в газете «Коммерсант-Власть»

**Журнал «Итоги».** Журнал «Итоги» реагирует на кризис с некоторой задержкой: повышение значений обоих параметров наблюдается только с 25 августа. По-видимому, это связано с тем, что портфель журнала был сформирован заранее и редакция не успела отреагиро-

вать на него достаточно оперативно. Три первых августовских номера журнала посвящены более общим темам, а в выпуск от 18 августа вообще историографичен, в нем обсуждаются, преимущественно, пражские события 1968 г. Некоторое колебание параметров (впрочем, в сравнительно небольших пределах) в начале июня объясняется первыми признаками августовского кризиса. Как известно, 27 мая произошла «обвальная» среда, после чего на короткое время — до середины августа — наступила относительная стабилизация. Интересно, что 9 июня (конкретное число здесь, разумеется, весьма условно) наблюдается некоторый провал значений параметра креативности и небольшой всплеск значений параметра F. Это явление противопоставленности значений параметров требует особого изучения и содержательной интерпретации. Ранее в газете «Завтра» был обнаружен в некотором смысле противоположный случай пика значения параметра С при падении значения параметра F. Пока можно с определенностью сказать лишь то, что возрастание параметра креативности при падении параметра относительной частоты может свидетельствовать о кризисной ситуации — увеличение числа креативных метафор в СМИ явно свидетельствует о попытках общества найти решение некоторой проблемы. Обратная ситуация, которую мы и наблюдаем в «Итогах», менее определена с точки зрения наличия кризиса. Ниже в конце раздела высказывается некоторая гипотеза о поведении параметра F, объясняющая наблюдаемый феномен (рис. 4).

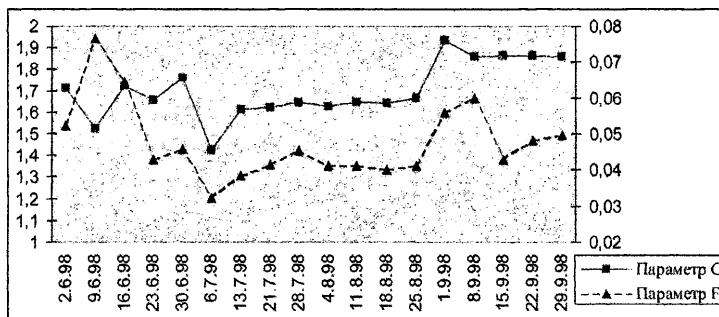


Рис. 4. Динамика параметров С и F в газете «Итоги»

**Журнал «Эксперт».** Возрастание параметра креативности и параметра относительной частоты в журнале «Эксперт» обнаруживается с начала июня. Затем в конце июня значения параметров стабилизируются, более того, параметр F снижается вплоть до начала кризиса.

Последовательный рост показателей в начале лета объясняется, как уже говорилось, первым витком кризиса в конце мая. Журнал в своих материалах широко обсуждает первые признаки надвигающейся экономической катастрофы. Далее наступает отпускной период; два номера журнала (7 июля и 3 августа) по этой причине не выходят вообще. Но кризисный пик в районе 17 августа обнаруживают оба показателя, причем если параметр С продолжает свой рост вплоть до 31 августа, то относительная частота употребления метафор в политическом дискурсе снижается приблизительно с 24 августа (рис. 5).

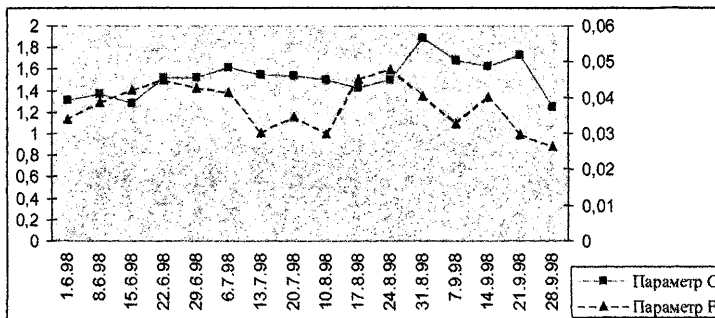


Рис. 5. Динамика параметров С и F в газете «Эксперт»

Перейдем к ежедневным газетам, которые при выбранном способе представления фактически не отличаются от еженедельников, поскольку минимальной единицей замера на графике является усредненный недельный показатель, то есть параметры С и F считались для каждой статьи, а затем вычислялось среднее арифметическое за всю неделю.

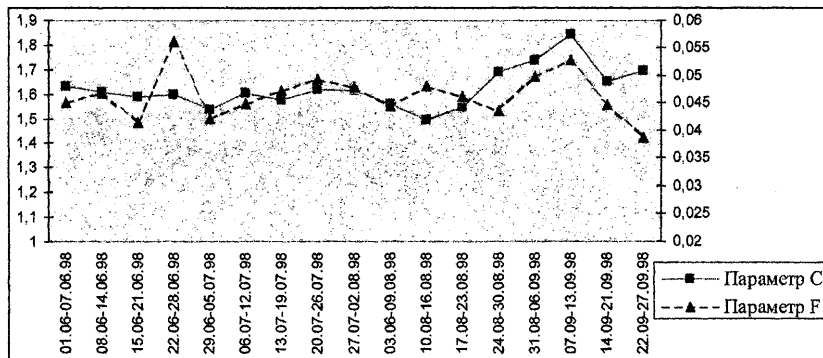


Рис. 6. Динамика параметров С и F в газете «Сегодня»

**Газета «Сегодня».** Периодичность издания — с понедельника по субботу. На графике четко прослеживается возрастание параметра С, начиная с кризисной недели 17 августа вплоть до середины сентября. Относительная частота употребления метафор возрастает с некоторым опозданием — с 24 августа — и начинает падать с середины сентября. Июньский пик параметров С и F, отмечаемый для многих изданий, в «Сегодня» прослеживается только для параметра F (рис. 6).

**Газета «Известия».** Периодичность издания со вторника по субботу. Параметр креативности показывает устойчивый рост значений с кризисной недели августа. Несколько по-иному ведет себя параметр F: он повышается в первой половине июня, затем падает и растет, начиная с кризиса 17 августа, однако во вторую неделю сентября он резко падает и затем снова возрастает. Июньский пик значений показывают многие издания, однако провал значений F в сентябре не вполне понятен (рис.7).

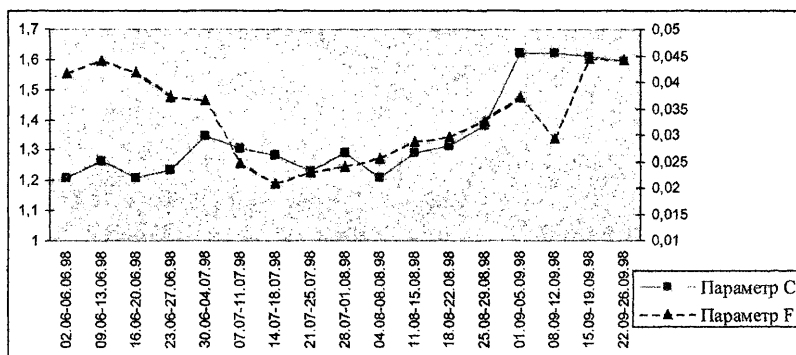


Рис. 7. Динамика параметров С и F в газете «Известия»

Для обобщения результатов статистического анализа прессы естественно рассмотреть усредненные значения параметров С и F. Для всех исследовавшихся источников это сделать невозможно, поскольку газета «Правда» выходила в летний период времени крайне нерегулярно. Из-за летних отпусков дважды не вышел еженедельник «Эксперт». Остальные пять изданий — «Известия», «Завтра», «Коммерсант-Власть», «Итоги», «Сегодня» — сопоставимы по срокам, что позволяет вычислить для них средние значения параметров С и F.

На общем рис. 8 прослеживаются интересные тенденции использования метафор в политическом дискурсе, которые по отдельным изда-

ниям не всегда видны. Первый очевидный вывод заключается в том, что параметр креативности существенно возрастает в момент кризиса 17 августа. Рост параметра креативности идет даже с некоторым опережением — уже в начале месяца (с точки замера 4—8 августа) кривая на графике постепенно идет вверх, а с точки замера 18—22 августа дает резкое возрастание до 8—12 сентября. Не исключено — это требует дополнительных подтверждений, — что рост значений параметра креативности всегда опережает наступление политико-экономического кризиса. Иными словами, общество в определенном смысле предчувствует кризис и готовится к его разрешению уже заранее. В этом случае активность использования метафор оказывается не только показателем кризиса, но и инструментом его прогнозирования, предсказания, хотя и предсказания краткосрочного.

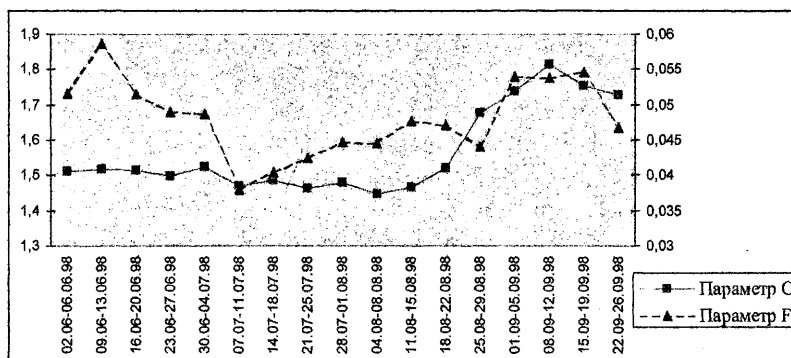


Рис. 8. Усредненные параметры С и F по пяти изданиям

В существенно меньшей степени параметр креативности реагировал на кризис конца мая, предшествовавший августовскому. Некоторое повышение значений в начале июня есть, но оно незначительно. Совершенно по-иному реагирует на августовский кризис параметр относительной частоты. Он существенно возрастает в начале июня и падает лишь к началу июля (точка замера 7—11 июля), начиная затем постепенный рост. Интересно, что на кризис 17 августа параметр F реагирует меньше, чем на майский кризис, который по своим масштабам несопоставим с августовским. Параметр F растет, начиная с 7—11 июля, а в собственно кризисную неделю августа значения параметра даже несколько уменьшаются. Более того, в конце августа наблюдается неожиданный провал значений параметра частоты, который, правда, сразу сменяется повышением значений до середи-

ны сентября. Отчасти это подтверждает результаты эксперимента К. де Ландсхер, которая отмечала, что пики относительной частоты употребления метафор не всегда коррелировали с пиками безработицы и усиления инфляции в Голландии.

Представляется, однако, что параметры частоты и креативности взаимосвязаны, хотя эта зависимость носит более сложный характер, чем простая корреляция по возрастанию-уменьшению значений. Можно считать установленным факт усиления относительной частоты использования метафор в начале июня, сразу после майского кризиса. Содержательно увеличение частоты использования метафор в политическом дискурсе при отсутствии явного возрастания параметра креативности следует интерпретировать как более активное, чем обычно, использование стертых и конвенциональных метафор, при том что количество собственно новых метафор не растет. Иными словами, кризис есть, но он незначителен; он ограничен по времени, по силе своего воздействия на общество, на общественное сознание. Возможно, что его можно разрешить обычными средствами, уже хорошо известными в данном социуме, отсюда и активность в использовании стертых и конвенциональных метафор. Если исходить из предположения, что рост относительной частоты использования метафор при отсутствии значительного повышения параметра креативности указывает на существование ограниченного кризиса, то становится понятным и рост параметра  $F$  в период с 7—11 июля по 11—15 августа: в этот временной промежуток происходит «созревание» кризисной ситуации, происходит «миникризис». В период значительного кризиса на первый план выходят новые, креативные метафоры, облегчающие поиск нестандартных решений проблемной ситуации. В этот момент вполне возможны падения значений параметра относительной частоты, поскольку здесь уже оказывается важным не столько количественный фактор, сколько качественный — нужны новые идеи. **Креативные метафоры и обеспечивают качественное изменение политического дискурса (и, соответственно, мышления) в период кризиса.**



### 7.5. Метафоры в дискурсе о свободе СМИ

Полученные результаты подтверждаются другим независимым экспериментом на материале российской и казахстанской (русскоязычной) прессы, проведенным с несколько иной задачей. Цель эксперимента заключалась в сравнительном исследовании дискурса о свободе печати в России и Казахстане. Для этого были сформированы две представительные выборки из текстов средств массовой информации. Казахстанский корпус, объемом около 80 тыс. словоупотреблений, охватывает статьи с февраля по ноябрь 1998 г. Он интересен тем, что в конце 1998 г. в Казахстане проводились президентские выборы, что сопровождалось нападками официальных государственных органов на независимую прессу. Корпус был составлен на основе текстов казахстанских СМИ, представленных на сервере «Караван» в Интернете.

Российский корпус (325 тыс. словоупотреблений) включает тексты о проблемах СМИ с июля по декабрь 1999 г. Ухудшение экономического положения в стране после августовского кризиса поставило под вопрос выживание многих независимых средств массовой информации, что вызвало в печати оживленную дискуссию. Для формирования российского корпуса привлекался еженедельный дайджест «Проблемы СМИ в Российской Федерации», выпускаемый информационным агентством «WPS» и представленный в интернете. Дайджест готовился на основе еженедельного мониторинга более чем пятисот органов центральной и региональной печати России и давал почти полное представление о российских публикациях, посвященных проблемам СМИ в Российской Федерации тех лет. Контент-анализ корпусов показал, что проблемы свободы СМИ более значимы для казахстанской прессы, чем для российской. В рамках данного обсуждения важен, однако, побочный результат, полученный в рамках этой работы. Анализ метафорики, связанной с проблемами СМИ, показал существенное возрастание частоты употребления метафор после августовского кризиса. В российском корпусе было выявлено 235 метафор, относящихся к проблемам СМИ. Их распределение по месяцам (в процентном отношении от общего количества) показывает существенный рост активности использования метафор в дискурсе о свободе печати в момент кризиса и в период, который непосредственно следует за ним (рис. 9):

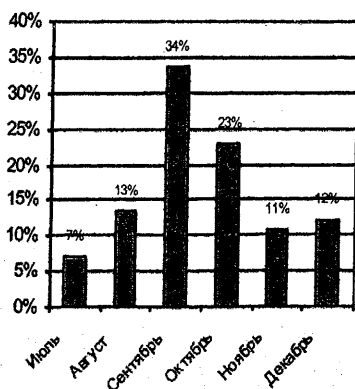


Рис. 9. Динамика частоты употребления метафор по месяцам 1999 г.

Частота появления метафор ощутимо возрастает в августе и достигает пика в сентябре. Этот временной лаг объясняется тем, что влияние кризиса на независимые СМИ достигло максимума позже и, соответственно, позже стало предметом обсуждения в прессе. Интересно, что даже в ноябре и декабре активность использования метафор в дискурсе по проблемам СМИ не возвращается к докризисным значениям июля.

### 7.6. Вместо заключения

Проведенное исследование с определенностью указывает на связь параметров креативности и относительной частоты употребления метафор в политическом дискурсе с общественно-политическим кризисом. Гипотезу, высказанную в рамках когнитивной теории метафоры, о том, что метафора является когнитивным феноменом, влияющим на процесс принятия решений — в частности на формирование множества альтернатив разрешения проблемной ситуации, можно считать подтвержденной.

Особо следует сказать о перспективах использования параметров С и F в лингвистическом мониторинге политического дискурса. Исследование динамики параметров креативности метафор и относительной частоты их употребления может не только помочь диагностировать кризис, но и дает возможность сформулировать краткосрочный прогноз его развития. Что касается высказанной здесь гипотезы о свя-

зи параметра относительной частоты употребления метафор с ограниченными по силе кризисами, то она требует дополнительного подтверждения.

Возникает вопрос, всегда ли возрастание параметров креативности и относительной частоты указывает на кризисную ситуацию? Проведенное исследование не позволяет ответить на этот вопрос однозначно. В данный момент можно лишь говорить о том, что кризис влечет активизацию политических метафор в дискурсе. Обратное утверждение об обязательности связи возрастания параметров  $C$  и  $F$  с кризисом требует дополнительных исследований на весьма значительном временном интервале.

### Приложение к главе 7

Таблица 2

Параметры С и F  
в газете «Завтра»

Дата	Параметр С	Параметр F
02.06.1998	1,6721	0,0805
09.06.1998	1,8439	0,0818
16.06.1998	1,8231	0,0799
23.06.1998	1,8334	0,0934
01.07.1998	1,8950	0,0990
07.07.1998	1,8588	0,0701
14.07.1998	1,7400	0,0754
21.07.1998	1,6097	0,0820
28.07.1998	1,7552	0,0841
04.08.1998	1,7582	0,0844
11.08.1998	1,6556	0,0990
18.08.1998	1,8206	0,0904
25.08.1998	2,3310	0,0709
01.09.1998	1,9053	0,0841
15.09.1998	2,0964	0,0864
22.09.1998	1,9858	0,0992
29.09.1998	1,8798	0,0630

Таблица 3

Параметры С и F в журнале  
«Коммерсант-Власть»

Дата	Параметр С	Параметр F
02.06.1998	1,3308	0,0388
09.06.1998	1,3511	0,0431
16.06.1998	1,2209	0,0305
23.06.1998	1,1609	0,0153
30.06.1998	1,0871	0,0195
07.07.1998	1,1607	0,0182
14.07.1998	1,2216	0,0195
21.07.1998	1,2292	0,0164
28.07.1998	1,0967	0,0221
04.08.1998	1,0752	0,0272
11.08.1998	1,2390	0,0214
18.08.1998	1,2805	0,0293
25.08.1998	1,3155	0,0319
01.09.1998	1,4854	0,043
08.09.1998	1,6481	0,0401
15.09.1998	1,6583	0,0415
22.09.1998	1,6145	0,0399
29.09.1998	1,5803	0,0318

Таблица 4

**Параметры С и F  
в журнале «Итоги»**

Дата	Параметр С	Параметр F
02.06.1998	1,7104	0,0523
09.06.1998	1,5227	0,0767
16.06.1998	1,7226	0,0643
23.06.1998	1,6553	0,0429
30.06.1998	1,7578	0,0457
06.07.1998	1,4263	0,0323
13.07.1998	1,6118	0,0384
21.07.1998	1,6239	0,0414
28.07.1998	1,644	0,0455
04.08.1998	1,6278	0,0412
11.08.1998	1,6475	0,0412
18.08.1998	1,6417	0,0401
25.08.1998	1,6632	0,0413
01.09.1998	1,9355	0,0559
08.09.1998	1,8569	0,0599
15.09.1998	1,8621	0,0428
22.09.1998	1,8615	0,0483
29.09.1998	1,8594	0,0498

Таблица 5

**Параметры С и F  
в журнале «Эксперт»**

Дата	Параметр С	Параметр F
01.06.1998	1,3148	0,0339
08.06.1998	1,3652	0,0387
15.06.1998	1,2842	0,0422
22.06.1998	1,515	0,0451
29.06.1998	1,5235	0,0427
06.07.1998	1,6156	0,0416
13.07.1998	1,5428	0,0304
20.07.1998	1,5387	0,0347
10.08.1998	1,4959	0,0301
17.08.1998	1,428	0,0454
24.08.1998	1,4978	0,0478
31.08.1998	1,8891	0,0406
07.09.1998	1,6785	0,0328
14.09.1998	1,6228	0,0401
21.09.1998	1,7232	0,0298
28.09.1998	1,2484	0,0263

Таблица 6

## Параметры С и F в газете «Сегодня»

Дата	Параметр С	Параметр F
01.06–07.06.1998	1,6304	0,045
08.06–14.06.1998	1,6103	0,0468
15.06–21.06.1998	1,5895	0,0415
22.06–28.06.1998	1,599	0,0562
29.06–05.07.1998	1,5367	0,0421
06.07–12.07.1998	1,6019	0,0449
13.07–19.07.1998	1,5756	0,0473
20.07–26.07.1998	1,6184	0,0494
27.07–02.08.1998	1,6119	0,0479
03.06–09.08.1998	1,56	0,0445
10.08–16.08.1998	1,495	0,0481
17.08–23.08.1998	1,5466	0,0462
24.08–30.08.1998	1,6884	0,0436
31.08–06.09.1998	1,7384	0,0498
07.09–13.09.1998	1,8415	0,0527
14.09–21.09.1998	1,6497	0,0447
22.09–27.09.1998	1,6956	0,0387

Таблица 7

**Параметры С и F  
в газете «Известия»**

Дата	Параметр С	Параметр F
02.06–06.06.1998	1,2087	0,0416
09.06–13.06.1998	1,2646	0,0441
16.06–20.06.1998	1,2093	0,0419
23.06–27.06.1998	1,2331	0,0373
30.06–04.07.1998	1,348	0,0367
07.07–11.07.1998	1,3053	0,0246
14.07–18.07.1998	1,2812	0,0208
21.07–25.07.1998	1,2321	0,0229
28.07–01.08.1998	1,2922	0,0241
04.08–08.08.1998	1,2089	0,0255
11.08–15.08.1998	1,2911	0,0288
18.08–22.08.1998	1,3132	0,0295
25.08–29.08.1998	1,3789	0,0325
01.09–05.09.1998	1,6233	0,0373
08.09–12.09.1998	1,623	0,0293
15.09–19.09.1998	1,6103	0,0445
22.09–26.09.1998	1,5944	0,0442

Таблица 8

## Усредненные значения параметров С и F по пяти изданиям

Дата	Параметр С	Параметр F
01.06–06.06.1998	1,5105	0,0516
09.06–13.06.1998	1,5185	0,0585
16.06–20.06.1998	1,5131	0,0516
23.06–27.06.1998	1,4963	0,049
30.06–04.07.1998	1,5249	0,0486
07.07–11.07.1998	1,4706	0,038
14.07–18.07.1998	1,486	0,0403
21.07–25.07.1998	1,4627	0,0424
28.07–01.08.1998	1,48	0,0447
04.08–08.08.1998	1,446	0,0446
11.08–15.08.1998	1,4656	0,0477
18.08–22.08.1998	1,5205	0,0471
25.08–29.08.1998	1,6754	0,044
01.09–05.09.1998	1,7376	0,054
08.09–12.09.1998	1,8132	0,0537
15.09–19.09.1998	1,7532	0,0545
22.09–26.09.1998	1,7292	0,0468



**ЧАСТЬ III**  
**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**  
**ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИКИ**





## Введение. ПРОЕКТ ПО СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИКИ

Феномен естественно-языковой метафоры всегда привлекал внимание лингвистов и литературоведов, однако в 80-х годах XX в. интерес к метафоре существенно возрос, что не в последнюю очередь было связано с разработкой когнитивной теории метафоры Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Как уже отмечалось выше (см. подробнее главу 1), в созданной ими концепции метафора предстает как уникальный феномен, связанный не только с языком, но и с мышлением человека, общественным сознанием, культурой и историей общества. Несмотря на очевидный успех когнитивной теории метафоры, до последнего времени исследования в этой области ограничивались сравнительно незначительными объемами данных — от 300 до 600 контекстов употребления метафор. В начале 90-х годов концептуальный аппарат когнитивной теории метафоры был использован в российской лингвистике для анализа существенно более значительных объемов текстов. В Институте США и Канады АН СССР и позже в Институте русского языка РАН при непосредственном участии автора данной книги были проведены исследования значительного по объему корпуса русской политической метафоры эпохи перестройки (1989—1992 гг.). Было выявлено, введено в компьютерную базу данных и проанализировано более 9 000 контекстов употребления метафор в русском политическом дискурсе. В результате проекта появились два словаря русской политической метафоры, в которых были фиксированы основные метафорические модели русского политического дискурса перестроечного периода [Баранов, Караулов 1991; 1994].

В 1999—2002 гг. в университете г. Билефельд (Германия), во многом благодаря стараниям проф. Л. Цыбатова и всемерной поддержке проф. Х. Штронера, был организован проект «Межкультурный анализ концептов общественного сознания»<sup>1</sup>, по сравнительному изучению

---

<sup>1</sup> Немецкое название проекта: «Interkulturelle Analyse der Struktur kollektiver Vorstellungswelten (anhand von metaphorischen Modellen in der russischen und deutschen Presse)».

немецкой и русской политической метафорике, поддержанный DFG. Теоретическим основанием проекта была дескрипторная модель метафоры, созданная в начале 90-х гг. (основные положения дескрипторной теории — см. главы 1 и 2 данной книги). За время работы над проектом был собран корпус немецких метафор, разработан мета-язык описания немецкой политической метафорике, сформирована база данных для немецкого материала. Были существенно уточнены и исправлены дескрипторы, использовавшиеся для описания русской политической метафорике, отредактирована и уточнена база данных контекстов употребления метафор в русском политическом дискурсе периода перестройки. Дополнительно были созданы базы данных по немецким и русским метафорам, относящимся к концепту «Европа» (порядка 2 000 контекстов каждая). Кроме того, в рамках проекта был разработан комплекс компьютерных программ, с помощью которых обрабатывались собранные базы данных употреблений метафор.

Основная цель билефельдского проекта заключалась в том, чтобы описать важнейшие метафорические модели немецкого и русского политического языков эпохи «die Wende» и эпохи «Перестройки» соответственно. То есть выявить наиболее частотные метафорические модели и их сочетания, которые являются значимыми для немецкого и русского политического дискурса. Значимость метафорической модели интерпретировалась в терминах ее функционирования в дискурсе как дискурсивной практики. Категория «дискурсивной практики» вводилась и обосновывалась в проекте как важнейший компонент созданного концептуального аппарата описания политического дискурса. Исходная исследовательская установка проекта, вытекающая из когнитивной теории метафоры, заключалась в том, что выявление частотных метафорических моделей и дискурсивных практик дает возможность оценить состояние общественного сознания немецкого общества периода объединения ГДР и ФРГ и, соответственно, состояние общественного сознания российского общества периода перестройки. Кроме того, такое исследование метафорике политического дискурса давало возможность сравнить общественное сознание немецкого и российского общества по степени кризисности, по характерным способам политического мышления в проблемных ситуациях.

Данная часть книги содержит главы, описывающие результаты исследований, проводившихся в рамках билефельдского проекта. Разумеется, здесь представлена та часть работы по проекту, которая непосредственно выполнялась автором. На русском языке материалы

билефельдского проекта ранее не публиковались. Частично они опубликованы на немецком языке в коллективной монографии [Kulturelle Vorstellungswelten 2006]. В этой части помещены главы, в которых рассматриваются особенности приписывания сигнификативных и денотативных дескрипторов примерам употребления метафор, вводится типовая структура описания метафорических моделей, исследуется собранный материал употребления метафор с точки зрения репрезентативности, даются общие оценки употребительности М-моделей как дискурсивных практик.

Хотя в проведенном проекте преимущественное внимание уделялось понятию метафорической модели, группировкам метафорических моделей (в том числе частотным кластерам и констелляциям) и дискурсивным практикам, альтернативное движение — от мира политики к миру метафор — представляется чрезвычайно продуктивным и многообещающим. Заключается третья часть книги главой, в которой анализируются метафорические осмысления концепта «ГДР» (DDR) в немецком политическом дискурсе эпохи *die Wende* и понятия «Россия» в русском политическом дискурсе периода перестройки.

## Глава 8. ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ КОРПУСА ПРИМЕРОВ УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕТАФОР

### 8.1. Постановка задачи

Создание репрезентативного корпуса данных является необходимым условием практически любого лингвистического исследования. Несмотря на очевидность этого положения, проблема репрезентативности далеко не всегда рассматривается как составная часть работы лингвиста. И уж совсем редко поднимается вопрос о разработке методологии достижения репрезентативности. В этом отношении лингвистика, к сожалению, существенно отстает не только от естественных наук типа физики, химии, биологии, но и даже от таких гуманитарных специальностей, как социология и экспериментальная психология. Следует отметить, что в некоторых прикладных лингвистических дисциплинах — таких, как корпусная лингвистика, политическая лингвистика, автоматическая обработка текста — проблема репрезентативности, как правило, так или иначе затрагивается.

В проекте сопоставительного анализа немецкой и русской метафорики важнейшим этапом оказывается сбор репрезентативных корпусов данных для немецкого и русского языков, представляющих собой множество примеров употребления метафор в прессе и средствах массовой информации. Эти корпуса должны служить основой проведения дальнейших лингвистических исследований в рамках проекта, а после его завершения они могли бы быть надежным источником информации об использовании метафорики в политическом дискурсе и для других целей — как лингвистических, так и нелингвистических (для политологического анализа, кросс-культурных сопоставлений и пр.).

На первом этапе выполнения проекта разрабатывались базы данных по русской и немецкой политической метафоре. Созданные в рамках проекта корпуса данных по политической метафорике для немецкого и русского языков сопоставимы. Корпус немецкой метафорики содержит более восьми тысяч примеров использования метафор в политических текстах, отражающих период объединения Восточной и Западной Германии (ГДР и ФРГ). Аналогичный корпус по

метафорам в русском политическом дискурсе, включает около девяти тысяч примеров употребления метафор<sup>2</sup>. Тематика российского корпуса — политическая дискуссия в советской и российской прессе времен перестройки (1989—1993 гг.). После сбора языкового материала возникают естественные вопросы о полноте корпусов, о том, в какой мере они отражают проблемные области. Не требуется ли их существенное пополнение? Иными словами, необходимо проанализировать параметры репрезентативности сформированных корпусов данных.

## 8.2. Критерии оценки репрезентативности корпуса данных

Под репрезентативностью обычно понимается такой тип отображения проблемной области в корпус данных, при котором последний отражает все свойства проблемной области, релевантные для данного типа лингвистического исследования, в определенной пропорции, определяемой частотой изучаемого явления в проблемной области. Другими словами, относительная частота явления в корпусе должна быть близка его относительной частоте в проблемной области. Например, текстовые корпуса должны содержать в соответствующей пропорции тексты с базовыми, наиболее типичными макроструктурами, имеющимися в данной проблемной области. С другой стороны, лексические корпуса должны включать выбранные исследователем поля лексических единиц и т. д.

Требование репрезентативности в самом простом варианте отражается в так называемом «пропорциональном сужении» проблемной области. В этом случае можно говорить о **пропорциональной стратегии** организации корпуса данных. Пропозициональная стратегия результативна лишь в том случае, если проблемная область в силу тех или иных причин ограничена и позволяет непосредственно производить замеры относительной частоты изучаемого явления. Такая ситуация имеет место, например, в тех случаях, когда составляется корпус текстов какого-то конкретного писателя или поэта, а также какого-то конкретного множества источников (газет, журналов, других периодических изданий, подборки публикаций выбранного СМИ и т. д.).

<sup>2</sup> В проведенном эксперименте по оценке репрезентативности было использовано подмножество русского корпуса объемом порядка 8 тыс. контекстов.

Чаще всего непосредственные замеры проблемной области затруднены из-за того, что она неограничена. Тогда используются косвенные методы достижения репрезентативности. Они не дают стопроцентного результата, однако позволяют максимально учесть все релевантные явления проблемной области, даже если при этом нет гарантии отражения относительной частоты изучаемого феномена. Такие методы, стратегии достижения репрезентативности можно назвать **классификационными**. В подобном подходе выявляется максимальное количество релевантных параметров, образующих матрицу сочетаний значений признаков, в которой исчисляются все возможные комбинации значений параметров. На каждую допустимую комбинацию параметров в проблемной области ищется пример, который и вводится в корпус. Например, для корпуса заголовков газет могут быть сформулированы следующие релевантные параметры: 1) временной параметр (дата  $d_1 \dots d_n$ ); 2) рубрика газеты («Передовые статьи», «Письма с мест», «Культура», «Спорт» и т. д.); 3) синтаксическая структура заголовка («Повествовательное предложение», «Вопросительное предложение»; «Номинативное предложение», другие синтаксические характеристики); 4) наличие-отсутствие языковой игры и другие возможные параметры. Все допустимые комбинации значений параметров задают клетку матрицы, которую заполняет заголовок, найденный в проблемной области. Например, заголовок в корпусе может иметь в этом случае такой набор значений параметров:  $\langle d_i; \text{«Письма с мест»}; \text{«Повествовательное предложение»}; \text{«Без языковой игры»} \{ \dots \} \rangle$ .

Чаще всего обращаются к технологически более простому способу достижения репрезентативности — **сплошному отбору данных**, который требует последующей оценки репрезентативности. При сплошном отборе в корпус последовательно помещаются все релевантные явления проблемной области, которые представляют интерес в связи с предполагаемым назначением корпуса или задачами исследователя. Именно такая стратегия достижения репрезентативности использовалась в данном случае. Основная проблема применения технологии сплошного отбора данных заключается, во-первых, в том, что оценка репрезентативности делается *post factum* и, во-вторых, в том, что способы оценки репрезентативности корпуса невозможно предсказать, они непосредственно зависят от тех феноменов, которые собираются в корпус.



В основе методики оценки репрезентативности, выбранной в данном случае, лежит идея **накопления и коррекции** относительной частоты метафорических моделей, достигаемой в процессе сплошного отбора контекстов употребления политических метафор. Предположим, что метафорическая модель  $M$  в проблемной области имеет относительную частоту  $F_m$ . Пусть в некоторой выборке примеров  $A_1$  эта модель получает частоту  $F_1$ , которая, разумеется, отличается от частоты  $F_m$ , но тогда следует ожидать, что при тех же принципах отбора примеров при дальнейшем накоплении материала, равном выборке примеров  $A_2$ , в результирующей выборке  $A_1 + A_2$  относительная частота  $F_2$  будет в большей степени приближаться к  $F_m$ . Конечно, это не обязательно произойдет сразу на втором замере в выборке  $A_1 + A_2$ . В общем случае это может произойти на  $n$ -замере в выборке  $A_1 + A_2 + \dots + A_n$ . С какого-то момента, когда относительная частота метафорической модели начинает приближаться к относительной частоте этой модели в проблемной области, то есть с замера  $n$ , различие между относительными частотами  $F_n, F_{n+1}, F_{n+2}$  и т. д. будет все больше уменьшаться. Иными словами, разница между числами последовательности:  $Q_n (= F_n - F_{n-1}), Q_{n+1} (= F_{n+1} - F_n), Q_{n+2} (= F_{n+2} - F_{n+1})$ , характеризующими различия в относительной частоте между замерами, начиная с замера  $n$ , будет становиться все меньше и меньше.

Графически это должно отражаться движением кривой (или ломаной) к некоторому пределу (к относительной частоте модели  $M$  в проблемной области —  $F_m$ ). Возможные возмущения могут быть связаны с различиями в принципах отбора метафор, которые неизбежны для тех случаев, когда корпус собирается разными исследователями. Это относится и к рассматриваемой ситуации. На графике это должно проявляться в виде незначительных колебаний кривой замеров в непосредственной близости от линии предела —  $F_m$ . Различия в замерах в этом случае будут стремиться к нулю.

С чисто практической точки зрения модель оценки репрезентативности означает, что выявление тенденции движения кривой замеров к стабилизации, к некоторому пределу в виде горизонтали, проведенной от оси значений на графике от точки 0, будет свидетельствовать о достижении, по крайней мере, относительной репрезентативности корпуса, то есть репрезентативности в отношении изучаемого феномена.

### 8.3. Организация эксперимента по оценке репрезентативности

Для оценки репрезентативности был поставлен следующий эксперимент. Собранные корпуса данных по немецкой и русской политической метафорике были случайным образом разбиты на, соответственно, восемь и семь массивов<sup>3</sup>. Немецкий корпус был разделен на восемь массивов M1, ..., M8. Первые семь массивов содержали по 1 000 метафорических контекстов, а последний — восьмой массив — 1 276 контекстов. Массивы русского корпуса по количеству метафорических контекстов распределялись следующим образом: R1 — 1 000 контекстов, R2 — 924 контекста, R3, R4, R5, R6, R8 — по 1 000 контекстов, R7 — 800 контекстов.

Поскольку репрезентативность корпуса в проекте связывается в первую очередь с адекватным отображением частотного распределения метафорических моделей, эксперимент проводился для сигнификативных дескрипторов, которые в разработанном в проекте мета-языке описания маркируют источники области метафор. Было выбрано пять метафорических моделей, по которым были сделаны замеры в обоих корпусах. Для немецкого корпуса это модели: Musik, Weg, Theater, Krankheit, Sport, а для русского корпуса — модели музыка, путь, театр, болезнь, спорт. Выбор моделей также был произвольным. Единственное ограничение касалось того, что метафорическая модель должна была присутствовать в достаточном количестве контекстов и в немецком и русском корпусах.

Структура замеров включала ряд последовательных этапов. Пояним их на примере немецкого корпуса.

**Этап 1.** Для каждой метафорической модели считалась абсолютная частота употребления в каждом массиве (AF в массиве M1, ..., M8). После этого последовательно формировались замерные множества, каждое из которых представляет собой объединение всех предшествующих массивов плюс данный массив: замерное множество 1 = M1, замерное множество 2 = M1 + M2, замерное множество 3 = M1 + M2 + M3, замерное множество 4 = M1 + M2 + M3 + M4 и т. д. до замерного множества 8, равного M1 + M2 + M3 + M4 + M5 + M6 + M7 + M8.

---

<sup>3</sup> Различие в количестве выделенных массивов между немецким и русским корпусом носит чисто технический характер и в данном случае несущественно.

**Этап 2.** В каждом замерном множестве определялась абсолютная (AF) и относительная (F) частота употребления выбранных метафорических моделей. Относительная частота употребления вычислялась как отношение абсолютной частоты употребления данной метафорической модели (AF) к общему количеству употребления дескрипторов в данном замерном множестве. Такой способ вычисления правомерен, поскольку можно считать, что каждый сигнификативный дескриптор маркирует употребление метафорической модели того или иного уровня абстракции. Разумеется, тот факт, что дескрипторы могут быть различной степени абстракции, несколько искажает процедуру вычисления относительной частоты, однако в рамках поставленной задачи это не очень существенно.

Затем вычислялся **параметр отклонения Q**. Параметр отклонения  $Q_i$  ( $1 \leq i \leq 7$ ) равен относительной частоте употребления метафорической модели в замерном множестве  $i$  минус относительную частоту употребления этой метафорической модели в замерном множестве  $i-1$  ( $F_i - F_{i-1}$ ). Легко вычислить, что каждая метафорическая модель для немецкого и русского корпусов будет иметь по семь значений параметра отклонения. Параметр Q характеризует приближение относительных частот употребления выбранных метафорических моделей в замерных множествах к относительной частоте употребления этих метафор в проблемной области. Иными словами, именно этот параметр позволяет судить о репрезентативности корпуса.

**Этап 3.** Для последовательности параметров отклонения, выделенной для каждой метафорической модели, строился график, который оценивался с точки зрения тенденции движения кривой в сторону стабилизации.

Рассмотрим результаты проведенного эксперимента по оценке репрезентативности собранных корпусов данных относительно выбранных метафорических моделей. Количественные данные наиболее полно приводятся для немецкого корпуса, данные по русскому корпусу привлекаются только для сопоставления.

## 8.4. Результаты эксперимента

### 8.4.1. Метафорическая модель Musik — Музыка

Абсолютная и относительная частота этой модели в замерных множествах для немецкого и русского корпусов отражена в табл. 1.

Таблица 1

## Абсолютная и относительная частота модели Musik

Замерные множества	M1 (2599 <sup>4</sup> )		M1+2 (5355)		F2-F1	M1+2+3 (8090)		F3-F2
	AF	F1	AF	F2	Q1	AF	F3	Q2
MUSIK	21	0,0081	25	0,0047	-0,0034	31	0,0038	-0,0009

Замерные множества	M 1+...+4 (10989)		F4-F3	M 1+...+5 (13889)		F5-F4	M 1+...+6 (16948)	
	AF	F4	Q3	AF	F5	Q4	Аб. F	F6
MUSIK	44	0,0040	0,0002	49	0,004	0,0000	64	0,0038

Замерные множества	F6-F5	M 1+...+7 (19950)		F7-F6	M 1+...+8 (24187)		F8-F7
	Q5	AF	F7	Q6	AF	F8	Q7
MUSIK	-0,0002	70	0,0035	-0,0003	76	0,0031	-0,0004

В табл. 1 и далее, кроме абсолютной (AF) и относительной (F) частоты метафорической модели указывается также и параметр отклонения Q.

На рис. 1 отражена динамика изменения параметра отклонения Q для метафорической модели Musik.

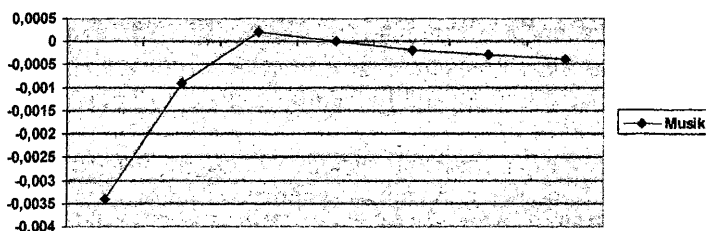


Рис. 1. Динамика изменения параметра отклонения для метафорической модели Musik

Первые две точки замера на графике определенно указывают на значительное расхождение между относительными частотами модели Musik в первых двух замерных множествах. Затем различия между

<sup>4</sup> В скобках указывается абсолютная частота употребления сигнификативных дескрипторов при описании примеров замерного множества.

относительными частотами в замерах уменьшаются и наступает относительная стабилизация. График с накоплением отражает это довольно ясно.

На рис. 2 отражена последовательность значений параметра отклонения для метафорической модели Музыка в российском корпусе. Числовое выражение параметра отклонения Q приводится в табл. 2.

Таблица 2

**Значения параметра отклонения метафорической модели Музыка**

Музыка	0,0003	0,0002	-0,0002	0,0006	0,0002	0,0002	0
--------	--------	--------	---------	--------	--------	--------	---

Значения параметра Q для модели Музыка в русском корпусе по абсолютной величине существенно меньше, чем для модели Musik в немецком корпусе. Это означает, что различия между относительными частотами модели Музыка в замерных множествах существенно меньше, чем между аналогичными значениями для модели Musik. Иными словами, параметр Q более стабилен для модели Музыка.

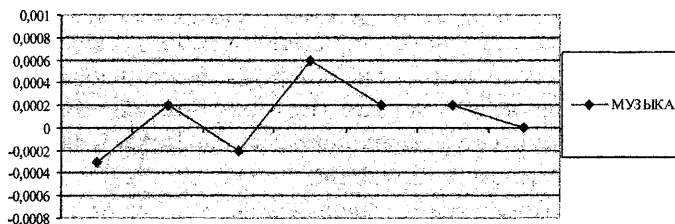


Рис. 2. Динамика изменения параметра отклонения для метафорической модели Музыка

Анализ рис. 2 показывает, что и графически тенденция к стабилизации значений параметра Q прослеживается достаточно отчетливо. Последняя точка лежит на оси 0, что свидетельствует о том, что последние два замера вообще не отличались друг от друга по относительной частоте. Как и для немецкого корпуса, мы можем сделать вывод, что репрезентативность русского корпуса относительно модели Музыка достигнута.

## 8.4.2. Метафорическая модель WEG — Путь

Таблица 3

## Абсолютная и относительная частота модели WEG

Замерные множества	M1 (2599)		M1+2 (5355)		F2-F1	M1+2+3 (8090)		F3-F2
	AF	F1	F	F2	Q1	F	F3	Q2
WEG	59	0,0227	138	0,0258	0,0031	196	0,0242	-0,0016

Замерные множества	M 1+...+4 (10989)		F4-F3	M 1+...+5 (13889)		F5-F4	M 1+...+6 (16948)	
	AF	F4	Q3	AF	F5	Q4	A6. F	F6
WEG	241	0,0219	-0,0023	289	0,021	-0,0009	323	0,0191

Замерные множества	F6-F5	M 1+...+7 (19950)		F7-F6	M 1+...+8 (24187)		F8-F7
	Q5	AF	F7	Q6	F	F8	Q7
WEG	-0,0019	382	0,0191	0,0000	435	0,0180	-0,0011

Из табл. 3 видно, что разброс значений параметра отклонения довольно значителен. Это может свидетельствовать либо о неточности кодировки, либо о недостижении репрезентативности корпуса по данной метафорической модели. Тем не менее динамика изменения значений параметра Q не вполне ясна. Посмотрим полученные результаты в визуальном отображении.

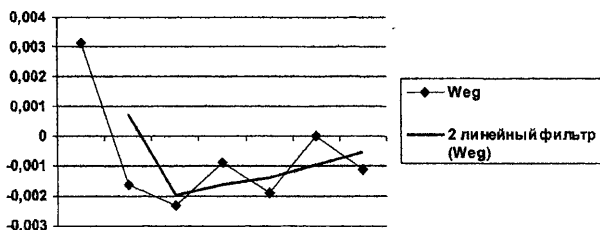


Рис. 3. Динамика изменения параметра отклонения для метафорической модели WEG

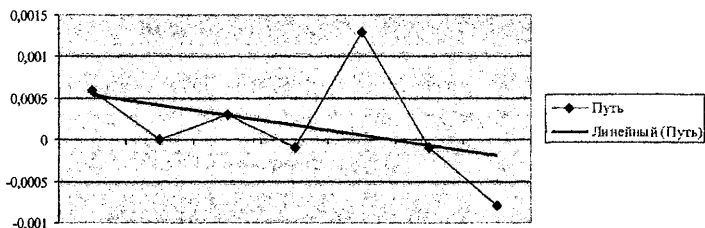
Рис. 3 показывает, что хотя разброс значений параметра Q действительно довольно значителен и достигает по абсолютной величине почти 0,005, динамика движения направлена в нужную сторону

ну — в направлении движения к оси 0 и имеет явную тенденцию к стабилизации, что ясно демонстрирует линия тренда.

Таблица 4

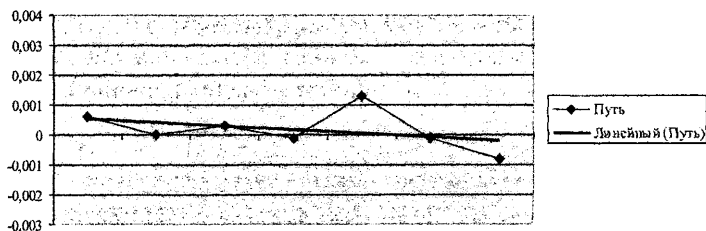
**Значения параметра отклонения метафорической модели Путь**

Путь	0,0006	0	0,0003	-0,0001	0,0013	-0,0001	-0,0008
------	--------	---	--------	---------	--------	---------	---------



*Рис. 4.* Динамика изменения параметра отклонения для метафорической модели Путь

Разброс значений параметра отклонения для метафорической модели Путь в русском корпусе, на первый взгляд, также очень значителен, причем именно на этапе последних замеров (в замерных множествах R6, R7). Однако сравнение отклонений по абсолютной величине показывает, что для модели Путь они существенно меньше, чем для аналогичной модели WEG в немецком корпусе. Это хорошо видно, если задать для рис. 4 ту же масштабность, что имеет рис. 3, ср. рис. 5.



*Рис. 5.* Динамика изменения параметра отклонения для метафорической модели Путь в масштабе рис. 3 (метафорическая модель WEG)

В таком масштабе динамика изменений параметра Q оказывается совершенно сглаженной, а линия тренда оказывается почти параллельной оси 0. Это свидетельствует о том, что насыщение массива

по репрезентативности модели Путь произошло уже на первом-втором замерном множествах. Дальнейшие колебания значения параметра отклонения можно отнести за счет неточности измерения данных (ошибки в кодировке записей, пропуск существенных контекстов и т. п.).

### 8.4.3. Метафорическая модель THEATER — ТЕАТР<sub>1</sub>

Таблица 5

#### Абсолютная и относительная частота модели THEATER

Замерные множества	M1 (2599)		M1+2 (5355)		F2-F1	M1+2+3 (8090)		F3-F2
	AF	F1	AF	F2	Q1	AF	F3	Q2
THEATER	26	0,0100	32	0,0060	-0,0040	39	0,0048	-0,0012

Замерные множества	M 1+...+4 (10989)		F4-F3	M 1+...+5 (13889)		F5-F4	M 1+...+6 (16948)	
	AF	F4	Q3	AF	F5	Q4	Аб. F	F6
THEATER	49	0,0045	-0,0003	70	0,005	0,0005	82	0,0048

Замерные множества	F6-F5	M 1+...+7 (19950)		F7-F6	M 1+...+8 (24187)		F8-F7
	Q5	AF	F7	Q6	AF	F8	Q7
THEATER	-0,0002	95	0,0048	0,0000	107	0,0044	-0,0004

Как и в предшествующем рассмотренном случае, разброс значений параметра отклонения оказывается весьма значительным. По абсолютной величине разрыв между разными замерами достигал 0,009 (в прошлом случае всего — 0,005). Между тем динамика изменения параметра Q оказывается вполне обнадеживающей, ср. рис. 6.

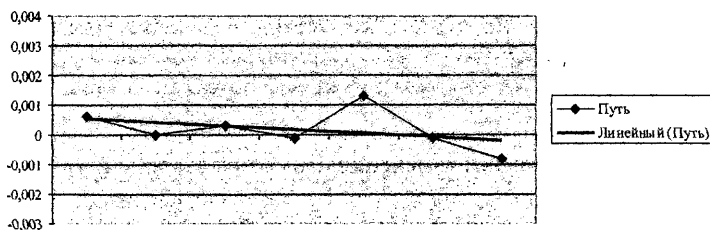


Рис. 6. Динамика изменения параметра Q для метафорической модели THEATER



На рис. 6 хорошо видно, что в начале сбора материала относительная частота метафорической модели THEATER сильно варьирует, однако затем наступает насыщение массива и различие между относительными частотами в замерных множествах нивелируется, приближаясь, соответственно, к оси 0. Это свидетельствует о достижении репрезентативности массива относительно выбранной метафорической модели.

Разброс значений параметра отклонения для аналогичной модели ТЕАТР<sub>1</sub> в русском корпусе оказывается несколько меньшим (порядка 0,005) по абсолютной величине. Максимальный разброс опять-таки приходится на начало замеров — на первые 3—4 замерные множества. Затем наступает относительная стабилизация при одновременной тенденции приближения к оси 0. Иными словами, и здесь можно говорить о достижении репрезентативности, ср. табл. 6 и рис. 7.

Таблица 6

Значения параметра отклонения метафорической модели ТЕАТР<sub>1</sub>

ТЕАТР <sub>1</sub>	0,0016	0,0027	0,0041	0,0007	0,0006	0,0002	-0,0009
--------------------	--------	--------	--------	--------	--------	--------	---------

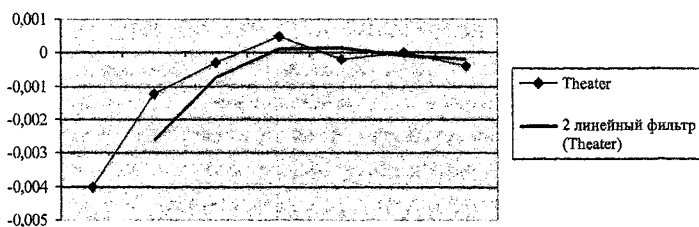


Рис. 7. Динамика изменения параметра отклонения для метафорической модели ТЕАТР<sub>1</sub>

#### 8.4.4. Метафорическая модель КРАНКНЕИТ — БОЛЕЗНЬ

Таблица 7

Абсолютная и относительная частота модели КРАНКНЕИТ

Замерные множества	M1 (2599)		M1+2 (5355)		F2-F1	M1+2+3 (8090)		F3-F2
	AF	F1	AF	F2	Q1	F	F3	Q2
КРАНКНЕИТ	11	0,0042	26	0,0049	0,0007	55	0,0068	0,0019

Замерные множества	M 1+...+4 (10989)		F4-F3	M 1+...+5 (13889)		F5-F4	M 1+...+6 (16948)	
	AF	F4	Q3	AF	F5	Q4	A6. F	F6
KRANKHEIT	85	0,0077	0,0009	93	0,007	-0,0007	102	0,0060

Замерные множества	F6-F5	M 1+...+7 (19950)		F7-F6	M 1+...+8 (24187)		F8-F7
	Q5	AF	F7	Q6	AF	F8	Q7
KRANKHEIT	-0,0010	114	0,0057	-0,0003	127	0,0053	-0,0004

Рассматриваемая метафорическая модель характеризуется довольно незначительным разбросом значений параметра отклонения. Максимальная амплитуда между точками экстремумов не превышает по абсолютной величине 0,003. Рис. 8 хорошо показывает, что максимальное варьирование относительной частоты метафорической модели KRANKHEIT приходится на начало сбора данных — на замерные множества M1, M1 + M2, M1 + M2 + M3, M1 + M2 + M3 + M4. В дальнейшем кривая замеров начинает приближаться к оси 0, хотя и не достигает ее. Иными словами, можно констатировать, что репрезентативность немецкого массива и по этой модели приближается к необходимому минимуму.

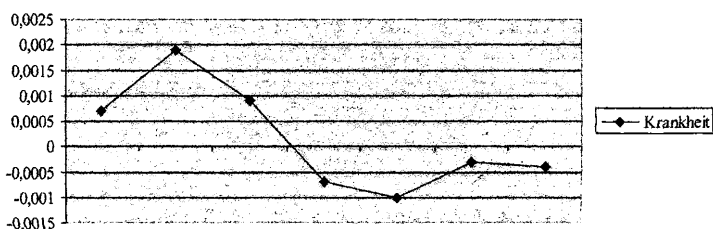


Рис. 8. Динамика изменения параметра отклонения для метафорической модели KRANKHEIT

Амплитуда колебаний относительной частоты метафорической модели Болезнь в русском массиве оказывается еще меньше, чем аналогичной модели в немецком массиве (см. табл. 7). Максимальное различие между значениями незначительно превышает 0,001. Это говорит об относительно быстром насыщении корпуса. Заметим, что рис. 9 показывает это плохо, поскольку он выполнен в другом масштабе, однако движение параметра отклонения в сторону оси 0 очень хорошо видно по последним двум измерениям (последний и предпо-

следний замерные массивы). Сравнительно небольшую амплитуду колебаний между значениями параметра Q можно интерпретировать как неточности в отборе материала. Вполне вероятно, что такие отклонения будут иметь место и при дальнейшем увеличении материала, разумеется, при условии, что не изменятся принципы отбора данных.

Таблица 7

**Значения параметра отклонения метафорической модели Болезнь**

Болезнь	-0,0003	0,0005	0,0005	0,0008	0,0009	-0,0001	-0,0001
---------	---------	--------	--------	--------	--------	---------	---------

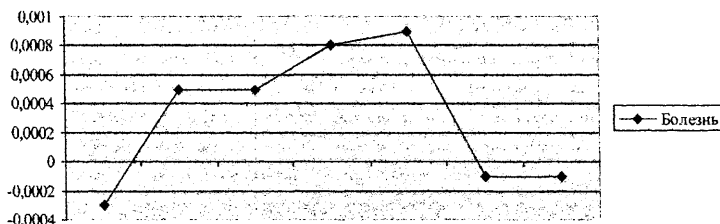


Рис. 9. Динамика изменения параметра отклонения для метафорической модели Болезнь

8.4.5. Метафорическая модель SPORT — Спорт

Таблица 8

**Абсолютная и относительная частота модели SPORT**

Замерные множества	M1 (2599)		M1+2 (5355)		F2-F1	M1+2+3 (8090)		F3-F2
	AF	F1	AF	F2	Q1	AF	F3	Q2
SPORT	20	0,0077	41	0,0077	0,0000	77	0,0095	0,0018

Замерные множества	M 1+...+4 (10989)		F4-F3	M 1+...+5 (13889)		F5-F4	M 1+...+6 (16948)	
	AF	F4	Q3	AF	F5	Q4	Аб. F	F6
SPORT	106	0,0096	0,0001	112	0,008	-0,0016	121	0,0071

Замерные множества	F6-F5	M 1+...+7 (19950)		F7-F6	M 1+...+8 (24187)		F8-F7
	Q5	AF	F7	Q6	AF	F8	Q7
SPORT	-0,0009	152	0,0076	0,0005	175	0,0072	-0,0004

Начальный разброс значений параметра отклонения для метафорической модели Спорт, как и во многих других рассмотренных случаях, оказывается довольно значительным — порядка 0,004 по абсолютной величине. Однако потом амплитуда колебаний уменьшается. Это хорошо видно на рис. 10: в последних двух замерах амплитуда колебаний уменьшается до 0,001. Линия тренда на рис. 10 также отражает эту тенденцию движения замеров в сторону оси 0. Есть все основания считать, что и в этом случае репрезентативность массива достигнута в достаточной степени.

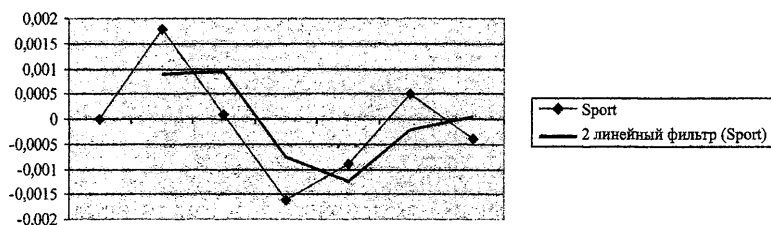


Рис. 10. Динамика изменения параметра отклонения для метафорической модели Спорт

Аналогичная метафорическая модель Спорт в корпусе данных по русскому политическому дискурсу показывает результаты, еще более убедительные с точки зрения достижения репрезентативности. Амплитуда значений в начале замеров — в первых замерных множествах — почти такая же, как и для модели Спорт — порядка 0,004 по абсолютной величине. Однако затем различия между относительными частотами употребления модели Спорт в замерных множествах существенно снижаются, почти совпадая с осью 0. Линия тренда на рис. 11 четко отражает выявленную тенденцию. И здесь можно утверждать, что репрезентативность сформированного массива достигнута.

Таблица 9

**Значения параметра отклонения метафорической модели Спорт**

Спорт	-0,0018	0,0009	0,0019	0,0002	-0,0003	-0,0003	0,0001
-------	---------	--------	--------	--------	---------	---------	--------

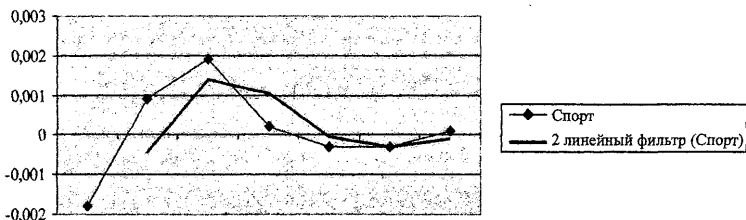


Рис. 11. Динамика изменения параметра отклонения для метафорической модели Спорт

### 8.5. Заключение

В целом в эксперименте было проанализировано 10 случайно выбранных метафорических моделей — 5 для немецкого корпуса и 5 для русского. Однако предварительный анализ и других моделей таких, как КРИЕГ-Война, WASSER-Вода, BAUWESEN-Строительство подтверждает выявленное свойство корпусов данных — их репрезентативность.

В принципе возможно совершенствование процедуры эксперимента — например, более точные данные о достижении репрезентативности можно было бы получить, уменьшив дробность замеров и, следовательно, увеличив количество замерных множеств. Однако это вряд ли существенно повлияло бы на результат.

Проведенный эксперимент по оценке репрезентативности собранных корпусов данных для немецкого и русского политического дискурса позволяет утверждать, что **достаточная репрезентативность массива достигнута**. Это дает возможность проводить сопоставительный анализ немецкой и русской политической метафорики как с точки зрения частоты употребления метафорических моделей, определяя их продуктивность и влияние на способы осмысления политических реалий, так и с точки зрения их функций в политическом дискурсе — в процессе политической аргументации, обоснования принятия решений, в переговорах между политическими субъектами и т. д.

## Глава 9. ОСОБЕННОСТИ КОДИРОВАНИЯ КОНТЕКСТОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТАФОР В «БИЛЕФЕЛЬДСКОМ» ПРОЕКТЕ

Дескрипторная теория метафоры опирается на метаязык сигнификативных и денотативных дескрипторов. Поскольку в центре внимания проекта по сопоставительному изучению русской и немецкой политической метафорики находилось понятие метафорической модели и структура М-моделей русского и немецкого политического дискурса, то основной упор в разработке метаязыка был сделан именно на сигнификативных дескрипторах. В Приложении к книге в статьях «Словаря политических метафор», не вошедших в предшествующие издания (см. [Баранов, Караулов 1991; 1994]), представлены некоторые семантические деревья сигнификативных дескрипторов для русского материала. Рассмотрим некоторые важные принципы распределения сигнификативных дескрипторов по семантическим деревьям, с одной стороны, и принятые соглашения по кодировке примеров использования метафор — с другой.

Как известно, когнитивная теория метафоры утверждает, что в языке практически все, что не связано с конкретным опытом человека, метафорично [Lakoff, Johnson 1980]. Иными словами, значения слов, образованные на основе тропов, также являются метафорами. Однако анализ текстов в политическом дискурсе показывает, что этот тезис верен лишь отчасти. Это особенно хорошо видно в тех случаях, когда слово со стертой метафорой в своей семантике вообще не имеет близких по значению слов в том же значении. Иными словами, носитель языка просто не имеет выбора: он в любом случае вынужден использовать стертую метафору. Ср. русское слово *аппарат* в значении «чиновники, осуществляющее управление в организации». Вряд ли говорящий связывает с этим словом какие-то метафорические представления и метафорические следствия в контекстах типа *Объединенный фронт трудящихся был создан при активной поддержке аппарата КПСС; реакционные аппаратные силы*. Однако метафорические следствия в явном виде появляются в контекстах, где говорящий целенаправленно оживляет стертую метафору: *Но, может быть, самое трудное — найти способ заставить служить новой демократической государственности еще вполне сохранившийся старый*

*аппарат... Грандиозный аппарат тоталитарного режима. Тысячи цепочек сверху донизу. Эти чугунные залежи могут тихо, незаметно и постоянно отклонять стрелку новой государственности в свою сторону.* (Искандер Ф. «Независимая Газета», 29.09.91)

Другой пример такого же типа — значение слова *корень* / *корни*, определяемое в словарях как «причина, основание чего-л.». Примеры употребления этой лексемы в данном значении вряд ли разумно рассматривать как реализации М-модели РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО. Ср.: *Корень всех кризисов — один. В стране отсутствует реальная перестройка или что можно сказать о корнях нашего технологического отставания.* Однако, если стертая метафора, стоящая за лексическим значением «причина, основание чего-л.» сознательно актуализировалась говорящим, то соответствующие контексты естественно относить к примерам употребления метафор, ср.: *Опыт многонационального Дагестана показывает, что корни многонациональных недоразумений главным образом уходят в социально-экономическую почву.* (Мирзабеков А. М. Первый съезд народных депутатов) В последнем контексте словосочетание *уходить в почву* актуализует метафору РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА.

Несколько иная ситуация со словом *верхушка*, в одном из значений которого также фиксирована метафора: «часть растения-дерева». Имеющиеся примеры не обнаруживают актуализации метафоры, которая стоит за значением данного слова, ср.: *безнравственная, преступная верхушка; партийно-государственная верхушка.* По этой причине контексты с этим словом трудно рассматривать как примеры реализации М-модели ФЛОРА. Однако в тех случаях, когда в предложении эксплицитно указывалось на противопоставление верха и низа, контексты относились к реализациям М-модели ГЕОМЕТРИЯ, ср.: *оторванная от народа партийная верхушка.*

В силу сказанного в проекте было принято следующее рабочее решение: если стертая метафора, фиксированная в словаре как значение данного слова, реально имеет в контексте метафорические следствия, то есть оживляется, то она кодируется соответствующим образом, и контекст вводится в базу данных. В противном случае контекст употребления не рассматривается как метафорический.

Перейдем к рассмотрению особенностей кодирования конкретных М-моделей.

**Семантические деревья РЕЛИГИЯ-МИФОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРА.** Распределение дескрипторов по одним и тем же семантическим деревьям

не было всегда идентичным для русского и немецкого материала. Это объясняется пониманием соответствующих концептов в русском и немецком обществе. Так, для русских метафоры, связанные с Библией и библейскими реалиями, воспринимаются в первую очередь как сфера религии и, соответственно, при кодировке контексты попадали только в М-модель «религия-мифология»<sup>5</sup>. Для немецкой культуры связь Библии с литературой более очевидна: Библия весьма часто цитируется и воспринимается как культурно значимый текст, а не просто как часть религии. В этом случае библейский текст рассматривается как совокупность историй, в рамках которых осмысливается политическая деятельность и политические реалии. В силу этого немецкие примеры библейских метафор кодировались не только как религия-мифология, но и как реализации М-модели «литература».

**Семантическое дерево организм versus персонификация.** М-модели «организм» и «персонификация» очевидным образом тесно связаны. Однако между ними существует очень важное различие: парадигмальные примеры использования М-модели «персонификация» предполагают наличие некоторой интеллектуальной составляющей, совершенно не свойственной М-модели «организм». С другой стороны, для «организма» весьма важным оказывается идея «естественности». В силу этого в обычном случае примеры использования М-модели «организм» не дублировались как примеры М-модели «персонификация». Ср. (1а, б):

- (1) а. Справедливости ради отметим: текст Конституции СССР никто не отменял, он существует, просто государства такого — Союза Советских Социалистических Республик уже не существует. И делать вид, что Основной Закон имеет силу, все равно что, допустим, признать: *тело умерло, а сердце бьется*. Абсурд. (Андреев Н. «Известия», 05.10.1991)
- б. Ленин и Сталин *начертили на теле* нашей огромной страны искусственные, мотивированные лишь идеологически границы республик. (Аксюциц В. «Столица», 01.09.1991)

Важно также иметь в виду, что использование метафоры «организм» по отношению к лицам (совокупности лиц) также не влечет «персонификации».

<sup>5</sup> Однако сама метафора Библии в примерах типа *Библия финансиста* и в русских контекстах кодировалась как пример М-модели «литература».



фикации, ср.: *Интеллигенция — мозг нации*. Метафора организма здесь есть, а персонификации — нет.

По контекстам видно, что дескрипторы типа «мясо», «плоть», «клетка» в контекстах употребления соответствующих метафор практически не обнаруживают метафорических следствий, связанных с М-моделью персонификации. В противоположность им, метафоры болезни потенциально существенно больше связаны с персонификацией. Впрочем, и дескрипторы подтаксона болезнь далеко не всегда подразумевают персонификацию. Например, в тех случаях, когда болезнь относится к людям или каким-то одушевленным существам, то профилируются именно свойства болезни, а не свойства людей или одушевленных существ как наделенных способностью к интеллектуальной деятельности. В этих случаях дескриптор «болезнь» нельзя рассматривать и как пример реализации М-модели организм, ср. (6).

- (2) Похоже, однако, что именно россиянам, другим народам бывшего СССР, внесшим решающий вклад в разгром фашизма, а в августе 1991 года — в разрушение коммунистической системы, предстоит решающий поединок и с третьим чудовищем, подстерегающим человечество на исходе нынешнего столетия. Это *чума национал-патриотизма, а точнее, агрессивного национализма*. (Козырев А. «Независимая Газета», 20.08.1992)

В последнем предложении примера (2) метафора болезни очевидна: **НАЦИОНАЛ-ПАТРИОТИЗМ** — это болезнь. Однако ни метафоры персонификации, ни метафоры организма в рассматриваемом случае нет<sup>6</sup>. В примерах рассматриваемого типа метафора болезни маркируется как часть метафоры медицины. Это, в частности, означает, что в полном виде подтаксон болезнь попадает в М-модель медицина. Кроме того, отсюда следует, что если в примере не было следствий, определенно указывающих на характерные особенности организма (наличие тех или иных органов, состояния организма — усталость, бодрость и пр.), то в кодировке контекстов метафора организма при метафоре болезни указываться не должна, ср. (3):

- (3) Такое соглашение в известном смысле — шаг назад, так как Союз отказывается от такой цивилизованной формы финансирования подобных расходов, как федеральный налог, но достигнутая дого-

<sup>6</sup> В предшествующем предложении представлена, однако, метафора СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО СУЩЕСТВА.

воренность позволяет *снять бюджетный шок* и вести обсуждение проблемы. (Петраков Н. Я. «Известия», 04.01.1991)

Всегда связаны с метафорой организма дескрипторы «клиническая смерть», «агония», что понятно — смерть всегда предполагает наличие организма и — часто — даже лица. Ср. (4а, б):

- (4) а. Однако, реальность такова, что при дальнейшем ослаблении производственных связей и взаимодействия трудовых коллективов неизбежно настолько серьезное снижение производства, что это будет означать по сути дела *клиническую смерть народнохозяйственного комплекса*. (Полозков И. К. «Советская Россия»);  
 б. Виной всему, оказывается, не *агонизирующая колхозно-совхозная система*, поставившая при небывалом урожае страну на грань голода, а горожане, вышедшие в свои выходные дни отметить ставшие уже традиционными праздники. («Известия», 08.12.1990)

В (4а) ясно прочитывается семантическое следствие Народнохозяйственный комплекс — это организм, в (4б) — Колхозно-совхозная система — это организм.

По аналогичной причине в имеющемся русском материале почти всегда персонифицированы дескрипторы «выздоровление», «оздоровление», «лечение». Ср. (5):

- (5) Получается так, что освобождение от имперского большевизма для всех народов тождественно освобождению от внешнего угнетения, идентифицируемого чаще всего с Россией и русскими, а для самой России — *выздоровлению*, очищению. (Быстрицкий А., Шушарин Д. «Независимая Газета», 05.02.1991)

Дескрипторы подтаксона «физиологические процессы» (типа «атрофия», «отмирание», «кровообращение»), напротив, весьма редко предполагают персонификацию. Интеллектуальное начало в этих случаях в значительной мере подавлено.

Примеры использования М-модели организма дублировались в персонификацию только в том случае, если в самом контексте в метафорических следствиях обращалось внимание на интеллектуальную составляющую, ср. примеры типа (6а, б):

- (6) а. И не так ли в истории, в русской истории? *Она тоже «видит сны»*. Она — оживший текст или сон, она тоже жива ассоциацией;

она, история, суть многоэтажное *вербальное тело*, облекающееся плотью «на ходу». (Юнин Г. «День», № 17, 1991);

б. Все общество обобществилось до самой последней степени, превратившись в некое *сплошное коммунистическое тело*, с даром *экстрасенсорного восприятия* и универсального оборотничества. (Эпштейн М. «Независимая Газета», 09.10.1991)

«Интеллектуально» окрашенное следствие из метафоры головы может поддерживаться противопоставлением «голова-руки». В этом случае, поскольку голова человека отвечает за интеллектуальную деятельность, а руки — за физическую работу, контексты такого типа относились и к М-модели организма, и к М-модели персонификации, ср. (7):

- (7) *Голова* в московском министерстве, а *хозрасчетные трудовые руки* на Урале. (Орлов А. К. Первый съезд народных депутатов)

**Семантическое дерево персонификация.** Персонификация в широком смысле охватывает не только случаи, фиксированные дескрипторами данного дерева, но и случаи метафорического осмысления неживого как «нежить» (сказочные, мифологические, виртуальные существа — такие контексты маркировались как СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО или РЕЛИГИЯ-МИФОЛОГИЯ), контексты категоризации неживого как животного (кодировались как ФАУНА), примеры осмысления неживого как живого (кодировались как ОРГАНИЗМ). К собственно персонификации относились только случаи осмысления неживого или живого («не-лица») как лица. Как случаи деперсонификации могут быть рассмотрены контексты, в которых лицо осмысляется как просто живое (в том числе организм и животное) или как неживое. Случаи деперсонификации специально не кодировались за исключением анимализации. О соотношении М-модели персонификации и М-модели организма — см. выше.

**Семантические деревья спорт и игра.** В соотношении между М-моделями спортом и игры наибольшую проблему представляет таксон «спортивные игры». Контексты с метафорой спортивной игры относились прежде всего к реализациям М-модели спорта. В тех случаях, когда в контексте высвечивались следствия, характерные в первую очередь не для метафоры спорта (конкуренция, победа и пр.), а для метафоры игры — идея противопоставленности игры реальности,

ее символичный характер, то соответствующие контексты маркировались и как примеры реализации М-модели игры. Например, метафорическое осмысление политиков как спортсменов, играющих футбольный матч на фоне голодающих шахтеров, должно относиться и к М-модели спорта, и к М-модели игры. Ср.: *Пока наши депутаты гоняют по полю политические мячи, шахтеры не могут нормально питаться и кормить свои семьи.*

**Семантическое дерево СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО.** Значительная часть дескрипторов этого дерева одновременно попадают в таксон религия-мифология. Однако выделение такого таксона как автономного полезно, поскольку он представляет собой переходный мостик от неживого к живому в рамках метафорической проекции персонификации. Кроме того, метафоры данного таксона довольно часто высвечивают свойство «нереальности», «противопоставленности действительности». Иными словами, данная М-модель близка по свойствам метафорическим моделям-конstellациям.

## Глава 10. СХЕМА ОПИСАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

В проекте сравнительного описания русской и немецкой политической метафоры использовалась унифицированная схема описания метафорических моделей. Опишем кратко каждую типовую характеристику, предусматриваемую такой схемой.

### 10.1. Формальные характеристики М-модели

#### 10.1.1. Употребительность М-модели

Под «употребительностью» метафорической модели понимается ее доля на общем фоне других М-моделей в данном типе дискурса. Характеристика употребительности М-модели является одним из факторов, определяющих отнесение данной М-модели к дискурсивным практикам соответствующего дискурса. Часто употребляющиеся М-модели имеют больше оснований на признание их дискурсивными практиками. Частотная характеристика, очевидно, является важнейшей, поскольку дискурсивная практика с низкой частотой употребления вряд ли может быть практикой в точном смысле (если обращать внимание на внутреннюю форму термина). Заметим, правда, что оценку высокой или низкой частоты употребления М-модели довольно трудно обосновать, критерии такого рода не вполне ясны. Можно лишь предположить, что М-модели, находящиеся в начале списка М-моделей, упорядоченных по частоте, обладают высокой частотой употребления, а те, которые попадают в конец списка, соответственно, низкой или относительно низкой частотой. Кроме частоты употребления, при отнесении М-модели к числу дискурсивных практик учитываются **парадигматические** связи данной М-модели с другими М-моделями, наличие **сходства в метафорических следствиях** с другими метафорами дискурса, прагматические имплицативные отношения с другими М-моделями, а также наличие культурных и исторических факторов, «поддерживающих» употребление данной М-модели в дискурсе<sup>7</sup>. Кроме того, к довольно важным свойствам М-модели как дискурсивной практики относится параметр стабильности денотатив-

---

<sup>7</sup> Более подробно по этому поводу см. главу 1.

ных реализаций — см. ниже. Однако по техническим причинам этот параметр практически не использовался и служил лишь как дополнительная эвристика при выделении М-моделей-дискурсивных практик.

### 10.1.2. Общие статистические характеристики М-модели

Здесь указываются следующие свойства М-модели. **Мощность М-модели:** общее количество таксонов в семантическом дереве. Под общим количеством таксонов имеется в виду количество сигнификативных дескрипторов семантического дерева вместе с названиями таксонов без учета частоты их употребления. Дескрипторы, помеченные курсивом (то есть реально не представленные в данном материале), — не учитываются, однако названия таксонов, данные курсивом, учитываются, если такой таксон включает хотя бы один некурсивный дескриптор. **Разветвленность М-модели** определяется как отношение количества главных и промежуточных таксонов (то есть не терминальных таксонов) к общему количеству таксонов. Под терминальным таксоном понимается такой таксон, который, будучи подчинен вышестоящему таксону, сам не подчиняет ни одного таксона. **Глубина М-модели:** определяется глубиной семантического дерева дескрипторов данной М-модели.

### 10.1.3. Денотативное разнообразие М-модели

При характеристике М-модели оказывается важной информация о том, насколько «когнитивно нагруженными» оказываются сигнификативные дескрипторы М-модели. Чем больше сущностей области цели описывает данная М-модель, тем больше ее потенциал в осмыслении явлений соответствующей проблемной области. Для характеристики **денотативного разнообразия** используется параметр, выявляющий, сколько приходится в среднем на один сигнификативный дескриптор в семантическом дереве данной М-модели различных денотативных дескрипторов во множестве отображений (реализаций) М-модели в дискурсе. При этом количество вхождений одного и того же дескриптора не учитывается. При определении числа сигнификативных дескрипторов курсивные (то есть реально не имеющие зафиксированных в материале денотативных соответствий) не учитываются.

Поскольку одна и та же сущность области цели может описываться различными сигнификативными дескрипторами, то можно по аналогии с денотативным разнообразием М-модели оценить и ее **сигнификативное разнообразие**. Оно вычисляется как отношение количества

всех сигнификативных дескрипторов к количеству денотативных. Количество вхождений дескрипторов опять-таки не учитывается. В данной книге сигнификативное разнообразие не рассматривается, поскольку это характеристика некоторой денотативной (целевой) области, а здесь обсуждаются метафорические модели, принадлежащие области источника.

#### 10.1.4. Стабильность денотативных реализаций М-модели

Весьма важен вопрос о стабильности обозначения явлений из области цели сигнификативными дескрипторами. В данном случае фактически имеется в виду, есть ли в данной М-модели то, что, по Дж. Лакоффу, называется «концептуальными метафорами», то есть характерны ли для данной М-модели достаточно конвенциональные пары типа «Время — это деньги», «История — это книга» и т. п. Это оказывается важным при отнесении данной М-модели к дискурсивной практике данного дискурса. (Чем больше таких пар, тем больше вероятность отнесения М-модели к дискурсивной практике.) Для определения **Д-стабильности** (или стабильности денотативных реализаций) используется соотношение между количеством неединичных употреблений денотативных дескрипторов к общему количеству употреблений всех денотативных дескрипторов. Следует иметь в виду, что если в семантическом дереве встречается несколько вхождений денотативного дескриптора, связанного с разными сигнификативными дескрипторами, то такие вхождения все равно считаются одиночными. Иными словами, в данном случае речь идет о количестве употреблений неединичных пар вида <сигнификативный дескриптор<sub>1</sub>, денотативный дескриптор<sub>2</sub>>.

Аналогично можно говорить о **стабильности сигнификативных реализаций** семантического дерева денотативной области (Д-области). Этот параметр является обратным параметру Д-стабильности и относится не к семантическим деревьям М-моделей, а к семантическим деревьям Д-областей. То есть он позволяет оценить регулярность возможного метафорического описания некоторого явления проблемной области (в данном случае политической реалии). Например, насколько регулярно соотношение между концептом «власти» и понятиями руля, рычагов и пр. **Параметр С-стабильности** (стабильности сигнификативных реализаций) вычисляется как отношение между количеством неединичных употреблений сигнификативных дескрипторов в данном семантическом дереве денотативной области к общему коли-

честву употреблений С-дескрипторов в соответствующем семантическом дереве. Параметр С-стабильности в данном исследовании не вычисляется, поскольку оно посвящено в первую очередь исследованию М-моделей. Однако этот параметр так или иначе используется при характеристике употребления отдельных денотативных дескрипторов в семантических деревьях метафорических моделей.

### 10.1.5. Парадигматика М-модели

Парадигматические характеристики получают числовое выражение по количеству отсылок от дескрипторов к другим М-моделям, в том числе к тем, которые являются частью данной М-модели, а также к тем, в которые входит данная М-модель.

В этой зоне описания М-модели содержится также информация о возможных М-моделях, противопоставленных данной с семантической точки зрения, то есть по набору дескрипторов, или с дискурсивной — по семантическим следствиям, которые часто порождаются в данном типе дискурса. Так, для М-модели механизм будет указана М-модель организм.

## 10.2. Содержательные характеристики М-модели

### 10.2.1. Денотативные характеристики М-модели

Денотативные характеристики М-модели относятся к тем частям проблемной области — в данном случае к политическим, экономическим и социальным реалиям — которые чаще всего описывает данная М-модель в исследуемом типе дискурса. Здесь же может помещаться информация о тех частях области «цели», которые либо вообще не осмысляются в терминах данной М-модели, либо такие примеры представлены в минимальной степени.

### 10.2.2. Сигнификативные характеристики М-модели

Дерево семантических дескрипторов М-модели может не охватывать значительных фрагментов «области источника». Например, дерево М-модели пища для русского материала не содержит такой важной для русской культуры реалии, как «водка». Так, странно выглядят фразы: *водка политической жизни*, *водка законодательства* и пр. Эти лакуны важно отразить хотя бы в минимальной степени. Лаку-



ны позволяют судить об отрицательном языковом материале в сфере метафорики (по крайней мере политической), что напрямую выводит на правила построения метафор в исследуемом типе дискурса — на «грамматику метафоризации».

### 10.2.3. Типичное в М-модели

Под «типичным» понималось наличие конвенциональных метафор, встречающихся в русском и, соответственно, немецком политическом дискурсе в исследуемой метафорической модели. Так, для М-модели литературы будет отмечено наличие в политическом дискурсе таких конвенциональных метафорических проекций, как Коммунизм — это сказка, История — это книга / текст, Коммунизм — это призрак, Политик — это персонаж литературного произведения.

### 10.2.4. Нетипичное в М-модели

Здесь приводится информация о единичных креативных метафорах, нетипичных для данной М-модели в данном типе дискурса. Так, в метафорической модели литературы указываются такие нестандартные осмысления Б. Н. Ельцина, как Беатриче, гадкий утенок, Иван-царевич.

### 10.2.5. Культурный и исторический фон

В этом разделе приводилась различная информация об истории употребления данной М-модели в дискурсе (если она имелась), культурные основания соответствующей М-модели. Для русского материала важно, например, указать роль М-модели организма как части мира русской общины и пр.

## 10.3. Сравнение русского и немецкого материала

Сравнение проводилось по всем указанным параметрам, однако полностью описания М-модели для каждого из языков не повторялись. Приводилась и обсуждалась только наиболее интересная, существенная часть.

## Глава 11. ОБЩАЯ СТРУКТУРА МЕТАФОРИКИ РУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ

### 11.1. Методика общего описания метафорических моделей русского и немецкого политического дискурса

Введение понятия «метафорической модели», разработка метаязыка для описания метафорических моделей в рамках дескрипторной теории метафоры (см. главу 1 и 2 данной книги), а также проведение комплекса работ по выделению метафор русского политического языка эпохи перестройки и немецкого политического дискурса эпохи объединения ГДР и ФРГ, а также по кодировке метафорических контекстов с введением их в базу данных позволяют поставить вопрос об исследовании общей структуры метафорических моделей в русском и немецком политическом языке соответствующего периода.

Действительно, сопоставление М-моделей русского и немецкого политического дискурса допустимо и оправдано как с теоретической, так и с практической точки зрения. С **теоретической точки зрения** здесь оказывается существенным то, что для описания метафор использовано одно и то же понятие метафорической модели, а также один и тот же концептуальный аппарат — метаязык сигнификативных и денотативных дескрипторов. Между элементами русского и немецкого метаязыков — сигнификативными и денотативными дескрипторами — установлены регулярные соответствия. Описание М-моделей осуществляется по одной и той же схеме (см. главу 10). С **практической точки зрения** возможность общего описания метафорической структуры русского и немецкого политического дискурса обеспечена репрезентативностью выборки данных (см. главу 8), а также сопоставимостью объемов выборки для русского и немецкого политического языков. Разумеется, нельзя утверждать, что кодирование русских и немецких данных во всех случаях было единообразным, однако эксперимент по проверке репрезентативности показывает, что в целом для достаточно частотных метафорических моделей результаты кодировки по русскому и немецкому языкам сопоставимы.

Описание М-моделей русского и немецкого политического дискурса осуществлялось по следующей схеме. С помощью компьютерной программы HYPERNAV, специально разработанной для целей проведения проекта, была подсчитана общая частота употребления сигнификативных дескрипторов при кодировке контекстов употребления метафор русского и немецкого языков. Далее, были выбраны только те дескрипторы, на основе которых формировались относительно замкнутые смысловые области — собственно М-модели. Иными словами, на втором этапе были отобраны те дескрипторы, которые давали название самим М-моделям: персонификация/PERSONIFIZIERUNG, война/KRIEG, пространство/RAUM, строительство/BAUWESEN и т. д.

На третьем этапе для анализа были оставлены только те модели, относительная частота которых превышала 0,004. Это связано с тем, что, как оказалось, репрезентативность низкочастотных моделей достаточно достоверно доказать не удается (см. главу 8). Кроме того, очевидно, что низкая частота употребления метафоры с определенностью свидетельствует о ее низком потенциале в отношении осмысления политических и экономических реалий и, как следствие, низкой значимости для политического дискурса и политического мышления. Так, низкочастотными для русского политического дискурса оказались, например, М-модели искусство, математика, финансы, сельское хозяйство. Для немецкого политического дискурса — GEWICHT, FEUER, ESSEN и ряд других.

На четвертом этапе выбранные М-модели оценивались с точки зрения существующих между ними различий в частоте употребления, выявлялись «провалы» в частоте между следующими друг за другом М-моделями. На основе выявленных «провалов» в частоте употребления формировались кластеры М-моделей.

Пятый этап исследования заключался в том, что кластеры М-моделей исследовались в отношении их **когнитивной стабильности**. Когнитивная стабильность определялась как характеристика разнообразных семантических связей между кластерами М-моделей — как в виде метафорических следствий, так и различных отношений прагматического характера. В этом же направлении изучались крупные кластеры, включающие три и более М-модели: они анализировались с точки зрения существующих внутри кластера семантических отношений между М-моделями. Среди семантических отношений учитывались в первую очередь **парадигматические отношения** между М-моделями, а именно вхождение дескрипторов одних М-моделей в другие, **отноше-**

**ния сходства** (профилирование М-моделями сходных семантических характеристик) и **прагматические имплицативные отношения**, когда использование метафор одной М-модели в прагматическом смысле часто влечет и использование метафор другой М-модели. Так, деятельность по строительству предполагает наличие пространства, в котором это строительство происходит. В этом смысле М-модель строительства предполагает наличие и М-модели пространства.

Когнитивная стабильность М-модели анализировалась как внутри кластера (если кластер был достаточно велик), так и с точки зрения ее связи с М-моделями других кластеров.

На шестом этапе исследования делались предположения о принадлежности тех или иных М-моделей и кластеров М-моделей к дискурсивным практикам данного политического дискурса. Под **дискурсивной практикой** понимаются тенденции в использовании близких по функции, альтернативных (синонимичных и квазисинонимичных) языковых средств выражения определенного смысла в данном типе дискурса — в данном случае немецкого и русского политического дискурса (см. подробнее [Баранов 2001а: 246]). Можно сказать, что дискурсивные практики с лингвистической точки зрения определяются устойчивыми наборами языковых средств вариативной интерпретации действительности, свойственными данному политическому субъекту или характерными для обсуждения данной темы политической коммуникации. М-модели и их сочетания (кластеры) также могут являться дискурсивными практиками. Для М-модели (или кластера М-моделей) как дискурсивной практики важна достаточно высокая частота употребления в дискурсе и когнитивная стабильность — связь с другими М-моделями и кластерами М-моделей. Более подробные характеристики М-модели как дискурсивной практики см. выше в главе 1.

Наконец на последнем этапе было проведено сравнение выявленных метафорических структур русского и немецкого политического дискурсов с точки зрения используемых в них М-моделей и кластеров М-моделей как дискурсивных практик.

Рассмотрим последовательно указанные этапы исследования на примере русского материала. Система немецких метафор, исследованная в проекте Й. Цинкиным, здесь не затрагивается (см. описание результатов этой части проекта в [Kulturelle Vorstellungswelten 2006]). В некоторых случаях сопоставительный материал приводится в заключительной части соответствующих глав как иллюстрация.

Более полно сопоставительный аспект проекта отражен в главе 18, посвященной анализу метафорических осмыслений России и ГДР (DDR).

## 11.2. Метафорическая структура русского политического дискурса

### 11.2.1. Формирование частотных кластеров М-моделей

После работы программы HYPERNAV и первичного укрупнения дескрипторов (отбрасывания дескрипторов, которые представляли собой компоненты М-моделей более высокого уровня) было получено порядка 40 дескрипторов, претендующих на статус М-моделей. См. табл. 1.

Таблица 1

**Сигнификативные дескрипторы русской базы данных, упорядоченные по абсолютной и относительной частотам (второй этап анализа)**

Сигнификативный дескриптор	Абсолютная частота	Относительная частота
персонификация	1036	0,047908
война	745	0,034451
пространство	700	0,032370
строительство	500	0,023121
механизм	397	0,018358
медицина	359	0,016601
объект-предмет	353	0,016324
организм	341	0,015769
религия-мифология	292	0,013503
фауна	289	0,013364
театр <sub>1</sub>	284	0,013133
путь-дорога	282	0,013040
транспорт	281	0,012994
игра	281	0,012994
родственные отношения	227	0,010497
литература	215	0,009942

Сигнификативный дескриптор	Абсолютная частота	Относительная частота
растение-дерево	201	0,009295
спорт	192	0,008879
сверхъестественное существо	191	0,008832
феодалные отношения	183	0,008462
вещество	164	0,007584
геометрия	162	0,007491
ограничитель	161	0,007445
анимализация	138	0,006382
погода	132	0,006104
преступный мир	100	0,004624
пища	97	0,004486
река	94	0,004347
жидкость	78	0,003607
огонь <sub>2</sub>	75	0,003468
музыка	69	0,003191
водоем	60	0,002775
волна	51	0,002358
горы	45	0,002081
сельское хозяйство	44	0,002035
история	40	0,001850
финансы	33	0,001526
цвет	31	0,001434
природа	30	0,001387
искусство	30	0,001387
математика	29	0,001341

Несмотря на то, что на первом этапе происходило укрупнение дескрипторов, некоторые дескрипторы более низкого уровня были оставлены. Так, дескриптор «анимализация»<sup>8</sup>, являющийся частью М-модели фауна, отставлен как автономный в силу того, что по метафорическим следствиям, по профилируемым свойствам обла-

<sup>8</sup> Использовался только для писания тех контекстов, в которых человек метафорически осмысливается как животное.

сти источника он существенно отличается от других реализацией М-модели фауна. М-модель ограничитель охватывает совокупность дескрипторов, которые входят и в М-модель ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ, и в М-модель ГЕОМЕТРИЯ, и в метафоры СТРОИТЕЛЬСТВА, ПРОСТРАНСТВА и др.

Отдельно рассматривается также дескриптор «путь-дорога» (часть источниковой области «пространство»). Последний по культурным и историческим причинам выделен в особую М-модель<sup>9</sup>. Впрочем, в последнем случае в пользу выделения дескриптора «путь-дорога» и, соответственно, М-модели путь-дорога как особых единиц метафорической системы можно привести аргументы, основанные на частоте употребления метафор. В принципе, в М-модели пространство на статус особой М-модели может претендовать еще и дескриптор «движение». В семантическом дереве М-модели пространство представлено 246 дескрипторов (с учетом только русских дескрипторов и с учетом дескрипторов дерева путь-дорога — 52 дескриптора, которые в БД маркировались как часть М-модели пространство). В среднем на один дескриптор в М-модели пространства приходится 2,845 примера (700/246). В поддереве движения с учетом дескрипторов дерева путь-дорога представлено 114 дескрипторов. В БД обнаружено 327 примеров употребления метафоры движения. Тем самым на один дескриптор поддерева движения приходится 2,868 примера (327/114), что мало отличается от средней «нагруженности примерами» одного сигнификативного дескриптора в М-модели пространства. Следовательно, по соображениям частоты употребления движение не имеет смысла рассматривать как особую М-модель. Совершенно иная ситуация с путем-дорогой. Поддерево этой метафоры содержит 52 дескриптора. Общая частота употребления метафор с рассматриваемым дескриптором — 282, следовательно, на один сигнификативный дескриптор в поддереве «путь-дорога» приходится 5,432 примера, что почти в два раза больше, чем в среднем для дерева М-модели пространство. Тем самым и по основаниям частоты употребления «путь-дорогу» следует рассматривать и как особый дескриптор, и как особую М-модель.

---

<sup>9</sup> Это отступление от описанной выше методики анализа в некотором смысле неизбежно. Как показано в парадигме постструктурализма, исходные представления о проблемной области часто определяют результаты исследования — по принципу «если у вас есть молоток, то все вокруг кажется гвоздями». Здесь в качестве таких исходных представлений о проблемной области выступают культурные и исторические знания.

На третьем этапе анализа было необходимо отобрать только те дескрипторы, которые имели достаточно высокую частоту употребления в ДБ. Хотя при определении репрезентативности было показано, что оценка низкочастотных М-моделей с этой точки зрения существенно затруднена (см. главу 8), точной цифры — количественного порога представимости — установлено не было. Можно предположить, что для корпуса данных порядка 8000—9000 контекстов употребления метафор порог в 100 употреблений оправдан: эта частота заведомо ниже, чем должна иметь действительно употребительная метафора (М-модель) в массиве объемом 8000 записей. Цифра в 100 записей составляет всего 1,25 процента от всего массива. В зоне с частотой порядка 100 употреблений оказывается несколько дескрипторов — ср. таблицы 1 и 2. Если оценить различие в частоте употребления между следующими друг за другом дескрипторами, то в частотной зоне 100 употреблений отчетливая граница пролегает между дескрипторами «погода» и «преступный мир», а также между дескрипторами «река» и «жидкость».

Таблица 2

**Зона дескрипторов русской БД  
с частотами порядка 100 употреблений**

Дескриптор	Абсолютная частота	Относительная частота	Различие в частоте между соседними дескрипторами
анимализация	138	0,006382	0,00028
погода	132	0,006104	0,00148
преступный мир	100	0,004624	0,00014
пища	97	0,004486	0,00014
река	94	0,004347	0,00074
жидкость	78	0,003607	0,00014
огонь	75	0,003468	0,00028
музыка	69	0,003191	0,00042
водоем	60	0,002775	0,00278

Выбор в качестве порога представимости границы между дескрипторами «погода» и «преступный мир» не соответствует критерию ста употреблений. Кроме того, по чисто прагматическим и семантическим основаниям М-модель преступный мир весьма важна для русского политического дискурса. В литературе по изучению русского политического языка неоднократно высказывались предположения



о важности мифологемы ПРЕСТУПНОГО МИРА для политического мышления эпохи перестройки и постперестройки (см., например, Чудинов 2001). Следовательно, более разумно в качестве порога представимости взять границу между дескрипторами «река» и «жидкость». В терминах относительной частоты употребления этот порог соответствует частоте 0,004. Аналогичная величина порога представимости М-модели выбрана и для немецкого материала.

Следующий этап исследования — формирование кластеров М-моделей на основании оценки различия в относительной частоте употребления между следующими друг за другом дескрипторами. В табл. 3 и на рис. 1 представлены результаты оценки различий в частоте употребления дескрипторов в русской базе данных.

Таблица 3

**Частотные провалы между М-моделями  
по относительной частоте (с порогом представимости 0,004)**

<b>Граничащие дескрипторы</b>	<b>Различие по частоте</b>
персонификация — война	0,01346
война — пространство	0,00208
пространство — строительство	0,00925
строительство — механизм	0,00476
механизм — медицина	0,00176
медицина — объект-предмет	0,00028
объект — предмет-организм	0,00056
организм — религия-мифология	0,00227
религия-мифология — фауна	0,00014
фауна-театр <sub>1</sub>	0,00023
театр <sub>1</sub> — путь-дорога	0,00009
путь-дорога — транспорт	0,00005
транспорт — игра	0,00000
игра — родственные отношения	0,00250
родственные отношения — литература	0,00056
литература — растение-дерево	0,00065
растение — спорт	0,00042
спорт — сверхъестественное существо	0,00005
сверхъестественное существо — феодалные отношения	0,00037
феодалные отношения — вещество	0,00088

Граничащие дескрипторы	Различие по частоте
вещество — геометрия	0,00009
геометрия — ограничитель	0,00005
ограничитель — анимализация	0,00106
анимализация — погода	0,00028
погода — преступный мир	0,00148
преступный мир — пища	0,00014
пища — река	0,00014

В табл. 3 и рис. 1 провалы в относительной частоте употребления между различными метафорическими моделями и группами М-моделей<sup>10</sup> видны достаточно хорошо. Если исходить из предположения, что частотные кластеры М-моделей отделяются друг от друга достаточно существенными различиями в относительной частоте, то на основании имеющихся данных в русском политическом дискурсе эпохи перестройки можно выделить следующие основные частотные кластеры М-моделей:

Кластер 1: персонификация

Кластер 2: война, пространство

Кластер 3: строительство

Кластер 4: механизм

Кластер 5: медицина, объект-предмет, организм

Кластер 6: религия-мифология, фауна, театр, путь-дорога, транспорт, игра

Кластер 7: родственные отношения, литература, растение-дерево, спорт, сверхъестественное существо, феодальные отношения

Кластер 8: вещество, геометрия, ограничитель

Кластер 9: анимализация, погода

Кластер 10: преступный мир, пища, река.

<sup>10</sup> На данном этапе обсуждения материала вместо термина «дескриптор» используется термин «метафорическая модель», поскольку отобранные дескрипторы представляют метафорические модели.

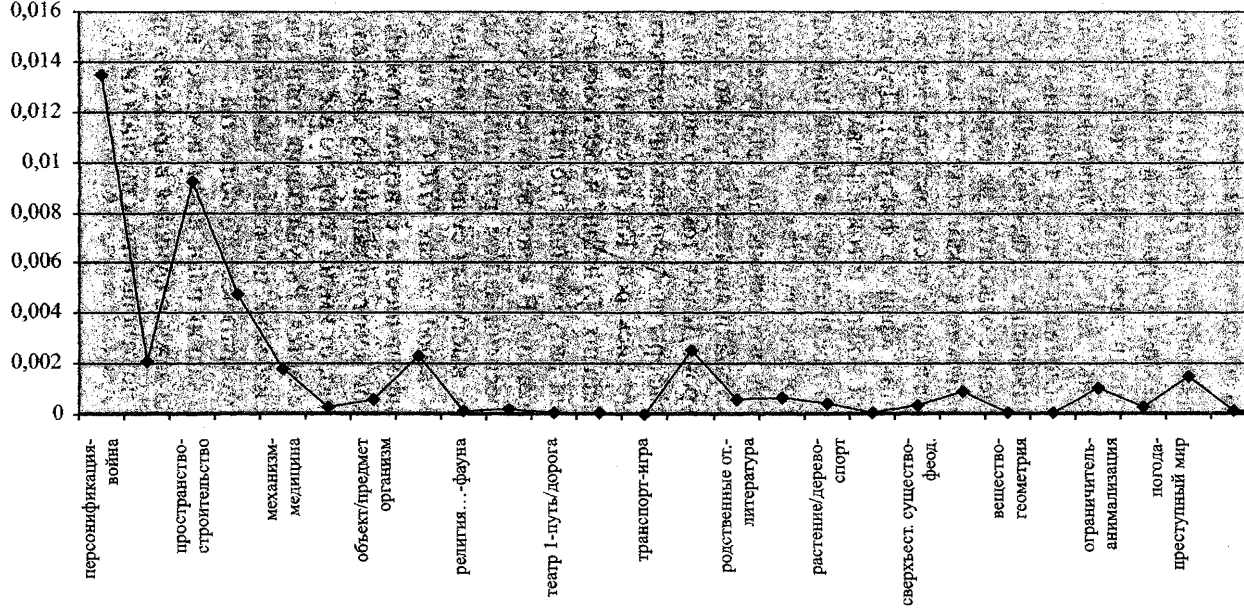


Рис. 1. Графическое отображение частотных провалов между дескрипторами

### 11.2.2. Общая характеристика частотных кластеров М-моделей

Первый кластер образован важнейшей для русского политического дискурса М-моделью персонификации. Отрыв этой М-модели от других метафорических моделей эпохи перестройки очень значителен. Это объясняется, с одной стороны, тем, что с лингвистической точки зрения троп олицетворения относится к числу типичных приемов расширения значения, обеспечивающих существование регулярной полисемии. Причем это утверждение относится не только к русскому языку, но и как минимум к европейским языкам тоже<sup>11</sup>. С когнитивной точки зрения М-модель персонификации часто оказывается фоновой метафорой (в противопоставлении «фон vs. фигура»). Другими словами, использование М-моделей войны, строительства, родственных отношений, театра, спорта часто предполагает в явной или скрытой форме использование и М-модели пространства.

Заметим, однако, что М-модель персонификации для русского политического дискурса эпохи перестройки является не только фоном, но в определенной степени и фигурой. Дело в том, что еще одна причина широкого использования метафоры персонификации заключается в самой специфике перестроечного дискурса. Как показано в [Баранов, Казакевич 1991], одна из важнейших функций перестроечного дискурса заключалась в разрушении ритуализации политического мышления и политической коммуникации. В качестве суперэго советского политического дискурса, обеспечивавшем ритуальный характер советского политического языка, выступала сущность, которая в разных текстах представляла то как *народ*, то как *КПСС*, то как *все прогрессивное человечество*. «Полифоничность» суперэго проявлялась в том, что в ситуации политической коммуникации оно занимало одновременно два места: это и субъект, от имени которого все делается, и адресат, во имя которого все делается. Ритуализация политического дискурса тоталитарного типа неизбежна, поскольку важнейшая функция политического дискурса демократического общества — достижение согласия — отодвигается на задний план, а то и исчезает вообще: договариваться-то не с кем. Куда важнее функция выражения принадлежности суперэго, лояльности по отношению к высшей силе.

---

<sup>11</sup> Заметим, впрочем, что немецкий политический дискурс в этом отношении устроен по-другому и метафора персонификации не является самой частотной — см. подробнее в [Baranov, Zinken 2003].

Персонификация оказывается мощнейшим средством поддержки ритуальной коммуникации, позволяя создавать политический субъект «из ничего». Ср. контексты типа *сами за себя говорящие факты, народ нам этого не простит*. Язык очень четко отражает противоречивый статус политических «псевдосубъектов». С одной стороны, «народ» выступает как активно действующая личность, которая удостоивает или не удостоивает доверия политических деятелей и политические партии; выражает свою социально-политическую волю; требует активно действовать во имя перестройки, защитить права русскоязычных, восстановить порядок и социальную справедливость; не позволяет отбросить завоевания социализма или, наоборот, реставрировать социализм. В этом случае «мнение народа» используется как основание для политической аргументации — аргументации весьма успешной, несмотря на весь возможный скепсис интеллектуалов. Дело в том, что попытка обсуждения правомочности говорящего использовать апелляции к «народу» переводит все коммуникацию на метауровень: на уровень обсуждения самих принципов ведения диалога на естественном языке. Близкая аналогия здесь такова: сбой в коммуникации аналогичен тому, как если бы во время лекции по высшей математике кто-то усомнился бы в правилах сложения и вычитания. Возникает коммуникативный провал, поскольку, с точки зрения говорящего, нарушено условие использования общего фонда знаний. Ср. некоторую странность контраргументов типа: *Народ ничего подобного не говорил; Ничего народ не требует; Никакой/ничьей воли народ не выражает* (см. подробнее [Баранов, Казакевич 1991]).

С другой стороны, народ выступает как пассивная личность, которую все и вся унижают, обижают и которая нуждается в уходе, заботе, кормлении и пр.: *Сталин обирает безропотный, изнасилованный на гражданской войне народ; слуги народа безнаказанно и нагло надругаются над народом; народ ставят на колени; из народа выбивают ум и способность работать; коммунистическая партия / фермерство / рынок должны накормить народ; народ сдает экзамен; у народа на душе тяжесть, которую необходимо снять; в народе пустила глубокие корни социалистическая идея; народ разрушают как творческую личность, как созидательное начало* и пр. Двойственность суперэго, естественно, позволяет манипулировать в аргументации, выбирая каждый раз то, что необходимо для обоснования тезиса. Как отмечает И. Чарнецка в одной из статей эпохи перестройки, «Народ —

это «симфоническая личность» (Карсавин), существо, которое действует руками людей вне зависимости от их дневного сознания». (Чарнецка И. «Советская Россия», 18 мая 1991 г.)

Между тем, М-модель персонификации, будучи важнейшим средством поддержки и регулирования ритуализованной политической коммуникации, одновременно оказывается инструментом, с помощью которого можно разрушить суперэго, введя новые политические субъекты. Использование фраз типа *Голос Сибири должен быть услышан на Съезде* или *Республики отворачиваются или уходят. Центр их грозно окликает* отражает когнитивный процесс де-ритуализации. Разумеется, можно спорить о том, насколько новые субъекты действительно являются реальными политическими субъектами, но лингвистическое отражение процессов де-ритуализации в этом случае вполне очевидно. Таким образом, способность поддерживать процессы ритуализации и де-ритуализации политического дискурса лежит в основе высокой частоты употребления М-модели персонификации в перестроечном политической дискурсе.

**Очевидно, что первый частотный кластер, образованный одной М-моделью, внутренне когерентен и когнитивно стабилен.**

Второй кластер образован М-моделями войны и пространства. Военная метафора представляет собой достаточно типичное явление советского политического языка. Хотя достаточно обоснованных исследований частоты употребления М-моделей в советском политическом языке 20—30 годов нет, нет и достоверных данных о частоте употребления метафор в политическом дискурсе дореволюционной эпохи, тем не менее, выборочный анализ (например, сравнение метафорики некоторых речей Гучкова и Сталина) показывает, что военная метафора была привнесена в политическую коммуникацию именно в советскую эпоху. Советская политическая культура пережила период полного подчинения военной метафоре — период «наступления социализма по всему фронту». Начало этого периода связано с эпохой «великого перелома», а окончание относится к середине 50-х гг. Анализ речей и статей Сталина показал, что все события действительности осмысляются им в первую очередь в военной перспективе: *бешеные атаки на социализм, зверская борьба против кулачества, заклятые (заядлые) враги советской власти, боролся с остервенением* (о Ленине), *сокрушительный удар иллюзиям*. Высокая частота употребления М-модели войны объясняется, во-первых, наследием советского политического языка и политического мышления и, во-вторых, очевидной

конфликтностью политической ситуации, кризисным состоянием общественного сознания.

М-модель пространства, хотя и образует вместе с М-моделью войны единый частотный кластер, фактически — с семантической и прагматической точки зрения — абсолютно автономна. В этом смысле второй частотный кластер некогерентен и когнитивно нестабилен. Для немецкого политического дискурса эпохи «die Wende» М-модель RAUM оказывается наиболее частотной, и это не случайно, поскольку сама номинация этого исторического периода — *die Wende* («поворот») — относится к пространственной метафорике. Пространственная интерпретация проблемной политической области в этом случае оказывается весьма значимой с точки зрения политического мышления. Анализ употребления метафорической модели пространства в русском политическом дискурсе показывает, что, в отличие от немецкого дискурса, довольно высокая частота употребления этой модели объясняется не столько специфическим осмыслением политических и экономических реалий, сколько тем, что идея пространства лежит в основе многих других М-моделей, явно более существенных в осмыслении перестроечных реалий. Так, очевидно, что любая деятельность субъекта — военные действия, строительство, занятие спортом, а также функционирование механизма, передвижение транспортного средства — происходят в пространстве. Если рассуждать в терминах «фона» и «фигуры», то М-модель пространства оказывается фоном функционирования многих других метафорических моделей. То есть, используя другие метафоры, мы с неизбежностью прямо или косвенно — непосредственно или в виде метафорических следствий — используем концепт пространства. Отсюда высокая степень парадигматической связанности М-модели пространства (см. ниже).

Третий кластер образован М-моделью строительства, которая довольно резко отличается по частоте от М-модели пространства, и в несколько меньшей степени противопоставлена по частоте М-модели механизма (0,00925 и 0,00476 соответственно). В отличие от метафоры пространства, строительство относится к числу метафор-фигур. Иными словами, используя в переосмыслении политических реалий понятийные области вещества, объекта, спорта, театра, литературы, носитель языка вовсе не обязательно оказывается связанным с М-моделью строительства. Или во всяком случае это верно для относительно небольших подмножеств сигнификативных дескрипторов соответствующих деревьев (ср., например, дескрипторы, образующие

подмножество «люди, связанные со строительством и строением» множества дескрипторов М-модели строительства, которые одновременно попадают в М-модель персонификации). Отсюда следует, что высокая частота М-модели строительства не случайна и характеризует специфический способ осмысления проблемной ситуации, характерный именно для периода перестройки. Собственно, на специфичность, «фигурность» рассматриваемой М-модели указывает и само название этого политического периода — «перестройка», которое является частью метафоры строительства.

Основная особенность обсуждаемой М-модели в русском политическом дискурсе — профилирование тех свойств источниковой области, которые связаны с рациональной деятельностью человека по изменению, модификации строения. Причем, как следует из исследованных текстов, процесс изменения строения приводит как к положительным (*укрепление несущих конструкций в здании правового государства; перестроенное общественно-экономическое здание*), так и к отрицательным (*разрушение здания многовековой русской культуры; фасад рушащегося здания российской государственности*) результатам. С когнитивной точки зрения использование метафоры строительства позволяет сделать рационально-прозрачной деятельность человека при решении проблемы. В этом случае проблема оказывается не черным ящиком, недоступным рациональному пониманию, а транспарентной сущностью, которую можно и нужно изменять, модифицировать, достигая нужного эффекта. В этом можно видеть положительное, конструктивное содержание феномена перестройки как политической программы.

Четвертый кластер образован М-моделью механизма. По своим когнитивным характеристикам — характеру высвечиваемых свойств источниковой области — эта М-модель близка метафоре строительства. М-модель механизма также формирует рациональный подход к проблеме. Как и предшествующая М-модель, метафора механизма относится к метафорам-фигурам, будучи специфичной для осмысления политической ситуации. Метафора механизма играет особую роль в русском политическом дискурсе, поскольку после Октябрьской революции она использовалась как языковое средство изменения органистического способа мышления, характерного для российского социума (ср. М-модели растения-дерева, организма и под.), в сторону механистического, рационального мышления, необходимого при решении задач индустриализации СССР. См. подробное обсуж-



дение метафоры механизма ниже в главе 11; см. также [Баранов, Казакевич 1991; Баранов 2001а: 155—159; Baranov 2002]. Фактически М-модели строительства и механизма образуют устойчивую когнитивную структуру, объединенную сходными свойствами областей источников.

Как и первый частотный кластер, **третий и четвертый частотные кластеры когнитивно стабильны**, поскольку образованы отдельными М-моделями.

Пятый частотный кластер сформирован тремя различными М-моделями: медицина, объект-предмет, организм. Две из них — метафоры медицины и организма — связаны между собой общими сигнификативными дескрипторами. Один из таксонов дерева медицины — «состояние, свойства организма» практически полностью представлен в дереве дескрипторов организма. «Органистический» способ мышления имеет глубокие культурные корни в мире русской общины; он был характерен для общественного сознания дореволюционной эпохи. Разрушение органистического способа мышления представляло собой одну из задач послереволюционных преобразований. Собственно, перестройка как политическая программа в когнитивном смысле продолжила «дело Октября», предложив именно рациональную<sup>12</sup> программу преобразования общества. В этом отношении М-модели организма и медицины противопоставлены рациональным метафорам. Интерпретация перестройки как организма в основном была связана с коммуникативным высвечиванием идеи болезни общества, государства и лечением этой болезни. При этом конструктивность воздействия на проблему в рамках метафоры организма существенно снижалась. Интересно, что рациональная составляющая в М-моделях медицины и организма, например, идеи хирургической операции, в основном интерпретировалась в резко отрицательном смысле, ср. примеры типа (1а, б):

- (1) а. <...> я сам, смею думать, своими книжками в какой-то мере вострил тот самый *скальпель*, *каковым сделан исторический надрез*... А теперь мы стоим над разверстой плотью в недоумении и готовы, как в том анекдоте, замахать руками и закричать: «Ничего не получается, ничего не получается!» (Поляков Ю. М. «Столица», № 41—42, 1991);

<sup>12</sup> Разумеется, «рациональную» в когнитивном, а не политическом смысле.

б. Коллектив позволил произвести над собой что-то вроде *хирургической операции по удалению мозга* — помнишь картину Босха? (Панков В. «Огонек», № 48, 1990)

В целом рационалистические, конструктивные М-модели в перестроечном дискурсе превосходят по частоте употребления органистические модели (см. подробнее ниже описание М-модели механизма в главе 14).

Третья М-модель частотного кластера — ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ — скорее, относится к рациональным М-моделям, поскольку и объект, и предмет позволяют проводить над собой различные действия, манипуляции вполне в духе М-моделей механизма и строительства. Кроме того, в М-модель ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА входят номинации разнообразных инструментов — средств изменения действительности. Очень важную часть этой М-модели образуют объекты-ограничители, представленные также в восьмом частотном кластере в обобщенной М-модели ограничитель. В таксон ОБЪЕКТ-ОГРАНИЧИТЕЛЬ попали те объекты-предметы, которые в метафорическом употреблении в политическом дискурсе профилируют идею ограничения свободы действия субъекта, ср. контексты: *находиться в тисках старых догм; превращать госказ в давящий хомут; возжеси цен; тяжелый груз ответственности.*

Как уже отмечалось выше, в метафоре медицины, в отличие от большинства органистических моделей, представлена определенная рациональная составляющая, связанная с идеями «оперативного лечения», «диагноза». С этой точки зрения между рационалистической М-моделью «объект-предмет» и комплексом органистических метафор медицина и организм существует семантическая и когнитивная связь, что позволяет квалифицировать пятый кластер как **частично когерентный и когнитивно стабильный.**

Шестой частотный кластер с семантической точки зрения еще более разнообразен. С одной стороны, он включает целый ряд М-моделей, которые объединяются идеей «противопоставленности реальному миру». К ним относятся метафорические модели религии-мифологии, театра, и игры. Единственная модель такого же семантического типа, которая не попала в этот частотный диапазон — М-модель сверхъестественного существа — представлена в следующем (седьмом) частотном кластере. Близость частот употребления этих М-моделей, по-видимому, не случайна. В общем случае их использование в политическом дискурсе преследует цель противопоставления мира поли-

тики как мира иллюзорного, нереального миру реальному, действительному. Ср. следующие примеры:

- (2) а. У стран посттоталитаризма страшно много общего, но Россию отличает немалая специфика. Хотел бы указать на два феномена, идущих рядом, а где-то и сливающихся друг с другом. Это политический *инфантилизм многих актеров политической сцены*, доходящий до полного абсурда. (Кива А. «Сегодня», 10.08.1993);
- б. Он все платит и платит за эту внушаемую ему семьдесят лет веру в *коммунистическое пришествие* — неужто недостаточно? («Известия», 14.09.1990);
- в. Никакие *юридические и политические игры* не спасут, решение таких вопросов — естественное суверенное право народов, и я думаю, что они будут настаивать на этом. (Горбачев М. С. Первый съезд народных депутатов, 19.08.1990)

М-модель религии-мифологии в этом отношении несколько отличается от М-моделей ТЕАТРА, и ИГРЫ. Она довольно часто обращает внимание и на другие общие свойства элемента области источника и соответствующего элемента области цели. Ср., например, *молох государственного монополизма* (высвечивание идеи «ненасытности, бессмысленной траты ресурса»), *крушение идолов коммунизма* (высвечивание идеи «ложной ценности»), *революция похожа на потоп* (высвечивание идей «стихийности» и «непобедимости»).

Еще один концентр шестого частотного кластера образован М-моделями ПУТЬ-ДОРОГА и ТРАНСПОРТ. Семантическая связь между ними очевидна. Это прагматические имплицативные связи между М-моделями: движение в транспортном средстве прагматически предполагает наличие «пути-дороги» в том или ином варианте. Понимание перестроечных процессов как движение в транспортном средстве относится к числу достаточно типичных метафорических осмыслений перестройки. В отличие от архитектурной метафоры, М-модель ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА существенно сужает набор альтернатив для решения проблемы. При интерпретации перестройки, СССР, государства как корабля / лодки профилировались такие свойства области источника, как скорость корабля (ср. политику «ускорения» на ранних этапах перестройки), курс корабля / лодки (*курс на перестройку*), движение направо и налево (*экономика страны — это лодка, которая идет то влево, то вправо*), нахождение на мели (как кризис — *столкнуть корабль с той мели, на которой он сидит уже не один год*),

нахождение на плаву, раскачивание (*трудно удержаться на плаву; нельзя раскачивать лодку*), возможность замены команды пассажирами, смена капитана и т. д. При этом затеваются такие важные альтернативы решения проблемы, как капитальный ремонт корабля, его реконструкция — вплоть до полной замены, замена команды и пр.

Метафора пути-дороги, тесно связанная с М-моделью транспортного средства, еще больше ограничивает степень свободы в выборе решения. В этом случае можно говорить об окольном, но более легком пути, о более прямой дороге, которая, однако, осложнена крутыми подъемами, перевалами и опасными спусками; можно остановиться, повернуть направо или налево, двигаться вперед или назад и т. п. В этом смысле переход к М-модели пути-дороги оказывается некоторым упрощением способа осмысления реальности по сравнению с АРХИТЕКТУРНОЙ МЕТАФОРой.

Третья часть рассматриваемого кластера образована М-моделью фауны. Как показывает анализ (см. подробнее главу 16), метафора фауны в подавляющем случае используется для осмысления различных политических субъектов, что позволяет ввести в рассмотрение широкий круг различных характеристик — от неповоротливости, инертности (*[Россия —] это такой медведь*) и величины (*медведь [Россия —] не может быть равен суслику*) до глупости и бездумности (в почти конвенциональной метафорической проекции Народ / общество — это стадо). Существенно, что с когнитивной и семантической точки зрения данная М-модель несколько выпадает из шестого частотного кластера, объединяясь, скорее, с М-моделями, образующими различные типы персонификации и будучи фактически одной из ее ступеней. В данном исследовании часть М-модели фауны выделена в М-модель анимализации, к которой отнесены случаи «понижающей» персонификации — осмысление человека как животного (см. ниже девятый частотный кластер).

Шестой частотный кластер объединяет несколько подгрупп М-моделей. Самая мощная подгруппа — это конструкция М-моделей религия-мифология — театр<sub>1</sub> — игра. Вторая подгруппа сформирована М-моделями пути-дороги и транспортного средства. Наконец, последняя М-модель фауны не имеет в данном кластере ярко выраженных семантически близких пар, однако некоторые достаточно слабые связи все-таки имеются. Так, движение животных по тому или иному виду пути-дороги вполне возможно. Например, осенью 1990 года, когда широко обсуждалась возможность смены правительства, в

политической аргументации использовалась метафорически мотивированная поговорка *коней на переправе не меняют*: «*Коней на переправе не меняют*» — *эта мудрая поговорка не должна быть забыта* («Советская Россия»). Вполне допустима в дискурсе и сочетаемость метафоры фауны и М-модели транспортного средства в ситуациях, когда животное является частью средства передвижения. Ср. контексты типа: *Что касается выборов в Верховный Совет, тут труднее прийти к однозначному решению. Много говорили по этому вопросу на предсъездовских встречах, но согласия не достигли, и в этом нет неожиданности, вопрос принципиальный: что ставить впереди — телегу или лошадь? Думаю, что лошадь, но только в таком контексте. Начать нужно с вопроса о парламенте* (Полужтков А. С. Первый съезд народных депутатов).

В исследованном материале имеются примеры, доказывающие возможность установления связей между метафорой фауны и метафорой религии-мифологии. Ср. следующие примеры: *Еще В. И. Ленин называл розовых, подыгрывающих красным, «полезными идиотами», а современный Ленину германский социалист — «троянскими ослами»* (Кравченко В. «Независимая Газета», 27.04.1993); *Указ от 6 ноября 1991 года о запрете КПСС был чисто символическим — этот тощий (дряблая кожа да ломкие кости) телец был принесен на алтарь демократии. Закланием КПСС Ельцин ясно дал понять, что обратной дороги для него нет* (Петин Н. «Столица», 01.05.1992). Эти примеры показывают, что **шестой частотный кластер также можно считать частично когерентным и когнитивно стабильным**.

Седьмой частотный кластер по количеству М-моделей столь же велик, как и шестой. Он включает шесть типов М-моделей: родственные отношения, литература, растение-дерево, спорт, сверхъестественное существо, феодальные отношения. В отличие от предшествующего кластера, этот кластер и семантически и прагматически неоднороден. Хотя некоторые М-модели связаны друг с другом попарно, никаких достаточно устойчивых более чем бинарных группировок не наблюдается. Так, М-модели родственные отношения и сверхъестественное существо в принципе сходны в том отношении, что в ряде случаев используются как ступени персонификации. С другой стороны, метафоры М-модели сверхъестественное существо часто фигурируют как части М-модели литература. Например, метафоры Баба Яга и Кощей Бессмертный являются одновременно и сверхъестественными существами, и литературными персонажами. Однако на уровне М-моделей

этими связями все фактически и исчерпывается. Более широкие связи у М-моделей данного кластера вовне. Так, модель спорта относится к числу конфликтных метафор и может быть рассмотрена вместе с М-моделью войны. М-модель РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО сходна по метафорическим следствиям с метафорой ОРГАНИЗМА. М-модели родственные отношения и СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО, как уже отмечалось выше, непосредственно связаны с метафорой ПЕРСОНИФИКАЦИИ.

Отсутствие ясно выраженных семантических связей между М-моделями данного кластера указывает на то, что он является **некогерентным и когнитивно нестабильным**. Забегая несколько вперед, можно сказать, что сам по себе рассматриваемый частотный кластер не образует какой-либо устойчивой дискурсивной практики. С семантической и прагматической точки зрения «частотные границы», выделяющие эту группу М-моделей, довольно случайны.

То же самое можно сказать о девятом (анимализация, погода) и десятом (преступный мир, пища, река) частотных кластерах. Некоторые содержащиеся в них М-модели связаны с другими М-моделями. Так, метафора анимализации является частью М-модели фауны. Отдельные дескрипторы М-модели преступного мира могут использоваться в метафорических процессах персонификации (ср., пример из Юза Алешковского: *Считаю, что именно это слово [«непонятный»] замечательно характеризует случаи, выпадающие на долю огромных наций <...> жертв истории и судьбы. Я даже полагаю, что так называемая ИСТОРИЯ просто обязана, так сказать, конвоироваться этим всеобъемлющим словом в наше сознание, и тогда всем нам хоть ясно будет, с чем мы имеем дело на протяжении тысячелетий* (Алешковский Ю. «Столица», № 41—42, 1991)). Однако в целом рассматриваемые частотные кластеры довольно случайны и **когнитивно нестабильны**.

Метафоры М-модели погоды, входящей в девятый частотный кластер, чаще всего используются для высвечивания идеи опасности, в том числе неожиданной (ср.: *кажущееся спокойствие политической жизни предвещает грозу; итоги голосования оказались громом среди ясного неба*) и неконтролируемости (ср.: *националистическая стихия; стихия рынка; вихрь роста цен; очистительная гроза демократизации общества; атмосфера террора*). Идея неконтролируемости при этом оказывается более общей, входя как часть в семантику опасности: гром и гроза столь же неконтролируемы, как и стихия, вихрь или состояние атмосферы. Идея неконтролируемости характерна

и для примеров употребления некоторых периферийных (по частоте) М-моделей. Так, контексты употребления М-моделей реки (94 вхождения в БД) и жидкости (78 вхождений в БД) также часто используются для коммуникативного высвечивания политических процессов, неподвластных прямому рациональному воздействию (*бурный поток народного недовольства; водоворот событий; половодье инфляционных бумажек; всплеск национального самосознания; политическое и национальное противостояние достигло точки кипения; всплеск эмоций захлестывает все разумные мнения*). Заметим, впрочем, что метафора реки в этом смысле амбивалентна: образ русла реки апеллирует именно к рациональному осмыслению ситуации, ср.: *направить Съезд в правильное русло; направить становление власти в правильное русло*. Относительно небольшая частота для контекстов такого рода (порядка 10 вхождений дескриптора «русло») позволяет объединить данную М-модель с М-моделями погоды и жидкости на основе профилирования свойства неконтролируемости ситуации. Иными словами, представляется разумным выделить еще одну констелляцию М-моделей — констелляцию М-моделей неконтролируемости. Отметим, что по целому ряду характеристик данная констелляция близка констелляции органистических метафор, поскольку организм в прототипическом понимании плохо совместим с аналитическим, рациональным воздействием и поведением (см. выше).

Более мотивирован с семантической точки зрения восьмой частотный кластер (вещество, геометрия, ограничитель). Точнее, две М-модели этого кластера — геометрия и ограничитель — связаны довольно сильно и имеют целый ряд общих дескрипторов. Например, дескрипторы «грань» и «черта» одновременно входят в обе обсуждаемые М-модели. М-модель вещества с объединенной структурой М-моделей геометрия-ограничитель связана не прямо, а через метафору ограничителя. Метафора ограничителя включает не только объекты-предметы, но и химические вещества, которые влияют на сознание и искажают восприятие действительности, а также субстанции, ограничивающие свободу субъекта. Ср. контексты типа: *Они просто паникуют перед возможностью жить в условиях самостоятельности, хотят прежней регламентации, прежнего послушания, предпочитают жить в мире иллюзий, ищут спасения от трудных вопросов перестройки в мертвенных догмах и схемах. Привыкли к социальным наркотикам* («Известия», 14.09.1990); *Наше общество завязло в плюрализме* (Залыгин С. «Новый Мир», 01.04.1990). Следовательно

**восьмой частотный кластер можно считать частично семантически когерентным и когнитивно стабильным.**

### 11.2.3. М-модели и их констелляции как дискурсивные практики

Анализ частотных кластеров М-моделей позволяет перейти к следующему важному этапу исследования — оценке выделенных М-моделей и их частотных кластеров как дискурсивных практик. Выше уже отмечалось, что под **дискурсивной практикой** понимаются общие тенденции в выборе каких-то конкретных способов выражения смысла из множества близких по функции, альтернативных (синонимичных и квазисинонимичных) языковых средств. Для идеологизированных дискурсов выбор дискурсивной практики оказывается решающим. От того, говорится ли об *анти-террористической операции* или *войне с мирным населением*, о *приватизации* или «*прихватизации*», *разграблении народного достояния*, об *ополченцах* или *сепаратистах*, зависит политическая позиция говорящего, выбранный способ интерпретации, понимания политических реалий и, как следствие, структура идеологизированного дискурса. Дискурсивной практикой может быть и метафорическая модель или комплекс М-моделей.

Можно предположить, что при определении М-модели (сочетания М-моделей) как дискурсивной практики следует учитывать целый ряд факторов. Во-первых, существенна **частотная характеристика** употребления М-модели в данном типе дискурса, в том числе — для сочетаний М-моделей — факт вхождения в один частотный кластер. Частотная характеристика, очевидно, является важнейшей, поскольку дискурсивная практика с низкой частотой употребления вряд ли может быть практикой в точном смысле (если обращать внимание на внутреннюю форму термина). Заметим, правда, что оценку высокой или низкой частоты употребления М-модели довольно трудно обосновать, критерии такого рода не вполне ясны. Можно лишь предположить, что М-модели, находящиеся в начале списка М-моделей, упорядоченных по частоте, обладают высокой частотой употребления, а те, которые попадают в конец списка, соответственно, низкой или относительно низкой частотой — см. табл. 1. Анализ табл. 3 и рис. 1, отображающих различия в частоте употребления между М-моделями, сходными по количественным характеристикам, показывает, что в середине рис. 1 имеется провал в частоте употребления



между М-моделями игры и родственных отношений. Можно считать, что этот провал и задает границу между высокочастотными и низкочастотными М-моделями. В терминах абсолютной частоты эта граница проходит между 300 и 200 употреблениями (на 8 000 контекстов употребления метафор). Разумеется, такое решение весьма условно, но даже условный ориентир для оценки частоты необходим. Возможные ошибки в определении этой границы будут компенсированы другими параметрами, которые также существенны для выявления дискурсивной практики, но которые в то же время, если и связаны с частотой употребления, то непрямо.

Второй существенный фактор — наличие **парадигматических отношений** между М-моделями, то есть факт вхождения дескрипторов одних М-моделей в другие. В-третьих, следует учитывать наличие **сходства в метафорических следствиях** М-моделей (профилирование сходных свойств — ср. М-модели строительство и механизм, растение-дерево и организм). Наличие парадигматических отношений и сходство метафорических следствий характеризует констелляции метафор (в сильном и слабом смысле)<sup>13</sup>.

В-четвертых, важно иметь в виду существование **прагматических имплицативных отношений**, когда использование метафор одной М-модели в прагматическом смысле часто влечет и использование метафор другой М-модели. Так, деятельность по строительству предполагает наличие пространства, в котором это строительство происходит. В этом смысле М-модель строительства имплицитно предполагает наличие и М-модели пространства. Наибольшим количеством прагматических имплицативных отношений характеризуются М-модели персонификации и пространства. Прагматические имплицативные отношения являются важнейшим признаком **фоновых** метафорических моделей (см. подробнее главу 1). Наконец, в-пятых, дискурсивная практика чаще всего имеет культурные и исторические основания. Иными словами, дискурсивная практика, кроме всего прочего, связана с **исторической и культурной традицией**. Эти пять факторов в целом отражают ту

---

<sup>13</sup> Напомним, что «констелляцией метафор» называется совокупность М-моделей, сходных по метафорическим следствиям. «Констелляцией метафор в сильном смысле» называется совокупность М-моделей, для которых выполняется первое условие и которые, кроме того, имеют довольно тесные парадигматические связи (общие сигнификативные дескрипторы). См. подробнее главу 1 настоящей книги, см. также [Баранов 2004а].

сущностную роль, которую играет данный феномен в структуре дискурса. Структурообразующие феномены и являются дискурсивными практиками. Верно и обратное: структура дискурса формируется теми речевыми практиками, которые в нем используются.

Исчерпывающий анализ потребовал бы сравнения выделенных дискурсивных практик с аналогичными феноменами других типов дискурсов, поскольку каждый тип дискурса характеризуется уникальным сочетанием дискурсивных практик. Однако в настоящее время это невозможно из-за того, что соответствующие исследования практически отсутствуют. К числу приятных исключений, не претендующих, впрочем, на формальную доказательность, относится известное описание немецкого политического языка времен третьего рейха, выполненное В. Клемперером в филолого-публицистическом ключе и изложенное в замечательной книге «LTI. Язык Третьего рейха» [Klemperer 1969; Клемперер 1998].

Упомянутые факторы, существенные для выделения дискурсивных практик, разумеется, следует рассматривать не как формальное определение, а только как эвристики, подтверждающие или опровергающие интуицию исследователя. Рассмотрим с точки зрения этих параметров М-модели и частотные кластеры М-моделей перестроенного политического дискурса.

М-модель персонификации, образующая первый частотный кластер, по частоте употребления с несомненностью может претендовать на статус дискурсивной практики. Это подтверждают и многочисленные парадигматические связи данной модели с другими М-моделями. В семантическом дереве М-модели персонификации отмечены пересечения со следующими М-моделями: война, строительство, спорт, феодалские отношения, финансы, пространство, медицина, растение-дерево, организм, религия-мифология, родственные отношения, сверхъестественное существо, транспорт, литература, преступный мир, театр. Всего в использовавшемся метаязыке сигнификативных дескрипторов зафиксировано 16 парадигматических связей рассматриваемой М-модели с другими метафорическими моделями. Полученная оценка, разумеется, довольно условна, поскольку не учитывает количество совпадающих дескрипторов для каждой пары М-моделей (персонификация — М-модель X), однако для поставленной задачи этого вполне достаточно.

Оценить сходство обсуждаемой М-модели с другими М-моделями в профилировании свойств источника довольно сложно, поскольку

ку дескрипторы персонификации, пересекаясь с разными другими М-моделями, наследуют, в свою очередь, и их свойства, что может существенно менять высвечиваемые свойства источника. Очевидно, однако, что профилирование, например, интеллектуальных свойств, целенаправленного поведения, типичные для М-модели персонификации, столь же характерны и для ряда дескрипторов М-моделей феодальных отношений (ср. подтаксон «участники феодальных отношений» — «король», «князь», «монарх», «царь» и пр.), религио-мифологии (ср. подтаксон «существа мира религии»), родственных отношений (почти все подтаксоны соответствующего дерева), сверхъестественного существа, литературы (ср. подтаксон «персонаж»), преступного мира, театра, (ср. подтаксон «люди в театре»).

Не менее широки прагматические имплицативные связи обсуждаемой М-модели с другими М-моделями. Любое целенаправленное поведение предполагает наличие субъекта и, соответственно, апелляцию к М-модели персонификации. Легче перечислить те М-модели, прошедшие частотную границу в 0,004, которые не предполагают с прагматической точки зрения персонификацию. К ним относятся, М-модели ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ, РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО, ВЕЩЕСТВО, ГЕОМЕТРИЯ, ОГРАНИЧИТЕЛЬ, ПОГОДА, РЕКА. Даже метафорическая модель пространства, реализуясь в М-модели пути-дороги, также предусматривает наличие субъекта, который по ней передвигается.

Несколько менее очевидны культурные и исторические основания. Известное подтверждение наличия культурных и исторических факторов в использовании М-модели персонификации можно увидеть в мифологемах общественного сознания, свойственных русскому (и шире — российскому) общественному сознанию. Одна из таких мифологем — идея справедливости, понимаемая как уравнительное распределение ресурса («уравнительная справедливость», по Аристотелю) — имеет глубокие корни в духовном мире русской общины (см. подробнее [Баранов 1990а]). В западной традиции концепт «справедливости», скорее, связан с идеей следования закону, правилу. Российская «распределительная справедливость», между тем, всегда требует существование субъекта, который и распределяет соответствующий ресурс. Отсюда возникает целый комплекс мифологем, когнитивно связанных между собой и мотивированных с языковой точки зрения метафорой персонификации. К ним относятся идея «справедливого государя» (прекрасно отраженная в русской классической литературе: «Вот приедет барин — барин нас рассудит, / Барин сам увидит, что

плоха избушка, / И велит дать лесу» (Некрасов Н. А. «Забывтая деревня»)), очевидная склонность к патернализму и идея «сильной руки» (см. [Баранов 1990а]). Совершенно ясно, что М-модель персонификации не только не противоречит этим *idola fori* (Фр. Бэкон), но и поддерживает их.

Дополнительное историческое основание М-модели персонификации — ритуализация советского политического языка, которая привела к возникновению политического суперэго в политическом дискурсе. Преодоление односубъектной структуры политического дискурса, разрушение структуры ритуальной политической коммуникации опять-таки стимулировало широкое использование М-модели персонификации в осмыслении политических и экономических реалий (см. по этому поводу выше). На основании сказанного можно сделать вывод о том, что **М-модель персонификации относится к числу дискурсивных практик русского политического дискурса эпохи перестройки.**

Следующая по частоте употребления М-модель — метафора войны. Она не образует особого частотного кластера, входя в единый частотный кластер с М-моделью пространства. Впрочем, в отличие от пространства, метафора войны является моделью-фигурой. По частоте употребления метафора войны с несомненностью претендует на статус дискурсивной практики. С точки зрения парадигматических отношений рассматриваемая метафора связана со следующими моделями: история, игра, персонификация, строительство. Это существенно меньше, чем для М-модели персонификации. Импликативные прагматические отношения связывают М-модель войны в первую очередь с моделью пространства и (отнюдь не для всех случаев) с М-моделью персонификации. И здесь, как мы видим, М-модель войны оказывается отнюдь не на первом месте. Что касается сходства в метафорических следствиях, то для М-модели войны наиболее часто профилируемым свойством является идея «конфликтности» и «победы/поражения». Эти же свойства профилируются и М-моделями спорта и игры. Культурная и историческая традиция использования М-модели войны имеется, однако она весьма ограничена по времени. Как уже отмечалось выше (см. также [Баранов 1990а; Баранов, Караулов 1991]), широкое использование метафоры войны приходится на послереволюционный период. Концептуальный милитаризм политического дискурса, характерный для советского политического языка, получает естественное продолжение в дискурсе эпохи перестройки. Хотя специальных

исследований частоты употребления М-моделей советского политического языка эпохи «застоя» к настоящему времени не проводилось, даже поверхностное знакомство с «деревянным языком» брежневской эры на уровне обывательского восприятия показывает, что военная метафорика имела в те времена существенно меньшую частоту, чем в период перестройки. Военная метафорика перестроечного дискурса ввела в политическую коммуникацию дополнительные признаки конфликтности и кризисности политического мышления.

Проведенный разбор характеристик М-модели войны показывает, что по частоте и частично по историческим основаниям она должна быть признана дискурсивной практикой политического дискурса эпохи перестройки. Довольно бедные парадигматические и прагматические имплицативные связи этой М-модели указывают на то, что использование метафоры войны отнюдь не неизбежность, а вполне определенный, хотя и, быть может, не осознанный выбор языкового коллектива, основанный на состоянии общественного сознания. Отсюда следует, что М-модель войны является **дискурсивной практикой в сильном смысле**, поскольку это не фоновая, а фигурная М-модель.

Как уже отмечалось выше, при использовании метафоры войны наиболее часто профилируется идея «конфликтности» и «победы/поражения». Эти же метафорические следствия характерны и для М-моделей спорта и игры. Иными словами, война, спорт и игра образуют констелляцию конфликтных метафор или метафор конфликта. М-модель игры имеет общие дескрипторы с М-моделями персонификации (таксон «участники игры»), преступного мира (через дескрипторы «наперсточник», «шулер») и с М-моделью спорта. В последнем случае множество пересекающихся дескрипторов очень велико: фактически все спортивные игры одновременно попадают и в спорт и в игру. Метафора спорта с точки зрения парадигматических отношений связана с М-моделями персонификации (через таксон «спортсмены, тренеры»), войны (через дескрипторы типа «победа-поражение»), объект-предмет (через таксон «спортивная одежда»), строительства («спортивные сооружения»), пространство («футбольное поле»). Прагматические имплицативные отношения касаются в основном М-модели персонификации, что указывает на то, что и М-модель спорта и М-модель игры относятся к «фигурным» метафорическим моделям. Концепт игры, согласно многим современным исследованиям, представляет собой важнейшую категорию европейской культуры (см. по этому поводу

[Хейзинга 1992; Буй 1996]), и в этом смысле метафора игры имеет глубокие культурные основания. Концепт спорта в этом отношении исследован в несколько меньшей степени, однако долгая традиция олимпийских игр, а также факт того, что во многих политических программах тоталитарных режимов спорт выдвигался как важнейший национальный приоритет, указывают на то, что и спортивная метафора и в культурном, и в историческом измерении представлена весьма широко. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что констелляция конфликтных метафор в целом и ее отдельные составляющие относятся к дискурсивным практикам в нашем понимании.

М-модель пространства, входящая в один частотный кластер с М-моделью войны, также относится к числу высокочастотных моделей, занимая третье место по частоте употребления в политическом дискурсе. С точки зрения парадигматических отношений обнаруживается пересечение дескрипторов этой модели как минимум со следующими М-моделями: война, игра, ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ, ГЕОМЕТРИЯ, ПУТЬ-ДОРОГА, ПРЕСТУПНЫЙ МИР (различные передвижения — соскок и пр.), ТРАНСПОРТ, СТРОИТЕЛЬСТВО. Сходство в метафорических следствиях с другими метафорическими моделями, как и для модели ПЕРСОНИФИКАЦИИ, для М-модели пространства оценить трудно, поскольку и М-модель пространства является фоновой. В общем смысле профилирование идей «протяженности», «открытости-закрытости», «иерархичности» (ср. дескрипторы типа «обочина», «окраина», «периферия»), «движения» свойственно широкому кругу М-моделей. К ним относятся, например, М-модели пути-дороги (как части М-модели пространства), СТРОИТЕЛЬСТВА, ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА (для вместилищ), ТРАНСПОРТА. Прагматические имплицативные связи для М-модели пространства характерны в той же мере, что и для М-модели ПЕРСОНИФИКАЦИИ. Использование следующих М-моделей прагматически имплицитует М-модель пространства: ПЕРСОНИФИКАЦИЯ, ВОЙНА, СТРОИТЕЛЬСТВО, МЕХАНИЗМ, ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ, ТЕАТР, ПУТЬ-ДОРОГА, ТРАНСПОРТ, ИГРА, СПОРТ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО, ГЕОМЕТРИЯ, РЕКА. Что касается исторических и культурных оснований, то для метафоры пространства в явном виде они не прослеживаются, если не считать весьма общую мифологию «воли», ассоциируемую с неограниченным пространством<sup>14</sup>. М-модель пространства, будучи фоновой метафорой, не профилирует

---

<sup>14</sup> О связи понятия воли с категорией пространства в русской языковой картине мира см., например, [Топоров 1989; Шмелев 2005].

ет каких-то свойств, существенных именно для политического дискурса перестройки. Ее высокая частота является следствием того, что она является фоновой и значительное количество составляющих ее дескрипторов входит в другие М-модели. В отличие от М-модели персонификации, которая, кроме фоновых свойств, обнаруживает еще и фигурные свойства, связанные со специфической структурой политического дискурса эпохи перестройки, метафора пространства **не образует особой дискурсивной практики**. Это, впрочем, не отменяет того, что некоторые составляющие этой М-модели — например, М-модель пути-дороги — могут попасть в число дискурсивных практик (см. об этом ниже).

Метафорические модели строительства и механизма формируют, соответственно, третий и четвертый частотный кластеры. Абсолютная и относительная частота употребления этих метафор очень велика: они занимают четвертое и пятое места в политическом дискурсе, уступая только М-моделям персонификации, войны и пространства. Парадигматические отношения связывают М-модель строительства с метафорами персонификации, пространства, вещества, преступного мира, войны. Метафора механизма имеет общие сигнификативные дескрипторы с М-моделями объект-предмет, сельское хозяйство, транспорт, ограничитель, война, персонификация. Тем самым, для М-модели строительства выделяется пять явных парадигматических связей, а для М-модели механизма — шесть, что (учитывая неточность, всегда существующую в таких оценках) практически одно и то же. Сходство в метафорических следствиях связано в первую очередь с рациональным поведением и контролем над ситуацией. В этом отношении и метафора строительства, и метафора механизма принадлежат к числу метафор рационального, образуя соответствующую констелляцию метафор. К этой констелляции примыкают М-модели транспорта и объекта-предмета, многие компоненты которых являются одновременно механизмами различного рода и коммуникативно высвечивают идеи мотивированности и предсказуемости поведения, а также семантическое следствие управляемости ситуации. Прагматические имплицативные отношения связывают данные метафоры прежде всего с фоновыми М-моделями персонификации и пространства. Как строительная метафора, так и метафора механизма имеют серьезные исторические и культурные основания. Идеи «дома», «домостроительства» — важнейший компонент культурной традиции русского общества, отраженный даже на уровне названия в парадиг-

мальном древнерусском трактате нравоучительного характера «Домострой» (см. подробнее [Chilton, Ilyin 1993]). Метафора МЕХАНИЗМА в явной форме прослеживается в общеевропейском культурном фоне, значимость которого особенно возростала для России во времена реформ — будь то Петровские реформы или индустриализация советского периода (см. подробнее главу 14).

Типичные смыслы, которые передаются М-моделью строительства в дискурсе эпохи перестройки, это идеи рациональной деятельности (рационального поведения), контроля и создания оснований для нового — для новой политики, новой страны, новых отношений между людьми и т. д. Иными словами, это рациональная деятельность, приводящая к изменению или сохранению статуса кво:

- перестройка как строение (*перестроить общий советский сарай; Горбачев — архитектор перестройки; прорабы перестройки*);
- государство; экономический, политический строй (*строить Россию, СССР — общий дом; строить капитализм; строить правовое государство*);
- основание, что-то главное (*подвести экономический фундамент; новый фундамент; цитадель застоя; гранитная громада КГБ; подпорки диктатуры*);
- объединение, соединение (*жить в одной коммунальной квартире; жизнь — коммуналка; русский язык — надежный мост братства*), в том числе Европа как *общеευропейский дом*;
- разделение, сужение, ограничение (*разойтись по национальным квартирам; стены идеологии; погребок национального самознания; потолок зарплат*);
- иерархия (*партийная / социальная пирамида; пирамида власти; служебная лестница*).

Метафора BAUWESEN в немецком политическом дискурсе коммуникативно также коммуникативно высвечивает идеи конструктивного осмысления действительности. Политик в этом случае выступает как конструктор, создатель политической реальности и идеологии. Ср. типичные смыслы, которые профилируются М-моделью BAUWESEN в немецком политическом дискурсе:

- политическая деятельность и ее результат (*vor den Ruinen der Politik stehen*);
- государство; экономический, политический строй (*Aufbau eines demokratischen Sozialismus; Aufbau der DDR*);



- объединение, соединение (*in einem entmilitarisierten europäischen Haus; Die Medien bilden die «kommunikative Brücke»; enge Beziehungen auszubauen*);
- основание, что-то главное (*Das öffnet die DDR für Veränderungen, die an die Fundamente gehen; werkelt einer am Fundament, droht das ganze Gebäude einzustürzen*);
- открытость — закрытость, разделение (*ein «europäisches Haus» mit «offenen Türen»; das gern zitierte «gemeinsame europäische Haus» wird kräftig durchlüftet werden, bei dem niemand sein Fenster auf Dauer geschlossen halten kann*);
- изменение (*Umbau der Gesellschaft; in harter Arbeit haben wir unseren Staat aufgebaut*);
- объединение Германий как построение здания (*die Architekten des Einigungsvertrages*);
- возможность (*die Tür breit geöffnet für den ernstgemeinten innenpolitischen Dialog*).

Интересно, что в противоположность русскому политическому языку, идеология в немецком политическом дискурсе весьма редко рассматривается как здание, строение, возводимое политическими субъектами. Относительно редко — по сравнению с русским политическим дискурсом — осмысляется в терминах метафоры BAUWESEN и государство. Еще один важный смысл, профилируемый М-моделью BAUWESEN — идея планирования политической деятельности и идея возможности манипулирования поведением людей в политике.

Важнейшей частью М-модели BAUWESEN является концепт HAUS (ср. ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ), который, однако, понимается в русском и немецком политическом дискурсе по-разному. В русском политическом языке эпохи перестройки дом связывается с идеей изменения, а в немецком HAUS рассматривается в связи с идеей открытости — закрытости. Кроме того, ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ в немецком политическом дискурсе осмысляется с точки зрения изоляции государств и народов квартирах, а русском — как объединение государств и народов под крышей одного дома. Это довольно редкий случай использования одной и той же М-модели для профилирования совершенно разных смыслов.

По своим метафорическим следствиям рассматриваемые М-модели — СТРОИТЕЛЬСТВА И МЕХАНИЗМА — соответствуют некоторым начальным идеям перестройки как политической программы. Все это в целом позволяет говорить, что и обе эти метафорические модели

по отдельности, и в целом констелляция метафор рационального являются дискурсивными практиками политического дискурса эпохи перестройки.

Как уже было показано выше, М-модели медицина и организм образуют достаточно устойчивый когнитивный комплекс, элементы которого связаны разнообразными семантическими отношениями. В этот комплекс органистических метафор входит также М-модель РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО (седьмой частотный кластер). С точки зрения частоты употребления обе рассматриваемые модели относятся к высокочастотным метафорам политического дискурса: медицина — 359 вхождений, организм — 341 вхождение. Как высокочастотный может быть оценен и весь комплекс органистических метафор (всего, включая М-модель РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО, порядка 900 употреблений). Парадигматические отношения связывают метафору медицины с М-моделями персонификации, организма, строительства, фауны. М-модель организма имеет общие дескрипторы с метафорами персонификации и медицины. Довольно бедные парадигматические связи с другими М-моделями с лихвой компенсируются тем, что сами М-модели организма и медицины имеют большое количество общих дескрипторов. Так, фактически все дескрипторы подтаксона «состояние организма» («здоровье-болезнь») одновременно принадлежат обоим обсуждаемым моделям. Этот подтаксон составляет порядка 50 дескрипторов (более трети всех дескрипторов М-моделей медицина и организм). Это важный аргумент в пользу признания органистических М-моделей единой констелляцией метафор. М-модель РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО связана с органистическими моделями парадигматически через М-модель организма дескрипторами типа «рост», «отмирание», «созревание».

Сходство в метафорических следствиях опять-таки характерно для М-моделей, входящих в констелляцию органистических М-моделей. Часто рассматриваемые метафорические модели профилируют в политическом дискурсе такие характеристики источниковой области, как болезнь, лечение болезни, а также боль, причиняемая организму (в частности, болезненность оперативного вмешательства). Например, *чума роста цен, политическое слабоумие, метастазы большевизма, эпидемия суверенизации, шоковая терапия*. Парадигматические имплицативные отношения для органистических метафор определяются прежде всего с М-моделью персонификации: болезнь предполагает наличие болеющего лица, а лечение — еще и субъекта, осуществляющего лечение; некоторые части организма связаны

с интеллектуальными функциями — например, голова, мозг. Связь с интеллектом опять-таки предполагает наличие мыслящего субъекта. Органистические метафоры, как и комплекс рационалистических метафор, имеют глубокие исторические и культурные основания, связанные с традициями русской общины (см. подробнее [Баранов 1990а; Баранов, Казакевич 1991]). Высокая частота употребления органистических М-моделей (порядка 900 вхождений), их внутренняя когерентность, проявляющаяся на уровне парадигматических отношений и общности метафорических следствий, а также культурно-историческая значимость позволяют рассматривать эту констелляцию как единую дискурсивную практику. Что касается составляющих эту констелляцию М-моделей, то М-модель организма также может претендовать на статус дискурсивной практики. М-модели медицины семантически тесно связана с моделями организма и персонификации и вряд ли может рассматриваться как автономная дискурсивная практика. Метафора растения-дерева по частоте употребления оказывается ниже порога высокой частотности (порядка 200 употреблений при пороге порядка 300 употреблений). Парадигматические связи этой модели ограничены метафорами организма, пространства и религии-мифологии (последняя связь довольно случайна — «бесплодная смоковница»). По общности метафорических следствий данная М-модель попадает в комплекс органистических метафор. Практически ничего нельзя сказать о прагматических имплицативных отношениях. Это говорит о том, что саму по себе М-модель растения-дерева трудно рассматривать как автономную дискурсивную практику.

М-модель объекта-предмета, входящая в пятый частотный кластер, относится к высокочастотным М-моделям. В базе данных зафиксировано порядка 350 употреблений этой метафоры. Интерпретация нематериальных сущностей как материальных объектов, с которыми можно осуществлять различные манипуляции, характерная особенность мышления человека, сопоставимая с персонификацией, осмыслением времени как пространства и т. п. Иными словами, с когнитивной точки зрения обсуждаемая метафора близка к фоновым. Парадигматические отношения связывают М-модель объекта-предмета с метафорами пространства (например, через дескрипторы «движущийся объект», «вместилище»), игры («карусель»), строительства, войны, механизма, ограничителя, секса. С точки зрения парадигматических отношений метафора объекта-предмета наиболее тесно связана с М-моделью ограничителя. Довольно широкие парадигматические связи сближают

данную М-модель и с фоновыми метафорами. Как и в случае фоновых метафор, трудно обнаружить сходство метафорических следствий данной М-модели с другими М-моделями. Каждый объект обладает в этом отношении спецификой — за исключением объектов-ограничителей, которые, как и в метафоре ограничителя, обычно профилируют идею уменьшения количества возможностей в рамках того или иного целенаправленного поведения (ср. контексты типа *идеологические шоры*, *тиски кризиса*, *фильтр общественного мнения*). В этом смысле можно говорить о конstellляции между М-моделью ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА и метафорой ОГРАНИЧИТЕЛЯ. Определенную близость в следствиях можно увидеть между обсуждаемой метафорой и конstellляцией РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТАФОР: рациональное поведение требует «предметности» действия, именно это и обеспечивает М-модель ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ.

Прагматические имплицативные отношения связывают в самом общем смысле рассматриваемую метафору с М-моделью ПЕРСОНИФИКАЦИИ: одежда, инструменты, драгоценности, оружие — все это предполагает присутствие некоторого лица, которое использует данные объекты-предметы в соответствии с их предназначением. Трудно говорить о наличии культурной или исторической традиции, если не считать общей идеи рациональности человеческого поведения, в существенной степени свойственной европейскому культурному ареалу. На основании сказанного можно сделать вывод, что, как и М-модель ПРОСТРАНСТВА, метафора ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ относится к числу фоновых и не образует особой дискурсивной практики.

Особо следует обсудить М-модель ОГРАНИЧИТЕЛЯ, которая парадигматически тесно связана с М-моделью ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ. Она входит в восьмой частотный кластер и тем самым относится к числу низкочастотных метафор политического дискурса эпохи перестройки. Кроме парадигматических связей с М-моделью ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА, метафора ОГРАНИЧИТЕЛЯ парадигматически связана с М-моделью ГЕОМЕТРИИ, ВЕЩЕСТВА, СТРОИТЕЛЬСТВА (через дескрипторы типа «стена», «забор»), МЕХАНИЗМА (через дескрипторы типа «тормоз»), РЕКА (через дескрипторы типа «водоворот»), ВОЙНА (через дескрипторы типа «латы» — *не заковывать решение проблемы в латы профессионализации*), ВОДОЕМ (через дескрипторы типа «болото»), ПРОСТРАНСТВО И ПРЕСТУПНЫЙ МИР (через дескрипторы типа «зона»), ПУТЬ-ДОРОГА (через дескрипторы типа «красный светофор», «шлагбаум»), МЕДИЦИНА (через дескрипторы типа «бельмо»). Всего 11 парадигматических связей. Общность метафорических следствий этой модели обнаруживается только

с частью метафор, входящих в М-модель ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА. Прагматические имплицативные отношения практически отсутствуют, если не считать связей с М-моделью персонификации (ограничение всегда предполагает наличие субъекта, который в чем-то ограничивается). Наконец, нет и ярко выраженной исторической и культурной традиции. «Ограничение» — слишком абстрактная идея, сопоставимая с идеями «нормы», «увеличения-уменьшения», которую трудно связать с какой-то конкретной исторической и культурной традицией. Между тем значительное количество парадигматических связей с другими М-моделями, удивительное для довольно низкой по частоте употребления метафоры, указывает на одну интересную особенность М-модели ограничитель: она не имеет специфических дескрипторов, относящихся только к данной модели. Все они «расходятся» по другим М-моделям. Если переместить все дескрипторы, которые входят с метафору ограничителя, в соответствующие парадигматически связанные с нею М-модели, то останется только один дескриптор «ограничитель». Это говорит о том, что сама идея «ограничения» — *шоры идеологии, тиски кризиса, идеологическая катаракта, стена между людьми* и пр. — столь важна для политического дискурса, что другие М-модели используются как строительный материал для формирования новой М-модели с очень четко выраженной идеей ограничения, которая и профилируется обсуждаемой метафорой<sup>15</sup>. Следовательно, М-модель ограничителя должна рассматриваться как дискурсивная практика политического дискурса эпохи перестройки. Как мы видим на разбираемом примере, в данном случае отнесение к дискурсивной практике было обеспечено только параметром парадигматических связей, который позволил выявить специфическую структуру М-модели ограничитель и ее значимость для политической коммуникации.

М-модели шестого частотного кластера еще попадают в область высокочастотных М-моделей — следующий кластер оказывается уже в области низкочастотных моделей. Как уже отмечалось выше, важнейшую группировку внутри этого кластера образуют М-модели религии-мифологии, ТЕАТРА, и ИГРЫ. Все эти М-модели характеризуются об-

---

<sup>15</sup> Безличная конструкция «используются» понимается здесь в значении «языковая система, дискурс использует». Разумеется, возможно и другое объяснение: М-модель ограничитель выделяется не демиургом языка, а самим исследователем из множества других М-моделей. Однако и в этом случае сам факт выделения указывает на ее значимость и, как следствие, на статус дискурсивной практики.

щей идеей в метафорических следствиях — это «противопоставление мира воображаемого, ненастоящего миру реальному, настоящему». По этому общему следствию к данной группировке примыкает М-модель СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО СУЩЕСТВА, причем подавляющая часть дескрипторов этой М-модели, за исключением дескрипторов типа «монстр», «мутант», «фантом», попадают в М-модель религии-мифологии. Иными словами, данные М-модели образуют констелляцию метафор НЕРЕАЛЬНОГО, причем внутри данной констелляции выделяется также констелляция в узком смысле: религия-мифология-СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО. Парадигматические связи констелляции метафор НЕРЕАЛЬНОГО определяются связями входящих в нее компонентов. М-модель религии-мифологии обнаруживает парадигматические связи с метафорами ПРОСТРАНСТВА, ЛИТЕРАТУРЫ, ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА, СТРОЕНИЯ и, как уже говорилось, с метафорой СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО СУЩЕСТВА. М-модель ТЕАТРА<sub>1</sub> связана парадигматически с метафорой ПЕРСониФИКАЦИИ (таксоны «люди театра» и «люди в театре»), ЛИТЕРАТУРЫ (персонажи типа «Пантолоне»), ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА (таксон «оборудование театра»), ПРОСТРАНСТВО (дескрипторы типа «сцена», «авансцена»). Несколько меньше парадигматических связей у М-модели ИГРА. Эта метафора имеет общие дескрипторы с М-моделями ПЕРСониФИКАЦИИ (таксон «участники игры»), ПРЕСТУПНОГО МИРА (через дескрипторы «наперсточник», «шулер») и с М-моделью СПОРТА. В последнем случае множество пересекающихся дескрипторов очень велико: фактически все спортивные игры одновременно попадают и в СПОРТ и в ИГРУ. Прагматические имплицативные отношения как в целом для констелляции метафор НЕРЕАЛЬНОГО, так и для ее составляющих практически не выражены, если не считать метафору ПЕРСониФИКАЦИИ, причем последняя имплицитируется не всей констелляцией, а только М-моделями ТЕАТРА<sub>1</sub> и ИГРЫ. Бедность прагматических имплицативных отношений с определенностью указывает на то, что М-модели рассматриваемой констелляции не являются фоновыми. Очевидно также, что все М-модели констелляции НЕРЕАЛЬНОГО — религии-мифологии, ТЕАТРА<sub>1</sub>, ИГРЫ и СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО СУЩЕСТВА — поддержаны европейской культурной традицией и историей. Иными словами, как отдельные М-модели констелляции НЕРЕАЛЬНОГО, так и она в целом должна рассматриваться как дискурсивная практика. Исключение в этом смысле составляет только метафора СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО СУЩЕСТВА, которая почти полностью входит в М-модель религии-мифологии и в силу этого вряд ли может претендовать на статус особой дискурсивной практики.

Как уже отмечалось выше, второй концентр шестого частотного кластера образуют М-модели путь-дорога и транспорт. В отличие от предшествующего концентратора метафор нереального, образующих констелляцию, рассматриваемые метафоры не связаны друг с другом парадигматическими отношениями и не имеют существенного сходства в следствиях. Они связаны друг с другом прагматическими имплицативными отношениями: транспорт и транспортные средства предполагают наличие дороги. В более слабом смысле путь-дорога предполагает существование транспортных средств. Последняя импликация оказывается более слабой, поскольку передвижение возможно, в принципе, и без транспортных средств. Парадигматические отношения связывают М-модель пути-дороги с метафорами персонификации (через дескрипторы типа «попутчик», «человек в пути») и пространства (через таксон «движение»). Заметим, что метафора пути-дороги фактически является частью М-модели пространства. Более широкие парадигматические связи характеризуют метафору транспорта: это М-модель персонификации (через таксон «водители, пассажиры транспортных средств»), пространства, войны и механизма. Сходство в метафорических следствиях с другими М-моделями для рассматриваемых метафор четко не выражено. Прагматические имплицативные отношения, как уже было сказано, связывают сами рассматриваемые модели. Кроме того, обе обсуждаемые метафоры имплицитно связывают М-модель персонификации, а пути-дороги — еще и пространства. По частотным характеристикам и М-модель пути-дороги, и М-модель транспорта относятся к высокочастотным метафорам (порядка 280 употреблений каждая). Что касается культурных и исторических оснований, то и здесь с определенностью можно утверждать, что обе метафоры поддержаны культурной и исторической традицией. Так, метафора транспорта и транспортного средства представлена в хрестоматийном сопоставлении России с птицей-тройкой, принадлежащем Н. В. Гоголю. Образ пути-дороги широко представлен в русской фольклорной традиции и в поэзии. Проведенный анализ позволяет утверждать, что рассмотренные метафорические модели относятся к дискурсивным практикам политического дискурса эпохи перестройки.

В шестом частотном кластере остается одна М-модель — метафора фауны, которая более подробно разбирается в главе 16. Ее естественно рассматривать вместе с М-моделью анимализации (девятый частотный кластер), в которую отнесены те случаи использования

М-модели фауны, когда человек, лицо переосмысливается как животное, то есть происходит одна из фаз процесса деперсонификации. Укажем здесь лишь самые основные моменты. Метафора фауны относится к высокочастотным моделям (порядка 300 вхождений в БД). Из них около половины приходится на анимализацию. Парадигматические связи этой М-модели ограничиваются метафорами медицины (через дескрипторы типа «вирус», «микроб»), пространства (довольно случайная связь через дескриптор «клетка») и литературы (через таксон «литературный персонаж»). М-модель фауны и М-модель анимализации относятся к фигурным, а не фоновым метафорическим моделям. Четко выраженного сходства в метафорических следствиях с другими М-моделями у данных метафор не обнаруживается. Частичное сходство — для ограниченной группы сигнификативных дескрипторов — однако, наблюдается. Так, конвенциональная метафора Народ / общество — это стадо высвечивает идею «несамостоятельности, пассивности, вторичности», характерную и для метафоры винтика (М-модель механизм). Прагматические имплицативные отношения также фактически не выражены. Культурные и исторические основания очевидны и фиксированы как в конвенциональных метафорах (типа Россия — это медведь, Народ / общество — это стадо), так и в фольклоре (волшебные сказки о зверях), классической литературе (ср., например, прозу Салтыкова-Щедрина). Высокая частота употребления и глубокие культурные и исторические истоки позволяют считать М-модель фауны (с составляющей ее М-моделью анимализации) дискурсивной практикой русского политического языка.

М-модель родственных отношений (седьмой частотный кластер) находится на границе между частотными и относительно низкочастотными метафорами (порядка двухсот вхождений в БД). В дискурсе она часто используется как часть М-модели персонификации, как одна из фаз процесса персонификации. Уже одно это заставляет подозревать, что метафора родственных отношений, как и М-модель персонификации, относится к числу дискурсивных практик. С точки зрения парадигматики, практически все дескрипторы метафоры родственных отношений попадают и в М-модель персонификации, за исключением дескрипторов типа «наследство». Данная метафора не обнаруживает явного сходства в метафорических следствиях с другими М-моделями. Неопределенны и прагматические имплицативные отношения, однако культурные и исторические факторы прослеживаются очень четко. В первую очередь это концепт «отца», «батюшки»,



составляющий основу мифологемы «справедливого государя». Патернализм — важнейшая часть когнитивной структуры общественного сознания — поддерживал в советскую эпоху существование политического суперэго. Поскольку когнитивное содержание политической коммуникации эпохи перестройки было связано с разрушением структуры суперэго и возникновением новых политических субъектов, то М-модель родственных отношений, вместе с М-моделью персонификации, с языковой точки зрения оказалась в центре политического дискурса. Относительно высокая частота, связь с культурной традицией русского общества и фактическое вхождение в М-модель персонификации позволяет считать данную М-модель дискурсивной практикой эпохи перестройки.

М-модель литературы, входящая в седьмой частотный кластер, не относится к числу высокочастотных М-моделей (порядка 200 вхождений в БД). Более подробно метафора литературы рассматривается ниже в главе 12. Парадигматические связи обсуждаемая метафора обнаруживает с М-моделями истории (через таксон «литературный персонаж»), театра, (через таксон «литературный персонаж»), сверхъестественного существа (через таксон «литературный персонаж»), религии-мифологии (через таксон «Библия»), фауны (через таксон «литературный персонаж»), пространства (через таксон «локусы текста») и персонификации. Явно выраженного сходства в метафорических следствиях с другими метафорами нет. Не вполне ясны и прагматические имплицативные отношения. Исторические и культурные основания этой М-модели очевидны, поскольку большинство литературных персонажей относятся к текстам, значимым для русской и советской культуры. Здесь можно упомянуть сказочных персонажей (Баба Яга, Кощей Бессмертный), персонажей романов М. Булгакова (Аннушка, разлившая масло), Ф. Достоевского (Карамазовы), И. Ильфа и Е. Петрова (зидпредседатель Фунт), Л. Толстого и др. Метафору литературы можно отнести к дискурсивным практикам по двум основаниям — культурно-исторической значимости и широким парадигматическим связям. Отчасти в пользу такого решения говорит и частота употребления: 215 употреблений лежат на границе между частотными и не очень частотными метафорами.

В седьмом частотном кластере остается неразобранной М-модель феодалные отношения. По своим частотным характеристикам она относится к низкочастотным метафорам — порядка 180 вхождений в БД. Парадигматически эта модель связана с М-моделями персонифи-

кации (через таксон «участники феодальных отношений») и пространства (через дескрипторы типа «вотчина», «княжество»). Сходство в метафорических следствиях с другими М-моделями не обнаруживается. Прагматические имплицативные отношения устанавливаются в первую очередь с М-моделями персонификации и пространства. Исторические основания метафоры феодальных отношений очевидны. Для российской политической культуры здесь в первую очередь важен концепт царя, представленный в семантическом дереве сигнификативными дескрипторами «царь», «самодержец», «государь» и пр. Однако сравнительно низкая частота употребления этой М-модели и слабые парадигматические и прагматические имплицативные отношения не позволяют считать метафору феодальных отношений дискурсивной практикой.

Метафора вещества входит в восьмой частотный кластер (порядка 160 употреблений). Парадигматически она связана с М-моделями ограничителя и войны (через дескрипторы типа «нервно-паралитический газ»). Сходство в метафорических следствиях в явном виде не выражено, прагматические имплицативные отношения обнаруживаются только с М-моделью пространства. Ничего определенного нельзя сказать и о связях с культурной и исторической традицией. По всем исследованным параметрам М-модель вещества не может претендовать на статус дискурсивной практики. Столь же бедны в парадигматических, семантических и прагматических связях М-модели геометрии, погоды, пищи и реки, которые по тем же причинам трудно считать дискурсивными практиками.

Особо следует сказать о конstellляции метафор неконтролируемости, к которой относятся М-модели погоды, реки и жидкости. По общей частоте (132 + 94 + 78) она превышает нижний порог частотности. Кроме того, хотя в целом эта конstellляция не обнаруживает тесных парадигматических связей с другими М-моделями, явное сходство в интерпретации метафоризируемой сущности как «черного ящика», неподверженного рациональному вмешательству извне, связывает эту конstellляцию с конstellляцией органистических метафор. Поскольку эта идея очень важна для перестроечного дискурса, демонстрировавшего борьбу рационального и органистического способа мышления (об этом уже говорилось ранее), то и конstellляцию метафор неконтролируемости можно условно отнести к дискурсивным практикам.

Несколько особняком среди низкочастотных метафор стоит М-модель преступного мира. С одной стороны, она демонстрирует

довольно широкие парадигматические связи с М-моделями персонификации (через таксон «участники преступления»), родственных отношений (через дескрипторы «крестный отец» и «инцест»), объекта-предмета (через дескриптор «вещдоки»), пространства (через таксон «локусы преступного мира») и строительства (через дескрипторы типа «тюрьма»). С другой стороны, хотя очевидное сходство в метафорических следствиях с другими М-моделями не прослеживается и довольно слабо представлены прагматические имплицативные отношения (пожалуй, только с М-моделями персонификации и пространства), культурные и исторические корни в данном случае лежат на поверхности. В публицистике перестроечного периода неоднократно подчеркивалась связь государства эпохи тоталитаризма с лагерем, тюрьмой. Считалось, что тюремный быт, фольклор, язык оказывал и оказывает влияние на общественное сознание и отношения в обществе. Ср. характерные наблюдения из прессы тех лет:

- (3) *Сегодня я могу сравнить нашу страну с большим концлагерем. Наша диктатура — это диктатура начальства этой большой тюрьмы. И мы требуем только одного: чтобы в бараках было чисто и чтобы давали пайку. Что же, пайку нам обещают: сейчас продукты гниют на складах, завтра же, как только мы согласимся на диктатуру, все будет завалено колбасой.* (Федоров С. «Россия», 25.01.1991)
- (4) *С. Ш т е х е р. Мы должны требовать прежде всего с себя. Плюнуть и не иметь с государством никаких дел, а заняться своим собственным. А. А б е л ь с к и й. Для этого у нас должны быть реальные права, а у нас их нет. Если я сижу в концлагере и он загорелся, я вместе с начальником бегу тушить огонь, потому что погибать будем вместе. Мы все сейчас в таком положении.* («Око», 01.01.1991)

Эксплицитное обращение публицистов к метафоре преступного мира, обсуждение ее следствий в печати позволяет говорить о ее реальной значимости для политической коммуникации эпохи перестройки. Метатекстовые употребления М-модели преступного мира в перестроечном дискурсе, то есть употребления, в которых обращается внимание на сам факт использования метафоры, и ее широкие парадигматические связи позволяют отнести ее к дискурсивным практикам.

В заключение перечислим выделенные дискурсивные практики русского политического дискурса, представленные в русском политическом языке эпохи перестройки в виде метафорических моделей и констелляций метафор.

- (i) М-модели, являющиеся дискурсивными практиками (упорядочены по частоте):

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ (1036), ВОЙНА (745), СТРОИТЕЛЬСТВО (500), МЕХАНИЗМ (359), ОРГАНИЗМ (341), РЕЛИГИЯ-МИФОЛОГИЯ (292), ФАУНА (С АНИМАЛИЗАЦИЕЙ КАК ЧАСТЬЮ) (289), ТЕАТР<sub>1</sub> (284), ПУТЬ-ДОРОГА (282), ИГРА (281), ТРАНСПОРТ (281), РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ (227), ЛИТЕРАТУРА (215), СПОРТ (192), ОГРАНИЧИТЕЛЬ (161), ПРЕСТУПНЫЙ МИР (100);

- (ii) конstellляции метафор, являющиеся дискурсивными практиками (упорядочены по частоте):

КОНСТЕЛЛЯЦИЯ МЕТАФОР РАЦИОНАЛЬНОГО (СТРОИТЕЛЬСТВО, МЕХАНИЗМ, ТРАНСПОРТ, ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ) (1493)

КОНСТЕЛЛЯЦИЯ МЕТАФОР КОНФЛИКТА (ВОЙНА, ИГРА, СПОРТ) (1218)

КОНСТЕЛЛЯЦИЯ ОРГАНИСТИЧЕСКИХ МЕТАФОР (ОРГАНИЗМ, РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО, МЕДИЦИНА) (901)

КОНСТЕЛЛЯЦИЯ МЕТАФОР НЕРЕАЛЬНОГО (РЕЛИГИЯ-МИФОЛОГИЯ, ТЕАТР<sub>1</sub>, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО) (767).

### 11.3. Метафорические структуры русского и немецкого политического дискурса в сопоставлении<sup>16</sup>

В рамках выбранного порога представимости метафоры — порядка 100 вхождений в БД — для русского политического дискурса выявляется около 30 метафорических моделей, а для немецкого — только порядка 20<sup>17</sup>. Это допускает двойное объяснение. С одной стороны, спектр М-моделей в русском политическом дискурсе может быть более широк, чем в немецком. И действительно, например, М-модель преступного мира, являющаяся дискурсивной практикой в русском политическом языке эпохи перестройки, вообще отсутствует в немецком политическом дискурсе. Однако это лишь один очевидный пример такого рода. Второе объяснение связано с общей частотой употребления метафор: такое распределение М-моделей в сравниваемых

<sup>16</sup> Данный раздел написан совместно с Й. Цинкиным. Частотные характеристики немецких М-моделей даются по [Kulturelle Vorstellungswelten 2006].

<sup>17</sup> Называть точные цифры не имеет смысла. Дело в том, что на 8 000 метафорических контекстов допустимая погрешность в подсчете количества М-моделей может составлять 5%. Понятно, что в этом случае важен порядок величины, а не ее абсолютно точное выражение.

политических дискурсах может свидетельствовать о большей относительной частоте употребления метафор в русском политическом дискурсе по сравнению с немецким политическим дискурсом. Поскольку высокая частота употребления метафор в политическом дискурсе свидетельствует о кризисности политической ситуации и, соответственно, кризисности политического мышления<sup>18</sup>, то **русский политический дискурс отражает большую степень кризисности общественного сознания в рассматриваемый исторический период по сравнению с общественным сознанием немецкого общества эпохи «die Wende».**

Этот вывод поддерживается и еще одной важной характеристикой русского политического дискурса, выявляемой на основании анализа использования М-моделей. **Русский политический дискурс эпохи перестройки более конфликтен по сравнению с соответствующим периодом немецкого политического дискурса.** Метафора войны занимает второе место в русском политическом дискурсе, а в немецком — третье, причем относительные частоты этих метафорических моделей различаются почти в два раза: 0,035 — в русском и 0,020 — в немецком. Метафора строительства («перестройка») более «радикальна», чем метафора движения («die Wende» — «поворот»). Это тоже фактор, способствующий конфликтности политического дискурса. В русском политическом дискурсе конфликтность дополнительно поддерживается констелляцией метафор конфликта (война, игра, спорт) и констелляцией метафор рационального (строительство, механизм, транспорт, объект-предмет). Подсчет частоты употребления этих констелляций показывает, что в русском политическом дискурсе они более употребительны. Констелляция метафор конфликта в русском политическом дискурсе имеет 1 218 вхождений, а немецком — 684; а констелляция метафор рационального — 1 493 вхождения в русском дискурсе и 1 026 вхождений — в немецком [Kulturelle Vorstellungswelten 2006].

Сравнение метафорических структур немецкого и русского политического дискурса **оправдывает исходные метафорические номинации соответствующих политических процессов.** «Перестройка», изначально строительная метафора, поддерживается в русском политическом языке исследуемого периода высокой частотой употребле-

---

<sup>18</sup> См. подробнее по этому поводу [Christ'1 de Landtsheer 1991; Баранов 2000], см. также главу 7 данной книги.

ния конstellляции метафор рационального: строительства (4-е место), метафоры ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА (7 место), МЕХАНИЗМА (5-е место), ТРАНСПОРТА (13-е место). В немецком политическом дискурсе метафора «die Wende» поддерживается метафорой ПРОСТРАНСТВА (1 место), ПЕРСОНИФИКАЦИИ (2 место) [Ibid.].

Русский политический дискурс эпохи перестройки в **большей степени субъектно ориентирован**. Метафора персонификации занимает в нем первое место, а в немецком политическом дискурсе — только второе, причем разница в относительных частотах весьма велика: 0,037 — в немецком и 0,048 — в русском. Это объясняется тем, что когнитивное содержание политической коммуникации эпохи перестройки — разрушение ритуальной политической коммуникации с одним субъектом (суперэго) и введение новых политических субъектов в сферу публичной политики.

\* \* \*

В главе 10 была представлена схема анализа метафорических моделей в «билефельдском» проекте. Ниже приводятся описания некоторых частотных метафорических моделей, выполненные по этой схеме. Информация о соответствующих М-моделях немецкого политического дискурса дается только в сопоставительных частях этих описаний.

## Глава 12. М-МОДЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ<sup>19</sup>

### 12.1. Формальные характеристики М-модели ЛИТЕРАТУРА

#### 12.1.1. Употребительность М-модели литература

Анализируемая модель занимает шестнадцатое место по частоте употребления в русском политическом дискурсе эпохи перестройки (абсолютная частота 215, относительная — 0,009942). Структурно она входит в седьмой частотный кластер, наряду с М-моделями родственные отношения, растение-дерево, спорт, сверхъестественное существо, феодальные отношения. Как было показано выше (см. главу 11), этот кластер с содержательной точки зрения представляет собой довольно случайное образование, то есть семантически и прагматически он неоднороден. По семантическим следствиям М-модель литературы близка констелляции метафор нереального, в которую входят М-модели религии-мифологии, театра, и игры. В главе 11 приведены аргументы в пользу отнесения обсуждаемой М-модели к дискурсивным практикам для русского политического языка. Здесь существенную роль играют факторы культурно-исторической значимости и довольно широкие парадигматические связи. Не противоречит статусу дискурсивной практики и частота употребления М-модели литературы: хотя она относительно невелика, но в целом лежит на границе между высокочастотными и низкочастотными М-моделями.

#### 12.1.2. Общие статистические характеристики М-модели ЛИТЕРАТУРА

Мощность М-модели литература — 135. Разветвленность М-модели литература: число нетерминальных таксонов — 12, общее количество таксонов 135. Следовательно, разветвленность анализируемой М-модели — 0,09. Глубина М-модели литературы — 5.

---

<sup>19</sup> Контексты употребления данной М-модели приведены в Приложении к книге.

### 12.1.3. Денотативное разнообразие М-модели ЛИТЕРАТУРА

Сигнификативных дескрипторов, имеющих соответствия в области цели, 126; уникальных денотативных дескрипторов — 88, следовательно Д-разнообразие М-модели ЛИТЕРАТУРЫ:  $88/126 = 0,6984$ . Легко видеть, что денотативное разнообразие М-модели ЛИТЕРАТУРЫ значительно меньше единицы и вдвое ниже, чем у М-модели ФАУНЫ (1,3269), и более чем вдвое ниже, чем у М-моделей МЕХАНИЗМА (1,904) и родственных отношений (2)<sup>20</sup>. Иными словами, потенциал осмысления различных явлений мира политики у этой модели относительно невелик. Во всяком случае он существенно ниже, чем у М-моделей ФАУНЫ, МЕХАНИЗМА и РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ.

### 12.1.4. Стабильность денотативных реализаций М-модели ЛИТЕРАТУРЫ

Всего употреблений одиночных денотативных дескрипторов — 120, всего употреблений неодионых дескрипторов (точнее, неодионых пар <сигнификативный дескриптор, денотативный дескриптор>) — 93. Параметр Д-стабильности:  $93/213 = 0,4366$ . Низкое денотативное разнообразие обсуждаемой М-модели в данном случае коррелирует с относительно высокой денотативной стабильностью. По денотативной стабильности М-модель ЛИТЕРАТУРЫ превосходит М-модель ФАУНЫ (0,2972), и сопоставима с М-моделью МЕХАНИЗМА (0,544), хотя существенно уступает М-модели РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ (0,6805).

### 12.1.5. Парадигматика М-модели ЛИТЕРАТУРЫ

В дереве М-модели ЛИТЕРАТУРЫ имеются парадигматические отсылки к следующим М-моделям: ИСТОРИЯ (1), ТЕАТР<sub>1</sub> (9), РЕЛИГИЯ-МИФОЛОГИЯ (3), ФАУНА (6), ПРОСТРАНСТВО (8) и ПЕРСОНИФИКАЦИЯ<sup>21</sup>.

<sup>20</sup> Обоснование указанных формальных характеристик М-моделей ФАУНЫ, МЕХАНИЗМА и РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ см. ниже.

<sup>21</sup> Технически количество отсылок к М-модели ПЕРСОНИФИКАЦИИ трудно оценить, поскольку любой дескриптор из таксона «персонаж» может в конкретном контексте использоваться для ПЕРСОНИФИКАЦИИ.



## 12.2. Содержательные характеристики М-модели литературы

### 12.2.1. Денотативные характеристики М-модели литературы

Всего в базе данных по политической метафорике эпохи перестройки представлено 215 употреблений рассматриваемой М-модели. При описании этих контекстов использовано 126 сигнификативных дескрипторов и 116 различных денотативных дескрипторов. В табл. 1 представлены все денотативные дескрипторы анализируемой М-модели, распределенные по трем тематическим областям — общество, политика и экономика.

Таблица 1

Денотативные дескрипторы М-модели литературы

Дескриптор	Частота употребления	Тематическая область
история	13	общество
ученый-экономист	5	общество
знания	3	общество
изменение истории	2	общество
архитектура	1	общество
Горький М.	1	общество
жизнь	1	общество
интеллигенция	1	общество
культура	1	общество
ложь	1	общество
наука	1	общество
правда-истина	1	общество
политик / политики	22	политика
социализм / коммунизм [идеология, система]	16	политика
Ельцин Б. Н.	12	политика
развитие политической ситуации	7	политика
Горбачев М. С.	6	политика
КПСС	6	политика
событие	5	политика
коммунисты	4	политика
Ленин В. И.	4	политика
народ	4	политика
политическая деятельность	4	политика

Дескриптор	Частота употребления	Тематическая область
политическая ситуация	4	политика
социализм [идеология, система]	4	политика
Хасбулатов Р. И.	4	политика
депутаты	3	политика
Жириновский В. В.	3	политика
Невзоров А.	3	политика
политическая программа	3	политика
Россия	3	политика
Брежнев Л. И.	2	политика
ГКЧП	2	политика
история КПСС	2	политика
КГБ	2	политика
недовольство	2	политика
политика	2	политика
Россия / СССР	2	политика
рынок / капитализм [система]	2	политика
сторонник диктатуры	2	политика
IV Съезд народных депутатов	1	политика
армия	1	политика
большевик	1	политика
Бурбулис Г. Э.	1	политика
Верховный Совет	1	политика
власть	1	политика
военный	1	политика
выборы	1	политика
генеральный секретарь ЦК КПСС	1	политика
Гитлер А.	1	политика
гласность	1	политика
государственная власть	1	политика
государство	1	политика
дезинтеграция СССР	1	политика
Демократическая Россия	1	политика
демократия	1	политика
исполнительная власть	1	политика
капитализм [система]	1	политика
Маркс К.	1	политика

Дескриптор	Частота употребления	Тематическая область
Медельинский картель	1	политика
многопартийность	1	политика
неуспех путча	1	политика
обществоведы / пропагандисты	1	политика
перестройка	1	политика
политическая ошибка	1	политика
политическое выступление	1	политика
политическое соглашение	1	политика
Полторанин М.	1	политика
правительство	1	политика
приватизация	1	политика
принять решение	1	политика
проблема	1	политика
путч	1	политика
республика [в составе СССР]	1	политика
руководитель ГПУ [Ежов, Берия]	1	политика
руководство КПСС	1	политика
Руцкой А. В.	1	политика
Рябов Н.	1	политика
Сахаров А. Д.	1	политика
Собчак А.	1	политика
сотрудник КГБ	1	политика
СССР	1	политика
частная собственность	1	политика
член правительства	1	политика
рынок	3	экономика
управление [экономика]	1	экономика
финансы	1	экономика
экономика	1	экономика

Легко видеть, что сфера экономики М-моделью литературы практически не затрагивается. На нее приходится только 6 употреблений из 216, что составляет порядка 3% от общего количества. Основные дескрипторы распределены между тематическими областями политика и общество, при этом сфера политики доминирует: 179 вхождений (порядка 83%) против 31 употребления (порядка 14%). В этом отно-

шении данная модель не сильно отличается от М-моделей родственные отношения, фауна и механизм.

Рассмотрим сначала денотативные дескрипторы, относящиеся к тематической области «политика». Нижний порог в данном случае определяется 12 вхождениями. Таковую частоту имеет дескриптор «Ельцин Б. Н.». Этот дескриптор естественно рассматривать как нижнюю границу, поскольку после него обнаруживается частотный провал в 5 единиц: частота употребления следующего дескриптора «развитие политической ситуации» равна лишь 7, ср. табл. 2.

Таблица 2

### Наиболее частотные дескрипторы сферы политики

Дескриптор	Частота употребления
политик/ политики	22
социализм/ коммунизм [идеология, система]	16
Ельцин Б. Н.	12

В целом анализ показывает, что, как и в случае М-модели родственных отношений, большинство употреблений денотативных дескрипторов приходится на политических субъектов. Из выделенной группы наиболее частотных дескрипторов на политических субъектах приходится 34 употребления из 50 (то есть 68%). Это подтверждается и анализом всего массива денотативных дескрипторов. Всего на 179 вхождений денотативных дескрипторов, относящихся к сфере политики, на политических субъектах приходится 107, то есть порядка 60%. Однако, в отличие от М-модели родственных отношений, демонстрирующей системность в организации метафорических осмыслений политиков (см. главу 13), в М-модели литература системность в метафорических интерпретациях фактически отсутствует. На это, как уже отмечалось выше, указывает параметр денотативного разнообразия. Действительно, хотя осмысление «Политик — это персонаж литературного произведения» достаточно типично, стабильных соответствий нет. Даже наиболее близких к данному осмыслению контекстов в базе данных немного: обнаружено всего три контекста, причем все они принадлежат одному автору и встретились в одной статье:

- (1) а. <...> в игру вовлекаются все новые персонажи, а расчеты становятся все более сложными. (Бычкова О. «Московские Новости», 19.05.1991);

б. Действие, разворачивающееся перед нами, на этот раз будет, пожалуй, посложнее: и *персонажей* больше, и массовые сцены масштабнее, и декорации цветистее. Бычкова О. («Московские Новости», 19.05.1991);

в. Если главный герой всем хорошо известен, то соперничающих с ним *персонажей* непросто перечислить по именами... (Бычкова О. «Московские Новости», 19.05.1991)

При этом Ельцин метафорически осмысляется и как *БЕАТРИЧЕ* (2а), и как *ГАДКИЙ УТЕНОК* (2б), и как *ИВАН-ЦАРЕВИЧ* (2в). Имеются и другие интерпретации: *КРАСНО СОЛНЫШКО*, *МЕДВЕДЬ-ВОЕВОДА*, *МОБИ ДИК* и т. д.

(2) а. <...> *подобно Беатриче*, возводящей Данте к райским сферам и попутно разъясняющей ему особенности райской политики, Б. Н. Ельцин также лично изъясняет главному редактору принципы функционирования высших сфер. (Соколов, Кирпичников «Сегодня», 19.05.1993);

б. Ельцин имеет в своем имидже то, чем не может похвастаться ни один из действующих ныне политиков, — драму отверженности, комплекс *гадкого утенка*. (Богомоллов Ю. «Литературная Газета», 05.06.1991);

в. Интересно также, что персонажи нынешнего политического спектакля распределены словно бы по законам русской народной сказки. Ельцин — эдакий сильно постаревший *Иван-царевич*. Хасбулатов — вылитый *Кощей Бессмертный*. (Новоженков А. «Московский Комсомолец», 13.05.1993)

Не менее разнообразны осмысления и других политиков. Так, М. Горбачев осмысляется как *Берлиоз*, которого выбросил на рельсы *трамвай истории*, как *голый король перестройки*, как *граф Монте-Кристо*, освобожденный из замка *Иф*. Р. Хасбулатов предстает как *Кощей Бессмертный*, как *профессор Преображенский*, как *тень отца Гамлета* (*призрак Хасбулатова то и дело встречается в татарстанских «коридорах власти», словно тень отца Гамлета*) и т. д. К редким случаям относительной стабильности можно отнести восходящую к Достоевскому литературную метафору *Коммунисты* — это *бесы* (три контекста употребления в разных источниках), ср. (3):

(3) Поэт, когда-то искренне воспевавший Революцию и Ленина, — такого Клюева мы знали. Поэт, который проклял Революцию, когда ее знамя захватили *бесы*, — такого Клюева мы узнаем сегодня. Но и это не весь Клюев. (Шенталинский В. «Огонек», 21.10.1989)

Если политические субъекты осмысляются как персонажи литературного произведения, то социализм/коммунизм и как идеология, и как система интерпретируются дескрипторами других таксонов семантического дерева М-модели ЛИТЕРАТУРА. Наиболее часто в этом случае используются дескриптора таксона «локусы литературного текста». К числу наиболее стабильных можно отнести метафорическую интерпретацию социализма/коммунизма как котлована (3 контекста употребления), ср. (4):

- (4) а. Братья! Не надо этого жестокого раздела! — это помрачение коммунистических лет. Мы вместе перестрадали советское время, вместе попали в этот *котлован* — вместе и выберемся. (Солженицын А. И. «Комсомольская Правда», 18.09.1990);  
 б. Усилия людей, потраченные на возведение пустоты, на рытье *бездонного котлована*, их пот, слезы и судьбы — невосполнимая утрата. (Гульченко В. «Россия», 02.02.1991)

Разумеется, данная метафора навеяна публикацией в перестроечный период повести Платонова «Котлован». Все прочие дескрипторы таксона «локусы литературного текста» встречаются единично, ср., например, метафорическую интерпретацию социализма/коммунизма как вишневого сада (*совков стали гнать из Вишневого сада, велев в поте лица добывать свой хлеб*), как зазеркалья (*мы дальше других зашли по ложному пути минусового Зазеркалья*).

Если осмысление социализма/коммунизма как котлована можно соотнести с повестью Платонова, то довольно частотную метафору социализма и особенно коммунизма как сказки (четыре вхождения в базе данных) можно с полным правом определить как конвенциональную, ср. (5а, б):

- (5) а. Коммунизм в XX веке оказался иллюзией, *красивой сказкой*. (Михайлов А. А. «Огонек», 04.11.1989);  
 б. Треть человечества оказалась в *страшной сказке*, сделанной былью. (Бестужев-Лада И. «Горизонт», 01.03.1992)

Между денотативными дескрипторами сферы «общество» провалов в частоте употребления почти нет. Исключение составляет первый дескриптор «история», который существенно опережает ближайший к нему дескриптор «ученые-экономисты»: различие в частоте употребления между первым и вторым достигает 8. Собственно он

и представляет наибольший интерес. С этим дескриптором «история» связана еще одна конвенциональная метафора в рассматриваемой М-модели: История — это книга / текст, ср. (6а, б). Очевидно, она не является уникальной для российской политической культуры и российской культуры вообще, относясь к числу универсальных концептуальных констант европейского культурного и исторического ареала.

- (6) а. Зря ли сказано все это в великой *Книге*, пронесенной через тысячелетия? В том-то и дело. Взгляните в историю: мы молодая нация со всеми вытекающими минусами и плюсами, нам близко сказанное. Так расставаться ли нам со своей детскостью и широтой души? (Аракчеев Ю. «Независимая Газета», 14.08.1992);  
 б. Очень точно сказал Маркс, что первоначальное накопление *записано в историю* пламенеющим языком огня и меча. (Тихонов В. «Мегаполис-Экспресс», 08.08.1991)

На конвенциональность этой метафорической проекции указывает ее продуктивность в дискурсе, то есть возможность ее дальнейшего развития, проявляющегося в интерпретации как истории других актантов ситуации написания книги / текста. Так, при персонификации история осмысливается как сам автор текста / писатель, ср. (7):

- (7) а. Те из нас, кто в огне происходящего не расставался с интеллектуальным навыком и долгом осмысливания, не могли не дивиться стройной логике сценария, *написанного Историей* или — кому внятно это слово — Провидением. (Аксюциц В. и др. «Комсомольская Правда», 21.09.1991);  
 б. *История написала* для России гениальный сценарий, который был разыгран в течение трех дней ведущими актерами политической сцены с решающим участием народных масс. (Плахов А. «Московские Новости», 15.09.1991)

Такое развитие метафоры в дискурсе в определенном смысле противопоставлено текстовому развитию метафоры в виде метафорических следствий. Дело в том, что если экспликация в тексте следствий из метафоры приводит к тому, что неизвестные переменные ситуации, входящей в источник метафоры, заполняются конкретными актантами и ситуация, фиксированная в метафоре, становится все более определенной, то в рассматриваемом примере актант как бы переходит от одной переменной к другой. Этот тип развития метафоры в дискурсе можно назвать **внешним развитием**, поскольку он порождает «параллельные миры» в рамках одной ситуации: История — это книга / текст,

История — это писатель/пишущий. Развитие метафоры в дискурсе по следствиям из метафоры можно назвать **внутренним**.

### 12.2.2. Сигнификативные характеристики М-модели литературы

Специфическим отличием данной М-модели от других оказывается соотношение между параметрами денотативного разнообразия и стабильности денотативных реализаций. Денотативное разнообразие М-модели литературы существенно меньше единицы, то есть на один уникальный сигнификативный дескриптор в среднем приходится меньше одного уникального денотативного. С точки зрения строения семантического дерева данной М-модели это означает, что уникальных сигнификативных дескрипторов в дереве больше, чем денотативных. Иными словами, сфера источника более разнообразна, чем сфера цели. В чем причина такого соотношения между источником и целью метафорической проекции?

По многим параметрам, в частности по явно выраженной тенденции к метафоризации политических субъектов, метафора литературы близка М-модели родственных отношений. Однако там денотативное разнообразие оказывается существенно выше — более чем вдвое по сравнению с метафорой литературы. Причина в том, что сигнификативные дескрипторы метафоры родственных отношений представляют собой лексемы естественного языка, характеризующиеся достаточно высокой степенью абстрактности значения: «отец», «мать», «брат», «сын», «сестра» и т. д. Как известно, термины родства из-за своей «реляционной» семантики оказались парадигмальным объектом изучения структурализма. Компонентный анализ в классическом варианте вырос именно из упражнений по описанию лексем с семантикой родственных отношений. Сигнификативные дескрипторы М-модели литературы, и прежде всего дескрипторы таксона «персонаж» в противоположность элементам М-модели родственных отношений, существенно более конкретны и специфицированы в отношении семантических следствий. Ср. «Берлиоз» — идея «нерешительности» (*из-за неопределенности и нерешительности политической позиции Горбачева-Берлиоза выбрасывает на рельсы*); «голый король» связывается с отсутствием смысла в политической деятельности (*Король перестройки гол, ослепительно гол, а портные, шьющие ему фракную пару, упаковывают свои саквояжи*), «Дон Кихот» профилирует идею безуспешной борьбы за общечеловеческие ценности: *Власть, не победившая Дон Кихота (Сахарова), встает у его могилы как*



*равная с покойным*. Возможности большей дифференциации в сфере источника привели к существенной диспропорции между сигнификативными и денотативными дескрипторами. Именно специфические особенности дескрипторов М-модели литературы приводят к низкому денотативному разнообразию.

Еще одна интересная особенность сигнификативных дескрипторов рассматриваемой метафоры заключается в том, что таксон «конкретный литературный текст» представлен в подавляющем большинстве случаев нетерминальными дескрипторами. То есть, если конкретные литературные персонажи реализуются в виде метафор в политическом дискурсе, то литературные произведения сами по себе практически не образуют метафор. Исключение составили в собранном материале только дескрипторы «Калевала» (*партийный эпос «Калевала»*), «Евангелие» (*политическая программа — своего рода евангелие; евангелием Октября объявлялись тщательно отредактированные воспоминания «участников штурма Зимнего»*) и «Ода вольности» (*слушая «оды вольности» депутатов-сепаратистов*), то есть три дескриптора из сорока.

Интересно, что среди различных таксонов М-модели литература преваляют те, которые связаны не с формальной стороной книги («книга», «письмо», «текст»), а с содержательной — «персонаж», «объекты, сущности текста», «локусы текста», «события текста», «сюжет»).

### 12.2.3. Типичное в М-модели литература

Статистические характеристики обсуждаемой М-модели обнаруживают низкое денотативное разнообразие, коррелирующее с относительно высокой денотативной стабильностью. Действительно, если у анализируемой М-модели она равна 0,4366, то у М-модели фауны — 0,2972, а у М-модели механизма 0,544. Существенную конкуренцию ей может составить только М-модель родственных отношений со значением 0,6805. При этом значительного количества конвенциональных метафор не обнаруживается. Кроме упомянутых выше метафор Коммунизм — это сказка, История — это книга / текст, к конвенциональным можно, пожалуй, отнести метафоры Развитие политической ситуации — это сценарий, и Коммунизм — это призрак, ср. (8а, б, в):

- (8) а. Уж больно знакомый сценарий: использовать «благоприятную» международную обстановку для того, чтобы проделать что-нибудь неприглядное у себя дома. (Богомолов О. «Россия», 21.01.1991);

б. И в том, и в другом случае [выборы президентов СССР и РСФСР] *основной сценарий* готовится и разыгрывается глубоко за кулисами. (Бычкова О. «Московские Новости», 19.05.1991);

в. ЦРУ, созданный в 1947 году из скромного Управления Стратегических Служб <...> начало дело с американским размахом и сразу полезло во все дыры, дабы противодействовать *энергичному призраку, забродившему по всему миру*. (Любимов М. «Огонек», 24.08.1991)

Параметр денотативной стабильности, призванный отражать наличие в М-модели конвенциональных метафор, применительно к М-модели литературы работает не вполне адекватно, предсказывая, что количество конвенциональных метафор в ней должно быть сопоставимо с количеством конвенциональных метафор М-модели механизма. Между тем это явно не так, ср., например, конвенциональные метафоры Власть — это механизм, Власть — это рычаги / руль / штурвал, Государство — это машина, Человек — это винтик, Общественное мнение — это маятник, Административно-командная система — это машина, КПСС — это тормоз, Идеология — это машина / ограничитель [тиски, тормоз и т. п.], Рынок — это механизм.

Этот феномен можно объяснить только двояко. С одной стороны, хотя конкретной общезначимой (то есть регулярно порождаемой носителем языка) привязки сигнификативных дескрипторов к денотативным может и не быть, то есть конвенциональных метафор сравнительно мало, но в целом осмысление мира политики как мира литературного произведения достаточно типично. Иными словами, хотя конкретный политик, например Б. Н. Ельцин, не является метафорически определенным концептом в рамках М-модели литературы и не осмысливается регулярно как Беатриче или Иван-царевич, в целом метафорическая проекция Политик — это персонаж литературного произведения типична и относится к числу концептуальных метафор (в смысле Дж. Лакоффа) данного политического дискурса. Количественная оценка здесь оказывается тесно связанной с уровнем абстрактности метаязыка: если в семантическом дереве не использовать дескрипторы для конкретных персонажей, а ограничиться только предшествующим уровнем («персонаж»), то параметр денотативной стабильности вырастет.

Вторая сторона рассматриваемого феномена заключается в том, что очень многие контексты со стабильными парами <сигнификативный дескриптор, денотативный дескриптор> встречаются в тексте одного и того же автора, то есть не являются общезначимыми в рамках

данного языкового сообщества. Например, метафорическая проекция Сторонник диктатур — это верный Руслан (*Несколько Верных Русланов «лаяй», Верные Русланы все громче подают голос*) встречается в контекстах из статьи М. Павловой-Сильванской, опубликованной в «Независимой Газете» 3 января 1991 г., метафора Политик — это Бура-тино — только в статье Ю. Мухина из «Огонька» 29 октября 1990 г. Такие употребления повышают значения параметра денотативной стабильности, однако они не являются примерами использования именно конвенциональных метафор. Если в других М-моделях процент продуктивных авторских метафор сравнительно невелик, то здесь он довольно значителен и ощутимо влияет на параметр Д-стабильности.

#### 12.2.4. Нетипичное в М-модели литературы

Предшествующее обсуждение показывает, что в рамках конвенциональной метафоры Политик — это персонаж литературного произведения обнаруживается множество авторских осмыслений политических субъектов, которые трудно считать типичными, ср. уже упоминавшиеся метафорические интерпретации Б. Н. Ельцина как Беатриче (2а), и как гадкого утенка (2б), как Ивана-царевича (2в), как красно солнышко (*не дадим в обиду наше «красно солнышко»*), как медведя-воеводу (*от Ельцина ждали быстрых решительных действий, а он повел себя как медведь-воевода*), как Моби Дика (*Ельцин вне конкуренции — как белый кит Моби Дик*). Нетипичность метафорических проекций можно отнести к особенностям М-модели литературы.

#### 12.2.5. Культурный и исторический фон М-модели литературы

В условиях ограничений на политические свободы в бывшем СССР литература в России выполняла не свойственные ей функции. С одной стороны, литература использовалась как средство пропаганды и идеологического воздействия, а с другой — она функционировала как полулегальная трибуна общественных дискуссий, как средство «выпуска пара» из перегревшегося общества. Отсюда высокая общественная значимость литературы в советский период. Писатели и поэты рассматривались в общественном сознании как альтернатива советским политикам и идеологам, включенным в ритуализованный политический дискурс. Это привело к возникновению и развитию особой эстетики художественной литературы, в рамках которой наиболее важным для читателя оказывался не эксплицитный текст,

а подтекст, не то, что автор явно говорит, а что он подразумевает. Собственно художественные достоинства текста в этом случае уходят на задний план.

В перестроечный период высокий социальный статус литературного труда и литературы продолжал сохраняться, хотя и возникли некоторые проблемы. Дело в том, что в условиях гласности (даже относительной) собственно художественные достоинства литературного текста начинают приобретать исключительную значимость, и те писатели, которые основывали свое творчество исключительно на подтексте, на обличении советского строя, были вынуждены конкурировать с публицистикой или просто переходить в жанр публицистики. С этим связан кризис российской литературы постперестроечного периода, который преодолевался прежде всего в рамках постмодернистской традиции.

Тем не менее в эпоху перестройки литература остается важнейшим общественным институтом (в неформальном смысле), который существенно влияет на общественный дискурс, на политическую коммуникацию. Отсюда и довольно большая частота употребления М-модели ЛИТЕРАТУРЫ, разнообразие ее сигнификативных дескрипторов.

### 12.3. Сравнение русского и немецкого материала

Уже по частотным характеристикам видно, что М-модель ЛИТЕРАТУРЫ в русском политическом дискурсе существенно отличается по своему статусу от М-модели ЛИТЕРАТУР в немецком политическом дискурсе. Если в русском политическом языке анализируемая метафора занимает шестнадцатое место, попадая на границу между высокочастотными и низкочастотными М-моделями (абсолютная частота 215, относительная — 0,009942), то немецкая метафора ЛИТЕРАТУР оказывается на двадцать пятом месте (абсолютная частота 58, относительная — 0,002619).

Дальнейшее сравнение показывает и существенные различия. Значительное количество случаев использования М-модели ЛИТЕРАТУР в немецком дискурсе приходится на метафору Библии (EXODUS, GELOBTES LAND, JUDASLOHN, DAVID, GOLLATH). Метафора Библии при кодировании русского материала была отнесена к М-модели религия-мифология (в силу культурных и исторических оснований — см. главу 2). Иными словами, такой перекосяк в сторону библейской метафоры в немецком политическом дискурсе можно было бы отнести за счет особенностей

кодировки и распределения дескрипторов по деревьям сигнификативных дескрипторов М-моделей. Анализ базы данных по метафорике перестройки показывает, однако, что метафора Библии представлена в имеющемся русском корпусе примеров только 27 контекстами (причем дескриптор «Библия» использован исключительно в родовых, нетерминальных употреблениях). Это составляет чуть больше десятой части всех употреблений М-модели ЛИТЕРАТУРА в российском политическом дискурсе. Как было показано выше, в немецком политическом дискурсе все метафоры М-модели LITERATUR, связанные с конкретными текстами, относятся именно к тексту Библии. С другой стороны, подавляющая часть употреблений русских библейских метафор относятся не к Библии как к тексту, а к религиозным категориям, концептам мифологического характера. Так, например, метафора Апокалипсиса в имеющихся примерах профилирует идею всеобщего краха и гибели и никак не связывается с самим текстом «Откровения Иоанна Богослова» или «Библии» в целом, ср. (9а, б):

- (9) а. Голод, кризис, **апокалипсис** (это о власти); мафия, перебои с хлебом, гальванизация трупа (это о распределительной системе) — вот неполный перечень устрашающих слов, звучащих вчера на сессии. (Цыба Т. «Московский Комсомолец», 29.11.1990);  
 б. Революция была **Апокалипсисом**. Это так понятно. Надо тома и тома написать, чтоб... хоть чуточку поставить это под сомнение. (Галковский Д. «День», № 17, 1991)

Аналогично интерпретируется и метафора потопа (*революция похожа на потоп*). Наконец, немаловажным представляется тот факт, что в структуре дескрипторов метафоры Библии на долю библейских персонажей приходится только три употребления (Пилат, Саул, волхвы), все остальные примеры опять-таки связаны с мифологическими событиями и религиозными концептами, причем многие из них являются в современном русском языке фразеологизмами (ср.: манна небесная, соль земли, испить чашу страданий, бесплодная смоковница, казни египетские, терновый венец). Персонажи более тесно привязаны к конкретному сюжету, чем другие актанты ситуации. По этой причине персонажи в существенно меньшей степени способны приобретать автономное значение и фразеологизироваться, становясь частью лексики естественного языка.

Имеющиеся случаи высвечивания идеи «текста», «текстовости» относятся, как уже было показано выше, к использованию метафоры

ЕВАНГЕЛИЯ (*политическая программа — своего рода евангелие; евангелием Октября* объявлялись тщательно отредактированные воспоминания «участников штурма Зимнего»). Эти примеры, разумеется, отнесены к русской М-модели литературы и учтены в общей статистике.

Перекося в использовании библейской метафоры в немецком политическом дискурсе (обнаруживаемый при любом варианте кодировки материала — относятся ли библейские метафоры в русской части к М-модели литературы или только к М-модели религии-мифологии) можно объяснить существующей культурной и исторической традицией, благодаря которой текст Библии в немецкоязычной культуре более известен (точнее, был более известен в рассматриваемый период), чем в русскоязычной.

Таким образом, если в русском политическом дискурсе рассматриваемая модель представлена преимущественно персонажами различных литературных произведений (всего порядка 40 произведений), то в немецком — это только персонажи и компоненты сюжета Библии. С другой стороны, метафоры, связанные со структурными особенностями устройства книги, — глава, абзац, страница — также занимают значительную часть немецкого материала. Они обнаруживаются и русских примерах, однако метафора абзаца в русском материале отсутствует в принципе, а метафора главы (в значении «исторический период») имеет единичное вхождение при том, что в советском политическом языке она была чрезвычайно распространена (ср. типичные контексты *Великий Октябрь открыл новую главу в мировой истории; новая глава в развитии советско-французских отношений*).

В целом следует констатировать, что М-модель литературы в русском политическом дискурсе эпохи перестройки играет более существенную роль, чем аналогичная М-модель литературы — в немецком дискурсе эпохи *die Wende*. Причины этого следует искать в той значимости, которой обладала литература не столько как вид искусства, сколько как замена, суррогат публичной политики в ритуализованном мире советского общества и которую она не потеряла и в период перестройки.

## Глава 13. М-МОДЕЛЬ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ<sup>22</sup>

### 13.1. Формальные характеристики М-модели родственные отношения

#### 13.1.1. Употребительность М-модели родственные отношения

М-модель родственные отношения занимает пятнадцатое место по абсолютной и относительной частоте употребления: 227 и 0,01, соответственно. Она входит в единый частотный кластер вместе с М-моделями литературы (215), растения-дерева (201), спорта (192) и сверхъестественного существа (191) и феодальных отношений (183). Ближайшая по частоте М-модель более высокого частотного кластера — игра (281). Как уже отмечалось в главе 11, М-модель родственные отношения находится на границе между частотными и относительно низкочастотными метафорами. В русском политическом языке она часто используется как одна из стадий процесса персонификации. Сравнительно высокая частота употребления этой М-модели, очевидная связь с культурной традицией — см. подробнее ниже — позволяет считать, что рассматриваемая М-модель относится к числу дискурсивных практик русского политического дискурса эпохи перестройки.

#### 13.1.2. Общие статистические характеристики М-модели родственные отношения

Мощность М-модели родственные отношения — 52. Нетерминальных таксонов в дереве обсуждаемой метафорической модели — 7. Следовательно, разветвленность М-модели родственных отношений —  $7/52 = 0,1346$ . Глубина данной М-модели — 3.

---

<sup>22</sup> Контексты употребления данной М-модели приведены в [Баранов, Караулов 1991].

### 13.1.3. Денотативное разнообразие

#### М-модели родственные отношения

Уникальных сигнификативных дескрипторов — 49, денотативных дескрипторов — 98, следовательно, Д-разнообразие М-модели родственных отношений:  $98/49 = 2$ .

### 13.1.4. Стабильность денотативных реализаций

#### М-модели родственные отношения

Всего употреблений одиночных денотативных дескрипторов — 77, всего употреблений неодинокных дескрипторов — 164. Параметр Д-стабильности:  $164/241 = 0,6805$ .

### 13.1.5. Парадигматика М-модели родственные отношения

В дереве М-модели родственных отношений имеются две парадигматические отсылки к М-модели СЕКС, которая вообще не вошла в список частотных моделей (в базе данных насчитывается порядка десяти вхождений этой М-модели). Очевидным образом, М-модель родственных отношений парадигматически связана также с М-моделью персонификации. В целом можно сделать вывод, что парадигматические связи данной метафорической модели довольно бедны.

## 13.2. Содержательные характеристики

### М-модели родственные отношения

#### 13.2.1. Денотативные характеристики

##### М-модели родственные отношения

В базе данных по политической метафорике эпохи перестройки зафиксировано порядка 200 примеров на употребление обсуждаемой М-модели. Мощностность М-модели родственных отношений сравнительно невелика — всего 52 сигнификативных дескриптора. Вычисленный выше параметр денотативного разнообразия показывает, что на один сигнификативный дескриптор приходится в среднем два денотативных, что в целом несколько выше среднего. В табл. 1 представлены денотативные дескрипторы данной М-модели, разделенные на основные темы дискурса — общество, политика, экономика, — упорядоченные по частоте.



Таблица 1

## Денотативные дескрипторы М-модели родственные отношения

Дескриптор	Частота употребления	Тематическая область
славянин [белорус, русский, украинец]	6	общество
бог	2	общество
люди / народ	2	общество
общество	2	общество
русский народ	2	общество
зависть	1	общество
идеи	1	общество
природа	1	общество
прошлое	1	общество
публицистика	1	общество
Союз писателей	1	общество
школьник	1	общество
республика [в составе СССР]	13	политика
Ленин В. И.	10	политика
Россия	10	политика
Сталин И. В.	10	политика
Горбачев М. С.	9	политика
выход из СССР	8	политика
Ельцин Б. Н.	8	политика
земля	7	политика
инициатор / сторонник перестройки	7	политика
народы СССР	7	политика
демократия	6	политика
КПСС	6	политика
СССР	6	политика
выборы	3	политика
коммунизм, [система]	3	политика
номенклатура	3	политика
перестройка	3	политика
политик / политики	3	политика
правительство СССР	3	политика
Россия / родина	3	политика
социалистическая страна	3	политика

Дескриптор	Частота употребления	Тематическая область
Украина	3	политика
фашизм	3	политика
Хасбулатов Р. И.	3	политика
административно-командная система	2	политика
Европа	2	политика
Октябрьская революция	2	политика
Съезд народных депутатов	2	политика
Андропов Ю. В.	1	политика
арабские страны	1	политика
армия	1	политика
Боннэр Е.	1	политика
буржуазия	1	политика
Верховный Совет	1	политика
власть	1	политика
Воротников	1	политика
восточно-европейские государства	1	политика
вхождение в СССР	1	политика
газета «Правда»	1	политика
генеральный секретарь	1	политика
Грузия	1	политика
демократизация	1	политика
диктатор	1	политика
дума	1	политика
застой	1	политика
Зорькин В.	1	политика
интеллигенция	1	политика
КГБ	1	политика
коммунизм, [идеология]	1	политика
коммунистический лидер	1	политика
коммунисты	1	политика
компартия РСФСР	1	политика
конституция	1	политика
Кравчук Л.	1	политика
Лукьянов	1	политика
МВД	1	политика

Дескриптор	Частота употребления	Тематическая область
Московский совет и Попов Г.	1	политика
Невзоров	1	политика
объединение Германии	1	политика
Объединенный Фронт Трудящихся	1	политика
отказ от политического союза	1	политика
парламент	1	политика
политическая жизнь	1	политика
политическая партия	1	политика
политические союз	1	политика
политический лидер	1	политика
политический союз	1	политика
политотдел	1	политика
правительство	1	политика
правительство России	1	политика
прибалтийская республика	1	политика
приверженность демократии	1	политика
программа 500 дней	1	политика
путч	1	политика
революционеры	1	политика
результаты деятельности	1	политика
РКП	1	политика
руководство КПСС	1	политика
Рыжков Н.	1	политика
свобода	1	политика
секретарь компартии республики	1	политика
Собчак	1	политика
сотрудник центрального аппарата КГБ	1	политика
сотрудники аппарата ЦК КПСС	1	политика
социализм, [система]	1	политика
союзные республики	1	политика
СССР	1	политика
Стародубцев	1	политика
США	1	политика
установление юрисдикции России	1	политика
холодная война	1	политика

Дескриптор	Частота употребления	Тематическая область
центризм	1	политика
ЦК КПСС	1	политика
член КПСС	1	политика
член правительства	1	политика
Яковлев А. Н.	1	политика
торговля	2	экономика
биржа	1	экономика
теневики	1	экономика

Из табл. 1 видно, что М-модель родственных отношений используется для метафорического осмысления почти исключительно политической сферы — почти 90 % вхождений денотативных дескрипторов относится к политике (216 вхождений против 21 — общество — и 4 — экономика). Это отличает данную модель, например, от М-моделей механизма и фауны, где распределение контекстов употребления также оказывается в пользу политики, однако не с таким существенным различием. Кроме того, модель родственных отношений по мощности значительно отличается от М-модели фауны — 112 таксонов и в несколько меньшей степени от М-модели механизма — 75 (против 52 таксонов).

Обратимся сначала к денотативным дескрипторам, относящимся к сфере политики. Нижний порог частоты в данном случае естественно определить в 6 вхождений, поскольку между дескрипторами «СССР» и «выборы» обнаруживается довольно значительный для обсуждаемой таблицы разрыв в частоте в 3 употребления. Наиболее частотные дескрипторы сферы политики представлены в табл. 2.

Таблица 2

### Наиболее частотные дескрипторы сферы политики

Дескриптор	Частота употребления	Тематическая область
республика [в составе СССР]	13	политика
Ленин В. И.	10	политика
Россия	10	политика
Сталин И.В.	10	политика
Горбачев М.С.	9	политика

Дескриптор	Частота употребления	Тематическая область
выход из СССР	8	политика
Ельцин Б.Н.	8	политика
земля	7	политика
инициатор / сторонник перестройки	7	политика
народы СССР	7	политика
демократия	6	политика
КПСС	6	политика
СССР	6	политика

Анализ списка дескрипторов, приведенного в табл. 2, показывает, что подавляющее количество дескрипторов представляют политических субъектов. Исключение составляют дескрипторы «выход из СССР», «земля» и «демократия». С одной стороны, это неудивительно, поскольку персонифицирование партий, стран, республик в политическом дискурсе представляет собой совершенно стандартную практику осмысления политических субъектов как людей. В этом отношении М-модель родственных отношений оказывается просто частью М-модели персонификации. Ср. контексты типа (1):

- (1) Он [Горбачев] избавил Европу от страха перед советскими танками и ракетами, он вернул немцам Германию, он показал миру, что страшного, беспощадного врага больше нет, а на его месте — *блудный сын мирового сообщества*, желающий вернуться в отчий дом. (Гозман Л. «Огонек», 30.11.1991)

С другой стороны, это удивительно, поскольку половина контекстов использования М-модели родственных отношений (среди рассматриваемой группы дескрипторов) относятся к сущностям, которые уже являются людьми: 54 контекста «неперсонификации» против 53 контекстов собственно персонификации. Ср. примеры типа (2а, б):

- (2) а. «Я говорил, что съезд собрался для рассмотрения попытки государственного переворота, а закончится снятием председателя Верховного Совета». После этой короткой реплики мрачный председатель вернулся в президиум, где и просидел молча до позднего воскресного вечера. А съезд, взбунтовавшийся было против Р. И. Хасбулатова, проголосовавший за рассмотрение вопроса о его отзыве, обвинивший спикера в сговоре с президентом, осиротел.

Как непослушный ребенок, *привревновавший мать за разговоры с чужим дядей*, он громко закричал: ты мне вообще не нужна! А когда *мать* со словами — ну хорошо: не нужна, так и не нужна — отошла в сторону, он забеспокоился. Напрасно. Ю. М. Воронов, занявший место председателя, в поисках контакта делал все для того, чтобы вести себя безупречно. Ребенок, капризно надувая губы, твердил — *ты не моя мама*. (Бруни Л. «Сегодня», 30.03.1993);

б. В 1961-м применение динамита для сокрушения уставленных по всей стране идолов могло породить стихи Галича «кум сжевал свой огурец и промолвил с мукою: оказался *наш отец* не отцом, а сукою» и рассматриваться по меньшей мере как финал исторической трагедии. (Соколов М. «Независимая Газета», 21.12.1990)

Заметим, что контексты типа (2а, б) нарушают известный тезис об однонаправленности метафорической проекции. Причина такого значительного количества случаев «неперсонификации» при использовании М-модели родственных отношений заключается, во-первых, в том, что сама по себе сфера семьи представляет собой важнейшую часть социального опыта человека, не менее важного, чем опыт физического взаимодействия с реальностью, а во-вторых, в том, что за структурой семейных отношений, родственных связей скрывается широкий круг мифологем, связанных как с европейской, так и с собственной русской культурой и историей. Первую часть этой мысли иллюстрирует пример (2а), где используются знания о стандартном поведении ребенка при общении с матерью, а вторую — пример (2б), в котором представлена типичная для российской культуры мифологема патернализма, метафорически отображаемая в конвенциональной метафоре Руководитель государства — это отец или более конкретно Сталин — это отец.

Мифологическая и культурная составляющая представлений, связанных с источниковой областью семьи, в особенно ясной форме обнаруживается в контекстах осмысления В. Ленина, И. Сталина, Б. Ельцина и М. Горбачева, ср. (2б, 3):

- (3) а. Что ж, дальнейшая судьба жалобщиков понятна, ибо каждый народ достоин своего царя. Естественно, бдительная охрана их тут же «брала» и выводила. И многие прямым ходом попадали в суровые наши психушки, в эти обители скорби. Но не все ползли и усиленно молили правды «у *батьюшки*». (Ховратович В. «Куранты», 11.01.1991);

б. «Исторические параллели рискованны», — изрек когда-то *отец народов*. В известной степени это верно: зеркального повторения ситуаций в истории действительно не бывает. (Гинцбург Л. «Независимая Газета», 18.04.1991);

в. Выражая равное сочувствие всем пострадавшим, президент воображает, будто оказывается над схваткой. *Добрый отец* для всех подданных. (Минкин А. «Московский Комсомолец», 04.06.1993);

г. Объявить Горбачева *отцом Отечества*, поблагодарить за грандиозные заслуги перед человечеством и советским народом, за целенаправленное разрушение тоталитарного режима. (Мигранян А. «Независимая Газета», 27.08.1991)

По материалу видно, что эти мифологические осмысления не единичны, не случайны: имеется отчетливая тенденция к структурной организации мифологизированной системы представлений о политиках. Так, если по отношению к Сталину и Ельцину метафора отца вполне употребительна (6 из 10 у Сталина и 4 из 8 у Ельцина), то по отношению к Ленину существенно чаще используется метафора дедушки (5 контекстов из 10): *просто у нас был дедушка Ленин, мы его любили; идеи дедушки Ленина на благодатной российской почве прижились и дали всходы; ненависть к дедушке Ильичу испытывают еще не все*. Даже в примере (3а) Ленин осмысляется не просто как отец, а как БАТЮШКА. Идею системной организации метафорических представлений подтверждают также и широкие рамки метафорической интерпретации М. Горбачева, который по лидерским качествам никак не вписывался в рамки стандартных мифологических представлений: ср., например, явное отсутствие харизматических свойств, типичных для В. Ленина, В. Сталина и Б. Ельцина. Именно поэтому в политическом дискурсе у него нет отчетливого «метафорического лица» в рамках М-модели родственных отношений. Даже в контексте (3г) предложение объявить Горбачева «отцом отечества» воспринимается, скорее, как ирония или часть «рассуждения от противного». Горбачев выступает и как «жених» (*вернулся после путча женихом на давно сыгранную свадьбу*), и как «крестный отец» (*задуматься над ролью М. Горбачева, выступившего его крестным отцом, в преобразованиях и переменах последних лет*), и как «ребенок» (*Но Горбачев — дитя партийного аппарата*). Все эти осмысления нерегулярны и не превышают в собранном материале частоты в два употребления.

Среди контекстов использования М-модели родственных отношений как части процесса персонификации, наибольшее количество упо-

треблений приходится на бывшие республики СССР. Действительно, в связи с реинтеграцией СССР тема выхода республик из состава СССР оказалась одной из наиболее актуальных и важных — отсюда и высокая частота метафорических осмыслений. Понятно, что в источниковой области родственных отношений наиболее подходящей интерпретацией оказывается понимание республик как братьев и сестер большой семьи, ср. контексты типа (4):

- (4) — Авторы заявления считают необходимым устанавливать режим наибольшего благоприятствования для республик, подписавших Союзный договор. Если позволите, я приведу такую аналогию: *из 15 братьев 6 решили уйти из коммунальной квартиры, жить своими домами, а их за это решили наказать. Как тут насчет морали? — Вы правы и не правы. С точки зрения ранней христианской морали, конечно, правы: хотя мы бедны и у нас многого не хватает, но надо делиться всем, что имеем.* (Логунов В. А., Хасбулатов Р. И. «Российская Газета», 05.05.1991)

Отношение доминирования в политической сфере моделируется в метафоре родственных отношений противопоставлением «старших и младших братьев»: *Россия больше не претендует быть «старшим братом»*; *старый Старший брат все-таки лучше новых Старших братьев, которые сразу же возникнут, как только отделение от России произойдет; требовать от Запада карт-бланш на любое подавление любого протеста против Старшего Брата на территории СНГ.* Понятно, что в роли «старшего брата» стандартным образом выступает Российская Федерация (Россия) и русский народ. Метафора СТАРШЕГО БРАТА семантически усложнена сочетаемостью М-моделей, поскольку обсуждаемое выражение связано также с метафорой ЛИТЕРАТУРЫ.

Понятно, что в такой логике осмысления мира политики народы СССР воспринимаются как СЕМЬЯ (7 контекстов), а реинтеграция СССР стандартно интерпретируется как РАЗВОД (всего в материале встретилось 8 таких контекстов), ср. (5а, б), (6а, б), соответственно:

- (5) а. Белорусский и литовский народы помогали и помогают друг другу наращивать экономический потенциал, развивать культурные связи в *семье братских народов СССР.* (Семенов В. М. Первый съезд народных депутатов);  
 б. В нашем районе проживают представители около 20 наций и народностей. Они очень дружны, *словно дети одной семьи.* (Алимов С. Первый съезд народных депутатов)



- (6) а. Словом, вряд ли осуществится мирный вариант «дележа». Военный, немирный вариант дележа означает катастрофу. Поэтому вариант *чистого «развода»* и «выхода» приемлем только для нескольких республик, возможно, только для Прибалтики. (Попов Г. «Известия», 03.10.1991);
- б. Центр не приостановил развитие *«бракоразводных» настроений* в Прибалтийских республиках, а лишь усилил их. Особенно после того, как они были ознакомлены с перспективой довольно длительного и весьма сложного грядущего *«бракоразводного» процесса*. (Наумов А. «Россия», 29.01.1991)

Метафора семьи по отношению к народам СССР поддерживается многолетней традицией советского политического языка, ср. типичный контекст такого рода:

- (7) *Многочисленная советская семья* и все передовое человечество с воодушевлением отмечают славное семидесятилетие гениального вождя и учителя, величайшего человека современности Иосифа Виссарионовича Сталина. («Правда», 21.12.1949)

Заметим, что последовательное и непротиворечивое использование метафорических проекций, связанных с источниковой областью родственных отношений (Народы СССР — это семья, Реинтеграция СССР — это развод), опять-таки указывает на общую тенденцию к структурной организации области политической метафорики. Это утверждение, конечно, справедливо по отношению не ко всем М-моделям, а только к тем, которые образуют дискурсивные практики политического дискурса.

Среди денотативных дескрипторов, относящихся к теме общества, представляет интерес только один — «славянин [белорус, русский, украинец]», имеющий шесть вхождений в базе данных. Прочие дескрипторы по частоте выходят за рамки минимума. Очевидно, что и этот дескриптор тесно связан с политическими субъектами — национальными республиками бывшего СССР, народами СССР. Типична для политических субъектов и метафорическая интерпретация: как и республики бывшего СССР, белорусы, русские и украинцы осмысляются как *братья*, ср.: *освободить единокровных братьев белорусов и украинцев; ошельмовать русского брата; вспомним, братья-славяне, и сделаем выводы*.

Экономика как целевая область М-модели родственные отношения фактически отсутствует. Наиболее частотный денотативный дескрипт-

тор экономической сферы — «торговля» — имеет только два вхождения, в которых торговля осмысливается как ребенок: *незаконнорожденное и уродливое дитя формирующегося рынка*.

В целом можно сделать вывод, что сфера политики оказывается основной областью осмысления метафорических проекций в рамках М-модели родственных отношений.

### 13.2.2. Сигнификативные характеристики М-модели родственные отношения

Преимущественная ориентация обсуждаемой М-модели на сферу политики не случайна и объясняется в первую очередь самой семантикой источниковой области. М-модель родственных отношений навязывает носителю языка представление о людях, находящихся друг с другом в той или иной степени родства. Иными словами, говорящий, используя метафору родственных отношений, вынужден искать в целевой области лиц, субъектов, поскольку 38 дескрипторов в дереве рассматриваемой М-модели — это номинации людей, а оставшиеся 11<sup>23</sup> — номинации сущностей, ситуаций, отношений, так или иначе предусматривающих участие людей, ср.: «семья», «инцест», «венчание», «развод» и т. п.

Следует отметить, что с семантической точки зрения дерево родственных отношений, выстроенное на основе эмпирического материала, оказывается довольно подробным, хотя и не исчерпывающим. Так, в нем отсутствует, например, категория родственников, относящаяся к «предкам» — «прадед», «прабабка». Хотя в примерах представлена «свекровь», отсутствуют дескрипторы «мачеха», «теща» при том, что соответствующие концепты имеют четкие культурные и фольклорные ассоциации. Такие лакуны вряд ли можно объяснить удовлетворительным образом, если исходить только из собственно языкового материала. Впрочем, и политологические основания этого феномена на данный момент не вполне ясны.

### 13.2.3. Типичное в М-модели родственные отношения

Целый ряд сигнификативных дескрипторов в рамках М-модели родственных отношений денотативно определен, что есть последовательно соотносится с какими-то фрагментами области цели. К ним

<sup>23</sup> Без учета «курсивных», то есть реально не представленных дескрипторов.

относятся, например, дескрипторы «семья» (СССР, народы СССР), «развод» (выход из СССР), «мать» (земля, Россия), «отец» (Сталин, Ельцин), «братья» (славяне), «дедушка» (Ленин).

#### 13.2.4. Нетипичное в М-модели родственные отношения

Несколько неожиданно появление контекстов, в которых Октябрьская революция интерпретируется как инцест, кровосмешительство:

- (8) а. Насилие над языком, извлечение его из материнской стихии корней, погруженных в лоно отцовского Первослова, и превращение в инструмент, в штык или отбойный молоток. Таковы последствия этого эпохального и всеобъемлющего *инцеста*. (Эпштейн М. «Столица», 18.02.1991);
- б. Как известно, цивилизация, придя на смену дикости, налагает запрет на кровосмесительные браки, потому что они ведут к вырождению потомства. Кажется, СССР — первый пример цивилизации, построенной на духовном *кровосмешительстве*: сын замещает Отца в лоне матери-земли. (Эпштейн М. «Столица», 18.02.1991)

Жанровый характер приведенных отрывков показывает, впрочем, что здесь мы имеем дело, скорее, с художественным текстом, чем с политическим дискурсом как таковым.

#### 13.2.5. Культурный и исторический фон М-модели родственные отношения

В отличие от других метафорических моделей, рассматриваемая модель в существеннейшей степени представляет на языковом уровне некоторый достаточно единый блок мифологем общественного сознания, характеризующих отношения гражданина и государства в терминах семейных, родственных связей. Патернализм советского и российского общества, будучи естественным следствием различных тоталитарных форм государственного управления, органично вписывался и в экономическую систему, основанную на тех или иных видах «справедливого» распределения (о семантике и прагматике ценности «справедливость» в политическом дискурсе советской и перестроечной эпох см. [Баранов 1990б]). Именно поэтому основные типичные метафоры в рамках М-модели родственных отношений были уже упомянуты выше. К ним относятся, в частности, конвенциональные метафоры Руководитель государства — это отец (с вариантами более

раннего периода Государь — это отец, Сталин — это отец народов); Ленин — это дедушка; Россия — это старший брат.

Еще одна конвенциональная метафора относится к земле: Земля — это мать, ср. контексты типа (9а, б):

- (9) а. Потому что самое храброе, что было произнесено в земельном законодворении на союзном уровне — пожизненное наследуемое владение землей — сохранило собственность на *матерь всех богатств* за единственной на местах властной структурой, а она, в массе чуткая и смышленная, мигом уловила объем страха в Верховном Совете СССР. (Черниченко Ю. «Российская Газета», 27.11.1990); б. «Коммунисты России» с нежностью *называли землю матерью*, а коллективизацию именовали «манной», к которой крестьянин все свои 70 сознательных лет стремился. (Цыба Т. «Московский Комсомолец», 29.11.1990)

Довольно часто целевая область этой популярной конвенциональной метафоры трансформировалась во вполне понятном направлении: земля → родина → Россия, ср. (10). Смысловая трансформация в этих случаях сохраняет идею «святости», «народности», истины / правды, познаваемой не логическими закономерностями, а духом и т. п.

- (10) а. Противно читать вашу газету. Сколько в ней зла, порока и обливания грязью и ложью своей *матери*. Я имею в виду Родину — это и есть *мать родная*. Чернить ее могут только чужие *Родине-матери* дети. Да и были ли они когда-нибудь детьми своей Родины, такие писаки? От кого они произошли, интересно? Не иначе дети купцов, князей, дворян, кулаков. (Почта читателей «Мегаполис-Экспресс», 01.08.1991) б. В городе, поди, виднее, кто правит и правил этой каруселью, которая называлась *матушкой Расеей*. (Зарубин В. «Молодая Гвардия», 01.08.1990)

Некоторые публицисты, критически воспринимая мифологему, лежащую за конвенциональной метафорой Земля / Родина — это мать, пытаются снять с нее статус сакральности. Ср. характерный пример: *Мы в лагере были не евреями и русскими, не хохлами и причиндалами, то есть не чукчами, а имели национальность ЗЭК, которую нам врезала промеж рог Родина-мать, Раиса Максимовна, за бесконечную преданность идеалам теневой экономики. Если бы не она, то на месте России уже лет сорок гулял бы по пустому буфету Дефицит Алкогольевич Доходягин.* (Алешковский Ю. «Столица», № 41—42)

В основе обсуждаемой конвенциональной метафоры лежит культ «Матери-земли», отраженный, согласно Б. Успенскому, на уровне языка в ряде обцененных фразеологизмов [Успенский 1996]. Наличие такой концептуальной метафоры в языковом сознании, ее устойчивость и значимость для российской культуры привели к тому, что метафорическое по сути представление о земле как матери — этакая коллективная фантазия — стало использоваться в процессе политической аргументации. При обсуждении законопроектов о введении частной собственности на землю противники введения частной собственности апеллировали к тому, что «земля — это мать, а мать продавать нельзя», ср. (11а, б):

- (11) а. <...> как выражаются ныне коммунисты России, «Земля — Мать, земля от Бога и торговать ею — грех». (Леонтьев М. «Независимая Газета», 21.12.1990)
- б. Некоторые не вполне добросовестные и заинтересованные люди демагогически восклицают с высоких трибун: «Земля — мать, а разве мать можно продавать?» (Караваев А. «Россия», 06.12.1990)

Использование метафоры в политической аргументации представляет собой типичный пример языкового манипулирования. Дело в том, что метафорическая проекция действительно предполагает структурирование области цели по образцу области источника, однако при этом вовсе не имеется в виду, что области источника и области цели идентичны. Между тем именно идентичность области источника и области цели подразумевается в акте аргументирования с помощью метафоры. Метафора навязывает адресату «по умолчанию» определенную точку зрения без обсуждения; это приговор без какого бы то ни было доказательства<sup>24</sup>. Фактически рассматриваемый способ манипулирования метафорой в естественно-языковой аргументации аналогичен приему навязывания пресуппозиции.

### 13.3. Сравнение русского и немецкого материала

Хотя по порядку убывания частоты М-моделей в политическом дискурсе и русская модель родственных отношений и немецкая модель VERWANDTSCHAFTSBEZIEHUNGEN очень близки (пятнадцатое и шестнад-

<sup>24</sup> Ср. характерное высказывание: «Метафора часто содержит точную и яркую характеристику. Это — приговор, но не судебный» [Арутюнова 1990: 8].

чатое место, соответственно), по относительной частоте они различаются на порядок: если относительная частота русской М-модели 0,010497, то немецкой — только 0,005278. Иными словами, в русском политическом дискурсе М-модель родственных отношений используется существенно чаще. Это может служить основанием для утверждения, что в российском общественном сознании идея патернализма занимает более важное место и относится к важнейшим мифологемам политического мышления.

На уровне сигнификативных дескрипторов М-моделей родственные отношения и VERWANDTSCHAFTSBEZIEHUNGEN также обнаруживают довольно интересные расхождения. Так, в семантическом дереве М-модели VERWANDTSCHAFTSBEZIEHUNGEN практически отсутствуют корневые дескрипторы, в частности дескрипторы «брак», «бракосочетание», «венчание», «жена», «жених», «муж», «поминки», «смотрины», «супруги». С другой стороны, в дереве русской М-модели родственные отношения хотя и представлен дескриптор «ребенок», но он далее почти никак не специфицирован, а в немецкой версии обсуждаемой М-модели выделяются «ungeliebtes Kind» (нелюбимый ребенок), «Sorgenkind» (проблемный ребенок), «gebranntes Kind» (обжегшийся ребенок), «Ziehkind» (приемный ребенок). Из таксона «родственник» в семантическом дереве немецкой М-модели концептуализованы относительно немногие дескрипторы — «armer Verwandter» (бедный родственник), «Enkel» (внук), «Vetter» (двоюродный брат), при этом широкая область русских номинаций родства: «дед», «дедушка», «дядя», «кузен», «невестка», «родня», «свекровь» и др. — не имеет немецких соответствий.

В целом большее разнообразие сигнификативных дескрипторов в дереве М-модели родственных отношений по сравнению с немецкой М-моделью VERWANDTSCHAFTSBEZIEHUNGEN, а также более высокая частота употребления обсуждаемой метафоры в русском политическом дискурсе позволяет сделать вывод, что М-модель родственных отношений более значима в русском политическом дискурсе, чем аналогичная М-модель в немецком политическом языке.

## Глава 14. М-МОДЕЛЬ МЕХАНИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ<sup>25</sup>

### 14.1. Формальные характеристики М-модели МЕХАНИЗМА

#### 14.1.1. Употребительность М-модели МЕХАНИЗМА

По абсолютной и относительной частоте употребления М-модель МЕХАНИЗМА замыкает пять наиболее употребительных в русском политическом дискурсе М-моделей: персонификация, война, пространство, строительство, МЕХАНИЗМ. Как показывает анализ, первые наиболее употребительные модели русского политического дискурса практически не образуют единых группировок, то есть между ними существуют довольно значительные «провалы» в частоте. Так, М-модель персонификации по частоте очень сильно отличается от М-модели война (на 496 употреблений по абсолютной частоте и на 0,0230 — по относительной). На единую группировку по частоте могут претендовать М-модели войны и пространства (различие: 31 и 0,0014 по абсолютной и относительной частотам, соответственно). М-модель строительства отличается от М-модели пространства уже довольно значительно (200 по абсолютной и 0,0093 — по относительной частотам). М-модель МЕХАНИЗМА довольно сильно отличается от строительства (96 и 0,0045) и ближе по частоте к М-модели медицины, которая, впрочем, скорее попадает в единый частотный кластер с М-моделями ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ, ДВИЖЕНИЕ, ОРГАНИЗМ и др. Иными словами, можно считать, что модель МЕХАНИЗМА образует особый частотный кластер среди наиболее употребительных М-моделей: персонификация (кластер 1) — война-пространство (кластер 2) — строительство (кластер 3) — МЕХАНИЗМ (кластер 4).

Высокая частота употребления М-модели МЕХАНИЗМА позволяет считать ее дискурсивной практикой русского политического дискурса.

---

<sup>25</sup> Контексты употребления данной М-модели приведены в [Баранов, Караулов 1991].

### 14.1.2. Общие статистические характеристики М-модели МЕХАНИЗМА

Мощность М-модели МЕХАНИЗМА — 75. Разветвленность М-модели МЕХАНИЗМА: число нетерминальных таксонов — 12. Глубина М-модели МЕХАНИЗМА — 4.

### 14.1.3. Денотативное разнообразие М-модели МЕХАНИЗМА

Всего в модели 136 денотативных дескрипторов и 73 сигнификативных дескриптора (без учета имен таксонов, не имеющих денотативных соответствий). Следовательно, Д-разнообразие М-модели МЕХАНИЗМА:  $139/73 = 1,904$ .

### 14.1.4. Стабильность денотативных реализаций М-модели МЕХАНИЗМА

Всего в дереве обнаружено 187 одиночных реализаций денотативных дескрипторов. 223 употребления приходится на неодионочные дескрипторы. Следовательно, стабильность Д-реализаций М-модели МЕХАНИЗМА составляет:  $223/410 = 0,544$ .

### 14.1.5. Парадигматика М-модели МЕХАНИЗМА

В семантическом дереве представлено 6 парадигматических отсылок к таксонам: СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ПРИБОР (2 раза), ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО, ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ, ОРУЖИЕ.

М-модель МЕХАНИЗМА по семантическим следствиям противопоставлена М-модели ОРГАНИЗМА и превосходит ее по количеству употреблений.

## 14.2. Содержательные характеристики М-модели МЕХАНИЗМА

### 14.2.1. Денотативные характеристики М-модели

Всего в базе данных метафор эпохи перестройки представлено порядка 400 употреблений М-модели МЕХАНИЗМА. Для описания «целевой» области этой модели использовано порядка 400 вхождений денотативных дескрипторов и около 140 индивидуальных денотативных дескриптора. Список денотативных дескрипторов с указанием абсолютной частоты употребления представлен в табл. 1.



Таблица 1

Денотативные дескрипторы М-модели МЕХАНИЗМА

Дескриптор	Частота употребления	Тематическая область
человек	21	общество
идеология	10	общество
история	8	общество
общество	6	общество
общественное мнение	5	общество
СМИ	3	общество
интеллигенция	2	общество
народ	2	общество
цивилизация / человечество	2	общество
вселенная	1	общество
высшая школа	1	общество
идея	1	общество
молодежные организации [октябрятская, пионерская] / семья	1	общество
молодежь	1	общество
научные школы	1	общество
нравственность	1	общество
облучение	1	общество
писатель	1	общество
Проханов А.	1	общество
религия	1	общество
решение проблемы	1	общество
Сахаров	1	общество
Союз писателей СССР	1	общество
страх	1	общество
телевидение	1	общество
школа	1	общество
эгоизм	1	общество
эмиграция	1	общество
власть	39	политика
государство	21	политика
административно-командная система	20	политика
демократия	16	политика
КПСС	12	политика

Дескриптор	Частота употребления	Тематическая область
репрессии / террор	10	политика
реформы	8	политика
армия / воинская служба	7	политика
Верховный Совет	7	политика
политическая деятельность	7	политика
Советы	6	политика
гласность	5	политика
Горбачев М. С.	5	политика
законодательство	5	политика
КГБ	5	политика
политика	4	политика
политическая система	4	политика
союзный договор	4	политика
СССР	4	политика
диктатура	3	политика
конституция	3	политика
кризис	3	политика
перестройка	3	политика
революция	3	политика
взятки	2	политика
коммунизм [идеология]	2	политика
комсомол	2	политика
ликвидация СССР	2	политика
народные депутаты	2	политика
политическая ситуация	2	политика
пост президента	2	политика
право	2	политика
Россия	2	политика
социалистическая система	2	политика
Съезд народных депутатов	2	политика
тоталитаризм	2	политика
армянский парламент	1	политика
безвластие	1	политика
внешняя политика	1	политика
вопрос [в политической дискуссии]	1	политика
восточные европейские страны	1	политика

Дескриптор	Частота употребления	Тематическая область
Высший координационно-консультативный совет	1	политика
ГКЧП	1	политика
Госбанк СССР	1	политика
гражданская война	1	политика
демократизация	1	политика
забастовка	1	политика
инициаторы ГКЧП	1	политика
инициаторы перестройки	1	политика
интернационализм	1	политика
капитализм	1	политика
контроль	1	политика
курильская проблема	1	политика
либерализм	1	политика
ликвидация административно-командной системы	1	политика
ликвидация международной социалистической системы	1	политика
ликвидация политической системы	1	политика
межнациональные проблемы	1	политика
многопартийность	1	политика
мышление Ленина	1	политика
начало реформ	1	политика
общение с избирателями	1	политика
номенклатура [КПСС]	1	политика
первичные парторганизации	1	политика
петроградский Совет	1	политика
пионерская организация	1	политика
политическая активность	1	политика
политическое влияние	1	политика
правительство	1	политика
президентская власть	1	политика
пропаганда	1	политика
референдум	1	политика
РСФСР	1	политика
социализм [идеология]	1	политика

Дескриптор	Частота употребления	Тематическая область
сталинизм / ленинизм / диктатура	1	политика
суверенитет автономий	1	политика
члены КПСС	1	политика
члены правительства	1	политика
экономика	19	экономика
рынок	12	экономика
биржа	3	экономика
инфляция	3	экономика
военно-промышленный комплекс	2	экономика
ликвидация экономической системы	2	экономика
социалистическая экономика	2	экономика
финансы	2	экономика
экономический интерес	2	экономика
администраторы крупных компаний	1	экономика
биржа	1	экономика
бюджет	1	экономика
госзаказ	1	экономика
государственная собственность	1	экономика
дефицит	1	экономика
закон о государственном предприятии	1	экономика
капитал	1	экономика
компенсация роста цен	1	экономика
конкуренция	1	экономика
монокультура хлопчатника	1	экономика
отчисления в бюджет	1	экономика
переход к рынку	1	экономика
повышение цен	1	экономика
социальная защита	1	экономика
социальная поддержка	1	экономика
торговля	1	экономика
ценообразование	1	экономика
частное предпринимательство	1	экономика
экономист	1	экономика
экономическая ситуация	1	экономика

Денотативные дескрипторы в табл. 1 классифицированы по тематическому основанию: общество, политика, экономика. Из 416 вхождений денотативных дескрипторов (общее количество употреблений) 270 приходится на политику, 78 — на общество и 68 — на экономику. Иными словами, политические реалии и политические проблемы составляют в массиве текстов почти две трети из всего количества употреблений метафоры механизма. Общественные и экономические проблемы приблизительно эквивалентны по значимости и образуют лишь третью часть в данном типе дискурса. Причина такого частотного распределения вполне понятна. М-модель механизма относится к числу наиболее конструктивных метафор, следствия из которой позволяют человеку искать решение проблемы в операциональных терминах. Поскольку 1990—1993 гг. — это период изменения политической системы бывшего СССР, образования новых государств, разрушения советов и формирования новых органов власти, то политические проблемы и оказываются в центре внимания той части политического дискурса советского общества, который использует метафору механизма. Именно эта М-модель оказывается в данный период времени наиболее продуктивной.

Введем нижний порог частоты «10 вхождений» и рассмотрим наиболее часто упоминающиеся реалии политической жизни в рамках М-модели механизма. Ср. табл. 2.

Таблица 2

**Реалии политической жизни в М-модели механизма, упорядоченные по частоте употребления**

Дескриптор	Частота употребления
власть	39
государство	21
административно-командная система	20
демократия	16
КПСС	11
репрессии / террор	10

Как и следовало ожидать, наиболее часто обсуждаются проблемы власти. Новые политические силы стремятся не только к перераспределению властных полномочий, но и к изменению самих правил ведения политической деятельности. В политических дискуссиях уже возникает понятие «гражданского общества»: *Мы начали расшатывать машину тоталитаризма, создавать очаги независимости, само-*

*стоятельности — опорные точки гражданского общества.* (Кива А. «Известия», 10.12.1990) Впрочем, судя по материалам, оно не получает последовательного метафорического осмысления.

Власть интерпретируется и как абстрактный механизм (*внесение необходимых коррективов в механизм власти; надо вводить быстро новые механизмы власти*) и как конкретный механизм. В последнем случае чаще всего используется метафора руля:

- (1) Можно ли всерьез рассчитывать, что с помощью военной силы вы удержите *руль власти* в случае ее насильственного захвата? (Лашкевич Н. «Известия», 16.01.1991);  
— А вы не допускаете, что к *рулю* приходит партия порядка? — Вы упорно выводите меня на человека с лампасами. Партия порядка — это вообще вариант, обреченный в нашей стране на успех. (Беккер А., Гайдар А. «Мегаполис-Экспресс», 16.05.1991)

Концепт «руля» для русского языка можно считать метафорически определенным (см. главу 1). В имеющемся материале он используется исключительно по отношению к категории власти. Близок к метафорической определенности и концепт «рычага»:

- (2) *Рычаги власти* остались у прежней, немного подновленной номенклатуры. (Гамаюнов И., Дудинцев В. «Литературная Газета», 08.05.1991);  
Свергнутый неудачливыми хунтарями президент Горбачев вернулся в Кремль, но он одинок; освобождение от блокады можно считать условным: у него не осталось надежных *рычагов исполнительной власти* — Кабинет министров отставлен, многие арестованы, ЦК КПСС разбежался, помещения на Старой площади, в которых располагался президентский аппарат, опечатаны. (Фельгенгауэр П. «Мегаполис-Экспресс», 29.08.1991)

Однако, в отличие от «руля», концепт «рычага» имеет и другие интерпретации в сфере цели: административно-командная система (2); армия (2); демократия (2); КГБ (2); СМИ (2); финансы (2); экономика (2) и др.

Следующее по частоте метафорических осмыслений — понятие «государства». Оно интерпретируется прежде всего как абстрактный механизм (*ржавое колесо огромного механизма российского; механизм, действовавший десятилетиями, сломан; государственные механизмы*) — всего 5 метафор такого типа, а также как машина (не в значении «средство передвижения»):

- (3) И только тогда, когда все возможности и ресурсы, пожираемые сегодня *гигантской государственной машиной*, будут повернуты на нужды людей, только тогда руководство страны вправе обратиться к народу с призывом проявить терпение. («Известия», 04.09.1990);

Советский человек — это человек, не только лояльный по отношению к государству, но и активно «строящий» социализм и коммунизм, «винтик» *государственной машины*. (Иванова Н. «Огонек», № 35, 01.08.1990)

Таких метафорических осмыслений существенно больше — 12. Понимание государства как огромного механизма, машины вполне типично для европейской культурной традиции. В этом смысле исследуемая дискурсивная практика вряд ли выделяет русский политический дискурс на общем фоне политических дискурсов других европейских языков.

За «государством» по частоте употребления следуют дескрипторы «административно-командная система» и «демократия». И та и другая категория относятся, по-видимому, к ключевым понятиям периода перестройки, характеризующим политический стиль эпохи. Интересно, что если все упоминавшиеся ранее реалии политической жизни осмыслялись метафорически достаточно разнообразно, то понятие «демократии» привязано почти исключительно к идее абстрактного механизма (всего 11 употреблений):

- (4) Не будем сейчас оценивать эффективность правительственного проекта — сосредоточимся лишь на самой процедуре. Ведь в конечном счете нет для нас важнее дела, чем введение *механизмов демократии*. (Крайко А. «Литературная Газета», 10.10.1990);

Явно обозначился кризис *механизма демократии*, кризис надежд получить через этот инструмент реальную власть Советов на местах, власть народа во имя интересов народа. (Ярошенко Ю. В. «Московские Новости», 31.07.1991)

Чаще, чем абстрактный механизм в анализировавшемся материале, не осмысляется ничего. Чуть меньшая частота у «рынка» и «экономики». Два употребления приходится на осмысление «демократии» как рычага / рычагов (*придать смысл демократических рычагов народовластия; отпускать понемногу демократические рычаги*). Есть еще и одиночные метафорические интерпретации — маятник (*маятник демократии качнулся в сторону охлократии*); СИСТЕМА ПРОТИВОВЕ-

сов (демократия — это, в частности, система **противовесов**); МОТОР (**мотор** включили, а **тормоза** не **отрегулировали**).

Такую относительную «бедность» продуктивных метафорических осмыслений можно объяснить, во-первых, тем, что никто толком не представлял себе, что такое рынок и демократия, и, во-вторых, никто особенно и не пытался в этом разобраться. Иначе, разнообразие продуктивных метафорических интерпретаций было бы существенно больше.

Последующие денотативные дескрипторы — административно-командная система, КПСС, репрессии / террор — образуют относительное семантическое единство. Это все препятствия, угрозы перестройке. Казалось бы, метафорическая интерпретация в терминах метафор-ограничителей была бы для этих категорий вполне естественна. Однако в рамках М-модели механизма это можно в какой-то степени сказать только о КПСС. Последняя действительно осмысляется как тормоз (3 контекста в материале):

- (5) Пройдя по всем ступеням партийной иерархии, очутившись на самой ее вершине, получив власть, позволявшую вершить судьбы не только отдельных людей, но и всего мира, он [Горбачев] осознал, что эта вознесшая его система является *тормозом прогресса*, стеной, отгородившей страну от мировой цивилизации. («Независимая Газета», 03.08.1991);
- Вы такая молодая, но все равно не доживете до того времени, когда коммунистическая идеология сойдет с политической арены, — ответил Иван Кузьмич Полозков на вопрос юной журналистики о том, не является ли КПСС *тормозом* на пути к цивилизации. (Дядечко А. «Россия», 06.04.1991)

Второе даже несколько более частотное метафорическое осмысление — это интерпретация КПСС как абстрактной машины. Основное метафорическое следствие такой интерпретации заключается в том, что абстрактная машина недоступна воздействию извне: она функционирует по своим заранее и навсегда определенным правилам:

- (6) а. Советская, универсальная Машина по закапыванию талантов в землю <...> подобрала помаленьку всех, кто выделялся, кто что-то умел не так, как другие. (Рощин М. «Огонек», № 41, 06.10.1990);
- б. И выбросила машина писателя с родной земли подальше, в USA, в штат Вермонт. «Да ты что, машина! — Кричали ей — это же метафора, литература, стилизация, сатира, гротеск, особенность дарования, это ценность». «Знаю, знаю, — бурчала машина, перемалывая



кости писателя. — Чай, не он первый, не он последний...» (Рощин М. «Огонек», № 41, 06.10.1990)

Метафорические интерпретации административно-командной системы напротив подчеркивают ее деятельностный характер: это и КОНВЕЙЕР (*установился конвейер, и не только в Совмине, но и в других структурах*), и МОТОР (*она [административно-командная система] никогда уже не заработает даже на прежних ленивых оборотах*), и ПРУЖИНА (*административно-командная система сжалась подобно пружине*). Чаще всего административно-командная система интерпретируется как АБСТРАКТНАЯ МАШИНА (7 употреблений):

- (7) а. Старую бюрократическую машину можно сломать, дав простор инициативе снизу. (Носов К. Г. Первый съезд народных депутатов);  
 б. Известно, что тоталитаризм приводит к вырождению управленческого блока. Атмосфера террора, так сказать, жизненный тонус режима, обеспечивается постоянной сменой кадров (ротацией), захватывающей все этажи административной машины. (Лебедев В. «Независимая Газета», 11.09.1991)

Однако и такое метафорическое осмысление не отменяет «деятельностное» начало. Другое дело, как это начало оценивается.

Как и для КПСС, для концепта «репрессии / террор» наиболее важным оказывается осмысление МЕХАНИЗМ И АБСТРАКТНАЯ МАШИНА (МАШИНА,) с метафорическим следствием «невозможность внешнего вмешательства, внешнего воздействия»:

- (8) а. И механизм репрессий сработал как всегда четко. (Демин И. «Московский Комсомолец», 03.10.1990);  
 б. Но как ни слепо подчас действовала машина террора, она поражала, бесспорно, прежде всего элементы, представлявшие, хотя бы только морально, сопротивление тоталитарному режиму: либералов, социалистов, людей твердых убеждений или критической мысли, просто независимых людей. (Федотов Г. «Независимая Газета», 06.12.1990)

Следует отметить, что внимание к этому следствию не разделяет общественно-политические группировки. Оно действительно и для «общедемократического» лагеря (см. контексты выше) и для левых, ср.:

- (9) Сегодня этот приговор предназначается коммунистам, нашим с вами родственникам, друзьям, соседям, знакомым, а завтра может

быть, христианам, с которыми сегодня «демократы» заигрывают грубо и неискренне, а далее и другим политическим и социальным группам, и пошла, поехала ненасытная *кровавая машина новой диктатуры*, о намерениях которой уже сегодня объявлено: «Власть, диктатура, вешать!» (Чарнецка И. «Советская Россия», 19.05.1991)

В целом, можно сказать, что метафорические осмысления политических реалий в эпоху перестройки в первую очередь относятся к главной проблеме радикального преобразования политической жизни общества, что связывается с категорией «власти», «государства» и «демократии», а также к опасностям, грозящим еще не сформировавшейся новой политической реальности: «административно-командная система», «КПСС», «репрессии/террор».

По выбранному порогу частоты из наиболее часто обсуждавшихся реалий общественной жизни остаются два дескриптора — ср. табл. 3.

Таблица 3

#### Частотные реалии темы «общество» в М-модели механизма

Дескриптор	Частота употребления
человек	21
идеология	10

Внимание к человеческому фактору — одна их характернейших черт политического дискурса эпохи перестройки. Основной пафос дискуссий тех лет заключался в осмыслении человека как совершенно равноправного партнера государства в политической жизни, что составляет основу гражданского общества в современном понимании. В эпоху перестройки в центре внимания оказался первый этап довольно длительного процесса переоценки роли человека в обществе и государстве — отрицание права государства на вмешательство в личную жизнь человека и утверждение значимости отдельного человека. Отсюда специфика метафорических интерпретаций человека в М-модели механизма: человек полемически осмысляется как мельчайший элемент абстрактной машины — винтик (15), гайка (2), колесико (2). Полемичность заключается в том, что либо сразу, либо на следующем шаге политической аргументации эта метафора отвергается:

- (10) а. Вот это философское понимание стало источником формирования новой политики. Политики, политических реформ в сторону народовластия и возвращения человека в политический процесс.

А он у нас как *винтик*, как гайка был. Я знаю, как с *винтиками*, как с *гайками* поступают. Шесть лет работал на комбайне. Что-то срывалось, надо было отремонтировать — пойдешь, посмотри в ящик, а там винты, болтики валяются, как на свалке. Вот так. Вот она, наша былая демократия. (Горбачев М. С. 01.12.1990);

б. *Люди-винтики* в государственной машине социализма — на наших глазах превратились в людей, ворочающих серьезными делами. (Поляков Ю. «Московский Комсомолец», 19.12.1993)

В отличие от «человека», «идеология» осмысливается намного более разнообразно. С одной стороны, это непроницаемая машина, производящая никому не нужную продукцию, или абстрактный механизм, выполняющий одну и ту же неизменную программу (*наша идеологическая машина вдалбливала идею социализма; оглохнуть от грохота идеологической молотилки; в голове у Медведева — и это ощущалось физически — постоянно щелкал догматический калибровочный механизм*), с другой — пресс, давящий человека (*под прессом партийной идеологии многовековая культура России рухнула*) или тиски (*находиться в тисках старых догм*).

Наиболее частотные денотативные дескрипторы, относящиеся к сфере экономики, в дискурсе М-метафоры МЕХАНИЗМА отражены в табл. 4:

Таблица 4

**Частотные реалии экономической жизни в М-модели МЕХАНИЗМА**

Дескриптор	Частота употребления
экономика	19
рынок	12

Частотные экономические концепты представлены «экономикой» и «рынком». Типичное осмысление первого концепта — экономика как абстрактный механизм (9 употреблений):

- (11) а. Но все же к 1987 году мы смогли завершить этот этап работы и широким фронтом пойти на создание *нового механизма хозяйствования*. (Рыжков Н. И. Первый съезд народных депутатов);
- б. В этой связи, учитывая последние президентские указы, маневры союзного и республиканских правительств хочется вспомнить о некоторых важных истинах: во-первых, конверсия должна стать не временной пожарной мерой вывода экономики из кризиса, не очередной политической кампанией, а одной из постоянно действующей

щих частей механизма нашей национальной экономики. (Куцеба С. «Московский Комсомолец», 25.12.1990)

Здесь важнейшее метафорическое следствие — возможность конструирования и, следовательно, изменения сущности, воздействия на нее, то есть профилируется важнейшее свойство М-модели механизма — структурность механизма, наличие в нем отдельных компонентов, рациональность устройства, функциональность составляющих и т. п. В несколько меньшей степени «экономика» категоризуется в терминах концепта машина — всего 2 употребления. Причем, как показывает материал, машина в куда меньшей степени рациональна и проницаема, чем абстрактный механизм. При использовании метафоры машины по отношению к «экономике» в первую очередь высвечивается идея «бессмысленности работы»:

- (12) И 4 года они *крутили экономическую машину вхолостую*, ограничиваясь даже не четвертьмерами и продолжая в то же время безграмотную политику развала денежно-финансовой системы. (Шмелев Н. «Независимая Газета», 09.09.1993)

В наиболее чистом виде идея работы машины проявляется в концепте «мотора / двигателя». С наивной точки зрения машина устроена так, что мотор, двигатель сам ничего не производит, но приводит в действие саму машину. Отсюда и интерпретации «экономики» как мотора, двигателя (*изобрести двигатель экономики; мотор отечественной экономики*).

Как в случае с «демократией», концепт «рынка» оказывается суженным по метафорическим интерпретациям в рамках М-модели механизма. Он категоризуется в наиболее широком смысле — как абстрактный механизм (10 употреблений):

- (13) а. И все-таки для вхождения нужно время, чтобы пошел процесс, начали действовать и разворачиваться *рыночные механизмы*. (Горбачев М. С. «Правда», 22.09.1990);  
 б. Либо он [рынок] функционирует как *механизм*, в котором потребитель своим полновесным рублем определяет, что и в каких количествах должно быть произведено, либо он существует в искореженном виде, обеспечивая «плановой» централизованной экономике ту «смазку», без которой она вообще существовать не может. (Шейнис В. «Огонек», 15.09.1990)

Как и в ранее рассмотренных случаях, здесь высвечивается такая важнейшая характеристика М-модели механизма как возможность конструирования и изменения сущности, возможность воздействия на нее, наличие закономерностей, по которым действует механизм. Категория «рынка» в данной М-модели является «метафорически определенным концептом области цели».

#### 14.2.2. Сигнификативные характеристики М-модели механизма

Из сигнификативных характеристик обращает на себя внимание неразработанность таких областей источника, как работа механизма; люди, связанные с машинами. Например, в первом случае отсутствуют категории начало работы механизма, конец работы механизма, а во втором не представлены рабочие, механики, уборщики и пр.

#### 14.2.3. Типичное в М-модели механизма

К денотативно определенным концептам в М-модели механизма можно отнести понятия руль (власть), машина<sub>1</sub> (государство), винтик (человек), рычаг (власть), штурвал (власть). Отсюда конвенциональные метафоры Власть — это механизм, Власть — это рычаги / руль / штурвал, Государство — это машина, Человек — это винтик, Общественное мнение — это маятник, Административно-командная система — это машина, КПСС — это тормоз, Идеология — это машина / ограничитель [тиски, тормоз и т. п.], Рынок — это механизм и др.

#### 14.2.4. Нетипичное в М-модели механизма

К числу наиболее нетривиальных реализаций в целом очень употребительной М-модели механизма можно отнести осмысление политической жизни как сепаратора (14а), власти как часов-курантов (14б), а также первичных парторганизаций как часов-ходиков (14в):

- (14) а. Опять, как два с половиной года назад, заработал, *завертелся сепаратор*, отсеивая, отбрасывая в стороны пустотелых предателей, трусов, оставляя в центре фигуры и личности с удельным весом золота. В эти жуткие дни главная задача — не политическая, не групповая, а личностная, нравственная. Человек раскупоривает сокровенные, на последний случай оставленные сосуды совести, чести, одолевает ими, Бог весть из каких хранилищ почерпнутыми от бабки, от детской сказки, от Пушкина, от убитого под Москвой

ополченца, животный страх, мрак духовный. (Проханов А. «Мы и время», 01.11.1993);

б. Вскоре я понял: я смотрю на самого себя глазами писателя — как на литературного героя, попавшего в дотолу неизвестный ни автору, ни герою странный мир. Мир государственной власти. Это почти так же, как попасть *внутрь старых, едва дышащих, но еще отсчитывающих время гигантских часов-курантов*, увидеть все эти зубчатые колесики и треснутые пружины. (Изербах Ю. «Литературная Газета», 15.05.1991);

в. Первичные парторганизации в структуре предприятий и учреждений существовали как нечто привычное — *вроде старых ходиков на комнатной стене*. Заведено было где-то состоять. (Карпинский Л. «Московские Новости», 04.08.1991)

Интересно развитие конвенциональной метафоры Человек — это винтик в направлении отождествления отвертки с идеологией:

- (15) Поколение фронтовиков должно было бы возглавить движение общества по этому пути, это было его правом и долгом. Это был шанс для страны. Но поколение это как-то незаметно, но довольно решительно и последовательно было оттеснено на вторые и третьи позиции. Ему была отведена роль молчаливых *рабочих винтиков*. *Идеологические отвертки* оказались в других руках. (Фадеев Л. «Россия», 01.01.1990)

#### 14.2.5. Культурный и исторический фон М-модели механизма

Одной из важнейших целей изменения общественного сознания в период после октября 1917 года была попытка совмещения органистического способа мышления (представленного прежде всего метафорами ОРГАНИЗМА, РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА), которое имело глубокие корни в русском социуме, с механистическим, рациональным мышлением, фиксированным в метафорах МЕХАНИЗМА и СТРОИТЕЛЬСТВА. Требовалось по возможности снизить значимость органистической модели в общественном сознании, совместить ее с более креативными моделями, поскольку задачи индустриализации требовали мышления иного типа. Разумеется, не следует понимать это рассуждение буквально: противопоставление этих способов мышления не фиксировалось решениями партии и правительства, но идея, несомненно, витала в воздухе и была, например, в полуабсурдной, гиперболической форме гениально воплощена в произведениях Андрея Платонова. Ср. также дискуссию вокруг литературы для детей и прежде всего творчества Чуковского:

«От детской литературы и сказок требуется *организованная ритмика грядущей эпохи* <...>, *установка на машину* [выделение. — А. Б.], <...> установка на умственную и физическую выдержку, на физическую смелость, на здоровую конкуренцию детской энергии». (Свердлова К. О чуковщине // Красная печать, 1928, № 9/10, с. 93)

На уровне метафор эти процессы выразились в совмещении логически абсолютно противоречивых метафорических моделей МЕХАНИЗМА и ОРГАНИЗМА. Политический дискурс тех лет был заполнен стилистическими монстрами такого рода, ср. характерные строки из «Марша сталинской авиации»: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, / Преодолеть пространство и простор, / Нам разум дал *стальные руки-крылья*, / *А вместо сердца — пламенный мотор*» (П. Герман). Рефлексы этих попыток прекрасно видны и сегодня (ср.: *полнокровный механизм рынка*). С началом перестройки возрастает значимость органистической метафоры в связи с поисками новой идеологии и попытками реанимации ценностей православия и народности. Однако, как показывает проанализированный материал, когнитивный потенциал М-модели МЕХАНИЗМА сохраняется, тем более что по ряду метафорических следствий метафора МЕХАНИЗМА прямо связывается с метафорой СТРОЕНИЯ (метафора СТРОИТЕЛЬСТВА). Вместе они образуют устойчивый когнитивный комплекс, противостоящий метафоре ОРГАНИЗМА. В количественных характеристиках это выглядит следующим образом: 398 (МЕХАНИЗМ) + 494 (СТРОИТЕЛЬСТВО) vs. 324 (ОРГАНИЗМ) + 201 (РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО). Самая общая статистическая оценка показывает, что когнитивный комплекс рационалистических метафор существенно превосходит по частоте употребления органистический комплекс (892 против 525).

### 14.3. Сравнение русского и немецкого материала

В немецком политическом дискурсе М-модель MECHANISMUS занимает 12 место, уступая М-модели МЕХАНИЗМА в русском политическом дискурсе эпохи перестройки и по частоте употребления и по месту в иерархии частотности М-моделей. М-модель МЕХАНИЗМА замыкает пять наиболее употребительных М-моделей русского политического дискурса. Большая значимость метафоры МЕХАНИЗМА для русского политического дискурса эпохи перестройки вполне объяснима, если иметь в виду то место, которое занимает механистическое и противопоставленное ему органистическое осмысление действительности

в русской (советской) истории. Конфликт мира русской общины, с его органистическими представлениями, и постоянных попыток его модернизации, связанных в первую очередь с привнесением в общественное сознание механистических стратегий интерпретации реальности, приводит к естественному фокусированию внимания на соответствующих М-моделях, сосредоточенных по большей части в констелляции моделей рационального.

Интересное сходство обнаруживает рассматриваемая М-модель в немецком и русском политическом дискурсе в использовании метафоры АППАРАТА (APPARAT). Эта метафора в немецком политическом дискурсе используется для профилирования идеи непроницаемости политической системы ГДР, а также невозможности оказания на ее внешнего воздействия. В этом отношении вполне рационалистическая М-модель механизма сближается в немецком политическом дискурсе с констелляцией органистических метафор, часто профилирующих свойство неконтролируемости ситуации. В русском политическом дискурсе лексема *аппарат* в значении «чиновники, осуществляющее управление в организации» также используется очень широко. При отборе и кодировке контекстов использования метафор в русскую базу данных отбирались только такие примеры использования слова *аппарат* в рассматриваемом значении, в которых стертая метафора АППАРАТА-МЕХАНИЗМА сознательно «оживлялась» говорящим. Ср. примеры типа: *Грандиозный аппарат тоталитарного режима. Тысячи цепочек сверху донизу*. Учет всех контекстов употребления слова *аппарат* был бы не вполне теоретически корректен, поскольку лексема *аппарат* в обсуждаемом значении фактически не имеет однословных эквивалентов, и, следовательно, говорящий не имеет альтернативы в выборе метафорической или неметафорической номинации. В целом следует подчеркнуть, что метафора аппарата широко используется в русском политическом дискурсе, по крайней мере, со сталинских времен.



## Глава 15. М-МОДЕЛЬ ФЛОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ<sup>26</sup>

### 15.1. Формальные характеристики М-модели флоры

М-модель флоры относится к числу наиболее употребительных метафор периода перестройки. По частоте употребления она занимает 17 место (201 употребление в базе данных, 0,009295 — относительная частота). Статистический анализ показывает, что данная модель входит в общий частотный кластер с М-моделями родственные отношения, литература, спорт, сверхъестественное существо, феодальные отношения. Это означает, что М-модель флоры близка по частоте употребления к метафорическим моделям упомянутого частотного кластера.

По своим семантическим и прагматическим характеристикам М-модель флоры входит в констелляцию органистических метафор, к которой принадлежат также метафоры организма и медицины (901). По частоте употребления в перестроечном дискурсе констелляция органистических метафор занимает третье место, уступая констелляциям метафор рационального (строительство, механизм, транспорт, объект-предмет — 1 493 употребления) и конфликта (война, игра, спорт — 1 218 употреблений). М-модель флоры в русском политическом дискурсе не относится к числу дискурсивных практик, однако констелляция органистических метафор, к которой относится и М-модель флоры, является одной из дискурсивных практик русского политического языка эпохи перестройки.

### 15.2. Содержательные характеристики М-модели флоры

С семантической и прагматической точки зрения наибольший интерес представляет парадигматическое противопоставление М-модели флоры, как части констелляции органистических метафор, и М-модели механизма. Начнем, однако, с анализа общих тенденций в использовании М-модели флоры по отношению к политическим, экономическим и социальным реалиям.

---

<sup>26</sup> Контексты употребления данной М-модели приведены в Приложении.

Анализ показывает, что М-модель флоры, в отличие от других употребительных метафорических моделей, довольно часто используется для осмысления общественных феноменов. При метафоризации с помощью данной метафоры общества и связанных с ним феноменов (разумеется, в широком понимании) в имеющейся базе данных представлен 81 сигнификативный дескриптор, а при метафоризации политики — 114, что вполне сопоставимо. На экономику приходится лишь 25 употреблений сигнификативных дейскрипторов М-модели флоры. Интересно, что в понятийной области «общество» целью метафоризации часто становятся такие абстрактные понятия, как «идея / идеи» (*сеять семена перестройки в землю с трещинами национальной розни; теперь-то, когда партаппарат фактически отстраняется от власти, разве не расчищается поле для того, чтобы посеять в него наконец новые семена*), «ложь» (*разжигать страсти, сея заведомо ложь*), «результат» (*семена ненависти, которые так хорошо принимаются в этих бесплодных землях, дадут еще более опасные побеги*). Важно отметить, что сигнификативные дескрипторы, принадлежащие тематической области «общество», не очень сильно различаются по частоте — самые частотные имеют частоту 5, а низкочастотные, соответственно, 1, ср. табл. 1.

Таблица 1

## Сигнификативные дескрипторы тематического поля «общество»

Дескриптор	Частота употребления
наука	5
основа	5
причина	5
жизнь	4
идеи	4
история	3
результаты научной деятельности	3
крестьянство	2
ложь	2
люди	2
материальная оснащенность науки	2
научное направление	2
начало	2
ненависть	2
последствия	2

Дескриптор	Частота употребления
прекращение существования	2
согласие	2
человек	2
аспирантура	1
будущее	1
вражда / недоверие	1
высшая школа	1
гнев	1
гуманизм	1
дедовщина	1
действительность	1
деревня	1
душа	1
жестокость	1
журналист	1
культура	1
литература	1
литературные произведения	1
мир	1
надежда	1
нравственность / этика	1
проблемы	1
развитие науки	1
раздор	1
религия	1
речи	1
свобода	1
СМИ	1
страх	1
управление	1
художественное произведение	1
чувство неполноценности	1
результаты разобщенности	1

Это означает, что охват сферы «общество» М-моделью флора весьма широк. В противоположность «обществу» тематические дескрипторы сферы «политика» резко противопоставлены по частоте. На дескриптор «идеология» приходится 26 употреблений. Следую-

ший по частоте дескриптор «демократия [как форма государственного устройства]» имеет только 6 вхождений в базе данных, ср. табл. 2.

Таблица 2

## Сигнификативные дескрипторы тематического поля «политика»

Дескриптор	Частота употребления
идеология	26
демократия [как форма государственного устройства]	6
власть	5
результаты политической деятельности	5
социализм [система]	5
результаты перестройки	4
гласность	3
КПСС	3
политик	3
государство	2
демократические движения	2
коммунизм [система]	2
независимость	2
перестройка	2
политическая партия / общественная организация	2
политическая ситуация	2
представитель власти	2
привилегии	2
результаты социализма / коммунизма	2
Россия	2
СССР	2
белое движение	1
большевизм	1
буржуазия	1
Европа	1
законодательная возможность	1
идеи перестройки	1
капиталистическое государство	1
КГБ	1
коррупция	1

Дескриптор	Частота употребления
культ личности	1
Ленин В. И.	1
Маркс К.	1
мафия	1
парламент	1
переворот	1
политическая система	1
политические догмы	1
политические отношения	1
политическое движение	1
преступность	1
проявления тоталитаризма	1
развитие политической ситуации	1
революция	1
результаты демократических реформ	1
реформы	1
российский союз	1
РСФСР	1
сторонники политического движения	1
тоталитаризм	1
политическая деятельность	1

Такое частотное распределение сигнификативных дескрипторов, во-первых, указывает на то, что идеология в рамках М-модели флора осмыслялась в период перестройки как естественное явление: *насажденный десятилетиями государственный антисемитизм; в людях живет и глубоко пустила корни социалистическая идея; социалистическая доктрина, выпестованная на Западе, там не прижилась, а дала ядовитые всходы только в России; коммунизм — это гниющее и разлагающееся дерево; неплодоносящее древо марксизма-ленинизма*. Во всех имеющихся контекстах осмысления идеологии в М-модели флоры идеология оценивается отрицательно. Во-вторых, метафорическая концептуализация сферы политики с помощью обсуждаемой М-модели, преимущественно, ориентирована на феномен идеологии. Это отличает данную метафорическую модель от таких М-моделей, как фауна, используемой в первую очередь для метафорической категоризации политических субъектов, или меха-

низма, в терминах которой осмысляется по большей части государство и власть.

Экономическая тематика в контекстах использования М-модели флоры рудиментарна. Всего обнаруживается 25 употреблений денотативных дескрипторов сферы экономики, при этом самыми частотными оказываются дескрипторы собственно «экономики» (*хилое экономическое древо страны*) — 5 употреблений — и «рынка» (*Рубить ли сук, на котором вырастет рынок?*) — 4 употребления.

Если анализировать М-модель флоры с точки зрения внутреннего устройства этого концепта (то есть со стороны флоры как фрейма, структуры знаний), то наиболее часто используются для метафорического осмысления политических, общественных и экономических реалий метафоры РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА И ДЕРЕВА В ЦЕЛОМ (*всюду насаждалась социалистическая система; новая буржуазия, пробившаяся из-под асфальта, из-под бетона*), ЦВЕТКА (*взойдут демократические, человеческие, гуманные цветы*), а также частей растения-дерева: ВЕТКА (*все три ветви власти*), КОРЕНЬ (*корни межнациональных недоразумений*), РОСТОК-РОСТКИ (*хилые ростки демдвижений*), ПЛОД (*пожинать плоды перестройки*).

Интересно отметить, что конкретные деревья — дуб, ель, береза, сосна — в материале практически не представлены. Это говорит о том, что базовым уровнем метафорической категоризации для российского политического дискурса оказываются более общие понятия дерева, растения и их частей.

М-модель флоры как часть констелляции органистических метафор противопоставлена М-модели механизма. Разумеется, и по частоте употребления, и по другим семантическим характеристикам (по степени разветвленности семантического дерева/фрейма; по продуктивности) М-модель флоры существенно уступает М-модели механизма, которая является пятой по частоте употребления в российском политическом дискурсе эпохи перестройки. Однако М-модель флоры превосходит М-модель механизма в том смысле, что она в большей степени ориентирована на общественную проблематику: у М-модели флоры 81 дескриптор приходится на общественные реалии, 114 — политические, а у М-модели механизма 270 дескрипторов приходится на политику и лишь 78 — на общество.

В целом же можно констатировать, что механистическое осмысление действительности превосходит органистическое в российском политическом дискурсе эпохи перестройки.

С прагматической точки зрения использование М-модели фауны в российском политическом дискурсе напоминает функционирование номинализации. Как известно, трансформация номинализации позволяет убрать из описания ситуации ее участников — актантов. Так, во фразе *Принятие законопроекта осложнило политическую ситуацию* скрыты ее основные участники: кто принял законопроект, кто голосовал против, а кто — за, кто внес законопроект и т. д. Ср. более эксплицитные фразы типа *Дума силами левых и центристских фракций приняла законопроект в последнем чтении*. Аналогично метафора *законопроект созрел* скрывает релевантных актантов описываемой ситуации — кто внес законопроект, кто выступал за или против него и т. д.

### 15.3. Сравнение русского и немецкого материала

В русском и немецком политическом дискурсе М-модели флоры / FLORA используется почти с одинаковой частотой (201 русский пример и 195 немецких примеров). Однако частота употребления русской и немецкой М-моделей организма / ORGANISMUS, с которой непосредственно связаны М-модели флоры / FLORA, в этих дискурсах существенно различна: в русском политическом дискурсе — 341 употребление, а в немецком — 207 контекстов. Существенно выше по частоте и констелляция метафор неконтролируемого (335 примера в немецком корпусе и 286 — в русском). При этом констелляция метафор рационального в русском политическом дискурсе превалирует: 1493 примера против 1085. Это может свидетельствовать о том, что, в противоположность типичным представлениям о большей рациональности немецкой ментальности, процесс объединения Германий воспринимался куда более фаталистично, чем российская перестройка. Впрочем, в какой-то мере превалирование констелляции метафор рационального в русском политическом дискурсе может объясняться продолжающимися попытками политической и экономической модернизации России, начавшимися во времена Петра I и продолженными в период индустриализации СССР во времена Сталина и в период перестройки в горбачевскую эпоху.

С точки зрения соотношения денотативных дескрипторов, немецкая М-модель FLORA в большей степени ориентирована на политическую проблематику, чем аналогичная русская метафорическая модель,

которая широко используется и для описания реалий общества, и общественной жизни в самом широком понимании.

Различны и области описания в политической сфере: если для русского политического дискурса — это преимущественно идеология, то в немецком политическом языке эпохи *die Wende* — это начало политических процессов, объединение ФРГ и ГДР, история и народное хозяйство.

Несомненное сходство демонстрируют М-модели флоры / *FLORA* в русском и немецком политическом языке в прагматической функции: они часто используются как трансформация номинализации для сокрытия реальных участников описываемой политической ситуации.



## Глава 16. М-МОДЕЛЬ ФАУНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ<sup>27</sup>

### 16.1. Введение

Лингвистическое исследование метафоры дискурса имеет два основных измерения: условно говоря, «топографическое» и «сингулярное». **Топографическое** — направлено на выявление всех продуктивных типов метафорических моделей, используемых в данном типе дискурса, а **сингулярное** — сосредотачивается на анализе конкретных метафорических моделей. К топографическим исследованиям метафор русского политического дискурса перестроечного периода можно отнести словарные работы [Баранов, Караулов 1991; 1994], а к сингулярным, например, анализ метафоры персонификации в [Баранов, Казакевич 1991]. В проекте по сравнительному изучению русской политической метафоры эпохи перестройки (1989—1991 гг.) и немецкой политической метафоры периода объединения ГДР и ФРГ (*die Wende*) русская и немецкая политическая метафорика исследовалась и топографически и сингулярно, при этом проводилось сравнение системы русских и немецких политических метафор (см. выше главу 11), а также отдельных метафорических моделей русского и немецкого политического дискурса. Иными словами, топографическое и сингулярное исследование было одновременно **сопоставительным**.

К числу важнейших метафорических моделей перестроечного периода относится метафора фауны, в рамках которой политические феномены осмысляются в категориях животного мира. Рассмотрим особенности функционирования этой М-модели в русском политическом дискурсе эпохи перестройки по данным проведенного проекта.

### 16.2. Формальные характеристики М-модели фауны

По частотным характеристикам М-модель фауны входит в число десяти наиболее употребительных метафорических моделей политического дискурса времен перестройки. Однако и по абсолютной

---

<sup>27</sup> Контексты употребления данной М-модели приведены в Приложении к этой книге.

(289) и по относительной частоте (0,0133) данная модель мало отличается от своих ближайших соседей: от занимающей девятое место М-модели религии-мифологии (абсолютная частота 292) и от последующей модели ТЕАТРА<sub>1</sub> (284). Различие минимально — 3 и 5, соответственно. Это говорит о том, что М-модель фауны вместе с близкими по частоте моделями религии-мифологии, ТЕАТРА<sub>1</sub>, пути-дороги, транспорта и игры образует единый частотный кластер.

М-модели этого частотного кластера занимают срединное положение в ряду моделей, превышающих частоту 50 употреблений<sup>28</sup>. Иными словами, это довольно частотная группа моделей, которая, несомненно, является типичной для перестроечного дискурса, а сама М-модель фауны относится к дискурсивным практикам политического дискурса эпохи перестройки.

Один из количественных параметров М-модели дает информацию о том, насколько «когнитивно нагруженными» оказываются сигнификативные дескрипторы М-модели. Чем больше сущностей области цели описывает М-модель, тем больше ее потенциал в осмыслении явлений соответствующей проблемной области. Этот параметр, как отмечалось выше, называется **денотативным разнообразием** М-модели (Д-разнообразием). Д-разнообразие можно определять количественно, выявляя, сколько приходится в среднем на один сигнификативный дескриптор уникальных денотативных дескрипторов во множестве отображений (реализаций) М-модели в дискурсе. При этом количество вхождений одного и того же дескриптора учитывать не следует. При описании контекстов употребления этой М-модели было использовано 104 сигнификативных дескриптора и 138 денотативных дескрипторов, то есть Д-разнообразие модели фауны **1,3269** (138/104).

По этому параметру данная М-модель существенно отличается от ряда других частотных М-моделей. Например, по нашим данным, Д-разнообразие М-модели родственных отношений — 2, а М-модели механизма — 1,904. Это означает, что в политическом дискурсе эпохи перестройки один сигнификативный дескриптор М-моделей механизма и родственных отношений в среднем использовался для описания

---

<sup>28</sup> Абсолютная частота в 50 употреблений была выбрана в качестве пороговой для отделения тех метафорических моделей, которые вообще не рассматривались в проекте по сравнительному изучению русской и немецкой политической метафорике. Иными словами, 50 употреблений — это формальный критерий отделения периферийных М-моделей от непериферийных.

двух различных реалий политической и экономической жизни, а в М-модели фауны — фактически только для метафорического осмысления одного явления. Иными словами, М-модели механизма и родственных отношений обладают бóльшим потенциалом в метафорической интерпретации политических реалий, чем М-модель фауны.

Еще один важный параметр, характеризующий М-модель с точки зрения ее отображений в область цели, — это **стабильность денотативных отображений** М-модели (Д-стабильность М-модели). Одним из центральных объектов изучения в когнитивной теории метафоры являются концептуальные метафоры, которые определяют способы осмысления человеком действительности в данной культуре. В дескрипторной теории концептуальные метафоры представляют собой регулярно воспроизводящиеся в рамках М-модели пары отображений <сигнификативный дескриптор<sub>n</sub>, денотативный дескриптор<sub>m</sub>>. Чем больше таких стабильных или хотя бы достаточно регулярных пар в М-модели, тем больше ее Д-стабильность.

Для количественной оценки Д-стабильности можно использовать отношение количества неодинокных (повторяющихся) пар отображений вида <сигнификативный дескриптор<sub>n</sub>, денотативный дескриптор<sub>m</sub>> к общему количеству всех пар отображений — одиночных и неодинокных — обнаруженных во множестве проекций данной М-модели в дискурсе. В этом случае оценка Д-стабильности М-модели будет иметь вид дроби: чем больше значение этой дроби, тем выше Д-стабильность. Если одиночных пар отображений для данной М-модели в материале не обнаруживается вовсе, то количественная оценка Д-стабильности будет равна единице. Это, разумеется, гипотетический случай.

Несколько упрощая ситуацию, можно грубо оценивать Д-стабильность, определяя отношение повторяющихся денотативных дескрипторов к общему количеству денотативных дескрипторов в выборке. При описании контекстов употребления М-модели фауны был обнаружен 201 одиночный денотативный дескриптор и 85 неодинокных дескрипторов. Тем самым параметр Д-стабильности данной М-модели **0,2972** (85/286). Для сравнения упомянем, что Д-стабильность М-модели механизма равна 0,544, а М-модели родственных отношений — 0,6805. Это означает, что метафорические модели механизма и родственных отношений должны содержать значительно больше стабильных метафорических проекций, чем М-модель фауны. И действительно, М-модель механизма характери-

зуется целым рядом устойчивых проекций, приближающихся к концептуальным метафорам. К ним относятся, в частности, Власть — это руль, Власть — это рычаг/рычаги, Власть — это штурвал, Демократия — это механизм, Рынок — это механизм, Общественное мнение — это маятник, История — это часы, Государство — это механизм/машина, Человек — это винтик, КПСС — это тормоз. М-модель родственных отношений включает концептуальные метафоры Руководитель государства — это отец (с вариантами более раннего периода Государь — это отец, Сталин — это отец народов); Ленин — это дедушка; Россия — это старший брат; Земля — это мать. Для модели фауны таких проекций значительно меньше: Народ/общество — это стадо, Люди — это бараны, Россия — это медведь, Политик — сторонник радикальных действий — это ястреб, Мафия/преступность — это спрут.

### 16.3. Содержательные характеристики М-модели фауны

#### 16.3.1. Денотативные характеристики М-модели фауны

В базе данных по политической метафоре эпохи перестройки фиксировано 285 употреблений рассматриваемой М-модели. Для описания области источника в М-модели фауны привлечено 104 сигнификативных дескриптора, которым соответствует в области цели 138 различных денотативных дескрипторов. Если разделить все денотативные дескрипторы на три глобальные сферы — общество, политика и экономика, то получается следующий набор денотативных дескрипторов, упорядоченных по названным тематическим областям и по убыванию частоты:

Таблица 1

Денотативные дескрипторы М-модели фауны, упорядоченные по тематическим областям, частоте и внутри частоты — по алфавиту

Дескриптор	Частота употребления	Тематическая область
человек / народ / общество (русский народ 3) <sup>29</sup>	46	общество
интеллигент / интеллигенция	6	общество
история	4	общество

<sup>29</sup> При определении Д-разнообразия рассмотрены как разные денотативные дескрипторы.

Дескриптор	Частота употребления	Тематическая область
гласность	3	общество
мафия / преступность	3	общество
демократическая пресса	2	общество
Проханов А.	2	общество
ученый-экономист	2	общество
газета «Советская Россия»	1	общество
Горький М.	1	общество
дезинформация	1	общество
жизнь	1	общество
журналист	1	общество
закон о СМИ	1	общество
идея	1	общество
избиратели	1	общество
истина	1	общество
ложь / страх <sup>30</sup>	1	общество
марксистско-ленинская философия	1	общество
мир	1	общество
моральные принципы [политиканство беспринципность аморальность]	1	общество
Москва	1	общество
наука	1	общество
научный коммунизм	1	общество
новость	1	общество
нравственная свобода	1	общество
общественное мнение	1	общество
победа	1	общество
проблемы	1	общество
рабочий	1	общество
романтизм	1	общество
сионизм	1	общество

<sup>30</sup> При определении Д-разнообразия рассмотрены как разные денотативные дескрипторы. В таблице дескрипторы «ложь» и «страх» объединены. Это связано с тем, что контекст употребления метафоры не дает возможности четко определить область «цели» метафоры и, соответственно, однозначно выявить денотативный дескриптор.

Дескриптор	Частота употребления	Тематическая область
СМИ [«Советская Россия», «Правда»] <sup>31</sup>	1	общество
стихи	1	общество
узбеки	1	общество
цензура	1	общество
политик / политики	14	политика
Россия	11	политика
СССР	10	политика
КПСС	7	политика
политическая группировка	7	политика
административно-командная система / бюрократия	5	политика
Горбачев М. С.	5	политика
государство	5	политика
Ельцин Б. Н.	5	политика
член / члены КПСС	5	политика
номенклатура КПСС	4	политика
правительство	4	политика
республика / республики СССР	4	политика
социализм [система]	4	политика
военно-промышленный комплекс	3	политика
демократия	3	политика
национализм	3	политика
член правительства	3	политика
власть	2	политика
Запад	2	политика
КГБ	2	политика
коммунизм [идеология]	2	политика
коммунизм [система]	2	политика
партийный работник	2	политика
революция	2	политика
сторонник диктатуры	2	политика
Хрущев Н. С.	2	политика

<sup>31</sup> При определении Д-разнообразия рассмотрены как разные денотативные дескрипторы.

Дескриптор	Частота употребления	Тематическая область
Акаев А.	1	политика
армия	1	политика
Верховный Совет	1	политика
военный бюджет	1	политика
вопрос в политической дискуссии	1	политика
выборы	1	политика
ГКЧП	1	политика
государственность	1	политика
Громов Б.	1	политика
демократы	1	политика
депутат группы «Союз»	1	политика
депутаты-коммунисты	1	политика
Дзержинский Ф.	1	политика
диктатура	1	политика
Дума	1	политика
Жириновский В. В.	1	политика
идеология [коммунизм фашизм]	1	политика
капитализм [система]	1	политика
коммунисты	1	политика
консерватор	1	политика
контрреволюция	1	политика
коррупция	1	политика
Латвия	1	политика
Лобов О.	1	политика
международные отношения	1	политика
министерство	1	политика
министр	1	политика
министр культуры	1	политика
начальство	1	политика
оппозиционность	1	политика
Павлов	1	политика
партия	1	политика
перестройка	1	политика
политическая программа	1	политика
политическая система	1	политика

Дескриптор	Частота употребления	Тематическая область
политические взгляды	1	политика
политический субъект	1	политика
президент республики	1	политика
Прибалтика	1	политика
революционер	1	политика
Рижский ОМОН	1	политика
руководитель колхоза	1	политика
Руцкой А. В.	1	политика
Советы	1	политика
Сталин И. В.	1	политика
сторонник перестройки	1	политика
тоталитаризм	1	политика
Травкин Н.	1	политика
устав сельхозартели	1	политика
члены политбюро	1	политика
Шеварднадзе Э.	1	политика
бизнесмен	2	экономика
госсектор экономики	2	экономика
акционерное общество	1	экономика
буржуазия	1	экономика
инфляция	1	экономика
исключительное положение военно-промышленного комплекса	1	экономика
капиталист	1	экономика
колхоз	1	экономика
кооперация	1	экономика
крестьянин	1	экономика
московское метро	1	экономика
общественная собственность	1	экономика
продукция машиностроения	1	экономика
сельское хозяйство	1	экономика
социалистическая экономика	1	экономика
цены	1	экономика
частный сектор экономики	1	экономика
экономика	1	экономика



По тематическим областям сфера политики существенным образом — в два раза — превосходит все остальные: политика — 171, общество — 96 и экономика всего — 20. Причины этого следует искать, с одной стороны, в когнитивных особенностях самой М-модели и в тематике перестроечного дискурса — с другой. Обратимся к материалу. Как уже было показано выше, параметр стабильности Д-реализаций (параметр Д-стабильности) для семантического дерева М-модели фауны довольно низок (по сравнению, например, с М-моделью механизма). Следовательно, высокочастотных денотативных дескрипторов довольно мало. Это означает, что пороговая частота для отбора денотативных дескрипторов не должна быть слишком высокой. При пороговой частоте 5 для сферы политики обнаруживается следующий набор дескрипторов.

Таблица 2

#### Частотные реалии политической жизни в М-модели фауны

Дескриптор	Частота употребления	Тематическая область
политик / политики	14	политика
Россия	11	политика
СССР	10	политика
КПСС	7	политика
политическая группировка	7	политика
административно-командная система / бюрократия	5	политика
Горбачев М. С.	5	политика
государство	5	политика
Ельцин Б. Н.	5	политика
член / члены КПСС	5	политика

Легко видеть, что все дескрипторы, приведенные в табл. 2, обозначают политических субъектов различного уровня: от глобальных политических субъектов типа СССР и России до отдельных политиков и даже рядовых членов КПСС. Как показано в [Баранов, Казакевич 1991], когнитивное содержание политического дискурса в эпоху перестройки заключалось в разрушении старой политической коммуникации, ориентированной на одного политического субъекта — суперэго политического дискурса, выступавшего на поверхностном уровне советского политического языка в виде «народа», «общества», «КПСС», «всего прогрессивного человечества», — на структуру

со многими политическими субъектами. Именно категория политического субъекта оказывается в центре внимания политического дискурса. М-модель фауны позволяет высвечивать с помощью соответствующих метафорических следствий различные свойства политических субъектов. Именно этим объясняется тот факт, что почти две трети реализаций данной М-модели привязаны исключительно к политической проблематике, во-первых, и самые частотные реализации среди политической области относятся к политическим субъектам — во-вторых.

Для разных типов субъектов оказываются существенными различные следствия из метафор М-модели фауны. Для «России» характерно использование вполне конвенциональной метафоры медведя. Здесь высвечиваются такие семантические следствия, как «неповоротливость» (1а), «большая величина» (1б), «опасность, исходящая от медведя» (1в):

- (1) а. Это ржавое колесо огромного механизма российского. *Это такой медведь*. Ему только надо придать инерцию, а дальше он пойдет уже сам. Вот для того, чтобы придать такую инерцию, я и хочу работать. (Ельцин Б. «Независимая Газета», 19.11.1991);
- б. Если даже под Россией понимать только Великороссию в виде РСФСР, то и тогда *медведь* не может быть равен суслику. (Волков С. «Независимая Газета», 19.11.1991);
- в. Не-ет, нельзя оставлять таких больших рядом с маленькими без присмотра. Никто сегодня не может чувствовать себя безопасным рядом со *страной-медведем*, которая не отрелась от величия, основанного на расстояниях и площадях. (Павловский Г. «Независимая Газета», 19.11.1991)

Представлена и метафора птицы-тройки, тесно связанная с литературной традицией. Фактически в этом случае можно говорить о сочетаемости двух метафорических моделей, используемых для осмысления политических реалий, — модели фауны и модели литературы (точнее, литературного персонажа)<sup>32</sup>:

<sup>32</sup> Первыми проблему сочетаемости метафор в явном виде сформулировали Дж. Лакофф и М. Джонсон, введя в [Lakoff, Johnson 1980] понятия согласованных (coherent) и совместимых (consistent) метафор (см. также русский перевод [Лакофф, Джонсон 2004]). Феномен сочетаемости М-моделей в метафорах — синтагматика метафор — обсуждается выше в главе 2.

- (2) а. <...> легендарная *птица-тройка* — высокий символ Руси — несла на себе от первой до последней страницы книги с грохотом и дымом («Дымом дымится под тобой дорога...») — лжеца, хитрована с лицом простодушного добряка, продувную бестию, превзошедшего почти всех остальных героев низостью души. (Свирский Г. «Горизонт», № 6, 15.06.1991);
- б. Поруганная, измученная, полуживая, а теперь и разорванная на части лежит моя страна в шоке. Кони знаменитой «*птицы-тройки*» распряжены, они мирно щиплют хилую травку, окропленную черныбыльским дождичком, кучера в растерянности, ездоки не свистят и не гикают, они вяло переругиваются между собой, они даже не пьяны, они оглядываются по сторонам в недоумении и растерянности. (Аракчеев Ю. «Независимая Газета», 14.08.1992)

По отношению к СССР такие метафоры в базе данных вообще не встретились, хотя раньше в советском политическом дискурсе образ «медведя» связывался именно с СССР. При метафорическом осмыслении СССР превалируют такие метафоры М-модели фауны, которые имеют метафорические следствия 'нечто древнее, устаревшее, неповоротливое и т. п.': *Советский Союз все еще остается ракетным динозавром; динозавр с гигантским военно-бюрократическим туловищем*. В некоторых метафорах сохраняется идея былой мощи. Например, метафора упавшего льва высвечивает смысловой компонент 'былая сила, мощь':

- (3) Если лев упадет в колодец, на его ушах квакают лягушки. Упал лев — СССР. («Московские Новости», 14.06.1992)

Среди денотативных дескрипторов исследуемой М-модели наиболее часто используется дескриптор «политик / политики». Интересно, что стабильность сигнификативных реализаций этого дескриптора невелика. Большая часть приходится на одиночные употребления. Относительно стабильны два соответствия Политик — это бульдог и Политик — это ястреб. И в первом, и во втором случае эти проекции поддержаны некоторыми культурно-историческими факторами. Метафора политика как бульдога восходит к известному высказыванию У. Черчилля о феномене политики как о схватке бульдогов под ковром: *Политика в стране, следуя удачному выражению Черчилля, всегда напоминает борьбу под ковром. Глядя теперь на вылетевшего из-под украинской части ковра бульдога, остается гадать: действительно ли он мертв или мы наблюдаем только очередную линьку*

живого и здорового пса с цепкой хваткой? (Радченко Ю. «Мегаполис-Экспресс», 05.09.91) Метафорическая интерпретация политика, склонного решать политические проблемы военными методами, как ястреба основывается на англоязычной (американской и британской) традиции. Остальные метафорические осмысления политиков сигнификативно нерегулярны. Это и мышь (<...> *будущих оппонционеров заволаживали «белые мыши»: Лигачев, Рыжков, сегодня — Павлов*), и обезьяна (*киплинговская обезьяна, наблюдающая со своей безопасной ветки за дракой двух тигров*), и ОРАНГУТАНГ (<...> *ближайшей когорте остаются политические орангутанги <...>*) и многое другое. Четкой закономерности здесь обнаружить не удастся.

В метафорических осмыслениях КПСС по понятным причинам превалирует идея «раненого, затравленного зверя»:

- (4) а. Ну скажите, почему Борису Николаевичу именно сейчас пришло в голову издать этот указ? Для чего? И без этого ведь ясно, что не сегодня, так завтра КПСС отойдет на задний план. Ан нет! Надо, обязательно надо ее подразнить, затравить. Между прочим, *затравленный зверь* — самый опасный, особенно если он с когтями и зубами. (Семенов А. «Мегаполис-Экспресс», 01.08.1991);
- б. Партия отстраняется от власти, уходит в оппозицию и, продолжая участвовать в политической жизни, *зализывает раны*, осмысливает происшедшее и в большинстве случаев левеет. (Кертман Г. «Московский Комсомолец», 02.10.1990)

Для советского политического языка 20—30 годов XX в. характерно использование метафоры гидры, змеи по отношению к капитализму, контрреволюции и т. п. категориям. Ср. характерный пример:

- (5) Меч революции опускается тяжело и сокрушительно. Рука, которой вверен это меч, твердо и уверенно погружает отточенный клинок в тысячеголовую гидру контрреволюции. *Этой гидре нужно рубить головы с таким расчетом, чтобы не выростали новые: у буржуазной змеи должно быть с корнем вырвано жало, а если нужно, и распорота жадная пасть, вспорота жирная утроба.* (Цит. по «Горизонт», 01.05.1991)

В постсоветский период эта метафора удивительным образом используется в почти противоположном смысле — по отношению к административно-командной системе и советской бюрократии (ба, б), а также по отношению к коммунизму как к системе (бв):

- (6) а. Так уж случилось, что я, физик-теоретик по профессии, став народным депутатом СССР, сделался известным как борец с бюрократизмом. Меня буквально «засыпали» письмами с жалобами на эту «гидру». (Шостаковский В. «Огонек», № 39, 22.09.1990);
- б. Вместе с тем, за все эти гнетущие годы коммунии и волос не упал с миллионноглавой гидры партократии, госбюрократии и их бесчисленных шакалов и подпевал как среди рабочих, читай — классовой аристократии, так и интеллигентов-марксистов. (Ганюшкин В. «Новое Время», 22.10.1991);
- в. Победитель гидры коммунизма Б. Н. Ельцин был на этой неделе менее деятелен, и хотя литератор А. М. Адамович назвал последние события «революцией с лицом Ростроповича», сам Б. Н. Ельцин существенно разошелся с М. Л. Ростроповичем в оценке некоторых явлений. (Коммерсант, 26.08.1991)

Трудно отделаться от впечатления, что спор идеологий и общественных систем проявляется и в своеобразном споре метафор. Радикально меняется целевая область метафоры, однако парадигматические отсылки к области источника пока остаются стабильными в сознании носителей языка. Это и является в данном случае метафорической моделью спора идеологий.

Остальные сигнификативные соответствия дескриптора «административно-командная система / бюрократия» нерегулярны (волк, тигр, конь). То же можно сказать и об остальных денотативных дескрипторах области «политика», представленных в табл. 2. Исключение составляет, пожалуй, только денотативный дескриптор «государство», который обнаруживает относительно регулярное соответствие с концептом улья:

- (7) а. Мне могут возразить, что есть Уголовный кодекс, Гражданский кодекс, есть Конституция. Да, есть. Но это все внешние рамки. Как стены улья. Если же не будут выстроены внутренние восковые соты, которые можно из-за хрупкости считать почти условными, то при их отсутствии не удержит и стены улья — рой улетит. Перешагнув черту, внутренний закон, человек легко нарушает и уголовный закон, а там, за пределами, начинается другая этика, «наоборотная», еще более жесткая. (Широбоков И. «Независимая Газета», 19.03.1991);
- б. Все эти генеральные директора, генеральные конструкторы и другие штатские генералы от промышленности вместе с военными пронизывают все наше общество. Эта прослойка, как прополис в улье, приклеивает все, что должно быть приклеено. Но в отличие от

улья, где численность трутней саморегулируется пчелиной семьей и не может превысить определенного биологически необходимого критического значения, наша советская семья, несмотря на все сокращения и реорганизации, никак не может избавиться ни от лишних трутней, ни от излишка этого «прополиса». А все потому, что «пасечник» — та же КПСС. (Кравцов А. «Огонек», 21.09.1991)

При этом «общество» часто метафорически интерпретируется как рой:

- (8) а. *Рой пчел* сохраняет порядок благодаря присутствию королевы. Это образ Карла Ясперса. Мы тоже не обретаем душевного равновесия, пока не отыщем очередного идола. (Гуревич П. «Литературная Газета», 07.08.1991);
- б. Что изменилось с крушением тоталитаризма и его пропагандистской машины? Лишь немногие сумели признаться в собственном поражении и принять ответственность за свое отдельное существование. Другие, *верные инстинкту роя*, вновь растворились в том, что приняли за сверхличное целое, и обрели через него оправдание собственной несостоятельности. (Старчевский В. «Мегаполис-Экспресс», 09.05.1991)

Еще более регулярное соответствие обнаруживает пара Народ / общество — это стадо. Как правило, такое метафорическое отождествление используется как риторический прием в аргументации, когда политическому противнику (в узком или широком смысле) приписывается соответствующее понимание. Чаще всего ответственность за метафорическую категоризацию Народ / общество — это стадо возлагается на сторонников коммунистической, а часто и социалистической идеологии (интересно, что различия между коммунистами и социалистами большинство демократически настроенных публицистов эпохи перестройки не делало):

- (9) Превратив народ в *голосующее стадо*, большевизм скомпрометировал идею Советов и демократии. (Костиков В. «Огонек», 14.09.1991); Ведь именно партии принадлежит главенствующая роль в превращении советских людей в то, чем они стали. А они во многом стали *стадом*. (Игитян Г. «Мегаполис-Экспресс», 28.02.1991)

Следует отметить, что критики коммунистической идеологии с другого края — со стороны коммунистов-государственников — также

используют эту концептуальную метафору, приписывая ее уже существующей демократической власти:

- (10) Анализ показывает, что экономику страны довели до черты, за которой пропасть и крах. Анализ основан на официальных и реальных материалах, и если в нем будут прорываться эмоции, то они вызваны отчаянием бессилия оттого, что мы вновь, как в недавние времена, являемся лишь *бессловесным стадом* для экспериментальных губительных игр «верхов». И вертят нами, как пешками. С той лишь разницей, что позволяют выпускать накапливающийся пар, по пословице: «Когда собака лает — она не кусает». (Щипанцев А. «Молодая Гвардия», 01.12.1990)

Такое жонглирование метафорой относится к числу наиболее типичных аргументативных приемов политического дискурса эпохи перестройки.

Концептуальная метафора Народ/общество — это стадо высвечивает в рассмотренных примерах идею «несамостоятельности, пассивности, вторичности», характерную, например, для метафоры винтика из М-модели механизма. Однако рассматриваемая метафора привносит еще и смысл «глупости и тупости», отсутствующий в метафоре винтика. В противоположность стаду и винтику, метафора роя профилирует<sup>33</sup> несколько другую идею — смысл «работы, полезной деятельности», который, конечно, связан в целом с образом пчелы. Впрочем, контексты реализации метафоры роя (8а, б), скорее, свидетельствуют о выделении смысла «потеря индивидуальности», характерного для всех трех рассмотренных метафор.

Из денотативных дескрипторов, относящихся к тематической сфере «общество» и «народ», кроме уже рассмотренных, наибольший интерес представляют дескрипторы «человек», «интеллигент/интеллигенция» и «история». «Человек» достаточно регулярно осмысливается как баран, что естественно вписывается в концептуальную метафору Народ/общество — это стадо и когнитивно поддерживает ее:

---

<sup>33</sup> Напомним, что под «профилеированием» в когнитивной теории метафоры понимается коммуникативное выделение в контексте с помощью метафоры тех или иных свойств метафорически осмысливаемой сущности. Так, метафора медведя, использованная по отношению к человеку, может коммуникативно выделять, то есть профилировать, такие свойства человека, как неуклюжесть, силу и пр.

- (11) Разумеется, есть люди, которые *не желают быть баранами*, предназначенными на убой. Каждый народ имеет право на свою конституцию, которая обеспечит права этого народа. (Иванов А. «Куранты», 19.01.1991);

Почему решили менять «социальное» на «национальное», тоже понятно. Тут и замены-то не нужно. Обе идеи, оба лозунга всегда шли рука об руку в тоталитарном режиме. Просто на первый план выходит то один, то другой. Оба создают идеальную дымовую завесу для «баранов» (говорят, что так Сталин ласково называл трудящихся на демонстрации), нужную тем, кто любит шашлык из баранины. *«Идут бараны и бьют в барабаны. Кожу на них дают сами бараны».* (Раздиховский Л. «Горизонт». № 1, 1991)

Метафорическое следствие «несамостоятельность, подчиненность», свойственное метафоре БАРАНА, прослеживается и у метафоры СОБАКИ, причем это следствие еще более усиливается метафорой ПОВОДКА — как части структуры знаний, стоящей за метафорой СОБАКИ:

- (12) Дело в том, что общество это продолжает быть неструктурированным, недифференцированным. Это общество, я бы сказал, амебообразное. В нем нет различия и различения интересов. В этом обществе все или почти все одинаковы, все на службе у государства, все на жаловании, *на поводке*. (Афанасьев Ю. «Независимая Газета», 21.12.1990);

Посудите сами, при нашей-то внутренней ситуации, уж какая независимость? *Все на поводке государства*, которое еще непонятно кому достанется, «демократам» ли, «авторитаристам» ли. (Первачов А. Н. «Независимая Газета», 19.01.1991)

Среди метафорических интерпретаций денотативного дескриптора «интеллигент / интеллигенция» наиболее устойчивой оказывается метафора МУРАВЬЯ. Однако анализ контекстов показывает, что это одновременно литературная метафора, повторяющаяся несколько раз, например, в статье В. Новодворской:

- (13) Еще несколько недель — и никто уже не поверит, что он был вообще, этот шанс. Шанс для абсолютной, как водится, российской власти — не быть в кои-то веки проклинаемой (как водится от века) свободомыслящей интеллигенцией — окупавшимися «московскими муравьями», которые всегда вне ваших Советов, мэрий и Союзов — сами по себе. (Новодворская В. «Огонек», 26.10.1991);



Никто от Б. Н. Ельцина демократии и не требовал. Так же, как и хлеба. Чего же ждал «*московский муравей*», которому раз в жизни захотелось во имя общих и святых трех «августовских дней» поверить в очарованность свою? А просто хотелось увидеть немного добра. Добра, покаяния, честности, интеллигентности. (Новодворская В. «Огонек», 26.10.1991)

Иными словами, говорить здесь о стабильности сигнификативных реализаций трудно. Все прочие сигнификативные соответствия и вовсе случайны — волк (*талдыча народу, что прослойка эта чуждая, опасная, что сколько волка ни корми, он все в лес глядит*), ШАКАЛ (*и волос не упал с миллионноглавой гидры партократии, госбюрократии и их бесчисленных шакалов и подпевал как среди рабочих, читай — классовой аристократии, так и интеллигентов-марксоизи*), МИКРОБ (*болезнетворные микробы, мутящие народное сознание и вызывающие массовые, подобно эпидемиям, психогенные болезни*).

Концепт «истории» представлен в материале метафорой клячи, поддержанной соответствующей литературной метафорой Маяковского (14а, б), и метафорой лошади, реконструируемой в (15) по метафорическим следствиям из метафор *нестись галопом, поймать под уздцы*:

- (14) а. Служенье муз не терпит суеты? Но воплотилась, обрела какое-то зловещее звучание строчка из Маяковского: «*клячу истории загоним!*...» Загнали, действительно измордовали, живого места не оставили мы на теле седьмой музы греческой мифологии — музы Клио. (Капустин А. «Независимая Газета», 19.10.1991);
- б. Поразительный феномен — история. Кажется, все в ней на виду. Можно пересчитать все слагаемые. Одно усилие — и она двинется в нужную сторону. <...> Между тем можно так *загнать клячу истории*, что потом не пересядешь ни на каких рысаков. (Гуревич П. «Литературная Газета», 02.09.1992)
- (15) а. Да, *История несутся галопом* и пышет сарказмом. Да, круто замешенный год, проблемы общества — в судьбах личностей. Через Горбачева и Ельцина — антагонизмы центра и республик, через инфаркт Рыжкова — схватки вокруг рыночной экономики, через отставку Шеварднадзе — драма нашей новой внешней политики. (Кондрашев С. «Известия», 02.01.1991);
- б. Нам мнилось: мы не только *поймали историю под уздцы*, но и поведем ее, куда захотим. Философы прошлого были наивными

людьми. Они всего-то объясняли мир. Никто из этих и не задумался, как его преобразовать. Слава производственным отношениям, мы теперь знаем, как ухватить историю за кадык... (Гуревич П. «Литературная Газета», 02.09.1992)

Метафора лошади не обнаруживает явных связей с литературно поддержанной метафорой клячи, хотя в (15б) у метафоры лошади профилируется то же самое семантическое следствие, что и у клячи, — «подчиненность, несамостоятельность, неагентивность». В (15а), напротив, высвечивается смысл «быстрого движения».

Среди денотативных дескрипторов экономической области не оказалось дескрипторов с достаточной частотой. Эта сфера практически не осмысливается в терминах М-модели фауны, что в целом вполне объяснимо, поскольку характеристики животных естественнее использовать при осмыслении политических реалий и общественных явлений, которые могут категоризоваться как субъекты. М-модель фауны — и соответствующая ей структура знаний — обращает внимание уже на сами характеристики этих субъектов. В этом смысле мир экономики с такими несубъектными по сути категориями, как промышленность, сельское хозяйство, цены и прочее, — более трудная «цель» для метафор, которые уже опираются на субъектную категоризацию. Такие денотативные области метафорической интерпретации предполагают предварительную субъектную категоризацию с помощью метафоры персонификации. И действительно, экономические сущности тоже могут категоризоваться как субъекты — особенно в рамках метафоры персонификации, однако М-модель фауны в большей степени представляет собой средство вторичной субъектной категоризации, высвечивая среди свойств субъекта те, которые свойственны соответствующим элементам этой М-модели.

### 16.3.2. Сигнификативные характеристики М-модели фауны

В целом следует отметить довольно низкую стабильность денотативных реализаций М-модели фауны. Хотя количество сигнификативных дескрипторов довольно значительно, устойчивых связей между сигнификативными и денотативными дескрипторами мало. Это указывает на серьезный дискурсивный потенциал данной М-модели, который реализован не в полной мере. Основные сигнификативные области М-модели фауны — это, конечно, животное (с подразделением на домашних и диких животных), птица, рыба, микромир и груп-

пы животных, насекомых. Следует отметить, что некоторые области М-модели фауны по семантическим следствиям сильно отличаются друг от друга: ср., например, метафоры микромира (АМЕБА, БАЦИЛЛА, ВИРУС, МИКРОБ) и метафоры домашних животных. Последнее проявляется и в том, что они часто имеют различные парадигматические связи. Так, подавляющая часть сигнификативной области микромира имеет отсылку к М-модели медицины. Это один из важных аргументов в пользу разделения М-модели фауны на несколько различных метафорических моделей.

Некоторые части тезауруса фауны не попали в метафорические осмысления, хотя в принципе этого можно было бы ожидать. К числу таких концептов, богатых на возможные ассоциации, относится, например, группа опасных пресмыкающихся и насекомых: «змея» (в том числе «уж», «гадюка», «питон»), «тарантул». Возможно, это связано с тем, что некоторые из этих концептов имеют очевидные негативные и ругательные ассоциации и часто используются в обычной брани. Довольно плохо представлено подмножество рыб<sup>34</sup>. В имеющемся материале ни один из денотативных соответствий этого сигнификативного дескриптора нельзя считать регулярным. Кроме «акулы» и «щуки», других сигнификативных дескрипторов в подмножестве рыб нет, хотя можно было бы ожидать появления таких дескрипторов, как «пескарь» (ср. ассоциативный ряд, начинающийся с произведений Салтыкова-Щедрина), «уж», «угорь» (концепты, фиксированные в идиоматике — *вертеться как уж/угорь на сковородке*).

### 16.3.3. Типичное в М-модели фауны

Конвенциональных метафорических проекций в рассматриваемой М-модели довольно мало. К ним относятся концептуальные метафоры Народ/общество — это стадо, Народ/общество — это рой, Государство — это улей, Люди — это бараны, Россия — это медведь, Политик-сторонник радикальных действий — это ястреб, Мафия/преступность — это осьминог, Мафия/преступность — это спрут. Близки к конвенциональным проекциям некоторые довольно устойчивые соответствия между сигнификативным и денотативным дескриптором, которые поддержаны литературным или историческим контек-

---

<sup>34</sup> Сходное наблюдение, относящееся, насколько можно судить, к более современному состоянию языка публичной политики, представлено в [Чудинов 2001: 134].

стом. Впрочем, их можно рассматривать как реализации М-моделей литературы и истории. Имеются в виду концептуальные метафоры Россия — это птица-тройка, История — это кляча и Политик — это бульдог. Первая концептуальная метафора восходит к поэме Гоголя «Мертвые души» (см. выше 2а, б), вторая — к стихотворению В. Маяковского «Левый марш», а третья — к известному высказыванию У. Черчилля: *Мне как-то задавали вопрос, не похоже ли то, что сейчас происходит в правительстве, на схватку бульдогов под ковром — они борются, борются, а потом один вылетает с оторванной головой.* Это классический для советской системы метод политической борьбы. (Шохин А. «Независимая Газета», 24.06.1992)

#### 16.3.4. Нетипичное в М-модели фауны

Следует отметить случаи языковой игры на основе сочетаемости с несколькими метафорическими моделями. Ср. использование метафоры ежикосвина по отношению к министру финансов тех лет Павлову:

- (16) Павлов характеризовался тоже весьма образно: «ЕЖИКОСВИН В ТУМАНЕ». (Максимов А. «Россия», 31.08.1991)

В примере (16), кроме метафор ежика и свиньи, представлена еще и метафора персонажа мультфильма из известной в перестроечные времена ленты «Ежик в тумане», снятой по мотивам сказки С. Козлова.

В целом перестроечный дискурс настроен по отношению к политикам довольно негативно. Эксплуатируются в основном отрицательно окрашенные метафорические следствия. Не вполне тривиальны на этом фоне некоторые метафоры, используемые как для передачи иронии, так и для выражения «комплиментарных» смыслов. Таковы, например, метафоры Политик — это олень, Политик — это БЕРКУТ:

- (17) Еще более запутанную мистическую комедию положений разыгрывает цесаревич Н. Т. Рябов, готовый разом присягать обеим мистическим супругам — как обвенчанной Б. Н. Ельцину, так и обвенчанной Р. И. Хасбулатову. Выступая в качестве чичисбея зараз обеих Конституций, Н. Т. Рябов не только впадает в состояние двоякого греха, но и порождает двойственную опасность. С одной стороны, временно объединившиеся на почве общей мистической рогатости Б. Н. Ельцин и Р. И. Хасбулатов могут совместно поднять вице-спикера на рога, с другой — что еще опаснее, — обоюдорогатые президент и председатель ВС, взаимно бодаясь, могут, как это часто быва-

ет с благородными оленями во время гона, намертво перепутаться рогами, что причиняет как оленям, так и политикам превеликие неудобства. (Соколов, Кирпичников. «Сегодня», 19.05.1993); Одна журналистка, сравнив Ельцина с орлом, назвала Акаева «нашим компактным киргизским беркутом». В этих условиях даже противники президента не могут перебороть в себе уважения к старшему по иерархии. (Нарзикулов Р. «Независимая Газета», 10.09.1991)

Довольно необычно смотрятся метафоры типа Политик — это ПЕРСОНАЖ КИНОФИЛЬМА / МУЛЬФИЛЬМА, основанные на западной кинопродукции:

- (18) Еще в минувшем году Егор Яковлев, тогдашний начальник «Останкино», санкционировал выход на телеэкраны гнусного американского пасквиля «Утиные истории». Судите сами: одним из героев сериала был некий *молодцеватый бодряк-селезень*. Этот герой был очень деятелен, постоянно хотел приобщиться к какому-то солидному делу, однако вечно оставался на вторых ролях. Такое положение *бодряка-селезня* обижало, сердило, он пытался активничать, более энергично, чем надо, помогал своему шефу — экономически подкованной утке дяде Скуджу, — а в результате только все портил... Александр Владимирович Руцкой имел полное основание для того, чтобы расценить эту карикатуру как личный выпад. А если еще учесть, что героя звали Зигзаг (намек на изгибы политической карьеры Руцкого!), по профессии он был пилот(!) и имел неприятную привычку разбивать свои летательные аппараты при посадке(!), то карикатура получалась и вовсе злой, дерзкой и политически бестактной. *Мультипликационный Зигзаг добросовестно повторял все движения вице-президента* на ниве экономической деятельности: упреки «команде реформ» и Гайдару лично трансформировались в бесконечные споры «на денежную тему» между *селезнем-пилотом* и его шефом-банкиром; причем все старания Зигзага научиться делать деньги заканчивались конфузом. (Арбитман Р. «Сегодня», 17.08.1993)

### 16.3.5. Культурный и исторический фон М-модели фауны

Некоторые концептуальные метафоры М-модели фауны имеют достаточно глубокие историко-культурные корни. Одна из них (КОНТРЕВОЛЮЦИЯ / БУРЖУАЗИЯ / КАПИТАЛИЗМ — это ГИДРА / ЗМЕЯ) уже обсуждалась выше. Если эта концептуальная метафора не забыта и имеет явные

корреляты-антогонисты в перестроечном политическом дискурсе, то другие довольно популярные в свое время метафорические осмысления не обнаруживают в рассмотренном материале каких-то дискурсивных корреляций. Например, метафора НЕПРОЛЕТАРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ — это ПАРАЗИТ, представленная, в частности, в широко тиражировавшемся в советских СМИ выступлении М. Шолохова, потеряла актуальность и никак метафорически не интерпретировалась в перестроечную эпоху:

- (19) Мы избавились от шпионов, фашистских разведчиков, врагов всех мастей и расцветок, но вся эта мразь, все они, по существу, не были ни людьми, ни писателями в подлинном смысле этого слова. Это были попросту *паразиты*, присосавшиеся к живому, полнокровному организму советской литературы. Ясно, что, очистившись, наша писательская среда только выиграла от этого. (Шолохов М. Восемнадцатый Съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.: Гос. изд-во полит. лит.-ры. 1939, с. 474)

Имеющийся в корпусе пример использования метафоры ПАРАЗИТА не связан с высказыванием Шолохова, ср. (20):

- (20) Один подход — исходить из того, что коммунизм и фашизм (как и их рогатый покровитель) в онтологическом смысле — *паразиты*. Будучи не в состоянии создать ничего своего, они могут лишь паразитировать, извращая и эксплуатируя существовавшие и до них вполне нормальные явления жизни (доверия к правителю, искренние возмущения людей дурными делами, народный карнавал). (Соколов М. «Независимая Газета», 16.05.1991)

Метафорически не переосмыслены и многие официальные и полуофициальные метафоры из М-модели фауны, составлявшие органическую часть советского политического дискурса 30—50 гг. XX в. Ср., например, (21):

- (21) Народ видит в товарище Сталине *горного орла коммунистической партии*, подобно Ленину, не знающего страха в борьбе и смело ведущего партию вперед. («Правда», 21.12.1949)

Имеющиеся в материале примеры метафоры орла не используются в качестве полемики по отношению к Сталину:

- (22) а. Полковник Рудкой не хочет летать *вместе с орлами* из блока «Коммунисты России» [подзаголовок] (Пеструхина Е. «Мегаполис-Экспресс», 04.04.1991);

б. Одна журналистка, *сравнив Ельцина с орлом*, назвала Акаева «нашим компактным киргизским беркутом». В этих условиях даже противники президента не могут перебороть в себе уважения к старшему по иерархии. (Нарзикулов Р. «Независимая Газета», 10.09.1991);

в. Неужели, когда они, естественно, не выполняют ни единого из своих обещаний (а уж это-то тем более было очевидно!), колесо не замедлит развернуться еще на 180 градусов и... что же тогда? КПСС-то, понятно, не вернется, *мертвый орел* не вылетит больше из гнезда. (Радзиховский Л. «Столица», 01.05.1992)

Интересно, что два примера из трех (22а) и (22в) не профилируют положительных следствий из метафоры орла.

В куда большей степени компоненты М-модели фауны представлены в материале в сочетаниях с различными литературными и историческими персонажами и реалиями. Это уже обсуждавшиеся концептуальные метафоры Политик — это бульдог и Политик — это ястреб, а также Россия — это птица-тройка, История — это кляча. В этот же класс попадают метафоры лисы Алисы (<...> *лиса Алиса обратила внимание Буратино на то, что предприятия в СССР в торговых операциях уже не употребляют денег, а меняют товар на товар, и предложила пресечь это безобразие.* (Мухин Ю. «Огонек», № 44, 29.10.90)), медведя-воеводы из сказки Салтыкова-Щедрина (*Развитие событий в первые послепутчевые месяцы напоминало известную сказку Салтыкова-Щедрина о новом медведе-воеводе, от которого все ждали злодеяний, а он начал с того, что чижика съел. И уже никакие последующие кровопролития не могли исправить его несерьезного имиджа.* (Панкин А. «Независимая Газета», 29.08.92)) и целый ряд других. Иными словами, М-модель фауны демонстрирует сочетаемость с М-моделями литературы и истории.

#### 16.4. Сравнение русского и немецкого материала

М-модель фауны используется в русском политическом дискурсе эпохи перестройки более широко, чем аналогичная М-модель Tier в немецком материале. И по относительной, и по абсолютной частоте употребления модель фауны превышает модель Tier: 289 (0,0133) употреблений модели фауны против 146 (0,006594) модели Tier.

Сравнение семантических деревьев сигнификативных дескрипторов показывает, что совпадение дескрипторов русской и немецкой

частей дерева очень незначительно. Так, для поддерева животное на 165 дескрипторных пар (немецкий сигнификативный дескриптор — русский сигнификативный дескриптор) приходится лишь порядка 30 пар реальных соответствий, то есть случаев, когда пара дескрипторов представлена и в русском, и в немецком материале. Некоторые поддерева вообще отсутствуют в русской части. Например, таксон свойства, внешний вид, повадки диких зверей в русском материале не представлен, притом что в немецком дискурсе обнаруживаются М-модели с дескрипторами «Beute machen» ‘поймать добычу’, «Bissigkeit» ‘кусачесть’, «Klaue» ‘лапа с когтями’, «Kralle» ‘коготь’ и т. п. Не представлены в русской части и поддерева «мертвое животное — totes tier», «поведение животных — verhalten von tieren», «обращение с животными — einwirkung auf tiere». С другой стороны, в подтаксоне ЗВЕРЬ не нашлось немецких соответствий для дескрипторов «тигр, хищник, шакал», довольно продуктивных в русском политическом дискурсе. Собственно, метафора Капиталист — это хищник относится к числу конвенциональных метафор советской эпохи, следы ее прослеживаются и в дискурсе перестройки. Подтаксон «собака — hund» вообще обнаруживает дополнительное распределение русских и немецких дескрипторов. Хотя метафора с дескриптором «собака — hund» есть и в русской, и в немецкой базе данных, более конкретные типы собак полностью противопоставлены:

пес	<i>Köter</i> <sup>35</sup>
бульдог	<i>Bulldogge</i>
волкодав	<i>Wolfshund</i>
гончая	<i>Jagdhund</i>
дворняжка	<i>Hofhund</i>
«декоративная» собачка	<i>Schoßhündchen</i>
злая собака	<i>scharfer Hund</i>
ищейка	<i>Spürhund</i>
легавая	<i>Bluthund</i>
сука	<i>Hündin</i>
цербер	<i>Zerberus</i>

Этот эффект можно объяснить тем, что категории небазового (по Э. Рош) уровня в существенно большей степени варьируют

<sup>35</sup> Курсивом выделены дескрипторы, которые не использовались для описания собранных данных по соответствующему языку — русскому или немецкому. Иными словами, это просто переводные соответствия.



в метафорических процессах в различных языках, чем базовые категории типа собаки. Второе соображение связано с тем, что метафора ТИЕР, по-видимому, менее существенна для немецкого политического дискурса, чем для русского. Об этом свидетельствуют и данные об относительной частоте употребления М-модели ТИЕР по сравнению с М-моделью фауны. Меньшая значимость метафорического концепта для конкретного дискурса может ослаблять общие тенденции, существующие при осмыслении соответствующей этому концепту области источника, и тем самым позволять использовать практически любые его части. Это тем более справедливо для тех случаев, когда метафорический концепт вообще не существует для языковой культуры данного языкового сообщества и не представлен, например, в фольклоре, литературе и искусстве. Разумеется, последнее утверждение не относится к М-модели ТИЕР, однако то, что эта модель менее значима для немецкого политического дискурса, чем для русского, вполне очевидно. Это (вместе с фактором категорий базового уровня) объясняет столь слабую корреляцию между сигнификативными дескрипторами русского и немецкого семантических деревьев рассматриваемой М-модели.

\* \* \*

Проведенный анализ показывает, что метафорическая модель фауны в подавляющем случае используется для осмысления различных политических субъектов, что позволяет ввести в рассмотрение широкий круг различных характеристик — от неповоротливости, инертности (*[Россия —] это такой медведь*) и величины (*медведь [Россия —] не может быть равен суслику*) до глупости и бездумности (в почти конвенциональной метафорической проекции Народ/общество — это стадо). Существенно, что с когнитивной и семантической точек зрения данная М-модель связана с М-моделями, формирующими различные типы персонификации, и фактически образует одну из ее ступеней. Важно иметь в виду, что часть употреблений М-модели фауны относится к М-модели анимализации, то есть к случаям «понижающей» персонификации, когда человек осмысливается как животное.

Довольно высокая частота употребления и глубокие культурные и исторические истоки позволяют считать М-модель фауны (с составляющей ее М-моделью анимализации) дискурсивной практикой языка российской публичной политики.

## Глава 17. МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЯ РОССИИ И ГДР\*

### 17.1. Метафора и стереотип

Категория стереотипа с несомненностью относится к числу когнитивных феноменов, связанных с поведением человека в типизированных ситуациях. В социальной психологии стереотип возводится к У. Липпману и связывается с установкой на категоризацию социального опыта человека, предопределенную культурой и воспитанием [Липпман 2004]. Разумеется, существуют и другие понимания — в том числе лингвистически окрашенные (например, языковое клише как реализация стереотипа речевого поведения).

Одно из пониманий связано с представлениями носителя языка, которые навязываются ему метафорами, лежащими в основе системы понятий, принятой в дискурсе определенного типа. Рассмотрим комплекс стереотипных представлений, лежащих в основе метафор, использованных по отношению к России в дискурсе периода перестройки и к ГДР периода, непосредственно предшествовавшего объединению Германии (*die Wende-Periode*). Материалом для исследования метафорических осмыслений России и ГДР в русском и немецком политических дискурсах послужила база данных, созданная в результате работы над российско-немецким проектом «Межкультурный анализ концептов общественного сознания». В этой базе в виде сигнификативных дескрипторов фиксированы метафорические модели (М-модели), использованные в русском и немецком политических дискурсах описываемого периода по отношению к России и ГДР.

### 17.2. Метафорические осмысления России

Начнем анализ с метафорических моделей, используемых в политическом дискурсе эпохи перестройки по отношению к России. Как следует из предшествующего описания проекта, контексты употребления метафор и соответствующие им метафорические модели

---

\* Данная глава написана совместно с Д. О. Добровольским.

отражаются в базе данных в виде сигнификативных дескрипторов. В табл. 1 в порядке убывания частоты приведены метафоры, использованные в контекстах метафорического осмысления России.

Таблица 1

**Метафоры, связанные с концептом «Россия»<sup>36</sup>**

Метафорическая модель	Абсолютная частота	Относительная частота
Персонафикация	70	0,13158
Транспортное средство	18	0,03383
Строительство	17	0,03195
Строение <sup>38</sup>	15	0,03008
Человек-пациент <sup>39</sup>	16	0,03008
Животное	15	0,02820
Организм	15	0,02820
Корабль <sup>40</sup>	14	0,02632
Родственные отношения	14	0,02632

Как следует из данных, приведенных в табл. 1, наиболее частой метафорической интерпретацией России оказывается М-модель персонафикации. Это вполне объяснимо, если учесть, что в период перестройки Россия становилась политическим субъектом, ср. типичный контекст такого рода в (1а). Становление России как политического субъекта было непосредственно связано с конфликтом с суперэго политического дискурса советского периода — СССР. Это конфликт на начальном этапе перестройки еще был жив. Из 178 контекстов метафорического осмысления России, фиксированных в базе данных, 98 контекстов (более половины) приходится на контрастивное сопоставление России и СССР (1а), причем часто речь идет о прямом конфликте (1б, в).

- (1) а. На мой взгляд, *Россия уже начинает торопить* центр. В республиканском парламенте новые люди, свежие взгляды. («Московский Комсомолец»);

<sup>36</sup> В табл. 1 приведены дескрипторы с частотой не менее 10 употреблений.

<sup>37</sup> Как часть метафорической модели строительства.

<sup>38</sup> Как часть метафорической модели персонафикации.

<sup>39</sup> Как часть метафорической модели транспортного средства.

б. Фактически же война ведется за то, чтобы *не дать окрепнуть России* как самостоятельному государству, чтобы сохранить его лишь как *марионетку, которая действует* прежде всего в интересах центральной бюрократии. («Независимая Газета»);

в. Этот период [первоначальное накопление капитала] *был Россией уже почти пройден*, когда господа большевики *сделали стране подножку на бегу и отправили ее головой прямо в угол*. Сейчас, *измученная и переломанная, она вылезает из угла и становится в самый хвост* ушедшей вперед цивилизации — между Пуэрто-Рико и Бангладеш. («Огонек»)

Значительная часть контекстов персонификации — 16 из 70 — это примеры, в которых Россия осмысляется как пациент (существо, испытывающее воздействие, в частности, «чел-пассивный»), ср. уже приводившийся типичный контекст такого типа в (2):

- (2) *Поруганная, измученная, полуживая, а теперь и разорванная на части лежит моя страна в шоке*. Кони знаменитой «птицы-тройки» распряжены, они мирно щиплют хилую травку, окропленную черныбыльским дождичком, кучера в растерянности, ездоки не свистят и не гикают, они вяло переругиваются между собой, они даже не пьяны, они оглядываются по сторонам в недоумении и растерянности. Болезненное, тупое похмелье. Самоистязание. Самоистребление. Угасание. («Независимая Газета»)

Набор сигнификативных дескрипторов показывает, что примеры такого типа внутри себя довольно разнообразны: «существо, испытывающее воздействие» (*кнутом загнать Россию в рай*), «человек спящий» (*оглушить спящую Россию*), «человек убитый» (*убить Россию и разрубить ее на части*), «человек утонувший» (*захлебнувшаяся Россия*). Почти втрое меньше примеров (5 контекстов) приходится на «чел-действующего». Ср. (3):

- (3) Наши две республики, народы Украины и России, сказал он, в трудное для страны время *могут оказать стабилизирующее влияние* на весь процесс перестройки. («Известия»)

Анализ метафорических осмыслений показывает, что становление России как субъекта политики описывается и воспринимается как долгий и мучительный процесс, усугубляемый не только параллельным существованием СССР, но и возникновением внутри России

институциональных структур, претендующих на роль самостоятельных политических субъектов. Ср. типичный пример такого рода:

- (4) Казань отпала. Лучше не вспоминать, по какому случаю воздвигнут храм Василия Блаженного. Татария подписывает с Россией договор. Это надо осмыслить. Это трудно принять. *Часть не подписывает договор с целым. Человек не подписывает договоров со своей печенью. Умру — пересаживайте кому угодно. Но пока я жив...* («Московский Комсомолец»)

Во многих случаях метафора персонификации, использованная по отношению к России, выступает в варианте метафоры родственных отношений: 14 контекстов из 70. Часто М-модель родственных отношений представлена известной метафорой старшего брата, ср.: *Россия больше не претендует быть «старшим братом»; <...> старый Старший брат все-таки лучше новых Старших братьев, которые сразу же возникнут, как только отделение от России произойдет.* Другая ипостась обсуждаемой М-модели — конвенциональная метафора Россия — это мать / матушка, фактически являющаяся мифологемой общественного сознания: *Сколько в ней [в газете] зла, порока и обливания грязью и ложью своей матери, я имею в виду Родину — это и есть мать родная; В городе, поди, виднее, кто правит и правил этой каруселью, которая называлась матушкой Расеей.* Примечательно, что эта мифологема чаще всего встречается в левых изданиях — еженедельнике «Молодая Гвардия», в газете «Правда», а также в письмах читателей в центральные издания.

Как уже было отмечено выше, М-модель персонификации лидирует по частоте употребления с подавляющим превосходством: частота употреблений следующей М-модели транспортного средства в три раза ниже (18 против 70). Хотя метафора персонификации, будучи фоновой М-моделью<sup>40</sup>, сама по себе очень частотна в политическом дискурсе, в рассматриваемом материале метафорических осмыслений России М-модель персонификации по большей части оказывается фигурной, то есть используется говорящим совершенно сознательно для профилирования таких свойств, которые подчеркивают статус России как политического субъекта. Именно этим объясняется ее широкое употребление в метафорических осмыслениях России.

<sup>40</sup> О разграничении «фигурных» и «фоновых» М-моделей см. главу 1.

М-модель транспортного средства входит как часть в М-модель Транспорта, которая в политическом дискурсе эпохи перестройки занимает лишь тринадцатое место (о структуре метафор политического дискурса эпохи перестройки см. подробнее главу 11, а также [Baranov, Zinken 2006]). Тот факт, что в метафорических осмыслениях России метафора транспортного средства занимает второе место, указывает на когнитивную значимость смыслов, профилируемых этой метафорической моделью. Чаще всего эта М-модель реализуется в виде метафорической проекции Изменения/Реформы — это движение на транспортном средстве. Ср.: *Россия явным образом засела в колею; Депутаты пытались и так и сяк приладить к старой телеге [России] какие-то новшества; основательно потрепанный на ухабах истории российский воз; огромный корабль, плывущий по далеко не спокойному морю мировой истории.*

В другой частотной реализации М-модели транспортного средства — метафоре корабля — коммуникативно высвечивается смысл неудач реформ: Неудача реформ — это потопление корабля. При этом в большинстве контекстов Россия осмыляется как корабль (в 4 из 18 примеров), ср. примеры типа *Ельцин стал капитаном идущего на дно корабля.* С метафорой транспортного средства семантически связана метафора литературного персонажа, в рамках которой Россия сопоставляется с Тройкой (ср. пример (2) выше). Всего в базе данных обнаруживается три таких контекста.

Следует отметить, что использование М-модели транспортного средства по отношению к России при обсуждении реформ вполне соответствует мифологеме Прогресс/Развитие — это движение вперед, типичной для европейского культурного ареала.

М-модель строительства, частью которой является метафора строения, следует непосредственно после М-модели транспортного средства. Здесь выделяются два основных типа контекстов. В первом случае обращается внимание на процесс изменений, реформ как на строительство нового здания или перестройку старого, ср. контексты следующего типа: *строительство новой России на старом пепелище; строительство демократического правового государства России.* Такие примеры составляют четверть всех употреблений метафоры строительства. Большая часть этих употреблений представлена контекстами, в которых профилируются смыслы закрытости, отграничивания здания от пространства, других зданий. Коммуникативное выделение свойства закрытости удастся передать метафоризацией с использованием

соответствующих типов строения (монастырь, чумной дом, тюрьма): *Россия недавнего прошлого как раз и была огромным сюрреалистическим монастырем; если в чумном доме вымрут все, то в этом будут виноваты часовые, окружавшие дом, а не чума; мы создали огромную империю, названную кое-кем «тюрьмой народов».*

Интересно, что метафора строения в исследованном материале относится преимущественно к России. Популярная для начала перестройки идея концептуализации Европы как общего дома представлена, скорее, на периферии дискурса (5 примеров из 24). В обычном случае Россия не рассматривается как часть общеевропейского дома. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, провозглашенное М. Горбачевым «Новое мышление» было предназначено не для внутреннего, а для внешнего употребления — для «заграницы». Разумеется, рефлекс такого понимания обнаруживаются и во внутривнутриполитических дискуссиях, однако они вторичны, вынуждены. Во-вторых, некоторые политические события — в частности известная попытка подавления выступлений в Вильнюсе — существенно дискредитировали ценности «Нового мышления». Это нашло отражение и в системе метафор политического дискурса.

М-модель животное представлена в осмыслениях России прежде всего метафорической проекцией Россия — это медведь (6 контекстов из 15). Интересно, что формальное несовпадение грамматического рода существительных *Россия* и *медведь* не блокирует метафорическую проекцию, хотя обычно такое несовпадение существенно влияет на употребительность метафоры, ср.: *Это ржавое колесо огромного механизма российского <...> это такой медведь; Если даже под Россией понимать только Великороссию в виде РСФСР, то и тогда медведь не может быть равен суслику.* Только в одном контексте конвенциональная метафора Россия — это медведь модифицируется в сторону семантического согласования по роду: вместо слова *медведь* используется слово *медведица*, ср.: *Россия — одряхлевшая медведица.*

Метафора Россия — это медведь в политическом дискурсе эпохи перестройки профилирует такие свойства, как величина, неповоротливость, неуклюжесть, приписываемые в обыденном сознании медведю (хотя на самом деле медведь — очень ловкое и быстрое животное). Эти свойства отражают соответствующие характеристики России как государства — огромные пространства России, бюрократизированный стиль принятия решений, сложности модернизации политической и экономической систем. Некоторые другие примеры

из М-модели животного также профилируют указанные свойства: Россия — это носорог (*Нас ни разу как следует не разбили. <...> Нам «не обломали рога». А носорогам обламывать рога обязательно нужно*); Россия — это звероящер (*Эпоха застоя создала из России уродливого военного звероящера*).

Следует отметить, что М-модель животного позволяет коммуникативно высвечивать и другие характеристики России, ср. метафору птицы-тройки: *Легендарная птица-тройка — высокий символ Руси*. Впрочем, в рассматриваемом случае М-модель оказывается связанной одновременно и с концептуальной областью животного мира и с литературой. При использовании этой метафоры обращается внимание на характеристики быстроты, красоты, индивидуальности, исключительности. Заметим, однако, что в целом приведенный контекст все равно оказывается негативным. Так, в примере (5а) обращается внимание на то, что в тройке-России едет лжец и обманщик, а в примере (5б) отмечается, что путь движения тройки-России, осмысляемый как решение стоящих перед страной проблем, неясен, неопределен:

- (5) а. Отчего они не удосуживались нам напомнить и тем более помочь осмыслить: легендарная *птица-тройка* — высокий символ Руси — несла на себе от первой до последней страницы книги с грохотом и дымом («Дымом дымится под тобой дорога...») — *лжеца, хитрована с лицом простодушного добряка, продувную бестию, превзошедшего почти всех остальных героев низостью души*. (Свирский Г. «Горизонт» № 6, 1991);
- б. В какой же путь устремится *птица-тройка* российских финансов? «*Не дает ответа*», — могли бы мы констатировать вслед за русско-украинским писателем Гоголем. (Дубинин С. «Московские новости» 10.11.1991)

Таким образом, даже в принципе позитивная метафора используется в примерах (5а) и (5б) для профилирования негативных характеристик России. Иначе, чем кризисом общественного сознания в эпоху перестройки, это объяснить нельзя.

Близка по частоте употребления М-модели животного метафора организма<sup>41</sup>. Как и в предшествующем случае, эта метафора используется для профилирования преимущественно негативных характери-

<sup>41</sup> В отличие от метафоры животного, М-модель организма входит в десять наиболее употребительных метафор политического дискурса эпохи перестройки.



стик: бесполезную растрату ресурсов, связанную с неспособностью правильно оценить реальное положение дел (6а), пассивность (6б), неспособность к самозащите (6в):

- (6) а. А если верно, что Россия эти десятилетия *отдавала свои жизненные соки* республикам, — так и хозяйственных потерь мы от этого не понесем, только экономия физических сил. (Солженицын А. И. «Комсомольская правда» 18.09.1990);
- б. Народ, отторгнувший старую систему на президентских выборах прошлого года, вновь оказался в положении великого немого. Расплодившиеся любители говорить и действовать от его имени спешили урвать кусок пожирнее. *Рвали все, вплоть до живого тела страны.* (Кувалдин В. «Независимая газета» 21.07.1992);
- в. Мы противостоям Объединенному фронту трудящихся (ОФТ), «Единству» Нины Андреевой из Ленинграда и ее соратникам из группы Прищипенко в Москве, «Отечеству» Кузьмина. *Метастазы крайне правых все глубже проникают в тело страны.* (Прошечкин Е. «Московский Комсомолец» 18.10.1990)

В некоторых случаях М-модель организма используется для коммуникативного выделения элементов оппозиции «часть-целое» — (4), ср. также контексты типа *Россия гораздо шире, чем эта нынешняя обрезанная кишка РСФСР, местами с дырками.* Примеры профилирования с помощью этой М-модели позитивных свойств единичны, ср.: *Россия составляет хребет союзного государства.*

Метафора войны, типичная для политического дискурса эпохи перестройки, по отношению к обсуждаемому концепту встречается сравнительно редко — всего 9 контекстов, причем они относятся не к России в точном смысле, а к российскому правительству (*санеры из правительства России*) или к государственным институтам (*мина административно-национальных структур*). В двух контекстах из девяти передается идея силы и мощи России, которая концептуализируется как танк или таран: *превратить Россию в таран для разрушения европейских твердынь; сдержать прорыв России партнерам по новорожденной экономической конвенции нечем. Весь выбор: или открыть этому танку ворота пошире, или он на полном ходу снесет их вместе с забором.*

Остальные метафорические интерпретации малочастотны и не представляют существенного интереса для анализа.

В выявленной системе метафор, используемых по отношению к России, обнаруживается центральная часть и периферия. Частот-

ные характеристики показывают, что центральную часть образует М-модель персонификации (непосредственной частью которой является метафора человек-пациент). В непосредственной близости от нее находятся М-модели родственных отношений, животного и организма. Фактически эти метафорические модели образуют ступени интерпретации неживого как живого (см. по этому поводу главу 2).

Периферия формируется М-моделями, которые представляют различные области деятельности человека, а также объекты и предметы, которые в этих областях используются: транспортное средство (с компонентом корабль), строительство (с компонентом строение). Эти концептуальные области связаны друг с другом семантическими отношениями. Концептуальные области центральной части и периферии неравноправны. М-модели центральной части, по сути, образуют единое целое: как уже отмечалось выше, это ступени метафорического осмысления неживого как живого — ступени олицетворения. М-модели периферии не формируют с центром что-то единое, поскольку, как минимум, отличаются от центральной части тем, что описывают области неживого. Однако отдаленная семантическая связь между центром и периферией существует — это области деятельности человека или артефакты, используемые в этой деятельности. Схематично это можно изобразить следующим образом:



Рис. 1. Система метафорических моделей, используемая в осмыслении концепта «Россия»

Проведенное исследование показывает также, что выявленная система метафорических моделей используется для профилирования преимущественно отрицательных характеристик области цели — концепта «Россия». Это можно рассматривать как один из признаков кризисного состояния общественного сознания в перестроечный период.

### 17.3. Метафорические осмысления ГДР

Перейдем к рассмотрению метафорических моделей, используемых в политическом дискурсе Wende-эпохи по отношению к ГДР. В таблице 2 в порядке убывания частоты приведены метафоры, использованные для метафорического осмысления ГДР.

Таблица 2

**Метафоры, связанные с концептом «ГДР»<sup>42</sup>**

Метафорическая модель	Абсолютная частота	Относительная частота
ПЕРСониФИКАЦИЯ	106	0,04404
ПРОСТРАНСТВО	94	0,03905
ДВИЖЕНИЕ	54	0,02243
ФИЗИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ	48	0,01994
СТРОИТЕЛЬСТВО	39	0,01620
ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ	37	0,01537
ПУТЬ	30	0,01246
СТРОЕНИЕ	26	0,01080
ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	25	0,01039
ВОЙНА	24	0,00997
ЧЕЛОВЕК БОЛЬНОЙ <sup>44</sup>	24	0,00997
РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	22	0,00914
ЖИВОТНОЕ	22	0,00914
ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ	22	0,00914
НАПРАВЛЕНИЕ <sup>45</sup>	20	0,00831

Как следует из табл. 2, наиболее частой метафорической интерпретацией ГДР оказывается М-модель персонификации. В дальнейшем мы — ввиду ограниченности объема — кратко остановимся лишь на трех метафорических моделях: на метафоре персонификации, родственных отношений и метафоре войны. Количественное преобладание контекстов, в которых реализуется модель Персонификации, вполне объяснимо, поскольку эта М-модель относится к числу самых употребительных и за пределами политического дискурса. Среди

<sup>42</sup> В табл. 2 приведены дескрипторы с частотой не менее 20 употреблений.

<sup>43</sup> Как часть метафорической модели персонификации.

<sup>44</sup> Как часть метафорической модели пространства.

метафорических моделей, формирующих М-модель персонификации, самой частой оказывается М-модель человека больного (24 контекста). Такое осмысление ГДР представляется совершенно естественным и типичным для политического дискурса описываемого периода. Как в западной печати, так и прессе ГДР очень часто подчеркивалась крайняя сложность ситуации, в которой находилось это государственное образование: использование М-модели человека больного позволяло коммуникативно выделять смысл кризисности политической ситуации, ср. (7):

- (7) a. Die erste Frage gilt also der Lage, dem inneren Zustand unserer Republik, für die sich die meisten unter uns so viele Jahre eingesetzt haben und die jetzt *nach Heilung schreit*. (Hans Modrow. Berliner Zeitung, 09.12.1989);
- b. Was *unser fast fiebergeschütteltes Land* jetzt dringender als alles andere braucht, ist eine sich wieder versachlichende Atmosphäre. (Axel Knack. Berliner Zeitung, 14.12.1989);
- c. Aber es irrt Oskar Lafontaine, wenn er heimlich (und auch gar nicht so heimlich) seine ganze Strategie auf dieser spürbaren Aversion der Westdeutschen gegenüber der Verschmelzung mit *einem so kranken deutschen Territorium* kokettiert. (Rheinischer Merkur, 30.03.1990)

Значимые различия между политическими точками зрения, представленными в прессе ГДР и в западногерманской прессе, проявляются скорее в выборе компонентов метафоры, которые используются при профилировании нужных смыслов, характерных особенностей обсуждаемой проблемной ситуации. В чем причины болезни ГДР: в экономике или в политике? Обладает ли организм пациента достаточно сильным иммунитетом, чтобы самостоятельно противостоять болезни или необходима помощь компетентных врачей? Кто эти врачи? Можно их найти в своей стране или лучше пригласить их с Запада? Или же речь, вообще, идет о смертельной болезни и пациент обречен?

Показательно, что в проанализированном материале доминируют контексты, в которых обсуждаются экономические, а не политические проблемы ГДР (16 из 24 контекстов); ср. характерный пример (8a). Это объясняется, как минимум, двумя причинами. В официальной прессе ГДР обсуждались лишь экономические трудности (если вообще упоминались хоть какие-нибудь проблемы) — ср. (8b), а основы политической системы никогда не подвергались сомнению и критике. При обсуждении экономических проблем как в прессе ГДР, так и в западно-

германской прессе центральной темой были возможные пути выхода из кризиса. В некоторых случаях экономические проблемы рассматриваются как симптомы затаенной болезни; ср. (8d) и, в особенности (9c), где указывается на политические причины болезни. Анализ материала заставляет предположить, что общественное мнение того времени усматривало главные причины краха ГДР не в пороках политической системы, а в ее неспособности обеспечить своим гражданам приемлемый (по западноевропейским стандартам) уровень жизни.

- (8) a. Leer gehen auch jene Gruppierungen aus, die in der Übernahme der freien Marktwirtschaft nicht das Zaubermittel für die *Gesundung der DDR-Wirtschaft* sehen. (Uwe Stemmler. Neues Deutschland, 19.12.1989);  
b. Gut organisierte, harte Arbeit, volle Anerkennung des Leistungsprinzips und damit wachsende Produktion bei besserer Erzeugnisqualität — das sind die Kriterien, an denen Manager zu messen sein werden, an denen *die DDR-Wirtschaft genesen kann*. (Lothar Franz. Berliner Zeitung, 15.02.1990);  
c. In zahlreichen Gesprächen und Vereinbarungen mit den Verantwortlichen in der DDR sind während der vergangenen Wochen Entscheidungen getroffen oder Maßnahmen eingeleitet worden, die dem Prozeß der Reformen und *der wirtschaftlichen Gesundung in der DDR* Impulse geben sollen. (Bundestagsprotokolle, 18.01.1990);  
d. Verschärfte Grenzkontrollen gehören nach seiner Meinung ausdrücklich nicht dazu. Sie könnten zwar unausweichlich werden, um einen massiven Warenabfluß zu vermeiden, aber damit werde nur *an den Symptomen kuriert*. (Rheinischer Merkur, 24.11.1989)

Контексты, в которых речь идет о политических проблемах, встречаются реже. Их источники — либо западногерманская пресса (9a), либо высказывания представителей политической оппозиции в ГДР (9b). В контексте (9c) одновременно обсуждаются и экономические и политические проблемы ГДР, осмысляемые как болезни, и коммуникативно высвечивается типичная для оппозиционного и западногерманского политического дискурса позднего периода эпохи Wende идея о тщетности любых усилий малопрофессиональных врачей из ГДР. Этот контекст содержит характерную комбинацию выражения *an den Krankheitssymptomen herumdoktern* в его метафорическом значении и идиомы *das Übel an der Wurzel packen*, то есть сочетание медицинской метафоры («помощь в устранении симптомов») с идеей радикального искоренения причин недуга.

- (9) a. <...> die Unmündigkeit der Untertanen und den Selbstbetrug der Machthaber. Beide Übel haben *die Wirklichkeit der DDR* über 40 Jahre *metastasenartig so durchwuchert*, daß sie selbst jene Vorzüge des ostdeutschen Sozialismus zu zerstören drohen, mit denen die Propagandisten der SED in ihrer aktuellen Not versuchen, ihre Landsleute zufrieden am heimischen Herd zu halten. (Der Spiegel, 02.10.1989);
- b. Ohne Menschen, die über das Ich, das Hier und Heute hinausdenken, wäre Entwicklung nicht möglich. Sie haben es allerdings schwer, *in unserem fiebergeschüttelten Land* gehört zu werden. (Berliner Zeitung, 27.01.1990);
- c. Die Technokraten, die zwischen den sturen Konservativen und den radikalen Reformern stehen, *doktern* — und das auch noch zaghaft — *an den Krankheitssymptomen der DDR herum, ohne das Übel an der Wurzel zu packen*. (Rheinischer Merkur, 01.09.1989)

Метафорическая модель ЧЕЛОВЕК БОЛЬНОЙ особенно богата семантическими следствиями. Это определяет употребление метафоры ЧЕЛОВЕКА БОЛЬНОГО в контекстах разнообразной семантики, выражающих различные интенции. Контексты, в которых высвечивается идея выздоровления (8а—8с), обращают внимание на совершенно иное, чем контексты, профилирующие болезнь как таковую (9), особенно если речь идет о серьезных, в том числе смертельных, болезнях (9а, 10а, б, с):

- (10) a. Die Deutschen selber leben mit einer täglichen Krise, mit einem *Patienten namens DDR, der auf der Intensivstation der Geschichte mit dem Tod ringt*. (Rheinischer Merkur, 09.02.1990);
- b. *Die DDR steht vor dem Kollaps*. Wenn sie *an Auszehrung stirbt*, erschüttert das Deutschland und ganz Europa. Und deshalb muß sich die Bundesregierung einmischen. (Stern, 18.01.1990);
- c. Das Land zwischen Werra und Oder ist kaum mehr lebensfähig. Wer außer einer verantwortlichen Regierung in Bonn würde wohl Vorsorge treffen für den Ernstfall: daß *der DDR-Kreislauf, ausgezehrt nach 40 Jahren sozialistischer Verheerung, zusammenbricht?* (Rheinischer Merkur, 09.02.1990)

Еще одна М-модель, которая частично пересекается с метафорической моделью ПЕРСОНИФИКАЦИИ, — это метафора родственных отношений (22 контекста). Сама ГДР, а также некоторые составляющие ее политической системы осмысляются как БРАТЯ, СЕСТРЫ, ДЕТИ и пр. Поскольку обозначения родства представляют собой двухместные

предикаты, они конструируют особые, квазиродственные отношения между отдельными политическими концептами. С этой точки зрения интересно посмотреть, какие политические субъекты выступали в качестве «родственников» ГДР.

В официальном политическом дискурсе доминировала метафорическая проекция СССР — это старший брат и, соответственно, ГДР — это младшая сестра. Эти метафорические проекции нашли конкретное выражение в целом ряде языковых клише. Эта М-модель встречается также и в языке Wende-эпохи (11a), обнаруживая несколько вариантов реализации. С одной стороны, основанные на этой модели метафорические выражения используются для категоризации отношений ГДР с другими социалистическими странами (ср. распространенное в советском политическом дискурсе клише *братские социалистические страны* и принятый в ГДР эквивалент *sozialistische Bruderländer*). С другой стороны, эти выражения говорят о связи между правящими партиями (11b) или об отношениях между членами военных блоков (11c).

- (11) a. Und die endlich zu gründende Sozialistische Räterepublik der DDR wäre unsere Tat für *den großen Bruder in Moskau*. Der, wie wir alle wissen, nur langsam vorankommt, und der dann mit Hoffnung auf *seine flinke kleine Schwester DDR* blicken könnte. (Dietmar Henker. Berliner Zeitung, 09.12.1989);
- b. Zwischen der SED und der KPdSU, der DDR und der UdSSR bestünden *brüderliche, in ihrer Intensität und Vielfalt beispiellose Beziehungen*. (Erich Honecker. Berliner Zeitung, 06.10.1989);
- c. Dies würde im Ergebnis auf eine größere Unabhängigkeit der NVA vom *sowjetischen Waffenbruder* hinauslaufen. Anpassungen wären selbstverständlich auch auf westlicher Seite erforderlich. (Rheinischer Merkur, 19.01.1990)

Приведенные примеры реализации метафор восходят к общей концептуальной метафоре Социалистические страны (их правящие партии, армии и т. п.) — это братья и сестры. Естественно, данная М-модель реализуется прежде всего в рамках официального политического дискурса проponentов существовавшего политического строя либо воспринимается как цитаты чужой речи, ср. (11c).

Специфические черты внутригерманских отношений отражены в контекстах типа (12). Германские государства осмысляются как братья (12a, 12b), причем традиционно закрепленную за Советским

Союзом роль «старшего брата» — спасителя и помощника — берет на себя Федеративная Республика Германия. Это достаточно редкое явление. Метафорическая роль, обычно отведенная тому или иному политическому субъекту, не передается с такой легкостью другому субъекту, причем отмеченному противоположным идеологическим знаком. Таким образом, с точки зрения ГДР, Федеративная Республика (по крайней мере, в рамках обсуждаемого здесь Wende-дискурса) была функционально отождествлена с Советским Союзом. Иногда (3 контекста) БРАТСКАЯ метафора используется по отношению к гражданам обоих германских государств (12с). Иными словами, метафора РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ употребляется не только как часть метафоры ПЕРСОНИФИКАЦИИ, но и самостоятельно:

- (12) a. Wer nicht bereit ist, seinem Nachbarn zu helfen, ja, in diesem Falle *seinem Bruder* zu helfen, der wird keine Zukunft haben. Deshalb sage ich: bringen wir doch über alle Berechnungen und Abwägungen der Vor- und Nachteile hinaus etwas ein, ohne das nichts Großes entsteht! Was uns beflügeln muß, ist die Liebe zu Deutschland und zum deutschen Volk. (Bundestagsprotokolle, 15.02.1990);
- b. Daß die DDR bei dieser Übung tief stürzen kann, daß *der deutsche Bruderstaat* aufwendige Rettungsdienste bereitzustellen hat — darüber redet die bundesdeutsche Elite in Politik und Wirtschaft nur ungerne. (Der Spiegel, 07.05.1990);
- c. Vor allem, und dies ist ein in der DDR häufig zu hörendes Argument: erhalte Berlin nicht wirklich zentrale Funktionen (und die fünf neuen Länder ebenfalls einige wichtige Institutionen, etwa nach Vorstellungen eines Willy Brandt), werde Deutschland nach der Einigung eben doch bloß eine «Bundesrepublik mit Anhängsel» sein, die «*Brüder und Schwestern im anderen Teil*» als dauerhaften Pflegefall an der Seite. (Frankfurter Rundschau, 08.09.1990)

Иногда внутригерманские отношения интерпретируются в терминах женитьбы. Хотя метафора женитьбы, строго говоря, не входит в область родственных отношений, она обнаруживает с этой М-моделью общие свойства. Так, валютный союз обозначался как *Geldheirat mit dem Westen*, ср. далее метафору приданного в выражениях типа *eine wertvolle Mitgift der DDR*. В рамках внутригерманских отношений ГДР осмысливается также как бедный родственник (13).

- (13) Wenn es denn in diesem Jahr «Deutschland» geben sollte, *wird die DDR im politischen Bereich die Rolle des armen Verwandten haben*. In Ökologie



und Naturschutz ist das trotz starker Umweltschädigung nicht so, denn landschaftliche Schönheiten gibt es die Fülle, ebenso einen Artenreichtum an Pflanzen und Tieren, von dem hierzulande nur wenig bekannt ist. (Mannheimer Morgen, 03.04.1990)

Встречаются также единичные случаи использования метафоры РОДИТЕЛЬ-РЕБЕНОК, относящиеся к различным областям политической жизни: ср. ГДР как РЕБЕНОК международной солидарности (14а) или государственная машина ГДР как СВЕРХОТЕЦ (14б).

- (14) a. Die Deutsche Demokratische Republik, die selbst ein *Kind* der internationalen Solidarität ist, rückt nicht einen Schritt von ihren bekannten internationalistischen Positionen ab. (Egon Krenz. Berliner Zeitung, 19.10.1989);
- b. Und unbewußt projiziert man wohl die ehemalige Zwangsgeborgenheit im Eisengriff *des Übervaters Staat* noch auf die nunmehr demokratisch entworfene Korporation. (Rheinischer Merkur, 09.03.1990)

Метафорика войны является одним из самых распространенных способов осмысления происходивших тогда политических событий (24 контекста). По большей части соответствующие метафорические выражения относятся к внутривнутриполитической борьбе в ГДР, ср. такие выражения, как *Waffenstillstand zwischen den Oppositionsparteien der DDR* или *in der CDU-Zentrale sieht man sich «Gewehr bei Fuß»*. В этих примерах речь идет о первых свободных выборах в ГДР 18 марта 1990 г. и первых свободных муниципальных выборах в Восточном Берлине 6 мая 1990 г. соответственно. В большинстве контекстов обсуждается борьба реформаторов со старыми структурами и подготовка к свободным выборам; ср. (15а) и (15б), причем контекст (15а) содержит явную аллюзию на текст «Интернационала».

- (15) a. *Das Gefecht hat begonnen*. Und viele DDR-Kommunisten fürchten, es könne wirklich das letzte sein. Die einst führende Staatspartei hat Mühe, mit der Konkurrenz Schritt zu halten, die sich zum Kampf um die Macht formiert. (Der Spiegel, 25.12.1989);
- b. *Weil man in einen «Kampf um Deutschland» zieht, wird in den Partezentralen wie in Generalstäben geredet*. Die FDP schafft «Vorposten» in Ost-Berlin, um den Einsatz «mobiler Kommandos» in der DDR zu koordinieren. «Angriff mit voller Pulle» sei jetzt angesagt. (Stern, 15.02.1990)

## 17.4. Россия — ГДР:

### Метафорические осмысления в сопоставлении

Рассмотренные особенности метафорических интерпретаций России и ГДР в русском и немецком политическом дискурсах обнаруживают ряд интересных особенностей. Прежде всего это касается частотных характеристик обсужденных метафорических моделей. В метафорических интерпретациях России в дискурсе перестройки доминирует М-модель персонификации. Причем разрыв в частоте употребления между этой М-моделью и ближайшей последующей метафорой составляет 52 контекста. Это объясняется, с одной стороны, самой сущностью происходивших в то время изменений в политике, приведших к институционализации России как особого политического субъекта. С другой стороны, содержание политического дискурса явилось отражением структур знаний участников политического процесса. В свою очередь, изменение структур знаний участников, касающихся статуса России, явилось причиной формирования такой системы метафор, в которой центральное место заняла метафора персонификации и связанные с нею органистические метафоры.

В противоположность иерархической организации метафорических осмыслений России, в немецком политическом дискурсе при осмыслении ГДР не обнаруживается ярко выраженной центральной метафорической модели. Ни одна из выявленных метафор не выделяется отчетливо среди других частотными характеристиками. Впрочем, как и в случае метафорических осмыслений России, метафора персонификации в отношении ГДР также занимает первое место, хотя и не с таким существенным отрывом от других М-моделей. Это само по себе довольно интересно, поскольку, в отличие от русского политического дискурса эпохи перестройки, в немецком политическом дискурсе периода, непосредственно предшествовавшего объединению Германии (*die Wende*), наиболее частотной была М-модель пространства, а метафора персонификации занимала лишь второе место. Повышенная частота употребления этой М-модели в отношении ГДР объясняется тем, что в период объединения происходило активное обсуждение статуса ГДР как политического субъекта, хотя и по иным причинам, чем для России: в случае России возникал новый политический субъект, а в случае ГДР — уничтожался уже имевшийся.

Метафора родственных отношений как в перестроечном дискурсе, так и в дискурсе объединения Германии используется в первую

очередь по отношению к политическим субъектам. В дискурсе перестройки метафора большого брата соотносится прежде всего с Советским Союзом, советским правительством и КПСС: *Россия больше не претендует быть «старшим братом»*. Концептуализация СССР и КПСС как большого брата характерна и для политического дискурса ГДР, ср.: *der große Bruder in Moskau*. Иными словами, это наследие языковых практик социалистического лагеря 80-х годов XX в. Ср. обсуждавшиеся выше немецкие концептуальные метафоры Социалистические страны (их правящие партии, армии и т. п.) — это братья и сестры и аналогичные русские формы *братские социалистические страны*. Разумеется, в период перестройки эти выражения использовались с определенной долей иронии или откровенно критически, ср. характерные примеры: *Горбачев принимал Чаушеску как руководителя «братской» страны* (Челноков М. «Куранты», 19.01.1991); *Как тут не вспомнить, что совсем недавно мы противопоставляли «монумент социалистического содружества» непрочности и противоречивости западного сообщества. От монумента и содружества мало что осталось, в «братском союзе» активизировались сепаратизм, центробежные силы* (Озеров М. «Литературная Газета», 30.01.1991). В политической аргументации периода перестройки часто использовалась концептуальная метафора Россия — это мать: *Земля, Россия — это мать. А разве можно продавать мать?* [при обсуждении закона о продаже земли].

Нетривиальным оказывается распределение в исследованном материале метафоры войны. В русском перестроечном дискурсе эта М-модель чрезвычайно употребительна: она занимает второе место по частоте употребления. Ее продуктивность и когнитивная значимость в обсуждаемый период подчеркивается текстами российской публицистики, сюжетно построенными на этой метафорической модели. Однако по отношению к России метафора войны используется довольно редко — всего 9 примеров из 178. В немецком политическом дискурсе ситуация с этой М-моделью более-менее повторяет общую. В общем распределении М-моделей немецкого политического дискурса метафора войны относительно малоупотребительна (пятое место по частоте употребления). В метафорических осмыслениях ГДР она занимает десятое место, однако разрывы в частоте между М-моделями невелики. Иными словами, можно считать, что по значимости она соответствует той же М-модели в немецком политическом дискурсе, взятом в целом. Объяснение этому можно видеть в содер-

жании политического дискурса. Обсуждение ГДР как политического субъекта, уходящего с политической сцены, конфликт между старой политической элитой ГДР и новыми политиками, связывавшими свою политическую деятельность с объединенной Германией, был чрезвычайно острым, что и отразилось в использовании метафоры войны.

В перестроечном дискурсе ситуация была несколько иной. Если в Wende-эпоху выбор в пользу капиталистической системы хозяйствования в общественном мнении был уже сделан,<sup>45</sup> то в период перестройки главный конфликт был в столкновении социалистической (коммунистической) и либерально-капиталистической идеологий и соответствующих путей развития общества. Другой важнейшей темой был распад СССР. Именно в этих конфликтных тематических областях метафора войны использовалась очень широко. Конфликт между СССР и Россией в этом смысле был вторичным и менее травмирующим для обывателя. Отсюда и меньшая частота использования военной метафоры.

---

<sup>45</sup> В последующем оказалось, что этот выбор не столь однозначен, но это уже интересная политологическая проблема последующего периода развития объединенной Германии.

## Глава 18. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРИКА: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Политическая метафорика предстает перед участником политического дискурса как совокупность дискурсивных практик, с помощью которых осуществляется речевое воздействие. В случае, если соответствующие практики воспроизводятся говорящими без рационального осмысления, то речевое воздействие транслируется на аудиторию — воспроизводится как «когнитивный вирус», как мем. В то же время — и это вторая сторона феномена политической метафоры — структура метафор политического языка в определенной степени отражает представления говорящих о самой политике. Выбор некоторой дискурсивной практики столь же неизбежен для говорящего, сколь неизбежным оказывается использование артикля в языках с грамматикализованной категорией определенности-неопределенности или вида в языках, где эта категория является грамматической. Как нет языков без грамматики, так нет и дискурсов без дискурсивных практик.

В проведенном исследовании немецкого и русского политического дискурса в переломные моменты истории Германии и России (эпоха «Wende» и перестройка, соответственно) дискурсивные практики изучались на примере метафорики. Это потребовало разработки в рамках дескрипторной теории метафоры специального концептуального аппарата — метаязыка, включающего такие понятия, как «метафорическая модель», «сигнификативные» и «денотативные дескрипторы», «денотативное и сигнификативное разнообразие», «стабильность денотативных отображений», «фоновые» vs. «фигурные» метафорические модели, «конstellации метафорических моделей») и др.

Дескрипторная теория метафоры позволяет, с одной стороны, описывать по единой схеме контексты употребления метафор, а с другой — проводить компьютерную обработку значительных массивов данных, включающих информацию об использовании метафор в дискурсе. В результате были выявлены и описаны метафорические модели, которые в исследованных дискурсах могут быть отнесены к числу дискурсивных практик.

Возникает естественный вопрос о дальнейшем развитии созданной теории и ее перспективных приложениях. Во-первых, отметим, что основное внимание в проекте сопоставительного описания метафорики было уделено понятию метафорической модели и различным сочетаниям М-моделей, поскольку именно М-модели являются основной единицей инвентаризации (то есть описания) структуры метафор дискурса. В рамках этого направления весьма важным представляется вопрос о **грамматике сочетаемостей М-моделей** в одном метафорическом выражении. Ср. примеры типа *полнокровный механизм рынка*, где прилагательное *полнокровный* связано с М-моделью ОРГАНИЗМА (кровь), а существительное *механизм* — с М-моделью МЕХАНИЗМА. Ряд соображений по этому поводу высказан в главе 2 данной книги, однако сочетаемость М-моделей в дискурсе — в том числе в политическом — требует дополнительного изучения. Проблема сочетаемости М-моделей является отнюдь не чисто стилистической, как это можно было бы подумать. Широкое использование комбинаций М-моделей в дискурсе сопровождается увеличением частоты политической метафорики. Это дополнительная возможность расшатывания стандартных рамок осмысления действительности, фиксированных в структурах знаний, которые уже могут не отвечать новым реалиям. Комбинаторика М-моделей в речи — это способ преодоления ритуализации мышления для решения политических, социальных и экономических проблем и, соответственно, маркер кризисности общественного сознания.

Второе перспективное направление исследований лежит в области **лингво-статистических методов** анализа метафор. Оно связано с уточнением и расширением доказательной базы проведенного в проекте статистического анализа М-моделей. Частотные кластеры метафор, выделенные на основе изучения «провалов» в частоте употребления отдельных М-моделей, могут быть уточнены, если исходить не из частотных «провалов», а из близости самих частот М-моделей. Второй метод, не отменяя результатов первого, существенно уточняет и дополняет его. Наконец, важнейшую дополнительную информацию о случайности или неслучайности попадания М-моделей в один частотный кластер может дать более широкий фон: данные о частоте использования М-моделей в других типах дискурсов. Например, в научном дискурсе (с различными модификациями), спортивном дискурсе, в дискурсе культуры, в различных профессиональных подязыках, в жаргонах социально закрытых языковых сообществ (от жаргонов сексуальных меньшинств до молодежных группировок

и языков преступных групп). По вполне понятным причинам такая программа исследований весьма трудоемка. Кроме того, для сопоставимости результатов должна использоваться единая методика, основанная на достаточно универсальном категориальном аппарате. В этом отношении дескрипторная теория метафоры оказывается чрезвычайно удобным инструментом. «Междискурсивное» типологическое исследование позволит оценить данные о границах между частотными кластерами с точки зрения универсальности. Кроме того, междискурсивное сравнение существенно и для определения дискурсивных практик.

С дискурсивными практиками связано еще одно направление исследований. Введенное понятие дискурсивной практики (см. выше главу 1) восходит к работам французского философа Мишеля Фуко. Согласно Фуко, историограф науки может по-разному подходить к материалу анализа. Например, он может изучать, какие виды животных были известны ученым XVII в., опираясь на современную классификацию видов. Это направление анализа «от вещей к словам». С другой стороны, историограф может изучать, какие существовали классификации видов животных в XVII в. Это направление «от слов к вещам». И первое, и второе направления вполне традиционны. Но есть еще одно измерение исследований: можно изучать, какие нормы, правила научного рассуждения существовали тогда и как они формировали научный дискурс как особый лингвистический и социально-культурный феномен [Foucault 1966; 1971]. Эти принятые формы рассуждения и являются дискурсивными практиками. В принятом здесь понимании дискурсивные практики интерпретируются как более поверхностные сущности. Они формируют языковые способы номинации (называния) и описания понятий и явлений соответствующей проблемной области, принятые в данном типе дискурса. В таком понимании языковая и структурная основа дискурса — это совокупность дискурсивных практик, связанных между собой какими-то отношениями, сущность которых пока еще не вполне ясна.

Очевидно, однако, что категория дискурсивной практики является междисциплинарным феноменом. Следовательно, в рамках лингвистики могут быть описаны и исследованы лишь ее языковые проявления. Другие стороны этого многообразного явления — психологические, социальные, исторические и культурные — должны изучаться в соответствующих дисциплинах (социальной психологии, политологии, социологии, истории, культурологии и т. д.). Собственно лингви-

стический подход дает здесь очень важную, но не исчерпывающую информацию.

Применительно к метафорам дискурсивная практика в точном смысле на языковом уровне определяется как пара вида  $\langle M_i, D_{M_i} \rangle$ , где  $M_i$  — метафорическая модель,  $D_{M_i}$  — типичные области осмысления в рамках данной М-модели, принятые в данном типе дискурса (см. подробнее главу 2). Отсюда следует, что выявление дискурсивных практик в точном смысле в рамках разработанной дескрипторной теории метафоры предполагает выполнение комплекса работ по исследованию области денотативных дескрипторов М-моделей, то есть области цели метафорических проекций. Такое направление анализа можно назвать **денотативным аспектом метафорики**. Исследование денотативного аспекта метафорики позволило бы установить, например, как метафорически осмысляются ценностные категории: в рамках каких М-моделей принято в данном политическом дискурсе говорить о «справедливости», «равенстве», «демократии», «правах человека». Какие метафоры используются при обсуждении проблем экономики, экологии, культуры; как в терминах метафор осмысляется законотворческая деятельность и т. д. Совмещение двух направлений исследования — анализа М-моделей и денотативного аспекта метафорики — позволит установить набор дискурсивных практик в точном смысле.

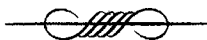
Особо следует сказать о широком типологическом фоне исследования денотативного аспекта метафорики в европейском языковом ареале. Изучение денотативного аспекта метафорики нескольких европейских языков даст возможность выявить типичные дискурсивные практики в дискурсах экономики, спорта, науки и др. областей. В этом случае уже можно ставить вопрос об исследовании **«метафорического мышления европейцев»** — достаточно амбициозной программе, которая, однако, оказывается выполнимой именно в рамках дескрипторной теории метафоры. Использование метаязыка денотативных дескрипторов позволяет осуществлять «пошаговое» исследование конкретных понятий и явлений выбранной сферы жизни общества с точки зрения связанных с ними М-моделей, функционирующих как дискурсивные практики. Глава 17, в которой обсуждается метафорическое осмысление концептов «Россия» и «ГДР», может рассматриваться как первый теоретический и практический шаг в этом направлении.



Программа исследования денотативного аспекта метафорики (не только политической) в европейском языковом ареале позволит не только по-новому взглянуть на извечные теоретические проблемы лингвистики (связь между языком и мышлением, языком и культурой) и теории перевода (проблема перевода метафор, а также слов, обозначающих культурно обусловленные реалии), но и будет способствовать развитию теории коммуникации, поскольку даст возможность выявить различия в осмыслении тех или иных явлений действительности, специфичных для языковых сообществ и культур.



**ЧАСТЬ IV**  
**МЕТАФОРИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ**  
**«ЗАМКНУТЫХ» ДИСКУРСОВ**





## Глава 19. СИСТЕМА МЕТАФОР ЕВАНГЕЛЬСКИХ ТЕКСТОВ В КАТЕГОРИЯХ ДЕСКРИПТОРНОЙ ТЕОРИИ МЕТАФОРЫ\*

### 19.1. Постановка задачи

Библейский текст — как текст Ветхого Завета, так и текст Евангелий — неоднократно был объектом различных филологических изысканий. В экзегетике на тексте Библии отрабатывались методы интерпретации неясных и противоречивых фрагментов библейского текста, ставшие традиционными в различных религиозных конфессиях. Ср., например, типичные для протестантизма идеи автохронного истолкования библейского текста на основе его имманентной понятийной системы у Ф. Шлейермахера [Schleiermacher 1974]. Текст Библии изучался и в рамках герменевтического подхода, вобравшего в себя идеи экзегетики (см. известные работы П. Рикера [Ricoeur 1980; 1981]). В более позднее время текст Евангелий и Библии в целом исследовался в различных филологических дисциплинах как с точки зрения системы библейских символов [Stiver 1996], так и с точки зрения осмысления истории человечества (см. известные работы Тойнби [Toynbee 1946]). Тексты Евангелий привлекались и для выделения «сюжетных сверток», или «мемов» по Хофшtedтеру — единиц хранения памяти культуры, оказывающих существенное влияние на мировосприятие и осмысление действительности [Alker et al. 1985].

С точки зрения изучения метафорики представляет значительный интерес работа А. Вежбицкой «Значение Иисусовых притч: семантический подход к Евангелиям» [Вежбицкая 1999]. В ней разобрана семантическая структура некоторых библейских метафор, представленных в притчах Евангелий. Ключом к пониманию библейской метафорики А. Вежбицкая считает интерпретацию метафоры ЦАРСТВА БОЖИЯ, которая толкуется в ее работе как ‘жизнь с Богом’ или ‘жить с Богом’ [Там же: 741]. Прочие важные метафоры — ВЫРЫВАНИЯ ПРАВОГО ГЛАЗА, СПРЯТАННОЕ СОКРОВИЩЕ И ДРАГОЦЕННАЯ ЖЕМЧУЖИНА, ЗАБЛУДШАЯ ОВЦА, НЕВОД — толкуются на основе метафоры ЦАРСТВА БОЖИЯ. Семан-

---

\* Данная глава написана в соавторстве с Е. А. Шиповой.

тическое представление метафор формулируется на универсальном семантическом языке А. Вежбицкой. Отметим, что предложенное понимание метафоры Царства Божия основано на религиозном сознании и отражает понимание текста Евангелий верующим человеком. Это не отменяет возможность такого осмысления евангельских текстов, в котором Библия рассматривается как литературный памятник, как культурный феномен. Кроме того, описанные А. Вежбицкой метафоры составляют лишь небольшую, хотя и важную часть общей системы метафор Евангелий.

С чисто практической точки зрения изучение метафорики Библии оказалось необходимым для миссионерской деятельности христианства. Перевод Библии на языки народов, по каким-то причинам оказавшимся в стороне от христианского вероучения, потребовал учета системы метафор, типичных для целевого языка (то есть языка, на который осуществляется перевод) и правильно воспринимаемых в языковой и культурной традиции соответствующих нехристианских народов [Nida 1964]. Так, в [Бикман, Келлоу 1994] обсуждаются сложности, возникающие при переводе текста Библии на современные языки народов, культуры которых существенно отличаются от европейской (в частности на языки индейцев Северной Америки). Например, когда Иисус предупредил своих учеников: *Берегитесь закваски фарисейской*, то они поняли его буквально. Если переводчик опустит в переводе метафору (*Берегитесь учения фарисеев*), то читатели будут удивлены, что ученики оказались столь недогадливы. С другой стороны, если метафора будет сохранена без ее раскрытия, то она останется непонятной для носителей языков с другой культурной традицией. Тем самым метафора должна быть сохранена, однако ее следует пояснить: вместо *Иисус, уразумев, говорит им...* [Мар. 8: 17] для перевода можно избрать следующую формулировку: *Когда Иисус узнал, что они думали о хлебе, а не об учении фарисейском, Он сказал им...*

Сохранение метафоры исходного текста Библии возможно только в том случае, если аналогичная метафора существует в языке-цели или она легко понимается его носителями. В противном случае переводчикам Библии рекомендуется авторами статьи искать в целевом языке аналогичные по функции метафорические конструкции, эксплицитные сравнения или передавать смысл текста неметафорически, толкуя смысл метафор в соответствии с принятыми в экзегетике интерпретациями. Так, библейское выражение *у вас окаменело сердце* и аналогичные ему фразы часто передаются в целевых языках такими

метафорами, как *ваши уши окаменели, ваш желудок тверд как камень* [Бикман, Келлоу 1994: 163].

Тем не менее, при всей значимости исследований в области перевода Библии, осуществляемых Институтом перевода Библии, метафорическая система Евангелий в целом в них не обсуждалась. В данной главе, с одной стороны, выявляется и описывается система метафор Евангелий и определяются типичные для выявленных метафорических моделей случаи профилирования смыслов, а с другой — проводится статистический анализ метафорических моделей и метафорически осмысляемых концептов в рамках дескрипторной теории метафоры. Разумеется, выполнить в полной мере поставленные задачи в рамках ограниченной по объему главы книги, посвященной по большей части политической метафорике, вряд ли возможно. В силу этого первая задача реализуется тезисно<sup>1</sup>.

## 19.2. Экстралингвистические проблемы интерпретации метафор Библии

Кроме собственно лингвистических проблем изучения метафорики Евангелий, которые будут обсуждаться ниже, существуют и экстралингвистические проблемы, которые следует упомянуть, но которые не могут быть решены в рамках собственно лингвистического исследования. Первая проблема — это признание возможности метафорического или исключительно (преимущественно) неметафорического понимания текста Библии. Известно, что степень метафоричности текста Библии различна для разных христианских конфессий — для протестантов, католиков или православных. Метафорическая vs. неметафорическая интерпретация текста Евангелий отнюдь не чисто умозрительная филологическая и богословская проблема. Отрицание метафорического характера многих фрагментов Евангелий приводило к появлению изуверских сект, к преследованию инакомыслящих. Известна, например, секта скопцов, учение которых и религиозная практика опираются на неметафорическое понимание стихов: *Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая рука твоя соблазняет тебя,*

---

<sup>1</sup> Подробнее смыслы, профилируемые евангельскими метафорами, обсуждаются в статье [Баранов, Шипова 2006].

*отсеки ее и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну* [Мат. 5: 27—31; ср. Мар. 19: 43—48]. См. также разбираемую А. Вежбицкой со ссылкой на Пьера Бейля историю фразы: *...убеди прийти, чтобы наполнился дом мой* из притчи о большом пире [Вежбицкая 1999: 749]. Семантика глагола *убедить* в этом контексте послужила основанием для преследования гугенотов [Tannenbaum 1987].

Вторая экстралингвистическая проблема, связанная с предшествующей, это понимание текста Библии и Евангелий верующим человеком. Для православной традиции (и не только для нее) характерна тенденция к неметафорическому истолкованию. Так, вино в таинстве причастия осмысляется не как метафора, а как символ крови Христовой, ср. соответствующий контекст: *И, взяв чашу, благодарив, подал им: и пили из нее все. И сказал им: сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая* [Иоан. 14: 22]. Для человека, относящегося к тексту Библии как к литературному памятнику, данный контекст однозначно будет прочитываться как метафорический. Именно такого понимания мы придерживаемся ниже.

С указанной точки зрения метафора Царства Божия (и добавим, метафора Царства Небесного) понимается не как ‘жизнь с Богом’, а в зависимости от разных контекстов как ‘вера (= следование заветам Бога)’ — *Ищите же теперь Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам*. [Мат. 6: 33]; ‘мир после второго пришествия’ — *Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве небесном* [Мат. 8: 11], ‘рай’ — *И я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам церковь мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного* [Мат. 16: 18, 19], *Пошлет Сын человеческий Ангелов Своих, и соберут из царства Его все соблазны и делающих беззаконие и ввергнут их в печь огненную; там будет плачь и скрежет зубов. Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их* [Мат. 13: 41—43].

Третья проблема более лингвистическая: это выбор аспекта описания — синхрония или диахрония. Выделение системы метафор и типичных профилируемых смыслов относится к пониманию текстов Евангелий современным читателем. Отсюда понятно, что для поставленной задачи синхронный аспект описания оказывается единственно правильным. Впрочем, для единичных случаев: когда контекст скрывает очевидную метафору, которая, однако, уже не прочитывается



современным читателем, привлекалась информация исторического характера. Так, выражение *Геенна огненная* по имеющимся источникам связывается с Генномской долиной — долина близ Иерусалима, где приносились жертвы Молоху, сжигались трупы, где постоянно горел огонь. Тем самым, соответствующая метафора в контекстах типа: *И если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее: лучше тебе войти в жизнь хромоту, нежели с двумя ногами быть ввержену в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает*, [Мар. 9: 45—46] интерпретировалась как пример метафорических моделей географии и пространства. Отметим, впрочем, что количество таких случаев было невелико.

Еще одна проблема касается самого понимания термина «дискурс Евангелий». В узком смысле — это тексты Евангелий. Однако такого понимания оказывается явно недостаточно в тех случаях, когда, например, приходится оценивать метафорическую проекцию как конвенциональную или новую / творческую. Понятно, что частое употребление метафоры в текстах Евангелий позволяет характеризовать соответствующую метафорическую проекцию как конвенциональную, ср., например, Слово — это христианское учение. Однако хотя некоторые метафоры представлены в Евангелиях уникальными контекстами, при этом в современной коммуникации они используются достаточно широко, ср. метафору: Слово — это Бог. В этом случае можно говорить о расширительном понимании дискурса Евангелий — тексты Евангелий и их интерпретации. В данной главе термин «дискурс Евангелий», если это не оговаривается особо, понимается прежде всего в узком смысле.

Наконец, существует проблема соотношения метафоры Ветхого Завета и метафоры Евангелий. Очевидно, что тексты Евангелий и сюжетно и концептуально связаны с текстом Ветхого Завета, образуя единую сложную систему образов и способов понимания и интерпретации действительности, лежащую в основе мировосприятия, характерного для европейской культуры. Некоторые Евангельские метафоры трудно понять вне общего контекста. Так, метафора Человек — это сосуд в точном виде фактически не встречается в Евангелиях. Примеры: *Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить* [Иоан. 16: 12], *Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано* [Мат. 19: 11], напоминающие реализацию проекции Человек — это сосуд, скорее, следовало бы интерпретировать как проекцию Человек — это вместилище, однако в общем контексте

Библии их, скорее, следует интерпретировать как реализацию метафоры ЧЕЛОВЕК — это сосуд, ср. следующие примеры: *Я забыт в сердцах, как мертвый; я — как сосуд разбитый* [Псалтырь 30]; *Неужели этот человек, Иехония, есть создание презренное, отверженное? или он — сосуд непотребный?* [Иер. 22].

Несмотря на сложности указанного типа, исследование метафорики Евангелий — как особой системы — представляется оправданным. Евангелия обладают несомненной сюжетной законченностью, часто становятся объектом филологических и текстологических исследований (см. работы выше) и осмысляются в культурной традиции как единое целое. В этом смысле исследование метафорики Евангелий можно рассматривать как важный этап в изучении метафорики Библии в целом.

Метафорика Евангелий одновременно является составной частью системы метфор Нового Завета. Однако тексты Нового Завета лексически и стилистически существенно отличаются друг от друга. Так, Откровение Иоанна Богослова носит мистический характер, порождая сложную систему символов, интерпретация которых весьма затруднена. Границы между символикой и метафорами в этом тексте стерты. Тексты Евангелий также неоднородны, однако они описывают одни и те же события, выстраивающиеся в определенный сюжет. Евангельская метафорика — это центральная часть системы метафор Нового Завета и исходный пункт изучения метафорики Нового Завета.

### 19.3. Инструментарий исследования

В качестве инструмента исследования метафорики Евангелий использовалась дескрипторная теория метафоры, основные положения которой были изложены выше в главе 1 и 2 данной книги. Важнейшей частью работы было выявление семантических следствий, которые профилирует метафора в тексте. Приведем примеры коммуникативно-го высвечивания смыслов метафорами евангельских текстов.

*Дети!* недолго уже быть Мне с вами. Будете искать Меня, и, как сказал Я Иудеям, что, куда Я иду, вы не можете придти, так и вам говорю теперь. [Иоан. 13: 33]

Рассматриваемый контекст допускает двоякое толкование. В первом понимании в примере реализуется метафорическая модель РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ (ВЕРУЮЩИЕ — это дети). Тогда можно говорить

о профилировании, с одной стороны, свойства несамостоятельности верующих, с другой стороны, о существовании кого-то, несущего ответственность за верующих как отец несет ответственность за своих детей. Этим лицом в обсуждаемой метафоре оказывается Бог. Во втором понимании дети противопоставляются взрослым. Поскольку дети должны верить взрослым, даже если они не понимают оснований того, что им говорится, то в обсуждаемой метафоре коммуникативно высвечивается или профилируется смысл «способность верить, не требуя рационального основания».

Как уже отмечалось выше, в дескрипторной теории метафоры контекст использования метафоры описывается как множество кортежей сигнификативных и денотативных дескрипторов, представляющих, соответственно, область источника и область цели метафорической проекции. Так, метафорическое выражение *стадо* в контекстах типа *Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь* (Иоан. 10: 16) представляется в дескрипторной теории метафоры в виде двухэлементного множества следующего типа: {<стадо>, <верующие >}. Первый дескриптор — «стадо» — является сигнификативным, а второй — «верующие» — денотативным. Использование метаязыка сигнификативных и денотативных дескрипторов позволяет единообразно описывать контексты употребления метафор и обрабатывать их с помощью компьютерных программ — баз данных.

#### 19.4. Технология сбора материала

Благодаря возможности формализации, дескрипторная теория метафоры позволяет описывать и исследовать метафорику больших массивов данных — тысяч употреблений метафор, представляющих структуру метафор целых дискурсов. При исследовании метафорики Евангелий использовались компьютерные средства сбора и обработки информации. На первом этапе из текстов Евангелий производился сплошной отбор контекстов употребления метафор. Все контексты вводились в специально созданную базу данных. В структуре записи фиксировалась информация о самой метафоре, контексте ее употребления, источнике. Кроме того, в запись включались сигнификативные и денотативные дескрипторы, упорядоченные по степени абстракции. Набор сигнификативных дескрипторов задавал тип метафорической модели. Каждая запись соответствовала одному контексту употре-

бления метафоры. На следующем этапе был проведен лингво-статистический анализ корпуса метафор Евангелий, в результате которого была выявлена абсолютная частота употребления каждой метафорической модели и другие статистические характеристики.

Используемый метод анализа метафорики аналогичен сплошной инвентаризации языковых единиц в проблемной области, дает общий взгляд на систему используемых метафорических моделей и обеспечивает репрезентативность данных.

Следует отметить, что в выбранном подходе не учитывается значимость отдельных метафор, определяемая культурной традицией, положением в тексте, связями с собственно пропозициональной частью текста и т. п. Так, конкретная метафора, использованная в притче, обладает существенно большим воздействующим эффектом, чем метафора, представленная в обычном тексте, даже если она относительно регулярно повторяется. При исследовании значительных объемов текстов, содержащих тысячи употреблений метафор, это вполне оправдывает себя, однако для относительно небольших текстов, ставших частью культуры общества, такой подход с неизбежностью будет односторонен. Как, впрочем, неполон и анализ метафорики притч Евангелий в отрыве от общей метафорической системы Нового завета, предпринятый, например, в уже упоминавшейся работе А. Вежбицкой. Таким образом, данное исследование с указанной точки зрения ограничено и в перспективе требует дополнения, раскрывающего семантику отдельных культурно значимых фигурных (в противоположность фоновым) метафор<sup>2</sup>.

### 19.5. Общая структура метафорических моделей Евангелий

В ходе исследования метафорики текстов Евангелий было выявлено 644 контекста употребления метафор. В соответствии с дескрипторной теорией метафоры, все контексты были разбиты на группы по метафорическим моделям. В табл. 1 представлены результаты для М-моделей, превышающих абсолютную частоту 4.

---

<sup>2</sup> О фоновых и фигурных метафорах см. подробнее главу 1.

Таблица 1

### Метафорические модели дискурса Евангелий<sup>3</sup>

Метафорическая модель	Частота употребления
РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО	96
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО	65
РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	58
ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ	56
ПИЩА	52
ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	51
ФАУНА	49
СТРОИТЕЛЬСТВО	37
СТРОЕНИЕ	34
СВЕТ-ТЬМА	34
ПРОСТРАНСТВО	28
ЯЗЫК	17
ПУТЬ-ДОРОГА	16
ОРГАНИЗМ	15
ВМЕСТИЛИЩЕ	14
ЖИВОТНОЕ	14
ЖИДКОСТЬ	13
ПЕРСОНИФИКАЦИЯ	13
ПОГОДА	9
МЕДИЦИНА	8
СОСУД	8
ОГОНЬ	8
СОРНЯК	7
БЕС	7
БРАК	5
ВЕЩЕСТВО	5
ВОЙНА	5
ОДЕЖДА	5
ПРЕСТУПНЫЙ МИР	5

<sup>3</sup> Общее количество метафорических моделей в таблице не равно количеству контекстов в базе данных. Это объясняется тем, что в одном и том же контексте могут присутствовать сразу несколько М-моделей. Например, в метафоре Верующие — это стадо овец выделяются 2 метафорические модели — фауна и сельское хозяйство.

Для каждого типа дискурса граница между частотными и низко-частотными М-моделями должна определяться отдельно. В рассматриваемом случае нет очевидных статистических критериев (частотные провалы между значениями абсолютной частоты употребления М-моделей, осязаемое преобладание той или иной М-модели и т. д.), которые дали бы возможность определить область относительно частотных М-моделей, заслуживающих изучения, по сравнению с периферийными метафорами. Сравнение с другими типами дискурсов (в частности с политическим дискурсом) показывает, что наиболее продуктивные и интересные семантические модели в рассматриваемом случае заканчиваются М-моделью персонификации. Будем считать, что М-модель персонификации является нижней границей М-моделей, которые будут рассмотрены ниже.

Общую характеристику метафорики дискурса можно дать, обратившись прежде всего к сочетаниям М-моделей, профилирующим сходные смыслы в данном типе дискурса. Такие совокупности М-моделей получили в дескрипторной теории метафоры название констелляций метафор (см. выше главу 2). Довольно часто в различных типах дискурсов выделяются следующие констелляции: констелляция метафор рационального (к ним относятся строительство, механизм, объект-предмет, транспорт), констелляция органистических метафор (организм, растение-дерево, медицина, к ним примыкают М-модели пища и сельское хозяйство), констелляция метафор конфликта (спорт, война, игра, преступный мир), констелляция метафор нереального (религия-мифология, сверхъестественное существо, театр), констелляция метафор неконтролируемости (погода, река, жидкость) [Баранов 2004а].

Сравнение абсолютных частот употребления перечисленных констелляций показывает, что в дискурсе Евангелий констелляция метафор нереального отсутствует вовсе, а самыми частотными оказываются органистические метафоры, существенно опережая все другие типы констелляций:

КОНСТЕЛЛЯЦИЯ ОРГАНИСТИЧЕСКИХ МЕТАФОР — 236  
(Организм — 15, Растение-дерево — 96, Медицина — 8, Пища — 52,  
Сельское хозяйство — 65);

КОНСТЕЛЛЯЦИЯ МЕТАФОР РАЦИОНАЛЬНОГО — 93  
(Строительство — 37, Механизм — 0, Объект-предмет — 56,  
Транспорт — 0);

КОНСТЕЛЛЯЦИЯ МЕТАФОР НЕКОНТРОЛИРУЕМОСТИ — 24

(ПОГОДА — 9, РЕКА — 2, ЖИДКОСТЬ — 13);

КОНСТЕЛЛЯЦИЯ МЕТАФОР КОНФЛИКТА — 10

(СПОРТ — 0, ВОЙНА — 5, ИГРА — 0, ПРЕСТУПНЫЙ МИР — 5).

Согласно когнитивной теории, мышление человека основывается на опыте его непосредственного взаимодействия с окружающим миром. Опыт, в свою очередь, проявляется в использовании метафорических моделей. Осмысляя что-то неизвестное, человек обращается к тому, что он хорошо знает (ср. тезис об «однаправленности метафорической проекции» [Lakoff 1993; Баранов 2003а]). Очевидно, что практическая деятельность человека рассматриваемой эпохи была тесно связана с выращиванием растений и скота, с одной стороны, и определялась его положением в семье и роде — с другой. Об экономике и культуре народов рассматриваемого исторического периода существует многочисленная литература, начиная, как минимум, со времен военной экспедиции Наполеона в Египет (1798 г.). Лингвистический анализ использованных метафор вполне подтверждает организацию «структур повседневности» [Бродель 1986], отражаемую в метафорах РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО, РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ и СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. Для человека в эпоху раннего христианства органистический тип мышления, то есть осмысление проблемных ситуаций в терминах растительного мира, частей и функций организма, сельского хозяйства, был господствующим. Анализ метафорики Евангелий подтверждает этот вывод. Конstellляция органистических метафор вместе с М-моделью родственных отношений представлена в 302 контекстах употребления метафор, что покрывает 46 % от общего количества примеров использования метафор в Евангелиях. Хотя тезис о преимущественно органистическом типе мышления в дохристианскую и раннехристианскую эпоху не кажется особенно удивительным, в конкретном рассматриваемом типе дискурса можно было ожидать и иных результатов. Дело в том, что тексты Евангелий, кроме изложения христианских идей и их проповедования, включают значительный полемический компонент: история свидетельствует о бескомпромиссной политической борьбе между сторонниками христианства и его противниками — фарисеями и книжниками. Борьба с ними, разумеется, отражалась и в языковой форме дискурса: на уровне пропозиций он весьма конфликтен (ср. характерный пример: *Горе вам, фарисеям, что любите предания в синагогах и приветствия в народных собраниях. Горе вам,*

*книжники и фарисеи, лицемеры, что вы — как гробы скрытые, над которыми люди ходят и не знают того.* [Лук. 11: 43, 44]). Однако при этом метафоры, относящиеся к конstellляции метафор конфликта и типичные для современного политического дискурса, представлены в минимальной степени<sup>4</sup>. В выборке обнаружено всего 5 вхождений М-модели война, М-модели спорт и игра отсутствуют вовсе. Идеи конфликтности выражаются другими метафорическими моделями — см. ниже.

В отличие от текстов Евангелий, политический дискурс эпохи перестройки обнаруживает преобладание метафор рационального и существенный вес конstellляции метафор конфликта (в частности, М-модели войны) (см. выше часть III данной книги, а также [Баранов 2003б; Baranov, Zinken 2003]). Можно видеть в этом свидетельство смены типа мышления — от органистического к рациональному, что конечно, связано с практической деятельностью человека. Смена способа мышления вполне объяснима и с точки зрения идеи прогресса: появление в политическом дискурсе современной эпохи М-модели механизма, существенно усиливающей конstellляцию метафор рационального, опять-таки отражает появление новых сфер опыта — взаимодействия человека с миром машин [Mumford 1967].

Одновременно преобладание в текстах Евангелий органистических метафор свидетельствует о том, что основные категории христианского вероучения («христианское учение», «Иисус Христос», «Бог», «вера» и др.) осмысляются и представляются верующим и потенциальным верующим как естественная, органическая часть жизни человека.

### **19.6. Основные смыслы, высвечиваемые метафорами Евангелий**

Рассмотрим теперь основные метафорические модели, представленные в табл. 1, с точки зрения тех смыслов, которые они профилируют.

---

<sup>4</sup> Некоторую аналогию к полученному результату можно увидеть в ранних работах И. Сталина, написанных до революции 1917 г. В них тоже органистические метафоры занимают одно из первых мест. Вполне вероятно, что отчасти причина этого заключается в хорошем знакомстве Сталина с библейскими текстами и прежде всего с текстами Евангелий.



## 19.6.1. Метафора РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА

Первое место по частоте занимает М-модель РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА (96 контекстов), часто профилирующая идеи естественности, органичности событий и явлений, а также идею результата. Эти смыслы коммуникативно высвечиваются данной М-моделью и в исследованном дискурсе, ср. метафору ХРИСТИАНСКАЯ ВЕРА — ЭТО ПЛОД:

И учил их притчами много, и в учении Своим говорил им: слушайте: вот, вышел сеятель сеять; и, когда сеял, случилось, что иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то. Иное упало на каменистое место, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока; <...> И иное упало на добрую землю и дало **плод**, который взошел и вырос, и принесло иное тридцать, иное шестьдесят, и иное сто. <...> [Мар. 4: 3—9];

Вот что значит притча сия: **семя** есть слово Божие; ... а упавшее на добрую землю (семя), это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят **плод** в терпении. Сказав это, Он возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит! [Лук. 8: 11—15]

В последнем примере метафора плода концептуально развивается, образуя единый «совместимый» (по Дж. Лакоффу — [Лакофф, Джонсон 2004]) образ: вера понимается как плод, выросший из семени — *слова Божия*. Такое развитие М-модели РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА типично для Евангелий. Это позволяет рассматривать христианскую веру как результат естественных процессов, происходящих в природе. В понятийном поле рассматриваемой М-модели осмысливается и человек. Впрочем, это не дает единого образа, то есть метафоры плода и дерева «согласованы» друг с другом (относятся к одной М-модели РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА), но не обязательно «совместимы». Ср. контекст, где человек (верующий и неверующий) сравнивается с растением (в частности, с деревом), а деятельность человека, в свою очередь, осмысливается как плод:

Нет доброго дерева, которое приносило бы худой плод; и нет худого дерева, которое приносило бы плод добрый, ибо всякое **дерево** познается по **плоду** своему, потому что не собирают смокв с терновника и не снимают винограда с кустарника. [Лук. 6: 43—44]

Относительно единый образ в данном случае достижим, если считать, что вера представляет собой один из результатов деятельности

человека. Очевидно, однако, что такая интерпретация не относится к числу наиболее вероятных.

Как уже отмечалось выше, конфликтность, весьма характерная для дискурса Евангелий, кодифицируется в этих текстах неожиданными для современного читателя М-моделями — в частности М-моделью РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО. Это достигается, например, последовательным противопоставлением «полезных» (пшеница, виноград, смоква) и «бесполезных» (плевелы, терние) растений, которое, в свою очередь, переносится на противопоставление христианской веры и лжеучения, верующих в Христа и верующих в лжеучение:

Когда же люди спали, пришел враг его и посеял между *пшеницею плевелы*. [Мат. 13: 25];

Иоанн всем отвечал: я крещу вас водою, но идет Сильнейший меня, у Которого я недостойн развязать ремень обуви; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем. Лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет *пшеницу* в житницу Свою, а *солому* сожжет огнем неугасимым. [Лук. 3: 17]

В последнем примере конфликтность подчеркнута метафорой огня — типичного способа осмысления наказания, ада, Страшного суда.

### 19.6.2. Метафора сельского хозяйства

М-модель РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА парадигматически связана с М-моделью сельского хозяйства, которая занимает второе место по частотности (65 употреблений). Действительно, часть сигнификативных дескрипторов данной М-модели совпадает с сигнификативными дескрипторами М-модели РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА (и фауны). Тем не менее М-модель сельского хозяйства, в отличие от модели РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА, используется и для профилирования смыслов, характерных для рациональных метафор. Это объясняется тем, что она допускает идею рационального поведения: осознанное использование человеком природных ресурсов. Использование М-модели сельского хозяйства позволяет фокусировать внимание на людях, принимающих участие в сельскохозяйственном производстве. Тем самым появляется возможность описывать с помощью метафор участников проповедческой деятельности. В денотативных дескрипторах этой М-модели появляются такие понятия, как «проповедь», «проповедник», «верующие», «апостолы», «ученики Иисуса» и «страшный суд».

В общем случае с помощью М-модели сельского хозяйства осмысливается процесс проповедования христианской веры и ее принятие. Контексты использования обсуждаемой М-модели можно условно разделить на две группы. В первой используются метафоры растениеводства, во второй — животноводства. Очевидно, что набор дескрипторов каждой из моделей различен, но, тем не менее, они профилируют сходные смыслы.

Так, в рамках М-модели животноводства верующие описаны с помощью сигнификативного дескриптора «стадо», «агнцы»:

Не бойся, *малое стадо!* ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство. Продавайте имения ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе влагалища не ветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает, ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет. [Лук. 12: 32—34];

Когда же они обедали, Иисус говорит Симону Петру: Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они? Петр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси *агнцев* Моих. [Иоан. 21: 15]

В подобных контекстах профилируется идея несамостоятельности и незащищенности верующих, руководимых и направляемых пастухом (пастырем) — Иисусом Христом или иным проповедником. В метафоре животноводства проповедь осмысливается как деятельность пастуха:

Есть у Меня и другие *овцы*, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет *одно стадо* и *один Пастырь*. [Иоан. 10: 16];

Когда же они обедали, Иисус говорит Симону Петру: Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они? Петр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: *паси* агнцев Моих. [Иоан. 21: 15]

Стоит отметить, что интерпретация общества как стада, которое обязательно должно управляться пастухом, является очень частотной и в политическом дискурсе эпохи перестройки, более того получает статус дискурсивной практики. Приведенные примеры иллюстрируют идею пассивности верующих и, в противоположность этому, активности проповедников, наличие у них власти.

Аналогичные метафорические следствия профилируются М-моделью РАСТЕНИЕВОДСТВО. Так, в некоторых притчах верующие описаны как «земля», Иисус, проповедник — как «делатель» или «сеятель», идеи христианства — как «семя»:

И поучал их много притчами, говоря: вот, вышел *сеятель* сеять; и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где не много бывало земли, и скоро взошло, потому что *земля* была неглубока; когда же взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло, иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на *добрую землю* и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать. [Мат. 13: 3—8];

Другую притчу приложил он им, говоря: Царство Небесное подобно *человеку, посеявшему* доброе *семя* на поле своем. [Мат. 13: 24]

Метафора жатвы, относящаяся к М-модели РАСТЕНИЕВОДСТВО последовательно используется для осмысления Страшного суда<sup>5</sup>:

После сего избрал Господь и других семьдесят учеников, и послал их по два пред лицом Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти, и сказал им: *жатвы* много, а делателей мало; итак, молитесь Господина *жатвы*, чтобы выслал делателей *на жатву* Свою. Идите! Я посылаю вас, как агнцев среди волков. [Лук. 10: 1—3]

Феномен Страшного суда по-разному понимается в богословской литературе. Общим можно считать идею неизбежности Страшного суда для каждого человека, абсолютности принятого решения и его необратимости, идею подведения итогов и оценки результатов жизни человека, невозможности скрыть что-то от судии и избежать возмездия<sup>6</sup>. Метафора жатвы позволяет коммуникативно высветить семанти-

<sup>5</sup> Метафора жатвы широко используется в современной англоязычной литературе как воплощение страшных событий — см. известные романы мастера «хоррора» С. Кинга.

<sup>6</sup> Ср. характерную цитату: «христианское учение о Страшном суде, ожидающем всякого человека после смерти, основано на том, что все совершенные человеком добрые и злые дела оставляют след в душе и за все предстоит дать ответ перед тем Абсолютным Добром, рядом с которым никакое зло и никакой грех существовать не могут. Всякое зло, в котором человек со всей искренностью не покаялся на исповеди, всякий утаенный грех, всякая нечистота души — все это будет выявлено на Страшном суде: “Нет ничего тайного, что не сделалось бы

ку результата, необратимости и неизбежности осмысляемого феномена. Страшный суд так же неминуем, как сбор урожая, его приговор так же необратим, как собранные плоды, которые невозможно вернуть на деревья. Страшного суда не избежит никто — подобно тому, как трудолюбивый китайский крестьянин обязательно соберет с поля весь рис.

Резюмируя, можно сказать, что на языке метафоры сельского хозяйства обращение в христианскую религию осмысляется как естественный и в ряде случаев неизбежный процесс.

### 19.6.3. Метафора родственных отношений

М-модель родственных отношений близка по частоте употребления метафоре сельского хозяйства — 65 контекстов. В рамках данной М-модели участники осмысляемой ситуации описываются как члены семьи. Анализ контекстов употребления этой метафоры осложнен тем, что осмысление соответствия Бог — это Отец верующих как метафоры зависит от принадлежности читателя к числу верующих (той или иной конфессии) или неверующих. Как уже отмечалось выше, выбранный здесь подход к анализу текста Евангелий по большей части лежит за пределами религиозного сознания и отражает взгляд на библейский текст как на литературный памятник (ср. аналогичную методологию, выбранную Х. Олкером и его коллегами в [Alker et al. 1985]). Тем самым, концептуальные проекции Бог — это Отец верующих, Верующие / люди — дети Бога интерпретируются в данном исследовании как метафоры. В противоположность этому, примеры, в которых связь между Богом и Иисусом Христом передается через семантику родственных отношений, к числу метафорических не относились.

Самые частотные метафорические проекции в М-модели родственных отношений — это интерпретация Бога как отца верующих, верующих — как детей Бога и, тем самым, верующих по отношению друг к другу как братьев и сестер:

Пошлет Сын человеческий Ангелов Своих, и соберут из царства Его все соблазны и делающих беззаконие и ввергнут их в печь огненную; там будет плачь и скрежет зубов. Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве *Отца* их. [Мат. 13: 41—43];

---

явным; и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу”, — говорит Христос (Мр. 4: 22)» [Владимиров 1998].

А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос, все же вы — **братья**; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас **Отец**, Который на небесах [Мат. 23: 8, 9];

**Дети!** недолго уже быть Мне с вами. Будете искать Меня, и, как сказал Я Иудеям, что, куда Я иду, вы не можете придти, так и вам говорю теперь. [Иоан. 13: 33]

Номинация *Сын Человеческий* по отношению к Иисусу Христу не является метафорической в точном смысле, однако очевидно, что ее частое повторение и явная устойчивость неслучайны: этой номинацией коммуникативно высвечивается идея человеческой природы Христа (двуприродность). Похожие смыслы профилируются и метафорами М-модели родственных отношений, поскольку осмысление верующих как единой семьи, а Бога — как отца, позволяет не только объединить христианскую общину, но и относительно приблизить Бога к людям. С этим же связана и идея страдания Иисуса за людей и искупления их грехов. Последнее же, как убедительно показано Х. Олкером и его коллегами, составляет суть сюжетной свертки, воспроизводящейся во многих мифах европейской культурной традиции, основанной на классической средиземноморской цивилизации [Alker et al. 1985; Олкер 1987].

Одновременно модель родственных отношений позволяет коммуникативно высвечивать другие важные смыслы. Например, при использовании метафорической проекции Бог — это Отец верующих обращает внимание на идею авторитета (*и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах* [Мат. 23: 9]), власти Бога и подчинения его воле (*Да будете сыновьями Отца вашего Небесного; ибо он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* [Мат. 5: 45]), всезнания Бога (*ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у него — Мат. 6: 8*), патернализма (*Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их* [Мат. 6: 26]).

Как уже отмечалось выше, семантика конфликта в современной речевой практике чаще всего коммуникативно высвечивается метафорами войны, спорта и игры. Это особенно типично для политического дискурса (см. подробнее выше главу 11). В евангельских текстах для этого может использоваться и метафора родственных отношений. В этом случае родственники в обычном понимании противопоставля-

ются соратникам по вере, которые и интерпретируются как настоящие отец, мать, брат, сестра и пр.:

Около Него сидел народ. И сказали Ему: вот, *Матерь Твоя* и *братья Твои* и *сестры Твои*, вне дома, спрашивают Тебя. И отвечал им: кто *матерь Моя* и *братья Мои*? И обзрев сидящих вокруг Себя, говорит: вот *матерь Моя* и *братья Мои*; ибо кто будет исполнять волю Божию, тот Мне *брат*, и *сестра*, и *матерь*. [Мар. 3: 32—35]

Метафора родственных отношений позволяет также представить христианскую веру и общину верующих как неотъемлемую часть жизни человека — столь же важную, как и семья.

Несмотря на кажущуюся внутреннюю совместимость метафор, входящих в модель родственных отношений, единый образ при их использовании достигается далеко не всегда. Так, осмысление Бога как отца верующих не связано, например, с интерпретацией принятия христианства с помощью метафорической модели брака: Иисус Христос — это жених, а Христианская вера — это невеста:

Царство Небесное подобно человеку царю, который сделал *брачный пир* для сына своего и послал рабов своих звать званых на брачный пир; и не хотели придти. [Мат. 22: 2—3];

Вы сами мне свидетели в том, что я сказал: не я Христос, но я послан пред Ним. Имеющий *невесту* есть *жених*, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась. [Иоан. 3: 28—29]

#### 19.6.4. Метафора ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА

Четвертое место по абсолютной частоте употребления занимает метафорическая модель ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА (56 контекстов). Как и в современном дискурсе публичной политики и языке науки, эта метафора используется для осмысления абстрактных феноменов как конкретных. Это главное общее свойство данной метафоры. Остальные свойства сильно варьируют и определяются типом выбранного объекта/предмета. В качестве дескрипторов рассматриваемой М-модели могут выступать названия любых материальных объектов. В дискурсе Евангелий в терминах предметов и объектов описаны такие феномены, как христианское учение, вера, Новый и Ветхий Завет, власть, небо и др. Отличительной особенностью контекстов модели ОБЪЕК-

ТА-ПРЕДМЕТА в изучаемой проблемной области является то, что в них практически отсутствует идея манипулирования сущностью, которую она описывает, при том, что эта идея является центральной в контекстах употребления данной М-модели в политическом дискурсе. Так, в политической метафоре *скупка депутатов* депутаты осмысляются как объект купли-продажи и, соответственно, попадают одновременно и в М-модель торговли, и в М-модель ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ. Тем самым коммуникативно высвечивается идея манипулирования депутатами как товаром. Семантика манипулирования является одной из центральных идей текстов СМИ при обсуждении темы «Взаимоотношения бизнеса и власти» [Баранов и др. 2004].

В дискурсе Евангелий в рамках М-модели ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА профилируются некоторые другие свойства. Одним из наиболее частотных соответствий являются проекции ВЕРА — это СВЕТИЛЬНИК и ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ — это СВЕЧА:

Если же тело твое все светло и не имеет ни одной темной части, то будет светло все так, как бы *светильник* освещал тебя сиянием. [Лук. 11: 36];

И зажегши *свечу*, не ставят ее под сосудом, а на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного. [Мат. 5: 15—16]

В этом сравнении обращается внимание на идею знания: освещая то, что ранее не было видно, человек получает знание об этом. Аналогично христианская вера оказывается тем, что позволяет человеку получить знание, объяснить непонятное.

В ряде контекстов христианская вера описывается как ДРАГОЦЕННЫЙ ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ, что позволяет обратить на нее особое внимание и относиться к ней бережно, рассматривая ее как большую ценность:

Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство. Продавайте имения ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе влагалища не ветшающие, *сокровище* неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает, ибо где *сокровище* ваше, там и сердце ваше будет. [Лук. 12: 32—34]

Другой смысл, высвечивающийся в евангельских контекстах с помощью М-модели ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ, это семантика истинности, постоянства христианского учения и, соответственно, веры:



И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; но он не упал, потому что *основан был на камне*. [Мат. 7: 25];

Он подобен человеку, строящему дом, который копал, углубился и положил основание на камне; почему, когда случилось наводнение и вода наперла на этот дом, то не могла поколебать его, потому что он *основан был на камне*. [Лук. 6: 48]

Еще одно свойство, которое профилируется данной М-моделью, — идея воздействия и рационального поведения. Смыслы такого типа передаются метафорами, принадлежащими семантическому полю инструментов. В исследованных контекстах христианское учение осмысляется как лопата, плуг, невод. Очевидно, что в качестве объекта действия этих инструментов выступают люди — верующие и неверующие. В этом смысле идея манипулирования, характерная для современного политического дискурса, обнаруживается и в тексте Евангелий:

Еще подобно Царство Небесное *неводу*, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и севши хорошее забрали в сосуды, а худое выбросили вон. [Мат. 13: 47—48]

С помощью метафоры инструмента (как части М-модели ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ) осмысляется и Страшный суд — это серп, секира или сеть. Опять-таки в качестве объекта действия этих инструментов оказываются люди:

И сказал: Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, встает ночью и днем; как семя всходит и растет, не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе. Когда же созреет плод, немедленно посылает *серп*, потому что настала жатва. [Мар. 4: 26—29]

#### 19.6.5. Метафора пищи

Метафорическая модель пищи, которая следует за М-моделью ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ, чаще всего профилирует идею ресурса. Самый частотный дескриптор в рамках рассматриваемой М-модели — это «хлеб». Хлеб традиционно является одной из главных составляющих трапезы, а поэтому его использование для метафорического осмысления тех или иных феноменов исследуемого дискурса вполне объяснимо.

Самое частотное соответствие обнаруживается в контекстах типа ИИСУС ХРИСТОС — ЭТО ХЛЕБ или ХРИСТИАНСКАЯ ВЕРА — ЭТО ХЛЕБ (и, шире, ХРИСТИАНСКАЯ ВЕРА — ЭТО ПИЩА):

Я *хлеб* живой, спешший с небес; ядуший *хлеб* сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира. [Иоан. 6: 51];

*Сей*-то есть *хлеб*, спешший с небес. Не так, как отцы ваши ели манну и умерли: ядуший *хлеб* сей жить будет вовек. [Иоан. 6: 58]

Дополнительно метафора хлеба коммуникативно высвечивает идею необходимости веры: человек должен есть, чтобы жить, и аналогично в этой интерпретации духовная жизнь невозможна без веры в Иисуса Христа. В более явной форме семантика необходимости профилируется метафорами жажды и насыщения:

В последний же великий день праздника стоял Иисус и возгласил, говоря: кто *жаждет*, иди ко Мне и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой. [Иоан. 7: 37—38];

Блаженны алчущие и *жаждущие* правды, ибо они *насытятся*. [Мат. 5: 6]

Метафора пищи, будучи довольно универсальной, демонстрирует в евангельских текстах весьма неожиданные соответствия. Так, смерть может осмысляться как пища. По-видимому, в этом случае профилируется семантика естественности смерти — смерть как естественный конец существования:

Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не *вкусят смерти*, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем. [Мат. 16: 28]

При более простом осмыслении в приведенном стихе коммуникативно выделяется идея контакта: НАСТУПЛЕНИЕ СМЕРТИ — ЭТО УПОТРЕБЛЕНИЕ ПИЩИ.

Довольно трудными для интерпретации оказываются контексты, связанные с причастием. В богословской литературе они рассматриваются не столько как метафоры, сколько как символы со сложной семантикой, определяемой принципами интерпретации библейского текста, принятыми в конкретной конфессии. В самом общем смысле можно говорить, что контексты типа: *Ибо Плоть Моя истинно есть*

*пища*, и *Кровь Моя истинно есть питание* [Иоан. 6: 55]; *И, взяв чашу, благодарив, подал им: и пили из нее все. И сказал им: сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая* [Иоан. 14: 22] представляют собой реализации метафоры пищи, профилирующие довольно неожиданные для этой М-модели смыслы — сокровенности и близости.

#### 19.6.6. Метафора феодальных отношений

Метафоры, входящие в метафорическую модель феодальных отношений, будучи довольно частотными (шестое место по абсолютной частоте), оказываются не только согласованными, но и совместимыми, довольно часто порождая единые образы. Основные профилируемые идеи — власть и подчинение. Роли между участниками описываемых ситуаций четко определены: Иисус Христос — это царь, Верующие — это слуги; Бог — это господин, Верующие — это рабы:

А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город *великого царя*. [Мат. 5: 34];

Никакой *слуга* не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и маммоне [Иоан. 16: 13];

*Раб* же тот, который знал волю *господина* своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много; а который не знал, и сделал достойное наказания, бит будет меньше. [Лук. 12: 47, 48]

В терминах этой модели довольно часто интерпретируется и дьявол, при этом также коммуникативно высвечивается идея власти и подавления:

Фарисеи же, услышавши сие, сказали: Он изгоняет бесов не иначе, как силою веельзевула, *князя бесовского*. [Мат. 12: 24]

#### 19.6.7. Метафора фауны

В рамках метафорической модели фауны основные концепты проблемной области описываются в терминах животного мира. Многие следствия, которые профилируются данной М-моделью, сходны с теми, которые были обнаружены при анализе М-модели сельское хозяйство и частично родственные отношения. Метафора фауны позволяет коммуникативно высвечивать смыслы пассивности, необходи-

мости защиты, покровительства и опеки — то есть идеи патернализма. В этом случае Иисусу Христу отводится роль активного деятеля (пастыря или в М-модели фауны — птицы, собирающей птенцов), который принимает решения и берет на себя ответственность за своих подопечных, а верующие выступают в роли пассивного субъекта. К наиболее частотным метафорическим проекциям такого типа относятся соответствия Верующие — это овцы, Верующие — это стадо и Верующие — это птенцы:

Говорит ему в третий раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Петр опечалился, что в третий раз спросил его: любишь ли Меня? и сказал Ему: Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси *овец* Моих. [Иоан. 21: 16];

Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно *стадо* и один Пастырь. [Иоан. 10: 16];

Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как *птица* собирает *птенцов* своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст. [Мат. 23: 37—38]

В исследуемом дискурсе Евангелий метафорические модели сельского хозяйства и фауны образуют констелляцию метафор в сильном смысле, поскольку имеют не только очевидную близость в следствиях, которые они профилируют, но и тесные парадигматические связи — сходство в наборе сигнификативных дескрипторов (см. выше главу 1; см. также [Баранов 2004а]). Действительно, эти модели профилируют идею несамостоятельности, пассивности верующих, а такие дескрипторы, как «стадо», «овцы» входят в совокупность сигнификативных дескрипторов каждой из данных М-моделей.

Существует и другой тип констелляций — констелляция метафор в слабом смысле. Метафоры, входящие в констелляцию М-моделей в слабом смысле, не обязательно характеризуются тесными парадигматическими связями, то есть наборы их сигнификативных дескрипторов могут сильно различаться. В исследованном материале констелляцию в слабом смысле образуют М-модели сельского хозяйства, родственные отношения и фауна.

М-модель фауны используется для высвечивания еще одного важного следствия: отступники от христианской веры (верующие в лжеучение), язычники и грешники описываются как животные, которым

в литературной и фольклорной традиции приписываются отрицательные характеристики, а именно, свинья, змий, пес и ехидна:

Не давайте святыни *псам* и не бросайте жемчуга перед *свиньями*, чтобы они не попирали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас. [Мат. 7: 8];

*Змии*, порождения *ехиднины!* как убежите вы от осуждения в геенну? Посему, вот, Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город. [Мат. 7: 8]

Стоит отметить, что в современном русском языке эти слова, употребленные в переносном значении, имеют в лексическом значении семы отрицательной оценки: *ехидна* = 'злой, язвительный, коварный человек', *пригреть змею на шее* = 'употребляется по отношению к тому, кто был обласкан, а впоследствии оказался врагом' [Ожегов, Шведова 1984]. Приведенный пример интересен еще и тем, что для профилирования идеи конфликтности здесь используются, в принципе, слабоконфликтные метафорические модели (в данном случае — фауна).

#### 19.6.8. Метафора строительства

Метафорическая модель строительство, занимая восьмое место по частоте, принадлежит к классу рациональных метафор. В общем случае она профилирует разнообразные метафорические следствия. В текстах Евангелий это разнообразие сведено к нескольким основным идеям. Во-первых, сигнификативные дескрипторы «дом», «строение», употребленные по отношению к христианской вере или христианскому учению, профилируют такие следствия, как защита, безопасность, прочность и создание / созидание:

Он подобен человеку, *строющему дом*, который копал, углубился и положил *основание на камне*; почему, когда случилось наводнение и вода наперла на этот *дом*, то не могла поколебать его, потому что он *основан был на камне*. [Лук. 6: 48—49]

В приведенном примере метафора строить дом профилирует семантику создания/созидания, метафора основать на камне — семантику прочности; в целом данный фрагмент коммуникативно высвечивает идею защиты и безопасности (*случилось наводнение и вода наперла на этот дом, то не могла поколебать его*).

Та же М-модель, использованная по отношению к лжеучениям, профилирует ровно противоположную идею — ненадежности, незащищенности, опасности:

А всякий, кто слушает сии слова мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который *построил дом свой на песке*. [Мат. 7: 26]

Смысл 'прочности, долговечности' передается в данном случае М-моделью камня, а противоположная семантика — метафорой песка.

Разнообразие М-модели строительства по сигнификативным дескрипторам относительно невелико. Некоторые из них используются довольно редко, однако оказываются существенными для содержания Евангелий и широко обсуждаются в богословской литературе. К метафорам такого рода относится, в частности, метафора двери (всего три вхождения):

Истинно, истинно говорю вам: кто не *дверью* входит во двор овчий, но перелазит инуде, тот вор и разбойник; а *входящий дверью* есть пастырь овцам. Ему *придверник* отворяет, и овцы слушаются голоса его, и он зовет своих овец по имени и выводит их. [Иоан. 10: 1—5]

Выявление денотативных дескрипторов («то, что описывает метафора») для таких контекстов затруднено. В имеющейся богословской литературе интерпретация метафоры двери неоднозначна — это и Христос, и Писания, и таинства христианской веры. С другой стороны, *входящий дверью* — правильный проповедник, истинный пастырь, *придверник* — учитель веры, Моисей, Дух Святой; по другим интерпретациям — Господь Бог. В ряде истолкований Христос отождествляется и с *дверью*, в которую входит пастырь, и с самим пастырем. Понятно, что такое разнообразие интерпретаций связано с реальной многозначностью контекста использования метафор. См. одно из основополагающих толкований 10-й главы Евангелия от Иоанна, принадлежащее Феофилакту Болгарскому:

Сначала Он излагает отличительные свойства губителя. Он, говорит, не входит *дверью*, то есть Писаниями, ибо он не свидетельствуется ни Писаниями, ни пророками. Писания поистине суть дверь <...>

Под *придверником* разумей, пожалуй, и Моисея, ибо ему вверены были слова Божии. Моисей отворил дверь Господу, без сомнения, тем, что говорил о Нем <...>

Или придверник есть Дух Святой. Так как Писания, понимаемые при озарении от Духа Святаго, указывают нам Христа, то справедливо — Дух Снятый придверник.

Итак, Писания суть дверь. Через эту дверь Господь выводит овец на пастбище. Какое же пастбище? Будущее наслаждение и успокоение, в которое Господь вводит нас. Если в иных местах Он и Самого Себя называет дверью, сему не нужно удивиться. Ибо, когда Он хочет избразить Свое попечение о нас, Он называет Самого Себя пастырем, а когда хочет показать, что Он приводит к Отцу, тогда называет Самого Себя дверью, подобно тому, как Он же в разных смыслах есть и Овца, и Пастырь. Еще под дверью разумеются слова божественных Писаний; а Господь Сам есть и называется Слово; следовательно, может быть назван и Дверью. [Феофилакт Болгарский 2010б: 153]<sup>7</sup>

К числу метафор, значимых для текстов Евангелий, следует отнести метафору ворот (четыре вхождения) — узких / тесных и широких

---

<sup>7</sup> Ср. также более современные толкования данного фрагмента: «“Аминь, аминь глаголю вам: кто не *дверью входит* во двор овчий, но прелазит инде, тот вор и разбойник; а *входящий дверью* есть *пастырь* овцам” (1—2). И чуть ниже, не оставляя своих слушателей в неведении, Спаситель удостоверяет нас: “Аз есмь *дверь*” (9). Действительно, первое и главное отличие истинного пастыря от ложного “пастора”, конечно же, в том, что он сам входит дверью, то есть он, истинный пастырь, Самим Господом Иисусом Христом через преемников апостолов рукополагаем и поставляем на служение священства. Истинный пастырь входит в Церковь через церковное самосознание, через усвоение ее соборного разума. И только таковой пастырь, входящий дверью Откровения, то есть всех таинств веры, содержимых в Св. Писании и Предании, может стать поводырем для словесных овец» [Владимиров 1998]. Там же толкование метафоры придверник: «Итак, “входящий дверью есть пастырь овцам; Ему *придверник* отворяет” (2—3). Свв. отцы под этим таинственным словом “придверник” разумеют учителя веры, епископа, который несет прямую ответственность за приютительство и поставление в Церкви пастыря Божия. Согласно иному, изысканнейшему толкованию, придверник есть Господь Бог Дух Святой, животворящий Собою ум и сердце пастыря. А если Сам Христос есть дверь, и если Священное Писание содержит в себе Христа, стало быть, разумение истин веры, запечатленных в Писании по благодати Духа Святого, и есть это вхождение во двор овчий, т. е. выходение пастыря на его служение. Очевидно, что с этими словами о придвернике, отворяющем двор, сходно действие Господа, свершенное относительно апостолов после Его воскресения: “(тогда) отверз им ум разумети писания” (Евангелие от Луки, 24 (45)). Через внимательное изучение и исполнение истин Писания, чрез усвоение себе благодати Божией пастырь входит в духовное разумение пастырства. “Овцы глас его слышат, и он зовет своих овец по имени и изводит их”» [Там же].

ворот. Первые профилируют идею трудностей в постижении истинной веры, а вторые коммуникативно высвечивают идею легкости следования ложным идеалам и ценностям и опасности ложной веры:

Выходите *тесными вратами*, потому что *широки врата* и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими. [Мат. 7: 13]

#### 19.6.9. Метафора СВЕТА-ТЬМЫ

В метафорической модели СВЕТА-ТЬМЫ, близкой по частоте метафоре строительства, христианское учение и вера рассматривается как свет (*кто ходит днем, тот не спотыкается, потому что видит свет мира сего* (ВЕРА / ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ — ЭТО СВЕТ) [Иоан. 11: 9], а неверие или вера в лжеучение — как тьма (*Тогда Иисус сказал им: еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма: а ходящий во тьме не знает, куда идет* (НЕВЕРИЕ / ЛЖЕУЧЕНИЕ — ЭТО ТЬМА) [Иоан. 11: 35]. Такое противопоставление вполне логично: свет — это источник жизни на земле, начало всего нового, тьма (лжеучение) — это отсутствие света. Кроме того, в рамках метафорической модели СВЕТА-ТЬМЫ профилируется идея ‘знания / незнания’ (см. также рассмотренные выше метафоры СВЕТИЛЬНИКА и СВЕЧИ в разделе 19.6.4.):

Да сбудется реченное через пророка Исаию, который говорит: «Земля Завулонова и Земля Неффалимова, на пути приморском, за Иорданом, Галилея языческая, народ, сидящий во *тьме*, увидел *свет* великий, и сидящим в стране и тени смертной, *воссиял этот свет*». [Мат. 4: 14—16]

В приведенном стихе — как и в ряде других контекстов Евангелий — под светом понимается и Иисус Христос (Иисус Христос — ЭТО СВЕТ).

#### 19.6.10. Метафора ПРОСТРАНСТВА

В текстах Евангелий метафорическая модель ПРОСТРАНСТВО является фоновой. Это означает, что М-модель ПРОСТРАНСТВА связана с другими М-моделями прагматическими имплицативными отношениями (см. главу 1, а также [Баранов 2004а]). Например, строительство и ведение боевых действий предполагает наличие пространства. В этом смысле М-модель ПРОСТРАНСТВА является фоновой, а М-модели ВОЙНЫ и СТРОИТЕЛЬСТВА — фигурными.



В исследованном материале фигурными метафорами (на фоне М-модели ПРОСТРАНСТВА) часто выступают М-модели ВМЕСТИЛИЩА и СТРОИТЕЛЬСТВА (см. выше). В метафоре ВМЕСТИЛИЩА человек регулярно интерпретируется как СОСУД, который «вмещает» христианскую веру:

ОН же сказал им: не все **вмещают** слово сие, но кому дано. [Мат. 19: 11—12]

#### 19.6.11. Метафора пути-дороги

Метафора пути-дороги представлена в исследованных контекстах преимущественно сигнификативным дескриптором «пути», профилирующим идею способа действия, проявляющуюся в поведении человека — правильном или неправильном. Правильное поведение соответствует принципам христианства (*И они спросили Его: Учитель! мы знаем, что Ты правдиво говоришь и учишь и не смотришь на лице, но истинно пути Божью учишь.* [Лук. 20: 21]), а неправильное нарушает эти принципы: *<...> широки врата и пространен путь, ведущие в погибель.* [Мат. 7: 13]

#### 19.6.12. Метафора организма

Метафорическая модель организма в Евангелиях не относится к числу высокочастотных (пятнадцать употреблений). Однако ее потенциал в профилировании смыслов весьма значителен. В текстах Евангелий она используется прежде всего для коммуникативного высвечивания нетипичных для нее смыслов, в частности для профилирования идеи конфликта (почти половина контекстов употребления данной М-модели). Семантика конфликта возникает в результате противопоставления части организма (органа) всему организму в целом, то есть реализуется проекция типа Внутренний (когнитивный) конфликт — это ПОТЕРЯ КОНТРОЛЯ НАД ТЕЛОМ:

И если соблазняет тебя **рука** твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с **двумя руками** идти в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает. [Марк. 9: 43—44]

#### 19.6.13. Низкочастотные М-модели (война, преступный мир, персонификация)

Остальные М-модели оказались в исследованных текстах низкочастотными. Как уже было сказано выше, очень низкую частоту имеет

М-модель войны (всего пять контекстов) при явно конфликтном типе евангельского дискурса. В двух случаях данная М-модель употребляется по отношению к фарисеям (или верующим в лжеучение):

И когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем и сказал: о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда *враги твои обложат тебя окопами* и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего. [Лук. 19: 41—43]

Кроме того, метафора войны используется и по отношению к христианской вере: она может стать оружием в руках проповедника, тем самым в этих случаях профилируется семантика воздействия:

Когда сильный с *оружием* охраняет свой дом, тогда в безопасности его имение; когда же сильнейший его нападет на него и победит его, тогда возьмет все *оружие* его, на которое он надеялся, и разделит похищенное у него. [Лук. 19: 41—43]

К числу низкочастотных метафорических моделей принадлежит М-модель преступный мир (всего пять контекстов), которая профилирует идею незаконности, несоответствия принятым в обществе нормам. В рамках данной М-модели приверженцы другой, не христианской религии и отступники интерпретируются как разбойники и воры:

Итак, опять Иисус сказал им: истинно, истинно говорю вам, что Я дверь овцам. Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть *воры и разбойники*; но овцы не послушали их. [Иоан. 10: 7—8]

Довольно необычно использование метафоры вора в притче, повторяющейся в Евангелиях от Луки и от Матфея:

Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет. Но это вы знаете, что, если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет *вор*, то бодрствовал бы и не дал бы подкопать дома своего. [Мат. 24: 23]

В сознании современного человека использование слова *вор* обращает внимание на идею незаконности (ср.: *А мы — по слову Горького — страна молодая. Это тамошние Стеньки, будучи революционерами, не станут топить персидских княжон ни за что ни про что,*

даже не из ревности. А у нас что ни **вор** — то убийца. И политики тоже подобрались соответствующие. («Московский комсомолец»)). В рассматриваемом евангельском контексте, скорее, профилируется семантика неожиданности. В соответствии с когнитивной теорией метафоры [Лакофф, Джонсон 2004], это типичный случай фрагментарности метафорической проекции, не допускающей осмысления Бога как вора. Высказанная гипотеза находит подтверждение и в богословской литературе. В классическом истолковании данного фрагмента у Феофилакта Болгарского обращается внимание на неожиданность, непредсказанность смерти человека:

Господь заповедует бодрствовать и готовиться, то есть обогащаться добрыми делами, чтобы, когда придет Господь, мы могли представить Ему, что Ему угодно. Обрати внимание: Спаситель не сказал «Я не знаю, в какой час придет вор», но сказал «вы не знаете». Под вором разумеется конец и смерть каждого. Как незаметно, говорит, приходит вор, так **неожиданно** будет Мое пришествие: не будьте же беспечны, но бодрствуйте. *Если бы мы знали, когда наступит наша кончина, то мы бы только в тот день постарались угождать Богу.* А теперь, так как не знаем, то всегда бодрствуем для дел добродетели. [Феофилакт Болгарский 2010а: 88]

При этом под вором подразумевается смерть: «Под вором разумеется конец и смерть каждого» (СМЕРТЬ — ЭТО ВОР).

Существуют и иные трактовки, связанные с учением о тайном пришествии Иисуса Христа за Церковь. Согласно этому учению, в некоторый момент времени Церковь в лице истинных христиан будет сверхъестественным образом неожиданно взята Богом на небо — этот день будет днем пришествия Иисуса Христа, днем восхищения Церкви. Ср. соответствующее истолкование в [Бычков, Мицкевич 1970]:

Христос говорит нам, что восхищение Церкви будет **внезапным, неожиданным**. Прочтем Его слова в Евангелие от Матфея 24 (40—41): «Тогда будут двое на поле: один берется, а другой оставляется; две мелющие в жерновах: одна берется, а другая оставляется». Слово Божие говорит также, что пришествие Христа за Своей Церковь, в отличие от Его пришествия во славе, будет **невидимым для мира**, как сказано в 1Фес. 5, 2: «День Господень так придет, как тать ночью».

Сравнение структуры метафор Евангелий с системами метафорических моделей других близких по функции дискурсов показывает, что в текстах Евангелий метафора персонификации используется чрез-

вычайно редко (тринадцать употреблений). Сущность метафоры персонификации заключается в переносе человеческих характеристик и свойств (например, способности к говорению, способности мыслить, чувствовать и т. д.) на неживое или живое, но не обладающее интеллектом. Это свойство обсуждаемой метафорической модели широко используется в политическом дискурсе для осмысления политики как взаимодействия различных политических субъектов [Баранов, Казакевич 1991]. Анализ дискурса Евангелий показывает, что хотя он в каких-то чертах и близок текстам публичной политики (осуждение оппонентов христианского учения, активное отстаивание ценностей христианства и т. п.), по сути этот дискурс существенно отличается от политического дискурса эпохи перестройки, характеризовавшегося разрушением старой структуры политических субъектов и формированием новых субъектов. Основные темы, обсуждаемые в Евангелиях, — «христианское учение», «Иисус», «вера», «верующие», «Бог», «человек», «дьявол». Очевидно, что большая их часть не требует приписывания качеств, свойственных человеку, поскольку они обладают ими изначально («Иисус», «верующие», «Бог», «человек», «дьявол»). Приписывание человеческих качеств «вере» и «христианскому учению» не происходит в силу того, что христианское учение в этот период оказывается чем-то новым, неизвестным, требующим изучения и истолкования. Персонифицирование христианского учения не делает его более понятным верующим, наоборот, интерпретация его как ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА (ПЛУГА, СВЕЧИ, НЕВОДА) или как ПУТИ, СТРОЕНИЯ, РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА позволяет обратить внимание на существенные свойства нового учения — его эффективность, полезность, способность давать знания, формировать навыки поведения в обществе, защищать, давать результаты. В этом смысле использование метафоры персонификации в таком дискурсе оказывается ненужным или, по крайней мере, избыточным.

### 19.7. Смыслы, «кодируемые» метафорами в Евангелиях

Проведенный анализ контекстов использования метафор в Евангелиях дает возможность выделить основные смысловые области, профилируемые системой евангельских метафор в целом. В обобщенном виде результаты исследования представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Основные смыслы, профилируемые  
метафорическими моделями в дискурсе Евангелий**

<b>Метафорическая модель</b>	<b>Профилируемые смыслы</b>
РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО	органичность / естественность результат конфликт
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО	власть — подчинение / патернализм органичность / естественность результат несамостоятельность / незащищенность активность — пассивность конфликт
РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	единство / единение незыблемость семейных ценностей несамостоятельность / незащищенность авторитет — подчинение / патернализм
ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ	рациональное поведение знание ценность воздействие инструментальность
ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	власть — подчинение / подавление
ПИЩА	ресурс необходимость / неотъемлемость органичность / естественность
ФАУНА	пассивность несамостоятельность / незащищенность подчинение / патернализм конфликт
СТРОИТЕЛЬСТВО	защита / безопасность / прочность — незащищенность / опасность / ненадежность создание / созидание легкость — трудность
СВЕТ-ТЬМА	знание — незнание
ОРГАНИЗМ	Конфликт
ПУТЬ-ДОРОГА	способ действия
ПРЕСТУПНЫЙ МИР	неожиданность незаконность
ВОЙНА	конфликт воздействие

Анализ табл. 2 показывает, что профилируемые смыслы могут выражаться в евангельских текстах как одной метафорической моделью, так и несколькими. Можно предположить, что чем большим количеством разных М-моделей «кодируется» смысл, тем более он значим для исследуемого дискурса. Действительно, согласно когнитивной теории, использование той или иной метафоры влияет на процесс принятия решений. Последний включает следующие основные этапы: 1) осознание проблемной ситуации; 2) выявление альтернатив разрешения проблемной ситуации; 3) оценка альтернатив; 4) выбор альтернативы (собственно принятие решения). Метафора так или иначе может влиять на любой из этапов принятия решений, но она особенно важна при формировании множества альтернатив разрешения проблемной ситуации. Несколько огрубляя, можно сказать, что человек видит только те альтернативы, которые совместимы с данной метафорой и которые она высвечивает в ситуации коммуникативного взаимодействия. Известно, например, что на разрешение Карибского кризиса существенное влияние оказала метафора карантин, позволившая сформулировать последовательность действий, снизивших до минимума опасность начала военных действий, и одновременно продемонстрировать серьезность намерений американской стороны: частичная блокада Кубы, предусматривавшая досмотр судов, шедших на Кубу, запрет на ввоз военного оборудования и оружия и т. д.

Понятно, что количество метафор, используемых для осмысления некоторого концепта, указывает на его важность для данного дискурса: большое количество метафор говорит о том, что предпринимаются серьезные усилия найти решение проблемы, связанной с данным концептом. В этом смысле идея конфликта, профилируемая М-моделями война, организм, растение-дерево, сельское хозяйство и фауна, оказывается более важной для евангельского дискурса, чем, например, идея ресурса, коммуникативно высвечиваемая метафорой пищи, или идея легкости / трудности, профилируемая метафорой строительства. Этот параметр оценки смыслов, профилируемых метафорами, можно назвать **системным разнообразием**. Он определяется количеством метафорических моделей (в принятом здесь понимании), используемых для профилирования соответствующего смысла. Если объединить близкие по семантике группы профилируемых смыслов, то из табл. 2 выводится следующая иерархия концептов, организованных по убыванию значения параметра системного разнообразия:

- авторитет / власть / воздействие — подчинение / патернализм / подавление (М-модели родственные отношения, сельское хозяйство, феодалные отношения, война, объект-предмет, фауна — 6);
- конфликт (М-модели организм, растение-дерево, сельское хозяйство и фауна — 5);
- несамостоятельность / незащищенность (М-модели родственные отношения, сельское хозяйство и фауна — 3);
- органичность / естественность (М-модели растение-дерево, сельское хозяйство и пища — 3);
- активность / пассивность (М-модели сельское хозяйство, фауна — 2);
- знание / незнание (М-модели свет-тьма, объект-предмет — 2);
- результат (М-модели растение-дерево, сельское хозяйство — 2).

Остальные концепты имеют низкую степень системного разнообразия и «кодируются» только какой-то одной М-моделью.

Полученные результаты не противоречат интуиции читателя, знакомого с текстами Евангелий. Действительно, миссионерская направленность Евангелий очевидна, и она проявляется в необходимости утверждения новых авторитетов, в распределении обязанностей верующих и проповедников нового учения, в формировании подобия властных отношений — пусть не государственных, а духовных, моральных и этических. Отсюда высокая степень системного разнообразия соответствующих смыслов («авторитет/власть/воздействие — подчинение / патернализм / подавление»). К первой группе смыслов непосредственно примыкают и концепты «несамостоятельность/незащищенность» и «активность — пассивность». Все вместе они формируют смысловое поле, имеющее чрезвычайно высокое значение параметра системного разнообразия — 11.

С другой стороны, становление нового религиозного учения происходит в конфликте с адептами других религиозных верований (с фарисеями, книжниками, саддукеями, язычниками и т. д.). Отсюда и довольно высокая степень системного разнообразия концепта «конфликт» — 5.

Оставшиеся смыслы, профилируемые метафорами, — «органичность/естественность» (3), «результат» (2), «знание — незнание» (2) — формируют смысловое поле, связанное по большей части с демонстрацией преимуществ христианства пред другими верованиями.

## 19.8. Количественные характеристики метафорических моделей текстов Евангелий

Дескрипторная теория метафоры оказывается удобным инструментом для количественной оценки функционирования метафорических моделей и метафорических проекций в дискурсе, а также для выявления когнитивно «нагруженных», важных для коммуникации понятий проблемной области изучаемого дискурса. Речь идет о том, что инвентаризация метафор дискурса с помощью метаязыка сигнификативных и денотативных дескрипторов дает возможность установить, какие метафорические проекции частотны в дискурсе, какие концепты, понятия чаще всего осмысляются с помощью метафор и тем самым являются центральными и в ряде случаев конфликтными.

В дескрипторной теории к количественным характеристикам метафорики дискурса относятся категории денотативного разнообразия метафорической модели, сигнификативного разнообразия проблемной области, денотативная стабильность метафорической модели и сигнификативная стабильность проблемной области (см. выше главу 1, а также [Баранов 2003б; Баранов и др. 2004]).

**Параметр денотативного разнообразия метафорической модели.** Параметр денотативного разнообразия показывает, насколько широко используются дескрипторы данной М-модели для описания различных реалий, относящихся к исследуемой проблемной области, то есть каким потенциалом обладает метафорическая модель в осмыслении сущностей проблемной области.

Денотативное разнообразие можно определять количественно, выявляя, сколько приходится в среднем на один сигнификативный дескриптор уникальных денотативных дескрипторов во множестве реализаций данной М-модели в дискурсе. Параметр денотативного разнообразия подсчитывается по следующей формуле:

$D\text{-variety} = D_n / S_n$ , где  $D_n$  — количество уникальных денотативных дескрипторов, которые описываются данной метафорической моделью,  $S_n$  — количество уникальных сигнификативных дескрипторов М-модели.

Результаты подсчета параметра денотативного разнообразия для метафор Евангелий представлены в табл. 3:



Таблица 3

## Денотативное разнообразие основных М-моделей Евангелий

М-модель	Количество денотативных дескрипторов (D <sub>n</sub> )	Количество сигнификативных дескрипторов (S <sub>n</sub> )	Значение параметра D-variety
СТРОИТЕЛЬСТВО	17	11	1,5455
ПИЩА	20	13	1,5385
ФАУНА	20	13	1,5385
ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	12	8	1,5000
ПЕРСОНИФИКАЦИЯ	12	9	1,3333
ПРОСТРАНСТВО	17	13	1,3077
ОРГАНИЗМ	13	11	1,1818
ЖИДКОСТЬ	7	6	1,1667
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО	23	22	1,0455
РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	8	8	1,0000
ВМЕСТИЛИЩЕ	7	7	1,0000
ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ	24	25	0,9600
РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО	18	20	0,9

Табл. 3 показывает, что денотативное разнообразие М-моделей не коррелирует с частотой их употребления. Самая частотная в дискурсе Евангелий М-модель РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО оказывается одной из наименее денотативно разнообразных. Это объясняется тем, что данная модель, будучи очень употребительной, имеет богатый набор сигнификативных дескрипторов, описывающих соответствующую понятийную область: «ветви», «плод», «виноград», «лоза», «виноградник», «горчичное зерно», «дерево», «зелень», «пшеница», «злаки» и т. д. Тем самым на один уникальный сигнификативный дескриптор приходится меньше уникальных денотативных дескрипторов.

Наибольшее значение обсуждаемого параметра обнаруживается у М-модели СТРОИТЕЛЬСТВО. Это связано с тем, что, как показывает анализ контекстов употребления, примеры использования этой М-модели очень многозначны и допускают множественные интерпретации. Ср., например, в этой связи рассмотренную выше дискуссию о понимании метафоры ДВЕРИ и ПРИДВЕРНИКА в контекстах типа <...> *кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инуде, тот вор и разбойник;*

*а входящий дверью есть пастырь овцам. Ему придверник отворяет, и овцы слушаются голоса его <...>* [Иоан. 10: 1—5].

М-модель пищи тоже показывает высокое значение параметра денотативного разнообразия. Видимо, это объясняется тем, что, как и в предшествующем случае, опыт принятия пищи относится к числу базовых в жизни человека. Тем самым многие важные концепты веры осмысляются в терминах пищи — как наиболее ясного и близкого человеку опыта взаимодействия с окружающим миром. Ср. метафорическую «многозначность» метафоры хлеба в Евангелиях: *Я есмь хлеб, сшедший с небес.* [Иоан. 6: 41] — Иисус Христос — это хлеб; *<..> кто верный и благоразумный домоправитель, которого господин поставил над слугами своими раздавать им в свое время меру хлеба?* [Лк. 12: 42] — Христианское учение — это хлеб; *<...> нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам* [Мар. 7: 27] — Вера — это хлеб. По тем же причинам высокие значения рассматриваемого параметра обнаруживаются у М-моделей фауна, феодалские отношения.

**Параметр сигнификативного разнообразия проблемной области.** Как было показано выше (см. главу 1), для подсчета параметра денотативного разнообразия за основу берется метафорическая модель. Если выбрать обратный путь исследования — не от метафорической модели, а от тех явлений действительности или понятий, которые она описывает, — можно ввести количественный параметр, характеризующий проблемную область — сигнификативное разнообразие проблемной области. Данный параметр показывает, насколько метафорически разнообразно представлено понятие в дискурсе и, тем самым, насколько оно центрально для данного дискурса, важно для его участников.

Количественно параметр сигнификативного разнообразия определяется как отношение числа уникальных сигнификативных дескрипторов, которые используются для описания проблемной области ( $S_n$ ), к числу уникальных денотативных дескрипторов ( $D_n$ ) — множеству осмыслений данного фрагмента проблемной области в дискурсе и вычисляется по следующей формуле:

$$S\text{-variety} = S_n / D_n.$$

Анализ собранной базы данных по метафорике Евангелий показывает, что важнейшими понятиями проблемной области, осмысляемыми с помощью метафор, оказываются концепты: вера, Бог, хри-

стианское учение, верующие, Иисус, человек. Значения параметра сигнификативного разнообразия для каждой из упомянутых реалий представлены в табл. 4:

Таблица 4

**Сигнификативное разнообразие  
важнейших понятий дискурса Евангелий (i)**

Концепт	Количество уникальных сигнификативных дескрипторов ( $S_n$ )	Количество уникальных денотативных дескрипторов ( $D_n$ )	Значение параметра S-variety
вера	26	2	13,0000
Бог	12	1	12,0000
христианское учение	34	4	8,5
верующие	25	3	8,3333
Иисус Христос	27	7	3,8571
человек	26	8	3,2500

Очевидно, что концепты, отраженные в табл. 4, различаются по степени семантической близости друг к другу. Естественно объединить близкие понятийные категории: «вера» и «христианское учение», «человек» и «верующие», «Бог» и «Иисус». В этом случае мы получаем несколько другую иерархию по параметру сигнификативного разнообразия:

Таблица 5

**Сигнификативное разнообразие  
важнейших понятий дискурса Евангелий (ii)**

Концепт	Количество уникальных сигнификативных дескрипторов ( $S_n$ )	Количество уникальных денотативных дескрипторов ( $D_n$ )	Значение параметра S-variety
вера / христианское учение	55	6	9,167
Бог / Иисус	37	8	4,625
верующие / человек	40	11	3,637

Несмотря на то, что существуют разнообразные теории коммуникативной направленности Евангелий, уточняющие и дополняющие друг друга, одна из функций — это миссионерская деятельность. Приведенные в таблице концепты определяют основных участников ситуации проповедования религиозного учения: Бог / Иисус, вера / христианское учение и верующие / человек. Порядок следования этих концептов иерархии параметра сигнификативного разнообразия неслучаен. Концепт — вера / христианское учение — получает очень высокое значение данного параметра, превышающее значение концепта Бог / Иисус почти вдвое. Это понятно, если учесть, что для миссионерской деятельности то, что проповедуется, является самым важным. Распределение участников — Бог / Иисус, верующие / человек — по данному параметру уже менее ясно: различие между ними с точки зрения обсуждаемого параметра относительно невелико.

**Денотативная стабильность метафорической модели.** Еще один параметр, характеризующий метафорические модели, — это параметр стабильности денотативных отображений, который показывает, насколько последовательно те или иные реалии из проблемной области осмысляются с помощью данной М-модели. **Стабильным денотативным отображением** данной М-модели называется регулярно встречающаяся в текстах пара отображений <сигнификативный дескриптор<sub>1</sub>, денотативный дескриптор<sub>2</sub>>. На языке дескрипторной теории метафоры стабильное денотативное отображение определяется как доля стабильных проекций области источника в область цели в общем количестве проекций данной метафорической модели.

Содержательно параметр денотативной стабильности раскрывает типичные способы осмысления человеком действительности в данной культуре. Соответственно, чем выше значение параметра, тем более вероятно, что важные понятия дискурса будут осмысляться в рамках данной М-модели.

Параметр стабильности денотативных отображений вычисляется по следующей формуле и измеряется в процентах:  $D\text{-stability} = \frac{\text{число повторяющихся пар } \langle \text{сигнификативный дескриптор}_1, \text{денотативный дескриптор}_2 \rangle}{\text{общее количество всех пар (как повторяющихся, так и уникальных)}}$ .

Значения параметра денотативной стабильности для наиболее частотных М-моделей дискурса Евангелий представлены в табл. 6:

Таблица 6

**Денотативная стабильность наиболее частотных М-моделей Евангелий**

<b>М-модель</b>	<b>Кол-во повторяющихся проекций</b>	<b>Общее кол-во проекций</b>	<b>Значение параметра Д-стабильности</b>
ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	49	51	96 %
ЯЗЫК	16	17	94 %
СВЕТ-ТЬМА	31	34	91 %
ПИЩА	47	52	90 %
РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	45	55	81 %
ОРГАНИЗМ	11	15	73 %
ВМЕСТИЛИЩЕ	10	14	71 %
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО	45	65	69 %
ПУТЬ-ДОРОГА	11	16	69 %
РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО	65	96	68 %
ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ	37	56	66 %
ФАУНА	31	49	63 %
СТРОИТЕЛЬСТВО	23	37	62 %
ПРОСТРАНСТВО	15	28	54 %
ЖИДКОСТЬ	6	13	46 %
ПЕРСОНИФИКАЦИЯ	0	12	0 %

Анализ приведенной таблицы показывает, что значения данного параметра необычно высоки. Так, для политического дискурса эпохи перестройки среднее значение параметра денотативной стабильности существенно ниже и находится в районе 60 %, ср. для М-модели МЕХАНИЗМА — 54 %, для М-модели РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ — 68 % [Баранов 2004а]. Частично такие высокие значения объясняются тем, что контексты использования метафор недифференцированы по Евангелиям. Следовательно, повторение одного и того же контекста использования М-модели в нескольких Евангелиях приводит к необоснованному возрастанию параметра денотативной стабильности. Впрочем, с точки зрения воздействия на читателя такие контексты оказывают почти такой же воздействующий эффект, как и повторяющиеся метафорические проекции.

В предлагаемом понимании параметр Д-стабильности не учитывает существенного различия между следующими ситуациями.

Первый случай: 1) во множестве метафорических проекций данной М-модели повторяется много разных проекций, хотя и минимальное число раз (например, всего по два раза); 2) во множестве метафорических проекций данной М-модели повторяется мало проекций, но много раз. Такая коллизия в дискурсе Евангелий не обнаруживается, хотя она потребовала бы дополнительного обсуждения. Второй случай: множества проекций М-моделей сильно различаются по мощности — одно множество весьма значительно по количеству метафор, а второе — минимально, но процентное соотношение между повторяющимися проекциями и единичными одинаково или очень близко. Такое соотношение обнаруживается, например, между М-моделями РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО и ПУТЬ-ДОРОГА. Очевидно, что высокое значение параметра Д-стабильности для низкочастотной М-модели не может служить доказательством их значимости для дискурса. Для высокочастотных, наоборот, параметр Д-стабильности должен рассматриваться как важная эвристика оценки М-модели как дискурсивной практики. Это следует иметь в виду далее при обсуждении таких относительно низкочастотных М-моделей, как ЯЗЫК, ОРГАНИЗМ, ВМЕСТИЛИЩЕ, ПУТЬ-ДОРОГА, ПРОСТРАНСТВО, ЖИДКОСТЬ, ПЕРСОНФИКАЦИЯ.

Высокое значение параметра денотативной стабильности должно проявляться в значительном количестве конвенциональных метафорических проекций в данной метафорической модели. Понятие конвенциональности или «стертости» М-модели применительно к дискурсу Евангелий в восприятии современного читателя, не обремененного серьезным знакомством с религиозной традицией, в значительной мере теряет свое содержание. Действительно, не много найдется метафор в Евангелиях, которые будут соответствовать таким образцам стертых метафор, как *механизм голосования*, *волна народного недовольства* и т. п. Скорее, следует говорить о том, что многие из регулярно повторяющихся метафор имеют статус концептуальных, то есть метафор, оказавших существенное влияние на формирование и развитие европейской ментальности (если о таком феномене вообще можно говорить как о чем-то целом).

При использовании М-модели феодалные отношения обнаруживаются такие концептуальные метафоры, как БОГ — это господин; ВЕРУЮЩИЕ — это рабы; ВЕРУЮЩИЕ — это слуги; ДЬЯВОЛ — это князь [БЕСОВСКИЙ / МИРА СЕГО]; ВЕРА — это ЦАРСТВО [БОЖИЕ / НЕБЕСНОЕ]; РАЙ — ЦАРСТВО [БОЖИЕ / НЕБЕСНОЕ]. Как было показано выше, в этом случае основной профилируемой идеей оказывается отношения господства и подчинения.

М-модель языка демонстрирует всего одну, но часто повторяющуюся устойчивую метафорическую проекцию Христианское учение — это слово. Ставшая расхожей метафора Бог — это слово представлена в Евангелиях только одним контекстом: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог* [Иоан. 1: 1]. В силу этого ее статус как концептуальной может быть признан только применительно к дискурсу Евангелий в расширительном понимании: тексты Евангелий и их многочисленные интерпретации<sup>8</sup>.

Следующая в иерархии М-модель — это метафора света-тьмы. Она представлена концептуальными метафорами Вера / христианское учение — это свет, Бог / Иисус — это свет; Неверие / лжеучение — это тьма. Метафора пищи реализуется в конвенциональных метафорах Христос — это хлеб; Христианское учение — это хлеб; Вера — это хлеб; Христианское учение — это пища; Смерть — это пища.

Не менее богата конвенциональными (а в ряде случаев и концептуальными) метафорами М-модель родственных отношений. Тут обнаруживаются довольно устойчивые метафоры Верующие — это дети; Иисус — это жених; Верующие / ученики Иисуса — это братья / сестры; Бог — это отец. Выше было показано, что М-модель родственных отношений коммуникативно высвечивает комплекс идей, связанных с отношениями господства-подчинения, близости верующих друг к другу. С другой стороны, эта же М-модель используется для отражения идеи конфликта — в этом случае истинные родственники (единоверцы) противопоставляются мнимым (приверженцам других верований). Понятно, что круг этих смыслов очень важен для проповедников новой в то время религии. Этим в значительной мере объясняется высокое значение параметра денотативной стабильности, отражающего значительный процент употребления конвенциональных метафор в исследуемом типе дискурса.

Метафора организма представлена преимущественно метонимиями типа Внутренний конфликт — это потеря контроля над телом, ср.: <...> *если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее* <...> [Мар. 9: 43];

---

<sup>8</sup> Отметим, впрочем, что в религиозных текстах традиционно в летоисчислении используется формула *от рождества Бога Слова: Лета от сотворения мира 7028, от Рождества Бога Слова 1700, при державе благочестивейшего великого государя и великого князя Петра Алексеевича всея Великая и Малыя и Белья России самодержца* <...> — надпись на иконе [Словарь русских иконописцев 2003: 233].

*Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя <...>* [Мат. 8: 18]. Анализ Евангелий показывает, что это очень устойчивые проекции, повторяющиеся, правда, только в двух Евангелиях — от Матфея и от Марка.

М-модель вместилища представляет собой номинацию довольно высокого уровня абстракции, явно превышающего уровень базовой категоризации по Э. Рош. В силу этого значение параметра денотативной стабильности для проекций типа Человек — это вместилище (*Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить*, [Иоан. 16: 12]); Ветхий / Новый Завет — это вместилище, Иисус Христос — это вместилище оказывается довольно высоким. Эти проекции конвенциональны с системной точки зрения. На стертые метафоры могли бы претендовать метафорические проекции типа Ветхий / Новый Завет — это мехи, которые, однако, не вышли за круг религиозно мыслящих людей. Вполне употребительная метафора Человек — это сосуд, конечно, относится к числу концептуальных, однако она более частотна в библейской метафорике в целом<sup>9</sup>.

В рамках М-модели сельское хозяйство также обнаруживается целый ряд регулярно повторяющихся метафорических проекций, явно имеющих культурно значимые следствия. К таким проекциям относятся, в частности, Страшный суд — это жатва; Иисус Христос — это сеятель; Верующие — это земля [на поле]; Иисус Христос — это пастырь; Вера — это плод; Христианское учение — это семя; Верующие — это стадо. Столько высокое значение параметра денотативной стабильности для данной М-модели вполне объяснимо, если учесть широту семантических следствий, профилируемых ее метафорами (см. выше).

М-модель пути-дороги относится к числу дискурсивных практик русского политического дискурса (см. по этому поводу часть III настоящей книги, см. также [Baranov, Zinken 2003]). В дискурсе Евангелий эта модель используется весьма редко, а высокий показатель

<sup>9</sup> Ср., например: *Я забыт в сердцах, как мертвый; я — как сосуд разбитый* [Псалт. 30]; *Неужели этот человек, Иехония, есть создание презренное, отверженное? или он — сосуд непопулярный?* [Иер. 22]; *Пожирал меня и грыз меня Навуходоносор, царь Вавилонский; сделал меня пустым сосудом* [Иер. 51]; *А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: зачем ты меня так сделал? Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?* [Рим. 9: 20, 21].



денотативной стабильности объясняется в рассматриваемом случае регулярным повторением проекции Христианское учение — это путь. Учитывая широкое распространение этой метафоры в современном религиозном дискурсе, а также и в дискурсах других типов ее также можно считать концептуальной.

М-модель РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО, как было показано выше, является самой частотной. Значение параметра денотативной стабильности у нее также оказывается довольно высоким, хотя и уступает значению этого параметра для уже рассмотренных М-моделей. Анализ показывает, что в реализациях метафоры РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА представлено много концептуальных метафор. К ним можно отнести, например, такие соответствия, как Христианская вера — это плод, Человек — это дерево / растение; Вера — это корень, Лжеучение — это плевелы / терние; Лжеучение — это посеянное в терние; Верующие / ученики Иисуса — это пшеница; Религиозное учение / христианское учение — это семя; Верующие — это семя. Большое количество концептуальных метафор объясняется в значительной степени тем, что констелляция органистических метафор занимает первое место по частоте употребления в дискурсе Евангелий, а значит, и профилируемые смыслы являются самыми важными для данного дискурса.

Выше было показано, что М-модель ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ очень разнообразна по семантическим следствиям. Высокое значение параметра Д-стабильности для данной М-модели проявляется в сравнительно небольшом количестве часто повторяющихся концептуальных метафор: Христианская вера / учение — это камень; Христианская вера — это светильник / свеча; Христианская вера — это сокровище; Судьба — это чаша. Многие из этих метафор имеют очевидные параллели в современной европейской культурной традиции.

Довольно большой набор регулярно повторяющихся концептуальных метафор обнаруживается в М-модели фауны: Дух Святой — это голубь; Лжепророки / язычники — это волки; Верующие — это овцы / агнцы, Верующие — это стадо и Верующие — это птенцы. Первая из них лежит в основе одного из важнейших символов христианства. Как отмечается в [Лакофф, Джонсон 2004], выбор голубя в качестве символа Святого Духа неслучаен. Голубь воспринимается как мирная птица, дружелюбная к человеку. Кроме того, среда обитания голубя включает небо — символ небес, где и обитает Святой Дух. Голубь естественен не только в небе, но и на земле — среди людей. Множественность следствий метафоры голубя хорошо согласуется

с другими христианскими символами, что обеспечивает стабильность результирующей символической системы. Прочие часто повторяющиеся метафорические проекции когнитивно «поддерживают» представления об иерархическом устройстве христианской общины. Частично эти проекции можно рассматривать как концептуальные метафоры: Верующие — это овцы / агнцы, Верующие — это стадо.

М-модель строительства относится к числу рациональных метафор, расширяющих сферу целенаправленного поведения человека. К числу концептуальных метафор в данной М-модели относятся проекции Вера — это дом и Христианское учение — это дом. Данные метафоры, как правило, профилируют идеи защиты, комфортности духовного существования. Важными для дискурса Евангелий можно считать и проекции Иисус Христос — это дверь и Христианское учение — это узкие врата. Интерпретация первой проекции неоднозначна (см. выше), и это не позволяет рассматривать ее как общее знание. Вторая проекция одновременно указывает на новые возможности и на сложности, возникающие у человека, стремящегося стать верующим.

М-модель пространства в подавляющем количестве случаев оказывается фоновой, сопровождая метафоры движения, вместительности, объекта-предмета, пути-дороги, растения-дерева, сельского хозяйства. Этим и объясняется высокое значение параметра Д-стабильности, ср. часто повторяющиеся метафорические проекции Христианское учение — это путь, Христианская вера / учение — это камень; Христианская вера — это светильник / свеча; Верующие — это земля [на поле].

Метафора жидкости в Евангелиях низкочастотна, однако в ряде контекстов последовательно реализуется метафорическая проекция Христианская вера — это вода, которая профилирует семантику необходимости. Эта стабильная проекция обладает большим воздействующим потенциалом и вполне сопоставима с концептуальными метафорами. Остальные часто повторяющиеся контексты требуют для интерпретации довольно длинной цепочки вывода. Так, представление о чаше в контекстах типа *можете ли пить чашу, которую я буду пить, или креститься крещением, которым я крещусь?* предполагает наличие жидкости — вина или воды — которая на каком-то из этапов интерпретируется как судьба, жизнь и т. п. В таком понимании Христос воспринимается как источник [веры] (тот, кто будет пить из него [= верить], не будет испытывать жажды).

Как показал анализ, М-модель персонификации низкочастотна и вообще не включает повторяющихся метафорических проекций.

Причина этого, как было показано выше, в том, что эта метафора в некотором смысле избыточна для коммуникативной направленности Евангелий.

**Сигнификативная стабильность проблемной области.** Если исследовать метафорику дискурса с точки зрения области источника, то есть реалий, осмысляемых в терминах метафор, можно ввести параметр **сигнификативной стабильности** проблемной области. Этот параметр вычисляется по следующей формуле:

**S-stability** = количество повторяющихся пар <денотативный дескриптор *i*, сигнификативный дескриптор *j*> / общее количество всех пар (как повторяющихся, так и уникальных).

Таблица 7

**Значение параметра сигнификативной стабильности важнейших понятий дискурса Евангелий (i)**

Концепт	Кол-во повторяющихся проекций	Общее кол-во проекций	Значение параметра С-стабильности
Иисус	65	78	83%
Бог	40	49	82%
вера	54	68	79%
верующие	49	63	79%
христианское учение	66	90	73%
человек	22	46	49%

Как и в случае интерпретации параметра сигнификативного разнообразия, естественно объединить близкие по семантике понятийные категории — см. табл. 8:

Таблица 8

**Значение параметра сигнификативной стабильности важнейших понятий дискурса Евангелий (ii)**

Концепт	Кол-во повторяющихся проекций	Общее кол-во проекций	Значение параметра С-стабильности
вера/христианское учение	128	171	75%
Бог/Иисус	81	111	73%
верующие/человек	75	110	68%

Из табл. 8 видно, что параметр сигнификативной стабильности рассматриваемых понятий коррелирует с иерархией значений параметра сигнификативного разнообразия. Иными словами, важнейшие понятия одновременно и осмысляются в терминах метафор очень разнообразно, и демонстрируют стабильность разнообразных метафорических проекций. Таким образом, в рассматриваемом случае значимость данных категорий подтверждается еще одним независимым параметром — сигнификативной стабильностью, что указывает на достоверность полученных результатов.

\* \* \*

Резюмируя проведенное исследование, можно сказать, что система метафор Евангелий очень устойчива. Это проявляется в регулярном повторении метафорических проекций, многие из которых приобретают статус концептуальных метафор или аналогичных им концептуальных образований. Об этом говорят высокие значения параметра денотативной стабильности. В центре понятий системы Евангелий находятся концепты вера / христианское учение, Бог / Иисус, верующие / человек, фактически исчерпывающие состав участников ситуации проповедования религиозного учения. О важности этих категорий говорят значения параметров сигнификативной стабильности и сигнификативного разнообразия. Внутренне система Евангельских метафор семантически согласована: в ее основе лежит констелляция органистических метафор, превышающая по частоте употребления в разы другие конкурирующие констелляции.

Система профилируемых смыслов, выявленная в результате проведенного анализа, предстает цельной и внутренне непротиворечивой. Вопрос в том, как она соотносится с пропозициональной, явленной структурой евангельских текстов. Понятно, что это требует отдельного исследования, однако, предположение о корреляции между системой смыслов, высвечиваемых метафорами, и пропозициональной семантикой Евангелий не кажется антиинтуитивным.

## Глава 20. МЕТАФОРЫ А. ПЛАТОНОВА: СТРАТЕГИИ ПЕРСОНИФИКАЦИИ МИРА И ДЕПЕРСОНИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА<sup>10</sup>

### 20.1. Язык произведений А. Платонова в лингвистических исследованиях

В последние двадцать лет язык произведений А. Платонова привлекает внимание многочисленных исследователей. Это объясняется самыми различными причинами — в первую очередь, конечно, самим масштабом творчества этого гениального писателя, не оцененного в должной мере ни современниками, ни более поздним официальным советским литературоведением. Для исследователя-лингвиста, пожалуй, наиболее притягателен тот эксперимент, который вольно или невольно ставит А. Платонов над языком и, как следствие, над мышлением человека. Многие аспекты этого экспериментирования довольно подробно обсуждались в имеющейся литературе<sup>11</sup>. Однако метафоры в текстах произведений А. Платонова до сих пор последовательно не исследовались. В отдельных интересных наблюдениях метафорики этого автора недостатка нет<sup>12</sup>, при этом описание системы метафор А. Платонова даже на примере одного отдельно взятого произведения отсутствует. По-видимому, внимание литературоведов и лингвистов в первую очередь привлекали резко бросающиеся в глаза несуразности синтаксической семантики, нетривиальные факты сочетаемости лексем. Между тем системное изучение метафорики этого глубокого автора дает возможность несколько по-иному взглянуть на его творческий метод, приоткрыть присущее ему восприятие мира и, возможно, обнаружить те особенности текстов А. Платонова,

---

<sup>10</sup> Глава написана в рамках проекта 12-04-12055, поддержанного РФНФ.

<sup>11</sup> См., например, [Левин 1990; Кобозева, Лауфер 1990; Вознесенская, Дмитриевская 1993]. См. также литературу в обобщающих капитальных монографиях М. Ю. Михеева и Лая Инчуань [Михеев 2002; Лай Инчуань 2006].

<sup>12</sup> Интересные соображения о метафорах в художественных текстах А. Платонова можно найти, в частности, в работах М. А. Дмитриевской и Н. А. Кожевниковой [Дмитриевская 1999; Кожевникова 2000].

которые находятся на грани осознаваемого и бессознательного, но фиксируемого языком.

В данной главе в качестве объекта анализа был выбран отрывок незаконченного романа «Счастливая Москва» и довольно значительный по объему текст — роман «Чевенгур». Обращение к этим произведениям объясняется тем, что роман «Счастливая Москва» относится к позднему этапу развития творческого метода А. Платонова, а «Чевенгур» является первым романом этого писателя. Выявление сходства в организации системы метафор в этих произведениях будет иметь значительную предсказующую силу и использоваться как правдоподобная гипотеза об организации метафоры во всех художественных текстах А. Платонова.

Для сбора материала, его организации и последующей компьютерной обработки, как и в предшествующих рассмотренных случаях, использовались две теории метафоры — когнитивная и дескрипторная. Иными словами, тексты обоих произведений А. Платонова расписывались по контекстам использования метафор и вводились в базу данных с последующей кодировкой по сигнификативным и денотативным дескрипторам. Так, метафоре *бешеные железнодорожные поезда* («Чевенгур») в базе данных сопоставлено следующее описание: {<бешеный; больной; персонификация>, <поезд; транспортное средство>}. Первая последовательность — <бешеный; больной; персонификация> — состоит из сигнификативных дескрипторов, а вторая — <поезд; транспортное средство> — из денотативных. Последовательности дескрипторов упорядочены по степени абстрактности — от конкретных к абстрактным. Анализ сигнификативных дескрипторов позволил выявить системы метафор рассматриваемых романов. Рассмотрим полученные результаты, имея в виду, что метафоры понимались весьма расширительно и включали не только метафоры в узком смысле, но и метонимии и развернутые сравнения.

## 20.2. Система метафорических моделей романов «Счастливая Москва» и «Чевенгур»: общий взгляд

Сплошной анализ текста романа «Счастливая Москва» позволил выделить 233 контекста употребления метафор (в указанном выше понимании). В табл. 1 приведены метафорические модели, частота употребления которых равна или превышает три вхождения.

Таблица 1

## Основные метафорические модели романа «Счастливая Москва»

Метафорическая модель	Частота употребления
ПЕРСОНИФИКАЦИЯ	89
ПРОСТРАНСТВО	33
ОРГАНИЗМ	29
ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ	25
ПУТЬ-ДОРОГА	6
ВОЙНА	5
РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО	5
СВЕТ-ТЬМА	5
ВМЕСТИЛИЩЕ	4
ЖИДКОСТЬ	4
ОГОНЬ	4
ВЕЩЕСТВО	3
ДВИЖЕНИЕ	3
МЕХАНИЗМ	3
МУЗЫКА	3
РЕКА	3
СВЕТ	3
СВЕТИЛЬНИК	3
СТИХИЯ	3
СТРОЕНИЕ	3

Из табл. 1 видно, что модели персонификации, пространства, организма и объекта-предмета по частоте существенно превышают другие метафорические модели и отделены от них значительным частотным «провалом»: М-модель объекта-предмета встретилась 25 раз, а М-модель пути-дороги — 6. Иными словами, различие в частоте составляет 19 употреблений. Такой разрыв в частоте можно рассматривать как косвенное указание на границу между частотными и низкочастотными метафорическими моделями.

Внутри группы частотных М-моделей выделяется, однако, еще один разрыв в частоте — между М-моделью персонификации и другими М-моделями. Метафора персонификации используется в исследованном романе А. Платонова почти в три раза чаще, чем ближайшая к ней метафорическая модель пространства ( $89/32 = 2,78$ ). Вообще говоря, в высокой частоте употребления М-модели персонификации нет ничего удивительного, поскольку эта метафора, будучи фоновой

(см. по этому поводу главу 1), во многих типах дискурсов оказывается наиболее частотной. Дело в том, что олицетворение не только типичный способ метафорического переноса, приводящий к возникновению новых значений, но и типичный способ осмысления действительности, имеющий глубокие когнитивные основания<sup>13</sup>. Однако такой разрыв в частоте между этой М-моделью и другими метафорами, обнаруженный при анализе текста романа «Счастливая Москва», исключителен и явно связан с какими-то особенностями творческого стиля писателя.

С метафорой персонификации семантически связана метафора организма, которая может использоваться и как одна из ступеней персонификации (общество как организм) и как ступень деперсонификации (осмысление человека как организма, а не мыслящего существа — например, человек как тело). Семантически с этими М-моделями связана и метафора сердца, которая у А. Платонова часто реализуется в виде метонимии. Таким образом, М-модели персонификации и организма формируют общий частотный кластер метафор живого с очень высокой абсолютной частотой употребления:  $89 + 29 = 118$ . Этому кластеру противопоставлена М-модель пространства (32 употребления) и М-модель объекта-предмета (26). Метафора объекта-предмета образует частотный кластер метафор неживого. Таким образом, основные метафорические модели в исследуемом романе А. Платонова представлены тремя частотными кластерами:

кластер живого (персонификация и организм:  $89 + 29 = 118$ );

кластер пространства (33);

кластер неживого (объект-предмет: 26).

В отличие от романа «Счастливая Москва», роман «Чевенгур» является законченным произведением и объем его существенно выше — порядка 115 тыс. словоупотреблений. Всего в нем было выявлено 908 контекстов употребления метафор, метонимий и метафороподобных выражений. Если, как и в предшествующем случае, отбросить метафорические модели с частотой, меньшей трех, то получаем следующий список М-моделей:

<sup>13</sup> Олицетворение — характерный троп языка поэзии. Ср. исследование «антропоморфной» метафоры в поэзии Ф. И. Тютчева [Горяинова 2013].



Таблица 2

**Основные метафорические модели романа «Чевенгур»**

<b>Метафорическая модель</b>	<b>Частота употребления</b>
ПЕРСОНИФИКАЦИЯ	399
ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ	113
ОРГАНИЗМ	63
ПРОСТРАНСТВО	57
РЕСУРС	37
ВЕЩЕСТВО	29
РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО	28
ЖИВОЕ	27
ДВИЖЕНИЕ	18
ЖИДКОСТЬ	14
ФАУНА	14
ОРГАН	13
ПРИРОДА	13
ОГОНЬ	12
ПУТЬ-ДОРОГА	12
СЕРДЦЕ	12
АНИМАЛИЗАЦИЯ	11
ОГРАНИЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО	11
РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	11
МЕХАНИЗМ	10
ПИЩА	10
ВРЕМЯ	9
ОГРАНИЧИТЕЛЬ	9
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО	9
ЗВУК	8
ВИДИМЫЙ ОБЪЕКТ	7
ВОДА	7
СТИХИЯ	7
СТРОЕНИЕ	7
ВМЕСТИЛИЩЕ	6
КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ	6
ОЗЕРО	6
СУЩЕСТВО	6
ЧЕЛОВЕК	6
ВОЙНА	5

Метафорическая модель	Частота употребления
МАШИНА	5
ПРЕДМЕТ	5
ПУТЬ	5
СВЕТ-ТЬМА	5
ЧУВСТВО	5
ЯВЛЕНИЕ ПРИРОДЫ	5
ВЕЩЬ	4
ДВИГАЮЩИЙСЯ ОБЪЕКТ	4
ДЕРЕВО	4
ИМУЩЕСТВО	4
ОГРАНИЧЕННОЕ ВРЕМЯ	4
ПЛОТЬ	4
ПОГОДА	4
ПОЛЕ	4
ПТИЦА	4
ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ	4
РЕКА	4
РЕЛИГИЯ-МИФОЛОГИЯ	4
СОН	4
ТИШИНА	4
ТУЛОВИЩЕ	4
БЕРЕЗКА	3
БУРЬЯН	3
ВЕТЕР	3
ВЛАГА	3
ВОДОЕМ	3
ГОЛОВА	3
ГРУЗ	3
КОЗА	3
МЕРТВЫЙ	3
МУЗЫКА	3
МЫШЛЕНИЕ	3
ПАРОВОЗ	3
ПОТОК	3
РАСТЕНИЕ	3
РУКА-РУКИ	3
СПОСОБНОСТЬ	3

Метафорическая модель	Частота употребления
ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО	3
УЩЕЛЬЕ	3
ЦВЕТOK	3
ЯЗЫК-РЕЧЬ	3

Сравнение М-моделей, представленных в табл. 1 и табл. 2 показывает их существенное сходство в самом наборе высокочастотных метафор. Первое место, как и в предшествующем случае, занимает метафора персонификации — 399 контекстов. Следующая по частоте метафора ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ употребляется с существенно меньшей частотой — 113 примеров. Интересно, что в системе М-моделей романа «Счастливая Москва» эта метафора занимала четвертое место. Различие по частоте между метафорой персонификации и последующей по частоте М-моделью ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ очень велико — 286 употреблений. Довольно большой разрыв в частоте между метафорой персонификации и последующей М-моделью обнаруживается и в системе метафор романа «Счастливая Москва».

Распределение по частоте других трех наиболее употребительных метафор — ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ, ПРОСТРАНСТВО, ОРГАНИЗМ — для рассматриваемых романов различается, но их состав остается постоянным. Кластеры высокочастотных М-моделей остаются прежними, однако их последовательность меняется. Кластер М-моделей живого, образованный метафорами персонификации (399), организма (50<sup>14</sup>) и растения-дерева (28)<sup>15</sup>, как и в случае романа «Счастливая Москва», занимает первое место по частоте. В совокупности он насчитывает 477 употреблений. Кластер пространства насчитывает 57 употреблений, что отодвигает его на третье место. А вот кластер метафор неживого, представленный М-моделью ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ, переходит на второе место по частоте — 113 употреблений:

кластер живого (персонификация, организм и растение-дерево: 399 + 50 + 28 = 477);

кластер неживого (объект-предмет: 113);

кластер пространства (57).

<sup>14</sup> Из 63 употреблений метафоры организма исключено 13 употреблений, относящихся к случаям персонификации.

<sup>15</sup> Представленная в табл. 2 М-модель живого (27 употреблений) почти вся отнесена к случаям персонификации и поэтому в подсчете не учитывается.

Следует отметить, что с учетом весьма возможных статистических погрешностей наиболее существенным представляется не столько упорядочивание М-моделей или их кластеров по частоте относительно друг друга, сколько сам набор высокочастотных моделей, который, как легко видеть, весьма точно воспроизводится в романе «Чевенгур». Если иметь в виду, что роман «Счастливая Москва» не закончен и по объему сравнительно невелик, то обнаруженный факт воспроизводства высокочастотных М-моделей в романе «Чевенгур» указывает на то, что выявленные высокочастотные метафоры относятся к важной особенности художественного стиля А. Платонова, позволяющей реализовать какую-то творческую задачу писателя, к обсуждению которой мы перейдем ниже.

### 20.3. Семантические функции метафор и кластеров метафор в текстах романов «Чевенгур» и «Счастливая Москва»

Рассмотрим выявленные кластеры более подробно, сосредоточившись на том, какие сущности метафорически осмысляются при использовании М-моделей указанных кластеров и какие смыслы при этом профилируются (то есть коммуникативно высвечиваются метафорой).

Начнем с М-модели персонификации, частота которой, как уже отмечалось выше, в обоих исследованных произведениях существенно превосходит частотность употребления других метафор. Анализ показывает, что олицетворение<sup>16</sup> в большинстве случаев относится к конкретным объектам и сфере абстрактного, причем в «Счастливой Москве» преобладают контексты персонификации эмоций и чувств (13 контекстов из 89):

- (1) Самбикин знал, что глупость — это *естественное выражение блуждающего чувства*, еще не нашедшего своей цели и страсти <...> («Счастливая Москва»);
- (2) Узнав всю Москву полностью, все тепло, преданность и счастье ее тела, Сарториус с удивлением и ужасом почувствовал, что его *любовь не утомилась*, а возросла, и он в сущности ничего не достиг, а остался по-прежнему несчастным («Счастливая Москва»);

<sup>16</sup> «Олицетворение» — более традиционное название метафоры персонификации.

- (3) <...> здесь человек никак не мог вырваться из обычного — из круглого шара своей головы, где катались его мысли по давно проложенным путям, из сумки сердца, где *старые чувства бились как пойманные, не впуская ничего нового*, не теряя привычного <...> («Счастливая Москва»).

Из сферы абстрактного часто персонифицируется также мышление и ум (10 контекстов):

- (4) Самбикин молчал близ нее, его внутренности болели, точно медленно сгнивали, и в опустевшей голове *томилаь одна нищя мысль любви* к обедневшему, безногому телу Москвы («Счастливая Москва»);
- (5) Он следил за всемирным развитием событий день и ночь, и *ум его жил в страхе своей ответственности* за всю безумную судьбу вещества («Счастливая Москва»).

К сфере абстрактных категорий относятся также такие сущности, как жизнь и время, стоящие в центре художественного мышления А. Платонова. По отношению к этим категориям уместно было бы использовать не очень ясный, но модный сейчас термин «константа». Это действительно мировоззренческие константы, к которым снова и снова возвращаются герои Платонова:

- (6) *Жизнь словно отлучилась из него самого и сосредоточилась* в отдаленном и грустном воображении снов <...> («Счастливая Москва»);
- (7) Он был опечален *грустью и бедностью жизни, настолько беспомощной, что она почти непрерывно должна отвлекаться иллюзией от сознания своего истинного положения* <...> («Счастливая Москва»);
- (8) Она знала, конечно, что здесь нет ее заслуг, но здесь есть *точная работа прошлых времен* и природы <...> («Счастливая Москва»);
- (9) Опять наступила весна; *время все более удаляло жизнь Сарториуса* («Счастливая Москва»).

Олицетворение жизни и времени типично и для текста романа «Чевенгур». Жизнь представлена девятнадцатью примерами персонификации (*каждый из них хотел почувствовать другого, чтобы помочь своей неясной блуждающей жизни; окрепшая, взволнованная*

*жизнь не хотела забываться в нем; жизнь его, утрачивая всякие возжеления; жизнь отрешилась от этого места и ушла умирать в степной бурьян*), а время — десятью, однако большая часть из них приходится на конкретные виды времени (чаще всего время суток): *ему давно представлялась жара в виде старика, а ночь и прохлада — в виде маленьких девочек и ребят; ночь ничего не произносила; день окончился, словно вышел из комнаты человек-собеседник*.

Вторая область персонификации — конкретные, физические сущности, осмысляемые как существа, люди, активно действующие или, наоборот, сами испытывающие воздействие:

- (10) На каменной плите лежала *шляпа музыканта, прожившая все долгие невзгоды на его голове* — и некогда она покрывала шевелюру молодости, а теперь *собирала деньги для пропитания старости*, для поддержания слабого сознания в ветхой голой голове («Счастливая Москва»);
- (11) <...> все *предметы, знавшие его, заплакали* по нем, и сон его воспоминаний исчез <...> («Счастливая Москва»);
- (12) Ему странно и даже печально было видеть *пустые трамвайные остановки, безлюдные черные номера маршрутов на белых таблицах, — они вместе с трамвайными мачтами, тротуарами и электрическими часами на площади тосковали* по многолюдству («Счастливая Москва»).

В романе «Чевенгур» сфера олицетворения несколько иная, хотя и эти области подпадают под данное выше весьма широкое определение — абстрактное и конкретное. Здесь наиболее часто персонифицируется природа и природные феномены (52 примера из 399): *творить у природы нет особого дара; природа возвратилась в человека после мешавшей ей встречной жизни; природе давно известно о коммунизме в городе; природа отказалась угнетать человека трудом; ветер, как бандит, тебе в уши наговаривает; ветер стих в изнеможении и молча лег под дождь; на небе обнажалось солнце; туманы словно сны погибали под острым зрением солнца*. Как естественную часть природы можно рассматривать и флору (растения и деревья — 27 примеров): *сорвал былинку и оглядел ее робкое тело; старые плетни, ущелья умерших пней; забормотали травы и кустарники; весь бурьян есть дружба живущих растений; Чепурный пощупал лопух — он тоже хочет коммунизма; Сломленный ногою Чепурно-*

*го стебель положил свою умирающую голову на листовенное плечо живого соседа.*

Весьма часто персонифицируется организм, представленный в тексте романа своими составляющими — сердцем, туловищем, глазами и т. д. (36 контекстов — второе место): *сердце всему человеку батрак, оно — рабочий человек; пахло чистотою сухой старости, которая уже не потеет и не пачкает вещей следами взволнованного тела; он сжимал свое тело под постилкой, чувствуя свои ноги, свою грудь как второго и тоже жалкого человека; туловища живут отдельно — и беспомощно поражаются мучением; глаза этой девушки были более темными, чем у Сони, и замедленными, точно имели нерешенную заботу, но они глядели полуприкрытыми и скрывали свою тоску; желудок перестал любить пищу; руки его сами упали, больше не нуждаясь в дружбе; глаза засосались под лоб в усталом отречении ото всех живых.* Хотя формально в контекстах такого рода реализуется скорее метонимия, у Платонова метонимические контексты по семантическим характеристикам мало чем отличаются от собственно метафоры.

Как и в случае романа «Счастливая Москва», олицетворению подвергаются объекты и предметы (22 контекста). Ср.: *ожившие удушью вещи; телега опустила оглобли и легла ждать; вещи скуцали по нем и звали его; изделия <...> существовали оживленными.* Аналогично осмысляются и механизмы, практически отсутствующие в сюжете «Счастливой Москвы» (25 примеров): *отец машины — рычаг, а мать — наклонная плоскость; машина — нежное, беззащитное, ломкое существо; паровоз стоял великодушный; «Колосники затекают — уголь плохой», — грустно говорил паровоз.*

Персонификация эмоций и чувств вполне типична и для романа «Чевенгур». Ср.: *для тоски не было товарища навстречу; тоска их шла навстречу друг другу и, встретившись, останавливалась на полпути; его любовь шла дальше по дороге воспоминаний; Копенкин почувствовал бодрость, спутницу дали и надежды.*

Единственное очевидное различие в сферах олицетворения в рассматриваемых романах — это контексты персонификации революции в романе «Чевенгур» — 21 контекст. Ср.: *он считал революцию последним остатком тела Розы Люксембург; легли все вместе на полу в общем кирпичном доме, бронированном еще в семнадцатом году для беспризорной тогда революции; на моей лошади революция пять лет ездила.* В «Счастливой Москве» имеется лишь один пример

такого рода: *стыдили на общем собрании, что она как дочь революции поступает недисциплинированно и неэтично*. Такое различие в частоте определяется сюжетами исследуемых произведений. Временные рамки романа «Чевенгур» — это период гражданской войны, а в «Счастливой Москве» описывается, скорее, начало индустриализации.

Рассмотренный материал показывает, что в романах «Счастливая Москва» и «Чевенгур» последовательно олицетворяются как объекты и предметы, так и части окружающего мира, которые трудно назвать предметами или физическими сущностями в языковом смысле. Это луна, ветер, солнечный и лунный свет: *восходит пустая немущая луна на погасшее небо, шел ветер подобно существу; свет солнца медленно бредет по полу четырехугольником окна; ветер, как бандит, тебе в уши наговаривает; лунный свет так тосковал в пустоте*. Иными словами, **окружающий мир и внутренний мир человека населяются сонмом разнообразных существ**, которые движутся, думают, страдают, действуют как активные личности, но в то же время и испытывают самые разнообразные воздействия.

Интересно, что количество пассивных личностей при использовании метафоры персонификации в романе «Счастливая Москва» существенно больше, чем активных: на 43 пассивных личности приходится только 25 активных, то есть разница почти в два раза<sup>17</sup>. Однако распределены активные и пассивные личности в примерах персонификации из романа «Чевенгур» почти поровну: 111 метафор с активным действующим лицом и 115 — с лицом, на которое оказывается воздействие.

Как показывают исследования русского политического дискурса, метафора персонификации представляет собой типичную фоновую метафорическую модель<sup>18</sup>. Весьма вероятно, что и в других типах дискурсов эта М-модель является фоновой, поскольку троп олицетворения относится к числу универсальных способов формирования переносных значений. Удивительным образом подавляющая часть контекстов употребления этой метафоры в тексте рассмотренных

<sup>17</sup> Общее количество пассивных и активных личностей не совпадает с общим количеством контекстов использования М-модели персонификации, поскольку некоторые контексты неопределенны в отношении активности-пассивности. Так, во фразе *шляпа музыканта, прожившая все долгие невзгоды на его голове* не вполне ясно, является ли активным деятелем человек живущий.

<sup>18</sup> См. по этому поводу главу 11, а также [Баранов 2004а; Baranov 2006].



романов являются творческими, неконвенциональными (см. примеры выше). Тем самым у А. Платонова эта М-модель является **фигурной**, то есть ее появление соответствует замыслу автора текста, а не является следствием использования других М-моделей. Есть все основания считать ее одной из дискурсивных практик А. Платонова<sup>19</sup>, частью его творческого метода.

Метафора организма, с одной стороны, продолжает тенденцию олицетворения, наиболее ясно выражаемого метафорой персонификации<sup>20</sup>. Однако, в отличие от персонификации, М-модель организма останавливается на низшей ступени категоризации неживого как просто живого:

- (13) Самбикин задумался, по своему обыкновению, **над жизнью вещества** — над самим собой; он относился сам к себе как к подопытному животному, как к части мира, доставшейся ему для исследования всего целого и неясного <...> («Счастливая Москва»);
- (14) Всю свою юность Сарториус провел в изучении физики и математики; он трудился над расчетом **бесконечности как тела**, пытаясь найти экономический принцип ее действия («Счастливая Москва»);
- (15) Сарториус подошел к окну; за ним был виден зимний дымный город; очередной рассвет **пробирался по обвисшему животу равнодушной тучи**, из которой нельзя ждать ни ветра, ни грозы («Счастливая Москва»);
- (16) Лесов, бугров и зданий чевенгурец не любил, ему нравился ровный, покаты́й против неба **живот земли**, вдыхающий в себя ветер и жмующийся под тяжестью пешехода («Чевенгур»);
- (17) Захар Павлович бил молотком всегда с сожалением, а не с грубой силой, не плевал на что попало, находясь на паровозе, и не царапал беспощадно **тела машины** инструментами («Чевенгур»).

Другая часть употреблений этой М-модели направлена в ровно противоположную сторону — в направлении деперсонификации человека. Осмысление человека как зародыша, тела или как составляющих это тело органов находится на грани метафоры в точном смысле

---

<sup>19</sup> О понятии «дискурсивной практики» см. главу 1, см. также: [Баранов 2004; Foucault 1971].

<sup>20</sup> Метафорическую модель организма можно рассматривать как одну из ступеней метафоры персонификации.

и метонимии. Некоторые контексты такого рода естественнее интерпретировать как метафору:

- (18) Ему казалось, что в райвоенкомате пахло так же, как в местах длительного заключения — *безжизненностью томящегося человеческого тела, сознательно ведущего себя скромно и экономично*, чтобы не возбуждать внутри себя замирающего влечения к удаленной жизни и не замучиться потом в тщетности, от тоски отчаяния («Счастливая Москва»);
- (19) Вода умиротворила его, но он тут же понял, насколько человек еще *самодельное, немощно устроенное существо — не более как смутный зародыш* и проект чего-то более действительного, и сколько надо еще работать, чтобы развернуть из этого *зародыша* летящий, высший образ, погребенный в нашей мечте... («Счастливая Москва»);
- (20) Когда они проходили под руку среди торжествующих друзей, Самбикин посмотрел на них своими *глазами, забывшими моргать и отвлеченными размышлением в далекую сторону от личного счастья* («Счастливая Москва»);
- (21) <...> *каждое тело* в Чевенгуре должно твердо жить, потому что только в этом теле живет вещественным чувством коммунизм («Чевенгур»).

В контекстах (18)—(21) имеется в виду вовсе не человек, как в примерах стандартной метонимии типа *Простите, здесь стояло кожаное пальто, я за ним была* = 'Простите, здесь стоял человек в кожаном пальто, я за ним стояла'. Так, в примере (18) фразу *пахло [так же, как в местах длительного заключения —] безжизненностью томящегося человеческого тела* вряд ли можно интерпретировать как 'пахло безжизненными томящимися людьми'. Скорее имеется в виду нечто вроде 'ощущалась безысходность, тоска, томление и т. п. [которые испытывали люди, посещавшие данное место]'. Метафора организма в данном случае профилирует (коммуникативно высвечивает) идею естественности чувства, которое не контролируется сознанием, волей человека и хорошо ощущается, распознается посторонним наблюдателем. В примере (19) опять-таки речь не идет о номинации человека как лица, а коммуникативно высвечивается идея несовершенства человека, передаваемая метафорами зародыша (вид метафоры организма) и существа. В примере (20) зрительное воспри-

ятие осмысляется как деятельность глаз, что концептуально разделяет человека на отдельно живущие органы: выражение *глаза, забывшие моргать и отвлеченные размышлением* коммуникативно высвечивает идею автономности, независимости восприятия и мышления от самого человека<sup>21</sup>. Наконец, под *телом* в примере (21) имеется в виду не просто человек: здесь профилируется идея органичного существования человека в соединении с природой и миром.

Во всех рассмотренных контекстах человек теряет свои существенные свойства как личности, передавая их телу и своим органам, что приводит к его деперсонализации (по крайней мере, частичной), но одновременно и сближает с природой, с окружающим миром, делая его органичной частью сущего. В «Чевенгуре» идея деперсонализации человека доведена до лапидарности во фразе: *Человек — это не смысл, а тело, полное страстных сухожилий, ущелий с кровью, холмов, отверстий, наслаждений и забвения.*

Если понимать метафору широко — в смысле Аристотеля, — то частью метафорической модели организма является осмысление сферы психического и эмоционального в терминах сердца. Такие случаи принято интерпретировать как метонимию. И действительно, метафора в точном смысле предполагает перенос свойств из одной понятийной области в другую. В случае метонимии имеется лишь одна понятийная область, с элементами которой происходят те или иные преобразования. При использовании концепта сердца для категоризации эмоций и психических состояний человека такой подход оправдан, если считать, что сердце является символом данной сферы. В противном случае метонимическая интерпретация «переноса по смежности» невозможна. Действительно, сердце как символ эмоций и психического метонимически может обозначать эмоции и психическую деятельность. При этом метонимическое осмысление с использованием концепта сердца в тексте романа следует общей художественной тенденции «декомпозиции» и деперсонализации человека: *услышал вдруг жалкую музыку, тронувшую его сердце; сердце еще болит, не остыло; почувствовал свое тоскующее, отсутствующее сердце; изгнать из своего тела и сердца; сердце болело по Москве; от слабости своего сердца, сжавшегося сейчас в ее груди; нашла теперь удовлетворение для своего блуждающего сердца.* Однако некоторые

---

<sup>21</sup> В последнем случае вообще можно говорить даже о метафоре персонификации глаз.

примеры использования данного концепта очень близки метафоре в точном смысле: *из сожаления к своему сердцу, которое может напрасно заболеть от любви; какую-то милую жизнью, чуждой для его сердца, таящегося в своем одиночестве; оно [сердце] летать хочет, и бьется; все ему приносило в сердце содрогание и он пугался развертывающейся в нем тревожной и опасной жизни; не будет такого сердца, которое вспомнит сразу всех мертвых и заплачет о них; попросить какой-нибудь товарищеской помощи от ужаса своего тоскующего сердца.* В последних примерах осмысление СЕРДЦА приближается к мучительно чувствующему человеку — лицу; это не просто метонимическое обозначение эмоций.

Персонификация эмоций, чувств, явлений психики человека разрушает цельность человека, повышает значимость эмоций и психического, приближает человека к неживой природе, стихиям, которые, в свою очередь, наоборот, олицетворяются, персонифицируются.

М-модель РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО недостаточно частотна в романе «Счастливая Москва» (5 вхождений), но довольно употребительна в романе «Чевенгур» (28 употреблений) и тем самым входит в кластер живого для этого произведения. В тексте «Чевенгура» М-модель РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО используется, с одной стороны, для профилирования свойств, не связанных прямо с деперсонификацией человека (ср. коммуникативное высвечивание свойства одиночества во фразе *Она была похожа на одинокое стойкое растение на чужой земле, не сознающее от своей доверчивости, что оно одиноко*), а с другой — для обращения внимания на характерные внешние особенности людей, сближающие их с растениями и деревьями, причем в последнем случае формальное сближение по внешним свойствам приобретает сущностный характер, давая эффект деперсонификации — снятия грани между человеком и окружающим его миром:

- (22) Гопнер решил вслед пешеходу, что *тот похож на садовое дерево*; в теле Луя, действительно, не было единства строя и организованности — была какая-то неувязка членов и конечностей, которые выросли изнутри его *с распушенностью ветвей и вязкой крепостью древесины* («Чевенгур»).
- (23) <...> Мавра Фетисовна ничего не чуяла от слабости <...> она обнажила полную ногу в морщинах старости <...>; на ноге были видны желтые пятна каких-то омертвевших страданий и синие толстые жилы с очоленевшей кровью, туго разросшиеся под кожей и гото-

вые ее разорвать, чтобы выйти наружу; *по одной жиле, похожей на дерево*, можно чувствовать, как бьется где-то сердце, с усилием прогоняя кровь сквозь узкие обвалившиеся ущелья тела («Чевенгур»).

Кластер метафор неживого существенно менее частотен и занимает третье место в тексте романа «Счастливая Москва» (после кластера пространства) и второе место в романе «Чевенгур». Образующая его метафора ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА встретила в «Счастливой Москве» 26 раз, а в «Чевенгуре» — 113 раз.

Кластеры метафор живого и неживого в определенном смысле противопоставлены друг другу: олицетворение *versus* овеществление. Значительная часть употреблений М-модели ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА (10 контекстов из 25 в «Счастливой Москве» и 21 из 113) приходится на осмысление человека:

- (24) Честновой не столько хотелось переживать самой эту жизнь, сколько обеспечивать ее — круглые сутки стоять у тормозного крана паровоза, везя людей навстречу друг другу, чинить трубу водопровода, вешать лекарства больным на аналитических весах — и *потухнуть вовремя лампой над чужим поцелуем*, вберя в себя то тепло, которое только что было светом («Счастливая Москва»);
- (25) Самбикин задумался, по своему обыкновению, над жизнью вещества — над самим собой; он относился сам к себе как к подопытному животному, *как к части мира, доставшейся ему для исследования всего целого и неясного* («Счастливая Москва»);
- (26) В страхе от своего воспоминания Сарториус обнял Лизу, широко оглядывая одинокую тьму ночи; Лиза в ответ прильнула к нему, согреваясь и *приобретая его руками*, как разумная хозяйка («Счастливая Москва»);
- (27) — Женщина без революции — одна полубаба, по таким я не тоскую... Уснуть от нее еще сумеешь, а далее-более — она уже не *богвая вещь*, она легче моего сердца («Чевенгур»);
- (28) Дванов загляделся в бедный ландшафт впереди. И земля и небо были до утомления несчастны: здесь люди жили отдельно и не действовали, как *гаснут дрова, не сложенные в костер* («Чевенгур»);
- (29) Сербинов думал о том, как он придет к себе в комнату и сядет записывать Софью Александровну в убыток своей души, в графу *невозвратного имущества* («Чевенгур»).

Метафорическая категоризация человека как предмета, объекта, части неживого последовательно реализует тенденцию деперсонификации человека, выявленную выше при использовании метафор кластера живого — персонификации, организма и растения-дерева.

Другие употребления данной М-модели относятся к сфере абстрактного — жизнь, бессмертие, душа, память, любовь, событие, мысли и т. д. По большей части это одиночные контексты: *всеобщая жизнь неслась вокруг нее <...> мелким мусором; в тумане над морем [МУСОР]; где находилась в кишках пустая душа человека [ПУСТОЙ ОБЪЕКТ]; в бледном свете памяти [ОБЪЕКТ-СВЕТИЛЬНИК]; события <...> углубились в середину тел спящих [ПЕРЕДВИГАЮЩИЙСЯ ОБЪЕКТ]; У Дванова не было в запасе никакой неподвижной любви, он жил одним Чевенгуром и боялся его истратить [ПЕРЕДВИГАЮЩИЙСЯ ОБЪЕКТ]; из круглого шара своей головы, где катались его мысли по давно проложенным путям [ОБЪЕКТ-ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО]; заполнить это междоусобное место, освещенное солнцем, вещью дружбы [ВЕЩЬ]; они [бабы] весь коммунизм деревянными пилами на мелкобуржуазные части распилят [ДЕРЕВЯННЫЙ ПРЕДМЕТ]. Для осмысления довольно ограниченного круга абстрактных сущностей (бессмертия, революции, коммунизма и социализма, чувств человека) часто используется вариант М-модели ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА — ВИДИМЫЙ ОБЪЕКТ: *разглядывал будущее бессмертие; — Мы же не знаем коммунизма, — произнес Дванов, — поэтому мы его сразу увидать здесь не сумеем; он <...> увидел свою жалость в этом городе; где бы он мог строить социализм ручным способом и смог бы довести его до видимости всем.**

В романе «Счастливая Москва» к кластеру метафор неживого относится также довольно редкая М-модель МАТЕРИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ (2 контекста). В отличие от метафоры ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА, в рамках этой М-модели абстрактное осмысливается как вещество, газ и т. п., ср. примеры типа *весь его ум был наполнен мыслью; он увидел силу и светящееся воодушевление.*

М-модель ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА относится к числу онтологических метафор. Категоризация абстрактного как конкретного типична для мышления человека. Это способ оптимизации проблемной ситуации, позволяющий, принимая решения, оперировать абстрактными категориями как материальными сущностями<sup>22</sup>. У А. Платонова овеществление абстрактного вряд ли имеет гносеологическую функцию.

<sup>22</sup> См. по этому поводу [Лакофф, Джонсон 2004].

Скорее, это вербальное переживание фантомов души и сознания, порожденных идеологизированной действительностью. Использование же метафоры ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА по отношению к человеку преследует цель достижения гармонии природы и человека через осмысление последнего как естественной части природы.

Кластер метафор пространства представлен в текстах исследуемых романов одноименной метафорической моделью. По частоте этот кластер занимает в «Счастливой Москве» второе место (33 контекста), а в «Чевенгуре» — третье (57 употреблений). Как и в предшествующем случае, определенная часть контекстов этой метафоры связана с осмыслением человека и его тела (11 контекстов и 9 контекстов, соответственно):

- (30) а. Но где тот шлюз в темноте, в *тесных ущельях человека*, который скуп и верно держит последний заряд жизни? («Счастливая Москва»);  
 б. <...> на ноге были видны желтые пятна каких-то омертвевших страданий и синие толстые жилы с окоченевшей кровью, туго разросшиеся под кожей и готовые ее разорвать, чтобы выйти наружу; по одной жиле, похожей на дерево, можно чувствовать, как бьется где-то сердце, с усилием прогоняя кровь сквозь *узкие обвалившиеся ущелья тела* («Чевенгур»).
- (31) а. Затем Москва мылась, удивляясь химии природы, превращающей обыкновенную скудную пищу (каких только нечистот Москва не ела в своей жизни!) в розовую чистоту, в *цветущие пространства ее тела* («Счастливая Москва»);  
 б. Когда-то он молился в такой же церкви в своем селе, но из церкви он приходил домой — *в близость и тесноту матери* («Чевенгур»).
- (32) Сарториус заметил это и улыбнулся ей своим неточным *широким лицом, похожим на сельскую местность* («Счастливая Москва»).

Пространственная интерпретация человека преследует ту же художественную сверхзадачу, которая была сформулирована выше: становясь пространством, человек одновременно становится частью окружающего мира. Концептуальное единение человека и мира простирается еще дальше — человеческая жизнь приобретает черты пространства (7 контекстов в «Счастливой Москве» и 10 — в «Чевенгуре»): *она обошла всю жизнь; жизнь простиралась в даль, из которой не возвращаются; проходит вдаль большая дорога жизни; долгий путь остающейся жизни; мой маршрут конча-*

*ется, я скоро свалюсь в овраг личной смерти; увез в даль жизни; чем дальше он будет жить, тем это пространство непережитой жизни будет уменьшаться, а позади — удлиняться мертвая растоптанная дорога; свою будущую жизнь он раньше представлял синим глубоким пространством — таким далеким, что почти не существуем.*

Еще одна довольно типичная целевая область пространственно-го осмысления — время. Понятно, что автора интересует будущее время, поскольку философия и идеология коммунизма направлена в будущее: *стала бессознательно искать дорогу в свое будущее; она их [интересы] лишь откладывала до более дальнего будущего; далекие края будущего; Пролетарская Сила была столь же прочна и готова ехать в даль и в будущее; в будущее шел с темным ожидающим сердцем; будущее впереди <...> росло и простиралось.*

В остальных употреблениях этой М-модели в исследуемых романах не усматривается какой-то значимой закономерности. Ср. пространственное осмысление ума — *чувствовала стыд, пробирающийся к ней в сердце из ее лагуны, пошлого ума, грустно сознающего свое постыдное пространство; смерти — он видел смерть как другую губернию, которая расположена под небом; бессмертия — лежит воздушная страна бессмертия; учреждения — поглядев нечаянно в даль военкомата; истории — догадывались об угрюмых размерах природы, о протяженности истории; невежества — невежество — чистое поле.*

Проведенный анализ показывает, что метафоры в романах А. Платонова «Чевенгур» и «Счастливая Москва» образуют систему, направленную на решение совершенно определенной творческой задачи: отразить гармонию мира в соответствии с эстетикой советской эпохи — так, как ее понимал сам А. Платонов. Гротескно гиперболизированное восприятие жизни людей через призму коммунистической идеологии и глобальных задач строительства социализма передается А. Платоновым системой метафор, приводящих к декомпозиции как духовного и психического мира человека, его сознания, так и его тела. Метафора персонификации превращает человека в скопище разнообразных существ, выполняющих функции, в нормальном случае свойственные человеку как цельной личности: *утомляющаяся любовь, блуждающее и пойманное чувство, томящаяся нищая мысль, живущий в страхе ум* — все это приводит к декомпозиции человека как целого. С другой стороны, персонификация объектов и предметов



окружающего мира приводит к восприятию природы как социального феномена, вполне сопоставимого с обществом людей.

В две стороны направлена и метафора организма: неживое олицетворяется, становится частью живого (*жизнь вещества, живот равнодушной тучи*), а человек, наоборот, деперсонифицируется и становится неодушевленным организмом, приближаясь к неодушевленной природе: *безжизненно томящееся человеческое тело, смутный зародыш, в тело вошли грусть и равнодушие, бродящие тела*. М-модели ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА и ПРОСТРАНСТВА в метафорических проекциях по отношению к человеку также его деперсонифицируют. Вырисовывается довольно ясная двойная стратегия использования метафор, направленная на гармонизацию природы и человека через осмысление последнего как естественной части природы, с одной стороны, и понимание природы как проявления живого и разумного начала — с другой.

#### 20.4. От метафор к понятийным константам

Когнитивная теория метафоры утверждает, что метафора — это важный когнитивный феномен, влияющий на мышление и процесс принятия решений. Согласно современным представлениям, процесс принятия решений включает следующие основные этапы: 1) осознание проблемной ситуации; 2) выявление альтернатив разрешения проблемной ситуации; 3) оценка альтернатив; 4) выбор альтернативы (собственно принятие решения). Метафора так или иначе может влиять на любой из этапов принятия решений, но она особенно важна при формировании множества альтернатив разрешения проблемной ситуации. Человек, осмысляющий спор как военные действия (концептуальная метафора Спор — это война) будет вести себя совершенно по-другому, чем человек, воспринимающий спор, как искусство или как танец (ср. потенциальные концептуальные метафоры Спор — это искусство, Спор — это танец).

Если когнитивная теория метафоры права, то концепты, понятия, осмысляемые в метафорических терминах, занимают существенное место в сознании и мышлении человека. Чем больше метафорических осмыслений, тем более «централен» концепт<sup>23</sup>, то есть более значим

---

<sup>23</sup> Ср. понятие центральности узла когнитивной карты в когнитивном картировании — способе представления причинных связей в политическом тексте [Херадштейт, Нарвесен 1987].

в когнитивной системе. Концепты, имеющие высокую частоту метафорических интерпретаций, могут претендовать на статус понятийных констант, которые важны как для ценностных ориентаций личности, так и для разработки стратегии поведения в кризисной ситуации. Проведенное исследование метафорики романа «Счастливая Москва» позволяет выявить те понятия, которые чаще всего становятся объектом метафорического осмысления, то есть более часто выступают как «область цели» (target domain) метафорической проекции. Как оказалось, самый метафоризируемый концепт — это «человек». Более того, другие частотные концепты, образующие группу самых частотных, — это понятия, так или иначе связанные с человеком.

Таблица 3

**Наиболее частотные области метафорического осмысления  
(в романе А. Платонова «Счастливая Москва»)**

Концепт	Частота употребления
человек	53
жизнь	27
чувство / чувства	23
психика	18
время	10
ум	10
тело	9
любовь	8
мысль / мысли	8
мышление	8
объект-предмет	8
мир	7
организм	7
природа	6
душа	5
история	5
бессмертие	4
тоска	4

Категория времени почти вдвое менее частотна, чем концепт психики. Тем самым группа когнитивных констант «человек», «жизнь»<sup>24</sup>, «чувство / чувства» и «психика» формируют область интересов А. Платонова.

<sup>24</sup> Чаще всего имеется в виду именно жизнь человека.

тонова, осмысляемую средствами художественного текста<sup>25</sup>. Разумеется, к человеку относятся и другие, менее частотные, концепты — «ум», «любовь», «мысль / мысли», «мышление», «душа», «бессмертие». С учетом этого человек и все связанное с ним оказывается центральной понятийной категорией эстетики и художественного осмысления действительности в тексте романа «Счастливая Москва»<sup>26</sup>.

Можно утверждать, однако, что человек как центральная понятийная категория А. Платонова — ключевой концепт его мировосприятия — не существует для Платонова вне мира. Противоречие между человеком и миром снимается, как уже было показано, художественной стратегией использования метафор, позволяющей приблизить мир к человеку, а человека — к миру.

Несколько иное распределение понятийных констант обнаруживается в романе «Чевенгур» (см. табл. 4). Самой частотной областью метафорического осмысления остается «человек» (93 употребления). Как и в романе «Счастливая Москва», «человек» как понятийная категория тесно связан с концептами «жизнь» (71) и «чувство / чувства» (40). «Тело» человека, «организм» также становятся целевой областью метафоризации (36 и 55 контекстов соответственно). Однако имеются и отличия. Во-первых, существенную конкуренцию концепту «человек» составляет концепт «коммунизм-социализм» — 74 контекста. Это вполне понятно: действительно, самозарождение коммунизма в Чевенгуре является частью сюжетной канвы повествования. Кроме того, коммунизм интересен Платонову как психологический и мировоззренческий феномен, как такой способ изменения человека, который, предположительно, позволит снять противоречие между людьми и окружающим их миром, сделав человека органичной частью бытия. В этом смысле роман «Чевенгур» оказывается своеобразным мысленным экспериментом, который ставит Платонов на выдуманном им мире и людях (в отличие от политических «экспериментаторов»,

---

<sup>25</sup> Отметим, что Лай Инчуань выделяет понятие «человек» как одну из ипостасей концепта «странничество», являющегося, согласно этому автору, центральной темой в романе А. Платонова «Чевенгур». См. [Лай Инчуань 2006].

<sup>26</sup> Интересно, что выделенное таким образом множество концептуальных категорий лишь частично пересекается с обычно обсуждаемыми в литературе по Платонову концептами — ср. выделение таких категорий, например, в [Михеев 2002; Дмитровская 1999].

уродующих реальных людей), пытаясь оценить последствия новой идеологии.

С концептом «коммунизма-социализма» тесно связан и концепт «революции» (41), который также становится частотной мишенью метафорической проекции.

Еще одна важная концептуальная особенность романа «Чевенгур» — частое метафорическое осмысление «природы», семантически связанное с понятием «мир».

Таблица 4

**Наиболее частотные области метафорического осмысления  
в романе А. Платонова «Чевенгур»**

Концепт	Частота употребления
человек	93
коммунизм-социализм	74
жизнь	71
природа	61
организм	55
революция	41
чувство / чувства	40
тело-тела	36
время	33
растение-дерево	29
механизм	27
мир	27
солнце	24
объект-предмет()	23
орган()	22
машина	21
ум	19
пространство	18
мышление	17
сердце	17
транспортное средство	15
ночь	14
паровоз-паровозы	14
флора	14
душа	13
земля	13

Концепт	Частота употребления
свет-тьма	13
горе	12
город	11
неработающие	11
счастье	10

Таким образом, можно утверждать, что в концептуальной сфере в романе «Чевенгур» наиболее существенны два концепта — «человек» и связанные с ним категории и феномен «коммунизм-социализм». Человек как одна из центральных понятийных категорий А. Платонова не существует для Платонова вне природы и мира. Противоречие между человеком и миром снимается художественной стратегией использования метафор, позволяющей воспринимать человека через призму мира, а мир — через образ человека. Феномен «коммунизма-социализма» встраивается в эту концептуальную систему как объект мысленного эксперимента, цель которого оценить способность новой идеологии так преобразовать человека и общество, чтобы снять противоречие между человеком и окружающим его миром. Сюжет романа однозначно указывает, каковы перспективы нового преобразования общества, человека и мира.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дескрипторная теория метафоры представляет собой естественное развитие когнитивной теории. Расширение языкового материала (а именно в этом состоит современный «тренд» изучения метафорики) с неизбежностью требует модификации и уточнения уже введенных понятий. Представленные в книге примеры использования категорий дескрипторной теории в сфере политической лингвистики и лингвистического мониторинга дискурсов разных типов показывают, что предпринятое теоретическое расширение когнитивной теории метафоры правомерно и продуктивно. Однако вряд ли имеет смысл объявлять достигнутое истиной в последней инстанции и останавливаться на достигнутом. Разобранные case studies достаточно ясно показывают рамки применимости дескрипторной теории, которые, конечно же, существуют. Упомянем кратко те новые проблемы и сложности, которые возникают при практическом использовании инструментария дескрипторной теории.

Первая существенная проблема — возможности унификации метаязыка сигнификативных и денотативных дескрипторов. Любой метаязык научной теории позволяет «увидеть» только то, что допускается его единицами. Иными словами, каждый метаязык имеет свою разрешающую силу. Если для явления не находится единицы метаязыка, то оно в рамках данной теории не существует. Изначально метаязык дескрипторов разрабатывался чисто эмпирически — в процессе анализа текстов политического дискурса эпохи перестройки. Оказалось, однако, что любое расширение проблемной области — будь то материал немецкой политической метафорики или художественные тексты А. Платонова — приводит к изменениям сигнификативных и тем более денотативных дескрипторов. Относительная унификация здесь возможна, однако полной унификации добиться нельзя, поскольку каждый дискурс имеет свой предмет, который в этом дискурсе принято осмыслять на языке фиксированного набора метафорических моделей. Выход за пределы принятой системы метафор почти всегда означает выход за пределы дискурса, точнее принятых в нем дискурсивных практик.

Вторая проблема непосредственно связана с первой. Сопоставление метафорических систем различных дискурсов в существенной

степени ограничено. Дело в том, что метафорические модели могут быть представлены в текстах различными сторонами — разными сигнификативными дескрипторами. Иными словами, М-модель механизма в одном дискурсе может реализоваться преимущественно метафорами тормоза и поломки, а в другом — метафорами смазки, работы и ремонта. Понятно, что это будут весьма разные реализации одной и той же М-модели. Различия такого рода можно учесть только на уровне следствий из метафоры — профилируемых ею смыслов. Частично это можно учесть также на уровне выявления устойчивых пар сигнификативных и денотативных дескрипторов («концептуальных метафор», по Дж. Лакоффу). Но и в этом случае корректное сопоставление не всегда возможно, поскольку остается еще и то, что Ф. де Соссюр назвал значимостью знака в семиотической системе: М-модели в дискурсе находятся в системных отношениях. Частично значимость М-модели отражается в конstellляциях и частотных кластерах, однако это лишь некоторые внешние проявления указанного свойства метафор.

Наконец, третья проблема касается недостаточности исследования метафоры чисто лингвистическими средствами. Поскольку метафора не только лингвистический, но и когнитивный и культурный феномен, многие аспекты лингвистического описания требуют обращения к экстралингвистической информации. Типичный пример такого рода — категория дискурсивной практики.

Впрочем, перечисленные болевые точки дескрипторной теории (а их, конечно же, много больше) в том или ином варианте присущи практически любому приложению лингвистической теории. До сих пор и лингвистика, и ее прикладные дисциплины с этим справлялись. Можно надеяться, что и в данном случае решения будут находиться — для каждой проблемной ситуации свои.





## ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1992 — *Апресян Ю. Д.* Коннотации как часть прагматики слова // Русский язык. Проблема грамматической семантики и оценочные факторы в языке. М., 1992.
- Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. 1993 — *Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3.
- Арутюнова 1990 — *Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
- Баранов 1990а — *Баранов А. Н.* Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание.) М., 1990.
- Баранов 1990б — *Баранов А. Н.* Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное познание. М., 1990.
- Баранов 1991а — *Баранов А. Н.* Очерк когнитивной теории метафоры // *Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.* Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.
- Баранов 1991б — *Баранов А. Н.* Свобода справедливости или справедливость свободы? // Знание-сила. 1991. № 5.
- Баранов 1993 — *Баранов А. Н.* Языковые игры времен перестройки (Феномен политического лозунга) // Русистика. 1993. № 2.
- Баранов 1994 — *Баранов А. Н.* Воскрешение метафоры // *Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.* Словарь русских политических метафор. М., 1994.
- Баранов 2000 — *Баранов А. Н.* Метафоры в политическом дискурсе: языковые маркеры кризисности политической ситуации // Sprachwandel in der Slavia. Teil 1. Frankfurt am Mein, 2000.
- Баранов 2001а — *Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
- Баранов 2001б — *Баранов А. Н.* Проблема репрезентативности корпуса данных (на примере политической метафорики) // Международный семинар «Диалог-2001». М., 2001.
- Баранов 2003а — *Баранов А. Н.* О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2.
- Баранов 2003б — *Баранов А. Н.* Дескрипторная теория метафоры и типология метафорических моделей // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог-2003». М., 2003.

- Баранов 2004а — Баранов А. Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // ИАН СЛЯ. Т. 63. 2004. № 1.
- Баранов 2004б — Баранов А. Н. Метафорические грани феномена коррупции // Общественные науки и современность. РАН. 2004. № 2.
- Баранов 2012 — Баранов А. Н. Когнитивное моделирование в лингвистике и феномен «слабой семантики» // Когнитивные исследования 5. М., 2012.
- Баранов, Добровольский 2000 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Типология формальных операций при порождении актуального значения идиомы // Linguistische Arbeitsberichte 75. Leipzig: Institut für Linguistik der Universität Leipzig, 2000.
- Баранов, Казакевич 1991 — Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык. М., 1991.
- Баранов, Караулов 1991 — Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.
- Баранов, Караулов 1994 — Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
- Баранов, Караулов 1997 — Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Политика и язык: от ритуала к диалогу // Энергия. 1997. № 6.
- Баранов, Паршин 1986 — Баранов А. Н., Паршин П. Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986.
- Баранов, Паршин 1989 — Баранов А. Н., Паршин П. Б. Воздействующий потенциал в сфере метаграфематики // Проблемы эффективности речевой коммуникации. М., 1989.
- Баранов, Паршин 1990 — Баранов А. Н., Паршин П. Б. Варианты и инварианты текстовых макроструктур (к формированию когнитивной теории текста) // Проблемы языковой вариативности. М., 1990.
- Баранов, Шипова 2006 — Баранов А. Н., Шипова Е. А. Метафорика евангельских текстов: модели метафор и профилируемые смыслы // Festschrift für Gerhard Birkfellner zum 65. Geburtstag, Teilband I, Studia Philologica Slavica. Lit Verlag, Berlin, 2006. S. 3—34.
- Баранов и др. 1997а — Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Михайлов М. Н. Интерпретации «национальной идеи» в политическом дискурсе // Россия в поисках идеи. Анализ прессы. М., 1997.
- Баранов и др. 1997б — Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Михайлов М. Н. Идеология как феномен общественного сознания (лингво-статистический анализ) // Россия в поисках идеи. Анализ прессы. М., 1997.
- Баранов и др. 2004 — Баранов А. Н., Михайлова О. В., Сатаров Г. А., Шипова Е. А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. М., 2004.

- Бикман, Келлоу 1994 — *Бикман Дж., Келлоу Дж.* Не искажая слова божия... Принципы перевода и семантического анализа Библии. СПб., 1994.
- Бродель 1986 — *Бродель Ф.* Структуры повседневности. Возможное и невозможное. М., 1986.
- Буй 1996 — *Буй Василий.* Русская обценная идиоматика как объект лингвистического описания // *Буй Василий.* Русская заветная идиоматика. М., 1996.
- Бычков, Мицкевич 1970 — *Бычков А. М., Мицкевич А. Е.* Догматика. Заочные библейские курсы ВСЕХБ. М., 1970.
- Вежбицкая 1999 — *Вежбицкая А.* Значение Иисусовых притч: семантический подход к Евангелиям // *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Владимиров 1998 — *Владимиров А.* Учебник жизни. М., 1998.
- Вознесенская, Дмитровская 1993 — *Вознесенская М. М., Дмитровская М. А.* О соотношении ratio и чувства в мышлении героев А. Платонова // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
- Гордон 1995 — *Гордон Д.* Терапевтические метафоры. СПб., 1995.
- Горяинова 2013 — *Горяинова Н. В.* Антропоморфная метафора в языке поэзии Ф. И. Тютчева (когнитивный аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2013.
- Дмитровская 1999 — *Дмитровская М. А.* Язык и мирозерцание А. Платонова: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1999.
- Дэвидсон 1990 — *Дэвидсон Д.* Что означают метафоры // Теория метафоры. М., 1990.
- Звегинцев 1968 — *Звегинцев В. А.* Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968.
- Караулов 1987 — *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность, М., 1987.
- Клемперер 1998 — *Клемперер В.* ЛП. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998.
- Кобозева 2010 — *Кобозева И. М.* Лексикосемантические заметки о метафоре в политическом дискурсе // Политика в зеркале языка и культуры. М., 2010.
- Кобозева, Лауфер 1990 — *Кобозева И. М., Лауфер Н. И.* Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
- Кожевникова 2000 — *Кожевникова Н. А.* Тропы в прозе А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М., 2000.
- Кожевникова, Петрова 2010 — *Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю.* Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX—XX вв. Вып. 2: Звери, насекомые, рыбы, змеи. М., 2010.

- Лай Инчуань 2006 — *Лай Инчуань*. Художественный текст как объект концептуального анализа (роман А. Платонова «Чевенгур»). Тайбэй, 2006.
- Лакофф 2004 — *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. М., 2004.
- Лакофф, Джонсон 2004 — *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
- Левин 1990 — *Левин Ю. И.* От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А. Платонова) // Семиотика и информатика. Вып. 30. М., 1990.
- Липпман 2004 — *Липпман У.* Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
- Лотман 1994 — *Лотман Ю. Л.* Суворов // История. 1994. № 48.
- Миллер 1990 — *Миллер Дж.* Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры. М., 1990.
- Минский 1978 — *Минский М.* Структура для представления знаний // Психология машинного зрения. М., 1978.
- Михеев 2002 — *Михеев М. Ю.* В мир Платонова — через его язык. М., 2002.
- Ожегов, Шведова 1984 — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Словарь русского языка. М., 1984.
- Олкер 1987 — *Олкер Х. Р.* Волшебные сказки, трагедии и способы изложения мировой истории // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- Павлович 1995 — *Павлович Н. В.* Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995.
- Павлович 1999 — *Павлович Н. В.* Словарь поэтических образов. Т. 1, 2. М., 1999.
- Паршин 1996 — *Паршин П. Б.* Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания. 1996. № 2.
- Рождественский 1997 — *Рождественский Ю. В.* Теория риторики. М., 1997.
- Скляревская 1993 — *Скляревская Г. Н.* Метафора в системе языка. СПб., 1993.
- Словарь русских иконописцев 2003 — Словарь русских иконописцев XI—XVII веков. М.: Индрик, 2003.
- Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.
- Топоров 1989 — *Топоров В. Н.* Пространство культуры и встречи в нем // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. М., 1989.
- Узнадзе 2001 — *Узнадзе Д. Н.* Психология установки. СПб., 2001.
- Успенский 1996 — *Успенский Б.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. М., 1996.
- Феофилакт Болгарский 2010а — *Феофилакт Болгарский*. Толкования на Евангелия от Матфея и от Марка. Сибирская Благовонница, 2010а.
- Феофилакт Болгарский 2010б — *Феофилакт Болгарский*. Толкования на Евангелия от Луки и от Иоанна. Сибирская Благовонница, 2010.

- Фрейд 1998 — *Фрейд З.* Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа. СПб., 1998.
- Хейзинга 1992 — *Хейзинга Й.* Homo ludens. М., 1992.
- Херадштейт, Нарвесен 1987 — *Херадштейт Д., Нарвесен У.* Психологические ограничения на принятие решения // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- Чудинов 2001 — *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале. Екатеринбург, 2001.
- Чудинов 2003 — *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.
- Шмелев 2005 — *Шмелев А. Д.* Широта русской души // *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
- Шрейдер 1976 — *Шрейдер Ю. А.* Сложные системы и космологические принципы // Системные исследования, 1975. М., 1976. С. 149—177.
- Alker et al. 1985 — *Alker H. R. Jr., Lehnert W. G., Schneider D. K.* Two reinterpretations of Toynbee's Jesus: Explorations in computational hermeneutics // *Quaderni di ricerca linguistica.* 1985. № 6.
- Baranov 1998 — *Baranov A. N.* Justice, Equality and Freedom: The Structure of Value Concepts // *Chilton P. A., Ilyin M. V., Mey J. L. (eds).* Political Discourse in Transition in Europe 1989—1991. Amsterdam; Philadelphia, 1998.
- Baranov 2002 — *Baranov A. N.* Semantische und pragmatische Probleme bei der Überetzung von Metaphern // *Symatzik B., Birkfellner G., Sproede A. (Hrsg.).* Die Überetzung als Problem sprach- und literaturwissenschaftlicher Forschung in Slavistik und Baltistik. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2002.
- Baranov 2004 — *Baranov A. N.* Metasprache der Beschreibung von Metaphern im öffentlichen Diskurs // *Das Wort. Germanistisches Jahrbuch 2004.* Moskau, 2004.
- Baranov 2006 — *Baranov A. N.* Metasprache zur Beschreibung von Metaphern im öffentlichen Diskurs // *Kulturelle Vorstellungswelten in Metaphern. Metaphorische Stereotypen der deutschen und russischen Medien als Hypertext.* Forum Translationswissenschaft. Bd 6. Peter Lang, 2006.
- Baranov, Dobrovol'skij 1996 — *Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O.* Cognitive modelling of actual meaning in the field of phraseology // *Journal of pragmatics.* 1996. 25.
- Baranov, Zinken 2003 — *Baranov A. N., Zinken J.* Die metaphorische Struktur des öffentlichen Diskurses in Russland und Deutschland: Perestrojka- und Wende-Periode // *Metapher, Bild und Figur. Osteuropäische Sprach- und Symbolwelten.* Hamburg, 2003.
- Belt 2003 — *Belt T. L.* Metaphor and political persuasion. Los Angeles, 2003.

- Black 1962 — *Black M.* Metaphor // Models and Metaphor. Studies in Language and Philosophy. Ithaca; London: Cornell University Press, 1962.
- Black 1981 — *Black M.* Lakoff, George, and Mark Johnson. Metaphors we live by // Journal of Aesthetics and criticism. 1981. Vol. 40.
- Booth 1983 — *Booth W. C.* Lakoff, George and Johnson, Mark. Metaphors we live by // Ethics. April 1983.
- Bosman 1987 — *Bosman J.* Persuasive effects of political metaphors // Metaphor and Symbolic Activity. 1987. Vol. 2. № 2.
- Carbonell 1982 — *Carbonell J. G.* Metaphor: An inescapable phenomenon in natural-language comprehension // Lehnert W. G., Ringle M. H. (eds). Strategies for Natural Language Processing. Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1982.
- Chafe 1994 — *Chafe W.* Discourse, consciousness, and time. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Charteris-Black 2004 — *Charteris-Black J.* Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. Basingstoke, 2004.
- Chilton, Ilyin 1993 — *Chilton P., Ilyin M.* Metaphor in political discourse: the case of the 'common European house' // Discourse & Society. Vol. 4 (1). 1993.
- Christ'l de Landtsheer 1991 — *Christ'l de Landtsheer.* Function and the language of politics. A linguistic uses and gratification approach // Communication and cognition. 1991. Vol. 24. № 3/4.
- Fairclough 1995 — *Fairclough N.* Critical discourse analysis: the critical study of language. London; New York, 1995.
- Foucault 1967 — *Foucault M.* Les mots et les choses: Une archeologie des sciences humaines. Paris, 1967.
- Foucault 1971 — *Foucault M.* L'ordre du discours. Paris, 1971.
- Gordon 1978 — *Gordon D.* Therapeutic Metaphors. California, 1978.
- Hobbs 1992 — *Hobbs J.* Metaphor Interpretation as Selective Inferencing: Cognitive Processes in Understanding Metaphor // Empirical Studies in the Arts. Vol. 1. 1992.
- Jakobson 1966 — *Jakobson R.* On Linguistic Aspects of Translation // Brower R. A. (ed.). On Translation. New York: Oxford University Press, 1966.
- Klemperer 1969 — *Klemperer V.* «LTI». Die unbewältigte Sprache. Aus dem Notizbuch eines Philologen. Detschen Taschenbuch Verlag, 1969.
- Kulturelle Vorstellungswelten 2006 — Kulturelle Vorstellungswelten in Metaphern. Metaphorische Stereotypen der deutschen und russischen Medien als Hypertext. Forum Translationswissenschaft. Bd. 6. Peter Lang, 2006.
- Lakoff 1986 — *Lakoff G.* The public aspect of the language of love // Poetic journal. Maginality: public and private language. 1986. № 6.
- Lakoff 1987 — *Lakoff G.* Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago; London, 1987.

- Lakoff 1990 — *Lakoff G.* The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image-Schemas? // *Cognitive Linguistics*. 1990. № 1.
- Lakoff 1991 — *Lakoff G.* Metaphor in Politics. An open letter to the Internet from George Lakoff, 1991 // [cogsci.berkeley.edu/lakoff](http://cogsci.berkeley.edu/lakoff).
- Lakoff 1993 — *Lakoff G.* The contemporary theory of metaphor // Ortony A. (ed.). *Metaphor and thought*. Cambridge, 1993.
- Lakoff, Johnson 1980 — *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980.
- Liebert 1992 — *Liebert W.-A.* *Metaphern Bereiche der deutschen Alltagssprache*. Frankfurt am Mein etc.: Peter Lang, 1992.
- Metaphor and Thought* 1996 — *Metaphor and Thought*. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1979.
- Mio 1996 — *Mio J. S.* *Metaphor, Politics, and Persuasion* // *Metaphor: Implications and Applications*. Mahwah, 1996.
- Mumford 1967 — *Mumford L.* *The Myth of the Machine*. New York, 1967.
- Nida 1964 — *Nida E. A.* *Toward a science of translating: with special reference to principles and procedures involved in Bible translating*. Leiden: Brill, 1964.
- Nietzsche 1906 — *Nietzsche F.* *Der Wille zur Macht*. Stuttgart, 1906.
- Nuessel 1982 — *Nuessel F. H.* George Lakoff and Mark Johnson, *Metaphors we live by* // *Lingua*. 1982. Vol. 56.
- Ortony 1979 — *Ortony A.* The Role of Similarity in Similes and Metaphors // Ortony A. (ed.). *Metaphor and Thought*. Cambridge; London: Cambridge University Press, 1979.
- Ricoeur 1980 — *Ricoeur P.* *Essays on Biblical Interpretation* / Ed. by Lewis S. Mudge. Philadelphia: Fortress Press, 1980.
- Ricoeur 1981 — *Ricoeur P.* *Hermeneutics and human sciences*. Cambridge, 1981.
- Rumelhart 1980 — *Rumelhart D. E.* Some Problems with the Notion of Literal Meanings // Ortony A. (ed.). *Metaphor and Thought*. London: Cambridge University Press, 1980.
- Rumelhart, McClelland 1986 — *Rumelhart D. E., McClelland J. L.* *Parallel Distributed Processing: Explorations in the Microstructure of Cognition*. Vol. 1: Foundations. Cambridge (MA): MIT Press, 1986.
- Russell 1997 — *Russell B.* *The Problems of Philosophy*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Schleiermacher 1974 — *Schleiermacher F. D. E.* *Hermeneutik*. Heidelberg, 1974.
- Seriot 1985 — *Seriot P.* *Analyse du discours politique soviétique*. Paris, 1985.
- Shenker 1979 — *Shenker I.* *Harmless drudges: Wizards of language*. Cambridge etc., 1979.
- Smith 1982 — *Smith M. K.* *Metaphor and mind*. *Metaphors we live by*. By George Lakoff and Mark Johnson // *American Speech*. 1982. Vol. 57.

- Stiver 1996 — *Stiver D. R.* The Philosophy of Religious Language: Sign, Symbol and Story. Cambridge (MA): Blackwell, 1996.
- Tannenbaum 1987 — *Tannenbaum A. G.* Pierre Bayle's Philosophical Commentary — A modern translation and critical interpretation. New York: Peter Lang, 1987.
- Toynbee 1946 — *Toynbee A.* A study of history. Vol. VI. Part 5. London; N. Y., 1946.
- Veale et al. 1995 — *Veale T., O'Donoghue D., Kean M.* Comutibility as limiting cognitive constraint: complexity concerns in metaphor comprehension about which cognitive linguists should be aware // [www.compapp.dcu.ie/~tonyv/ICLC/ICLC95.html](http://www.compapp.dcu.ie/~tonyv/ICLC/ICLC95.html) (1995).
- Vosniadou, Ortony 1989 — *Vosniadou S., Ortony A.* Similarity and analogical reasoning: a synthesis // Vosniadou S., Ortony A. (eds). Similarity and analogical reasoning. Cambridge, 1989.
- Wagner 1982 — *Wagner R.* Metaphors we live by. George Lakoff and Mark Johnson // *American Anthropologist*. 1982. Vol. 84.
- Winston 1982 — *Winston P. H.* Learning New Principles form precedents and Exercises // *Artificial Intelligence*. 1982. № 19.
- Zinken 2002 — *Zinken J.* Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition: Dissertation zur Erlangung der Wurde eines Doktors im Fach Linguistik. Bielefeld, 2002.



## ПРИЛОЖЕНИЕ

В приложение помещен языковой материал — словарные статьи метафорических моделей русского политического дискурса эпохи перестройки, рассматриваемые в третьей части книги, но не вошедшие в словари политических метафор [Баранов, Караулов 1991; 1994]. Это М-модели литературы, фауны и флоры (растение-дерево). В статьях можно найти информацию о том, какие реалии сферы политики осмыслялись в терминах указанных метафор. Описание структуры и принципов организации словарной статьи можно найти в указанных словарях. Здесь отметим только, что каждая словарная статья состоит из двух частей. В первой части приводится таблица сигнификативных дескрипторов и соответствующих им денотативных дескрипторов с указанием количества примеров. Во второй части — на каждый пример сигнификативного дескриптора приводятся примеры из базы данных по русской политической метафоре. Различные денотативные реализации одного сигнификативного дескриптора — случаи, когда, например, концепт Буратино используется для осмысления и народа и политика (политиков) — подаются во второй части как разные «значения» сигнификативного дескриптора «Буратино».

Условные обозначения в словарных статьях: знак ¶ вводит зону одних метафорических осмыслений. Знак ¶ вводит пример употребления метафоры. Цифры указывают на использование метафоры для осмысления разных реалий политической жизни.

### 1. Метафорическая модель литературы

Сфера источника	Сфера цели
<b>КНИГА</b>	история (3)
<b>ПИСЬМО</b>	—
Клякса	политическая ошибка
переписывание	изменение истории (2)
почерк	политическая деятельность
<b>ТЕКСТ</b>	история (6) правда-истина
глава	исторический период
контекст	политическая ситуация
страница	событие (5)
<b>МИР ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА</b>	—

Сфера источника	Сфера цели
ПЕРСОНАЖ <sup>1</sup>	политик (3), Ельцин Б.Н. (2) КПСС, Ленин В. И., Медельинский картель
Аннушка	политик
Баба Яга <sup>2</sup>	капитализм [система]
Башмачкин	Ленин В. И.
Беатриче	Ельцин Б. Н.
Берлиоз	Горбачев М. С.
бесы <sup>3</sup>	коммунисты (3)
блудный сын	Невзоров
Большой Брат	генеральный секретарь ЦК КПСС
брудастая сука	политическая программа
Буратино	народ (2), политик (2)
Ванька-встанька	Ленин В. И.
великолепная восьмерка	ГКЧП
верный Руслан <sup>4</sup>	сторонник диктатуры (2)
всадник без головы	КПСС, управление [экономика]
гадкий утенок	Ельцин Б. Н.
главный герой	Ельцин Б. Н.
герой сказки	Ельцин Б. Н.
голый король	политик [Горбачев М. С., депутат] (2) государство
граф Монте-Кристо	Горбачев М. С. (2)
дама, приятная во всех отношениях	гласность
дон Кихот	Сахаров А. Д.
дудочник	Гитлер А.
Загорецкий	Бурбулис Г. Э.
зицпредседатель Фунт	Полторанин М.
злодей	Ельцин Б. Н.
Золушка	культура

<sup>1</sup> Некоторые из дескрипторов данного таксона давались также в М-модели ИСТОРИЯ; ТЕАТР; ЦИРК; КИНО.

<sup>2</sup> Давалось также в М-модель СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО.

<sup>3</sup> В форме мн. числа давалось только в данную М-модель; в дереве М-модели РЕЛИГИЯ только в ед. числе.

<sup>4</sup> Из повести Владимова «Верный Руслан».

Сфера источника	Сфера цели
Иван-царевич	Ельцин Б. Н.
Иудушка Головлев	политик [демократической ориентации]
Калевала	история КПСС
Карамазовы	народ
Кощей Бессмертный	КПСС, ложь, Хасбулатов Р. И.
кляча	история (2)
комический персонаж	политик
кот Базилио	ученый-экономист (3)
красно солнышко	Ельцин Б. Н.
кремлевский мечтатель	Ленин В. И., руководство КПСС
крошка Цахес	политик [коммунист]
Курагин	Жириновский В. В.
кухаркины дети	депутаты (3)
кучер	политик
Ланселот	политик (2)
лебедь, рак и щука	правительство
лиса Алиса	ученый-экономист (2)
мавр	армия, руководитель ГПУ [Ежов, Берия]
мальчик <sup>5</sup>	демократия
мальчиш-кибальчиш	член правительства
медведь-воевода	Ельцин Б. Н.
мелкий бес	Брежнев Л. И., Жириновский В. В.
Мефистофель <sup>6</sup>	рынок (2)
Моби Дик	Ельцин Б. Н.
Молчалин	политик
обезьяна <sup>7</sup>	политик
Паниковский	Ельцин Б. Н.
Панталоне	Брежнев Л. И.
Папа Карло	Маркс К.
потомки Свидригайлова	политики
призрак [коммунизма] <sup>8</sup>	коммунизм [идеология / система] (7), рынок / капитализм [система] (2) политики [противники перестройки], СССР, частная собственность

<sup>5</sup> Из «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова.

<sup>6</sup> Дано также в М-модели религия мифология.

<sup>7</sup> Персонаж Киплинга, дано также в М-модель фауна.

<sup>8</sup> Персонаж «Коммунистического манифеста».

Сфера источника	Сфера цели
профессор Персигов	Демократическая Россия
профессор Преображенский	Хасбулатов Р.И.
птица-тройка	Россия (2) финансы
Пьер Безухов	Горбачев М.С.
Раскольников	большевик
Робин Гуд	Невзоров А. (2)
Ростова Н.	народ
рыбак	Горбачев М. С.
собака Баскервилей	коммунисты
Соловей-Разбойник	Горький М.
спящая красавица	Верховный Совет
тень отца Гамлета	исполнительная власть, политическое соглашение, Хасбулатов Р. И.
узник замка «Иф»	Горбачев М.С.
униженные и оскорбленные	интеллигенция
унтер-офицерская вдова	республика [в составе СССР]
Фагот-Коровьев	Хасбулатов Р. И.
Фамусов	политик
Хлестаков	Жириновский В. В., Собчак А.
Чацкий	Руцкой А. В.
человек с ружьем	военный (3)
Шариков	политик (2) Рябов Н.
Швондер	политик
Штирлиц	сотрудник КГБ
<i>ОБЪЕКТЫ, СУЩНОСТИ ТЕКСТА</i>	–
внешняя партия	КПСС
внутренняя партия	КГБ (2)
гроздья гнева	недовольство (2)
медная стопа	государственная власть
осколок зеркала	социализм [идеология, система]
полк Болконского	КПСС
скелет в шкафу	проблема
союз меча и орала	ГКЧП
трамвай <sup>9</sup>	история
холст с очагом	социализм / коммунизм [система]
шагреновая кожа	власть, КПСС, политическая ситуация

<sup>9</sup> Из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Сфера источника	Сфера цели
шарманка	политическая программа
<i>ЛОКУСЫ ТЕКСТА</i>	–
вишневый сад	социализм / коммунизм [система]
внутренняя империя	Россия
Зазеркалье	политика, социализм [система]
королевство кривых зеркал	экономика
котлован	социализм / коммунизм [система] (3) политика
поле чудес	наука
страна дураков	Россия / СССР (2)
Эльсинор	IV Съезд народных депутатов
<i>СОБЫТИЯ ТЕКСТА, СЮЖЕТ</i>	
выдернуть репку	принять решение
поскользнуться на масле	неуспех путча
пятый сон Веры Павловны	социализм [система]
сон в летнюю ночь	путч
съесть чижики <sup>10</sup>	политическая деятельность
<i>ТИП ТЕКСТА</i>	
азбука	знания (3)
драма	политическая ситуация (2) история
летопись	архитектура
повествование	жизнь
пьеса	политическая деятельность (2) выборы, дезинтеграция СССР, приватизация, рынок, социализм [система]
сказка	социализм / коммунизм [идеология, система] (4) многопартийность
сценарий	развитие политической ситуации (7)
<i>фольклор</i>	–
шутка	перестройка
<i>КОНКРЕТНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ</i>	–
Евангелие	политическая программа, мемуары участников революции
Калевала	история КПСС

<sup>10</sup> Событие из сказок Салтыкова-Щедрина.

Сфера источника	Сфера цели
Ода вольности	политическое выступление
<i>АВТОР ТЕКСТА</i>	
трубадуры	обществоведы / пропагандисты
человек пишущий / писатель <sup>11</sup>	история (2)

### ЛИТЕРАТУРА

**КНИГА** история ☐ Собчак, Попов, Яковлев, Шеварднадзе и вся их группировка, Руцкой с его единомышленниками работают не на единство и согласие, а на конфронтацию. Октябрь был *первой трагической страницей*, перестройка — второй. Нельзя допустить третьей. Пора вести нормальную цивилизованную политику, основанную на многопартийности и плюрализме. (Жириновский В. «Советская Россия», 30.07.1991) И если каждый из нас — слово истории родного края, будь то ругань, призыв, бессвязный лепет, похотливый всхлип, тихая молитва, робкий оклик, то остаток жизни Александра Солженицына может стать не последней точкой написанных им книг, а первым словом *на новой странице вечной книги России*, которая сможет со следующими словами обрести свою силу и муки неустанного изгнничества и неутомимых поисков человечности и человека и в себе, и вокруг. (Терехов А. «Огонек», 05.10.1991) Зря ли сказано все это в великой *Книге*, пронесенной через тысячелетия? В том-то и дело. Взгляните в историю: мы молодая нация со всеми вытекающими минусами и плюсами, нам близко сказанное. Так расставаться ли нам со своей детскостью и широтой души? (Аракчеев Ю. «Независимая Газета», 14.08.1992)

### ПИСЬМО

**КЛЯКСА** ☐ политическая ошибка ☐ Нет, речь не пойдет о ловушках случайных, одновременных, попадаясь в которые, мы оставляем *политические кляксы*. Хотя и такие ловушки перестройке расставляют и, несомненно, будут расставлять. (Яковлев А. «Московские Новости», 15.11.1990)

**ПЕРЕПИСЫВАНИЕ** изменение истории ☐ Армения никогда не пыталась *переписывать страницы истории*. Новые власти республики неоднократно подчеркивали, что не имеют территориальных претензий к соседней Турции. («Независимая Газета», 16.05.1991) Наша история писалась и *переписывалась* уже трижды. При Сталине, при Хрущеве и при Брежневеве. (Змитрович А. «Молодая Гвардия», 01.10.1990)

**ПОЧЕРК** ☐ политическая деятельность ☐ Главное, что отличает последнее время *политический почерк* центральной власти — это непредсказуемость. (Сатаров Г. «Куранты», № 4, 01.01.1991)

**ТЕКСТ** история ☐ Складывается впечатление, что некоторые стали *«читать» историю* заново, полностью находясь на позициях конца 80-х годов.

<sup>11</sup> Давалось также в М-модель персонификация.

(Змитрович А. «Молодая Гвардия», 01.10.1990) С откровенным цинизмом всяческая мразь стала требовать расчленения России, предполагая тем самым *поставить точку в истории* русского народа. (Корпус политических текстов, 01.01.1991) *Писать историю* торопились все: евангелием Октября объявлялись тщательно отредактированные воспоминания «участников штурма Зимнего», которые полагалось иметь чуть ли не каждой области и каждому городу. («Известия», 06.11.1991) Но первоначальное накопление всегда сопровождается огромным множеством преступлений. Очень точно сказал Маркс, что первоначальное накопление *записано в историю* пламенеющим языком огня и меча. Мир прошел период первоначального накопления два с половиной столетия назад, мы только сейчас вступили в него. Это неизбежная болезнь человечества. (Тихонов В. «Мегаполис-Экспресс», 08.08.1991) Власть для Ленина не была конечной целью его жизни, а представляла собой необходимое средство достижения другой, более глубокой, конечной цели — навеки *вписать свое имя в Историю*. И *вписать* позитивно, а не как-нибудь, подобно Герострату. (Нилов Г. «Горизонт», № 9, 1991) И если приведенные рассуждения достаточно убедительно показали, что жизненная цель Ленина состояла в том, чтобы навеки *вписать свое имя в Историю*, то остается добавить, что эта цель полностью реализовалась. «Имя Ленина будет жить в веках!» — гласит один из стандартных советских лозунгов. Будет, конечно. Имена Герострата и Сталина тоже. (Нилов Г. «Горизонт», № 9, 1991)

✪ Правда-истина    ❏ Господи, Боже мой! Да эти же лица [члены ГКЧП] сопровождают меня по жизни десятки лет. Такой вот союз меча и орала. И они, трясясь от страха, предварительно обвинив независимую прессу в том, что она ввергла страну в пучину хаоса, начали наставлять нас, про что мы должны писать. Причем знали они точно, что *писать их «правду»* будут их же придворные, поскольку издания большей части присутствовавших моих коллег-соотечественников были закрыты «советским руководством» этого типа. Ложь лилась рекой. Ею упивалась коммунистическая пресса, от нее брезгливо хохотали независимые и зарубежные журналисты. (Бондровский Н. «Голос», 26.08.1991)

**ГЛАВА** ✪ исторический период    ❏ Так что угрозы разгона следуют по пятам за новой демократией, как тень ее, как наша судьба. А забытые даты — как невыученные уроки. К экзамену по собственной истории поучительно перелистать *пройденные главы*. (Пригожин А. «Горизонт», № 6, 1991)

**КОНТЕКСТ** ✪ политическая ситуация    ❏ В *контексте* коренных изменений в мире и в соответствии с нашей новой внешнеполитической линией надо рассматривать и занятую СССР позицию по отношению к агрессии Ирака против Кувейта. (Горбачев М. С. Первый съезд народных депутатов, 19.08.1990)

**СТРАНИЦА** событие    ❏ Волей народа мы открываем *новую страницу* истории нашей страны. (Бразаускас А. Первый съезд народных депутатов) Были в ней и бесправие, но были и *яркие страницы* взаимопомощи, соли-

дарности, совместного отражения нашествий. (Горбачев М. С. Первый съезд народных депутатов, 19.08.1990) Сейчас мы прощаемся с коммунизмом. Раны, нанесенные им нашим душам и нашему обществу, еще долго будут болеть в нас. Но все же несомненно: в августе окончательно перевернута *страница истории* России, связанная с коммунизмом. Как надлежит нам проститься с ним? (Алексий П. «Московские Новости», 27.10.1991) И еще подумалось мне, что, как ни внушали нашему поколению неприязнь к Германии, как ни страшали ужасной коричневой чумой, в истории взаимоотношений двух стран есть светлые полосы, кроме *кошмарных страниц* первой и второй мировых войн, были долгие периоды взаимного понимания, мирного, добрососедского сотрудничества. (Болотин А. «Огонек», 07.12.1991) Собчак, Попов, Яковлев, Шеварднадзе и вся их группировка, Рущкой с его единомышленниками работают не на единство и согласие, а на конфронтацию. Октябрь был *первой трагической страницей*, перестройка — второй. Нельзя допустить третьей. Пора вести нормальную цивилизованную политику, основанную на многопартийности и плюрализме. (Жириновский В. «Советская Россия», 30.07.1991)

### МИР ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА

**ПЕРСОНАЖ 1.** политик 📖 Чего ждать от выборов президента РСФСР? Как будто все ясно. Однако в игру вовлекаются все новые *персонажи*, а расчеты становятся все более сложными. (Бычкова О. «Московские Новости», 19.05.1991) И в том, и в другом случае [выборы президентов СССР и РСФСР] основной сценарий готовится и разыгрывается глубоко за кулисами. Впрочем, на этом сходство заканчивается. Действие, разворачивающееся перед нами, на этот раз будет, пожалуй, посложнее: и *персонажей* больше, и массовые сцены масштабнее, и декорации цветистее. (Бычкова О. «Московские Новости», 19.05.1991) Если главный герой всем хорошо известен, то соперничающих с ним *персонажей* непросто перечислить по именам... Например, входил ли в их число Президент СССР? После договоренностей десяти лидеров в Ново-Огареве на этот вопрос трудно дать однозначный ответ. (Бычкова О. «Московские Новости», 19.05.1991)

2. Ельцин Б. Н. 📖 Ельцин — такой же *литературный персонаж*, как и остальные действующие лица разворачивающейся политической драмы. Его преимущество перед другими в том, что он герой уже не бульварной литературы. (Богомолов Ю. «Литературная Газета», 05.06.1991) В то же время функция «выборного царя» закрепились. Я бы уточнил: это не царь в дореволюционном значении, а, скорее, *сказочный царь*, некий *мифологический персонаж*. (Найшуль В. «Сегодня», 11.11.1993)

📖 КПСС 📖 «Жила-была коммунистическая партия» — так называлась бы книга А. А. Собчака «Хождение во власть», если бы он придумывал названия сегодня. (Бруни Л. «Независимая Газета», 01.10.1991) Ленин В. И. 📖 Ленин — *персонаж*. Он возник не из русской истории, а из русской литературы. Собственно русского в нем ничего. (Галковский Д. «Независимая Газета»,



18.04.1991) Медельинский картель ☐ Допустим, что *главным действующим лицом* на территории СССР является «Медельинский картель». Предположение это, заметим, высказано не нами. Мы считаем, что этот картель — лишь одно из действующих лиц. Но весьма весьма весомое. Предположим далее, что к власти в СССР в результате ведущейся сегодня острейшей политической борьбы придут силы, спонсируемые этим картелем. (Кургинян С. и др. «Московская Правда», 01.03.1991)

**АННУШКА** ☐ политик ☐ И вот этим людям нас призывают вручить в руки подготовку и проведение «реформы цен», от итогов которой во многом зависит весь ход экономических преобразований в стране. Не слишком ли доверчивыми кажемся мы, рядовые граждане, тем «*аннушкам*», которые сознательно разливают подсолнечное масло на путях перестройки? Право же, за всеми этими нелепостями и накладками давно уже просматривается некая стратегическая линия, некая политика дальнего прицела. (Нуйкин А. «Мы и они», 01.10.1989)

**БАБА ЯГА** ☐ капитализм [система] ☐ Вопрос, над которым в нашей стране бесплодно бьются вот уже шесть лет, теряя время и стремительно погружаясь на дно, имеет один единственный ответ. Как в том старом анекдоте: «надо строить ероплан», то бишь капитализм. У нас это до сих пор что-то вроде *Бабы Яги*. Страшнее нет ничего. (Иванов А. «Куранты», 19.03.1991)

**БАШМАЧКИН** ☐ Ленин В. И. ☐ Набоков назвал правление Ленина «нероновским пятилетием». Да какой там Нерон! Нерон свободен, широк. Он раб страстей. А здесь раб книги, циркуляра. *Башмачкин*. «Во-первых, во-вторых». (Дукельский М. «Независимая Газета», 18.04.1991)

**БЕАТРИЧЕ** ☐ Ельцин Б. Н. ☐ Все это, впрочем, лишь подтверждает старую истину. Сублимация может быть возвышенной и облагораживающей, как в случае взаимоотношений Данте и Беатриче или в случае взаимоотношений главного редактора «Независимой газеты» В. Т. Третьякова с Б. Н. Ельциным, когда в творческом воображении В. Т. Третьякова, *подобно Беатриче*, возводящей Данте к райским сферам и попутно разъясняющей ему особенности райской политики, Б. Н. Ельцин также лично изъясняет главному редактору принципы функционирования высших сфер. (Соколов, Кирпичников. «Сегодня», 19.05.1993)

**БЕРЛИОЗ** ☐ Горбачев М. С. ☐ Сегодняшнее решение Горбачева — это опять попытка сделать полшага, имитировать «твердость». Но страшно боюсь, что независимо ни от чьей воли... «рука его скользнула и сорвалась, нога неудержимо, как по льду, поехала по булыжнику, откосом сходящему к рельсам, другую ногу подбросило, и *Берлиоза* выбросило на рельсы». Сегодня каждый «решительный шаг» (и «псевдорешительный») безумно опасен, потому что, как говорится в той же книге, Аннушка уже купила подсолнечное масло, но никто не знает — разлила ли она его и вышвырнет ли страну на рельсы, где нам всем отмахнет голову бешеный трамвай истории. (Радзиховский Л. «Россия», 09.02.1991)

**БЕСЫ коммунисты** 📖 Поэт, когда-то искренне воспевавший Революцию и Ленина, — такого Клюева мы знали. Поэт, который проклял Революцию, когда ее знамя захватили *бесы*, — такого Клюева мы узнаем сегодня. Но и это не весь Клюев. (Шенталинский В. «Огонек», 21.10.1989) Вся страна — на крутом вираже. Командно-административная система делает отчаянные попытки удержаться, доказать свою нужность народу. «Играет на имени рабочего», как сказал на учредительном съезде РКП шофер А. Журлинский о кровельщице Н. Половодове. Чуть было не стал и этот самозванец первым секретарем ЦК РКП... Так что и *классовые бесы* — вот они! (Иодковский Э. «Россия», 25.06.1991) «Квази»-жертвы мятущегося общественного сознания в период глубочайших революционных перемен, социальный продукт распада старой общественной системы и старого государства. Они по большей части носители катастрофического сознания, не способны реально оценить ситуацию, не способны ни на какую исторически позитивную работу. Однако они неистовы в своей агрессивности, фанатичны в своих заблуждениях. Это «*бесы нашего времени*», и с этой точки зрения они заслуживают самого пристального общественного внимания. Они опасны. Крайне опасны, если вовремя не давать им отпора. (Кива А. «Сегодня», 10.08.1993)

**БЛУДНЫЙ СЫН** 📖 Невзоров 📖 Сами по себе факты ничего не говорят, и историк это прекрасно знает. Но упомянутый Невзоров (в котором, кстати, «шестидесятники» по иронии судьбы не углядели своего *блудного сына*) искренне уверен, что «факты говорят». В этих формах культуры память об игровом «детстве» интеллигенции уже пропала. (Кагарлицкий Ю. «Независимая Газета», 03.10.1991)

**БОЛЬШОЙ БРАТ** 📖 генеральный секретарь ЦК КПСС 📖 Сам процесс работы над этим документом означал разрыв с утвердившимся у нас порядком бюрократического законотворчества, когда анонимный аппарат выдавал основные установки, особо доверенные лица оформляли текст, следовало чисто ритуальное «всенародное обсуждение» и, наконец, под бурные аплодисменты законодателей народу даровалась конституция, автором которой тут же объявлялся «*Большой Брат*». Так было и в 1936, и в 1977 годах. (Шейнис В. «Московские Новости», 06.10.1991)

**БРУДАСТАЯ СУКА** 📖 политическая программа 📖 <...> неофитам, апологетам и прочим эпигонам далеко до настоящего «отца народов», который как-никак, но стал фигурой исторической в прямом значении этого слова. Эпигоны историчны только по-ноздревски: всякий раз вляпываются в какую-нибудь историю, особенно если кто-то осмелится усомниться в достоинствах предлагаемых ими народу шарманок или *брудастых сук*. (Третьяков В. «Независимая Газета», 15.07.1992)

**БУРАТИНО 1.** народ 📖 Все возмутились, но миг замерли, озаренные: а ведь прав... образованец! Все сходится: воистину Страна дураков, и мы в ней *коллективный Буратино* с коротенькими мыслями, и вытесал нас ученик папы Карло, по его эскизу. Ему (ученику) и поставили за это (не за «Фило-

софские же тетради») памятники по всей Руси великой. Их видимо-невидимо, хоть отбавляй. Уже начали отбавлять, где стихийно, где по воле местной власти, не имеющей, как каждый понимает, такого развитого художественного вкуса, как власть центральная. (Абельский А. КО, № 9, 01.06.1991) Многочисленные парламентские дискуссии и большая, чем раньше, готовность отвечать на вопросы журналистов раскрывают нам характеры тех, кто нами управляет, но все-таки не их политику, потому что политика по-прежнему — и от этого ощущения трудно отделаться — «варится» в каком-то ином котле, нежели тот, что нарисован перед нами, *советскими буратино*, на холсте теле-трансляций с сессий Верховного Совета СССР и съездов народных депутатов. (Марсов В. «Независимая Газета», 21.12.1990)

2. политик ¶ Вот, например, десяток лет назад лиса Алиса обратила внимание *Буратино* на то, что предприятия в СССР в торговых операциях уже не употребляют денег, а меняют товар на товар, и предложила пресечь это безобразие. *Буратино* запретил продавать что-либо из того, что было куплено предприятиями, и стал строго за это наказывать. (Мухин Ю. «Огонек», № 44, 29.10.1990) Но кот Базилио (диссертации-то нужно защищать!) обратил внимание *Буратино*, что у предприятий на складах скапливаются материальные ценности (ведь их запрещено продавать!), и предложил запретить предприятиям покупать новое оборудование, пока на складах есть старое. Неглупо придумано, не правда ли? (Мухин Ю. «Огонек», № 44, 29.10.1990)

**ВАНЬКА-ВСТАНЬКА** ¶ Ленин В. И. ¶ Эта практика выковала в нем изумительное хладнокровие, способность в самых опасных положениях не терять, сохранять присутствие духа и надежду как-нибудь «вывернуться». Счастливая целостность его натуры и сильный жизненный инстинкт облегчали ему здесь его внутреннее «credo, qua absurdum» и делали из него какого-то духовного «*Ваньку-встаньку*». (Чернов М. В. «Россия», 06.12.1990)

**ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ВОСЬМЕРКА** ¶ ГКЧП ¶ Ладно, хватит о грустном. Справедливость требует отметить также и великие заслуги «*великолепной восьмерки*» перед отчизной и демократией. (Рыбак К. «Столица», 01.09.1991)

**ВЕРНЫЙ РУСЛАН** сторонник диктатуры ¶ Средний слой, на который намекнул своим замечанием Собчак, тоже анонимен — хотя бы в силу своей массовидности. Однако пресловутая «вязкая масса» между верхами и низами твердеет на глазах. Несколько *Верных Русланов* «лялай», отвлекают внимание от тех, кто мягко, на пальцах, подбирается за их спинами к власти. (Павлова-Сильванская М. «Независимая Газета», 03.01.1991) Еще одно прозвание у диктатуры — Большая зона. С ней, можно сказать, пока все в порядке: правда у одной из угловых вышек подраскачались опоры, но ничего, уже суетятся, подпирают. *Верные Русланы* все громче подают голос, дрожат от возбуждения, ожидая долгожданной команды «фас». В Эдуарда Шеварнадзе несколько уже вцепились мертвой хваткой — не стряхнешь. Их инстинкт сработал безошибочно: ведь в Большой зоне все четко делится на «мы» и «они». (Павлова-Сильванская М. «Независимая Газета», 03.01.1991)

**ВСАДНИК БЕЗ ГОЛОВЫ** ♪ КПСС ☐ Скандальное отсутствие реальной политической программы как у правящей, так и у всех без исключения оппозиционных партий. Уже одно это способно повергнуть в прострацию и сделать навеки меланхоликом любого сангвиника. Можно ли представить себе политическую партию без политической программы? Ведь это нечто *вроде всадника без головы* — ненаучная фантастика. Оказывается, можно, если партия называется КПСС. (Бестужев-Лада И. «Горизонт», 01.07.1991) управление [экономика] ☐ Если кому-нибудь придет в голову организовать конкурс на памятник современному управлению экономикой, то первое место, безусловно, займет проект скульптуры *всадника без головы*. (Мухин Ю. «Огонек», № 44, 29.10.1990)

**ГАДКИЙ УТЕНОК** ♪ Ельцин Б. Н. ☐ Ельцин имеет в своем имидже то, чем не может похвастаться ни один из действующих ныне политиков, — драму отверженности, комплекс *гадкого утенка*. (Богомолов Ю. «Литературная Газета», 05.06.1991)

**ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ** ♪ Ельцин Б. Н. ☐ Если *главный герой* всем хорошо известен, то соперничающих с ним персонажей непросто перечислить по именами... Например, входил ли в их число Президент СССР? После договоренностей десяти лидеров в Ново-Огареве на этот вопрос трудно дать однозначный ответ. (Бычкова О. «Московские Новости», 19.05.1991)

**ГЕРОЙ СКАЗКИ** ♪ Ельцин Б. Н. ☐ «Иногда мне кажется, что Ельцин мыслит себя в виде *героя сказки*: чтобы достигнуть своей цели, победить чудовище, двуглавого дракона, ему надо сначала убить Россию и разрубить ее на части...» «Жажда власти, все испепеляющая, — вот и весь Ельцин». (Мороз О. «Литературная Газета», 05.06.1991)

**ГОЛЫЙ КОРОЛЬ** политик [Горбачев М. С., депутат] ☐ Люди сразу поймут, что *депутат-то голый*. (Орлов А. К. Первый съезд народных депутатов) *Король перестройки гол*, ослепительно *гол*, а портные, шьющие ему фракную пару, упаковывают свои саквояжи. (Проханов А. «Наш Современник», 01.09.1990)

♪ государство ☐ Другие страны, не понеся и сотой доли жертв в борьбе за лучшую жизнь, живут несравнимо лучше нас. А думающие люди стали постигать: *голый король* так и останется без одежек, ибо ничтожный КПД системы не может быть увеличен. (Кива А. «Известия», 10.12.1990)

**ГРАФ МОНТЕ-КРИСТО** Горбачев М. С. ☐ Это и определило поведение Горбачева. «Освобожденный» Силаевым и Руцким (понимали ли они, какую радость приносят *узнику форосского «замка Иф»?*), он явно сменил заготовленный сценарий. (Радзиховский Л. «Огонек», 05.10.1991) Горбачев чуть ли не национальный герой. Вырвался из лап бандитов. Вырвался из плена, как *граф Монте-Кристо* (или Пьер Безухов). В результате повысил себе рейтинг, который в последнее время упал ниже некуда. (Крошин Г. «Столица», 01.09.1991)

**ДАМА, ПРИЯТНАЯ ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ** ♪ гласность ☐ Е. Я. Но отчего все-таки, на ваш взгляд, Верховный Совет в своем большинстве не пожелал, как говорится, «дойти до воды», обрести истину? И. Л. Причин много. Назову две из них. Многие воспринимают гласность как *даму, приятную во всех отношениях*. (Яковлев Е., Лаптев И. «Московские Новости», 21.07.1991)

**ДОН КИХОТ** ♪ Сахаров А. Д. ☐ Андрей Сахаров, по моему, наверное, огню не бесспорному разумению, воплотил своей судьбой парадокс жизни, который может быть назван его именем: совесть выше власти, но власть — сильнее совести. Сам он был, разумеется, сильнее и власти, но таких личных судеб в истории человечества — единицы. Власть, не победившая *Дон Кихота*, чаще всего встает у его могилы как равная с покойным. И оттеснить ее невозможно. (Третьяков В. «Независимая Газета», 23.05.1991)

**ДУДОЧНИК** ♪ Гитлер А. ☐ Шестьдесят лет назад в Германии Ф.И.О. диктатора было яснее белого дня. Ну и? Словно в легенде о Крысолове, миллионы михелей, будто замороженные, пошли за *ничтожным дудочником* в пропасть, твердя до последнего, что верят ему. Они жаждали верить, а потому обоготовили бы черта и дьявола. Не подвернись усатенький Адольф, в запасе оставались еще статный молодой лейтенант Герман и нацистский политрук Йозеф. Велика ли разница-то? (Павлова-Сильванская М. «Независимая Газета», 03.01.1991)

**ЗАГОРЕЦКИЙ** ♪ Бурбулис Г. Э. ☐ Как уверяет Ручкой-Чацкий, *Бурбулис-Загорецкий* ищет в архивах документы о том, как в ходе афганской кампании будущий вице был «в горах изранен в лоб, сошел с ума от рань» — и медицинскую часть проблемы можно оставить Геннадию Эдуардовичу. Но умопомешательство бывает неадекватной реакцией на вполне реальный раздражитель, который в данном случае вполне реален: одни участники антипрезидентской игры (коммунопатриоты) отнеслись к Ручкочку, как к предмету одноразового пользования, у других (ГС) смелые разоблачения тоже не вызвали энтузиазма. (Кравченко В. «Независимая Газета», 27.04.1993)

**ЗИЦПРЕДСЕДАТЕЛЬ ФУНТ** ♪ Полторанин М. ☐ Будущее правительство многие, включая его будущих членов, склонны считать кабинетом камикадзе. Во всяком случае никто из профессионалов не рассчитывает сделать в этом правительстве политическую карьеру. В частности, выдвижение кандидатуры Михаила Полторанина на роль *зипцпредседателя Фунта*, по всей видимости, преследовало цель создать политическое прикрытие для экономической команды реформ, которым не жалко будет при случае пожертвовать. (Леонтьев М. «Независимая Газета», 29.10.1991)

**ЗЛОДЕЙ** ♪ Ельцин Б. Н. ☐ Вряд ли Михаил Сергеевич пылает такой любовью к Борису Николаевичу, чтобы последовать совету пушкинского Савельича, который говорил своему барину: не упрямясь, Петр Андреевич, плюнь да поцелуй у *злодея* ручку. (Третьяков В. «Независимая Газета», 09.04.1991)

**ЗОЛУШКА** ♪ культура ♪ Съезд собрался в трудное для страны время, и не удивительно, что выступавшие снова и снова возвращались к этой теме. Столь же понятно, что тревогу вызвало и бедственное положение нашей долголетней *Золушки-культуры*. (Прокушев Ю. «Литературная Газета», 19.12.1990)

**ИВАН-ЦАРЕВИЧ** ♪ Ельцин Б. Н. ♪ Интересно также, что персонажи нынешнего политического спектакля распределены словно бы по законам русской народной сказки. Ельцин — эдакий сильно постаревший *Иван-царевич*. Хасбулатов — вылитый Кощей Бессмертный. Голос, улыбочка, манеры. Даже при очень сильном воображении поменять их местами невозможно. (Новоженков А. «Московский Комсомолец», 13.05.1993)

**ИДУШКА ГОЛОВЛЕВ** ♪ политик [демократической ориентации] ♪ «Духовная» (она же «право-левая», она же «красно-коричневая») оппозиция таковой не является, поскольку стремится не столько выиграть следующие выборы, сколько сменить существующую власть до срока, как это, впрочем, сделала нынешняя власть с администрацией М. С. Горбачева. Грешным делом, я долго подозревала, что власти специально культивируют такую оппозицию: ведь на фоне какого-нибудь Г. Зюганова любой *демократический Идушка Головлев* будет выглядеть умницей, красавцем и златоустом. (Вишневская Ю. «Независимая Газета», 18.08.1992)

**КАРАМАЗОВЫ** ♪ народ ♪ «*Карамазовых* в русской жизни много, но все-таки не они направляют курс корабля». Они, *Карамазовы*, спят в каютах, они составляют и экипаж, они — матросы, но для капитана, пишет Д. С. [Лихачев], важнее матросы, а «румпель и звезда». (Баткин Л. М. «Независимая Газета», 13.08.1991)

**КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ** ♪ КПСС ♪ Ельцин был силен как «народный жалельщик», «народный заступник» против треклятой КПСС. Его величайший триумф — сокрушение *Кощея Бессмертного*, — как водится, обернулся и величайшим... Нет, не будем говорить про «поражение», нет. Скажем аккуратнее — обернулся величайшими трудностями. (Радзиховский Л. «Столица», № 37, 1991) ложь ♪ Официальная, бронированная, тотальная ложь, подобно *Кощею*, сожрала все живое вокруг и свежее и продолжала жрать, требовала каждый день: еще, еще, вот этого, вон того. (Рошин М. «Огонек», № 41, 06.10.1990) Хасбулатов Р. И. ♪ Интересно также, что персонажи нынешнего политического спектакля распределены словно бы по законам русской народной сказки. Ельцин — эдакий сильно постаревший *Иван-царевич*. Хасбулатов — вылитый *Кощей Бессмертный*. Голос, улыбочка, манеры. Даже при очень сильном воображении поменять их местами невозможно. (Новоженков А. «Московский Комсомолец», 13.05.1993)

**КЛЯЧА** история ♪ Служенье муз не терпит суеты? Но воплотилась, обрела какое-то зловещее звучание строчка из Маяковского: «*клячу истории загоним!..*» Загнали, действительно измордовали, живого места не оставили мы на теле седьмой музыки греческой мифологии — музы Клио. И поделом

ей, и пусть. Собаке — собачья смерть. (Капустин А. «Независимая Газета», 19.10.1991) Поразительный феномен — история. Кажется, все в ней на виду. Можно пересчитать все слагаемые. Одно усилие — и она двинется в нужную сторону. Революционный порыв — и мы катапультируемся в новое социальное пространство. До чего же все просто... Между тем можно так загнать *клячу истории*, что потом не пересядешь ни на каких рысаках. Ничто не требует такой опаски и благоразумия, как социальная динамика. (Гуревич П. «Литературная Газета», 02.09.1992)

**КОМИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ** ♪ политик ☞ Ну и, конечно, спектакль не обойдется без *комических персонажей*. Например, Алексей Сергеев из объединенного фронта трудящихся или Владимир Жириновский от либеральной партии СССР... То, что на I Съезде народных депутатов СССР выглядело почти как «высокая трагедия» (самовыдвижение Александра Оболенского), теперь может повториться в виде фарса. (Бычкова О. «Московские Новости», 19.05.1991)

**КОТ БАЗИЛИО** ученый-экономист ☞ Но зато в полном соответствии со сказкой он дает эти команды с полной уверенностью, что делает благое дело, и, главное, как в сказке, мысль об очередных земляных работах ему внушают консультанты по научным вопросам — *коты Базилио* и лисы Алисы. (Пияшева Л. «Огонек», № 44, 27.10.1990) Но *кот Базилио* (диссертации-то нужно защищать!) обратил внимание *Буратино*, что у предприятий на складах скапливаются материальные ценности (ведь их запрещено продавать!), и предложил запретить предприятиям покупать новое оборудование, пока на складах есть старое. Неглупо придумано, не правда ли? (Мухин Ю. «Огонек», № 44, 29.10.1990) Итак, Головы нет, есть миллионы клерков, управляющих экономикой. Добавьте к этому идеи экономической науки: то *кот Базилио* потребует уменьшить толщину стен, чтобы было, «как в США», то лиса Алиса потребует сорвать полы и настелить циновки, чтобы было, «как в Японии». (Мухин Ю. «Огонек», № 44, 29.10.1990)

**КРАСНО СОЛНЫШКО** ♪ Ельцин Б. Н. ☞ Ну почему вполне конкретная и аргументированная критика определенного высказывания (территориальные претензии России к другим республикам) вызывает такую неадекватную реакцию: не дадим в обиду наше «*красно солнышко*»? Элементарная логическая несуразность: раз автор статьи критикует Ельцина — значит, он участник «травли», и стиль его статьи «недостойный», и сама она просто «пакошь», а «НГ» — «желтая газетенка». (Демьяненко С. «Независимая Газета», 05.10.1991)

**КРЕМЛЕВСКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ** ♪ Ленин В. И. ☞ Без должных оснований в марксизме постулировалась и так называемая сознательность пролетариата. С этим заблуждением были связаны и надежды на субботники. Но в то же самое время, когда *кремлевский мечтатель* видел в них «начало коммунизма», залог победы коммунистического труда, — именно в это время некто Б. Бруцкус, будучи по профессии «буржуазным» экономистом, смо-

трел на вещи куда трезвее. (Свинцов В. «Горизонт», 01.08.1991) руководство КПСС ☐ Но, как говорится, суха теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет. Отчаянное сопротивление народов сплошной коммунизации заставило *кремлевских мечтателей* вместо «всемирной республики братства, счастья и труда» довольствоваться Союзом республик во главе с центральным партийным самодержцем и местными компомещиками, комбаями. (Кравченко В. «Независимая Газета», 09.10.1991)

**КРОШКА ЦАХЕС** ☐ политик [коммунист] ☐ Идеология — единственный храм, который построили большевики за все годы господства над Россией. Теперь мы ясно видим, что этот храм «на крови» пуст. В его темных приделах еще кликушествуют и шуршат потертым бархатом партийные *крошки цахесы*. (Костиков В. «Огонек», 14.09.1991)

**КУРАГИН** ☐ Жириновский В. В. ☐ Я испытываю дискомфорт из-за того, что Жириновский заставил меня, практикующего профессионала-психолога, заняться рассуждениями о том, чего я не люблю, — о политике. Однако после его безобразного вопля с думской трибуны «Молчать!» иного выхода нет: я уверен, что парламентский лай легко переходит в уличную потасовку, в которой главным аргументом оказывается уже не голос, а револьвер. Почему столько людей проголосовало за этого «черта из табакерки»? Предлагаю две фантазии о его сторонниках. Первая. Иногда очумевший от преследования собаками заяц бросается прямо на охотника. В нынешней ситуации часть российского общества напоминает этого зайца, от отчаяния и полной дезориентации, бросившегося на ловца. Вторая ассоциация — это Наташа Ростова, влюбившаяся в пустого оболтуса *Анатоля Курагина* и чуть не уехавшая с ним. <...> Между *Курагиным* и Жириновским есть явное сходство: не будучи мастерами решать серьезные задачи адекватными методами, они привыкли давать простые и быстрые ответы на сложные вопросы, причем в состоянии гневливости и эмоционального угара. (Сурнов К. «Общая газета», 21.01.1994)

**КУХАРКИНЫ ДЕТИ** депутаты ☐ Закончилась дискуссия по первому вопросу. Выступил с заключительным словом Горбачев. Ответил на вопросы. «*Кухаркины дети*» не унимаются. Они хотят мордовать. Стыдобушка на весь мир. «Хватит меня оскорблять!» — бросил в зал Президент. Чуть утихли у микрофонов самые «смелые». (Андрюшук В. «Россия», 31.08.1991) Очень надеюсь на положительный исход Съезда. И в то же время предвижу выкрики: «Кончайте говорить! Надо разъезжаться и работать!» Третий год не могут понять «*кухаркины дети*» того, что слово депутата и есть дело. (Андрюшук В. «Россия», 31.08.1991) Дальше, как можно дальше такие люди должны стоять от государственного руля. Нам не нужны детские шаловливые ручонки на руле. На один риф мы уже налетели. Не ждать же, когда «*кухаркины дети*» вдоволь наиграются в парламентские игры. Думаю, никто не хочет ждать. Если это так, то нам надо и вперед смотреть, и внимательно следить за перемещениями на капитанском мостике. (Андрюшук В. «Россия», 31.08.1991)



**КУЧЕР** ♣ политик ▣ Поруганная, измученная, полуживая, а теперь и разорванная на части лежит моя страна в шоке. Кони знаменитой «птицы-тройки» распряжены, они мирно щиплют хилую травку, окропленную чернобильским дождичком, *кучера* в растерянности, ездки не свистят и не гикают, они вяло переругиваются между собой, они даже не пьяны, они оглядываются по сторонам в недоумении и растерянности. Болезненное, тупое похмелье. Самоистязание. Самоистребление. Угасание. Но надо всем — по-прежнему крепкая, по-прежнему всеильная Пирамида, правда, названная теперь по-другому. (Аракчеев Ю. «Независимая Газета», 14.08.1992)

**ЛАНСЕЛОТ** политик ▣ Слишком тяжело это бремя вообще. Власть по своей природе как феномен — монстр, чудовище, и бродячий сюжет о Драконе — одно из величайших предостережений культуры. Но вдвойне опасна власть непримиримых борцов, революционеров. Диссиденты, в прошлом репрессированные, у власти — один из самых тревожных знаков нашего времени, потому что в *Ланселотах* народ видит не просто лидеров: мессий. Спасителей. Надежду. (Боссарт А. «Огонек», 21.12.1991) Гибнут *Ланселоты*. Гибнут Драконы. И прорастают в новых *Ланселотах*. А те, кто вне политики, — те гибнут тоже. Ух, как я ненавижу эту грязную чуму! (Боссарт А. «Огонек», 21.12.1991)

**ЛЕБЕДЬ, РАК И ЩУКА** ♣ правительство ▣ Как издатели и как граждане, арзамасцы не могли не возмутиться развернувшейся травлей исполнительной власти в лице нового состава Совета Министров, которому якобы уготована судьба известного кабинета *Лебедя, Рака и Щуки*. (Соколов, Кирпичников. «Сегодня», 19.05.1993)

**ЛИСА АЛИСА** ученый-экономист ▣ Вот, например, десяток лет назад *лиса Алиса* обратила внимание Буратино на то, что предприятия в СССР в торговых операциях уже не употребляют денег, а меняют товар на товар, и предложила пресечь это безобразие. (Мухин Ю. «Огонек», № 44, 29.10.1990) И так, Головы нет, есть миллионы клерков, управляющих экономикой. Добавьте к этому идеи экономической науки: то кот Базилио потребует уменьшить толщину стен, чтобы было, «как в США», то *лиса Алиса* потребует сорвать полы и настелить циновки, чтобы было, «как в Японии». (Мухин Ю. «Огонек», № 44, 29.10.1990)

**МАВР** ♣ армия ▣ Что же получается? Когда трудно — все к армии. Полегчало — и *мавр*, сделавший свое дело, может уходить? (Люлькин А. «Советская Россия») руководитель ГПУ [Ежов, Берия] ▣ Когда убрали очередного «*мавра*» — Ежова и новый «*мавр*» — Берия стал наводить свои порядки, он, естественно, поснимал и пострелял, предварительно помучив, всех тех, кого привел в свое время Ежов и которые были его опорой. (Разгон Л. «Советская Россия», 28.02.91)

**МАЛЬЧИК** ♣ демократия ▣ Что же мы имеем на сегодняшний день? По-прежнему, если не еще более яростно, раздираемая на части изнутри самими же господами демократами безоружная и беззащитная Дама Сердца

нашего Демократия. На манер ильфо-петровского *мальчика* запутавшаяся в соплях бесконечных панацеегеничных программ. (Ганюшкин В. «Новое Время», 22.10.1991)

**МАЛЬЧИШ-КИБАЛЬЧИШ** ♪ член правительства ♪ «*Мальчиши-Кибальчиши*» Гайдара, которые составляют оптимальный маршрут для буржуинов, резко выделяются в Совмине, составляют его главный мотор. (Радзиховский Л. «Огонек», 07.12.1991)

**МЕДВЕДЬ-ВОЕВОДА** ♪ Ельцин Б. Н. ♪ От Ельцина ожидали решительных и быстрых действий, и какое-то время никто не мог ему помешать их предпринять. Однако надеждам не суждено было оправдаться. Развитие событий в первые послепутчевые месяцы напоминало известную сказку Салтыкова-Щедрина о новом *медведе-воеводе*, от которого все ждали злодеяний, а он начал с того, что чижика съел. И уже никакие последующие кровопролития не могли исправить его несерьезного имиджа. (Панкин А. «Независимая Газета», 29.08.1992)

**МЕЛКИЙ БЕС** ♪ Брежнев Л. И. ♪ Антихристу и *мелкому бесу* противостоит (или противостоял до весны-лета с.г.) мессия в лице Горбачева М. С., изнемогающий в борьбе с Лигачевым Е. К., Рыжковым Н. И., Ельциным Б. Н., силами экстремизма, а на худой конец — с самим собой. (Соколов М. «Независимая Газета», 21.12.1990) Жириновский В. В. ♪ И особенно поздравляю всех нас с победой Жириновского. *Мелкий бес*, чертик из лубянской табакерки — нам казалось, что он шут и ничтожество. Разве может он выиграть выборы у маршалов, министров, мэров? Мы забыли, как легко выигрывают ефрейторы и семинаристы. (Гусев П. «Московский Комсомолец», 14.12.1994)

**МЕФИСТОФЕЛЬ** рынок ♪ Одной из первых сфер, где *рыночный Мефистофель* открыто выскочил на ярмарочные подмостки и, горланя свои знаменитые куплеты, принялся соблазнять мирян щедрым навалом предложений, бесспорно, стала наша многострадальная культура. Впору публиковать скорбные листы очередных пострадавших. (Оклянский Ю. «Литературная Газета», 07.08.1991) Современный цивилизованный мир, используя человеческий эгоизм — этот естественный двигатель прогресса, — давно уже сумел вмонтировать его в систему с четким рулевым и тормозным управлением. Так что я не против *рыночного Мефистофеля*, пусть себе пляшет. Без него Маргарита осталась бы скучной девственницей, а Фауст никогда не воскликнул бы: «Остановись, мгновенье...» Но в культуре все же от века другие кумиры, иначе нас ждет одичание. (Оклянский Ю. «Литературная Газета», 07.08.1991)

**МОБИ ДИК** ♪ Ельцин Б. Н. ♪ Вот видите, не на вечные времена приговорены мы «щи лаптем хлебать», потихоньку, стало быть, и мы цивилизуемся, так действительно выбираем... А ведь еще совсем недавно многим казалось, что предстоящие «президентские смотрины» станут «игрой в одни ворота», ибо Ельцин вне конкуренции, он, как *белый кит Моби Дик*, — на безрыбье равноценных ему по масштабу политических фигур. (Макарцев Ю. «РТ», 08.06.1991)

**МОЛЧАЛИН** ♪ политик ♪ В который уже раз в русской истории быстрые чачкие вдруг вытесняют «правильным курсом ползущих» товарищей *молчалиных*, дуболомов-скалозубов и самих фамусовых! (Радзиховский Л. «Огонек», 07.12.1991)

**ОБЕЗЬЯНА** ♪ политик ♪ Вот образ среднетипичного российского политика. Разве это женщина, которая, по легенде, встает между двумя готовыми сойтись в сече армиями, чтобы предотвратить бессмысленное кровопролитие? Нет, это *киплинговская обезьяна*, наблюдающая со своей безопасной ветки за дракой двух тигров и гримасничающая в ожидании, когда можно будет полакомиться обедами. (Никитинский Л. «Известия», 02.10.1993)

**ПАНИКОВСКИЙ** ♪ Ельцин Б. Н. ♪ Ельцин, предельно лояльно высказывавшийся, например, в адрес Мирчи Снегура, президента Молдовы, с которой Россия находится чуть ли не на грани войны, только два раза разгорячился и вышел из себя. Оба раза речь шла о Международном валютном фонде. Кричать на кредитора, угрожать ему и предъявлять ультиматум — типичная манера «восточного нищенства», которую успешно применял *Михаил Самуэльевич Паниковский* к подпольному миллионеру Корейко. (Леонтьев М. «Независимая Газета», 07.07.1992)

**ПАНТАЛОНЕ** ♪ Брежнев Л. И. ♪ Поскольку ведущую роль при начале последних преобразований сыграли шестидесятники, никак особо не процветшие в царствование Л. И. Брежнева, понятно, что последнему особенно крепко досталось при объяснении причин наших бед и неурядиц. Этим пристрастием и объясняется странная абберрация зрения: *комический старик Панталоне*, обладающий всеми признаками маски из *commedia dell'arte* (густые брови, нечленораздельная речь, стариковское тщеславие) обратился в некоего демона — почти под стать тов. Сталину. (Соколов М. «Независимая Газета», 21.12.1990)

**ПАПА КАРЛО** ♪ Маркс К. ♪ Все возмутились, но вмиг замерли, озаренные: а ведь прав... образованец! Все сходится: воистину Страна дураков, и мы в ней коллективный Буратино с коротенькими мыслями, и вытесал нас ученик *папы Карло*, по его эскизу. Ему (ученику) и поставили за это (не за «Философские же тетради») памятники по всей Руси великой. Их видимо-невидимо, хоть отбавляй. Уже начали отбавлять, где стихийно, где по воле местной власти, не имеющей, как каждый понимает, такого развитого художественного вкуса, как власть центральная. (Абельский А. «КО», № 9, 01.06.1991)

**ПОТОМКИ СВИДРИГАЙЛОВА** ♪ политики ♪ С помощью функций от КПСС и ее спецслужб на политическую сцену выводились и фигуры пострашнее — нынешние *потомки Свидригайлова*, программы которых печатались быстрее, чем документы пленумов ЦК. Все это было и остается. (Незнамов В. «Россия», 02.10.1991)

**ПРИЗРАК [КОММУНИЗМА]** 1. коммунизм [идеология / система] ♪ ЦРУ, созданное в 1947 году из скромного Управления Стратегических Служб,

появившегося во время войны, начало дело с американским размахом и сразу полезло во все дыры, дабы противодействовать *энергичному призраку, забродившему по всему миру*. (Любимов М. «Огонек», 24.08.1991) Самые крупные политические деяния последнего времени осуществлены Горбачевым. Им прекращена холодная война, *удушен проклятый «призрак»*, уничтожено идеологическое противостояние, окончательно завершена вторая мировая война и предотвращена третья. (Соловьев С. «Столица», 01.09.1991) Из всего хаотического и бесформенного, как толпа перед российским парламентом, вырисовывается: мы прощены! Россия прощена и помилована, выведена из земли Египетской, 74-летнего Вавилонского плена. *Призрак, сильно припозднившийся в своих европейских прогулках, прынул во тьму и исчез с первым же петушиным криком*. (Николаева О. «Независимая Газета», 29.09.1991) Ранний, дикий капитализм всегда, во всем мире порождает бунты, революции, перевороты, коммунистов. *Призрак коммунизма* — это просто тень «дикого» капитализма. И хотя такой прививки от коммунизма, как в нашей стране, не было нигде и никогда, но движения типа коммунистического (только, понятно, под иным названием) жди непременно. (Новодворская В. «Огонек», 26.10.1991) Как мне кажется, произошла утрата веры... *Призрак коммунизма, замеченный в сумерках Европы XIX века, как и все призраки, исчез на расвете*. Коммунизм в XX веке оказался иллюзией, красивой сказкой. (Михайлов А. А. «Огонек», 04.11.1989) В конце кровавого XX века нам всем необходимо понять, что в начале века фашизм возник не случайно и не вследствие «общего кризиса капитализма», а как противовес коммунизму, *призрак* которого начал материализовываться в Европе. (Козорез Л. «Огонек», 16.11.1991) Об интеллектуальном уровне этого «руководителя» [Трапезникова С. П.] говорит его книга «На крутых поворотах истории» (М., 1971), блещущая такими — в духе Сталина — формулировками: «троцкисты и бухаринцы быстро снюхались», «псы (Джилас и Дедиер) вернулись к своей блевотине», и бесподобным коверканьем русского языка, например, «*призрак научного коммунизма* расширился и углубился», «прямо говоря, в нынешних условиях империализму было бы не под силу удержаться на своих старческих ногах, если бы не раскольническая деятельность правых и “левых” авантюристов, которые с разных сторон подпирают это гниющее и разлагающееся дерево». (Водолазов Г. «Независимая Газета», 22.08.1992)

2. рынок/капитализм [система] ■ *Призрак рынка* бродит по стране. Гони его в дверь хоть Указом — влезет в окно. Но уже с отвратительной базарной гримасой. Способствовать этому неразумно и грешно. (Бейдер В. «Час пик», 15.10.1990) Что происходит? *Призрак бродит по Союзу, призрак капитализма*. Все силы старого строя соединились для священной травли этого призрака, и все так его боятся, что, как о черте, говорят о нем иносказательно. При первом появлении его называли нэп, при втором, нынешнем, называют рынок, хотя из всех синонимов капитализма слово «рынок» — наименее удачное, поскольку в глазах людей рынок — это место, где тебя стараются облапошить. («Новое время», № 36, 1991)

▣ политики [противники перестройки] ▣ Итак, *призрак, давно бродивший по стране*, обрел плоть. Реакция, гадившая делу демократизации исподтишка, заявила о своих намерениях гласно. Маски сброшены — открылись физиономии. (Костюков А. «Мегаполис-Экспресс», 22.08.1991) СССР ▣ И обуревают сомнения: а не сладкие ли грезы все это — декларации о свободе, независимости? И встает страх — перед *призраком союза нерушимого республик свободных*. И закрадывается горькая мысль — а ведь это уже однажды было. (Анар. «Литературная Газета», 09.10.1991) частная собственность ▣ Соперничали два альтернативных проекта: представленный членом ЦК КПСС Алексеем Пригариным и подготовленный членом ЦК КП РСФСР Анатолием Крючковым совместно с Владимиром Бурдюговым. Хотя оба документа были выдержаны в стиле фундаментального марксизма-ленинизма, *зловещий призрак частной собственности* бродил в каждом из них. (Лебедев Ю. «Независимая Газета», 13.08.1991)

**ПРОФЕССОР ПЕРСИКОВ** ▣ Демократическая Россия ▣ Изменения в политическом мышлении отражает и «парад президентов», который, правда, имеет свою историческую подошву. Опять-таки Салтыков-Щедрин подметил, что у нас в каждой луже наличествует «гад, всех прочих гадов иройством превосходящий». Кто там теперь ходит в «коллективных Распутиных», сказать трудно. Но «*коллективный профессор Персиков*» существует. Это «Демократическая Россия». В испускаемых ею лучах пригрелись и вылупились бесчисленные «ирои» суверенизации, готовые ее же и пожрать. (Кузьминцев А. «Независимая Газета», 02.09.1993)

**ПРОФЕССОР ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ** ▣ Хасбулатов Р. И. ▣ Различие между двумя антагонистами *профессора Преображенского* (resp. — академик Хасбулатова) в том, что Полиграф Полиграфович Шариков — создание рук самого профессора, тогда как к созданию Швондера непосредственного отношения профессор не имел. В рамках такового различия Шариковым оказывается выпестованный лично Хасбулатовым вице-спикер Николай Рябов, а швондерами — сами себя сделавшие председатели палат Абдулатипов и Соколов, а также руководители ключевых парламентских комитетов (законник Митюков, бюджетник Починок, оборонщик Степашин, международник Амбарцумов etc.). А желание классифицировать верхушечную оппозицию именно таким образом может быть объяснено словами профессора Преображенского: «Главный дурак во всем этом деле Швондер. Сейчас он натравливает Шарикова на меня и не понимает, что если кто-нибудь затем натравит Шарикова на него, то от Швондера останутся рожки да ножки». Будущая драка парламентских швондеров с парламентскими шариковыми — дело вполне возможное, но Хасбулатову от этого не легче, поскольку выжить ему надо именно сегодня, а не завтра. (Соколов М. «Коммерсант», 05.06.1993)

**ПТИЦА-ТРОЙКА** Россия ▣ Как удавалось нашим учителям «не понять» Гоголя, обкорнать Гоголя? Отчего они не удосуживались нам напомнить и тем более помочь осмыслить: легендарная *птица-тройка* — высокий сим-

вол Руси — несла на себе от первой до последней страницы книги с грохотом и дымом («Дымом дымитесь под тобой дорога...») — лжеца, хитрована с лицом простодушного добряка, продувную бестию, превзошедшего почти всех остальных героев низостью души. (Свирский Г. «Горизонт», № 6, 1991) Поруганная, измученная, полуживая, а теперь и разорванная на части лежит моя страна в шоке. Кони знаменитой «птицы-тройки» распряжены, они мирно щиплют хилую травку, окропленную чернобыльским дождичком, кучера в растерянности, ездоки не свистят и не гикают, они вяло переругиваются между собой, они даже не пьяны, они оглядываются по сторонам в недоумении и растерянности. Болезненное, тупое похмелье. Самоистязание. Самоистребление. Угасание. Но надо всем — по-прежнему крепкая, по-прежнему всесильная Пирамида, правда, названная теперь по-другому. (Аракчеев Ю. «Независимая Газета», 14.08.1992)

✪ финансы ¶ Едва ли нужно объяснять, что выбор «вариантов» в огромной степени зависит от выбора России. В какой же путь устремится *птица-тройка российских финансов*? «Не дает ответа», — могли бы мы констатировать след за русско-украинским писателем Гоголем. И тем не менее ответ не может не последовать. (Дубинин С. «Московские Новости», 10.11.1991)

**ПЬЕР БЕЗУХОВ** ✪ Горбачев М. С. ¶ Горбачев чуть ли не национальный герой. Вырвался из лап бандитов. Вырвался из плена, как граф Монте-Кристо (или *Пьер Безухов*). В результате повысил себе рейтинг, который в последнее время упал ниже некуда. (Крошин Г. «Столица», 01.09.1991)

**РАСКОЛЬНИКОВ** ✪ большевик ¶ *Раскольниковы* в кожанках с маузерами принесли то, что должны были принести: истребление культуры, уничтожение личности, многомиллионные жертвы. (Широбоков И. «Независимая Газета», 19.03.1991)

**РОБИН ГУД** Невзоров А. ¶ Многие видели — и до сих пор видят в Невзорове некоего *Робин Гуда*, рыцаря, борца за правду. Смотрел на него так сначала и я. И горестно и горько теперь. (Степанян К. «Независимая Газета», 19.01.1991) Позволю себе прогноз в стиле рубрики. Четырехлетний спор за зрителя между *Робин Гудом* — Невзоровым и новым Дорианом — Шолоховым окончательно решится в пользу последнего. От невзоровского кликушества вскоре станут отмахиваться, как от надоевшей мухи. (Тимофеевский А. «Московские Новости», 11.08.1991)

**РОСТОВА Н.** ✪ народ ¶ Я испытываю дискомфорт из-за того, что Жириновский заставил меня, практикующего профессионала-психолога, заняться рассуждениями о том, чего я не люблю, — о политике. Однако после его безобразного вопля с думской трибуны «Молчать!» иного выхода нет: я уверен, что парламентский лай легко переходит в уличную потасовку, в которой главным аргументом оказывается уже не голос, а револьвер. Почему столько людей проголосовало за этого «черта из табакерки»? Предлагаю две фантазии о его сторонниках. Первая. Иногда очумевший от преследования собаками заяц бросается прямо на охотника. В нынешней ситуации часть

российского общества напоминает этого зайца, от отчаяния и полной дезориентации, бросившегося на ловца. Вторая ассоциация — это *Наташа Ростова*, влюбившаяся в пустого оболтуса Анатолия Курагина и чуть не уехавшая с ним. <...> Между Курагиным и Жириновским есть явное сходство: не будучи мастерами решать серьезные задачи адекватными методами, они привыкли давать простые и быстрые ответы на сложные вопросы, причем в состоянии гневливости и эмоционального угара. (Сурнов К. «Общая газета», 21.01.1994)

**РЫБАК** ♪ Горбачев М. С. ♪ Характер этого документа и особенности его появления на свет заставляют глубоко задуматься над ролью М. Горбачева, выступившего его крестным отцом, в преобразованиях и переменах последних лет. До сих пор даже наиболее расположенные к нему аналитики в лучшем случае отводили ему роль *рыбака*, выпустившего джинна из бутылки, снисходительно замечая: конечно, он не мог тогда предполагать... («Независимая Газета», 03.08.1991)

**СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ** ♪ коммунисты ♪ Да, не нам, пишущей братии, раздувать этот психоз, изображая коммунистов в виде эдакой «*собаки Баскервилей*», носителем зла ради зла. Увы, социализм — обоюдоострый строй. По мере приближения к нему классовая борьба, как известно, обострялась. И по мере отдаления она обостряется тоже. (Новодворская В. «Огонек», 26.10.1991)

**СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК** ♪ Горький М. ♪ Но сам Горький — первый, в ком так ярко выразилась грядущая (плебейская) полоса русской жизни. Невелик в искусстве, но значителен, как ранний *Соловей-Разбойник*. Посвист у него довольно громкий... раздался на всю Россию — и в Европе нашел отклик. (Эпштейн М. «Столица», 18.02.1991)

**СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА** ♪ Верховный Совет ♪ «Общались» до позднего вечера. Результаты неудивительны. Естественно собак повесили на правительство и президента: «они же знали». Парламент — «*спящая красавица*»: проснулся, а тут нате, родной банк да под покровительством правительства что натворил... (Хайтина Ю. «Московский Комсомолец», 08.09.1993)

**ТЕНЬ ОТЦА ГАМЛЕТА** ♪ исполнительная власть ♪ Надо ли говорить, что на протяжении всего выступления над сценой «*тенью отца Гамлета*» витали исполнительные власти всех уровней. В какую-то минуту всем даже показалось, что за спиной Хасбулатова в разгоряченном воздухе как бы из ничего возникла фигура, очень напоминающая Ельцина. Но видение покраснело и рассеялось при словах выступающего: «Я первый союзник, чтобы провести новые законы, новую Конституцию...» (Николаева Э. «Московский Комсомолец», 09.09.1993) политическое соглашение ♪ Будущее Союза, его устройство в первую очередь связано с позицией республик — «гигантов». А с этой стороны над Эльсинором четвертого съезда, как *тень отца Гамлета*, возник призрак грядущего кондоминиума четырех: Борис Ельцин, продолжающий упорно строить «собственный союз», в кулуарах ясно дал понять, что в ближайшее время возможно заключение четырехстороннего соглаше-

ния между крупнейшими республиками страны — Россией, Украиной, Беларуссией и Казахстаном. (Портников В. «Независимая Газета», 28.12.1990) Хасбулатов Р. И. 📖 Президиум ВС Татарстана на своем последнем заседании 22 ноября принял специальное заявление, осуждающее высказывания председателя российского парламента, сделанные им в интервью газете «Известия Татарстана». Это интервью по праву может считаться в Казани публикацией месяца: призрак Хасбулатова теперь то и дело встречается в татарстанских «коридорах власти», словно *тень отца Гамлета*. («Независимая Газета», 27.11.1991)

**УЗНИК ЗАМКА «ИФ»** 📖 Горбачев М. С. 📖 Это и определило поведение Горбачева. «Освобожденный» Силаевым и Ручким (понимали ли они, какую радость приносят *узнику форосского «замка Иф»?*), он явно сменил заготовленный сценарий. (Радзиховский Л. «Огонек», 05.10.1991)

**УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ** 📖 интеллигенция 📖 Нет, она [интеллигенция] не «святая», как величали ее когда-то. Но и не «гнилая», как слышишь до сих пор (этот эпитет прицепила к ней власть, явно сваливая с большой головы на здоровую: русская власть давно гниет, заражая своей гнилью страну). Она такая, какая есть, с минусами и плюсами, с достоинствами и недостатками. И именно такая, в XX веке больше, чем когда-нибудь, *униженная и оскорбленная*, запоротая и истомившаяся, как все, по свободе рук, душ и умов, нужна своему народу. (Болдырев Ю. «Независимая Газета», 06.06.1991)

**УНТЕР-ОФИЦЕРСКАЯ ВДОВА** 📖 республика [в составе СССР] 📖 Республики, подписавшие заявление «о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране», должны, *подобно известной унтер-офицерской вдове*, регулярно, «не реже одного раза в квартал», собираться и сами себя пороть за невыполнение взаимных обязательств. Причем указывается, что порка может обеспечиваться «только согласованными решениями самих республик и Союза ССР». (Леонтьев М. «Независимая Газета», 30.05.1991)

**ФАГОТ-КОРОВЬЕВ** 📖 Хасбулатов Р. И. 📖 Декабрь 1992 года, VII съезд: Эйн, цвей, дрей, так обычно говаривал гражданин Фагот-Коровьев, приступая к своим глумливым фокусам. Вот и на VII съезде, после всяких там заварушек с крупными угрозами и маленьким депутатским мордобитием — вдруг: эйн, цвей дрей, — и решение о референдуме (без обсуждений и размышлений) принято, а съезд закрыт. (Водолазов Г. «Известия», 23.04.1993)

**ФАМУСОВ** 📖 политик 📖 В который уже раз в русской истории быстрые чачкике вдруг вытесняют «правильным курсом ползущих» товарищей молчалиных, дуболомов-скалозубов и самих *фамусовых!* (Радзиховский Л. «Огонек», 07.12.1991)

**ХЛЕСТАКОВ** 📖 Жириновский В. В. 📖 Умилительное единство сочинившего «русофобию» члена-корреспондента АН СССР Шафаревича с мистификатором Невзоровым и с экс-кандидатом в президенты России, являющим смесь Хлестакова с Геббельсом, Жириновским, который активно поддерживал путч. (Волькенштейн М. «Независимая Газета», 16.10.1991) Собчак А.



☐ Анатолий Александрович [Собчак] абсолютно невозмутим, когда его тут же, «на миру», уличают в передергивании фактов, неточностях, а то и в прямом вранье. Похихотав вдоволь, разведя руками — мол, что поделаешь, быва-ат, — он с такой же невозмутимостью готовится к очередному броску на микрофон. Поражают его глаза на миловидном лице: трудно уловимые, поскольку смотрят.. врозь. Да, он отталкивает и одновременно чем-то привлекает, как и *бессмертный ХЛЕСТАКОВ*. Но гоголевский герой симпатичен тем, что, отчаянно привирая, подсмеивается над властями предержажими. То есть его грешки искупаются грехами городничего и иже с ним, на которых Хлестаков честно играет. (Олейник Б. «Князь тьмы», 25.08.1992)

**ЧАЦКИЙ** ☐ Ручкой А. В. ☐ Как уверяет *Ручкой-Чацкий*, Бурбулис-Загорецкий ищет в архивах документы о том, как в ходе афганской кампании будущий вице был «в горах изранен в лоб, сошел с ума от раны» — и медицинскую часть проблемы можно оставить Геннадью Эдуардовичу. Но умопомешательство бывает неадекватной реакцией на вполне реальный раздражитель, который в данном случае вполне реален: одни участники анти-президентской игры (коммунопатриоты) отнеслись к Ручкому, как к предмету одностороннего пользования, у других (ГС) смелые разоблачения тоже не вызвали энтузиазма. (Кравченко В. «Независимая Газета», 27.04.1993)

**ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ** военный ☐ Стоит разрухе и хаосу в стране достичь того предела, за которым начинается паника, и маятник социальной поддержки вполне может качнуться вправо, к власти *человека с ружьем*. (Шпилько С. «Известия», 17.01.1991) Эта старушка в свое время немало натерпелась от *Человека с ружьем* и от эпохи индустриализации, наверняка присутствовал в ее биографии если не санбат, то эвакуационные черные сухари и была постоянная надежда на спокойную, мирную жизнь в достатке, которая так и не сбылась. (Болотин А. «Огонек», 07.12.1991) Ощутимый властный потенциал находится и у «*человека с ружьем*». Традиции военных переворотов у нас, слава Богу, нет. (Баталов Э. «Известия», 26.11.1990)

**ШАРИКОВ** политик ☐ Председатель ВС РФ Руслан Хасбулатов вышел из ступора, в котором он пребывал последние несколько недель, и попробовал возродить свой прежний атакующий стиль. Попытавшись сперва продемонстрировать нарочитое равнодушие по поводу «бунта в президиуме ВС» («пусть порезвятся, побегают»), Хасбулатов не сумел выдержать характер, и уже на следующий день гневно объявил, что в парламентском руководстве завелись «швондеры и *шариковы*... это реальная болезнь, и мы будем лечить некоторых членов президиума». (Соколов М. «Коммерсант», 05.06.1993) Будущая драка парламентских швондеров с парламентскими *шариковыми* — дело вполне возможное, но Хасбулатову от этого не легче, поскольку выжить ему надо именно сегодня, а не завтра. (Соколов М. «Коммерсант», 05.06.1993)

☐ Рябов Н. ☐ Различие между двумя антагонистами профессора Преображенского (госр. — академика Хасбулатова) в том, что *Полиграф Полиграфович Шариков* — создание рук самого профессора, тогда как к созданию

Швондера непосредственного отношения профессор не имел. В рамках такого различия Шариковым оказывается выпестованный лично Хасбулатовым вице-спикер Николай Рябов, а швондерами — сами себя сделавшие председатели палат Абдулатипов и Соколов, а также руководители ключевых парламентских комитетов (законник Митюков, бюджетник Починок, оборонщик Степашин, международник Амбарцумов etc.). А желание классифицировать верхушечную оппозицию именно таким образом может быть объяснено словами профессора Преображенского: «Главный дурак во всем этом деле Швондер. Сейчас он натравливает Шарикова на меня и не понимает, что если кто-нибудь затем натравит Шарикова на него, то от Швондера останутся рожки да ножки». (Соколов М. «Коммерсант», 05.06.1993)

**ШВОНДЕР** ♪ политик 📖 Различие между двумя антагонистами профессора Преображенского (resp. — академика Хасбулатова) в том, что Полиграф Полиграфович Шариков — создание рук самого профессора, тогда как к созданию Швондера непосредственного отношения профессор не имел. В рамках такого различия Шариковым оказывается выпестованный лично Хасбулатовым вице-спикер Николай Рябов, а *швондерами* — сами себя сделавшие председатели палат Абдулатипов и Соколов, а также руководители ключевых парламентских комитетов (законник Митюков, бюджетник Починок, оборонщик Степашин, международник Амбарцумов etc.). А желание классифицировать верхушечную оппозицию именно таким образом может быть объяснено словами профессора Преображенского: «Главный дурак во всем этом деле Швондер. Сейчас он натравливает Шарикова на меня и не понимает, что если кто-нибудь затем натравит Шарикова на него, то от Швондера останутся рожки да ножки». Будущая драка парламентских *швондеров* с парламентскими шариковыми — дело вполне возможное, но Хасбулатову от этого не легче, поскольку выжить ему надо именно сегодня, а не завтра. (Соколов М. «Коммерсант», 05.06.1993)

**ШТИРЛИЦ** ♪ сотрудник КГБ 📖 Назначения, сделанные Крючковым после того, как в 1988 году он возглавил госбезопасность, шокировали весь комитет. Главная загадка, на которой ломают головы наши *штирлицы*, состоит в следующем: отчего председатель стремительно возвысил трех офицеров разведки, кто так или иначе был связан по предыдущей службе с агентом-двойником О. Гордиевским, в 85-м году сумевшим обмануть КГБ и бежать из-под слежки в Англию? (Снегирев В. «Комсомольская Правда», 21.09.1991)

### ОБЪЕКТЫ, СУЩНОСТИ ТЕКСТА

**ВНЕШНЯЯ ПАРТИЯ** ♪ КПСС 📖 Почти все следователи, «проходившие» по делу Гинзбург, были смяты первой чисткой НКВД конца 1937 года, когда некоторые члены «внутренней» партии переводились во «внешнюю», чтобы затем подвергнуться аресту. (Литвин Е. «Горизонт», 01.04.1991)

**ВНУТРЕННЯЯ ПАРТИЯ** КГБ 📖 Интеллигенция, до революции жертвовавшая собой ради «народных интересов», оказалась растоптанной

сапогами — нет, не только Сталина, нет, не только партии (или «внутренней партии»). (Иванова Н. «Огонек», № 35, 01.08.1990) Почти все следователи, «проходившие» по делу Гинзбург, были смяты первой чисткой НКВД конца 1937 года, когда некоторые члены «внутренней» партии переводились во «внешнюю», чтобы затем подвергнуться аресту. (Литвин Е. «Горизонт», 01.04.1991)

**ГРОЗДЬЯ ГНЕВА** недовольство 📖 Дело в стремлении сохранить генеральские замашки: дадим добро — тогда и пора, и законно. А если сами решили брать власть — экстремизм, беззаконие, деструктивные силы... Словом, в верхах все явственнее паника и страх, а в низах все тяжелее «гроздь гнева». (Самойленко А. «Литературная Газета», 15.05.1991) *Гроздь праведного и неправедного гнева зреют* в двух сопредельных республиках. Кто остановит безумие? Руководители республик? Центр? Сами народы? Пока нет ответа. (Катаев Д. «Огонек», 22.06.1991)

**МЕДНАЯ СТОПА** 📖 государственная власть 📖 Поэма «Медный всадник» частично об этом написана: обывательское, «маленькое» счастье оказалось раздавлено *тяжелой, «медной» стопой* государства. (Сарнов Б. «Московский Комсомолец», 20.07.1992)

**ОСКОЛОК ЗЕРКАЛА** 📖 социализм [идеология, система] 📖 Все больше крепнет убеждение, что «метрополия» — это не Россия, а система, которая, как *осколок зеркала* злого тролля, проникла в сердце каждого. (Меньшикова Т. «Московские Новости», 17.04.1991)

**ПОЛК БОЛКОНСКОГО** 📖 КПСС 📖 Слабость партии в том, что она ныне оставлена без какого-либо руководства. *Напоминает она полк Андрея Болконского из романа «Война и мир»*. Полк, находясь под непрерывным обстрелом, все Бородинское сражение простоял в резерве и, так и не вступив в дело, потерял почти половину людей. Генсек отстранил партию от реальных дел, от ответственности за конкретные задачи. (Уханов И. «День», № 17, 1991)

**СКЕЛЕТ В ШКАФУ** 📖 проблема 📖 Ну, а есть ли у Запада моральное право на осуждение советской политики в сложившейся ситуации? Ведь почти у каждого свой «скелет в шкафу»: у одних — Гренада, у других — Ольстер, у третьих — собственные жертвы от подавления межнациональных и расовых конфликтов, сепаратистских движений. Уверен, раньше наша пресса, напирая на эти аргументы, давала бы нынешним «антисоветским выпадам» соответствующий отпор. (Телень Л. «Московские Новости», 27.01.1991)

**СОЮЗ МЕЧА И ОРАЛА** 📖 ГКЧП 📖 Господи, Боже мой! Да эти же лица [члены ГКЧП] сопровождают меня по жизни десятки лет. Такой вот *союз меча и орала*. И они, трясаясь от страха, предварительно обвинив независимую прессу в том, что она ввергла страну в пучину хаоса, начали наставлять нас, про что мы должны писать. (Бондровский Н. «Голос», 26.08.1991)

**ТРАМВАЙ** 📖 история 📖 Путчисты со всей их мощью ни с того ни с сего поскользнулись — неведомо на каком «подсолнечном масле» — и загремели под *трамвай историч*. (Радзиховский Л. «Огонек», 05.10.1991)

**ХОЛСТ С ОЧАГОМ** ♪ социализм / коммунизм [система] ♪ Что ключевыми словами наступающих времен должны стать слова ПРОЩЕНИЕ и ЗАБВЕНИЕ. И что «последний ключ — холодный ключ забвенья» не только «слаще всех» утолит жар наших перегоревших в неореволюционном огне сердец, но и станет тем самым золотым ключиком, что отомкнет потаенный ход в желанное будущее. Иначе мы всю жизнь простоим у холста, на котором намалеван несуществующий очаг. (Архангельский А. «Независимая Газета», 31.08.1991)

**ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА** ♪ власть ♪ Все это вместе взятое, означает для номенклатуры одно: пора, завтра будет поздно! *Шагреновая кожа* аппаратной власти и аппаратных привилегий сжимается на глазах. Призывать коммунистов выходить из окопов нелепо: неизвестно, кто в какую сторону пойдет да и вернется ли назад. (Константинов В. «Московские Новости», 04.08.1991) КПСС ♪ В изменившихся условиях, когда от КПСС стали отпадать все большие и большие «куски», она действительно стала превращаться в партию, сжимаясь при этом подобно *шагреновой коже*. (Столяров А. «Московский Комсомолец», 25.09.1990) политическая ситуация ♪ Михаил Сергеевич стоит на *шагреновой коже*, которая имеет свойство сжиматься, но при этом не уменьшаются честолюбивые притязания стоящего. (Логунов В. А. «Российская Газета», 05.05.1991)

**ШАРМАНКА** ♪ политическая программа ♪ <...> неопитам, апологетам и прочим эпигонам далеко до настоящего «отца народов», который как-никак, но стал фигурой исторической в прямом значении этого слова. Эпигоны историчны только по-ноздревски: всякий раз вяпываются в какую-нибудь историю, особенно если кто-то осмелится усомниться в достоинствах предлагаемых ими народу *шарманок* или брудастых сук. (Третьяков В. «Независимая Газета» 15.07.1992)

### ЛОКУСЫ ТЕКСТА

**ВИШНЕВЫЙ САД** ♪ социализм/коммунизм [система] ♪ Совок влачил свои дни очень далеко от нормальной жизни, но зато недалеко от Бога, присутствия которого он не замечал. Живя на самой близкой к Эдему помойке, совки заливали портвейном «Кавказ» свои принудительно раскрытые духовные очи, пока их не стали гнать из *вишневого сада*, велев в поте лица добывать свой хлеб. (Плевин В. «Независимая Газета», 20.01.1993)

**ВНУТРЕННЯЯ ИМПЕРИЯ** ♪ Россия ♪ «*Внутреннюю*» же империю образует Российская Федерация, в которой федеративный договор выполняет роль союзного. (Кувалдин В. «Независимая Газета», 29.09.1991)

**ЗАЗЕРКАЛЬЕ** ♪ политика ♪ В *политическом Зазеркалье* общего не меньше. В вопросе о «чрезвычайных полномочиях» главы республики все лежит на поверхности. (Гулиев В. «Литературная Газета», 10.04.1991) социализм [система] ♪ Порой может показаться нечто прямо противоположное: мы топчемся на месте, дела идут не к лучшему, а к худшему. Но, взглянув на

наших восточноевропейских соседей, находящихся по сравнению с нами в значительно лучшем положении, мы легко придем к выводу, что туго приходится всем. И не потому, что как-то не так взялись за дело, а, напротив, потому, что при любом повороте событий иного быть не могло: от не-рынка к рынку путь лежит через Нуль, который не миновать никому. Наш путь наиболее сложен, ибо мы дальше других зашли по ложному пути минусового *Зазеркалья*. (Васильев Л. «Независимая Газета», 16.03.1991)

**КОРОЛЕВСТВО КРИВЫХ ЗЕРКАЛ** ♪ экономика ♪ Кризис там, где нет смысла работать, потому что результаты твоего труда поделят без тебя. Там, где государство, рассуждая о народном благе, сидит на шее экономики. Где фиксированные — якобы в интересах неимущих — цены превращают народное хозяйство в *королевство кривых зеркал*, в котором можно производить то, что никому не нужно, и в дефиците все, без чего жить нельзя. (Константинов В. «Московские Новости», 02.06.1991)

**КОТЛОВАН** социализм / коммунизм [система] ♪ Братья! Не надо этого жестокого раздела! — это помрачение коммунистических лет. Мы вместе перестрадали советское время, вместе попали в этот *котлован* — вместе и выберемся. (Солженицын А. И. «Комсомольская Правда», 18.09.1990) Усилия людей, потраченные на возведение пустоты, на рытье *бездонного котлована*, их пот, слезы и судьбы — невосполнимая утрата. (Гульченко В. «Россия», 02.02.1991) Вот ведь действительно, умом Россию не понять: вырыли себе *котлован* и теперь, оказавшись на самом его дне, приподнимаем шляпы и вежливо поздравляем друг друга с праздничком. (Новиков А. «Россия», 08.04.1993)

♪ политика ♪ Поэтому, когда вызволненный президент пообещал сменить игроков и продолжать углублять ту же политику, его вчерашние освободители едва удержались от свиста. Устали все до чертиков углублять *этот котлован*, который чуть-чуть нас не похоронил! (Костюков А. «Мегаполис-Экспресс», 29.08.1991)

**ПОЛЕ ЧУДЕС** ♪ наука ♪ Положение действительно непростое, потому что вкладывать средства в большую часть «совковой» науки — примерно то же, что сеять денежки в «поле чудес» из известной оруджавской песенки. (Смирнов С. «Независимая Газета», 11.08.1992)

**СТРАНА ДУРАКОВ** Россия / СССР ♪ Все возмутились, но вмиг замерли, озаренные: а ведь прав... образованец! Все сходится: воистину *Страна дураков*, и мы в ней коллективный Буратино с коротенькими мыслями, и выгесал нас ученик папы Карло, по его эскизу. Ему (ученику) и поставили за это (не за «Философские же тетради») памятники по всей Руси великой. Их видимо-невидимо, хоть отбавляй. Уже начали отбавлять, где стихийно, где по воле местной власти, не имеющей, как каждый понимает, такого развитого художественного вкуса, как власть центральная. (Абельский А. «КО», № 9, 01.06.1991) Бедная страна, если вся ее большая политика крутится вокруг двух-трех имен! И крутилась. Однако снова подтвердилась истина: Россия не

только «*страна дураков*», она богата и талантами, да и храбрцами — кроме Ельцина, сыскалось еще пять охотников тащить на своих плечах тяжелый и основательно потрепанный на ухабах истории российский воз. (Макарцев Ю. «РТ», 08.06.1991)

**ЭЛЬСИНОР** ♪ IV Съезд народных депутатов ♪ Будущее Союза, его устройство в первую очередь связано с позицией республик — «гигантов». А с этой стороны над Эльсиномом четвертого съезда, как тень отца Гамлета, возник призрак грядущего кондоминиума четырех: Борис Ельцин, продолжающий упорно строить «собственный союз», в кулуарах ясно дал понять, что в ближайшее время возможно заключение четырехстороннего соглашения между крупнейшими республиками страны — Россией, Украиной, Беларусией и Казахстаном. (Портников В. «Независимая Газета», 28.12.1990)

### СОБЫТИЯ ТЕКСТА, СЮЖЕТ

**ВЫДЕРНУТЬ РЕПКУ** ♪ принять решение ♪ Теперь мы знаем, чего можно ожидать от «большого парламента». Ничего. Его действия просты и предсказуемы, как сюжет известной сказки, если из его рыхлой почвы необходимо *выдернуть ту или иную репку*, не извольте беспокоиться — так оно и будет. Можно, конечно, позвать на помощь верных Жучку и внучку, но обычно хватает одного деда. (Новиков А. «Россия», № 8, 07.02.1991)

**ПОСКОЛЬЗНУТЬСЯ НА МАСЛЕ** ♪ неуспех путча ♪ Путчисты со всей их мощью ни с того ни с сего *поскользнулись* — *неведомо на каком «подсолнечном масле»* — и загремели под трамвай истории. (Радзиховский Л. «Огонек», 05.10.1991)

**ПЯТЫЙ СОН ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ** ♪ социализм [система] ♪ Так летом 1991-го закончился «*пятый сон*» Веры Павловны, дикий и кошмарный, длившийся в нашем обществе больше семи десятилетий. А что дальше? Окончательно ли мы проснулись? (Юнисов В. «Огонек», 21.09.1991)

**СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ** ♪ путч ♪ С крушением партийной декорации рухнул принцип, организовывавший сценическое пространство нашей общественной жизни. *Сон в летнюю ночь*, налетевший вихрем, смел половину героев, перепутал роли оставшихся и посеял беспорядок, который художественным не назовешь. (Тимофеевский А. «Столица», № 36, 1991)

**СЪЕСТЬ ЧИЖИКА** ♪ политическая деятельность ♪ Борис Ельцин в первые послепутчевые недели *съел сразу несколько чижиков*: это широко освещавшиеся прессой склоки между его приближенными во время его отпуски, введение, а затем отмена чрезвычайного положения в Чечне, упразднение и отмена упразднения Госбанка СССР, обещание сократить МИД СССР в 10 раз и последующее принятие союзной концепции. (Панкин А. «Независимая Газета», 29.08.1992)

### ТИП ТЕКСТА

**АЗБУКА** знания ♪ Мы ведь только начинаем постигать *азбуку* демократии и культуру парламентаризма. (Олейник. Первый съезд народных

депутатов) Это *азбука демократии*, никакой парламент не будет эффективно работать, если в нем отсутствует критически настроенное меньшинство. (Сандуляк Л. И. Первый съезд народных депутатов) На мой взгляд, примерно половина нового правительства абсолютно профессиональна. А другие быстро одолевают *азбуку* управления. (Шевцова Л. «Известия», 17.09.1990)

**ДРАМА** политическая ситуация ☞ Ельцин — такой же литературный персонаж, как и остальные действующие лица *развертывающейся политической драмы*. Его преимущество перед другими в том, что он герой уже не бульварной литературы. (Богомолов Ю. «Литературная Газета», 05.06.1991) История написала для России гениальный сценарий, который был разыгран в течение трех дней ведущими актерами политической сцены с решающим участием народных масс. Этот сюжет продемонстрировал сочетание шекспировского трагизма и абсурдистского фарса в духе Ионеско. Психологическому саспенсу этой *драмы* мог бы позавидовать Хичкок, а мощи массовых революционных сцен — Эйзенштейн. (Плахов А. «Московские Новости», 15.09.1991)

☞ история ☞ Даже явление миру независимой Украины — самый мощный удар по Союзу, повергший в минутный нокдаун Президента России, заявившего было о пересмотре границ, — даже этот кульминационный акт нашей *исторической драмы* вызревал и готовился давно. (Выжutowич В. «Известия», 13.09.1991)

**ЛЕТОПИСЬ** ☞ архитектура ☞ Во все времена сильные мира сего стремились вписаться в «*каменную летопись*». Справедливости ради заметим — основатель советского государства по этой линии не преуспел, а может, просто не успел? Зато его преемник сделал немалый личный вклад в создание архитектурных ансамблей. О том, что некоторые из них покоятся на костях, теперь широко известно. Вспомним Беломорканал, Волго-Дон, другие великие стройки коммунизма. Этот «зодчий коммунизма» считавший себя эрудитом во всех областях, беспартийно судил и о сугубо профессиональных архитектурных приемах. (Сомов Ю. «Литературная Газета», 26.12.1990)

**ПОВЕСТВОВАНИЕ** ☞ жизнь ☞ Человек живет для того, чтобы умереть. Смерть сообщает жизни *сюжетную направленность*, единство, определенность. Она — логический вывод, к которому приходят путем жизненного доказательства, не обрыв, но аккорд, подготовляемый задолго, начиная с рождения. (Синявский А. «Огонек», 14.12.1991)

**ПЬЕСА** политическая деятельность ☞ *Пьесы* то хороши, то плохи, то невняты, постановки — и пышные и убогие — неизменно безвкусны, актеры, бездарные и талантливые, пьяны, больны, безумны и вдохновенны. Все говорят, повернувшись спиной друг к другу, клячат аплодисментов у публики. Кое-где, переругавшись, зовут на сцену Автора. Кое-где бутафорские ружья, висающие на стене, стреляют в зрительный зал. Театральный критик, испуганно ежащийся при звуке этих выстрелов, шепчет на ухо своему менее боязливому коллеге: «Какой ужас! Ни одному из них не объяснена сверхзада-

ча. Они сами не понимают, что играют». — «А им и не надо понимать, — возражает тот. — Революция — это импровизация». (Топоров В. «Независимая Газета», 19.10.1991) После августовских событий широко пошла, правда, под другим названием, пьеса «*Безумцы бьют мерзавцев*». Полный текст названия гласит: «Безумцы, казнокрады и карьеристы бьют мерзавцев, казнокрадов и карьеристов», но совпадающее элиминируется. Наличие в первой «партии» изрядного количества мерзавцев, а во второй, но бывшей еще недавно первой и единственной, — соответствующего числа безумцев придает жизненность несколько схематической интриге. (Топоров В. «Независимая Газета», 19.10.1991)

☞ выборы ☞ Пьеса для одного актера? Президент России: на сцене и за кулисами [заголовок]. («Московские Новости», 19.05.1991) дезинтеграция СССР ☞ Другая пьеса — «Россия выворачивается наизнанку» — идет под название «Крушение последней империи». Пьеса эта уже была поставлена в 1917—1921 годах (с эпилогом в 1940-м), поэтому развитие сюжета предвидеть нетрудно: ослабленная внешним военным противостоянием, политическими раздорами и экономическим хаосом, Россия на время отпускает окраины и Украину, чтобы впоследствии подчинить их себе любыми средствами, включая вторжение. Ключевая формула носит характер анаграммы, на что впервые указал поэт В. Кривулин. Конечно, современное прочтение этой пьесы сулит определенные постановочные новации, но вряд ли первостепенного значения. (Топоров В. «Независимая Газета», 19.10.1991) приватизация ☞ Однако в ходе репетиций замысел пьесы претерпел серьезные изменения. Оказывается, приватизация нужна для того, чтобы связать «горячие деньги», чтобы заткнуть дыру в бюджете (хотя уже непонятно, где дыра, а где бюджет и чей именно бюджет), чтобы — хотя это и не произносится вслух — в очередной раз укрепить ВПК. (Топоров В. «Независимая Газета», 19.10.1991) рынок ☞ На руинах, бутафорских и подлинных, загромоздивших меж тем уже чуть ли не всю сцену, труппа Театра Экономического Абсурда, продолжая уже не первый сезон хоровую декламацию пьесы «*Рынок*», тем же составом и в то же самое время разучивает по ролям провинциальный анекдот «Сохранение единого экономического пространства». Соль этого анекдота заключается в мифе о взаимной выгоде. Меж тем, как известно, взаимной выгоды не бывает, по крайней мере в условиях рынках. (Топоров В. «Независимая Газета», 19.10.1991) социализм [система] ☞ Трагический и фарсовый спектакль длиною в семьдесят лет!.. А пьеса называлась «Приговоренные к счастью». Партаппаратчики цинично поглядывали на этот наш бессмысленный бег по кругу и все подбадривали, подстегивали очередным идиотским лозунгом о «всеобщем счастье». (Хазанов Г. «Огонек», № 35, 01.08.1990)

СКАЗКА социализм / коммунизм [идеология, система] ☞ Как мне кажется, произошла утрата веры... Призрак коммунизма, замеченный в сумерках Европы XIX века, как и все призраки, исчез на рассвете. Коммунизм в XX веке оказался иллюзией, красивой сказкой. (Михайлов А. А. «Огонек»,



04.11.1989) Может, необозримые пространства России в условиях вялого, ленивого деспотизма породили нашу склонность к *сказке*, чуду, единому рычагу, который все сдвинет и расставит по местам. Задолго до Маркса кто-то из русских поэтов писал: все о нем, все о Гегеле моя дума дворянская. С чего бы это? Все та же мечта о чуде, о рычаге. Так мы подбирались к Марксу. И Маркс подоспел не случайно. Как ни крути, а многие действительно поверили в эту *сказку*. (Искандер Ф. «Независимая Газета», 29.09.1991) Мэр Санкт-Петербурга сказал об этом, представляя французское издание книги, вышедшей в издательстве Фламмарин. «Я надеюсь, — сказал он, — что *сказка о коммунизме* останется лишь страшным воспоминанием, лишь *страшной сказкой*». (Бруни Л. «Независимая Газета», 01.10.1991) Треть человечества оказалась в *страшной сказке*, сделанной былью. И что же? Сначала передрались между собой захребетники. Как внутри каждой страны, так и между странами. Затем вновь восстали народы — в так называемой Германской Демократической республике, в Венгрии, затем в Чехословакии и Польше. (Бестужев-Лада И. «Горизонт», 01.03.1992)

☞ многопартийность ☞ Чтобы, не дай Бог, мы не добрались до истины, нам придумали очередную *сказку*. Что спасение наше — в многопартийности. Печально видеть, когда взрослые люди играют даже не в детские, а в сумасшедшие игры. Многопартийность не спасла Россию от катастрофы 1917 года, наоборот, создала разброд в умах и дала возможность взять власть не самым лучшим силам. Спасут не партии, спасет Общее всемирное дело. И если должна быть партия, то Партия всеобщего человеческого спасения. (Иванов М. «Литературная Газета», 07.08.1991)

**СЦЕНАРИЙ** развитие политической ситуации ☞ А ситуация в Латвии хотя и отстает по фазе, но разыгрывается точно по такому же *сценарию*. (Коган Е. В. Первый съезд народных депутатов) Наиболее резко отвечал И. Кезберс. Это заговор центра, заговор КПСС против народных правительств. Непосредственная ответственность за разразившуюся трагедию, явившуюся дальнейшим и заранее спланированным *развитием тбилисского «сценария»*, лежит на буржуазном парламенте и правительстве Литвы, «Саюдисе» и лично В. Ландсбергисе. («Куранты», 04.09.1992) И тем не менее связь между событиями в Персидском заливе и в Литве имеется. Уж больно знакомый *сценарий*: использовать «благоприятную» международную обстановку для того, чтобы проделать что-нибудь неприглядное у себя дома. (Богомолов О. «Россия», 21.01.1991) Прибалтики, говорил он. Во всех республиках события развиваются по одному *сценарию*, к тому же *сценарию*, написанному одной рукой. (Левицкий Л. «Известия», 02.02.1991) И в том, и в другом случае [выборы президентов СССР и РСФСР] *основной сценарий* готовится и разыгрывается глубоко за кулисами. Впрочем, на этом сходство заканчивается. Действие, разворачивающееся перед нами, на этот раз будет, пожалуй, посложнее: и персонажей больше, и массовые сцены масштабнее, и декорации цветистее. (Бычкова О. «Московские Новости», 19.05.1991) Мы стали

очевидцами и участниками великих событий. Враги обновления, ошеломленные этими событиями, пытаются истолковать их как кем-то подготовленную закулисную «инсценировку». А те из нас, кто в огне происходящего не расставался с интеллектуальным навыком и долгом осмысливания, не могли не дивиться стройной логике *сценария*, написанного Историей или — кому внятно это слово — Провидением. (Аксючиц В. и др. «Комсомольская Правда», 21.09.1991) История написала для России *гениальный сценарий*, который был разыгран в течение трех дней ведущими актерами политической сцены с решающим участием народных масс. Этот сюжет продемонстрировал сочетание шекспировского трагизма и абсурдистского фарса в духе Ионеско. Психологическому саспенсу этой драмы мог бы позавидовать Хичкок, а мощи массовых революционных сцен — Эйзенштейн. (Плахов А. «Московские Новости», 15.09.1991)

**ШУТКА** ♣ перестройка ▣ XX век подводит итоги. Они мрачны, но вдохновляющи. XX век — утеха для историка, радость и наслаждение сердца. Все померкло в его горячем свете: и юношеские порывы «века пара и электричества», и тяготящие шаги Средневековья, и кукольный театр античности. Под самый же конец, на десерт, столетие приберегло совсем *веселую шутку, шутку-перестройку*, последнюю революцию в России. (Ковельман А. «Литературная Газета», 10.10.1990)

### КОНКРЕТНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ

**ЕВАНГЕЛИЕ** ♣ политическая программа ▣ Особенно же интересное тем, что политика в нашем обществе — все еще явление культового порядка. Отсюда — неважность практического содержания, отсюда первостепенность заклиательной части. Программа — своего рода *евангелие* в первоначальном значении слова — добрая весть, весть «оттуда». (Баранов А. «Московский Комсомолец», 30.10.90) мемуары участников революции ▣ Писать историю торопились все: *евангелием Октября* объявлялись тщательно отредактированные воспоминания «участников штурма Зимнего», которые полагалось иметь чуть ли не каждой области и каждому городу. («Известия», 06.11.1991)


**КАЛЕВАЛА** ♣ история КПСС ▣ На то похоже. Ведь мы сами не заметили, как взамен *партийному эпосу «Калевала»* начали окуривать себя собственными, уже демократическими, мифами, создавать собственный реформаторский иллюзион. (Ганюшкин В. «Новое Время», 22.10.1991)

**ОДА ВОЛЬНОСТИ** ♣ политическое выступление ▣ Порой, слушая «*оды вольности*» депутатов-сепаратистов, думаю, что живут они в другом измерении, где не льется кровь, не рыдают беженцы, где нет грозных, как бикфордов шнур, очередей... (Друнина Ю. «Известия», 02.11.1990)

### АВТОР ТЕКСТА

**ТРУБАДУРЫ** ♣ обществоведы / пропагандисты ▣ Все просто: *трубадуры развитого социализма* из обществоведов и пропагандистов КПСС наш-

ли горстку слушателей в цехах — появилась «рабочая прослойка» в ОФТ. (Кудамкин Б. «Россия», 09.02.1991)

**ЧЕЛОВЕК ПИШУЩИЙ / ПИСАТЕЛЬ** история  Мы стали очевидцами и участниками великих событий. Враги обновления, ошеломленные этими событиями, пытаются истолковать их как кем-то подготовленную закулисную «инсценировку». А те из нас, кто в огне происходящего не расставался с интеллектуальным навыком и долгом осмысливания, не могли не дивиться стройной логике сценария, *написанного Историей* или — кому внятно это слово — Провидением. (Аксюциц В. и др. «Комсомольская Правда», 21.09.1991) *История написала* для России гениальный сценарий, который был разыгран в течение трех дней ведущими актерами политической сцены с решающим участием народных масс. Этот сюжет продемонстрировал сочетание шекспировского трагизма и абсурдистского фарса в духе Йонеско. Психологическому саспенсу этой драмы мог бы позавидовать Хичкок, а мощи массовых революционных сцен — Эйзенштейн. (Плахов А. «Московские Новости», 15.09.1991)

## 2. Метафорическая модель фауны

### ФАУНА

Сфера источника	Сфера цели
ЖИВОТНОЕ	КПСС (2) гласность, демократия, демократы, партия, политик, проблемы, революция, СССР
ЗВЕРЬ, ДИКОЕ ЖИВОТНОЕ	—
волк	административно-командная система, Горбачев М. С., Ельцин Б. Н., интеллигенция, СССР
гибра <sup>12</sup>	административно-командная система / бюрократия (2); коммунизм [система] (2) ГКЧП, демократическая пресса, контрреволюция, коррупция, революция, сионизм
динозавр	СССР (2) консерватор, КПСС, продукция машиностроения
ежикосвин	Павлов
жаба	закон о СМИ
зайчик	победа
заяц	избиратели
зверек	жизнь
звероящер	Россия

<sup>12</sup> Дано также в М-модели СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО.

Сфера источника	Сфера цели
кит	марксистско-ленинская философия, научный коммунизм
крыса	человек
лань	демократия, узбеки, частный сектор экономики
лев	СССР, член КПСС
лиса	ученый-экономист (2) Громов Б.
мамонт	тоталитаризм
медведица	Россия
медведь	Россия (4); Ельцин Б. Н. (2) Горбачев М. С., госсектор экономики, русский народ
мустанг	перестройка, экономика
мышка	Запад (2)
мышь	гласность, нравственная свобода, политик [Лигачев Е. К., Рыжков Н. И., Павлов]
носорог	СССР
обезьяна	народ, политик
орангутанг	политик
олень	политик [Хасбулатов Р. И., Ельцин Б. Н.]
осьминог	мафия
рак	правительство, республика, руководитель колхоза
слон	Москва
спрут	мафия / преступность (2) армия, власть, военно-промышленный комплекс, КГБ
тварь	народ
телец	КПСС
тигр	политическая группировка (3) административно-командная система
хамелеон	Шеварднадзе Э.
хищник	капиталист, Рижский ОМОН
шакал	буржуазия, государство, депутат группы «Союз», интеллигент, рабочий
<b>ДОМАШНЕЕ ЖИВОТНОЕ</b>	народ (2)
баран	человек (4) народ, русский, член КПСС
бык	Дума

Сфера источника	Сфера цели
кляча	история (2) социалистическая экономика
козел	правительство
конь	член правительства (3); народ / общество (2) административно-командная система, госсектор экономики, КПСС, национализм, республика, Россия, СССР, цены
корова	военно-промышленный комплекс (2) военный бюджет, Горбачев М. С., капитализм [система], колхоз, мир, общественная собственность, Россия, социализм [система]
кот	политик [Ельцин Б. Н., Попов Г.], член КПСС
кошка	народ / общество (2) дезинформация, наука, президент республики, социализм [система], Травкин Н.
кролик	человек
лошадь	народ / общество (3); история (2) выборы, инфляция, крестьянин, межнациональные отношения, политическая система
морская свинка	Верховный Совет
овца	СМИ [«Советская Россия», «Правда»]
осел	народ, политический субъект, Советы
свинья/чушка	гласность, номенклатура КПСС
собака	сторонник диктатуры (2); человек (2) демократическая пресса, коммунисты, общество, Прибалтика
барбос	человек
бульдог	политик (3)
волкодав	номенклатура КПСС [Суслов, Поликарпов, Шепилов], Сталин И. В.
гончая	народ (2)
дворяжка	человек
пес	диктатура, исключительное положение военно-промышленного комплекса, КГБ, устав сельхозартели, цензура
сука	политическая программа
цербер	государство
совраска	газета «Советская Россия»
хряк	Хрущев Н. С. (2)

Сфера источника	Сфера цели
ПТИЦА	Россия (2) Дзержинский Ф., общественное мнение, политик, человек
беркут	Акаев А.
гусь	республика
кукушка	–
кукушата	политики
кукушачье яйцо	политическая группировка (2)
лебедь	правительство
нырок	Горбачев М. С.
орел	депутаты-коммунисты, Ельцин Б. Н., КПСС
селезень	Руцкой А. В.
соловей	Проханов А. (2) Горький М.
сокол	Жириновский В. В., члены политбюро
утенок	Ельцин Б. Н.
утка	Лобов О., новость
цыпленок	министр, Россия
ястреб	политик (3) сторонник перестройки
ДОМАШНЯЯ ПТИЦА	–
кураца	кооперация, московское метро, народ, социализм [система], член КПСС
ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ПТИЦ	–
клетка <sup>13</sup>	социализм [система]
РЫБА	Горбачев М. С., министр культуры, общество, сельское хозяйство, СССР
акула	бизнесмен, журналист, СССР
щука	правительство
НАСЕКОМОЕ	–
бабочка	акционерное общество, государственность, романтизм, стихи
клоп	номенклатура КПСС
куколка	министерство, партийный работник
личинка	демократия
мотылек	партийный работник
муравей	интеллигент (3) номенклатура КПСС, человек

<sup>13</sup> Дано также в М-модели вместилище.

Сфера источника	Сфера цели
муха	истина, начальство
паразит	идеология [коммунизм, фашизм]
паук	бизнесмен
пчела	человек (2)
таракан	моральные принципы [политиканство, беспринципность, аморальность]
улитка	Латвия
червь	политические взгляды
МИКРОМИР	—
амеба	общество, человек
бацилла <sup>14</sup>	высокомерие, национализм, социализм, [идеология]
вирус <sup>15</sup>	коммунизм [идеология] (2) власть, идея, ложь / страх, национализм, оппозиционность
микроб <sup>16</sup>	интеллигент, революционер
ГРУППА ЖИВОТНЫХ, НАСЕКОМЫХ	—
муравейник	государство, КПСС, СССР
рой	общество (3) вопрос в политической дискуссии
стадо	народ / общество (7) республики СССР, русский народ, члены КПСС
стая	—
волчья стая	политическая группировка (2)
улей	государство (2)

**ЖИВОТНОЕ КПСС** ■ Ну скажите, почему Борису Николаевичу именно сейчас приспичило издать этот указ? Для чего? И без этого ведь ясно, что не сегодня, так завтра КПСС отойдет на задний план. Ан нет! Надо, обязательно надо ее подразнить, затравить. Между прочим, *затравленный зверь* самый опасный, особенно если он с когтями и зубами. (Семенов А. «Мегаполис-Экспресс», 01.08.1991) Партия отстраняется от власти, уходит в оппозицию и, продолжая участвовать в политической жизни, *зализывает раны*, осмысливает происшедшее и в большинстве случаев левеет. (Кертман Г. «Московский Комсомолец», 02.10.1990)

<sup>14</sup> Дано также в М-модели медицина.

<sup>15</sup> Дано также в М-модели медицина.

<sup>16</sup> Дано также в М-модели медицина.

☞ гласность ☞ *Народное сознание, отданное на растерзание «гласности»*, били плетьюми, гнали в заданном направлении к избирательным урнам, где «демократизация» расставила свои, наспех возведенные и нелепо раскрашенные ловушки — парламенты и съезды. (Проханов А. «Наш современник», 01.09.1990) демократия ☞ *Почему же зверем смотрит демократия?* Главное, потому, что ее «крестный отец» А. Н. Яковлев орудовал большевистскими методами: «Почта, телеграф, телевидение — наши!!!» Ура! В прессе были водворены, как казалось большевистскому идеологу А. Н. Яковлеву, самые «яркие» демократы — Коротич, однофамилец и так далее. (Зарубин В. «Молодая Гвардия», 01.07.1991) демократы ☞ «Всем известно: капитализм — это ограбление народа, социальное расслоение, безработица, переход народной собственности в руки кучки жадных дельцов... Вот это хотят навязать народу те, кто сейчас наверху — «они текут, как и текли, конвейером на телеэкранах, подобно *лиловым замороженным тушам на хладокомбинате*, с чернильно-размытым штампом на демократических ляжках», — пишет газета Союза писателей СССР «День». («Новое время», № 36, 1991) партия ☞ За год-два было создано более сотни новых партий. Теперь они *начали грызться между собой*. (Говорухин С. «СК», 09.05.1991) политик ☞ Вот и сейчас, взявшись писать политический портрет человека, которого знаю лично, которого за последние годы не раз и не пять, и не семьдесят пять слышал в официальной обстановке и в обстановке неофициальной, человека, общественный интерес к которому огромен, человека, который беспощадной железной рукой управлял нашим парламентом, отдрессировав его до уровня морской свинки в театре имени Дурова, человека, наконец, который стал идеологом и, как сейчас становится все более ясно, активнейшим участником, если не вождем августовского путча (какой там Янаев с трясущимися от неизвестно чего руками — не смешите!), я вдруг понял, что сказать о нем по сути дела мне толком нечего. Он не оставил следов своей деятельности, этот гений аппаратной работы, *взращенный в лучших питомниках* тоталитаризма. (Гутионов П. «Мегаполис-Экспресс», 29.08.1991) проблемы ☞ Войска шли в поход на Кабул, подчиняясь все той же революционной доктрине, что и в предвоенной Корее, в Венгрии Имре Надя, в Чехословакии Дубчека. Утомленный интернационализм отправлялся в свой последний безнадежный поход. *Плодилось трудности внутри государства* — подъем диссидентства, дряхление власти, оскудение жизни, апатия народа, казался удобным шанс отвлечь общественность от социальной тоски, легкой победой опьянить умы молодежи, сплотить народ вокруг побеждающих лидеров. (Проханов А. «Наш современник», 01.09.1990) революция ☞ Предлагалось, что маховик кремлевской диктатуры, раскрутившийся не на шутку и поддержанный «снизу», останется ручным псом в руках постепенцев, весьма умеренных (тогда) либеральных реформистов. *Революцию выпустили на волю* для того, чтобы она стальной рукой проводила реформы. Никто не спрашивал у нее при этом, умеет ли она это делать и что она привыкла делать в России. (Павловский Г. «Московские



Новости», 26.05.1991) СССР ☐ И так — еще больше распряимся от давящего груза *«среднеазиатского подбрюшья»*, столь же необдуманного завоевания Александра II. (Солженицин А. И. «Комсомольская Правда», 18.09.1990)

**ВОЛК** ☐ административно-командная система ☐ Все народное хозяйство, начиная с электростанций и вплоть до городской канализации, функционирует только по приказу. Стоит *ослабить волчью хватку* и пожалуста: хлебный кризис, табачный... (Лапик А. «Московский Комсомолец», 09.10.1990) Горбачев М. С. ☐ Если *вожак стаи волков* начинает хромать на одну ногу, то его стая пожирает. Сильный Горбачев стал слабым Горбачевым, когда подменил всенародные выборы выборами партократической элиты на съезде. В этом было недоверие к народу, которым он собирался руководить. (Щекочихин Ю., Короткевич П. «Литературная Газета», 02.10.1991) ГКЧП ☐ Хунте не было необходимости нервничать и суетиться. Сладкий зайчик победы еще до вступления танковых дивизий в Москву был *прочко схвачен их волчьими челюстями*, и вполне можно было позволить себе, прежде чем начать жевать, понаслаждаться его трепыханиями. (Нуйкин А. «Мегаполис-Экспресс», 29.08.1991) Ельцин Б. Н. ☐ Думаю, что Ельцин сделал ряд шагов безусловной исторической значимости: подал в отставку из самого Политбюро. *Старый и заслуженный партийный волк*, он вышел из партии, да не как-нибудь, а на самом партийном съезде. И теперь вот заявление 19 февраля по телевидению — на страну, на весь мир — с требованием отставки Президента. (Капустин М., 28.02.1991) интеллигенция ☐ Повторяю: Сталин знал, что и зачем он делает. Повторяю: после уже уничтоженного крестьянства интеллигенция была для него врагом № 1. Понимал, что у нынешнего интеллигента и отец, если не убит на войне, и мать работают на заводе, а бабка кричит в колхозе и что никакого внешнего отрыва их друг от друга нет. И отрыв этот нужно создавать искусственно, талдыча народу, что прослойка эта чуждая, опасная, что *сколько волка ни корми, он все в лес глядит*, что не нужно их слушать, даже если это ваши дети и внуки. (Болдырев Ю. «Независимая Газета», 06.06.1991) СССР ☐ Чем кончится второе «добровольное вхождение» Литвы в братскую семью советских республик, неизвестно, но в преподавании Западу пословицы *«сколько волка ни корми, он все в лес смотрит»* «сильный центр», несомненно, преуспел. (Соколов М. «Независимая Газета», 15.01.1991)

**ГИДРА 1.** административно-командная система / бюрократия ☐ Так уж случилось, что я, физик-теоретик по профессии, став народным депутатом СССР, сделался известным как борец с бюрократизмом. Меня буквально «засыпали» письмами с жалобами на эту *«гидру»*. (Шостаковский В. «Огонек», № 39, 22.09.1990) Вместе с тем за все эти гнетущие годы коммунии и волос не упал с *миллионноглавой гидры партократии, госбюрократии* и их бесчисленных шакалов и подпевал как среди рабочих, читай — классовой аристократии, так и интеллигентов-марксиози. (Ганюшкин В. «Новое Время», 22.10.1991)

2. коммунизм [система] 📖 Победитель *гидры коммунизма* Б. Н. Ельцин был на этой неделе менее деятелен, и хотя литератор А. М. Адамович назвал последние события «революцией с лицом Ростроповича», сам Б. Н. Ельцин существенно разошелся с М. Л. Ростроповичем в оценке некоторых явлений. (Коммерсант, 26.08.1991) А нас не нервирует этот гроб, поставленный вместе со всем содержимым прямо под окном рабочего кабинета президента-реформатора, поклявшегося побороть *коммунистическую гидру*. Но пока ему не только *живая гидра*, но и *мертвая* не по плечу. (Новодворская В. «Московский Комсомолец», 22.04.1994)

📖 ГКЧП 📖 Званые на пир победителей силятся убедить всех и, кажется, уже начинают верить сами, что *сразили стоголовую гидру*. На самом деле так называемый «путч» был актом отчаяния в общем растерянных, не знавших выхода людей. (Борисов А. «День», № 18, 1991) демократическая пресса 📖 Да, антирусская пресса, приведшая к власти «демократов», могущественна, но подобно тому, как бесы страшатся поста и молитвы, так эта империя печатной лжи боится правды. *Многомиллионная гидра* не выдерживает прямого взгляда, нравственной прямоты. (Лобанов М. «День», № 16, 1991) контрреволюция 📖 Меч революции опускается тяжело и сокрушительно. Рука, которой вверен это меч, твердо и уверенно погружает отточенный клинок в *тысячеголовую гидру контрреволюции*. *Этой гидре нужно рубить головы* с таким расчетом, чтобы не выростали новые: у буржуазной змеи должно быть с корнем вырвано жало, а если нужно, и распорота жадная пасть, вспорота жирная утроба. («Горизонт», 01.05.1991) коррупция 📖 У Каримова появился реальный шанс добить *многоглавую гидру коррупции*, местничества, круговой поруки. Тем более что под первыми лучами демократии в республике народилась оппозиция в лице национально-демократического движения «Бирлик», Интерсоюза, демократической партии «Эра», которые, несмотря на расхождения между собой, выступали за реформы. Однако Каримов выбрал другой вариант. (Назаров Р. «Мегаполис-Экспресс», 16.05.1991) революция 📖 И если считать, что антиреволюционная генерация — правозащитники семидесятых — одержала моральную победу, тогда почему идейное руководство страной осталось за их преследователями? Откуда вновь *выползла гидра революции* с ее любовью ко всякому, кто не хочет работать, но хочет «стать всем»? (Павловский Г. «Московские Новости», 26.05.1991) сионизм 📖 Главный редактор газеты «День» Александр Проханов, отбывая туда же, не преминул напомнить собравшимся, что «у нас один враг, одна *мировая сионистская гидра* нас гложет и жрет». (Бычкова О. «Московские Новости», 21.06.1991)

**ДИНОЗАВР СССР** 📖 Ослабевший и потерявший прежний оскал «супердержавы» Советский Союз все еще остается *ракетным динозавром*, которого продолжают опасаться. «Запад не хочет ссориться с Горбачевым», — утверждает венгерская «Непсабадшаг». (Шарый А. «Россия», 21.01.1991) В последние годы весьма популярным стало у нас выражение «за державу

обидно». Но позвольте спросить: за какую державу? За имперскую супердержаву, подавляющую свои и чужие народы? За *динозавра с гигантским военно-бюрократическим туловищем* при полном отсутствии даже намека на правовое, демократическое, гуманное начало? За такую супердержаву и подлинным русским патриотам, и нам, «нацменам», не должно быть обидно ни чуточки. Демонтаж ее фасада уже состоялся. Пора — давно пора — перейти к ее внутренним покоем. (Стуруа М. «Независимая Газета», 07.02.1991)

✪ консерватор ✪ Р. Хасбулатов назвал «*мышлением динозавров*» утверждение консерваторов о том, что они построят «социалистический рынок без частной собственности». «Нужно, — подчеркнул он, — отделение экономики от государства. Государство должно осуществлять лишь косвенное вмешательство в эту сферу, предоставив экономическую свободу гражданам, освободив их от тисков государственного аппарата». («Независимая Газета», 31.03.1991) КПСС ✪ ОНА УХОДИТ. Еще исполненная грозной силы. Отступает медленно, но неозвратно. Наверное, *так когда-то уходили динозавры*, теснимые мелкими и суетливыми млекопитающими, казавшимися им ничтожествами. Речь идет о прежней КПСС, которую мы все хорошо знаем. («Независимая Газета», 03.08.1991) продукция машиностроения ✪ Но машиностроению выгодно выпускать *многотонные динозавры*. (Кузовлев А. Т. Первый съезд народных депутатов)

**ЕЖИКОВИН** ✪ Павлов ✪ Павлов характеризовался тоже весьма образно: «*ЕЖИКОВИН В ТУМАНЕ*». (Максимов А. «Россия», 31.08.1991)

**ЖАБА** ✪ закон о СМИ ✪ Я сторонник альтернативных законопроектов. Но в данном случае на сессии Верховного Совета СССР повенчали розу с *жабой*. (Казанник А. И. Первый съезд народных депутатов)

**ЗАЙЧИК** ✪ победа ✪ Хунте не было необходимости нервничать и суетиться. *Сладкий зайчик победы* еще до вступления танковых дивизий в Москву был прочно схвачен их волчьими челюстями, и вполне можно было позволить себе, прежде чем начать жевать, понаслаждаться его трепыханиями. (Нуйкин А. «Мегаполис-Экспресс», 29.08.1991)

**ЗАЯЦ** ✪ избиратели ✪ Я испытываю дискомфорт из-за того, что Жириновский заставил меня, практикующего профессионала-психолога, заняться рассуждениями о том, чего я не люблю, — о политике. Однако после его безобразного вопля с думской трибуны «Молчать!» иного выхода нет: я уверен, что парламентский лай легко переходит в уличную потасовку, в которой главным аргументом оказывается уже не голос, а револьвер. Почему столько людей проголосовало за этого «черта из табакерки»? Предлагаю две фантазии о его сторонниках. Первая. Иногда очумевший от преследования собаками *заяц* бросается прямо на охотника. В нынешней ситуации часть российского общества напоминает этого *зайца*, от отчаяния и полной дезориентации бросившегося на ловца. (Сурнов К. «Общая газета», 21.01.1994)

**ЗВЕРЕК** ✪ жизнь ✪ В какой потаенной норке, под защитным слоем теплого, парного перегноя, скрывается жизнь — пуливая и недоверчивая,

словно редкий лесной зверек в драгоценной меховой шубке? (Бежин Л. «Независимая Газета», 11.08.1992)

**ЗВЕРОЯЩЕР** 🇷🇺 Россия 📖 И если предыдущие годы так и не создали из России ни сельскохозяйственного колосса, ни промышленного гиганта, то эпоха застоя создала уродливого военного звероящера. (Васильев Б. «Известия», 02.01.1991)

**КИТ** 🇷🇺 марксистско-ленинская философия 📖 Пришло время гласности и плюрализма. Два кита, «марксистско-ленинская философия» и научный коммунизм, приказали долго жить. Третье же чудовище, порожденное при личном участии «корифея всех наук» — политэкономии, — оказалось куда более живучим. (Бондарев В. «Столица», 18.02.1991) научный коммунизм 📖 Пришло время гласности и плюрализма. Два кита, «марксистско-ленинская философия» и научный коммунизм, приказали долго жить. Третье же чудовище, порожденное при личном участии «корифея всех наук» — политэкономии, — оказалось куда более живучим. (Бондарев В. «Столица», 18.02.1991)

**КРЫСА** 🇷🇺 человек 📖 Пока есть крысы, им нужны дудка и повелитель, пока есть дудка и повелитель — нужны крысы. (Засурский И. «Независимая Газета», 20.04.1993)

**ЛАНЬ** 🇷🇺 демократия 📖 Да разве можно впрячь в одну телегу белого коня, на котором гарцует очередной генерал-полковник или просто полковник, и трепетную лань едва рождающейся демократии? Ясно, что неизбежны конфликты и нарастающее обострение политической борьбы, грозящей перерасти в борьбу уже не только политическую. (Бестужев-Лада И. «Горизонт», 01.03.1991) узбеки 📖 Дело в том, что в основе нашего братства была изначально заложена человеческая несправедливость. Сегодня не секрет, что под лозунгом равенства и братства всех народов в одну телегу были впряжены и гордый конь, и трепетная лань. Я имею в виду прежде всего свой народ. [узбеки] (Якубов А. «Известия», 01.12.1990) частный сектор экономики 📖 Сахалин пытается впрячь в телегу своей экономики «коня и трепетную лань» — секторы государственный и кооперативно-частный. Сегодня и конь, и лань одинаково хромают, диагнозы сходны. (Друзенко А., Капелюшный Л. «Известия», 14.12.1990)

**ЛЕВ** 🇷🇺 СССР 📖 Если лев упадет в колодец, на его ушах квакают лягушки. Упал лев — СССР. («Московские Новости», 14.06.1992) член КПСС 📖 Конечно, среди высших партийцев должна была образоваться хунта по ликвидации зарвавшегося деспота или должен был появиться хотя бы один герой, который просто кулаком по переносью должен был уложить изверга. Ни хунты, ни героя не нашлось. И в этом — величайшее осуждение коммунистической партии. Не людям, прожившим при деспоте и не пытавшимся даже его свергнуть, обвинять людей, не сумевших свергнуть своего деспота. В Германии были реальные заговоры против Гитлера. У нас, к великому сожалению, даже ни одного заговора не было. Партия львов превратилась в партию баранов. (Любищев А. «Час пик», 15.10.1990)

**ЛИСА** ученый-экономист 📖 Вот, например, десяток лет назад *лиса Алиса* обратила внимание Буратино на то, что предприятия в СССР в торговых операциях уже не употребляют денег, а меняют товар на товар, и предложила пресечь это безобразие. Буратино запретил продавать что-либо из того, что было куплено предприятиями, и стал строго за это наказывать. (Мухин Ю. «Огонек», № 44, 29.10.1990) Итак, Головы нет, есть миллионы клерков, управляющих экономикой. Добавьте к этому идеи экономической науки: то кот Базилио потребует уменьшить толщину стен, чтобы было, «как в США», то *лиса Алиса* потребует сорвать полы и настелить циновки, чтобы было, «как в Японии». (Мухин Ю. «Огонек», № 44, 29.10.1990)

📖 Громов Б. 📖 Сейчас впервые в советской истории «военную лису» пустили в «политический курятник». Жестокий и откровенный генерал Громов, которого советолог Дмитрий Саймс называет кандидатом в красные Наполеоны, неоднократно заявлял, что в нынешнем кризисе нельзя исключать выполнение армией политической роли. (Богомолов О. «Россия», 21.01.1991)

**МАМОНТ** 📖 тоталитаризм 📖 Где бегает «мамонт» тоталитаризма? (Кудашкин Б. «Россия», 30.10.1991)

**МЕДВЕДИЦА** 📖 Россия 📖 В конце концов опускаются руки и появляется мысль, что *Россия* — *одряхлевшая медведица*, неспособная видеть и ощущать обездоленное состояние высоколобного потомства, а ему бороться за ее интеллектуальный авторитет, очевидно, бесполезно и бессмысленно. (Меликян О. «Независимая Газета», 18.08.1993)

**МЕДВЕДЬ 1.** Россия 📖 Это ржавое колесо огромного механизма российского. *Это такой медведь*. Ему только надо придать инерцию, а дальше он пойдет уже сам. Вот для того, чтобы придать такую инерцию, я и хочу работать. (Ельцин Б. «Независимая Газета», 19.11.1991) Если даже под Россией понимать только Великороссию в виде РСФСР, то и тогда *медведь* не может быть равен суслику. И при естественном развитии событий в условиях «суверенизации» никакого другого центра, кроме нынешней РСФСР, быть не может... (Волков С. «Независимая Газета», 19.11.1991) Не-ет, нельзя оставлять таких больших рядом с маленькими без присмотра. Никто сегодня не может чувствовать себя безопасным рядом со *страной-медведем*, которая не отреклась от величия, основанного на расстояниях и площадях. (Павловский Г. «Независимая Газета», 19.11.1991) Это будет, скажем, Организация объединенных наций Северной Евразии с единым экономическим и правовым пространством. Уверен, что такая же система будет существовать и в объединенной европейской части нынешнего Союза, и часть наших республик будет входить в оба сообщества. Но только не Россия, иначе это уже будет сказка про европейский теремок, в котором захотел жить наш *европейский медведь*. (Андреев Ю. «Российская Газета», 27.11.1990)

2. Ельцин Б. Н. 📖 Горбачев и Ельцин пошли на все уступки Западу, США, ЦРУ, Израилю. А что получили взамен? Ничего... Их обманули. Не умеют торговать *ни ставропольский медведь, ни уральский...* Здесь нужен человек с

космическим мышлением, как минимум с планетарным. (Жириновский В. В. «Известия», 30.11.1993) От Ельцина ожидали решительных и быстрых действий, и какое-то время никто не мог ему помешать их предпринять. Однако надеждам не суждено было оправдаться. Развитие событий в первые послепутчевые месяцы напоминало известную сказку Салтыкова-Щедрина о новом *медведе-воеводе*, от которого все ждали злодеяний, а он начал с того, что чижика съел. И уже никакие последующие кровопролития не могли исправить его несерьезного имиджа. (Панкин А. «Независимая Газета», 29.08.1992)

☞ Горбачев М. С. ☞ Горбачев и Ельцин пошли на все уступки Западу, США, ЦРУ, Израилю. А что получили взамен? Ничего... Их обманули. Не умеют торговать *ни ставропольский медведь, ни уральский...* Здесь нужен человек с космическим мышлением, как минимум с планетарным. (Жириновский В. В. «Известия», 30.11.1993) госсектор экономики ☞ Здоровый рубль, живой рубль побеждает мертвый рубль нашего *спящего медведя, нашего госсектора*. (Бунич В. П. Первый съезд народных депутатов) русский народ ☞ В настоящее время уже выполнена программа добывания СССР, начата Гитлером, продолженная Даллесом. Волки и лисы оказались в одной берлоге, *позабыв о медведе — русском народе*. (Крылов В. «Московские Новости», 05.07.1992)

**МУСТАНГ** ☞ перестройка ☞ В самом деле, Горбачев не мог, наконец, не видеть, каких гигантских успехов достигла перестройка с 87-го года. 18 августа 91-го года Президент СССР и Гонсек ЦК КПСС отлично понимал: успехи таковы, что скоро не будет ни СССР, ни КПСС. С 87—88-го года он, сидя задом наперед и вцепившись в седло, несся *на диком мустанге по имени «перестройка»*, куда — он и сам не знал. Только все сильнее подбрасывает, да ветви все больнее хлещут. Бац — на ходу отлетели литовская подкова, грузинское стремя. Еще пять минут этой бешеной скачки, которую он и не направляет, и боится, — и он, пожалуй, летит через голову лошади, да на всем скаку. Этого ему — при всех его демократических убеждениях — наверное, не хотелось... (Радзиховский Л. «Огонек», 05.10.1991) экономика ☞ Одни долго *объезжали мустанга*, и теперь он понуро влачит огромный воз социальных расходов. (Кертман Г. «Московский Комсомолец», 02.10.1990)

**МЫШКА** Запад ☞ При самых благоприятных условиях Запад мог бы *сыграть роль мышки*, которая поможет бабке, дедке, внучке и т. д. вытянуть их проклятую репку. Мышка сама по себе заведомо ничего не вытащит, только без мышки вам репку тоже не вытащить. (Янов А. «Мегаполис-Экспресс», 16.05.1991) Помните, как удалось дедке, и бабке, и внучке, и Жучке вытащить проклятую репку? Мышка помогла. Ее пренебрежимо малая мускульная сила оказалась решающей. Ю. А. Рыдов называет это триггерным эффектом. Но как бы это ни назвать, задача, перед которой ставит нас Веймарская модель перехода, заключается в том, чтобы *превратить Запад в эту самую спасительную мышку*. (Янов А. Л. «Независимая Газета», 22.10.1991)

**МЫШЬ** ♪ гласность ♪ В конечном счете «гласность», «нравственная свобода» в рамках советской системы обернулась «белой мышью», мешающей понять, что только политическая борьба может сломить монополию коммунистической партии на власть. (Геллер М. Собрание «Независимая Газета», № 4, 1991) нравственная свобода ♪ В конечном счете «гласность», «нравственная свобода» в рамках советской системы обернулась «белой мышью», мешающей понять, что только политическая борьба может сломить монополию коммунистической партии на власть. (Геллер М. Собрание «Независимая Газета», № 4, 1991) политик [Лигачев Е. К., Рыжков Н. И., Павлов] ♪ В книге о психологии саморазрушения прочитал я описание поразившего меня эксперимента. Гарвардский ученый д-р Джером Брунер хотел выяснить, каким путем стимулы идут в мозг. Было известно, что они передаются по нервным волокнам с помощью электрических импульсов. Экспериментаторы взяли кота, включили электроды в нервную систему и увидели, каким образом движутся стимулы. Когда кота поместили в тихую комнату, услышанный им внезапный звук шел напрямик в кору головного мозга. Не успокоившись, ученые поместили прямо перед носом кота клетку с белой мышью. Когда снова раздался внезапный звук, аппараты не зарегистрировали в нерве электрических импульсов. Это казалось невероятным: звонок звонил, кот не мог его не слышать, но осциллограф ничего не показывал... Экспериментаторы после некоторых усилий выяснили, что глубоко заинтересованный мышью кот посылал контримпульсы, как бы блокируя нервное волокно. Создается впечатление, на седьмом году «перестройки» демократическая оппозиция поняла, что она должна существовать, но еще не решила — зачем, для какой цели. Ее нынешнее магматическое состояние объясняется, в частности, тем, что долгое время будущих оппозиционеров завораживали «белые мыши»: Лигачев, Рыжков, сегодня — Павлов. В результате Николай Травкин, лидер Демократической партии, решительно заявляет в Доме кино: «Что делать — это мы все понимали. Неясно, как делать и кто будет делать». И добавляет: «Я думаю, абсолютное большинство партий не станет звать на баррикады. Во всяком случае, Демпартия России не станет. Значит, остаются выборы». (Геллер М. Собрание «Независимая Газета», № 4, 1991)

**НОСОРОГ** ♪ СССР ♪ Да, нас ни разу как следует не разбили. Вдребезги, как Гитлера. Нам «не обломали рога». А носорогам обламывать рога обязательно нужно. Чтобы не было дел, подобных делу Мирзаянова. (Новодворская В. «Известия», 04.03.1994)

**ОБЕЗЬЯНА** ♪ народы ♪ Вообще, я думаю, съезд РКП внес ясность, довершил общую картину. Когда он шел, чего-то не хватало. Но едва прозвучали презрительные слова о гнилых интеллигентах, о народах, недавно слезших с ветки, все стало по местам. (Кардин В. «Литературная Газета», 26.12.1990) политик ♪ Попытка повернуть колесо истории вспять, по определению не может быть успешной, если не считать того, что это колесо задавит еще лишнюю тысячу человек, ну сто тысяч, ну миллион — это же издержки,

без которых не заработаешь политический капитал, либо его, какой ни на есть, не сохранишь. Вот образ среднетипичного российского политика. Разве это женщина, которая, по легенде, встает между двумя готовыми сойтись в сече армиями, чтобы предотвратить бессмысленное кровопролитие? Нет, это *киплинговская обезьяна*, наблюдающая со своей безопасной ветки за дракой двух тигров и гримасничающая в ожидании, когда можно будет полакомиться объедками. (Никитинский Л. «Известия», 02.10.1993)

**ОРАНГУТАНГ** ♣ политик ☐ Оценив по результатам референдума политический масштаб президента, многие депутаты откликнулись на приглашение Б. Н. Ельцина принять участие в Конституционном совещании. В ближайшей когорте остаются *политические орангутанги*, с которыми и сфотографироваться-то рядом непристойно. Ручкой было пригред пламенным мотором, но и тот, почувствовав, что политический партнер как-то слишком быстро теряет вес, пошел в самостоятельную битву за скипетр и державу. Чемоданы с компроматом носить за ним Руслан Имранович, разумеется, не станет. (Костиков В. «Московский Комсомолец», 19.08.1993)

**ОЛЕНЬ** ♣ политик [Хасбулатов Р. И., Ельцин Б. Н.] ☐ Еще более запутанную мистическую комедию положений разыгрывает цесаревич Н. Т. Рябов, готовый разом присягать обоим мистическим супругам — как обвенчанной Б. Н. Ельцину, так и обвенчанной Р. И. Хасбулатову. Выступая в качестве чичисбея зараз обеих Конституций Н. Т. Рябов не только впадает в состояние двойного греха, но и порождает двойственную опасность. С одной стороны, временно объединившиеся на почве общей мистической рогатости Б. Н. Ельцин и Р. И. Хасбулатов могут совместно поднять вице-спикера на рога, с другой — что еще опаснее, — обоюдорогатые президент и председатель ВС, взаимно бодаясь, могут, как это часто бывает с *благородными оленями во время гона*, *намертво перепутаться рогами*, что причиняет как оленям, так и политикам превеликие неудобства. (Соколов, Кирпичников. «Сегодня», 19.05.1993)

**ОСЬМИНОГ** ♣ мафия ☐ В разоблачительных телекадрах порой мелькают магазинные склады, обнаруженная колбаса из-под прилавка, лица «застуканных» продавцов... Неужели это и есть *шутальца мафии*? (Шевелев В. «Московские Новости», 17.02.1991)

**РАК** ♣ правительство ☐ Как издатели и как граждане, арзамасцы не могли не возмутиться развернувшейся травлей исполнительной власти в лице нового состава Совета Министров, которому якобы уготована судьба известного кабинета Лебеда, *Рака* и Шуки. (Соколов, Кирпичников «Сегодня», 19.05.1993) республика ☐ Во-первых, это навязанный компромисс, которым Президент заставляет Россию сыграть главную роль в том, чтобы *загнуть всех раков в ведро*» (в Союз), без каких-либо определенных обещаний дать что-либо взамен. (Любимов Л. «Россия», 06.12.1990) руководитель колхоза ☐ Перемены на селе, конечно, есть, но медленные и мучительные. Главная причина — в старых властных структурах, так сказать, «кадрах», которые



занимают прочную оборону — саботируют реформы, вредят и не собираются уступать. *«Они как раки, — говорят в деревне, — сидят по своим норам и думают отсидеться».* У раков, как известно, один ход — назад и никогда вперед. Но отсидеться становится все труднее: смотришь, то одного, то другого выгнали на свет божий — кого на пенсию, а кого перебросили на более высокий пост, где он принесет еще больше вреда. Пока этот *«раковый корпус»* оккупирует деревню, никаких скорых улучшений с продовольствием мы не дождемся. (Мирунихина Л. «Российская Газета», 05.05.1991)

**СЛОН** ♣ Москва ♣ В Западном Берлине запасались продовольствием на полгода блокады для 1,8 миллиона жителей. Это — триста тысяч тонн. *Такому слону, как Москва, хватит на целый зимний месяц с хвостиком.* (Кондрашев С. «Известия», 08.12.1990)

**СПРУТ** мафия/преступность ♣ Есть и этническая неловкость: мало того, что иностранцы нам помогают, а мы еще просим их и с нашей мафией бороться. Но что же делать, если мы своими силами с этим вездесущим *спрутом* справиться пока не можем. (Графова Л. «Литературная Газета», 12.12.1990) Кстати, метафорика текста не лишена последовательности, даже черпая свой материал из разнородных источников: классический топос «пучины насилия» получает развитие в образе обитающего в этой пучине *«спрута преступности»*, заимствованном из телевизионной массовой культуры. (Зенкин С. «Независимая Газета», 10.09.1991)

♣ армия ♣ Семьдесят лет мы отрывали от себя последнее, чтобы взрастить *военного спрута*. Танки, построенные на наши деньги, пошли против безоружных людей. (Богомолов О. «Мегаполис-Экспресс», 05.09.1991) власть

♣ И так, не удалось ответить ни на один из заданных вопросов. И тут тоже нечему удивляться. Пожалуй, паралич власти в Советском Союзе вступил в свою заключительную фазу — власть паралича. Когда омертвевшая структура, *подобно гигантскому коченеющему спруту*, делает последние попытки выжить, не замечая даже, что крушат ее щупальца. (Портников В. «Независимая Газета», 15.01.1991) военно-промышленный комплекс ♣ За ненадобностью должно будет уйти все нынешнее окружение главы государства, которое почти целиком состоит из представителей военно-промышленного комплекса. *Этот спрут*, состоящий из девяти мощнейших министерств, включает в себя почти половину заместителей Предсовмина СССР и обладает практически неограниченной властью. («Российская Газета», 02.02.1991) КГБ ♣ До последних дней *щупальца КГБ* еще лежат на церкви. (Якунин Г. «Литературная Газета», 11.09.1991)

**ТВАРЬ** ♣ народ ♣ Уж если крутить любовь с властью, так надо настаивать на взаимности, а взаимность предполагает демократию. Секс без взаимности — это изнасилование либо скотоложство. В политологии изнасилованию соответствует диктатура, а эквивалент скотоложству, я думаю, авторитаризм: возня с народом, *как с бессмысленной тварью*. (Павловский Г. «Независимая Газета», 19.11.1991)

**ТЕЛЕЦ** ☞ КПСС ☞ Указ от 6 ноября 1991 года о запрете КПСС был чисто символическим — этот *тощий (дряблая кожа да ломкие кости) телец* был принесен на алтарь демократии. Закланием КПСС Ельцин ясно дал понять, что обратной дороги для него нет. (Петин Н. «Столица», 01.05.1992)

**ТИГР** политическая группировка ☞ Да, группа «Союз» в известной мере опекалась руководством Верховного Совета и даже, если мне не изменяет память, дважды была принята президентом. Помните, после этих встреч публично и с апломбом члены этой группы заявляли, что они «заставили» президента снять министра, сделать то или другое. А теперь случилось так, что *тигр* бросился в обратную сторону. (Лаптев И. «Московские Новости», 21.07.1991) **И. Л.:** Как вы знаете, недавно президент достаточно резко осудил деятельность депутатов этой группы, правда, используя при этом тот же набор упреков, которые прежде адресовал другим депутатским группам, например межрегиональной. **Е. Я.:** Это весьма знаменательно. Президент может быть, потому и не нашел других слов, что «Союз» сам по себе пестовался во имя ослабления влияния депутатов-демократов. Да, межрегионалы часто забегали вперед, но сам ход жизни подтвердил их правоту. А вот *подкармливать тигра на цепи* для охраны себя от демократических требований — это политическая безнравственность. За нее рано или поздно, но всегда приходится расплачиваться. (Яковлев Е., Лаптев И. «Московские Новости», 21.07.1991) Попытка повернуть колесо истории вспять, по определению не может быть успешной, если не считать того, что это колесо задавит еще лишнюю тысячу человек, ну сто тысяч, ну миллион — это же издержки, без которых либо не заработаешь политический капитал, либо его, какой ни на есть, не сохранишь. Вот образ среднетипичного российского политика. Разве это женщина, которая, по легенде, встает между двумя готовыми сойтись в сече армиями, чтобы предотвратить бессмысленное кровопролитие? Нет, это киплинговская обезьяна, наблюдающая со своей безопасной ветки *за дракой двух тигров* и гримасничающая в ожидании, когда можно будет полакомиться обедками. (Никитинский Л. «Известия», 02.10.1993)

☞ административно-командная система ☞ Кажется, это понял и съезд, затратив на традиционную стрельбу *по кремлевским «бумажным тиграм»* (нельзя ведь совсем упустить возможность рассказать друг другу о вещах, всем очевидных!) все же куда меньше времени и сил, чем на обсуждение программы, устава и структуры. (Тодрес В. «Независимая Газета», 19.03.1991)

**ХАМЕЛЕОН** ☞ Шеварднадзе Э. ☞ Ведь ходят по международным барам слухи о претензиях Э. Шеварднадзе на пост генерального секретаря ООН. То, что подобные «идеи» вызывают возмущение среди здравомыслящих людей в СССР, это естественно и понятно. Хорошо, что и на Западе *политическим хамелеонам* доверяют далеко не все. (Краснов А., Николаев Ю. «Советская Россия», 15.06.1991)

**ХИЩНИК** ☞ капиталист ☞ Допускаю, что *капиталистические хищники* используют исключительно купюры в 50 и 100 рублей. Можно предположить,

что опасность распродажи страны в одночасье ликвидирована. Однако это не так. Означенные купюры, безусловно, будут скуплены за бесценок у мелких держателей крупными банками, являющимися кредиторами СССР. И предъявлены к оплате под угрозой кредитной блокады независимо от глубины финансовой концепции премьера Павлова. (Львов М. «Независимая Газета», 24.01.1991) Рижский ОМОН ¶ Не склонна разделять мнение коллег и считать действие «черных беретов» агонией загнанного в угол *хищника* (Рижский ОМОН оказался отвергнутым республиканским МВД и им не подчиняется). (Фаст Т. «Литературная Газета», 23.01.1991)

**ШАКАЛ** ¶ буржуазия ¶ Нам все разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя закрепощения от гнета и рабства всех. Жертвы, которых мы требуем, жертвы спасительные, жертвы, устилающие путь к Светлому Царству Труда, Свободы и Правды. Кровь? Пусть кровь, если только ею можно выкрасить в алый цвет серо-бело-черный штандарт старого разбойного мира. Ибо только полная, бесповоротная смерть этого мира избавит нас от возрождения *старых шакалов, тех шакалов*, с которыми мы кончаем, кончаем, миндальничаем и никак не можем кончить раз и навсегда. («Горизонт», 01.05.1991) государство ¶ Федоров считает, что все отраслевые министерства необходимо как можно скорее разогнать. Причем действительно разогнать, а не придавать им статус ассоциаций. Государство, считает он, всегда выполняло *функции шакала*. (Сидоров Д. «Независимая Газета», 16.10.1991) депутат группы «Союз» ¶ — Тут объяснений никаких не требуется, — прокомментировал ситуацию Ю. Рыжов. — С нами просто сводят счеты. — Их даже нельзя назвать волками, это просто *группа шакалов*, — резюмировал депутат Николай Медведев. (Михайлов Л. «Независимая Газета», 04.04.1991) интеллигент ¶ Вместе с тем за все эти гнетущие годы коммунии и волос не упал с миллионноглавой гидры партократии, госбюрократии и их *бесчисленных шакалов* и подпевал как среди рабочих, читай — классовой аристократии, так и интеллигентов-марксистов. (Ганюшкин В. «Новое Время», 22.10.1991) рабочий ¶ Вместе с тем за все эти гнетущие годы коммунии и волос не упал с миллионноглавой гидры партократии, госбюрократии и их *бесчисленных шакалов* и подпевал как среди рабочих, читай — классовой аристократии, так и интеллигентов-марксистов. (Ганюшкин В. «Новое Время», 22.10.1991)

**ДОМАШНЕЕ ЖИВОТНОЕ** народ ¶ Пустует земля. А и будут раздавать — некому взять, ибо люмпенизирован народ: *привык в городах из окошечка получать корм*. Как помочь повернуться лицом к земле, полюбить труд на ней — и так возродить крестьянство? (Гачев Г. «Независимая Газета», 30.05.1991) Они сделают и делают все, чтобы вернуть страну в исходную позицию, *народ в стойло*, а себя к неограниченной власти. (Гайворонский В. «Правда», 29.01.1991)

**БАРАН** человек ¶ Разумеется, есть люди, которые *не желают быть баранами*, предназначенными на убой. Каждый народ имеет право на свою

конституцию, которая обеспечит права этого народа. (Иванов А. «Куранты», 19.01.1991) Почему решили менять «социальное» на «национальное», тоже понятно. Тут и замены-то не нужно. Обе идеи, оба лозунга всегда шли рука об руку в тоталитарном режиме. Просто на первый план выходит то один, то другой. Оба создают идеальную дымовую завесу для «баранов» (говорят, что так Сталин ласково называл трудящихся на демонстрации), нужную тем, кто любит шашлык из баранины. «Идут бараны и бьют в барабаны. Кожу на них дают сами бараны». (Радзиховский Л. «Горизонт», № 1) Спорить я ни с кем не собираюсь и не пишу жалоб, я выписываю счет на предъявление к оплате, так что потрудитесь ознакомиться, а претензии на его несправедливое составление прошу передать через Суд, но не через тот суд, который вы, коммунисты, сочинили и совершенно бесстыже называете справедливым и объективным, а через Суд Божий, или, если он не угоден вашим принципам, Суд Истории. Но время платить уже пришло, и даже просрочено, и не на 6, а на 66 и еще 7. И не одному мне вы, коммунисты, задолжали, а тем, кого вы *считаете баранами*, держа их все эти годы за железным занавесом в загоне и огревая оплеухами. (Паршуков Ю. «Независимая Газета», 06.06.1991) Но даже если бы был и один — это недопустимо! Как можно использовать людей в качестве *жертвенных барашков*? Жизнь человека священна. Да, пусть армия делала что-то неверно, но если она есть, давайте разойдемся и будем решать вопрос в конституционном порядке. (Швед В. «Независимая Газета», 15.01.1991)

✪ народ ☐ Судя по поведению «вождей» позже Ленина — а все они провозглашали себя верными ленинцами, — ведущих (на то и вожди!) народы (*баранов*, что ли?) по верному ленинскому пути, нэп с самого начала был задуман как чрезвычайная и временная мера. (Солоцкий В. «Огонек», № 51, 15.11.1990) русский ☐ И если «Память» действительно боролась бы за национальное достоинство великороссов, а не за свою власть и диктатуру, то как она может отстаивать миф, согласно которому русских, словно *баранов на веревочке*, 70 лет инородцы водили из одной клоаки в другую? (Прошечкин Е. «Московский Комсомолец», 18.10.1990) член КПСС ☐ Конечно, среди высших партийцев должна была образоваться хунта по ликвидации зарвавшегося деспота или должен был появиться хотя бы один герой, который просто кулаком по переносью должен был уложить изверга. Ни хунты, ни героя не нашлось. И в этом — величайшее осуждение коммунистической партии. Не людям, прожившим при деспоте и не пытавшимся даже его свергнуть, обвинять людей, не сумевших свергнуть своего деспота. В Германии были реальные заговоры против Гитлера. У нас, к великому сожалению, даже ни одного заговора не было. Партия львов превратилась в *партию баранов*. (Любищев А. «Час пик», 15.10.1990)

**БЫК** ✪ Дума ☐ Многие подозревали, что «партнерство ради мира» с НАТО станет для Госдумы *вроде красной тряпки для быка*. *Коррида случилась вчера*. Поводом для вызова в Думу представителей Минобороны (Андрей Кокошин), МИД (Виталий Чуркин) и Совета безопасности (Олег

Лобов) стало известие о намеченном на 28 марта подписании Андреем Козыревым в Брюсселе документа о присоединении России к программе. (Отдел международной жизни «Коммерсант», 26.03.1994)

**КЛЯЧА** история ☞ Служенье муз не терпит суеты? Но воплотилась, обрела какое-то злое звучание строчка из Маяковского: «*клячу истории загоним!*...» Загнали, действительно измордовали, живого места не оставили мы на теле седьмой музыки греческой мифологии — музыки Клио. И поделом ей, и пусть. Собаке — собачья смерть. (Капустин А. «Независимая Газета», 19.10.1991) Поразительный феномен — история. Кажется, все в ней на виду. Можно пересчитать все слагаемые. Одно усилие — и она двинется в нужную сторону. Революционный порыв — и мы катапультируемся в новое социальное пространство. До чего же все просто... Между тем можно так *загнать клячу истории*, что потом не пересядешь ни на каких рысаках. Ничто не требует такой опаски и благоразумия, как социальная динамика. (Гуревич П. «Литературная Газета», 02.09.1992)

☞ социалистическая экономика ☞ Другие только что подошли к *вконец загнанной кляче* и не очень умело пытаются ее поднять. (Кертман Г. «Московский Комсомолец», 02.10.1990)

**КОЗЕЛ** ☞ правительство ☞ Из правительства Рыжкова уже сделали «*козла отпущения*». Теперь ответственность за экономическую реформу переложена на правительства республик. И следующими «*козлами отпущения*» вполне могут стать демократы России. (Цыба Т., Кузнецова В., Зарипов В. «Московские Новости», 23.10.1990)

**КОНЬ 1.** член правительства ☞ Но звучали и другие голоса. «*Коней на переправе не меняют*» — эта мудрая пословица не должна быть забыта. («Советская Россия», 22.09.1990) Назначение Пуго и Громова — вариант правого переворота. Мол, Пуго — послушный аппаратчик, а все дело в Гронове, укрепляющем связку армия — МВД. Но это уж пусть голова болит у тех, кто исповедует принципы «гласности для служебного пользования». *Коней на переправе просто так не меняют.* (Маймистов И. «Литературная Газета», 12.12.1990) Вопрос только в том, что оно до сих пор не предложило последовательной программы реформ, а президент, видимо, придерживается той точки зрения, что *коней на переправе не меняют*. Даже если они не могут тянуть телегу. (Емельяненко В. «Московские Новости», 21.06.1991)

2. народ / общество ☞ Люди в огромной массе дорожат той самой демократией и гласностью, над которыми и посмеиваются. Нет, *обратно в стойло народ не загнать* без Большой Крови. Этот урок раскрытия внутренних резервов демократии был незаменим. (Радзиховский Л. «Россия», 25.01.1991) То была разрешенная сверху оппозиция, дозированная гласность. Но в 85—86-м годах чуть не рассчитали, отпустив вожжи: *кони понесли*. (Боровин А. «Независимая Газета», 03.08.1991)

☞ административно-командная система ☞ Предлагаемый «старыми управленцами» путь прост: не стремиться совершать во всем переворот,

а отталкиваться от существующих правовых норм и управленческой практики, опираясь на старые кадры, так как *«старый конь борозды не портит»*. (Сигал Л. «Независимая Газета», 05.01.1991) госсектор экономики ☐ Сахалин пытается впрячь в телегу своей экономики *«коня и трепетную лань»* — секторы государственный и кооперативно-частный. Сегодня и конь, и лань одинаково хромают, диагнозы сходны. (Друзенко А., Капеллошный Л. «Известия», 14.12.1990) КПСС ☐ В Тбилиси, например, представители партий уже стреляли друг в друга. Все это люди видят и мотают на ус: «Ну их всех к черту! Чем они лучше прежних? По крайней мере *старый конь борозды не испортит»*. (Говорухин С. «СК», 18.09.1991) национализм ☐ — Вы полагаете, это может долго продолжаться? Не произойдет ли все-таки какой-то экономический подпор снизу? В результате обнищания... — Это зависит от того, насколько ему удастся *оседлать национальные чувства*, волну национализма, которая может действительно нахлынуть на русскоязычное население в результате происходящих событий. (Гарин А., Дмитриев М. «Независимая Газета» 21.08.1990) республика ☐ Второй — Центр подтягивает под себя *брыкающиеся республики*. Не только танками, но и референдумом... Наивная надежда! (Радзиховский Л. «Куранты», 15.03.1991) Россия ☐ И феномен Сталина, *оседлавшего нашу Родину* в ее полете, в прыжке, в мечте и порыве и швырнувшего великую страну на ее трижды грешную землю. (Васильев Б. «Известия», 02.01.1991) СССР ☐ Ибо «рамки» социалистического выбора, если хорошенько вникнуть, означают всего-навсего *тугую уздечку* ныне действующей неувядающей в этой стране политической системы. (Дроздов А. «Россия», 06.12.1990) цены ☐ Скажем, пока прочно не наладились рыночные отношения, нельзя *отбросить вожжи всех цен*. («Правда», 17.09.1990)

**КОРОВА** военно-промышленный комплекс ☐ «М-Э»: Сам по себе кризис производства не был бы столь грозен, выпускай мы пушек меньше, а масла больше. В. С.: Но военно-промышленный комплекс остался у нас *«священной коровой»*, а с маслом товарищ Павлов вновь предложил *«ужаться»* — смотри то же интервью в «Труде». (Беккер А., Селюнин В. «Мегаполис-Экспресс», 28.03.1991) Но в таком случае нужно замахнуться на *«священную корову»* — на военный бюджет, на весь военно-промышленный комплекс... (Ерохин В. «Российская Газета», 24.11.1990)

☐ военный бюджет ☐ Но в таком случае нужно замахнуться на *«священную корову»* — на военный бюджет, на весь военно-промышленный комплекс... (Ерохин В. «Российская Газета», 24.11.1990) Горбачев М. С. ☐ А тогда возник бы вопрос о главной фигуре «перестроя» — о генсеке Горбачеве. Понятно, что этой *«священной коровы»* нельзя касаться теперь уже по тактическим соображениям. Мол, вокруг кого же консолидироваться здоровым силам «социалистического выбора»? (Лобов М. Ф. «Что делать?», № 9, 01.04.1991) капитализм [система] ☐ Долгое правление социал-демократов объясняется, в числе прочего, и тем, что Социал-демократическая рабочая партия Швеции решила *капиталистическую корову не делить, а доить*

и с помощью надоев строить «Народный дом», где очень трудно стать богатым, но зато невозможно стать нищим. (Бруни Л. «Независимая Газета», 08.10.1991) колхоз ☐ К сожалению, колхозы и совхозы по-прежнему остаются *«дойными коровами»* и для государства, и для различных организаций. Примеров тому множество. (Раве Э., Васильев В. «Московские Новости», 31.07.1991) мир ☐ В подобной ситуации — снабжая Европу энергоносителями, арабов — оружием и снаряжением, а нас продовольствием и ширпотребом — США с добрый десяток лет весьма обстоятельно *«подошли» бы в экономическом отношении весь мир*, установив над ним в конце концов свое экономическое и политическое господство. (Бровко Ю. «Молодая Гвардия», 01.12.1990) общественная собственность ☐ И опять-таки ни в правительственной, ни в альтернативной программах нет ни полслова о том, как будет осуществляться так называемая приватизация собственности при наличии с одной стороны — устава сельхозартели, а с другой — псевдогвардейского кодекса неприкасаемости оборонных отраслей. А ведь это сторожевые псы так называемой общественной собственности, одновременно *священной и дойной коровы государственно-партократического монополизма*. (Рассадин В. «Московский Комсомолец», 28.12.1990) Россия ☐ Похоже, в экономические советники Ельцину выдвигаются близкие вам [Ясину Е.] по духу Егор Гайдар, Шохин, Кагаловский. Их точка зрения: договор об экономическом сообществе уже не актуален, Россию он делает *дойной коровой* других республик, Россия сама пойдет к рынку. Это — гроб договору. (Беккер А. «Мегаполис-Экспресс», 24.10.1991) социализм [система] ☐ Конституционный кризис, в который позавчера попал российский Съезд, привел многих депутатов к мысли: «А не распустить ли Съезд?». Если меньшинство ни за что не хочет принимать поправки, охраняя прежний уклад, как *святую корову*, то зачем россиянам такой Съезд? (Кузнецова В. «Московский Комсомолец», 14.12.1990)

**КОТ** ☐ политик [Ельцин Б. Н., Попов Г.] ☐ Президиум Моссовета согласился со своим председателем. Обсуждение вынесли на сессию. Там предложение Гончара успели назвать и *«амбициями жирных котов перестройки»*, имея в виду почему-то Ельцина и Попова, и единственным выходом из болота действующей системы приватизации. И отклонили. (Колесников А. «Независимая Газета», 17.11.1991) член КПСС ☐ Революционно-подпольного духа у этих *«жирных котов»* приватизации ровно столько же, сколько было в Сулдове и Рашидове страстного желания «весь мир насилия разрушить до основанья, а затем...», о чем они — помните? — так жалостно пели, во всю ширь разевая свои «несчастные, немые рты», на съездах КПСС, поддерживаемые мощным хором Большого театра. (Новодворская В. «Огонек», № 8, 1991)

**КОШКА** народ/общество ☐ «Горбачев будет *жалеть кошку и отрубать ей хвост по частям»*, — сказал после принятия «Основных направлений» Н. Шмелев. Слухи о повышении цен, то есть о грядущем отрубании очередной части хвоста, будоражат население с конца прошлого года. Недавно

достоверность этих слухов подтвердил в интервью «Правде» заместитель председателя Госкомцен СССР А. Н. Комин. (Леонтьев М. «Независимая Газета», 05.01.1991) Сумеет ли Горбачев преодолеть коммунистическую ограниченность и грамотно провести коммунистические реформы? У меня на этот счет масса сомнений. По всей видимости, он будет *«жалеть кошку»* и *отрубать ей хвост по частям* — чтобы было не так больно. (Лапик А. «Московский Комсомолец», 09.10.1990)

☞ дезинформация ☞ Оказывается, еще 11 декабря 1990 года И. С. Силаев поставил Вас, Борис Николаевич, в известность о намерении его правительства обменять рубли на доллары по курсу черного рынка, в том числе, как было написано, 140 млрд. руб. немедленно, и просил на это Ваше разрешение. Следовательно, Вы были полностью информированы о предполагаемой сделке. А раз так, то почему об этом не сказать откровенно и честно? Более того, зачем, выступая по Центральному телевидению, пытаться подсовывать телезрителям *«дохлую кошку»* о якобы участии КГБ в этой афере? (Андреев А. «Советская Россия», 16.04.1991) наука ☞ Однако не всем ясно, что вообще не требуется организация науки какими-либо административными структурами, что она — самоорганизующаяся система. Это — истина, но кое-кого она шокирует. Как так? Если наука уподобится *«кошке, гулявшей сама по себе»*, то общество может и не получить от нее желаемых результатов. («Известия», 27.09.1990) президент республики ☞ Впрочем любителям более изящной арифметики я рискну предложить иную формулу — «8 плюс 1 плюс 1». Потому что Ельцин и Горбачев в конце концов — это именно «один плюс один». Союз их носит обусловленно временный характер, как любой союз соседей по коммунальной квартире, борющихся за выселение надоедливой старушки с *восемью кошками*. (Портников В. «Независимая Газета», 25.08.1990) социализм [система] ☞ По мысли Буртина, основной источник сегодняшних бед в том, что политическая революция оказалась не подкрепленной социальным переворотом. И все быстро вернулось на круги своя, затянулось тинной, запахло гнилью. Новые люди превратились в пленников старой системы-оборотня, *живучей, как кошка*. (Кувалдин В. «Независимая Газета», 21.07.1992) Травкин Н. ☞ Народный депутат СССР и РСФСР, председатель Демократической партии России Николай Травкин оказался *«кошкой, которая гуляет сама по себе»*. Решительно и бесповоротно порвав с КПСС, которая, кстати, весьма благожелательно относилась к передовому бригадиру, герою соцтруда, он, однако, не стал верноподданным при демократах. Добровольно распрощался с прибыльной должностью руководителя одного из комитетов Верховного Совета РСФСР, члена его Президиума чтобы заняться созданием новой партии. И упорно гнет свою линию, отбиваясь на два фронта. (Пеструхина Е. «Мегаполис-Экспресс», 08.08.1991)

**КРОЛИК** ☞ человек ☞ Придет, видимо, и тот час, когда «низам» надоест быть *подопытными кроликами* в руках неумелых социальных «вивисекторов» и тогда они просто отмахнутся от политического авантюризма и диле-



тангизма «сверху» как от назойливой мухи и продолжат идти тем путем, который предначертан им Судьбой. (Поздняков Э. «День», № 17, 1991)

**ЛОШАДЬ 1.** народ / общество 📖 Вновь выступает на сцену историк-экономист и все разясняет. Конечно, экономический кризис. Общенародная собственность — ничья. Стимулов никаких. Инициатива — в загоне. Пока Сталин держал вожжи в железных руках, *лошадка бежала*, но после его смерти начала замедлять ход. К тому же и шоры с нее сняли, стало видно по сторонам — за пределами 1/6 суши. В результате — замедление темпов роста, снижение жизненного уровня, недовольство населения и т. д. и т. п. (Ковельман А. «Литературная Газета», 10.10.1990) Если правительство так бездейственно и слепо, а его министры и высшие сановники так циничны в решимости ничего не менять, сломить народ нуждой и тем удержать его *в старых стойлах, с шорами на глазах*; если люди, которым мы доверили свою будничную жизнь и здоровье детей, — банкроты, пусть уйдут, уступят место другим людям, помоложе, кто способен действовать, предвидеть, изобретать, реформировать. («Известия», 12.09.1990) В полудохлом, деградировавшем состоянии остатки альтернативных сил сохранились кое-где в республиках, но не в российской толще. Выжженная земля, одномерное общество, движущееся по порочному кругу, *как слепая лошадь*. (Кувалдин В. «Независимая Газета», 21.07.1992)

**2.** история 📖 Да, *История несется галопом* и пышет сарказмом. Да, круто замешенный год, проблемы общества — в судьбах личностей. Через Горбачева и Ельцина — антагонизмы центра и республик, через инфаркт Рыжкова — схватки вокруг рыночной экономики, через отставку Шеварднадзе — драма нашей новой внешней политики. (Кондрашев С. «Известия», 02.01.1991) Нам мнилось: мы не только *поймали историю под уздцы*, но и поведем ее куда захотим. Философы прошлого были наивными людьми. Они всего-то объясняли мир. Никто из этих и не задумался, как его преобразовать. Слава производственным отношениям, мы теперь знаем, как ухватить историю за кадык... (Гуревич П. «Литературная Газета», 02.09.1992)

📖 выборы 📖 Что касается выборов в Верховный Совет, тут труднее прийти к однозначному решению. Много говорили по этому вопросу на предсъездовских встречах, но согласия не достигли, и в этом нет неожиданности, вопрос принципиальный: что ставить впереди — телегу или *лошадь*? Думаю, что *лошадь*, но только в таком контексте. Начать нужно с вопроса о парламенте. (Полуэктов А. С. Первый съезд народных депутатов) инфляция 📖 Однако инфляция — это сугубо денежный феномен, и *галопирующий* ее может сделать только государство (в нашем случае — правительство), безудержно злоупотребляющее услугами печатного станка. (Пияшева Л. «Известия», 25.09.1990) крестьянин 📖 Районные и сельские Советы настояли на том, чтобы в качестве вознаграждения за труд на жатве каждый смог приобрести зерно по потребностям собственного подворья. Стоило чуть *«отпустить вожжи»* — и никого уговаривать не пришлось. (Гонзалъез Э. «Изве-

стия», 20.09.1990) межнациональные отношения ¶ Запад уже давно понял, что на одной *этнической лошадке* можно скакать только в пропасть. Ибо если под народом понимать национальности, то у нас должно быть не 15, а 130, а может быть, и вдвое больше субъектов Союза. (Бурлацкий Ф. «Литературная Газета», 12.12.1990) политическая система ¶ Ибо «рамки» социалистического выбора, если хорошенько вникнуть, означают всего-навсего *тугую уздечку ныне действующей неувядающей в этой стране политической системы*. (Дроздов А. «Россия», 06.12.1990)

**МОРСКАЯ СВИНКА** ¶ Верховный Совет ¶ Вот и сейчас, взявшись писать политический портрет человека, которого знаю лично, которого за последние годы не раз и не пять, и не семьдесят пять слышал в официальной обстановке и в обстановке неофициальной, человека, общественный интерес к которому огромен, человека, который беспощадной железной рукой управлял нашим парламентом, отдрессировав его до уровня *морской свинки* в театре имени Дурова, человека, наконец, который стал идеологом и, как сейчас становится все более ясно, активнейшим участником, если не вождем августовского путча (какой там Янаев с трясущимися от неизвестно чего руками — не смешите!), я вдруг понял, что сказать о нем по сути дела мне толком нечего. Он не оставил следов своей деятельности, этот гений аппаратной работы, взращенный в лучших питомниках тоталитаризма. (Гутионов П. «Мегаполис-Экспресс», 29.08.1991)

**ОВЦА** ¶ СМИ [«Советская Россия», «Правда»] ¶ Вот передо мною номер новой, перевоспитанной «Советской России» за 10 сентября. Газета *безобидна, как овца*. Приблизительно так же травоядна перевоспитанная «Правда». (Лимонов Э. «Литературная Газета», 16.10.1991)

**ОСЕЛ** ¶ народ ¶ Десятилетиями упоенно созидался миф о «поступательном движении» черт знает куда. Нас то приближали к «светлому завтра», то отдаляли от него, но мы неизменно оказывались *в положении осла*, бегущего за недостижимой морковкой, болтающейся перед его ноздрями. (Гульченко В. «Россия», 02.02.1991) политический субъект ¶ Еще В. И. Ленин называл розовых, подыгрывающих красным, «полезными идиотами», а современный Ленину германский социалист — *«троянскими ослиами»*. Если отвлечься от экспрессии, смысл инвектив в том, что использовать объективные результаты деятельности розовых можно и нужно, но рассматривать их в качестве равноправных политических субъектов отнюдь не следует. (Кравченко В. «Независимая Газета», 27.04.1993) Советы ¶ Наши Советы — дракон с двумя головами. И, конечно, такой дракон рискует умереть с голоду, как некий *буриданов осел*. (Заславский И. «Московский Комсомолец», 16.12.1990)

**СВИНЬЯ / ЧУШКА** ¶ гласность ¶ Гласность, за которую мы все так рьяно боролись, эту «священную роль» и уничтожила. Съела, «как *чушка своего поросенка*» (Блок о России — перед смертью: вот загадка для тех, кто борется с «русофобией»...) (Иванова Н. «Независимая Газета», 10.08.1991)

номенклатура КПСС ¶ В общем, стратегия Ельцина известна — все та же

стратегия «горбостройки»: превратим хлев в роскошную квартиру... не высе-  
ляя оттуда *свиней*. В эту тактику вписывается Указ о запрете КПСС — но  
никак не вписывается реальный, радикальный суд над ней. (Петин Н. «Сто-  
лица», 01.05.1992)

**СОБАКА 1.** сторонник диктатуры 📖 Еще одно прозвание у диктатуры —  
Большая зона. С ней, можно сказать, пока все в порядке: правда у одной из  
угловых вышек подраскачались опоры, но ничего, уже суетятся, подпирают.  
*Верные Русланы* все громче подают голос, дрожат от возбуждения, ожидая  
долгожданной команды «Фас». В Эдуарда Шеварнадзе несколько уже вце-  
пились мертвой хваткой — не стряхнешь. Их инстинкт сработал безошибоч-  
но: ведь в Большой зоне все четко делятся на «мы» и «они». (Павлова-Силь-  
ванская М. «Независимая Газета», 03.01.1991) Средний слой, на который  
намекнул своим замечанием Собчак, тоже анонимен — хотя бы в силу своей  
массовидности. Однако пресловутая «вязкая масса» между верхами и низами  
твердеет на глазах. *Несколько Верных Русланов «лайт»*, отвлекают внимание  
от тех, кто мягко, на пальцах, подбирается за их спинами к власти. (Павлова-  
Сильванская М. «Независимая Газета», 03.01.1991)

2. человек 📖 Дело в том, что общество это продолжает быть неструк-  
турированным, недифференцированным. Это общество, я бы сказал, амебо-  
образное. В нем нет различия и различения интересов. В этом обществе все  
или почти все одинаковы, все на службе у государства, все на жаловании, *на*  
*поводке*. (Афанасьев Ю. «Независимая Газета», 21.12.1990) Посудите сами,  
при нашей-то внутренней ситуации, уж какая независимость? *Все на повод-*  
*ке государства*, которое еще непонятно кому достанется, «демократам» ли,  
«авторитаристам» ли. (Первачов А. Н. «Независимая Газета», 19.01.1991)

📖 демократическая пресса 📖 Прямо надо отметить, что демократическая  
пресса, и «Независимая Газета» в том числе, *как с цепи сорвалась*: кусает демо-  
кратические власти и каждое лыко ставит им в строку. (Литвин Ю. «Независи-  
мая Газета», 05.10.1991) коммунисты 📖 Да, не нам, пишущей братии, разду-  
вать этот психоз, изображая коммунистов в виде эдакой «собаки Баскервилей»,  
носителем зла ради зла. Увы, социализм — обоюдоострый строй. По мере  
приближения к нему классовая борьба, как известно, обострялась. И по мере  
отдаления она обостряется тоже. (Новодворская В. «Огонек», 26.10.1991)  
общество 📖 *Почему собака лижет бьющую руку*, понятно: она хочет, чтобы  
ее перестали бить. Но социализм, как его ни лижи, нас обязательно доконает,  
и уже в самое недалекое время. Так что же это — какая-то форма мазохизма?  
(Тростников В. «Столица», 01.09.1991) Прибалтика 📖 Тем не менее положе-  
ние обязывает: перехватив мяч, приходится бить по воротам. Деталей мы уже  
не узнаем. Общая идея, видимо, была триедина: *надеть «намордник» на При-*  
*балтику*, «преподать урок» всем демократам и окончательно связать круговой  
порукой Горбачева. (Радзиховский Л. «Россия», 25.01.1991)

**БАРБОС** 📖 человек 📖 Страна в упадке и живем все хуже. И почти все  
понимаем это, но объяснить не можем. Смотрим умными, грустными гла-

зами, но ничего вымолвить не в состоянии. *Как барбосы. Даже хвостами вилить начали* перед хозяевами своего положения. (Кальчинаяскас Г. «Огонек», № 48, 1990)

**БУЛЬДОГ** политик ¶ То ли Совет Федерации реально влияет на дела, то ли этот орган — всего лишь ширма для соревнования безграничных президентских полномочий с укрепляющимся республиканским суверенитетом, тот самый ковер, под которым слышно *прерывистое дыхание дерущихся бульдогов...* (Портников В. «Независимая Газета», 16.05.1991) Политика в стране, следуя удачному выражению Черчилля, всегда напоминала борьбу под ковром. Глядя теперь на *вылетевшего из-под украинской части ковра бульдога*, остается гадать: действительно ли он мертв или мы наблюдаем только очередную линьку живого и здорового пса с цепкой хваткой? (Радченко Ю. «Мегаполис-Экспресс», 05.09.1991) Мне как-то задавали вопрос, не похоже ли то, что сейчас происходит в правительстве, на *схватку бульдогов под ковром* — они борются, борются, а потом *один вылетает с оторванной головой*. Это классический для советской системы метод политической борьбы. (Шохин А. «Независимая Газета», 24.06.1992)

**ВОЛКОДАВ** ¶ номенклатура КПСС [Сулов, Поликарпов, Шепилов] ¶ Хотя, хотя... пока молодежь и творческая интеллигенция лизали сосульки, стараясь помочь оттепели, *сторожевые волкодавы системы* уже ощерили пасти, выгнули загривки — вот-вот бросятся и растерзают всех: Сулов (главный идеолог ЦК), Поликарпов (завотделом культуры ЦК), Шепилов (редактор «Правды»), Владыкин (его зам), и так далее, так далее. (Рошин М. «Огонек», № 41, 06.10.1990) Сталин И. В. ¶ Есть трагическая закономерность — чем люди больше, тем они меньше склонны к трезвому взгляду на вещи. Чтобы жить и творить, поэты должны были «слушать музыку революции» и на срок до Последнего Прозрения (у каждого этот срок был свой) как-то уверить себя в любви к Старшему брату и Конвоиру. *Главному Волкодаву века*. (Зорин Л. «Независимая Газета», 24.01.1991)

**ГОНЧАЯ** народ ¶ Снова говорят — «Система хороша, да народ плох», в то время как народ все более напоминает безнадежно *уставшую гончую с неподъемно-уродливым, 70-летней длины хвостом*. Ее новый хозяин, вступив в права наследования и убедившись, что *животное уже не может двигаться* и, следовательно, охоты сегодня не будет, из необсуждаемых здесь побуждений вместо решительного отсечения шесть лет кромсает от хвоста по маленькому кусочку, сопровождая это длинными лицемерными рассуждениями о гуманности и жалобно стаяя о ценности («Отцы старались, растили!») каждого фрагмента, повышающейся по мере приближения к основанию хвоста, хотя этим основанием является отнюдь не голова... (Ильин А. «Горизонт», 01.08.1991) Итак, *нашей гончей* необходимо срочно догонять... нет, не Америку, а восточно-европейцев, похоронивших «вечно живое» учение. При этом они не провалились в идеологический ад — рухнула лишь, к всеобщему ликованиему, Берлинская Стена. Люди ликовали, не испытав и половины ужа-

сов нашей поголовной коллективизации и колхозных «палочек»! Как же нам извернуться, не повторяя даже в малом румынскую трагедию и оставаясь в рамках конституции? (Ильин А. «Горизонт», 01.08.1991)

**ДВОРНЯЖКА** ☞ человек ☞ Что такое нация, что такое национальность? Как их определять, как различать? Никто этого не знает. Судить по «чистоте крови» неприлично в цивилизованном обществе: чистыми бывают только породы у собак и лошадей; подойти к нам с теми же требованиями чистокровности, которые предъявляются на собачьей выставке — *все мы окажемся дворняжками*, каждый — что-то вроде помеси пуделя с догом или добермана с борзой. (Сарнов Б. «Независимая Газета», 24.01.1991)

**ПЕС** ☞ диктатура ☞ Предлагалось, что маховик кремлевской диктатуры, раскрутившийся не на шутку и поддержанный «снизу», *останется ручным псом* в руках постепенцев, весьма умеренных (тогда) либеральных реформистов. Революцию выпустили на волю для того, чтобы она стальной рукой проводила реформы. Никто не спрашивал у нее при этом, умеет ли она это делать и что она привыкла делать в России. (Павловский Г. «Московские Новости», 26.05.1991) исключительное положение военно-промышленного комплекса ☞ И опять-таки ни в правительственной, ни в альтернативной программах нет ни полслова о том, как будет осуществляться так называемая приватизация собственности при наличии с одной стороны — устава сельхозартели, а с другой — псевдогвардейского кодекса неприкасаемости оборонных отраслей. А ведь это *сторожевые псы* так называемой общенародной собственности, одновременно священной и дойной коровы государственно-партократического монополизма. (Рассадин В. «Московский Комсомолец», 28.12.1990) КГБ ☞ Крючков, повторяю, всегда с негодованием отрешивался от наследства предшествующих «чеккистских» ведомств. От генетики, однако, никуда не денешься. Едина генетическая линия, связывающая всех этих носителей трех- и четырехбуквенных аббревиатур, включая КГБ: все они — *верные охранные псы* бесчеловечного режима. (Мороз О. «Литературная Газета», 02.10.1991) устав сельхозартели

☞ И опять-таки ни в правительственной, ни в альтернативной программах нет ни полслова о том, как будет осуществляться так называемая приватизация собственности при наличии с одной стороны — устава сельхозартели, а с другой — псевдогвардейского кодекса неприкасаемости оборонных отраслей. А ведь это *сторожевые псы* так называемой общенародной собственности, одновременно священной и дойной коровы государственно-партократического монополизма. (Рассадин В. «Московский Комсомолец», 28.12.1990) цензура ☞ Русская цензура была подобна гармошке, когда ее складки туго сжимались, то строчки стихов трепыхались, как бабочки, стиснутые между ладов. Но стоило этим складкам лишь на мгновение разжаться, бабочки, только что казавшиеся мертвыми, выпархивали в воздух. Царская цензура в конце XIX века и в начале XX подприустала, подослепла, начала либерализоваться, но все-таки существовала, как *дряхлаый ценной пес*, ста-

*рающийся доказать свою верность, несмотря на беззубость.* (Евтушенко Е. «Огонек», № 5, 02.06.1991)

**СУКА** 📖 политическая программа 📖 Даже в горячем сне в летнюю ночь нельзя спутать «День» с «Независимой Газетой». И дело не в достоинствах этих изданий. Как говорит великий русский народ, один любит попадью, другой — попову дочку, а третий — свиной хрящик. Но не любить ни одно, ни второе, ни третье, ни даже демократии, позволяющей любить то, что хочешь, способен только человек с атрофированным органом вкуса. Именно этим недостатком страдали все российские столоначальники, особенно после того, как кто-то (чаще всего они сами) по неосторожности или глупости называл их «отцами народов», что, может быть, для нынешнего случая даже более подходяще. Конечно, неопитам, апологетам и прочим эпигонам далеко до настоящего «отца народов», который как-никак, но стал фигурой исторической в прямом значении этого слова. Эпигоны историчны только по-ноздревски: всякий раз вляпываются в какую-нибудь историю, особенно если кто-то осмелится усомниться в достоинствах предлагаемых ими народу шарманок или *брудастых сук*. (Трегьяков В. «Независимая Газета», 15.07.1992)

**ЦЕРБЕР** 📖 государство 📖 Настало время испытания, которого мало кто из нас ожидал. Проведя многие годы в борьбе с *государством-цербером*, проломив наконец тюремную стену, мы встретились... с самими собой. Каждый из нас и общество в целом встретились с самими собой. И многих эта встреча не радует. В давнем спектакле на Таганке в финале актеры подняли большие зеркала, и зал увидел себя. (Климов Э. «Московские Новости», 18.08.1991)

**СОВРАСКА** 📖 газета «Советская Россия» 📖 Видимо, так умирают газеты. Но если одни себя творчески исчерпывают, то наша *«совраска»* отдает богу душу оттого, что ее загнали в творческий, политический тупик. (Понков В. «Огонек», № 48, 1990)

**ХРЯК** Хрущев Н. С. 📖 Говоря о ложных слухах, автор имеет в виду массовые репрессии во времена Хозяина и инакомыслящих при *Хряке* и последующих Заибанах. Фразы о снятии старого заведующего — намек на снятие *Хряка*, о чем речь тоже впереди. (Зиновьев А. «Зияющие Высоты») Заведующий — высшее лицо в Ибанске, вождь Братии и глава государства. Братия — то, что в старину называли Партией. Заведующий формально считается первым среди равных в коллегиальном руководстве. Но по мере превращения в невообразимого маразматика и пешку в руках фактически правящей банды становится единоличным диктатором. Достигнув апогея славы и власти, скидывается со всех постов и отправляется либо сразу на тот свет (как, например, Хозяин), либо сначала на пенсию и затем на тот свет (как, например, *Хряк*). (Зиновьев А. «Зияющие Высоты»)

**ПТИЦА** Россия 📖 Как удавалось нашим учителям «не понять» Гоголя, обкорнать Гоголя? Отчего они не удосуживались нам напомнить и тем более помочь осмыслить: легендарная *птица-тройка* — высокий символ Руси — несла на себе от первой до последней страницы книги с грохотом и дымом

(«Дымом дымится под тобой дорога...») — лжеца, хитрована с лицом простодушного добряка, продувную бестию, превзошедшего почти всех остальных героев низостью души. (Свирский Г. «Горизонт», № 6, 1991) Поруганная, измученная, полуживая, а теперь и разорванная на части лежит моя страна в шоке. Кони знаменитой «птицы-тройки» распряжены, они мирно щиплют хилую травку, окропленную чернобыльским дождичком, кучера в растерянности, ездоки не свистят и не гикают, они вяло переругиваются между собой, они даже не пьяны, они оглядываются по сторонам в недоумении и растерянности. Болезненное, тупое похмелье. Самоистязание. Самоистребление. Угасание. (Аракчеев Ю. «Независимая Газета», 14.08.1992)

Дзержинский Ф. Вот она, ваша пресловутая свобода слова в понимании ваших же демократических сил! Вот на что идет народная бумага, которой уже не хватает для печатания денег! Эх, возродись из пепла железная «Итица-Феликс»! (Соколов Ю. «Известия», 08.01.1991) общественное мнение Мне нравился Ельцин, я не понимал брезгливо-глухого пожимания плечами — «не, этот секретарь обкома!» — и мне было его жалко. Чем выше поднимался он на крыльях народной любви, тем больше я его жалел. Мне казалось, что я вижу, как он будет падать с этой высоты, падать «без вины виноватый». (Радзиховский Л. «Столица», 01.05.1992) политик В этих условиях мощно заявляет о себе точка зрения, что Россию спасет эдакий «Твердая рука — друг народа». При противопартийной вакцинации, сделанной россиянам КПСС, «Государь» в духе Макиавелли (но не Грамши) видится более реальным претендентом на роль ведущей и направляющей силы общества, нежели очередная партия-авангард. Здесь задействована и историческая отечественная ностальгия по «доброму царю», как, впрочем, и ее генсековский вариант, который предстает овеваемым воспоминаниями о недавних еще, пусть относительных, сытости и покое в СССР. Явление, кстати, характерное и для ближнего зарубежья с его обвальным возвращением былых «соколов» от политбюро. Вообще в ходе августовских потрясений с дерева государства посыпались на землю лишь наиболее одряхлевшие «пернатые». Остальные взмыли в небеса, покружили там, огляделись и уселись на обжитые, а кто и на более высокие ветви. И это не случайность. (Кузьминцев А. «Независимая Газета» 02.09.1993) человек Вот сегодня: вроде бы клетка открылась, а птичка из нее не хочет вылетать, а зачем? В клетке, пусть и плохо, но кормят, а на свободе нужно самим корм добывать. Ведь это же идеал советского человека: ничего не делать, много получать, да еще чтобы и работа была рядом с домом. (Федоров С. «Россия», 25.01.1991)

**БЕРКУТ** Акаев А. Одна журналистка, сравнив Ельцина с орлом, назвала Акаева «нашим компактным киргизским беркутом». В этих условиях даже противники президента не могут перебороть в себе уважения к старшему по иерархии. (Нарзикулов Р. «Независимая Газета», 10.09.1991)

**ГУСЬ** республика Если Кремль будет по-прежнему интриговать, давить и сгонять республики, как стадо непослушных гусей, «консолидация»,

которая уже навязла у всех на зубах (я имею в виду само надоевшее от беспрестанного употребления слово), не наступит еще очень долго. (Новиков А. «Россия», № 8, 07.02.1991)

### КУКУШКА

**КУКУШАТА** политики ☐ Вот вкратце наше впечатление от учреждения новой партии. Главную же мысль мы позволим себе повторить. Руцкой не опасен — он попросту не очень дальновидный исполнитель, и, когда он не будет больше нужен, его отдадут на съедение — вместо Ельцина. Но идея снесения внутри КПСС демороссовского кукушечьего яйца опасна. *Вылупившиеся кукушата имеют скверное обыкновение выпихивать из гнезда законных хозяев, после чего с аппетитом кормятся за их счет.* (Казаков Д. «Гласность», 08.08.1991)

**КУКУШАЧЬЕ ЯЙЦО** политическая группировка ☐ Что ж, «центризм» Лукьянова уже к тому моменту воплотился в «центристском блоке», выпестованном лично председателем Верховного Совета из *кукушкиных яиц* — крохотных, никого не представляющих, завязанных на КГБ группках (вплоть до «Памяти»), потом именно этот блок выплюнет в общество господина Жириновского... (Гутионов П. «Мегаполис-Экспресс», 29.08.1991) Вот вкратце наше впечатление от учреждения новой партии. Главную же мысль мы позволим себе повторить. Руцкой не опасен — он попросту не очень дальновидный исполнитель, и, когда он не будет больше нужен, его отдадут на съедение — вместо Ельцина. Но идея снесения внутри КПСС *демороссовского кукушечьего яйца* опасна. Вылупившиеся кукушата имеют скверное обыкновение выпихивать из гнезда законных хозяев, после чего с аппетитом кормятся за их счет. (Казаков Д. «Гласность», 08.08.1991)

**ЛЕБЕДЬ** ☐ правительство ☐ Как издатели и как граждане, арзамасцы не могли не возмутиться развернувшейся травлей исполнительной власти в лице нового состава Совета Министров, которому якобы уготована судьба известного кабинета *Лебедя*, Рака и Щуки. (Соколов, Кирпичников. «Сегодня», 12.09.1990)

**НЫРОК** ☐ Горбачев М. С. ☐ Далее, упомянув между прочим о том, что «Михаил Горбачев — *красноголовый нырок*», а это «вид, говорящий о принадлежности к тайным организациям», птицевед наконец-то переходит к главным выводам. (Дейи М. «Огонек», 14.12.1991)

**ОРЕЛ** ☐ депутаты-коммунисты ☐ Полковник Руцкой не хочет летать *вместе с орлами* из блока «Коммунисты России» [подзаголовок] (Пеструхина Е. «Мегаполис-Экспресс», 04.04.1991) Ельцин Б. Н. ☐ Одна журналистка, *сравнив Ельцина с орлом*, назвала Акаева «нашим компактным киргизским беркутом». В этих условиях даже противники президента не могут перебороть в себе уважения к старшему по иерархии. (Нарзикулов Р. «Независимая Газета», 10.09.1991) КПСС ☐ Неужели, когда они, естественно, не выполняют



ни единого из своих обещаний (а уж это-то тем более было очевидно!), колесо не замедлит развернуться еще на 180 градусов и... что же тогда? КПСС-то, понятно, не вернется, *мертвый орел* не вылетит больше из гнезда. (Радзиховский Л. «Столица», 01.05.1992)

**СЕЛЕЗЕНЬ** ☞ Рущкой А. В. ☞ Еще в минувшем году Егор Яковлев, тогдашний начальник «Останкино», санкционировал выход на телеэкраны гнусного американского пасквиля «Утиные истории». Судите сами: одним из героев сериала был некий *молодецватый бодряк-селезень*. Этот герой был очень деятелен, постоянно хотел приобщиться к какому-то солидному делу, однако вечно оставался на вторых ролях. Такое положение *бодряка-селезня* обижало, сердило, он пытался активничать, более энергично, чем надо, помогал своему шефу — экономически подкованной утке дяде Скуджу, — а в результате только все портил... Александр Владимирович Рущкой имел полное основание для того, чтобы расценить эту карикатуру как личный выпад. А если еще учесть, что героя звали Зигзаг (намек на изгибы политической карьеры Рущкой!), по профессии он был пилот (!) и имел неприятную привычку разбивать свои летательные аппараты при посадке (!), то карикатура получалась и вовсе злой, дерзкой и политически бестактной. *Мультипликационный Зигзаг добросовестно повторял все движения вице-президента* на ниве экономической деятельности: упреки «команде реформ» и Гайдару лично трансформировались в бесконечные споры «на денежную тему» между *селезнем-пилотом* и его шефом-банкиром; причем все старания Зигзага научиться делать деньги заканчивались конфузом. (Арбитман Р. «Сегодня», 17.08.1993)

**СОЛОВЕЙ** Проханов А. ☞ Итак, доминирующая тема «Дня» — жгучая ненависть к демократам. Другая доминанта — столь же жгучая любовь к армейским генералам. Давняя привязанность Проханова к этой категории населения хорошо известна, недаром его в народе ласково кличут *соловьем Генштаба*. (Мороз О. «Литературная Газета», 05.06.1991) Или — Александр Проханов, недаром нареченный *«соловьем Генерального Штаба»!* Его имперские романы и милитаристская публицистика проповедуют культ силы и насилия, полным-полны воинственных призывав не щадить живота и не жалеть крови ради высших государственных интересов. (Оскоцкий В. «Столица», 01.09.1991)

☞ Горький М. ☞ Но сам Горький — первый, в ком так ярко выразилась грядущая (плебейская) полоса русской жизни. Невелик в искусстве, но значителен, как ранний *Соловей-Разбойник*. Посвист у него довольно громкий... раздался на всю Россию — и в Европе нашел отклик. (Эпштейн М. «Столица», 18.02.1991)

**СОКОЛ** ☞ Жириновский В. В. ☞ А от коммуно-фашизма москвичей черт уберег. Спасибо Владимиру Вольфовичу, что не удостоил нас, грешных, своим вниманием. Оплошал. Забыл, *сокол наш пылкоокий*, что голоса дает провинция, а вся политика делается в Москве. Но мы на него не сердимся. (Короткова Е. «Московский Комсомолец», 16.12.1993) члены политбюро

▣ В этих условиях мощно заявляет о себе точка зрения, что Россию спасет эдакий «Твердая рука-друг народа». При противопартийной вакцинации, сделанной россиянам КПСС, «Государь» в духе Макиавелли (но не Грамши) видится более реальным претендентом на роль ведущей и направляющей силы общества, нежели очередная партия-авангард. Здесь задействована и историческая отечественная ностальгия по «доброму царю», как, впрочем, и ее генсековский вариант, который предстает овеваемым воспоминаниями о недавних еще, пусть относительных, сытости и покое в СССР. Явление, кстати, характерное и для ближнего зарубежья с его обвальным возвращением бывших «соколов» от политбюро. Вообще в ходе августовских потрясений с дерева государства посыпались на землю лишь наиболее одряхлевшие «пернатые». Остальные взмыли в небеса, покружили там, огляделись и уселись на обжитые, а кто и на более высокие ветви. И это не случайность. (Кузьминцев А. «Независимая Газета» 02.09.1993)

**УТЕНОК** ▣ Ельцин Б. Н. ▣ Ельцин имеет в своем имидже то, чем не может похвастаться ни один из действующих ныне политиков, — драму отверженности, комплекс *гадкого утенка*. (Богомолов Ю. «Литературная Газета», 05.06.1991)

**УТКА** ▣ Лобов О. ▣ Во-вторых, О. Лобов — *подсадная утка* для охоты на адаптировавшихся к существующей в России социально-экономической и общественно-политической ситуации представителей прежней партийно-хозяйственной номенклатуры, воспринимаемой ныне радикально-демократическим крылом скорее уже не в качестве политического противника, а как опасного конкурента в борьбе за распределение власти и влияния в хозяйственных структурах. (N. N. «Независимая Газета», 23.09.1993) новость ▣ Итак, не было нынче «рекордного» урожая, а была «жирная утка», вылетевшая не откуда-нибудь, а из Кремля, и ее автором, как мне стало известно, стал В. Никитин — заместитель премьер-министра по вопросам сельского хозяйства и продовольствия. (Горшков А. «Независимая Газета», 05.01.1991)

**ЦЫПЛЕНОК** ▣ министр ▣ «Президентский совет» Ельцина легализован. Команда спричрайтов или *инкубатор для министров?* [заголовок]. («Независимая Газета», 09.02.1991) Россия ▣ Россия приступила к выбору пути, которым она пойдет, строя самое себя и свои отношения с другими. Или от гранитной глыбы Союза будут откалываться куски и в результате выступят истинные очертания России? Или она сама с треском *вылупится из гранитной скорлупы*, поставив всех перед фактом? Законы распада империй устанавливаются на небесах. Но кусок хлеба приходится делить на земле. («Московские Новости», 20.10.1991)

**ЯСТРЕБ** политик ▣ Эта тенденция вдвойне опасна, ибо развивается она на фоне действительно кисельной законодательной власти и активизации «ястребов», которые пошли в атаку на «демократическую шушеру», что видно невооруженным глазом. (Новиков А. «Россия», № 8, 07.02.1991) А здесь, на Съезде, нас, тех, кто добивается порядка в стране, постоянно провоцируют,

задевают, подталкивают к противостоянию, чтобы потом обвинить в «реакционности». Хотя я согласен с депутатом В. И. Алкснисом: «мы — “ястребы”», если где-то обижают стариков и детей, если попираются гражданские права и социальная справедливость. (Кустарев Н. П. «Советская Россия», 25.12.1990) США — хотя они того или не хотят — вынуждены реагировать на ввод войск в Прибалтику, Закавказье, другие регионы. Эта реакция чисто словесная, но она дает пищу нашим «ястребам», которые не замедлят разыгрывать эту карту. (Радзиховский Л. «Россия», 18.01.1991)

☞ сторонник перестройки ☞ Если же некоторые «ястребы перестройки» заявят на суде о том, что коммунисты развалили сельское хозяйство, то вмиг получат отлуп от академика ВАСХНИЛ Владимира Александровича Тихонова — главы отечественных кооператоров. (Головенко А. «Правда», 29.01.1991)

### ДОМАШНЯЯ ПТИЦА

**КУРИЦА** ☞ кооперация ☞ *Ощипанная кооперация* опять оперяется [заголовок]. (Тихонов В. «Мегаполис-Экспресс», 08.08.1991) московское метро ☞ Министерским «генералам» все-таки до смерти не хочется расставаться со столичным метро. Их поддерживают и начальники метрополитена, потому что и для них, утверждаю еще раз, московское метро — это **КУРИЦА, НЕСУЩАЯ ЗОЛОТЫЕ ЯЙЦА**. (Сенина С. «Куранты», 11.01.1991) народ ☞ «Горит, горит село родное!.. Народ наш *похож на курицу с отрубленной головой*, которая на потеху остальным, брызгая кровью, мечется по родному двору!» — воскликнул в собрании Скурлатов. (Тодрес В. «Независимая Газета», 29.10.1991) социализм [система] ☞ А эти полумеры напоминают пока втыкание буржуазных перышек в *тело социалистической курицы* с желанием, чтобы они прижились. (Лапшов Б. М. Первый съезд народных депутатов) член КПСС ☞ Но коммунисты молчат. Никаких вопросов к Генсеку. Неужели вы с ним во всем согласны? Почему на собраниях партийцы *выглядят, как мокрые куры*? Где же их боевитость? Или, может, права оппозиция, утверждая, что партия мертва. Тогда необходимо создать другую партию, верную коммунистической идее. (Пронин В. «Пульс Тушина», 14.09.1991)

### ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ПТИЦ

**КЛЕТКА** ☞ социализм [система] ☞ Вот сегодня: вроде бы *клетка* открылась, а птичка из нее не хочет вылетать, а зачем? В *клетке, пусть и плохо, но кормят*, а на свободе нужно самим корм добывать. Ведь это же идеал советского человека: ничего не делать, много получать, да еще чтобы и работа была рядом с домом. (Федоров С. «Россия», 25.01.1991)

**РЫБА** ☞ Горбачев М. С. ☞ Можно предположить, что «нервная» реакция «центра» была запрограммирована, что автоматически снимает с российского руководства ответственность за исполнение своего бюджета. Таким образом, Горбачев с лета *заглотил наживку*, и первый политический раунд

в бюджетной войне Россия, можно сказать, выиграла. (Леонтьев М. «Независимая Газета», 03.01.1991) министр культуры **МИНИСТР КУЛЬТУРЫ БЬЕТСЯ КАК РЫБА ОБ ЛЕД** [заголовок] Мне искренне жаль министра культуры, который как рыба об лед, бьется, пытаясь что-то предпринять, но ситуация катастрофическая. (Хазанов Г. «Огонек», № 35, 01.08.1990) общество **МАССЫ КЛЕВАЛИ НА ЛОЗУНГИ** [заголовок] Что они [большевики] умели хорошо делать, это в нужный момент выбросить нужный лозунг, на который «клевали» массы. Но ведь ни один лозунг, провозглашенный Лениным, не был претворен в жизнь. (Солоцкий В. «Огонек», № 51, 15.11.1990) сельское хозяйство **Нынешняя агросистема страны в условиях тотальной «чрезвычайки» как рыба в воде** — только и может дышать, двигаться, жить. Всеобщая мобилизация народа — бальзам на одряхлевшие ее суставы. (Гонзальес Э. «Известия», 20.09.1990) СССР **Соответственно и могильщики системы могли появиться только в результате ее внутреннего самоотрицания, а смертный приговор должны были вынести (осознанно или нет — другой вопрос) ее высшие иерархи. Наша большая рыба и гниет, и самоочищается с головы.** Чтобы пошла лавина, похоронившая опостылевшую советскую жизнь, необходимо было пустить камень с горы. С самой вершины, иначе бы он далеко не укатился. (Кувалдин В. «Независимая Газета», 21.07.1992)

**АКУЛА** **Бизнесмен** **В частности, потому, что это поколение уже из личного опыта знает, что происходит там, на «гнилом Западе». Знает, что его населяют отнюдь не бездушные рабы капитала и акулы бизнеса.** (Плутник А. «Известия», 18.02.1991) журналист **Бакатин не рисовался — ему эта черта характера в принципе не свойственна, наоборот, он порой к себе беспощаден, «раздевается» — прямо мишень для «акул пера». Лишней добродетели ему тоже по доброте душевной не припишешь, тут же тактично обрывает: нет, все проще, я не такой.** (Макарцев Ю. «РТ», 08.06.1991) СССР **Счастливы ли акула?** Это такой же риторический вопрос, как и выяснение того, счастливы ли были люди в бывшем СССР, счастливы ли наши оккупационные войска в Балтии, Грузии, Молдове. И акула, и все остальное — вне Божьего промысла, вне культуры, вне цивилизации. **Акула глупа** и, уже выпотрошенная, пожирает собственные внутренности, ибо алчность иррациональна. (Новодворская В. «Известия», 04.03.1994)

**ЩУКА** **Правительство** **Как издатели и как граждане, арзамасцы не могли не возмутиться развернувшейся травлей исполнительной власти в лице нового состава Совета Министров, которому, якобы, уготована судьба известного кабинета Лебеда, Рака и Щуки.** (Соколов, Кирпичников. «Сегодня», 19.05.1993)

### НАСЕКОМОЕ

**БАБОЧКА** **Акционерное общество** **Используя кризисное состояние союзных и республиканских властей, вчерашняя хозяйственная и партийная номенклатура, как, впрочем, и номенклатура новая, ведет активное «оукли-**

вание» министерств и ведомств, из которых одна за другой выпархивают *разноцветные бабочки концернов и акционерных обществ*, по-прежнему монополю властвующих на рынке. (Константинов В. «Московские Новости», 27.10.1991) государственность ☐ Теперь о государственности. Многие не без оснований опасались за нее. Так вот нет, видимо, неистребима она. Еще вчера все рушилось на глазах, катастрофа казалась неминуемой. Но вышло чудо: союзная государственность, эта мертвеющая абракадабра, от которой торопливо отдирались и спешили в стороны еще полуживые оконечности, расплзлась по швам, и вдруг *выпорхнула легкрылая бабочка*. В одночасье возродилась российская государственность. Кажется, это стало неожиданно для других столь же юных и резвых крылатых созданий. Итак, Россия и другие бывшие союзные республики вступили на новый, неизведанный путь суверенного развития. (Борисов А. «День», № 18, 1991) романтизм ☐ Выражаясь языком нашего незабвенного спикера, появились «черви» — носители тоталитарного мифотворчества, политической шизофрении, идеологии новой гражданской войны, а из всех щелей так и прут «тараканы» политиканства, беспринципности, аморализма. Продолжу метафору: нет отбоя и от «бабочек» *наивного романтизма* и политического максимализма. (Кива А. «Сегодня», 10.08.1993) стихи ☐ Русская цензура была подобна гармошке, когда ее складки туго сжимались, то строчки стихов *трепыхались, как бабочки*, стиснутые между ладов. Но стоило этим складкам лишь на мгновение разжаться, *бабочки, только что казавшиеся мертвыми, выпархивали в воздух*. Царская цензура в конце XIX века и в начале XX подприустала, подослепла, начала либерализоваться, но все-таки существовала, как дряхлый цепной пес, старающийся доказать свою верность, несмотря на беззубость. (Евтушенко Е. «Огонек», № 5, 1991)

**КЛОП** ☐ номенклатура КПСС ☐ Брежневская, черненко́вская, андроповская номенклатура обнаглела, *повылзала из щелей* и ведет массивную обработку военных. Мол, рынок против армии... (Дерюгин Ю. И. «Московский Комсомолец», 27.11.1990)

**КУКОЛКА** ☐ министерство ☐ Используя кризисное состояние союзных и республиканских властей, вчерашняя хозяйственная и партийная номенклатура, как, впрочем, и номенклатура новая, ведет активное «*окукливание*» министерств и ведомств, из которых одна за другой выпархивают разноцветные бабочки концернов и акционерных обществ, по-прежнему монополю властвующих на рынке. (Константинов В. «Московские Новости», 27.10.1991) партийный работник ☐ А все дело в том, что я знаю двух Яворивских, двух совершеннейших антиподов: одного — из «застойных времен», второго — из сегодняшних дней. Превращение из *номенклатурно-партийной «куколки»* в руховского «мотылька», яростного изобличителя компартии и «советской империи» столь разительно, что поневоле возникает опасение: не придется ли познакомиться, сообразно с возможной ситуацией, еще и с третьим Яворивским, не последует ли еще одно превращение, уж не из рас-

пространенной ли он породы беспринципных и безродных хамелеонов? (Янейкин Ю. «Литературная Россия», 19.04.1991)

**ЛИЧИНКА** ☞ демократия ☞ Разлад в российском парламенте, где сложилось 13 фракций, прямой слепок с реального состояния демократических сил. Осмелюсь утверждать, что наша демократия пока еще застряла на *стадии личинки*, став в этом качестве правительственной. (Карпинский Л. «Московские Новости», 10.11.1991)

**МОТЫЛЕК** ☞ партийный работник ☞ А все дело в том, что я знаю двух Яворивских, двух совершеннейших антиподов: одного — из «застойных времен», второго — из сегодняшних дней. Превращение из *номенклатурно-партийной «куколки» в руховского «мотылька»*, яростного изобличителя компартии и «советской империи» столь разительно, что поневоле возникает опасение: не придется ли познакомиться, сообразно с возможной ситуацией, еще и с третьим Яворивским, не последует ли еще одно превращение, уж не из распространенной ли он породы беспринципных и безродных хамелеонов? (Янейкин Ю. «Литературная Россия», 19.04.1991)

**МУРАВЕЙ** интеллигент ☞ Еще несколько недель — и никто уже не поверит, что он был вообще, этот шанс. Шанс для абсолютной, как водится, российской власти — не быть в кои-то веки проклинаемой (как водится от века) свободомыслящей интеллигенцией — оруджавскими «*московскими муравьями*», которые всегда вне ваших Советов, мэрий и Союзов — сами по себе. (Новодворская В. «Огонек», 26.10.1991) Никто от Б. Н. Ельцина демократии и не требовал. Так же, как и хлеба. Чего же ждал «*московский муравей*», которому раз в жизни захотелось во имя общих и святых трех «августовских дней» поверить в очарованность свою? А просто хотелось увидеть немного добра. Добра, покаяния, честности, интеллигентности. (Новодворская В. «Огонек», 26.10.1991) Совесть — это бремя, «*московскому муравью*» — интеллигенции — всегда чего-то стыдно, всегда он угрызается, рефлектирует, краснеет, боится, что не выполнил долг, не отдал чего-то, кого-то не уберег. Совесть — это хроническая хворь, неизлечимая вовеки. (Новодворская В. «Огонек», 26.10.1991)

☞ номенклатура КПСС ☞ Мне совершенно не важно, что им двигало. Важно то, что он сделал. Перестройку начал не Ельцин и не демократы. Ее первым двинул Михаил Сергеевич Горбачев, и в этом его историческая миссия. Он воткнул палку в муравейник. *Дальше муравьи его облепят и сожрут*. Может быть и так. (Токарева В. «Огонек», 15.06.1991) человек ☞ Сегодня мы — *муравьи*, не понимающие, откуда движутся гипнотизирующие нас подавляющие или возбуждающие потоки. Наш муравейник разорвется, из него выталкивают матку, убивают работников и солдат, а мы *мельтеши*, переносим свои личинки из огня да в полымя, не видя разорителя. (Проханов А. «Наш Современник», 01.09.1990)

**МУХА** ☞ истина ☞ Число вопросов растет в геометрической прогрессии, а с продуктивными ответами на них все хуже. Попытки в традиционном режи-

ме извлечь из «арсенала» очередную истину не срабатывают. От нее отмахиваются *как от назойливой мухи*. (Шостаковский В. «Огонек», 05.10.1990) начальство ☞ В райцентре начальства — что *мух в коровнике*. И все возле колхоза кормятся. Тут оно что хочет, то и творит. Райком, райисполком, конторы всякие — мне одному с ними не сладить. Мне тут в деревне танк нужен, а не земля. (Говорухин Ю. «Огонек», № 51, 1990)

**ПАЗАРИТ** ☞ идеология [коммунизм, фашизм] ☞ Один подход — исходить из того, что коммунизм и фашизм (как и их рогатый покровитель) в онтологическом смысле — *паразиты*. Будучи не в состоянии создать ничего своего, они могут лишь паразитировать, извращая и эксплуатируя существовавшие и до них вполне нормальные явления жизни (доверия к правителю, искренние возмущения людей дурными делами, народный карнавал). (Соколов М. «Независимая Газета», 16.05.1991)

**ПАУК** ☞ бизнесмен ☞ Предувижу возражения: раскупят землю дельцы теневой экономики. Не пойдут *эти пауки* на крестьянский труд. Здесь особенно не разбогаеешь. (Демичев Н. «Правда», 29.01.1991)

**ПЧЕЛА** человек ☞ *Рой* человек сохраняет порядок благодаря присутствию королевы. Это образ Карла Яспера. Мы тоже не обретаем душевного равновесия, пока не отыщем очередного идола. Но вот что поражает: политические лидеры вообще перестали соотносить свою популярность с реальными делами. Имидж кроится совсем по другим меркам — против кого и с кем новоиспеченный вождь. (Гуревич П. «Литературная Газета», 07.08.1991) Мне могут возразить, что есть Уголовный кодекс, Гражданский кодекс, есть Конституция. Да, есть. Но это все внешние рамки. Как стены улья. Если же не будут выстроены внутренние восковые соты, которые можно из-за хрупкости считать почти условными, то при их отсутствии не удержат и стены улья — *рой* улетит. Перешагнув черту, внутренний закон, человек легко нарушает и уголовный закон, а там, за пределами, начинается другая этика, «наоборотная», еще более жесткая. Вспомните воровские законы — они жестче, чем законы государственные, и опустившихся карают беспощадно. (Широбков И. «Независимая Газета», 19.03.1991)

**ТАРАКАН** ☞ моральные принципы [политиканство, беспринципность, аморальность] ☞ Выражаясь языком нашего незабвенного спикера, появились «черви» — носители тоталитарного мифотворчества, политической шизофрении, идеологии новой гражданской войны, а из всех щелей так и прут «тараканы» *политиканства, беспринципности, аморализма*. Продолжу метафору: нет отбоя и от «бабочек» наивного романтизма и политического максимализма. (Кива А. «Сегодня», 10.08.1993)

**УЛИТКА** ☞ Латвия ☞ Латвийский ВС всю прошедшую неделю работал без синхронного перевода на русский язык. Проблема не только в трудностях для депутатов фракции «Равноправие», так и не выучивших латышский язык. В этом есть что-то символическое: так *улитка*, закончив свой путь до виноградника, наглухо задревявляет раковину. Балтийский «виноградник» — госу-

дарственная независимость — обретен. (Портников В. «Независимая Газета», 13.11.1991)

**ЧЕРВЬ** ☞ политические взгляды ☞ Выражаясь языком нашего незабвенного спикера, появились «черви» — носители *тоталитарного мифотворчества, политической шизофрении, идеологии новой гражданской войны*, а из всех щелей так и прут «тараканы» политиканства, беспринципности, аморализма. Продолжу метафору: нет отбоя и от «бабочек» наивного романтизма и политического максимализма. (Кива А. «Сегодня», 10.08.1993)

### МИКРОМИР

**АМЕБА** ☞ общество ☞ Дело в том, что общество это продолжает быть неструктурированным, недифференцированным. Это общество я бы назвал *амебообразное*. В нем нет различия и различения интересов. В этом обществе все или почти все одинаковы, все на службе у государства, все на жаловании, на поводке. (Афанасьев Ю. «Независимая Газета», 21.12.1990) человек ☞ А раз так, то кончается и личность. Потому-то и слышим мы сегодня многомиллионное — а в чем мне каяться, если я всю жизнь был рядовым коммунистом, только исполнял приказы да еще честно работал! И невдомек, что каяться надо в том, что добровольно *стал амемой* и, добровольно ли подчиняясь большинству или из страха за своих детей, голосовал за все — за ГУЛАГ, коллективизацию, международное коммунистическое движение, вывихнутую экономику страны. (Игитян Г. «Мегаполис-Экспресс», 28.02.1991)

**БАЦИЛЛА** ☞ высокомерие ☞ Отдельные депутаты, зараженные, я бы сказал, *бациллами высокомерия*, позволили себе оскорбительные выпады против депутатов среднеазиатских республик. (Первый съезд народных депутатов) национализм ☞ — На ваш взгляд, есть ли для этого почва, существует ли угроза фашистского переворота? — Думаю, это не только проблема России. Это вообще сегодня самая серьезная опасность для Европы и мира. Как в средние века, чума распространялась, не зная границ, так и сейчас *бацилла национализма* поразила всю Европу. Посмотрите, что происходит в Югославии. (Ярошевский В., Собчак А. «Известия», 22.10.1991) социализм [идеология] ☞ Все яснее становится, что «русскую идею» никак нельзя было сбрасывать со щита при выборе вектора нашего пути. Пренебрежение ею усугубило трагизм ситуации. Однако корневая причина кризиса — ошибочно понятая суть материальных интересов людей, населяющих особый мир, пораженный *«бациллами социализма»*. («Московские Новости», 14.06.1992)

**ВИРУС** коммунизм [идеология] ☞ Всплеск массовой поддержки президента однозначен: общество в целом приняло идеи рыночной реформы. Собственно, об этом же говорит и наблюдавшийся до недавнего времени спад митинговой активности: люди занялись делом. Развернуть реформы в противоположную сторону «без крови» уже не удастся. Но оно, это обновленное общество, еще не выработало защитных механизмов, иммунитета против новых форм *«коммунистического вируса»*. (Кравченко В. «Независимая



Газета», 27.04.1993) К глубокому сожалению, автор всех этих великолепных деяний сам инфицирован смертельным *коммунистическим вирусом*, а оттого он — тоже ужасный «притворщик», что особенно тяжело сказывается на его внутренней политике. «Социализм с человеческим лицом» — это про портреты Павлова так говорили. (Соловьев С. «Столица», 01.09.1991)

▣ власть ▣ Документ скуп, сух и не рассчитан на поверхностное чтение. Однако даже неискушенному в политике человеку при внимательном рассмотрении становится ясно — власть от демократически избранных депутатов уплывает к назначенным чиновникам. *Вирусы административного самовластия* энергично размножаются на новой почве, пожирая здоровые клетки формирующейся политической системы. (Киселев С. «Независимая Газета», 29.09.1991) идея ▣ Привычная концепция личности должна стать нашей единственной консервативной ценностью. Ради нее порой стоит отказаться и от смелого поиска истины. Вернее, он должен быть делом индивидуальной ответственности. Пусть уж лучше людскими толпами движет темный инстинкт или спонтанно возникший миф, чем сознательно *выведенный в лаборатории вирус*. Так во всех отношениях безопаснее. (Кагарлицкий Ю. «Независимая Газета», 03.10.1991) ложь/страх ▣ Мы еще не изжили *вируса лжи и страха*, не очистились. Очистление — дело трудное, но начинается оно с самого простого и понятного: делай так, чтобы сердце твое не осуждало тебя, помни, что голос дан человеку матушкой-природой как естественный способ выражать и отстаивать свои мысли. Собственные мысли. (Шариков В. «Око», 01.01.1991) национализм ▣ Пора осознать, что эта угроза [национализм] подстерегает не только коммунистические и тоталитарные, но и демократические общества, особенно если демократия в них не приобрела достаточной зрелости. Самая благоприятная почва для носителей *этого вируса* — неустойчивость национально-государственного самосознания. (Козырев А. «Независимая Газета», 20.08.1992) оппозиционность ▣ Новые органы власти оказались в той или иной мере заражены *вирусами* не только митинговщины, но и *оппозиционности*. (Полозков И. К. «Советская Россия», 16.05.1991)

**МИКРОБ** ▣ интеллигент ▣ Неужели прав был Л. Толстой, когда сетовал: «Писание мое ужасно осложнилось и надоело мне ...противно писать для этой никуда ни на что не годящейся паразитной интеллигенции, от которой никогда ничего, кроме суеты, не было и не будет»? Неужели это только грязная пена, скапливающаяся на речных перекатах народной судьбы, только *болезнетворные микробы*, мутящие народное сознание и *вызывающие массовые*, подобно эпидемиям, *психогенные болезни*? Время же уходит, и чем ближе мы подходим к концу, тем больше и как бы даже сознательно запутываемся в мелочах, уводим себя от истины. (Чванов М. «Литературная Газета», 07.08.1991) революционер ▣ Горбачев опоздал по крайней мере лет на десять, начинать нужно было, когда общество еще было устойчиво, когда был резерв времени до очередного геокосмического всплеска. Ведь и им, а может,

прежде всего им, этим всплеском, объясняется, если следовать Чижевскому, обрушившийся на нашу страну хаос «перестройки». Прежде чем перестраивать дом, настоящие хозяева подсчитывают, сколько надо бревен, кирпича, гвоздей, копят деньги и только потом уж приступают. А тут — начали без плана, без согласия в семье: одни тащат бревно туда, другие его же — обратно. Третьи вообще стоят в стороне и кричат: «Не так!» — и принципиально не хотят брать в руки ни лопату, ни молоток, потому как у них должность такая: *революционеры, они как психогенные микробы*, вызванные геокосмическим всплеском. (Иванов М. «Литературная Газета», 07.08.1991)

### ГРУППА ЖИВОТНЫХ, НАСЕКОМЫХ

**МУРАВЕЙНИК** ♀ государство ♀ Сегодня мы — муравьи, не понимающие, откуда движутся гипнотизирующие нас подавляющие или возбуждающие потоки. Наш *муравейник* разоряется, из него выталкивают матку, убивают работников и солдат, а мы мельтешим, переносим свои личинки из огня да в полымя, не видя разорителя. (Проханов А. «Наш Современник», 01.09.1990) КПСС ♀ Мне совершенно не важно, что им двигало. Важно то, что он сделал. Перестройку начал не Ельцин и не демократы. Ее первым двинул Михаил Сергеевич Горбачев, и в этом его историческая миссия. Он воткнул палку в *муравейник*. Дальше муравьи его облепят и сожрут. Может быть и так. (Токарева В. «Огонек», 15.06.1991) СССР ♀ В ответ советский Президент говорит, в частности: те, кто глядит на нас со стороны, могут быть напуганы, могут спрашивать сами себя: «Зачем нам лезть в *этот муравейник*?» А надо лезть. Советский Союз не исчезнет. (Горбачев М. С. «Известия», 14.12.1990)

**РОЙ** общество ♀ *Рой пчел* сохраняет порядок благодаря присутствию королевы. Это образ Карла Ясперса. Мы тоже не обретаем душевного равновесия, пока не отыщем очередного идола. Но вот что поражает: политические лидеры вообще перестали соотносить свою популярность с реальными делами. Имидж кроится совсем по другим меркам — против кого и с кем новоиспеченный вожак. (Гуревич П. «Литературная Газета», 07.08.1991) Мне могут возразить, что есть Уголовный кодекс, Гражданский кодекс, есть Конституция. Да, есть. Но это все внешние рамки. Как стены улья. Если же не будут выстроены внутренние восковые соты, которые можно из-за хрупкости считать почти условными, то при их отсутствии не удержат и стены улья — *рой* улетит. Перешагнув черту, внутренний закон, человек легко нарушает и уголовный закон, а там, за пределами, начинается другая этика, «наоборотная», еще более жесткая. (Широбоков И. «Независимая Газета», 19.03.1991) Что изменилось с крушением тоталитаризма и его пропагандистской машины? Лишь немногие сумели признаться в собственном поражении и принять ответственность за свое отдельное существование. Другие, *верные инстинкту роя*, вновь растворились в том, что приняли за сверхличное целое, и обрели через него оправдание собственной несостоятельности. (Старчевский В. «Мегаполис-Экспресс», 09.05.1991)

▣ вопрос в политической дискуссии ▣ В Малом зале шла пресс-конференция. Премьер отбивался *от роя вопросов*. («Известия», 14.09.1990)

СТАДО народ / общество ▣ У стада должны быть вожаки по перераспределению посткоммунистической толпы и любой толпы вообще, именно на них падает отброшенная толпой ответственность. Они становятся «вожаками стаи», национальными лидерами, называть их можно как угодно. Но главное — это и есть политики первого постсоветского поколения. (Засурский И. «Независимая Газета», 20.04.1993) Превратив народ в *голосующее стадо*, большевизм скомпрометировал идею Советов и демократии. (Костиков В. «Огонек», 14.09.1991) Анализ показывает, что экономику страны довели до черты, за которой пропасть и крах. Анализ основан на официальных и реальных материалах, и если в нем будут прорываться эмоции, то они вызваны отчаянием бессилия от того, что мы вновь, как в недавние времена, являемся лишь *бессловесным стадом* для экспериментальных губительных игр «верхов». И вертят нами как пешками. С той лишь разницей, что позволяют выпускать накапливающийся пар, по пословице: «Когда собака лает — она не кусает». (Щипанцев А. «Молодая Гвардия», 01.12.1990) Ведь именно партии принадлежит главенствующая роль в превращении советских людей в то, чем они стали. А они во многом стали *стадом*. (Игитян Г. «Мегаполис-Экспресс», 28.02.1991) В последние месяцы номенклатура всем своим нутром почувствовала: на горизонте появился конкурент в лице предпринимателя и «могильщик» в лице свободного рабочего и крестьянина. Программа Ельцина поддерживает *все стадо*. Конкурентов и «могильщиков». Что нужно сделать? Чтобы задрожало *все стадо*, нужно ударить быка по рогам. С маху это сделать трудно. Пришлось ухлопать на эту возню (увы, не борьбу) почти все съездовское время. (Румянцев. «Россия», 06.04.1991) Нам нужно, чтобы люди поняли необходимость выбора. Иначе, если мы снова начнем загонять людей в счастливую жизнь, как загоняли в коллективизацию или в индустриализацию, ничего из этого не получится. Опять смотрим на народ, *как на стадо*, которым управляют пастухи, пусть сегодня они и называются демократами? (Горбачев М. «Литературная Газета», 08.07.1992) Экс-президент [Горбачев М. С.] снова высказался в пользу умеренной постепенности в экономических реформах, назвав нынешнюю стратегию «скачкообразного перехода» утопией («Люди снова — винтики, если не *стадо*. Лишь пастухи сменялись»). (Тодрес В. «Независимая Газета», 18.08.1992)

▣ республики СССР ▣ Если Кремль будет по-прежнему интриговать, давить и *сгонять республики, как стадо непослушных гусей*, «консолидация», которая уже навязла у всех на зубах (я имею в виду само надоевшее от беспрестанного употребления слово), не наступит еще очень долго. (Новиков А. «Россия», № 8, 07.02.1991) русский народ ▣ Отказываясь от сомнительных достижений «великой бескровной» революции 1917 года, руководимой людьми в кожаных тужурках, тоже считавшими себя демократами, нынешние джинсовотужурочные комиссары перестройки, многие из которых являются

кровными наследниками Лейбы Троцкого, отнюдь не торопятся отказываться от идеологии пресловутого интернационализма, превратившего русских в денационализированное стадо, не видящее своих национальных интересов, забывшее, кто они, откуда ведут свой род. (Авдеев В. «Пульс Тушина») члены КПСС ☐ Ельцинский указ вызвал решительный протест коммунистов, которые не желают уподобляться ведомому на закланье стаду. (Казанцев В. «Гласность», 25.07.1991)

### СТАЯ

**ВОЛЧЬЯ СТАЯ** политическая группировка ☐ По-видимому, Горбачев одним из первых понял цену быстро расплодившимся борцам за народное дело, еще в героический период бури и натиска демократического движения, окутанного ореолом романтики и надежд. Ощутил, что оказался в узком коридоре, зажатым между партийными мастодонтами и волчьей стаей новой формации. (Кувалдин В. «Независимая Газета», 21.07.1992) Если вожак стаи волков начинает хромать на одну ногу, то его стая пожирает. Сильный Горбачев стал слабым Горбачевым, когда подменил всенародные выборы выборами партократической элиты на съезде. В этом было недоверие к народу, которым он собирался руководить. (Щекочихин Ю., Короткевич П. «Литературная Газета», 02.10.1991)

**УЛЕЙ** государство ☐ Мне могут возразить, что есть Уголовный кодекс, Гражданский кодекс, есть Конституция. Да, есть. Но это все внешние рамки. Как стены улья. Если же не будут выстроены внутренние восковые соты, которые можно из-за хрупкости считать почти условными, то при их отсутствии не удержат и стены улья — рой улетит. Перешагнув черту, внутренний закон, человек легко нарушает и уголовный закон, а там, за пределами, начинается другая этика, «наоборотная», еще более жесткая. Вспомните воровские законы — они жестче, чем законы государственные, и опустившихся карают беспощадно. (Широбоков И. «Независимая Газета», 19.03.1991) Все эти генеральные директора, генеральные конструкторы и другие штатские генералы от промышленности вместе с военными пронизывают все наше общество. Эта прослойка, как прополис в улье, приклеивает все, что должно быть приклеено. Но в отличие от улья, где численность трутней саморегулируется пчелиной семьей и не может превысить определенного биологически необходимого критического значения, наша советская семья, несмотря на все сокращения и реорганизации, никак не может избавиться ни от лишних трутней, ни от излишка этого «прополиса». А все потому, что «пасечник» — та же КПСС. (Кравцов А. «Огонек», 21.09.1991)

## 3. Метафорическая модель флоры (РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО)

Сфера источника	Сфера цели
ФЛОРА	идеология
РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО	идеология [антисемитизм, социализм, коммунизм, монархия] (8), власть (2), крестьянство (2), социализм [система] (2) буржуазия, вражда / недоверие, высшая школа, демократия, деревня, душа, жестокость, жизнь, история, КПСС, ложь, национализм, независимость, перестройка, политические догмы, политические отношения, политическое движение, привилегии, революция, Россия, рынок, страх, управление, чувство неполноценности
ДЕРЕВО	идеология [национализм, капитализм, коммунизм, новое мышление] (4) государство, демократия, жизнь, история, коммунизм [система], культура, КПСС, перестройка, согласие, тоталитаризм, научные направления, рынок, человек, экономика
дуб	государство
ель	идея
карликовая березка	человек
сосна	собственность / финансы / бюджет
ПЛОДОВОЕ ДЕРЕВО	идея
смоковница <sup>17</sup>	коммунизм [идеология]
груша	мир
яблоня	капиталистическое государство
РАСТЕНИЕ	гуманизм, жизнь
поросль	люди
репейник	фермерство
чертополох	идеология, фермер
ЦВЕТОК	идеология [демократия, плюрализм, антикоммунизм...] (4) дедовщина / преступность / коррупция, история
болотный цветок	переворот
роза	СМИ, положительные стороны рынка
ГРИБЫ	—
гриб	политическая партия / общественная организация (2) КГБ, Ленин В. И., миллионер

<sup>17</sup> Дано также в М-модели религия-мифология.

Сфера источника	Сфера цели
<i>ЧАСТЬ РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА</i>	—
ветка-ветвь	власть (3), социализм [система] (2) академия наук РСФСР, действительность, идеология [шовинизм/расизм], мафия, научное направление, художественное произведение
всходы	результаты политической деятельности (4)
корень	основа (5), причина (5), экономика (3), материальная оснащенность науки (2), начало (2) АН СССР, нравственность/этика, сторонники политического движения, экономическая реформа
крона	гласность, наука, политическая система
листья	литературные произведения, речи
пень	белое движение
побеги	последствия (2) коммунизм [система]
подвой	рынок
поленья	люди
росток-ростки	демократические движения (2), предпринима- тельство (2), экономические отношения (2) большевизм, будущее, гласность, демократия, жизнь, литература, национализм, надежда, политическая деятельность, религия, рынок, согласие
семя-семена	идеи (2) идеи перестройки, ненависть
спящая почка	законодательная возможность
ствол	демократия, идеология, наука
сук	основа рынка, социально-экономические инте- ресы
сучок	представитель власти
фиговый листочек	демократия, представитель власти
черенок	социализм [система]
шипы	отрицательные стороны рынка, проблемы
ядохранитель	КПСС
<i>РОСТ И ВЫРАЩИВАНИЕ РАСЕНИЙ-ДЕРЕВЬЕВ</i>	—
отмирание	прекращение существования (2)
посев	политическая деятельность, реформы
квадратно-гнездовые посевы	аспирантура
плодоносность	результаты научной деятельности

Сфера источника	Сфера цели
созревание	развитие науки, развитие политической ситуации, развитие экономики
урожай	ненависть, результаты демократических реформ
ПЛОД	результаты перестройки (4), результаты научной деятельности (2), результаты социализма / коммунизма (2) демократия, политическая ситуация, проявления тоталитаризма, результаты победы, результаты разобщенности, свобода, СССР, экономика
Гроздь	гнев, ложь
горох	раздор
зерно	культ личности, национализм
морковка	коммунизм
яблоко	Европа, политическая ситуация, Российский Союз, экономический договор
<i>МЕСТО ВЫРАЩИВАНИЯ РАСТЕНИЙ-ДЕРЕВЬЕВ</i> <sup>18</sup>	—
виноградник	независимость
сад	коммунизм [идеология], наука
теплица	парламент, привилегии, СССР
<i>ЛЮДИ, СВЯЗАННЫЕ С ВЫРАЩИВАНИЕМ РАСТЕНИЙ-ДЕРЕВЬЕВ</i>	—
садовник	политик (3) журналист, Маркс К., Россия

**ФЛОРА** ☞ идеология ☞ Шестидесятники, последнее поколение, сохранившее иллюзии, сходят со сцены, оставляя после себя бесценное наследство — идеологическую пустыню. Насадить ее *новой флорой* предстоит уже тем, кому незачем отрекаться от заблуждений молодости — они сейчас молодые. (Тенис А. «Независимая Газета», 17.08.1991)

**РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО** 1. идеология [антисемитизм, социализм, коммунизм, монархия] ☞ Выступавшие говорили о катастрофической ассимиляции и требовали от правительства не только содействия просветительству, но и признания «вины за культурный геноцид евреев»: запрет в 1918 году «религиозного» языка иврит, закрытие синагог, физическое уничтожение интеллигенции. Как и за *насаждавшийся* десятилетиями государственный антисемитизм, *давший*, как теперь выясняется, дружные *всходы*. (Тодрес В. «Независимая Газета», 26.09.1991) Сама постановка этого вопроса нашими

<sup>18</sup> Указываются только те «места», которые специально предназначены для целей выращивания растений. Например, «лес» попадает только в пространство.

людьми говорит о многом. Несмотря на все деформации, несмотря на все потери, несмотря на весь драматизм событий, которые пережил наш народ, в людях *живет и глубоко пустила корни социалистическая идея*. (Горбачев М. С. «Известия», 20.10.1990) Главное в том, что центризм, провозглашенный Горбачевым, насквозь идеологизирован, он опять весь крутится вокруг социалистической идеи и коммунистической перспективы. И идея, и перспектива, может быть, и верны, да только 73 года не давали сколь-либо *ощутимых реальных плодов* для простого человека. Кто же всерьез поверит, что дадут теперь. (Третьяков В. «Независимая Газета», 05.03.1991) Социализм выступал новой религией, пусть во многом повторявшей установки «старых» религий, а атеизм явил миру новую квазиверу. Он *прижился* в конечном счете, этот социализм, превратившись в бездуховный суррогат опошленных представлений о справедливых отношениях между людьми, лишенных к тому времени своей — христианской и мусульманской — культуры. (Малашенко А. «Независимая Газета», 18.05.1991) Но почему даже на этом весьма кровавом фоне особо выделяется российская драма? И почему социалистическая доктрина, выпестованная на Западе, там не прижилась, а дала *ядовитые всходы* только в России? России (а вместе с ней и всему человечеству) просто крупно не повезло. На ней все «сошлось». (Зайдман И. «Столица», 01.09.1991) Сегодня мы знаем если не все, то многое. В частности, что идеи дедушки Ленина на благодатной российской почве прижились и *дали всходы*, удобренные ста миллионами убиенных коммунизмом. (Ховратович В. «Куранты», 11.01.1991) Непредсказуемость российского президента объяснима не только его политическим темпераментом. Главную причину следует искать в самой почве, из которой *прорастает тот парадоксальный сплав либеральных экономических идей и откровенного популизма*, который и зовется политическим курсом Ельцина. («Московские Новости», 14.06.1992) Пропаганда не смогла *выкорчевать тысячелетние корни, которые пустила монархия в русской почве*, и теперь из этих корней начинает расти в черносотенной печати нечто, претендующее на преемственность с прошлым. (Кротов Я. «Московские Новости», 05.07.1992)

2. власть ☐ Новая власть не с неба сваливается, а *вырастает*, возникает наряду со старой, против старой власти, в борьбе против нее. (Мельниченко В. РТ, 06.04.1991) *Демократическая власть произросла*, можно сказать, на антикоммунизме. Не то плохо, конечно, что коммунизм одолели, а то, что всякого «анти» еще недостаточно для конструктивной политической работы. (Карпинский Л. «Московские Новости», 10.11.1991)

3. крестьянство ☐ Возможно, сейчас это сложнее сделать, нежели в 1917 году, поскольку утрачены поколения высококлассных рабочих, чтящих христианство и русские традиции, поскольку большевики люмпенизировали рабочих и *вырубили под корень великолепное русское крестьянство*. (Прошечкин Е. «Московский Комсомолец», 18.10.1990) Но если с сильным и могучим крестьянством он [Сталин] покончил раз и на всегда, вырвав его с



корнями из родной земли, то со слабой интеллигенцией в силу ее постоянного самовозрождения он вынужден был возжаться постоянно и бесконечно. Вся тридцатилетняя история его правления наполнена этой странной войной, в которой заведомый победитель не переставал бояться вечного побежденного: всесильный Голиаф знал, что у тщедушного Давида, раздавленного и изуродованного, сохраняется страшная для великана праща, из которой однажды может вылететь смертоносный камень, и пращу эту отнять невозможно — поэтому нужно без перестану бить, бить, бить, стрелять в эту сторону, что он и делал до последнего вздоха. (Болдырев Ю. «Независимая Газета», 06.06.1991)

4. социализм [система] ☐ Одна из этих сил, паразитируя на всех государственных структурах — от оборонных заводов до пивных и бань, — пользуясь нерасторопностью, выморочностью и продажностью этих структур, обкрадывала их последние двадцать лет, отстегивая тысячи, миллионы и миллиарды, сколачивала огромные ворованные капиталы, выпивала соки из *корней нашего чахлого развития*, взрастала как тень рядом с централистскими структурами власти. (Проханов А. «Наш Современник», 01.09.1990) Напротив, всюду, где *насаждалась социалистическая система*, резко падал уровень жизни, начиналось «преодоление трудностей», «пережитков», слабела экономика, хирело земледелие, костенели мозги. (Солоухин В. «Огонек», №51, 01.12.1990)

☐ буржуазия ☐ Вместо уничтоженной в двадцатые годы российской буржуазии пришла на сцену новая, *пробившаяся из-под асфальта, из-под бетона*. Конечно, некрасиво, и облик полууголовный, и замашки чрезвычайно наглые, но эта буржуазия, хотим мы этого или не хотим, — целиком дитя нашего общества. Уничтожать это дитя на этот раз не следует, но давать ему полную власть в государстве тоже нельзя. А вот найти место можно и нужно. (Валеев Д. «Советская Россия», 15.06.1991) вражда / недоверие ☐ Под флагом борьбы за восстановление суверенитета Литвы они стремятся разрушить союз сотрудничества и братские отношения между советскими республиками, *посеять вражду* и недоверие между советскими народами. (Иванов В. П. Первый съезд народных депутатов) высшая школа ☐ Существует *система воздушных корней* под покровительством, если можно так выразиться, высшей школы. (Ревнивцев В. И. Первый съезд народных депутатов) демократия ☐ Мы получили не *расцвет демократии*, а разгул вседозволенности. (Мазуров К. Т. Первый съезд народных депутатов) деревня ☐ Однажды мы уже бросили в грязь кружева и мрамор дворянских усадеб и приподняли деревню, *вырвав корни ее из земли*, — и лишили себя сразу и почвы, и воздуха. (Терехов А. «Огонек», № 42, 1990) душа ☐ Может быть, жизнь состоит в *выращивании души*, да, да, той самой, бессмертной, что тебя сменит и улетит прочь. Точнее говоря, душа не растет, не развивается, но скрытно в тебе пребывает, пока ты созреваешь до того, что вступаешь с нею в более или менее тесный контакт. Надо, чтобы душа тебя запомнила, с тобой подружилась и

по знакомству сохранила частицу твоей личности. В этом смысл выражения: «Пора о душе подумать». (Синявский А. «Огонек», 14.12.1991) жестокость

▣ Благодатная почва для *культивации жестокости* по комочку взрывается нашими же руками. (Пиков А. «Советская Россия», 20.11.1990) жизнь

▣ Иногда видится, что эту пикирующую систему уже не подхватить на излете, и она неминуемо врежется в грунт. Чудовищный взрыв. Только потом из обгорелых обломков начнет *прорастать новая жизнь*. Из обломков душ и тел. (Пригожин А. «Горизонт», № 6, 1991) история

▣ Все еще свежий ветер перестройки разогнал-таки густой туман коммунистической идеологии в сознании миллионов советских граждан. Сбросили они, родимые, со своих глаз завесу и ужаснулись безнравственности существования и *отсутствию исторических корней*. (Борисов В. «Независимая Газета», 31.10.1991) КПСС

▣ И это при том, что у нас куда ни кинь взгляд: на правых, на левых — везде питомцы КПСС. Ну что же делать, если она у нас была одна, родимая! И весь наш нынешний передовой отряд — весь «ум, честь и совесть эпохи демократии» — тоже от нее благополучно *отпочковался*. Ну и что мы получили после скоропостижных указов? У народа теперь стойкая аллергия на любые партии, и это надолго. (Борисов А. «День», № 18, 1991) ложь

▣ Коротич, несколько лет назад выступая в Прибалтике, настраивал против русских примерно в таких выражениях: «Пусть скажут вам спасибо за хлеб, за соль». Разжигал страсти, *сея заведомо ложь*, плоды которой сегодня, когда стоят в Прибалтике десятки предприятий, мы видим. (Оленева И. «Пульс Тушина», № 16, 1991) национализм

▣ Не будь Ельцина, республиканские комитеты Компартии РСФСР продолжали бы *выкорчевывать свои «националистические»* идеи с прилежанием и опытом последних семи десятилетий. В том, что именно этим комитетам пришлось превратиться в «штабы суверенности», — гримаса истории, но, в конце концов, более влиятельных сил в автономных республиках нет, и партийным работникам волей-неволей приходится играть роль «национальной буржуазии» из школьных учебников по обществоведению. Они и играют. Как умеют. (Портников В. «Независимая Газета», 30.03.1991) независимость

▣ Люди здесь говорят, что западноукраинские политики взяли верх в Верховном Совете и ведут «восток» по своей дороге. Таким людям я отвечаю, что Западная Украина — особый регион, где *идея независимости пустила глубокие корни*. Эта политическая идея имеет право на жизнь. (Уздемир Ю. «Независимая Газета», 06.11.1991) перестройка

▣ Все гораздо сложнее. Дело в том, что новая перестроечная система не вырастает естественным образом из прошлого, из административного социализма. Напротив, ее надо искусственно, *извне насаждать на перекопанное поле прошлого строя*. (Попов Г. «Огонек», № 51, 1990) политические догмы

▣ Стало уже банальностью повторять, что для того, чтобы выздороветь, нашему обществу необходимо вернуться на магистральный путь развития человеческой цивилизации. И все же медленно, трудно *отмирают политические догмы*, не выдержавшие испытания временем. (Шелов-Коведяев Ф. «Независимая Газета», 05.01.1991) политические

отношения ▣ Давайте честно признаемся, что у наших народов, у наших граждан, практически лишенных собственности, нет сейчас другой ценности и другой основы, кроме стремления к суверенитету и равноправному сотрудничеству, для совместных политических действий, которые могли бы заставить центр и любые должностные лица выполнять законы и международные обязательства. Только на этой почве мы можем *вырастить новую систему взаимоотношений между нынешними союзными республиками и автономиями.* (Андреев Ю. «Российская Газета», 27.11.1990) политическое движение

▣ У нас сейчас много разных движений. Есть «Память», «Отечество». Есть «Демократическая Россия», куда я, кстати, вхожу. Любое движение имеет *массовые корни. А массовые корни* просто так не вырастут. Помните пословицу: «Дыма без огня не бывает». (Балашов С. И. «Столица», № 5, 1990) привилегии

▣ *Привилегии продолжали жить, ежегодно пуская новые побеги.* Некоторые из них, подобно *ухаженным весенним деревьям*, обрезались умелыми садовниками. Иные перекрашивались, и на калитке сада, где они затем расцветали, вывешивались другие таблички. В результате многие отдельно взятые большевики стали жить еще лучше, еще веселее. (Сергеев В. «Огонек», 20.07.1991) революция

▣ Цивилизовать процесс пожинания *плодов революции* в стране, наконец-то вырвавшейся на свободу, трудно. Все может быть оспорено, подвержено критике, стать предметом оформленного негодования. (Котова Е. «Московские Новости», 15.09.1991) Россия ▣ А если верно, что Россия эти десятилетия *отдавала свои жизненные соки* республикам, — так и хозяйственных потерь мы от этого не понесем, только экономия физических сил. (Солженицин А. И. «Комсомольская Правда», 18.09.1990) рынок

▣ Рынок в нашей стране пугает многих, если не всех. И не понять эту боязнь нельзя: его, рынка, по существу еще нет, его *благоприятные плоды* видятся лишь в перспективе, а жить нужно сегодня, и условия жизни для большинства людей стали не лучше, а много хуже, чем вчера. (Шмелев Н. «Известия», 23.10.1991) страх

▣ Неужели не ясно, что кровью «русскоязычных», «осетинскоязычных», «грузиноязычных», «сербохорватоязычных» и прочих человекоязычных попросту хотят «удобрить» поле, на котором *произрастут новые тотальный страх*, всеобщая подавленность, готовность к любой диктатуре? (РФ-Политика «Независимая Газета», 09.07.1992) управление

▣ Нет, безработица нам не грозит. Сколько бы нас ни пугали рынком и его последствиями. У нас всегда будет дефицит управленцев, потому что *управленческие структуры размножаются простейшим, вегетативным способом.* (Цыба Т. «Московский Комсомолец», 06.12.1990) чувство неполноценности ▣ <...> — пользуясь тем, что национальное движение на первых порах было инстинктивным, внушить патриотам через средства массовой информации мнение о самих себе. Именно так удалось *привить многим патриотам комплекс собственной неполноценности.* (Корпус полит. текстов, 01.01.1991)

**ДЕРЕВО** идеология [национализм, капитализм, коммунизм, новое мышление] ▣ «Национализм» — слово вообще-то ругательное, но как истори-

ческое явление он не вчера родился и не завтра, по всей вероятности, умрет. Корни его бесследно теряются в исчезнувших племенах, родовых общинах, цивилизациях. И все же соки, питающие это *стойкое дерево*, всегда одинаковы: неприятие чужого уклада жизни — нравов, религии, мышления — словом, непохожести, а то и противоположности своей «нормальной» культуре. (Кравченко В. «Независимая Газета», 09.10.1991) Об интеллектуальном уровне этого «руководителя» [Трапезникова С. П.] говорит его книга «На крутых поворотах истории» (М., 1971), блещущая такими — в духе Сталина — формулировками: «троцкисты и бухаринцы быстро снюхались», «псы (Джилас и Дедиер) вернулись к своей блевотине», и бесподобным коверканьем русского языка, например, «призрак научного коммунизма расширился и углубился», «прямо говоря, в нынешних условиях империализму было бы не под силу удержаться на своих старческих ногах, если бы не раскольническая деятельность правых и «левых» авантюристов, которые с разных сторон подпирают это *гниющее и разлагающееся дерево*». (Водолазов Г. «Независимая Газета», 22.08.1992) Самое главное осталось почти нетронутым: самая порочная, самая неэффективная, изначально запрограммированная на саморазвал советская экономическая система — это мертворожденное в кабинетах утопистов, *неплодоносящее дерево марксизма-ленинизма*. (Изербах Ю. «Литературная Газета», 15.05.1991) Будущее, на мой взгляд, через искренне честный интернационализм принадлежит.. космополитизму. Да, тем самым «безродным космополитам», которых так отчаянно материли безродные коммунисты. Но это далекое, очень далекое будущее, хотя ростки его проклевываются в Европе уже сегодня. И это *дерево Гражданина мира* надо взращивать предельно осторожно, заботливо, внимательно. (Кравченко В. «Независимая Газета», 09.10.1991) Поэтому политика нового мышления — как хотите ее назовите, — новые подходы в международной политике проходят серьезные испытания, и мы должны это понимать. Наша общая ответственность, ответственность всех тех, кто сформировал этот новый курс и эти новые подходы, состоит в том, чтобы их сохранить, наполнять содержанием с тем, чтобы это *мощное дерево пустило глубоко корни*, чтобы никакие ветры и потрясения его не снесли. Но для этого мы и должны видеть существующие опасности. (Горбачев М. С. «Известия», 08.05.1991)

☞ государство ☞ Вообще в ходе августовских потрясений с *дерева государства* посыпались на землю лишь наиболее одряхлевшие «пернатые». Остальные взмыли в небеса, покружили там, огляделись и уселись на обжитые, а кто и на более высокие ветви. И это не случайность. (Кузьминцев А. «Независимая Газета», 02.09.1992) демократия ☞ *Дерево демократии* не может произрастать на людской крови, насилии и человеческом горе. Это дорога вечного позора и человеческого проклятия. Остановите уничтожение народа! (Цаголов К. «Независимая Газета», 26.06.1992) жизнь ☞ Но, как говорится, суха теория, мой друг, а *дерево жизни* пышно зеленеет. Отчаянное сопротивление народов сплошной коммунизации заставило кремлев-

ских мечтателей вместо «всемирной республики братства, счастья и труда» довольствоваться Союзом республик во главе с центральным партийным самодержцем и местными компомещиками, комбайнами. (Кравченко В. «Независимая Газета», 09.10.1991) история ▣ Но если раз за разом выкорчевывать саженец, заключив, что он не тот, что надо, то *дерево истории* не вырастет. *Другие народы научились не вырубать его, а только лечить больные корни и удалять пораженные ветви.* У нас же опять — революция, снова гуляет топор переименования: живуча, стало быть, проклятая отечественная традиция. (Кротов Я. «Московские Новости», 05.07.1992) коммунизм [система] ▣ *Дерево зла, пустившее корни по всей нашей земле, нельзя было ни вырвать, ни вырвать.* Его можно было только раскачивать. Справа налево, слева направо. И хотя часто казалось, что мы топчемся на месте (так оно и было в смысле реформ), но *дерево зла* раскачивалось, уже самим этим фактом на глазах миллионов людей подрывая миф о своей незыблемости. Шла незримая работа освобождения от страха. (Искандер Ф. «Независимая Газета», 29.09.1991) культура ▣ Выплывем, конечно, и культура не умрет, но чем меньше на этом *вечно зеленеющем дереве* культуры окажется сухих ветвей, тем больше будет спасенных для новой жизни в обновленном Отечестве его сыновей. (Курчаткин А. «Литературная Газета», 09.10.1991) КПСС ▣ Кроме того, Зюганов заметил, что некоторые из лозунгов на этом мероприятии «были излишне резковаты». «Но, знаете, я непрерывно получаю информацию, что во многих местах создаются инициативные группы коммунистов. И я верю, что наше *срубленное дерево* обязательно прорастет», — заявил Зюганов. (Фельгенгауэр П. «Независимая Газета», 01.10.1991) перестройка ▣ Проводимую в стране перестройку можно сравнить с *растущим молодым деревом.* (Минаев В. Ф. Первый съезд народных депутатов) рынок ▣ Неужели и сегодня все еще непонятно, что даже половинчатым реформам наступает конец? Что кабинет и нового премьер-министра Павлова вполне могут попытаться вернуть экономику к командно-административным методам, удушив все *ростки рынка?* (Головков А. «Огонек», № 5, 1991) согласие ▣ Тем самым просто-напросто под корень подрезается *древо* возможного *согласия*, которое может быть лишь на основе безусловных гарантий целостности Молдовы. (Кондратов Э. «Известия», 14.11.1990) тоталитаризм ▣ До августовских событий мы все время как бы отработывали принципы и методологию длительной оппозиционной борьбы с системой. При всех восторгах, удачах и достижениях демократии в тот период реально мы только потрясали *дерево тоталитарной системы*, и с него опали самые подгнившие плоды. (Бурбулис Г. «Литературная Газета», 13.11.1991) научные направления ▣ При слаборазвитой корневой системе растут довольно *чахлые отраслевые деревья*, которые не дают необходимого количества плодов. (Ревнивцев В. И. Первый съезд народных депутатов) рынок ▣ *Рынок, как и дерево, произрастает снизу*, и только новогоднюю елку украшают сверху. (Рассадин В. «Московский Комсомолец», 28.12.1990) человек ▣ А наверху провозгласили: надо

выращивать каждого работника, как садовник *облюбованное плодовое дерево*. Меж тем *дерева* рубили под корень, и рубщики, сознавая свою безграничную власть, ультимативно наставляли даже «братские страны» по части негативного отбора. (Кардин В. «Известия», 04.12.1993) экономика 📖 Что если депутаты, движимые здоровым ревностным чувством не ударить в грязь лицом перед избирателями, примутся трясти без того *хилое экономическое дерево* страны: «Дай! Дай! Дай!» — неважно откуда и за чей счет? Нам-то, избирателям, казалось, что мы наделяем высшей властью садовников, способных *оздоровить большое дерево*, трясти ж его — дело нехитрое, было и до них кому, но даже аграрий, хороший председатель этого не хотел понять. (Мионов Б. «Огонек», № 50, 01.12.1990)

**ДУБ** 📖 государство 📖 Бодался теленок с дубом. (Солженицин А. «Литературная Газета», 18.05.1990)

**ЕЛЬ** 📖 идея 📖 Как на металлический стерженек — *ствол искусственной елки*, одна за другой нанизывались пластмассовые веточки: сначала самая большая, потом меньше, так и здесь ребята, выбрав каждый себе один из двух стерженьков-идей, стали нанизывать на них мнение по частным вопросам. (Хайтина Ю. «Московский Комсомолец», 21.09.1990)

**КАРЛИКОВАЯ БЕРЕЗКА** 📖 человек 📖 Журналист, литератор определяется стволом, то есть мировоззрением, а уж если от ствола отходят ветви с листьями — произведениями; нет ствола — не будет и всего остального; он, этот ствол, у нашего поколения рос с какими-то чудовищными искривлениями, многие люди напоминают мне *уродливые карликовые березки*. (Мельников А. «Московские Новости», 25.06.1991)

**СОСНА** 📖 собственность / финансы / бюджет 📖 Блоки законов, подготовленные в соответствии с программой «500 дней», оказались отставленными в сторону, и в течение полугода российский парламент занимался топтанием на месте вокруг *трех «сосен» экономики*: собственности, финансов, бюджета. (Гатов В. «Советская Россия», 28.03.1991)

**ПЛОДОВОЕ ДЕРЕВО** 📖 идея 📖 Будущее должно быть заложено в настоящем. Любую научно-техническую идею, как и саженец *плодового дерева*, надо поливать, удобрять, чтобы оно выросло и плодоносило. (Коновалов Б. «Известия», 09.04.1991)

**СМОКОВНИЦА** 📖 коммунизм [идеология] 📖 Сад большевизма оказался бесплодным. Настало время избавиться от *бесплодной смоковницы* и отдать русскую землю под деревья, приносящие плод. (Костиков В. «Огонек», № 20, 1991)

**ГРУША** 📖 мир 📖 Развитие, в общем, закончено; как формулирует Фрэнсис Фукуяма, история перестает развиваться и начинает длиться. Прошло время, когда *мир можно было трясти, как грушу*. (Курицын В. «Независимая Газета», 09.07.1992)

**ЯБЛОНЯ** 📖 капиталистическое государство 📖 Великий садовник революции как учил? Надо начинать трясти ту *капиталистическую яблоню*, на

которой созрели яблоки. Ленин, не отрицая теорию великого садовника, развил ее: *яблоню можно трясти и до того, как созреют яблоки, если яблоня поддается тряске*. Некогда! Яблоки и на печке дозреют. С этой теорией он и пошел на штурм России. (Искандер Ф. «Московские Новости», 17.04.1991)

**РАСТЕНИЕ** ♣ гуманизм ◻ То, что нам было нужно, это не Герцен, как один из ингредиентов целостности личности. Гуманизм Герцена, хотя он и вскормлен духовной пищей 30-х и 40-х годов Франции — самым религиозным и социальным продуктом гуманизма на почве Европы, — был дефективен. Герцен сам с чересчур большой легкостью совершил его усечение, когда в ранней юности выбросил за борт все религиозные и философские его элементы. С тех пор гуманизм его остался *растением без почвы* или даже *без корней*, заранее обреченных. (Федотов Г. «Независимая Газета», 21.06.1991) жизнь ◻ Да, такая у нас в России жизнь — без оболочки, без питательной среды — жизнь, не растущая в некий удобренный, тучный, плодотворный слой, а наподобие причудливых *тропических растений* повисающая корнями в воздухе и вягивающая растворенную в нем горькую соль. (Бежин Л. «Независимая Газета», 11.08.1992)

**ПОРΟΣЛЬ** ♣ люди ◻ Там, где сгоряча побросали партбилеты, уже *проклюнулась ядовитая поросль*, от которой задыхается трудовой народ. (Зюганов Г. «Независимая Газета», 12.05.1991)

**РЕПЕЙНИК** ♣ фермерство ◻ На этом фоне *фермерский репейник* выглядит предпочтительнее, что, казалось бы, очевидно даже для подслеповатых. (Говорухин Ю. «Огонек», № 41, 06.10.1990)

**ЧЕРТОПОЛОХ** ♣ идеология ◻ Под прессом партийной идеологии многовековая культура России рухнула, и на пепелище ее начал *произрастать чертополох*. Время доказало вздорность и полную нежизненность этих идей. Спустя десятилетия, постепенно все возвращается на круги своя. (Ястребов А. «Горизонт», 01.08.1991) фермер ◻ Что такое нынешний российский фермер? *Чертополох*. (Говорухин Ю. «Огонек», № 41, 06.10.1990)

**ЦВЕТОК** идеология [демократия, плюрализм, антикоммунизм...] ◻ Поэтому глядячи на *буйный расцвет демократии*, остается только с надеждой вспомнить, что к компании ГКЧП присоединился А. И. Лукьянов — так сказать, «погиб поэт, невольник чести, пал, оклеветанный молвой». («Коммерсант», 26.08.1991) У меня есть стишок: А что же делать с нашим поколением? / Оно пойдет на удобренье... И хорошо еще, если на наших костях *взойдут демократические, человеческие, гуманные цветы*, а не ядовитые, великодержавные, тоталитарные, превращающиеся в ягодки бомб и грибки взрывов... (Рязанов Э. «Горизонт», 01.08.1991) Сегодняшний издательский бум — что он знаменует? *Расцвет плюрализма*, освобождение слова, создание информационной среды, нового информационного порядка? Насчет плюрализма — никаких сомнений. Насчет нового порядка — увы, сомнительно. (Костюков А. «Мегаполис-Экспресс», 08.08.1991) И если после революции люди с изумлением налетали лбом на дверь — убеждались, что монархия вос-

становлена как большевистская монархия, то как бы сегодняшним ниспровергателям КПСС завтра не убедиться, что большевизм *«цветет и пахнет под вывеской самого яростного антикоммунизма»*. Кстати, очевидно — чем яростней антикоммунизм, тем больше в нем большевизма. (Радзиховский Л. «Литературная Газета», 14.08.1991)

☞ дедовщина / преступность / коррупция ☞ И не «ненависть» выражает наша печать, а боль и тревогу за армию, в которой *пышным цветом расцвели и дедовщина, и преступность, и коррупция*, результатом чего явилась гибель тысяч солдат в мирное время. (Кондратьев В. «СК») история ☞ Но как же мгла истории? Ее кровавые тайны? Ее *буйное цветение* и роковая червоточина? Как, на чьем опыте, еще раз пережить историю в своем воображении — и задохнуться? И сердцу облиться кровью? И замереть от непонятого, невообразимого? (Эпштейн М., 09.04.1991)

**БОЛОТНЫЙ ЦВЕТОК** ☞ переворот ☞ А все же танки на городских улицах появлялись в Алма-Ате, Тбилиси, Ереване, Баку, Вильнюсе, Риге безо всякого «путча». И на московские улицы их тоже ввели не впервые: до 19 августа было 28 марта. И стилистика передач ЦТ в дни «путча», по правде, не так уж отличалась от той, которую внедрил горбачевский Кравченко ранее. В августе лишь раскрылся, остро запахнул давно созревавший *болотный цветок*. (Баткин Л. «Литературная Газета», 16.10.1991)

**РОЗА** ☞ СМИ ☞ Я сторонник альтернативных законопроектов. Но в данном случае на сессии Верховного Совета СССР повенчали *розу* с жабой. (Казанник А. И. Первый съезд народных депутатов) положительные стороны рынка ☞ **ШИПЫ И РОЗЫ РЫНКА**. [заголовок] («Товарищ»)

## ГРИБЫ

**ГРИБ** политическая партия / общественная организация ☞ Уже сами сопоставления их текстов достаточно красноречиво свидетельствуют — *воззрения, намерения, устремления возникающих словно под грибным дождичком партий, организаций, политассоциаций, стремительно, как сейчас можно определить, дистанцируются*. («Правда», 22.09.1990) К общественным организациям, появляющимся в стране, *как грибы после дождя, прибавилась еще одна* — Ассоциация ученых и общественных деятелей «Наука — будущему страны». («Литературная Газета», 10.10.1990)

☞ КГБ ☞ Люди убеждены, что низость или жестокость средств является прямой гарантией успеха. Чем гнуснее, тем надежнее. «Мы не слюنتяи. Для нас перевешать 2—2,5 миллиона — плевое дело». Так растут у пня поваленного Белого движения *ядовитые грибы новой всероссийской чеки*. (Федотов Г. «Независимая Газета», 18.07.1990) Ленин В. И. ☞ Одного не хватало любителям «Пятого колеса»: Сергея Курехина, лидера «Поп-механики» и верного экранного партнера, с которым Шолохов, бывало, так душевно толковал о символике Апокалипсиса и о том, что Владимир Ильич Ленин — это *гриб* и одновременно радиоволна. (Кузьминский Б. «Независимая Газета»,



10.08.1991) миллионер ☐ Миллионеры, паразитируя на социально-экономических трудностях и неурядицах, *растут как грибы*. (Полозков И. К. «Советская Россия», 05.06.1991)

### ЧАСТЬ РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА

**ВЕТКА-ВЕТВЬ 1.** власть ☐ А представьте: США объявляет: «С нуля часов...». Вот рванулись бы в Шереметьево-2 «мерседесы» и членовозы. Это все наши *ветви*, все сучки власти полетели бы менять зеленую листву. (Минкин А. «Московский Комсомолец», 30.07.1993) Тем важнее, если по острым и сложным вопросам вечно спорящим сторонам удается достичь компромисса. Как это было, скажем, при недавней совместной попытке двух *властных ветвей* — законодательной и исполнительной — модернизировать законы о банках. (Поликарпов П. «Московский Комсомолец», 31.08.1993) Вчера воевали две *ветви власти* (два сучка) — Президент с Парламентом. Третья власть — Конституционный суд — шныряла что ни день от одного к другому. (Минкин А. «Московский Комсомолец», 01.09.1993)

**2.** социализм [система] ☐ Государственный социализм, породивший столько страхов и надежд, оказался боковой *тупиковой ветвью* развития. Его агония в нашей стране затянулась и приобрела особенно разрушительный характер. Строго говоря, она еще не закончилась. (Кувалдин В. «Независимая Газета», 29.09.1991) Однако еще за несколько лет до того как был поднят перестроечный шлагбаум, для меня начало медленно наступать отрезвление. Да, реальный социализм оказался чудовищно неэффективным, а рядом Запад благоухал потребительским благополучием. Казалось, достаточно вычеркнуть из жизни КПСС, и желанный берег капиталистического рая будет достигнут. Однако нужно было отказаться от идеи, которой мы жили долгие годы: будто уродливое чудовище, распространившееся от Югославии до Китая, — случайный поворот, *тупиковая ветвь* в эволюции человечества, которую можно будет легко и просто отсечь. Но, увы, это чудовище состоялось. И потому реформирование изжившей себя Системы начинало видеться как эволюционное движение, как системное лечение больного экономического организма. (Владова Н. «Московские Новости», 14.06.1992)

☐ академия наук РСФСР ☐ Более чем вероятно, что рожденная в лоне давно и тяжело хворающей союзной академии ее *российская ветвь* не стала бы буйно плодоносить, академические болячки передались бы по наследству. («Известия», 15.09.1990) действительность ☐ ... *живую ветвь*, называющуюся действительностью, подгоняем под догматические рамки законов. (Казаник А. И. Первый съезд народных депутатов) идеология [шовинизм/расизм] ☐ В этом смысле каждый из нас в большей или меньшей степени националист. И хотя Малая энциклопедия, изданная в прошлом году, по-прежнему трактует национализм как «буржуазную и мелкобуржуазную идеологию», суть его на нынешнем историческом витке не меняется, остается своеобразным рефлексом самозащиты народов от распада, исчезновения. Однако

отсюда же *тянутся две ядовитые ветви*: шовинизм и расизм. (Кравченко В. «Независимая Газета», 09.10.1991) мафия ☐ Феномен момента состоит в том, что есть и мощная радикальная *мафиозная ветвь*, это мафиози-рыночники, они в разном облики, это и предприниматели, и журналисты, и политики. (Корягина Т. «Московский Комсомолец», 11.11.1990) художественное произведение ☐ Журналист, литератор определяется стволом, то есть мировоззрением, а уж если от ствола отходят *ветви* с листьями — произведениями; нет ствола — не будет и всего остального; он, этот ствол, у нашего поколения рос с какими-то чудовищными искривлениями, многие люди напоминают мне уродливые карликовые березки. (Мельников А. «Московские Новости», 25.06.1991)

**ВСХОДЫ** результаты политической деятельности ☐ Сейчас все дозволено, массовый президентский посев дал свои *всходы*. Первый президент с телеэкрана уверял народы Союза, что нет войны, кровопролития, хотя война уже шла в республиках. Сейчас нас успокаивают, обещают, что не будет голода. (Солоухин В. «День», № 19, 1991) Но почему даже на этом весьма кровавом фоне особо выделяется российская драма? И почему социалистическая доктрина, выпестованная на Западе, там не прижилась, а дала *ядовитые всходы* только в России? России (а вместе с ней и всему человечеству) просто крупно не повезло. На ней все «сошлось». (Зайдман И. «Столица», 01.09.1991) Выступавшие говорили о катастрофической ассимиляции и требовали от правительства не только содействия просветительству, но и признания «вины за культурный геноцид евреев»: запрет в 1918 году «религиозного» языка иврит, закрытие синагог, физическое уничтожение интеллигенции. Как и за насаждавшийся десятилетиями государственный антисемитизм, давший, как теперь выясняется, дружные *всходы*. (Тодрес В. «Независимая Газета», 26.09.1991) Скорее всего перед нами одно из проявлений макиавеллистской тактики [Сталина], одна из первых попыток выйти на цель — подготовить свое дальнейшее продвижение к вершинам власти, своего рода психологический маневр или разведка боем, проба сил. Что-то из задуманного ему удалось тогда осуществить. <...> Но зерно самовозвеличивания все же было брошено в почву и сулило в будущем *желанные всходы*. (Жоган Л. «Независимая Газета», 13.11.1991)

**КОРЕНЬ 1.** основа ☐ Сама постановка этого вопроса нашими людьми говорит о многом. Несмотря на все деформации, несмотря на все потери, несмотря на весь драматизм событий, которые пережил наш народ, в людях живет и *глубоко пустила корни* социалистическая идея. (Горбачев М. С. «Известия», 20.10.1990) Дерево зла, *пустившее корни по всей нашей земле*, нельзя было ни вырубить, ни вырвать. Его можно было только раскачивать. Справа налево, слева направо. И хотя часто казалось, что мы топчемся на месте (так оно и было в смысле реформ), но дерево зла раскачивалось, уже самим этим фактом на глазах миллионов людей подрывая миф о своей незыблемости. Шла незримая работа освобождения от страха. (Искандер Ф.

«Независимая Газета», 29.09.1991) Люди здесь говорят, что западно-украинские политики взяли верх в Верховном Совете и ведут «восток» по своей дороге. Таким людям я отвечаю, что Западная Украина — особый регион, где идея независимости пустила *глубокие корни*. Эта политическая идея имеет право на жизнь. (Уздемир Ю. «Независимая Газета», 06.11.1991) Пропаганда не смогла *выкорчевать тысячелетние корни, которые пустила монархия* в русской почве, и теперь из этих корней начинает расти в черносотенной печати нечто, претендующее на преемственность с прошлым. (Кротов Я. «Московские Новости», 05.07.1992) Но если раз за разом выкорчевывать саженец, заключив, что он не тот, что надо, то дерево истории не вырастет. Другие народы научились не вырубать его, а только *лечить больные корни* и удалять пораженные ветви. У нас же опять — революция, снова гуляет топор переименования: живуча, стало быть, проклятая отечественная традиция. (Кротов Я. «Московские Новости», 05.07.1992)

2. причина ■ Опыт многонационального Дагестана показывает, что *корни* многонациональных недоразумений главным образом уходят в социально-экономическую почву. (Мирзабеков А. М. Первый съезд народных депутатов) Как бы мы ни клеймили эти позорные явления, они сохранятся, если мы не ликвидируем *социальные корни* межнациональной напряженности. (Первый съезд народных депутатов) Такое положение в экономике тоже имеет свои исторические *корни*. (Бразаускас А. «Московский Комсомолец», 08.05.1991) В чем дело, почему? Где *корень* того, что приводит нас к подобному результату? (Ананьев А. А. Первый съезд народных депутатов) Где же *корни* тех горьких плодов, которые мы сейчас пожинаем: в авантюризме политических предков? В нелепом выверте истории? В безумных зигзагах, которыми двигалась наша многострадальная страна на протяжении последних семидесяти лет? Бесспорно. Но и еще кое в чем. (Новиков А. «Россия», 19.09.1992)

3. экономика ■ Если бы мне дано было право обратиться к правительству с новогодним пожеланием, я бы сказала, как думаю. А именно: «Крону вы уже постригли, пора менять *корневую систему*». Думаю, тогда многое встанет на места. Этого жду в 1991-м. (Ольшанская Ж. «Известия», 30.12.1990) Как и прежде, продолжать наращивать технический потенциал, чтобы не разрушать *глубокие корни экономических связей* в стране. (Кучер В. Н. Первый съезд народных депутатов) Реальная жизнь исправляет все ошибки, *корни какой-то новой экономики уже проросли вглубь* старой системы, подспудно изменяя ее. Российская глыба, неуклюже, но все-таки сдвинувшаяся с места, с неизбежностью затягивает в направлении своего прорыва и союзные структуры, как бы они ни сопротивлялись. («Известия», 21.12.1990)

4. материальная оснащенность науки ■ Недостаточно развитая и удобренная *корневая система* (имеется в виду крайне низкий уровень оснащенности и снабжения нашей академической науки и особенно высшей школы) не обеспечивает необходимого питания стволов и деревьев. (Ревнивцев В. И. Первый съезд народных депутатов) При слаборазвитой *корневой системе*

растут довольно чахлые отраслевые деревья, которые не дают необходимого количества плодов. (Ревнивцев В. И. Первый съезд народных депутатов)

**5. начало** 📖 «Национализм» — слово вообще-то ругательное, но как историческое явление он не вчера родился и не завтра, по всей вероятности, умрет. *Корни* его бесследно теряются в исчезнувших племенах, родовых общинах, цивилизациях. И все же соки, питающие это стойкое дерево, всегда одинаковы: неприятие чужого уклада жизни — нравов, религии, мышления — словом, непохожести, а то и противоположности своей «нормальной» культуре. (Кравченко В. «Независимая Газета», 09.10.1991) Наше, пусть и позднее возвращение к своим истокам, *корням*, необходимо. (Сафиева Г. Первый съезд народных депутатов)

📖 АН СССР 📖 ...наша наука с точки зрения организации может быть уподоблена саду по выращиванию «плодов науки». *Корневая система* в нем существует как бы сама по себе, и за ее функционирование отвечает АН СССР. (Ревнивцев В. И. Первый съезд народных депутатов) нравственность / этика 📖 Я противник того, чтобы причины нашего рабства искать в далеких муромских лесах. В 17-м году большевики сломали *нравственный, этический корень* народа, и возник новый человек. И потому вспоминать древнерусского человека совершенно незачем. (Штехер С. «Око», 01.01.1991) сторонники политического движения 📖 ... У нас сейчас много разных движений. Есть «Память», «Отечество». Есть «Демократическая Россия», куда я, кстати, вхожу. Любое движение имеет *массовые корни*. А *массовые корни* просто так не вырастут. Помните пословицу: «Дыма без огня не бывает». (Балашов С. И. «Столица», № 5, 1990) экономическая реформа 📖 Проводимую в стране перестройку можно сравнить с растущим молодым деревом, ствол — демократия, крона — гласность, а *корни* — радикальная экономическая реформа. (Минаев В. Ф. Первый съезд народных депутатов)

**КРОНА** 📖 гласность 📖 Проводимую в стране перестройку можно сравнить с растущим молодым деревом, ствол — демократия, *крона* — гласность, а корни — радикальная экономическая реформа. (Минаев В. Ф. Первый съезд народных депутатов) наука 📖 Развитие *кроны* деревьев и ветвей, на которых созревают плоды, курируют различные ведомства, которым подчиняется отраслевая наука. (Ревнивцев В. И. Первый съезд народных депутатов) политическая система 📖 Если бы мне дано было право обратиться к правительству с новогодним пожеланием, я бы сказала, как думаю. А именно: «*Крону* вы уже постригли, пора менять корневую систему». Думаю, тогда многое встанет на места. Этого жду в 1991-м. (Ольшанская Ж. «Известия», 30.12.1990)

**ЛИСТЬЯ** 📖 литературные произведения 📖 Журналист, литератор определяется стволом, то есть мировоззрением, а уж если от ствола отходят ветви с *листьями* — произведениями; нет ствола — не будет и всего остального; он, этот ствол, у нашего поколения рос с какими-то чудовищными искривлениями, многие люди напоминают мне уродливые карликовые березки. (Мельников А. «Московские Новости», 25.06.1991) речи 📖 Как, в каких сочетаниях, с

помощью каких интеллектов и денег объединились враги империи, проведя грандиозную операцию по устранению ее из мирового развития? Какие *речи шелестели* в уютных кафе Цюриха, в тиши лондонских библиотек, в банках Нью-Йорка, в берлинском генштабе, где зарождалась интеллектуальная операция по разрушению царской России? (Проханов А. «Наш Современник», 01.09.1990)

**ПЕНЬ** ♪ белое движение ☞ Люди убеждены, что низость или жестокость средств является прямой гарантией успеха. Чем гнуснее, тем надежнее. «Мы не слюняи. Для нас перевешать 2—2,5 миллиона — плевое дело». Так растут у пня поваленного Белого движения *ядовитые грибы новой всероссийской чеки*. (Федотов Г. «Независимая Газета», 08.05.1990)

**ПОБЕГИ** последствия ☞ И семена ненависти, которые так хорошо принимаются в этих бесплодных землях, дадут еще более *опасные побеги*, если совместными усилиями не будет обеспечено общее ближневосточное урегулирование на началах мира, равных прав и справедливости. (Кондрашев С. «Известия», 26.01.1991) Привилегии продолжали жить, ежегодно *пуская новые побеги*. Некоторые из них, подобно ухоженным весенним деревьям, обрезались умелыми садовниками. Иные перекрашивались, и на калитке сада, где они затем расцветали, вывешивались другие таблички. В результате многие отдельно взятые большевики стали жить еще лучше, еще веселее. (Сергеев В. «Огонек», 20.07.1991)

♪ коммунизм [система] ☞ Их руки в крови народов Восточной Европы, Азии, Латинской Америки: повсюду, где пытались привить *побеги «мирового коммунизма»*, рано или поздно страдали люди. И продолжают страдать. (Гульченко В. «Россия», 02.02.1991)

**ПОДВОЙ** ♪ рынок ☞ Не то чтобы Горбачев, подобно Полозкову призывал насмерть стоять на «социалистическом» рубеже, но ему все кажется, что «социалистическую» систему как-то еще можно подновить, модернизировать, как-то привить к ее дохлomu черенку *рыночный подвой*. (Мороз О. «Литературная Газета», 01.05.1991)

**ПОЛЕНЬЯ** ♪ люди ☞ Масонское правительство Керенского было в одночасье свергнуто крутой ленинской диктатурой. Мاسоны, по моим соображениям, — это, конечно, интеллектуальные люди. Против лома нет приема! — говорят сегодня интеллектуалы. А ленинская диктатура и была тем самым ломом в буквальном и переносном смысле, который способен сокрушить все и вся. Масоны ведут игру по строгим правилам иерархии, ритуалов. А Ленин, за ним и Сталин взяли в руки лом диктатуры пролетариата и наломали в России дров, пытаясь разжечь мировой пожар: *люди — поленья*. Сгорели. (Зарубин В. «Молодая Гвардия», 01.07.1991)

**РОСТОК-РОСТКИ** 1. демократические движения ☞ Уже и никаких разбирательств и тем более расследований даже по тем фигурам бюрократии местного масштаба, которые по первому же сигналу кинулись раскулачивать и без того живущих во враждебном окружении фермеров

да арендаторов, расправляться с мятежными депутатами, вытапывать и без того *хилые ростки демдвижений*, кончать их лидеров. (Ганюшкин В. «Новое Время», 22.10.1991) Есть тучи чиновников от КПСС, рассаженных ею на кормление по всем ячейкам и капиллярам общества. Какое уж тут нормальное кровообращение — тромбы и закупорка вен. Прожорливая армия нахлебников и захребетников, которую не смогла одолеть и сама Ее Величество Диктатура Пролетариата. А где уж нам с хилыми демократически-реформаторскими *проростками*, все более поглощаемыми все еще всеильной коммунистической властью советов. (Ганюшкин В. «Новое Время», 22.10.1991)

2. предпринимательство ☐ Слабая, маломощная поначалу кооперация на всякую угрозу разгрома отзывалась призывом к демократической общественности и печати сохранить *ростки предпринимательства*. (Беккер А. «Мегаполис-Экспресс», 12.09.1991) По крайней мере один результат такой акции неизбежен в любом случае: полный подрыв доверия людей ко всяким, в том числе и новым, властям и уничтожение даже тех первых, робких *ростков свободного предпринимательства*, которые успели лишь проклянуться из-под десятилетиями слежавшегося снега за последние года два-три. (Шмелев Н. «Известия», 22.10.1991)

3. экономические отношения ☐ КГБ продолжает действовать в интересах партийно-бюрократических структур, пытается спасти отжившую политическую надстройку. Сохраняя многие прежние методы, он может стать орудием подавления *ростков новых экономических отношений*, деловой инициативы, здорового предпринимательства или покрывать возможный саботаж и махинации в высших управленческих структурах. («Московские Новости», 27.01.1991) В сочиненном нами обращении к советскому народу есть только одна фраза, правдивость которой, к сожалению, несомненна. Вот эта фраза: «Над нашей Родиной нависла смертельная опасность». Да, под угрозой все, что за шесть лет удалось обществу отвоевать у коммунистического тоталитаризма: начала гражданских свобод, *ростки демократических преобразований экономики* и государственности, надежды на вхождение в мировой цивилизационный поток. (Костюков А. «Мегаполис-Экспресс», 22.08.1991)

☐ большевизм ☐ Налицо своеобразный реванш за 1903 год, когда возникли первые *ростки большевизма*, в итоге превратившие партию в «орден меченосцев». («Независимая Газета», 03.08.1991) будущее ☐ Будущее, на мой взгляд, через искренне честный интернационализм принадлежит... космополитизму. Да, тем самым «безродным космополитам», которых так отчаянно материли безродные коммунисты. Но это далекое, очень далекое будущее, хотя *ростки его проклевываются* в Европе уже сегодня. И это древо Гражданина мира надо взращивать предельно осторожно, заботливо, внимательно. (Кравченко В. «Независимая Газета», 09.10.1991) гласность ☐ И без того слабым демократам в ряде республик стало ясно: их борьба за абсолютный суверенитет означает не что иное, как укрепление национально-

коммунистических режимов, которые, опустив «железный занавес», очень быстро уничтожат и *ростки гласности*, и своих политических конкурентов. (Евлахов А. «Россия», 03.08.1991) демократия ▣ *Ростки демократии* столь слабы в нашем обществе, что попрядержи мы их — и завтра рухнет тот самый прогрессивный «авангард или правящая элита», ради эффективности действия которых мы и хотели бы укрепить власть. (Баталов Э. «Известия», 26.11.1990) жизнь ▣ Нельзя одновременно преследовать две цели: с одной стороны, продолжать за счет ограбления своего народа поддерживать разваливающееся здание административной системы, а с другой стороны надеяться, что под этим давящим грузом откуда-то сами собой пробьются и потянутся вверх массовые *ростки жизни*. (Шмелев Н. «Огонек», № 37, 08.09.1990) литература ▣ Вижу ли я *ростки нормальной литературы*? Да, конечно. Особенно — в поэзии, которая — думаю, что, к счастью для нее, — оказалась как бы на периферии внимания критики и читателя последние шесть лет. (Иванова Н. «Независимая Газета», 10.08.1991) надежда ▣ В разных вариантах были оглашены и дежурные заклинания насчет «большого потенциала сотрудничества», «огромных перспектив делового взаимодействия», «неисчерпаемых резервов и *ростков надежды*», но если раньше подобная обыденность не несла в себе никакого «смыслового заряда», то нынче она вселила ощущение, что «экономического праздника» на этот раз в Токио не состоится. (Агафонов С. «Известия», 02.02.1991) национализм ▣ Давайте вспомним хотя бы, как начиналась Вторая мировая война. Вначале две крупнейшие страны Европы, Россия и Германия, были в буквальном смысле ободраны. Их провели через революции, гражданские смуты, экономические потрясения и довели до стадии крайне жалкого состояния (можно сказать, до стадии реанимации). Затем на этой почве *дали взойти национальным чувствам*, национальным целям, патриотизму. После этого началась весьма интенсивная подготовка к войне, в которую в основном и были брошены эти страны. И принципиально невозможно поверить в то, что за этим сценарием не было дирижера, сумевшего остаться за историческими кулисами. (Бровка Ю. «Молодая Гвардия», 01.12.1990) политическая деятельность ▣ В эпоху великой «говорильни» все же начинают появляться и *ростки дел*, которые со временем обещают в корне изменить нашу жизнь. (Коновалов Б. «Известия», 18.01.1991) религия ▣ Неблагодатное дело затеял Ильич когда-то — воевать с Богом. *Ростки религии* в душах тщательно уничтожались. (Ховратович В. «Куранты», 11.01.1991) согласие ▣ Вряд ли можно считать своевременной эту публикацию. Именно сейчас, когда появляются *ростки согласия и консолидации* в обществе, такое открытое письмо может обратить вспять этот процесс, поскольку у автора письма проглядывается желание свести дело к известному реваншу. (Алимов Г. «Известия», 08.05.1991)

**СЕМЯ-СЕМЕНА** ♪ идеи ▣ *Семена*-то уже заброшены, а человек — самая плодородная, но и самая непредсказуемая почва. (Стахов Д. «Огонек», № 46, 1991) — Но теперь-то, когда партаппарат фактически отстраняется от

власти, разве не расширяется поле для того, чтобы *посеять в него наконец новые семена?* — Безусловно, дышать становится легче. Вот только поскорее бы нам всем превратиться из страны «коммунистов и демократов» в страну нормальных, законопослушных и терпимых людей. (Головков А., Силаев И. «Огонек», 31.08.1991)

Идеи перестройки ☞ Дорогие товарищи, нелегко сеять *семена перестройки* в землю с трещинами национальной розни. (Евтушенко Е. А. Первый съезд народных депутатов) ненависть ☞ *И семена ненависти*, которые так хорошо принимаются в этих бесплодных землях, дадут еще более опасные побеги, если совместными усилиями не будет обеспечено общее ближневосточное урегулирование на началах мира, равных прав и справедливости. (Кондрашев С. «Известия», 26.01.1991)

**СПЯЩАЯ ПОЧКА** ☞ законодательная возможность ☞ Как бы там ни было, раздача земли по паям создает предпосылки для создания рынка участков. Впрочем, он всегда был, только черный. Кодекс придает ему первые очертания цивилизованности: в документе заложена *«спящая почка»* — перспектива платности землепользования на основе кадастровых оценок. (Абакумов И. «Известия», 18.05.1991)

**СТВОЛ** ☞ демократия ☞ Проводимую в стране перестройку можно сравнить с растущим молодым деревом, *ствол* — демократия, крона — гласность, а корни — радикальная экономическая реформа. (Минаев В. Ф. Первый съезд народных депутатов) идеология ☞ Журналист, литератор определяется *стволом*, то есть мировоззрением, а уж если от *ствола* отходят ветви с листьями — произведениями; нет *ствола* — не будет и всего остального; он, этот *ствол*, у нашего поколения рос с какими-то чудовищными искривлениями, многие люди напоминают мне уродливые карликовые березки. (Мельников А. «Московские Новости», 25.06.1991) наука ☞ Недостаточно развитая и удобренная корневая система (имеется в виду крайне низкий уровень оснащенности и снабжения нашей академической науки и особенно высшей школы) не обеспечивает необходимого питания *стволов* и деревьев. (Ревнинцев В. И. Первый съезд народных депутатов)

**СУК** ☞ основа рынка ☞ Рубить ли *сук*, на котором вырастет рынок? (Вите О., Травин Д. «Московские Новости», 01.12.1991) социально-экономические интересы ☞ Советская внешняя политика последних лет в отношении внутренних социально-экономических интересов напоминает действия сумасшедшего, который *рубит сук, на котором сидит*. (Глазьев С., Львов Д. «Независимая Газета», 01.10.91)

**СУЧОК** ☞ представитель власти ☞ А представьте: США объявляет: «С нуля часов...». Вот рванулись бы в Шереметьево-2 «мерседесы» и членовозы. Это все наши ветви, все *сучки власти* полетели бы менять зеленую листву. Все фиговые листья облетели. Ветви превратились в *голые сучки*. Это их общая — всех *сучков* — осень. (Минкин А. «Московский Комсомолец», 30.07.1993)



**ФИГОВЫЙ ЛИСТОЧЕК** ♪ демократия ☐ Зачем Русской Литературе все эти Тредиаковские, Хемницеры, Богдановичи, Капнисты, Фонвизины. Или Ломоносов с его чухонским обличем? Неспроста ведь, неспроста его библиотека в конце концов оказалась в Финляндии, где ее бережно охраняют! Разве их можно считать Русскими Писателями, даже если прикрыт этот срам *фиговым листочком демократии!* (Любавин М. «Собрание Независимой Газеты», № 4-91) представитель власти ☐ А представьте: США объявляет: «С нуля часов...». Вот рванулись бы в Шереметьево-2 «мерседесы» и членовозы. Это все наши ветви, все сучки власти полетели бы менять зеленую листву. Все *фиговые листья* облетели. (Минкин А. «Московский Комсомолец», 30.07.1993)

**ЧЕРЕНОК** ♪ социализм [система] ☐ Не то чтобы Горбачев, подобно Полозкову призывал насмерть стоять на «социалистическом» рубеже, но ему все кажется, что «социалистическую» систему как-то еще можно подновить, модернизировать, как-то привить к ее *дохлomu черенку* рыночный подвой. (Мороз О. «Литературная Газета», 01.05.1991)

**ШИПЫ** ♪ отрицательные стороны рынка ☐ **ШИПЫ И РОЗЫ РЫНКА.** [заголовок] («Товарищ», 25.03.1991) проблемы ☐ Близится Рождество (католическое), и тысячи людей в разных странах готовят посылки, чтобы хоть чем-то порадовать к празднику нас, разуверившихся и отчаявшихся. От нас же просят одного: дайте адреса самых обездоленных. Вроде элементарно, но сколько *острых шипов* ждет общественность! (Павлова-Сильванская М. «Литературная Газета», 12.12.1990)

**ЯДОХРАНИТЕЛЬ** ♪ КПСС ☐ При всех восторгах, удачах и достижениях демократии в тот период реально мы только потрясали дерево тоталитарной системы, и с него опали самые подгнившие плоды. Ствол, корневая система оставались незыблемыми. После путча у этого дерева обломилась какая-то значительная несущая часть, прежде всего в виде концентрированного *ядохранителя* — структур КПСС. Все мы испытывали понятное облегчение и восторг. Но последствия этого были чрезвычайные. Яд, сконцентрированный в рухнувших частях дерева, в одночасье отравил большую площадь под деревом — он был пролит во все поры государства и общества. (Бурбулис Г. «Литературная Газета», 13.11.1991)

## **РОСТ И ВЫРАЩИВАНИЕ РАСТЕНИЙ-ДЕРЕВЬЕВ**

**ОТМИРАНИЕ** прекращение существования ☐ Власть Советов с точки зрения ленинской теории — элемент *отмирающего* государства. (Сигал Л. «Независимая Газета», 05.01.1991) И только в опровержении идеи *отмирания* государства коммунисты были решительны и строги — создали государственную машину, истории неведомую. (Шостаковский В. «Столица», 18.02.1991)

**ПОСЕВ** ♪ политическая деятельность ☐ Сейчас все дозволено, массовый *президентский посев* дал свои всходы. Первый президент с телеэкрана

уверял народы Союза, что нет войны, кровопролития, хотя война уже шла в республиках. Сейчас нас успокаивают, обещают, что не будет голода. (Солоухин В. «День», № 19, 1991) реформы ▣ Сегодня выработаны конкретные меры по осуществлению глубоких экономических изменений в обществе. *Поле для реформ разминировано.* Нужен крупный прорыв. (Кудашкин Б. «Россия», 30.10.1991)

**КВАДРАТНО-ГНЕЗДОВЫЕ ПОСЕВЫ** ▣ аспирантура ▣ — Ее необходимо сохранить, а аспирантские стипендии резко повысить. Но тут ни к чему «*квадратно-гнездовые посеивы*»: по 1—2 аспиранта в любом институте. («Известия», 27.09.1990)

**ПЛОДНОСНОСТЬ** ▣ результаты научной деятельности ▣ Очевидно, *высокой плодородности* от такого сада ждать не приходится. (Ревнивцев В. И. Первый съезд народных депутатов)

**СОЗРЕВАНИЕ** ▣ развитие науки ▣ Развитие кроны деревьев и ветвей, на которых *созревают* плоды, курируют различные ведомства, которым подчиняется отраслевая наука. (Ревнивцев В. И. Первый съезд народных депутатов) развитие политической ситуации ▣ Но оказывается, пока мы к рынку не пришли, в корне менять ничего не стоит. Исполком к этому не готов. *Созреет ситуация*, тогда уже исполком подстроится, модернизируется. (Цыба Т. «Московский Комсомолец», 06.12.1990) развитие экономики ▣ Ленин и большевики убедили себя и страну, что экономика *созрела* и даже *перезрела* для перехода к социализму. (Попов Г. «Огонек», № 50, 01.12.1990)

**УРОЖАЙ** ▣ ненависть ▣ До недавнего времени у нас была относительная стабильность, основанная на покорности, страхе и зависимости. Это была по существу стабильность концлагеря. Как только ограждения его пошатнулись, мы стали собирать *обильный урожай*. Не картофеля, не овощей, не зерна, а *ненависти* — слепой, животной, безоглядной в нашем замкнутом пространстве, называемом Союзом нерушимым. (Хазанов Г. «Аргументы и Факты», № 50, 1990) результаты демократических реформ ▣ Речь-то по сути — о битве за *урожай демократических реформ в экономике*, да и во всех сферах жизни, который мы растим уже пять с лишним лет, а сегодня рискуем потерять, не дождавшись жатвы. (Крушинский М. «Известия», 26.02.1991)

**ПЛОД** 1. результаты перестройки ▣ Я думаю, что мы еще не все и не всё осмыслили, какие *плоды будем пожинать от перестройки*. (Мостовой П. И. Первый съезд народных депутатов) *Плоды перестройки* во всех сферах — экономике, внешней политике, национальных отношениях, демократизации, создании правового государства — подаются исключительно как негативные. (Лапидус Г. «Литературная Газета», 26.12.1990) В выражающих искреннюю озабоченность судьбами страны голосах своих критиков и криках возмущенного *печальными плодами перестройки* народа власти не смогли услышать ничего, кроме политической амбициозности и стремления к разрушению. (Вайнштейн Г. «Огонек», 22.06.1991) Цивилизовать процесс *пожинания плодов* революции в стране, наконец-то вырвавшейся на свободу, трудно. Все

может быть оспорено, подвержено критике, стать предметом оформленного негодования. (Котова Е. «Московские Новости», 15.09.1991)

2. результаты научной деятельности ¶ Развитие кроны деревьев и ветвей, на которых *созревают плоды*, курируют различные ведомства, которым подчиняется отраслевая наука. (Ревнивцев В. И. Первый съезд народных депутатов) При слаборазвитой корневой системе растут довольно чахлые отраслевые деревья, которые не дают необходимого количества *плодов*. Но и те *плоды*, которые произрастают, собираются и используются довольно странно. Каждое ведомство берет *плоды* только определенных кондиций и размеров. Все остальные, не подходящие под ведомственные мерки, опадают и безжалостно выбрасываются, хотя крайне необходимы для других ведомств и общества в целом. (Ревнивцев В. И. Первый съезд народных депутатов)

3. результаты социализма / коммунизма ¶ Главное в том, что центризм, провозглашенный Горбачевым, насквозь идеологизирован, он опять весь крутится вокруг социалистической идеи и коммунистической перспективы. И идея, и перспектива, может быть, и верны, да только 73 года не давали сколь-либо ощутимых *реальных плодов* для простого человека. Кто же всерьез поверит, что дадут теперь. (Третьяков В. «Независимая Газета», 05.03.1991) Читателю придется поверить мне на слово: увы, эти стихи написал не я. Итак: Я залез у гору / и кричу униз: / будя! будя! будя! / будя коммуниз! Стоит, право слово, оценить усилия, понадобившиеся автору для одоления «великого и могучего», но дело, конечно, не в этом. Ведь автор совершает подвиг, взобравшись на вершину, откуда, понятно, яснее различается грядущее, а с другой стороны — удобнее донести свою чуточку истерическую уверенность до прозябающих внизу обитателей свинячьего болота, то ли ничего не ведающих об угрожающем им светлом будущем, то ли неспособных воспринять благовест с высоты нормального человеческого роста. Впрочем, высокая идея вполне естественно помещается на самом верху, где-то почти в безвоздушном пространстве, подальше от слишком живой действительности и свидетелей, с чрезмерным нетерпением жаждущих отведать *плодов «коммунизма»*. (Буйда Ю. «Независимая Газета», 24.10.1991)

¶ демократия ¶ Однако это не остановило, да и не могло остановить Каримова. Он считает, что общество в республике не готово к демократии, не доросло, так сказать, до этого *плода цивилизации*. В качестве аргументации — столкновения на межнациональной почве в Фергане, Андижане, Ташкенте, Паркенте. Вот чем, дескать, заканчиваются на Востоке все выступления против правящего режима. (Назаров Р. «Мегаполис-Экспресс», 16.05.1991) политическая ситуация ¶ Но оказывается, пока мы к рынку не пришли, в корне менять ничего не стоит. Исполком к этому не готов. *Созреет ситуация*, тогда уже исполком подстроится, модернизируется. (Цыба Т. «Московский Комсомолец», 06.12.1990) проявления тоталитаризма ¶ До августовских событий мы все время как бы отработывали принципы и методологию длительной оппозиционной борьбы с системой. При всех вос-

торгах, удачах и достижениях демократии в тот период реально мы только потрясали дерево тоталитарной системы, и с него опали самые *подгнившие плоды*. Ствол, корневая система оставались незыблемыми. После путча у этого дерева обломилась какая-то значительная несущая часть, прежде всего в виде концентрированного ядохранителя — структур КПСС. Все мы испытывали понятное облегчение и восторг. Но последствия этого были чрезвычайные. Яд, сконцентрированный в рухнувших частях дерева, в одночасье отравил большую площадь под деревом — он был пролит во все поры государства и общества. (Бурбулис Г. «Литературная Газета», 13.11.1991) результаты победы ☞ Перестройка окончилась, и результаты ее оказались плачевными. Как многие предрекали, она окончилась диктатурой, но не армии и большевиков, а победивших буржуазных сил: это они, мелкие хозяева из кооперативов, кинулись на защиту Ельцина в дни «путча», они и стяжали *плоды его победы*. Но речь идет о железной диктатуре. Яковлев, редактор «Московских новостей», и Яковлев, архитектор перестройки, и Третьяков, редактор «Независимой газеты», — все стоят за закрытие оппозиционных газет. (Давид Р. «День», № 18, 1991) результаты разобщенности ☞ Надо видеть и обратную сторону медали: сегодня мы *пожинаем горькие плоды трагической разобщенности* интеллигенции и народа. (Ахундова Э. «Литературная Газета», 24.10.1990) свобода ☞ В своем зарождении правовая свобода (свобода «тела») была свободой для немногих. И она не могла быть иной. Эта свобода рождается как привилегия, подобно многим *плодам* высшей культуры. Массы долго не понимают ее и не нуждаются в ней, как не нуждаются и в высоких формах культуры. (Федотов Г. «Независимая Газета», 13.05.1991) СССР ☞ Итак, с 1 февраля специальным приказом армии вменено вместе с милицией заниматься общественным порядком. Нет, на первый взгляд, беды в том, чтобы военно-промышленный комплекс, *выжавший из страны все соки*, помог ей поддерживать на улицах порядок. Тем более, что есть у нас улицы и города, которые по количеству военных и архитектуре больше напоминают гарнизоны. (Лошак В. «Московские Новости», 03.02.1990) экономика ☞ Ленин и большевики убедили себя и страну, что экономика *созрела и даже перезрела* для перехода к социализму. (Попов Г. «Огонек», № 50, 01.12.1990)

**ГРОЗДЬЯ** ☞ гнев ☞ *Гроздья праведного и неправедного гнева зреют* в двух сопредельных республиках. Кто остановит безумие? Руководители республик? Центр? Сами народы? Пока нет ответа. (Катаев Д. «Огонек», 22.06.1991) ложь ☞ У нас надо всею гласностью нависают гирляндами — прежние тяжелые *гроздья лжи*. А мы их — как будто не замечаем. (Солженицин А. И. «Комсомольская Правда», 18.09.1990)

**ГОРОХ** ☞ раздор ☞ Оказалось — они [монахи] видели дальше, за той чертой, где кончается человеческий опыт, земной здравый смысл и Божественный Промысел лепит канву истории, являя свою чудесную силу. Это именно Он поразил самозванцев слабостью и безволием, рассыпав под

их ногами *мелкий горох раздора*, на котором они поскользнулись, нелепо взмахнув руками. «Слышала? Большевики — во Внуково и тикать!» — по-мальчишески радовались монахи через два дня. Это Он перемешал жанры и вкрапил в серьезную драму фарсовые комедийные сценки. (Николаева О. «Независимая Газета», 29.09.1991)

**ЗЕРНО** ☞ культ личности ☞ Скорее всего перед нами одно из проявлений макиавеллистской тактики [Сталина], одна из первых попыток выйти на цель — подготовить свое дальнейшее продвижение к вершинам власти, своего рода психологический маневр или разведка боем, проба сил. Что-то из задуманного ему удалось тогда осуществить.<...> Но *зерно самовозвеличивания* все же было брошено в почву и сулило в будущем желанные всходы. (Коган Л. «Независимая Газета», 13.11.1991) национализм ☞ Многонациональное население полуострова плюс традиционно националистски воспитываемый флот, плюс миллионы курортников составляют устоявшуюся демографическую среду. Верится, что в ней *зерну национализма не прорасти*. Будь он украинский или русский. (Кондратов Э., Филиппов В. «Известия», 16.10.1991)

**МОРКОВКА** ☞ коммунизм ☞ Десятилетиями упоенно созидался миф о «поступательном движении» черт знает куда. Нас то приближали к «светлому завтра», то отдаляли от него, но мы неизменно оказывались в положении осла, бегущего за недосыгаемой *морковкой*, болтающейся перед его ноздрями. (Гульченко В. «Россия», 02.02.1991)

**ЯБЛОКО** ☞ Европа ☞ Снова будут смело и нелицеприятно высказываться в адрес Президента и в адрес российского руководства. Снова будут говорить о нашем собственном, глубоко своеобразном пути и, подобно писателю Бондареву, утверждать, что *Европа — красивое яблоко, гниущее изнутри*. (Максимов А. «Россия», № 7, 01.01.1990) политическая ситуация ☞ Тогда-то и начались рассуждения: мол, подгонять историю бесполезно, более того, вредно и опасно... надо дать событиям развиваться естественным путем... подбирать *яблоко* только тогда, когда оно, созрев, само скатится на землю. (Павлова-Сильванская М. «Известия», 24.09.1990) Российский Союз ☞ И в этой ситуации Солженицын кидает в Украину свое *яблоко «Российского Союза»*, который объединит разве что малороссийского обывателя с российским — против украинского демократического движения. (Плющ Л. «Независимая Газета», 13.06.1991) экономический договор ☞ Полпреды парафировали договор об экономическом сообществе суверенных государств — многострадальный проект Явлинского, доработанный на Госсовете, по словам Назарбаева, до неприемлемого состояния. То, что было *яблоком раздора* за Кремлевской стеной, оказалось вполне съедобным плодом в столице Казахстана. Основную причину этого эксперты усматривают в отсутствии Горбачева, который, так же, как, впрочем, и Москва, вызывает у многих республиканских лидеров не самые лучшие чувства. (Казаков М. «Мегаполис-Экспресс», 10.10.1991)

## МЕСТО ВЫРАЩИВАНИЯ РАСТЕНИЙ-ДЕРЕВЬЕВ

**ВИНОГРАДНИК** ☞ независимость ☞ Латвийский ВС всю прошедшую неделю работал без синхронного перевода на русский язык. Проблема не только в трудностях для депутатов фракции «Равноправие», так и не выучивших латышский язык. В этом есть что-то символическое: так улитка, закончив свой путь до виноградника, наглухо задровавает раковину. *Балтийский «виноградник»* — государственная независимость — обретен. (Портников В. «Независимая Газета», 13.11.1991)

**САД** ☞ коммунизм [идеология] ☞ *Сад большевизма* оказался бесплодным. Настало время избавиться от бесплодной смоковницы и отдать русскую землю под деревья, приносящие плод. (Костиков В. «Огонек», № 20, 1991) наука ☞ ... наша наука с точки зрения организации может быть уподоблена саду по выращиванию «плодов науки». ... Управление садом в целом в принципе возложено на Государственный комитет СССР по науке и технике, который не имеет особых прав. (Ревнивцев В. И. Первый съезд народных депутатов)

**ТЕПЛИЦА** ☞ парламент ☞ Во-вторых, если допустить, что в *тепличных условиях российского парламента* под чутким руководством деликатного Руслана Имрановича удалось взлелеять оазис демократии, то... это опять-таки невозможно: в таком случае «отцами демократии» являются дяди из ЦК КПСС, разработавшие незуитскую избирательную систему, дополнившие ее громоздкой конструкцией съезда народных депутатов и родившие таким образом похожий на себя, как две капли воды, парламент! (Хименко А. «Независимая Газета», 03.09.1993) привилегия ☞ Мне непонятно, почему их содержат в *тепличных условиях*. (Яненко А. П. Первый съезд народных депутатов СССР) ☞ Немаловажный итог, что иностранный капитал будет стимулировать в стране конкуренцию. Ведь мы выросли в *теплице, жуткой, тюремной, но теплице* — никогда не знали, как другие работают и что умеют делать. (Шмелев Н. «Мегаполис-Экспресс», 26.09.1991)

## ЛЮДИ, СВЯЗАННЫЕ С ВЫРАЩИВАНИЕМ РАСТЕНИЙ-ДЕРЕВЬЕВ

**САДОВНИК** политик ☞ Что если депутаты, движимые здоровым ревностным чувством не ударить в грязь лицом перед избирателями, примутся трясти без того хилое экономическое древо страны: «Дай! Дай! Дай!» — неважно откуда и за чей счет? Нам-то, избирателям, казалось, что мы *наделяем высшей властью садовников*, способных оздоровить больное дерево, трясти ж его — дело нехитрое, было и до них кому, но даже аграрий, хороший председатель этого не хотел понять. (Миронов Б. «Огонек», № 50, 01.12.1990) А наверху провозгласили: надо выращивать каждого работника, как *садовник* облюбванное плодовое дерево. Меж тем деревья рубили под корень, и рубщики, сознавая свою безграничную власть, ультимативно наставляли даже «братские страны» по части негативного отбора. (Кардин В. «Известия», 04.12.1993) Привилегии продолжали жить, ежегодно пуская

новые побеги. Некоторые из них, подобно ухоженным весенним деревьям, обрезались *умелыми садовниками*. Иные перекрашивались, и на калитке сада, где они затем расцветали, вывешивались другие таблички. В результате многие отдельно взятые большевики стали жить еще лучше, еще веселее. (Сергеев В. «Огонек», 20.07.1991)

✪ журналист ☞ Я бы сказала, что это была операция по удалению души... Многое, конечно, зависит от лидера газеты, от того, кем он окажется — «хирургом» или «садовником». (Чередниченко М. «Огонек», № 48, 1990) Маркс К. ☞ *Великий садовник революции* как учил? Надо начинать трясти ту капиталистическую яблоню, на которой созрели яблоки. Ленин, не отрицая теорию *великого садовника*, развил ее: яблоню можно трясти и до того, как созреют яблоки, если яблоня поддается тряске. Некогда! Яблоки и на печке дозреют. С этой теорией он и пошел на штурм России. (Искандер Ф. «Московские Новости», 17.04.1991) Россия ☞ Россия — *странный садовод* / и всю планету поражает, / верша свой цикл наоборот: / сперва растит, потом сажает. (Городницкий А. «Столица», 18.02.1991)

## ИНДЕКС

### В

ВНЕШНЯЯ ДЕНОТАТИВНО НЕСВЯЗАННАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ → *СОЧЕТАЕМОСТЬ МЕТАФОР*  
ВНЕШНЯЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ → *СОЧЕТАЕМОСТЬ МЕТАФОР*  
ВНУТРЕННЯЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ → *СОЧЕТАЕМОСТЬ МЕТАФОР*  
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ 28

### Г

ГЕОМЕТРИЯ 54, 58, 95, 98, 99, 119, 121, 127, 139, 142, 144, 146, 149, 162, 163, 204,  
263, 278, 279, 283, 295, 299, 302, 309  
ГИПОТЕЗА ИНВАРИАНТНОСТИ (INVARIANCE HYPOTHESIS) 30  
ГЛАВНЫЙ СУБЪЕКТ 28

### Д

ДЕНОТАТИВНО ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДЕСКРИПТОРЫ 59, 346, 365,  
ДЕНОТАТИВНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ 16, 44—46, 138, 139, 148, 270, 320, 328, 329, 336, 352,  
378, 380, 381, 421, 464—466  
ДЕНОТАТИВНО СВЯЗАННАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ → *СОЧЕТАЕМОСТЬ МЕТАФОР*  
ДЕНОТАТИВНО НЕСВЯЗАННАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ → *СОЧЕТАЕМОСТЬ МЕТАФОР*  
ДЕНОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ МЕТАФОРИКИ 62, 424, 425  
ДЕНОТАТИВНЫЙ ДЕСКРИПТОР 37, 45, 46, 67, 78, 92, 143, 145, 146, 148, 271, 320, 330,  
379, 389, 468  
ДЕСКРИПТОРНАЯ МОДЕЛЬ 28, 38, 244  
ДЕСКРИПТОРНАЯ ТЕОРИЯ МЕТАФОРЫ 14—17, 23, 24, 28, 29, 32, 43, 62, 94, 107, 145, 155,  
262, 274, 379, 421, 423, 431, 434, 435, 438, 464, 468, 502, 503  
ДИАЛОГИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ → *СОЧЕТАЕМОСТЬ МЕТАФОР*  
ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА 54, 56—57—58, 61, 69, 127, 145, 146, 244, 269, 276, 294,  
297, 298, 300, 307, 308, 310, 314, 319, 359, 424, 423, 443, 470, 489, 503  
Д-РАЗНООБРАЗИЕ → *ДЕНОТАТИВНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ*  
Д-СТАБИЛЬНОСТЬ → *СТАБИЛЬНОСТЬ ДЕНОТАТИВНЫХ ОТОБРАЖЕНИЙ*

### Ж

ЖИВАЯ МЕТАФОРА 73, 76, 84, 88



**З**

ЗНАНИЕ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ/ОПИСАНИЮ 31

**И**

ИСТОЧНИК (SOURCE DOMAIN) 12—15, 21, 28—37, 42, 44, 46—48, 52, 59, 67, 71, 83, 94, 95, 145, 156, 157, 159, 221, 271, 272, 279, 289, 291, 298, 299, 327—329, 349, 365, 380, 389, 401, 435, 468

**К**

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ 93, 94, 99, 222

КОГНИТИВНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ (КЛАСТЕРОВ М-МОДЕЛЕЙ) 275, 276

КОГНИТИВНАЯ ТЕОРИЯ МЕТАФОРЫ 11, 13—16, 18—20, 28—33, 41, 45, 94, 95, 142, 156, 157, 176, 181, 215, 216, 262, 324, 243, 244, 379, 391, 497, 459, 502

КОГНИТИВНОЕ ОТОБРАЖЕНИЕ (COGNITIVE MAPPING) 12, 23

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ → *СОЧЕТАЕМОСТЬ МЕТАФОР*

КОММУНИКАТИВНОЕ ВЫОВЕЧИВАНИЕ 30, 190, 196, 289, 295

КОНВЕНЦИОНАЛЬНАЯ МЕТАФОРА 84, 86, 222, 224, 292, 312, 327, 342, 348, 366, 386, 401, 405

КОНСТЕЛЛЯЦИЯ МЕТАФОР

— В СИЛЬНОМ СМЫСЛЕ 53, 616

— В СЛАБОМ СМЫСЛЕ 53, 452

— К. ОРГАНИСТИЧЕСКИХ МЕТАФОР 59, 196, 206, 208, 295, 306, 314, 316, 368, 369, 374, 438, 439, 476

— К. М. НЕРЕАЛЬНОГО 59, 152, 194, 196, 198, 206, 208, 212, 310, 311, 316, 319, 438

— К. М. КОНФЛИКТА 58, 195, 196, 206, 208, 210, 212, 301, 316, 317, 369, 438, 439, 440

— К. М. НЕКОНТРОЛИРУЕМОСТИ 295, 375, 438, 438, 439

— К. М. РАЦИОНАЛЬНОГО 58, 194, 195, 197, 206—208, 210—212, 303, 306, 316, 317, 318, 368, 369, 375, 438, 440

— СМЕШАННЫЕ К. М. 53

КОНСТРУКТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ 153, 357

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА 349, 391, 396, 397, 419

КРЕАТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ 113, 157, 158, 176, 217, 219, 220—222, 224, 232, 273

КРИТИКА ЯЗЫКА (CRITICAL STUDY OF LANGUAGE) 18

**М**

МЕРЦАНИЕ МЕТАФОРЫ 34, 90

МЕТАФОРИКА 14—18, 20, 24, 28, 29, 33, 36—39, 41, 43, 44, 46, 53, 54, 56, 57, 59—65, 70, 75, 83, 84, 86, 87, 92, 94, 97, 108, 109, 113, 117, 145, 147, 148, 156, 201, 211, 225, 233, 243, 244, 246, 250, 261, 262, 273, 287, 301, 303, 321, 333, 334, 336, 377, 380, 417, 420, 421, 424, 425, 429, 430, 431, 433—436, 438, 439, 464, 466, 472, 475, 477, 478, 498, 502, 503

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ 15, 29, 38, 42, 57, 62, 63, 95, 99, 163, 183, 296, 421

АБЗАЦ 334

АБСТРАКТНАЯ МАШИНА 360, 361

- АВТОМОБИЛЬ 82  
АГНЦЫ 473, 474  
АКУЛА 550  
АМБЕБА 395, 551, 584  
АНИМАЛИЗАЦИЯ 67, 98, 119, 278, 280, 282, 283, 292, 294, 311, 312, 401, 481  
    ПОВЫШАЮЩАЯ А. 67  
    ПОНИЖАЮЩАЯ А. 67  
АПОКАЛИПСИС 333  
АППАРАТ 91, 92, 179, 368  
АРЕНА 88, 89  
АРХИТЕКТУРА 79, 180, 291, 292, 321  
БАБА ЯГА 293, 514, 521  
БАРАН 46, 380, 391, 392, 395, 548, 563, 564  
БАРЬЕР 54, 161, 162, 178, 179, 183, 185  
БАТЮШКА 32, 312, 343  
БАЦИЛЛА 41, 161, 395, 551, 584  
БЕАТРИЧЕ 273, 325, 330, 514, 521  
БЕДНЫЙ РОДСТВЕННИК 416  
БЕЗДОРОЖЬЕ 39, 42  
БЕЛЬМО 54, 308  
БЕРЛИОЗ 325, 328, 514, 521  
БЕС 325, 515, 522, 530  
БИБЛИЯ 264, 313, 332—333—334  
БОЛЕЗНЬ 41, 54, 72, 79, 80, 119, 132, 161, 163, 166, 171—173, 177, 180, 202, 203, 208,  
    217, 218, 220, 250, 257—259, 265, 289, 306, 412—413—414  
    СМЕРТЕЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ 412  
БОЛОТО 54, 94, 171, 308  
БРАК 350, 437, 447  
БРАТ 46, 328, 344, 345, 348, 380, 405, 414—416, 419, 471, 514, 522  
    БОЛЬШОЙ БРАТ 419, 514, 522  
БРЕМЯ 54, 133, 139, 145, 161, 162, 171  
БУЛЬДОГ 387, 396, 399, 400, 549, 572  
БУРАТИНО 67, 513, 514, 522—523  
ВЕКТОР 162  
ВЕТЕР 80  
ВЕТКА 374, 590, 601  
ВЕРТИКАЛЬ 145, 149, 162  
ВЕЩЬ 178, 187, 193, 482  
    ВЕЩЬ В СЕБЕ 187, 193  
ВЕЩДОК 315  
ВЕЩЕСТВО 54, 98, 119, 171, 172, 174, 180, 192, 194, 196, 206, 278, 281—283, 295, 299,  
    303, 308, 314, 437, 479, 481, 485  
ВИДИМЫЙ ОБЪЕКТ 481, 494  
ВИНТИК 46, 312, 330, 362, 365, 366, 380, 391

- ВИРУС 161, 312, 395, 551, **584, 585**
- ВИШНЕВЫЙ САД 326, 517, **540**
- ВМЕСТИЛИЩЕ 13, 32, 41, 302, 307, 433, 437, 457, 465, 469, 470, **472, 474, 479, 481, 550, 579**
- ВОДОВОРОТ 308
- ВОДОЕМ 54, 98, 278, 280, 308, 482
- ВОЙНА 14, 32, 33, 38, 50, 53, 54, 59, 61, 70, 72, 82, 93, 97, 103, 113, 114, 119, 121—125, 127, 134, 135, 139, 142, 144, 146, 148, 152, 153, 156, 157, 163, 165, 171, 179, 180, 192, 194—196, 198, 201, 206, 217, 220, 261, 275, 277, 281, 282—284, 286, 287, 294, 298, **300—301—303, 307, 308, 311, 314, 316, 317, 351, 369, 409, 411, 417, 419—420, 437, 438, 439, 446, 456—458, 461—463, 479, 481, 488, 497**
- ВОЛК 389, 393, 473, 547, **553**
- ВОЛКОДАВ 400, 549, **572**
- ВОЛНА 98, 162, 171, 278
- ВОР 458, 459
- ВОРОТА 455, 456
- ВОТЧИНА 314
- ВРАГ 122, 171, 179, 180, 189, 192, 198
- ВРАЧ 412, 413
- ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ 266, 414
- ВЫРЫВАНИЯ ПРАВОГО ГЛАЗА 429
- ВЯЗКОЕ/ПАЧКАЮЩЕЕСЯ ВЕЩЕСТВО 54, 171, 172, 174
- ГАДКИЙ УТЕНОК 273, 325, 514, **524**
- ГАЙКА 362
- ГЕОМЕТРИЯ 54, 58, 95, 98, 99, 119, 121, 127, 139, 142, 144, 146, 149, 162, 163, 204, 263, 278, 279, 282, 283, 295, 299, 302, 308
- ГИДРА 171, 388, 397, 547, **553—554**
- ГЛАВА 334, 513, **519**
- ГНИЕНИЕ 161
- ГОЛЫЙ КОРОЛЬ 328, 514, **524**
- ГОЛУБЬ **473**
- ГОНЧАЯ 400, 549, **572**
- ГОСУДАРЬ 46, 348, 380
- ГРАНЬ 54, 160—162, 295
- ДВЕРЬ 54, **454—455, 465, 466, 474**
- ДВИГАТЕЛЬ 364
- ДВИЖЕНИЕ 19, 21, 36, 38, 39, 41, 58, 72, 79, 82, 128, 157, 162, 171, 179, 188, 189, 194, 195, 216, 279, 317, 351, 406, 411, 474, 479, 481
- ДВОРНЯЖКА 400, 549, **573**
- ДЕДУШКА 32, 46, 59, 343, 348, 380
- ДЕПЕРСОНФИКАЦИЯ 67, 267, 312, 477, **489, 491**
- ДЕРЕВЯННЫЙ ПРЕДМЕТ 494
- ДЕТИ 68, 414, 434, 445, 471

- Дон-Кихот 15, 328, 514, **525**  
ДРАГОЦЕННАЯ ЖЕМЧУЖИНА 429  
ДРАГОЦЕННЫЙ ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ 448  
ЕДА-ПИЩА 171, 178, 180, 193, 194, 206  
ЕВАНГЕЛИЕ 329, 334, 517, **546**  
ЖАЖДА 450  
ЖАТВА **444**, 472  
ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА 39, 42  
ЖЕНИТЬБА 416  
ЖЕНИХ 343, 350, 447, 471  
ЖИВОТНОВОДСТВО 443  
ЖИДКОСТЬ 98, 119, 160, 161, 163, **165**, 171—173, 179, 180, 191, 194, 196, 200, 201, 208, 270, 280, 281, 295, 314, 437—439, 465, 469, 470, 474, 479, 481  
ЖИВОТНОЕ 35, 63, 66, 67, 68, 90, 91, 292, 394, 395, 400, 403, 407, **408**, 410, 411, 437, 443, 547, **551**, 563, 586  
    ДИКОЕ ЖИВОТНОЕ 394, 547  
    ДОМАШНЕЕ ЖИВОТНОЕ 394, 395, 548, 550, **563**  
ЗАБЛУДШАЯ ОВЦА 429  
ЗАБОР 54, 308  
ЗАЗЕРКАЛЬЕ 326, 517, **540**  
ЗАРАЖЕНИЕ 161  
ЗИГЗАГ 39  
ЗОНА 54, 308  
ИВАН-ЦАРЕВИЧ 273, 325, 330, 331, 515, **526**  
ИГРА 43, 53, 59, 95, 96, 97, 113, 124, 125, 127, 138, 139, 144—146, 152, 162, 163, 171, 179, 180, 193—195, 206, 208, 267, 277, 281—283, 292, 300—302, 310, 316, 317, 335, 369, 438—440  
ИНСТРУМЕНТ 80, 82, 132, 162, 449  
ИНЦЕСТ 315, 346, 347  
ИСКУССТВО 98, 275, 278, 497  
ИСТОРИЯ 14, 46, 98, 119, 300, 313, 320, 321, 326, 327, 353, 370, 380, 399  
КАЛЕВАЛА 329, 515, 517, **546**  
КАМЕНЬ 473, 474  
КАРАНТИН 462  
КАРУСЕЛЬ 307  
КИСЛОТА 171, 174  
КЛИНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ 218, 266  
КЛЯЧА 393, 394, 396, 399, 515, **526**, 549, **565**  
КНУТ 80  
КНЯЖЕСТВО 314  
КНЯЗЬ 299, 470  
КОЛДОБИНА 40, 42  
КОЛЕСО/КОЛЕСИКО 82, **95**, 362  
КОЛЕЯ 40

- КОНВЕЙЕР 361  
КОНЬ 389, 549, **565**  
КОРАБЛЬ 19, 100, 291, 292, 403, 406, 410  
КОРЕНЬ 161, 179, 374, 473, 590, **602**  
КОРОЛЬ 299  
КОТЛОВАН 326, 517, **541**  
КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ 293, 313, 515, **526**  
КРАСНО СОЛНЫШКО 325, 515, **527**  
КРАСНЫЙ СВЕТОФОР 40, 308  
КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ 315, 343  
КРОВООБРАЩЕНИЕ 266  
КРЫША 99, 130, 162, 179, 180, 190, 193, 196, 198, 205, 208, 212  
КРУГ 162  
КУСТ 161  
ЛЕЧЕНИЕ 290  
ЛИСА АЛИСА 35, 67, 515, **529**, 557  
ЛИТЕРАТУРА 15, 319—331  
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ 15, 35, 63, 66, 67, 90, 91, 273, 293, 310, 312, 313, 320, 324, 328, 330, 331, 386, 406, 514, **520**, 527  
ЛОПАТА 449  
ЛОШАДЬ 393, 394, 549, **569**  
МАГИСТРАЛЬ 39, 42  
МАТЕМАТИКА 275  
МАТЕРИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ 494  
МАШИНА 36, 37, 46, 129, 330, 361, 363, 364, 365, 380, 482, 500  
МЕДВЕДЬ-ВОЕВОДА 325, 331, 399, 515, **530**  
МЕДИЦИНА 38, 41, 43, 52, 59, 96, 97, 119, 157, 180, 194, 206, 220, 223, 265, 277, 281—283, 289, 290, 298, 306—308, 321, 316, 351, 369, 395, 413, 437, 438, 551  
МЕТАСТАЗЫ 161, 171  
МЕХАНИЗМ 16, 36, 38, 44—47, 54, 63, 66, 68, 69, 72—77, 79—83, 89, 90, 91, 95—97, 99, 119, 129—132, 139, 142, 144, 157, 162, 163, 166, 171, 175, 178—180, 187, 193, 194, 195, 200, 201, 204, 206, 208, 272, 277, 281—283, 287—**288**—290, 297, 302—305, 308, 312, 316—318, 320, 324, 329, 330, 340, 351—**368**—369, 374, 378—380, 385, 386, 391, 422, 438, 440, 479, 481, 503  
МИКРОБ 312, 393, 395, 551, **585**  
МИКРОМИР 394, 395, **584**  
МИРАЖ 72, 82, 83  
МОБИ ДИК 325, 331, 515, **530**  
МОНАРХ 299  
МОНАСТЫРЬ 497  
МОНСТР 98, 310  
МОСТОВАЯ 40, 42  
МОТОР **47**, 95, 130, 204, 360, 361, 364  
МУЗЫКА 98, 250, **251**, **253**, 278, 280, 479, 482

- МУРАВЕЙ 550, 551, **582**  
МУРАВЕЙНИК 551, 586  
МУСОР 494  
МУТАНТ 310  
МЫШЬ 388, 548, **559**  
НАЕЗД 125, 144, 146, 179, 189  
НАПЕРСТОЧНИК 301, 310  
НАСЫЩЕНИЕ 450  
НЕВОД 429, 449, 460  
НЕРВНО-ПАРАЛИТИЧЕСКИЙ ГАЗ 314  
НЕСВАРЕНИЕ ЖЕЛУДКА 41  
НАСЕКОМОЕ 171, 395, 550, 551, **580, 586**  
НЕВОД 429, 449, 460  
НИЗ-ВЕРХ 162  
ОБЕЗЬЯНА 388, 515, **531, 548, 559**  
ОБОЧИНА 40, 42, 302  
ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ 54, 58, 79, 97, 119, 131, 132, 139, 144, 178, 179, 183—**184**—185, 194, 196, 200, 277, 279, 281, 283, 290, 299, 301—303, 307—310, 317, 318, 351, 352, 369, 437, 438, 447—449, 460, 461, 436, 465, 473, 497, 498, 500  
ОГОНЬ 98, 278, 280, 437, 479, 481  
ОГРАНИЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО 161, 162, 481  
ОГРАНИЧИТЕЛЬ 54, 58, 98, 119, **133, 139**, 144, 148, 161—163, 171, 178—180, 184, 194, 196, 198, 200, 206, 208, 210, 211, 278, 279, 282, 290, 295, 303, 307, **308, 309**, 314, 316, 330, 365, 481  
ОКРАИНА 302  
ОРГАНИЗМ 38, 47, 52, 59, 63, 72, 73, 75, 76, 78—80, 89, 90, 96, 97, 103, 119, 157, 162, 163, 166, 177, 179, 194, 204, 206, 208, 220, **264**—267, 272, 273, 277, 281—283, 288—290, 294, 297, 298, 306, 307, 316, 351, 352, 366, 367, 369, 375, 403, 408—410, 422, 437, 438, **457**, 461—463, 465, 469—471, 479—481, 483, 489—491, 494, 497  
ОПУХОЛЬ 161, 171, 180  
ОРАНГУТАНГ 388, 548, **560**  
ОРУЖИЕ 79, 123, 352  
ОТЕЦ 46, 315, 328, 342, 343, 347, 348, 380, 445, 446, 471  
ОТМИРАНИЕ 266, 590, **609**  
ПАНТАЛОНЕ 515, **531**  
ПАРАЗИТ 161, 398, 551, **583**  
ПАУТИНА 161, 162, 180, 196  
ПАЦИЕНТ 412  
ПЕНА 161  
ПЕРЕДВИГАЮЩИЙСЯ ОБЪЕКТ 494  
ПЕРЕКРЕСТОК 40, 42  
ПЕРЕПРАВА 39, 42  
ПЕРЕПУТЬЕ 40

ПЕРЕУЛОК 39, 42

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ 18, 21, 38, 42, 50, 52, 58, 63, 66—68, 72, 75, 76, 80, 90, 91, 94, 96, 97, 101, 103, 119, 121, 133—136, 139, 144, 146, 160, 161, 163—165, 171, 172, 179, 180, 187, 189, 193, 195, 202, 220, 264—268, 275, 277, 282—286, 288, 292—294, 298—303, 306, 307, 309—316, 318, 320, 327, 335, 341, 343, 351, 377, 394, 401, 403, 404, 405, 405, 410—412, 414, 416, 418, 437, 438, 457, 459, 460, 465, 469, 470, 474, 477—481, 483, 484, 486—489, 494, 496, 518

ПОНИЖАЮЩАЯ ПЕРСОНИФИКАЦИЯ 292

ПЕС 400, 549, **573**

ПИЛАТ 333

ПИРАМИДА 162

ПИЩА 41, 98, 119, 162, 171, 178, 180, 193, 194, 206, 272, 278, 280, 282, 294, 437, 438, 450, 461, 463, 465, 469, 471, 481

ПЛОД 12, 80, 374, 441, 465, 475, 472, 473, 591, **610**

ПЛУТ 449, 460

ПОВОРОТ 40, 42, 178, 317

ПОГОДА 38, 49, 61, 72, 80, 82, 94, 98, 119, 157, 220, 278, 280, 282, 283, 294, 295, 299, 314, 437, 438, 439, 482

ПОДЪЕМ 40, 42

ПОЛЕ 162, 301, 482, 517, 541

ПОЛОМКА 192, 503

ПОПУТЧИК 40, 311

ПОРЧА 161, 171

ПОТОП 333

ПРЕСС 178, 179, 184, 211, 363

ПРЕСТУПНЫЙ МИР 42, 60, 98, 119, 121, 125—127, 139, 142—146, 148, 153, 179, 180, 189, 190, 193, 194, 204, 205, 208, 278, 280—284, 294, 298, 299, 301—303, 308, 310, 314—316, 437—439, 457, 458, 461

ПРИВОДНОЙ РЕМЕНЬ 80, 98

ПРИДАННОЕ 416

ПРИРОДА 72, 80, 98, 162, 163, 166, 171, 179, 180, 191, 196, 202, 208, 481

ПРОСТРАНСТВО 37, 38, 41, 49, 57, 58, 70, 72, 79, 81, 82, 88, 95—97, 119, 127—129, 132, 139, 144, 146, 148, 157, 161—163, 178, 179, 188, 192, 194, 195, 220, 275—277, 279, 281—284, 286, **287**, 297—**302—303**, 307, 308, 310—315, 318, 320, 351, 411, 418, 433, 437, **456—457**, 465, 469, 470, 474, 479—481, 483, 493, 495

ПРОТУХАНИЕ 161

ПТИЦА 171, 394, 452, 482, 550, **574**, 579

ПТИЦА-ТРОЙКА 96, 104, 171, 311, 386, 387, 394, 396, 399, **408**, 516, **533—534**

ПУСТОЙ ОБЪЕКТ 494

ПУТЬ-ДОРОГА 38, **41—42**, 97, 119, 157, 178, 179, 277, 279, 281, 282, 291, 292, 299, 302, 303, 308, **311**, 316, 378, 437, **457**, 461, 469, 470, 472, 474, 479, 481

РАЗВИЛКА 40, 42

- РАЗВОД 344, 345—347  
РАЗЛОЖЕНИЕ 161  
РАСТЕНИЕВОДСТВО 444  
РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО 24, 34, 38, 52, 59, 72, 80, 90, 97, 119, 157, 161, 163, 166, 171—173,  
179, 180, 191, 192, 194, 203, 206, 208, 263, 278, 281, 282, 288, 293, 294,  
297—299, 306, 307, 316, 319, 335—367, 374, 437—439, **441—442**, 439, 442,  
461—463, 465, 469, 470, 473, 474, 479, 481, 492, 494, 513, **589—615**  
РЕБЕНОК 179, 343, 346, **350**, 417  
РЕКА 94, 98, 119, 172, 220, 278, 280—282, 294, 295, 299, 302, 308, 314, 438, 439,  
479, 484  
РЕЛИГИЯ-МИФОЛОГИЯ 38, 43, 58, 59, 97, 119, 152, 157, 194, 206, **263—264**, 267, 268,  
277, 281, 282, 291—293, 298, 299, 309—**310**, 313, 316, 319, 332, 378, 438,  
482, 515, 589  
РЕМОНТ 503  
РЖАВЧИНА 171, 174  
РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ 16, 31, 38, 44, 45, 46, 50, 59, 75, 80, 157, 277, 281, 282, 283,  
284, 293, 294, 297—299, 312, 313, 315, 316, 320, 324, **328**, 329, **355—368**,  
378—380, 403, 405, 410, 411, 414, 416, 418, 437, 439, **445—447**, 451, 452,  
461, 463, 465, 469, 471, 481  
РОСТ 306, 590, 609  
РОСТОК-РОСТКИ 374, 590, **605**, 606  
РУЛЬ 46, 330, 365, 380  
РУСЛО РЕКИ 295  
РЫБА 394, 516, **535**, 550, **579**, 580  
РЫНОК 46, 160, 162, 163, 171  
РЫЧАГ 46, 271, 330, 358, 359, 365, 380  
РЯД 162  
САМОДЕРЖЕЦ 314  
САУЛ 333  
СВЕРХОТЕЦ 417  
СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО/СУЩНОСТЬ 58, 59, 82, 83, 98, 119, 152, 194, 206, 268,  
278, 281, 282, 293, 294, 302, 310, 319, 335, 369, 438, 514, 547  
СВЕТИЛЬНИК 448, 473, 474, 479, 494  
СВЕТ-ТЕНЬ 179, 188, 180, 191, 194, 203, 204  
СВЕТ-ТЬМА 437, 461, 463, 469, 479, 482  
СЕКИРА 449  
СЕКС 307, 336  
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО 98, 180, 275, 278, 303, 352, 437—439, **442—443**, 445, 451, 461—  
463, 465, 469, 472, 474, 481  
СЕМЬЯ 162, 344—347  
СЕМЯ-СЕМЕНА 472, 473, 590, **607—608**  
СЕПАРАТОР 365  
СЕРП 449  
СЕСТРА 328, 414—419, 471



- СЕТЬ 160, 161, 163, 165, 167, 171—173, 200, 206—208, 449  
СИМБИОЗ 162  
СКАЗКА 273, 326, 329, 517, **544—545**  
СМАЗКА 161, 165, 180, 503  
СОБАКА 392, **400—401**, 516, 535  
СОЗРЕВАНИЕ 306, 591, **610**  
СОСКОК 302  
СПЕКТР 162  
СПИРАЛЬ 162  
СПОРТ 49, 50, 53, 59, 96, 98, 119, 135, 154, 157, 165, 194, 206, 220, 250, 259—261,  
**267—268**, 278, 281—284, 293, 294, 298, 300—**301—302**, 310, 316, 317, 319,  
335, 369, 438—440, 446  
СПРЯТАННОЕ СОКРОВИЩЕ 429  
СРАЩИВАНИЕ 162, 179  
СТАРШИЙ БРАТ 46, 344, 348, 380, 405, 415 416, 419  
СТЕНА 54, 304, 308  
СТРАНИЦА 334, 513, **519—520**  
СТРОЕНИЕ 19, 36, 42, 54, 72, 79, 86, 95, 99, 157, 162, 163, 166, 172, 175, 179, 180, 192,  
193, 195, 196, 202, 204—206, 217, 220, 224, 304, 310, 367, 403, 407, 410,  
411, 437, 453, 460, 479, 481  
СТРОИТЕЛЬСТВО 36, 49, 50, 57, 58, 119, 130, 131, 193, 194, 206, 212, 261, 275—277,  
279, 281—284, 287—290, 297, 298, 301—308, 315—318, 351, 366, 367, 369,  
403, 406, 410, 411, 437, 438, **453—454**, 456, 457, 461, 462, 465, 469, 474  
СУКА 400, 514, 522, 549, **574**  
СУЩЕСТВО, ИСПЫТЫВАЮЩЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ 71, 404  
СЦЕНА 88, 310  
ТАНК 409  
ТАРАН 409  
ТЕАТР, 38, 43, 49, 50, 59, 95, 97, 113, 119, 135, 139, 144, 152, 154, 157, 180, 194, 206,  
220, 250, 256, 257, 277, 281—284, 290—292, 298, 299, 309—**310**, 313, 316,  
319, 320, 378, 438, 514  
ТЕНЬ ОТЦА ГАМЛЕТА 325, 516, **535—536**  
ТИГР 389, 400, 548, **562**  
ТИСКИ 308, 309, 330, 363, 365  
ТОРМОЗ 46, 47, 54, 130, 133, 139, 145, 308, 330, 360, 365, 380, 503  
ТРАНСПОРТ 36, 37, 58, 97, 119, 194, 204, 206, 277, 281—283, 291, 298, 302, 303, 311,  
317, 378, 406, 438  
ТРОПИНКА 39, 42  
ТЮРЬМА 315, 407  
УЛИЦА 39, 42, 171  
УРОВЕНЬ 161, 171, 179  
УХАБЫ 40, 42  
ФАНТОМ 310

- ФАУНА 14, 35, 37, 41, 67, 72, 97, 119, 267, 277—279, 281—283, 316, 320, 324, 373,  
 437, 452, 461, 462, 463, 465, 466, 469, 481, 515, **547**  
 ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ 98, 119, 278, 281, 282, 293, 298, 299, 313, 314, 335, 437, **451**,  
 461, 463, 465, 466, 469, 470  
 ФИЗИКА 162, 163, 204  
 ФИНАНСЫ 98, 275, 278, 298  
 ФИЛЬТР 54, 161, 162  
 ФЛОРА 37, 263, **368—375**, 500, 591  
 ФУНДАМЕНТ 162  
 ХИМИЯ 119, 162  
 ХИЩНИК 400, 548, **562—563**  
 ЦАРСТВО БОЖИЕ 429, 430, 432, 470  
 ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ 432, 444, 447, 449, 470  
 ЦАРЬ 92, 299, 314, 451  
 ЦВЕТОК 161, 171, 483, 589—**599—600**  
 ЦЕПОЧКА-ЦЕПЬ 162, 178, 184, 196  
 ЦЕРБЕР 400, 549, **574**  
 ЧАСЫ-КУРАНТЫ 365  
 ЧАСЫ-ХОДИКИ 365  
 ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ 192, 205  
 ЧЕРТА 54, 295  
 ЧУМНОЙ ДОМ 407  
 ШАКАЛ 393, 400, 548, **563**  
 ШЛАГБАУМ 40, 308  
 ШОССЕ 42,  
 ШУЛЕР 301, 310  
 ЩУКА 395, 515, 529, 550, **580**  
 ЯЗВА 161, 171  
 МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ (METAPHORICAL MAPPING) 12—15, 22, **29—33—34**, 36, 37,  
 42, 43, 45, 46, 60, 62, 66—68, 70, 74, 76, 79, 81, 90, 91, 97, 113, 145, 159, 268,  
 273, 292, 327, 328, 330, 331, 342, 345, 346, 349, 379, 395, 401, 415, 424, 433,  
 435, 439, 445, 446, 448, 497  
 АДМИНИСТРАТИВНО-КОМАНДНАЯ СИСТЕМА — ЭТО МАШИНА 33  
 БОГ — ЭТО ГОСПОДИН 451, 470  
 БОГ — ЭТО ОТЕЦ ВЕРУЮЩИХ 445, 446  
 БОГ — ЭТО СЛОВО 471  
 ВЕРА — ЭТО ДОМ 474  
 ВЕРА — ЭТО КОРЕНЬ 473  
 ВЕРА — ЭТО ПЛОД 441, 472, 473  
 ВЕРА — ЭТО СВЕТ 456, 471  
 ВЕРА — ЭТО СВЕТИЛЬНИК 448, 473, 474  
 ВЕРА — ЭТО ХЛЕБ 450, 466, 471  
 ВЕРА — ЭТО ЦАРСТВО [БОЖИЕ/НЕБЕСНОЕ] 470  
 ВЕРУЮЩИЕ — ЭТО АГНЦЫ 473, 474

- Верующие — это дети 434, 471  
Верующие — это земля [на поле] 472, 474  
Верующие — это овцы 452, 473, 474  
Верующие — это птенцы 452, 473  
Верующие — это рабы 451, 470  
Верующие — это семья 473  
Верующие — это слуги 451, 470  
Верующие — это стадо овец 437  
Верующие/люди — дети Бога 445  
Верующие/ученики Иисуса — это братья/сестры 415, 471  
Верующие/ученики Иисуса — это пшеница 473  
Ветхий/Новый Завет — это вместилище 472  
Ветхий/Новый Завет — это мехи 472  
Взаимодействие между законами различных субъектов Федерации — это военная операция 33  
Власть — это механизм 330  
Власть — это руль 46, 380  
Власть — это рычаг/рычаги/руль/штурвал 46, 330, 365, 380  
Внутренний (когнитивный) конфликт — это потеря контроля над телом 457, 471  
Время — это деньги 14, 32, 271  
ГДР — это младшая сестра 415  
Государство — это механизм/машина, 46, 380  
Государство — это улей 395  
Государь — это отец 46, 348, 380  
Демократия — это механизм 46, 380  
Дьявол — это князь [Бесовский/мира сего] 470  
Дух Святой — это голубь 473  
Жизнь — это путешествие 32  
Законодатели — это солдаты 33  
Законы — это выстрелы 33  
Земля — это мать 46, 348, 349, 380  
Идеология — это машина 33, 365  
Идеология — это ограничитель [тиски, тормоз и т. п.] 365  
Изменения/реформы — это движение на транспортном средстве 406  
Иисус Христос — это вместилище 472  
Иисус Христос — это дверь 474  
Иисус Христос — это жених 447, 471  
Иисус Христос — это пастырь 472  
Иисус Христос — это сеятель 472  
Иисус Христос — это хлеб 450, 466  
Иисус Христос — это свет 456  
Иисус Христос — это хлеб 450, 466  
Иисус Христос — это царь 451  
История — это книга/текст 271, 273, 327, 329

- История — это писатель/пишущий 328  
Капитализм — это гидра 397  
Капиталист — это хищник 400  
Капиталистическая система — это яблоня 12  
Колхозно-совхозная система — это организм 266  
Коммунизм — это призрак 273, 329  
Коммунизм — это сказка 329  
Коммунисты — это бесы 325  
Контрреволюция — это гидра/змея 397  
КПСС — это тормоз 46, 330, 365, 380  
Ленин — это дедушка 46, 348, 380  
Лжепророки/язычники — это волки 473  
Лжеучение — это плевелы/терние 473  
Лжеучение — это тьма 456, 471, 473  
Люди — это бараны 46, 380, 395  
Маркс — это садовник 12  
Мафия/преступность — это спрут 46, 380, 395  
Народ — это стадо 30, 46, 292, 312, 380, 390, 391, 395, 401  
Народы СССР — это семья 345  
Народнохозяйственный комплекс — это организм 266  
Наступление смерти — это употребление пищи 450  
Национал-патриотизм — это болезнь 265  
Неверие/Лжеучение — это тьма 456, 471  
Непролетарский писатель — это паразит 398  
Неудача реформ — это потопление корабля 406  
Мафия/преступность — это осьминог 395  
Мафия/преступность — это спрут 395  
Общественное мнение — это маятник 46, 330, 365, 380  
Общество — это рой пчел 390  
Общество — это стадо 30, 46, 292, 312, 380, 390, 391, 395, 401  
Политик — это беркут 396  
Политик — это бульдог 387, 396, 399  
Политик — это олень 396  
Политика — это пространство 88  
Слово — это Бог 433  
Слово — это христианское учение 433  
Смерть — это вор 459  
Смерть — это пища 471  
Спор — это война 14, 32, 497  
Спор — это искусство 497  
Спор — это танец 497  
Экономические реформы — это механизм 69  
Экономические реформы — это химическая реакция 69  
МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ-КОНСТЕЛЛЯЦИИ → КОНСТЕЛЛЯЦИЯ МЕТАФОР

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ 12, 34, 67, 94, 128, 153, 182, 195, 262, 301, 387, 396, 444  
МЕТАФОРИЧЕСКИ НЕДООПРЕДЕЛЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ (ИСТОЧНИКА, ЦЕЛИ) 47—48  
МЕТАФОРИЧЕСКИ ОПРЕДЕЛЕННЫЙ КОНЦЕПТ (ИСТОЧНИКА, ЦЕЛИ) 46, 358  
МЕХАНИСТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ → МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ → МЕХАНИЗМ  
М-МОДЕЛЬ → МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

**Н**

НОВЫЕ МЕТАФОРЫ → КРЕАТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ

**О**

ОБЛАСТЬ ИСТОЧНИКА (SOURCE DOMAIN) 13—14, 28, 32, 36, 95, 156, 435  
ОБЛАСТЬ ЦЕЛИ (TARGET DOMAIN) 13—14, 28, 45, 156, 159, 379, 435, 468, 498  
ОДНОНАПРАВЛЕННОСТЬ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ 13, 31, 43, 159, 342, 439  
ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ → ПЕРСОНИФИКАЦИЯ  
ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ → СОЧЕТАЕМОСТЬ МЕТАФОР  
ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ 12, 94, 494  
ОРГАНИСТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ 59, 157, 166, 174, 177, 196—198, 206, 208, 209, 211, 290,  
295, 306, 307, 314, 367—369, 374, 418, 438—440, 476  
ОРИЕНТАЦИОННЫЕ МЕТАФОРЫ 94

**П**

ПАРАДИГМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МЕТАФОРЫ 38, 67, 68  
ПАРАМЕТР ОТКЛОНЕНИЯ 251—261  
ПЛОТНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТАФОР 115, 168, 169, 181—182  
ПРОФИЛИРОВАНИЕ → КОММУНИКАТИВНОЕ ВЫСВЕЧИВАНИЕ

**Р**

РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ 246—261  
РЕТРОСПЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ МЕТАФОРИЗАЦИИ 35, 76, 91, 92

**С**

СИГНИФИКАТИВНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ 147—148, 464, 475—476  
СИГНИФИКАТИВНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ 44—45, 140—141, 147, 271, 421, 466—468, 476  
СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МЕТАФОРИЗАЦИИ 38  
СИСТЕМНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ 462, 463  
СОВМЕСТИМЫЕ МЕТАФОРЫ (CONSISTENT) 20—21, 386, 441, 447, 451, 462  
СОГЛАСОВАННЫЕ МЕТАФОРЫ (CONHERENT) 20—21, 386, 441, 476, 447, 451, 462  
С-РАЗНООБРАЗИЕ → СИГНИФИКАТИВНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ  
С-СТАБИЛЬНОСТЬ → СИГНИФИКАТИВНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ  
СТАБИЛЬНОСТЬ ДЕНОТАТИВНЫХ ОТОБРАЖЕНИЙ (РЕАЛИЗАЦИЙ) 45, 271, 320, 336, 352, 379,  
394, 421  
СТАБИЛЬНОСТЬ СИГНИФИКАТИВНЫХ РЕАЛИЗАЦИЙ 271, 387  
СТЕРТАЯ МЕТАФОРА → КОНВЕНЦИОНАЛЬНАЯ МЕТАФОРА  
ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ 96—97, 99

МОДЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ **96—97, 99—101, 104**

СХЕМЫ ОБРАЗОВ (IMAGE SCHEMAS) **32, 41—43**

**Ф**

ФИГУРНЫЕ VS. ФОНОВЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ **48—49—50, 52, 58, 134, 135, 188, 189, 202, 205, 284, 297, 301, 303, 312, 436, 456, 457**

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАСЫЩЕННОСТЬ M-МОДЕЛИ **59, 60**

**Ц**

ЦЕЛЬ (TARGET DOMAIN) **12—16, 28—29—31—34, 43**

ЦЕНТРАЛЬНОСТЬ (КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ПЕРЕМЕННОЙ, ПОНЯТИЯ, МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ) **141, 143, 148, 497**

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Д-разнообразие — денотативное разнообразие  
М-модель — метафорическая модель  
С-разнообразие — сигнификативное разнообразие  
С-стабильность — сигнификативная стабильность

Научное издание

*Анатолий Николаевич Баранов*

## ДЕСКРИПТОРНАЯ ТЕОРИЯ МЕТАФОРЫ

Корректор Г. Эрли

Оригинал-макет подготовлен И. Богатыревой  
Художественное оформление переплета Ильи Баранова

Подписано в печать 01.12.2014. Формат 60×90 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Times.  
Усл. печ. л. 39,5. Тираж 550. Заказ № 7100.

Издательство «Языки славянской культуры»  
№ госрегистрации 1037739118449.  
Phone: 8 (495) 95-95-260 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com  
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Отпечатано способом ролевой струйной печати  
в ОАО «Первая Образцовая типография»  
Филиал «Чеховский Печатный Двор»  
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1  
Сайт: [www.chpd.ru](http://www.chpd.ru), E-mail: [sales@chpd.ru](mailto:sales@chpd.ru), т/ф. 8(496)726-54-10

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».  
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: [gnosis@pochta.ru](mailto:gnosis@pochta.ru)  
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).  
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4